

**Академия
Фундаментальных
Исследований**

А. Гаусрат

ИСТОРИЯ
ВИКОЛОГИИ

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЕФОРМАТОРЫ

- *Пьер Абеляр*
- *Арнольд Брешианский*

URSS

Академия фундаментальных исследований:
история

А. Гаусрат

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РЕФОРМАТОРЫ

Пьер Абеляр

Арнольд Брешианский

Перевод с немецкого
под редакцией Э. Л. Радлова

Издание второе

URSS

МОСКВА

Гаусрат Адольф

Средневековые реформаторы: Пьер Абеляр. Арнольд Брешианский.
Пер. с нем. / Под ред. Э. Л. Радлова. Изд. 2-е. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2012. — 392 с. (Академия фундаментальных исследований: история.)

Вниманию читателей предлагается книга немецкого историка и богослова Адольфа Гаусрата (1837–1909), посвященная описанию жизни и деятельности выдающихся личностей эпохи Средневековья, сыгравших важную роль в истории католической церкви и всего средневекового общества.

Настоящее издание представляет собой первый том книги, в котором освещаются биографии французского философа-схоласта, теолога и поэта Пьера Абеляра, неоднократно осуждавшегося католической церковью за еретические воззрения, и итальянского религиозного и общественного деятеля Арнольда Брешианского, ученика Абеляра, вместе со своим учителем ведшего ожесточенную борьбу против высших иерархов церкви. Второй том, в котором рассказывается о деятельности последователей Арнольда Брешианского — арнольдистов, выходит одновременно с первым в нашем издательстве.

Книга рекомендуется историкам, философам, религиоведам, всем заинтересованным читателям.

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

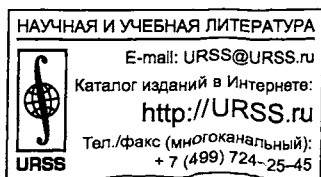
Формат 60×90/16. Печ. л. 24,5. Зак. № ЖЛ-28.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-02423-5

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
оформление, 2011

10999 ID 156920

9 785397 024235

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій разъ, какъ мы беремъ въ руки календарь, глаза наши пробѣгаютъ длинные столбцы именъ мучениковъ; хотя и привыкъ нашъ взоръ къ именамъ этимъ, но за рѣдкими исключеніями читатель совершенно не знаетъ, кто были эти мученики, память о которыхъ сохраняется календаремъ. Читатель можетъ еще дать кое-какія сомнительныя и смутныя свѣдѣнія о Стефанѣ, Петрѣ, Павлѣ и много-много объ Игнатіи и Поликарпѣ, но онъ никогда не слышалъ, кто были святыя Ипполитъ и Витъ, святыя Пелагія, Марина, Маргарита, Порфирія, Таисія, святыя Крисона, Эйнбеда, Варбеда и Виллебеда. Читатель можетъ, однако, успокоиться, ученые также далеко несогласны между собою по вопросу объ этихъ такъ называемыхъ мученикахъ, что же касается только что названныхъ святыхъ, то можно даже подозрѣвать, что первоначально они были языческими божествами, неискоренимый культъ которыхъ церковь обезвредила, перечеканивъ языческія преданія въ христіанскую монету. Католическая церковь и сдѣлалась всемірною именно благодаря тому, что все, что считалось гдѣ бы то ни было священнымъ, она включала въ свои святыни, при чемъ нерѣдко превращала языческаго бога въ христіанскаго мученика. Такъ, на примѣръ, Ипполитъ, пасынокъ Федры, разнесенный своими конями, въ честь котораго въ Южной Италіи совершались излюбленныя игры, превращается въ святого Ипполита, который за исповѣданіе своей вѣры привязанъ былъ къ хвостамъ дикихъ лошадей; такъ, славянскій богъ Святovitъ, въ честь котораго устраивались пляски, превращается въ святого Вита, который помогаетъ отъ пляски святого Вита; въ святыхъ Маринѣ, Пелагіи, Маргаритѣ, Порфиріи, какъ это видно изъ именъ ихъ, скрывается древняя морская богиня, родившаяся изъ пѣны мор-

ской Афродита; Таисія—это Изиды, превращенная въ христіанскую мученицу; Кришона, являющаяся въ Базель на колесницѣ, запряженной быками,—это Фригга, супруга Водана, покровительница земледѣлія; почитаемыя въ Вормсѣ три матери кельтовъ, изъ которыхъ Варбеда дала даже свое имя городу, причисляются, какъ сподвижницы мученичества, къ свитѣ святой Урсулы, въ которой нашли себѣ пристанище и другія нимфы и феи.

Но, на ряду съ этими мучениками, о которыхъ никто не въ состояніи дать правдоподобныхъ свѣдѣній, въ воспоминаніяхъ благодарнаго человѣчества сохраняется еще память о другихъ мученикахъ, которые со славой умирали за идею, но дни ихъ кончины не занесены ни въ одинъ изъ календарей; эти мученики не окружены ореоломъ святости, и слава ихъ не провозглашается церковью, потому что они погибли въ большинствѣ случаевъ какъ ея противники, если и не непосредственно именно отъ ея руки. Память о церковныхъ мученикахъ сохраняется при помощи богослуженій и молитвенниковъ; намъ тоже слѣдуетъ создать мартирологъ нашихъ мучениковъ, который свидѣтельствовалъ бы, какимъ образомъ высшая благородная часть человѣческой природы проявляется въ мужественныхъ страданіяхъ ради великаго дѣла.

Въ каждомъ столѣтіи были свои *мученики за идею*, потому что безконечны акты той старой трагедіи, о которой евангелистъ Іоаннъ сказалъ: „и свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его“ (1, 5). Въ сознаніи массъ незлыбемо господствуетъ унаслѣдованное міровоззрѣніе, и всякая новая идея можетъ завоевать себѣ положеніе только борьбою съ современниками, борьбою съ далеко болѣе сильнымъ противникомъ; поэтому судьба представителя такого рода идеи предрѣшена уже заранѣе. Новатора ожидаютъ въ жизни отреченія, всякаго рода неприятели, преслѣдованія и злословія; когда съ юношеской неопытностью онъ какъ бы играетъ своей идеей реформы, онъ напоминаетъ Младенца Мессію преданія, мило забавлявшагося терновымъ вѣнцомъ и крестомъ, которымъ, однако, впослѣдствіи суждено было сыграть съ нимъ серьезную кровавую игру. Въ средніе вѣка такую силу, властно царившую въ умахъ современниковъ, съ которою вынуждено было бороться всякое новое міровоззрѣніе, была церковь. И, дѣйстви-

тельно, мы видимъ, что въ борьбѣ съ послѣдней страдали и погибали тѣ, которыхъ въ настоящее время мы чтимъ какъ мучениковъ за свободу въ ту рабскую эпоху историческаго развитія.

Мы намѣрены написать свѣтскій мартирологъ, который не замалчиваетъ и ошибокъ героевъ и представляетъ ихъ безъ ореола святости, но благодаря именно этому, какъ мы думаемъ, вызываетъ еще болѣе участія къ ихъ судьбѣ, какъ людей. Одною изъ католическихъ святыхъ мы должны, правда, включить въ этотъ рядъ свѣтскихъ реформаторовъ, потому что онъ представляетъ необходимое звено этого ряда, мы говоримъ о Францискѣ Ассизскомъ. Многие изъ вѣрующихъ могутъ сказать на это: душа наша болитъ, когда мы видимъ тебя въ такомъ обществѣ! Но мы и сами не отрицаемъ, что головы, украшенныя вѣнцомъ святости, уже не способны носить вѣнковъ изъ лавровъ и изъ розъ. Но историческій Францискъ былъ не католическимъ святымъ, а помилованнымъ еретикомъ, и умолчать о немъ въ ряду проповѣдниковъ апостольской жизни мы не можемъ. Отбрасывая ореолъ святости, безъ сіянія, мы любимъ его еще нѣжше. Онъ тоже былъ реформаторомъ и мученикомъ за извѣстную идею, и въ трудахъ его жизни всѣ мы принимаемъ участіе и пользуемся плодами ихъ.

Католическая церковь говоритъ о сокровищѣ, пріобрѣтенномъ для нея святыми, а Лютеръ глубокомысленно высказалъ въ своихъ тезисахъ, что сокровище это всегда даетъ благодать внутреннему человѣку и крестъ, смерть и адскія мученія—тѣлесному. Но Лютеръ подразумѣваетъ подъ этимъ сокровищемъ святыхъ: любовь Бога, которую они своими дѣлами еще болѣе привлекли къ человѣчеству, подвижническіе и карающіе образы святыхъ, общность великихъ преданій, святость христіанскаго прошлаго, влияющую и на настоящее. Въ этомъ смыслѣ мы считаемъ и самого Лютера, а особенно его заслуги, сокровищемъ нашей церкви. Когда мы узнаемъ, какъ смѣло онъ вошелъ „въ пасть бегемота“, какъ онъ не только сказалъ: „я стою здѣсь!“ но и дѣйствительно стоялъ; когда мы слышимъ, какъ герои и святые, въ родѣ Густава Адольфа и Колинны, жертвовали своей жизнью за истину,—все это вливаетъ энергію и въ нашу кровь и гордо распрямляетъ нашу протестантскую спину. Благодаря этой благодати нашего внутренняго „я“ мы

восприяли духомъ, стали свободными людьми, но въ этой же благодати заключаются крестъ, смерть и адскія муки нашего грѣхознаго „я“, потому что примѣръ этотъ говоритъ намъ, что хорошо было бы, если бы и мы были такими же, потому что указываетъ намъ, чѣмъ мы могли бы быть, и чѣмъ мы не сдѣлались. Къ этому же сокровищу обратимся и мы, чтобы оно не осталось сокровищемъ, которое зарыто было въ землю и не принесло плодовъ. Истинное сокровище церкви, жалуется Лютеръ, еще не достаточно описано и еще не вполнѣ извѣстно христіанству. Мы и намѣрены именно воскресить имена нашихъ мучениковъ, чтобы кровь, пролитая ими, не оставалась пролитой напрасно. Знаніе ради знанія мы предоставляемъ другимъ. Мы желаемъ учиться у прошлаго, что полезно настоящему, и чего оно должно остерегаться.

Гейдельбергъ, октябрь 1895 г.

А. Гаусратъ.

ПЪЕРЪ
АБЕЛЯРЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

НАЧАЛО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ АБЕЛЯРА.

1079—1119.

*Trophaeis bellorum conflictus praetuli
disputationum,*

Abaelardi Ep. 1, 4.

Величайшій поэтъ Запада представилъ картину своей жизни въ видѣ пронесшагося мимо него веселаго хоровода, который онъ озаглавилъ „Правда и Поэзія“ (*Wahrheit und Dichtung*). Онъ разсматриваетъ свою жизнь какъ естественный процессъ, который онъ и описываетъ, не жалуясь на обстоятельства, не упрекая самого себя, съ чувствомъ чистой радости за существованіе, доставившее ему много прекраснаго.

Съ такимъ яснымъ взглядомъ на вещи никто изъ служителей церкви не относился къ событіямъ своей жизни. Величайшій богословъ Запада видитъ въ своей автобіографіи униженное покаяніе въ грѣхахъ передъ Богомъ; греческій патріархъ Несторій далъ своей автобіографіи печальное заглавіе „трагедія“; Абельаръ, встрѣтившій на своемъ жизненномъ пути болѣе любви и славы, чѣмъ тысячи другихъ людей, знаетъ только то, что жить—это значить страдать, и озаглавилъ свою біографію „*Historia calamitatum mearum*“¹⁾. Въ памяти его всего сильнѣе запечатлѣлись не его дѣла, а его несчастья, и онъ заканчиваетъ свою исторію выразительнымъ приглашеніемъ читателю отвѣтить: была ли на землѣ скорбь, равная его? Пусть узнаетъ изъ этого повѣствованія другъ, на груди котораго онъ выплакиваетъ свое горе, рассказывая ему печальную повѣсть своей жизни, насколько ничтожны его собственныя испытанія по сравненію съ первыми. Ни въ одну эпоху это сочиненіе Абельяра не нашло вполне удовлетворен-

¹⁾ *Epistola I, quae est historia calamitatum ad amicum scripta.*
Изд. Cousin: I, 3—37.

ных читателей. Одни указывают для объясненія непонятно тяжелой судьбы Абельяра на его проступокъ, испортившій его жизнь, другіе— на меланхолическое настроеніе, благодаря которому Абельяръ создавалъ воображаемые ужасы, которыми онъ самъ и испортилъ свою жизнь; въ общемъ же онъ во всякомъ случаѣ перенесъ то благородное мученичество, которое приготовляетъ міръ философу, котораго міръ не понимаетъ, а также мученичество, которое возлагается на адептовъ науки односторонностью жизни ученыхъ. Черезчуръ часто герои идеи растрачиваютъ свою энергію во взаимныхъ пререканіяхъ и являются ненадежными, непослѣдовательными и слабыми борцами въ общественныхъ дѣлахъ, потому что характеръ ихъ занятій и тишина ученаго кабинета не развили въ нихъ хладнокровія и спокойной увѣренности въ собственныхъ силахъ, безъ которыхъ нельзя обойтись въ общественной жизни. Привыкнувъ къ тишинѣ и почету, они черезчуръ легко теряютъ самообладаніе, сталкиваясь съ несправедливостью и неправдой. Страстная натура ученаго легко раздражается, но непослѣдовательно также легко впадаетъ въ крайности; въ этомъ именно и состоитъ часть мученичества, выпадающаго на долю людей науки; оно заключается именно въ томъ, что благодаря одностороннимъ занятіямъ ученые сами дѣлаются односторонними и не вносятъ въ такую борьбу ни мужества солдата, ни хладнокровія демагога.

Такого рода соображенія неизбежно приходятъ на умъ, когда читаешь автобіографію Абельяра; но соображенія эти необходимы также и для того, чтобы составить себѣ правильный взглядъ на человѣка, котораго не только безгранично любили и которому безгранично удивлялись, но вмѣстѣ съ тѣмъ безгранично ненавидѣли и поносили, и который къ тому и другому подавалъ справедливый поводъ.

Въ восьми миляхъ на востокъ отъ Нанта находится въ Бретани городокъ Пале (Palatium). Развалины башенъ еще указываютъ и теперь то мѣсто, гдѣ стоялъ замокъ мѣстныхъ сеньеровъ. Въ этомъ старомъ замкѣ въ 1079 году родился peripateticus Palatinus ¹⁾, Petrus Abaelardus, сынъ благороднаго Беренгара и его супруги Люціи ²⁾. Онъ унаслѣдовалъ, какъ самъ пишетъ объ этомъ, отъ своей родины и своей націи слабую волю

1) Прозвище peripateticus Palatinus дано ему Іоанномъ Салисбурійскимъ. *Metalogicus* 2. 10; 3, 1. Изд. Giles, стр. 78 и 116.

2) Годъ рожденія установленъ на основаніи предположенія, что Абельяръ умеръ въ 1142 г. шестидесяти трехъ лѣтъ отъ роду, *Ab. op. изд. Cousin, I, 71.*

я свѣтлую голову. Отецъ его былъ незауряднымъ рыцаремъ. Онъ посѣщаль школы передъ тѣмъ, какъ опоясался рыцарскимъ мечомъ, а на склонѣ лѣтъ Беренгаръ повѣсилъ его, чтобы надѣть монашескую рясу. Мать впоследствии тоже постриглась въ монахини. Такимъ образомъ строго церковное настроеніе царствовало въ томъ замкѣ, гдѣ родился Абельяръ, старшій сынъ Беренгара; а такъ какъ отецъ выше всего ставилъ науки, то дѣти его принуждены были пройти систематическій курсъ ученія передъ тѣмъ, какъ ѣхать на службу къ ленному владѣтелю герцогу Бретанскому, графу Нантскому. Большая любовь Беренгара къ своему старшему и любимому сыну выразилась въ той особенной заботливости, съ которой онъ относился къ его воспитанію. Пробуждавшіяся способности любознательнаго мальчика встрѣтились въ данномъ случаѣ съ желаніями отца, и Абельяръ дѣлалъ большіе успѣхи въ ученіи. Возможно, что то замѣтное отсутствіе храбрости, съ которымъ мы неоднократно встрѣчаемся въ его послѣдующей жизни, именно и слѣдуетъ объяснить какъ слѣдствіе его жизни ученаго, но, повидимому, Абельяръ даже еще будучи мальчикомъ не обладалъ воинственными инстинктами, свойственными юности. Онъ самъ говоритъ, что совершенно отказался отъ служенія Марсу ради того, чтобы получить воспитаніе подъ покровительствомъ Минервы. Споры и словесные турниры имѣли для него большую прелесть, чѣмъ всѣ битвы и карусели его воинственной страны. Онъ до самой старости особенно гордился тѣмъ, что съ самой колыбели, какъ онъ выражается въ прологѣ къ своей „Introductio“, онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ діалектикой, которая, по его словамъ, является учительницей всѣхъ другихъ наукъ. Когда Абельяръ убѣдился въ своемъ превосходствѣ въ диспутахъ, онъ рѣшилъ тайнѣ отдаться этому искусству, совершенно оставить военныя упражненія и исключительно жить этими духовными турнирами. Въ сознаніи собственнаго достоинства, счастливый своимъ талантомъ, полный вѣры въ великое научное будущее, Абельяръ рѣшился оставить свою родовую часть наслѣдства братьямъ и какъ страстно желающій рыцарь діалектики попробовать счастья внѣ родного дома въ епископскихъ резиденціяхъ и школахъ. Такимъ образомъ сынъ рыцаря Беренгара превратился, какъ онъ самъ говоритъ, въ послѣдователя древнихъ перипатетиковъ.

Въ этихъ первыхъ шагахъ Абельяра есть что-то наивно-героическое. Маленькій Петръ—Росцелингъ ¹⁾ называетъ его самымъ маленькимъ изъ

¹⁾ Roscelini epistola ad Abael. Cousin, II, 794. Neque Turenensis ecclesia vel Locensis, ubi ad pedes meos magistri tui discipulorum mini-

своихъ учениковъ—оставляетъ дворянство, сеньерію, семью и уѣзжаетъ, какъ юный Зигфридъ, но не для того, чтобы сражаться съ драконами, а съ цѣлью изучить у всѣхъ великихъ схоластиковъ искусство спорить съ ними и побивать ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ.

Бѣдный мальчикъ! Если бы ты зналъ, какіе бойцы одерживаютъ побѣды на духовныхъ турнирахъ, какое оружіе даетъ перевѣсъ въ этой борьбѣ, ты поѣхалъ бы въ поле за твоимъ герцогомъ, зарабатывалъ бы свой хлѣбъ на конѣ и не боялся бы ранъ, которыя заживаютъ, потому что стрѣлы, причинившія ихъ, не были отравлены! Двадцать сраженій не принесли бы тебѣ столько бѣдствій, сколько ихъ доставили тебѣ два собора въ Соассонѣ и Сенѣ (Sens). Но, превосходя въ діалектическомъ искусствѣ всѣхъ другихъ учениковъ, неопытный юный дворянинъ предполагалъ, что его будущая жизнь будетъ походить на настоящія битвы, а его талантъ и знанія поведутъ его при служеніи церковной наукѣ отъ успѣха къ успѣху. Побуждаемый этимъ восторженнымъ энтузіазмомъ, Абеляръ уступилъ свою наслѣдственную часть вмѣстѣ со всѣми правами первородства младшимъ братьямъ. Что въ данномъ случаѣ онъ дѣйствительно поступилъ великодушно, доказывается тѣми нѣжными чувствами, которыя всегда соединяли его съ родными, до самой его смерти. При рѣшеніи важныхъ семейныхъ дѣлъ его всегда призываютъ въ Пале, въ періоды болѣзни или опасностей онъ возвращается туда же, свою преслѣдуемую Элоизу онъ тоже привозитъ туда же, къ своей сестрѣ Діонисіи, а сынъ его подрастаетъ подъ ея защитой. Съ чувствомъ удовольствія можно отмѣтить подобныя прекрасныя гуманныя черты, потому что у средневѣковыхъ ученыхъ рѣдко проявляется такое чувство любви къ семьѣ. Вообще же Абеляръ долженъ былъ быть увлекательной личностью. Одною лишь геніальностью нельзя объяснить восторженного почитанія согражданъ, благоволенія сильныхъ міра, любви женщинъ, а, главнымъ образомъ, вѣрной привязанности студентовъ, которые не одинъ разъ слѣдовали за учителемъ Петромъ въ его изгнаніе. Съ такимъ же восторженнымъ почтеніемъ какъ студенты, къ нему относились монахини Параклета. Свидѣтельства его обаянія на людей проходятъ черезъ всю его жизнь и кончаются свидѣтельствомъ настоятеля аббатства Ключни послѣ его смерти, который говоритъ, что въ средѣ ордена никогда не было другого брата, который болѣе напоминалъ бы святыхъ по своей

mus tamdiu resedisti, aut Bizuntina ecclesia in quibus canonicus sum, extra mundum sunt.

привѣтливости, кротости въ обращеніи и строгости по отношенію къ своимъ обязанностямъ, чѣмъ преслѣдуемый учитель Петръ. Епископы Отгонъ Фрейзингскій и Іоаннъ Салисбурійскій, которые въ другихъ случаяхъ на все умѣли смотрѣть епископскими глазами, также не скрываютъ ¹⁾ своего восхищенія къ его генію, къ его чарующей личности, къ его поразительнымъ знаніямъ и находчивому остроумію, и, если его ядовитѣйшій противникъ, святой Бернаръ, называетъ его Іоанномъ по внѣшности и Иродомъ по душѣ, то и въ этомъ, хотя и противъ желанія, заключается въ сущности свидѣтельство о характерныхъ чертахъ его личности. Покончивъ свои дѣла на родинѣ великодушнымъ отреченіемъ отъ своихъ правъ, Абельяръ отправился въ путь и превратился въ странствующаго студента. „Я направился туда“, рассказываетъ онъ самъ, „гдѣ, какъ я слышалъ, процвѣтаетъ изученіе діалектики“. Мы знаемъ, ²⁾ что будучи еще совѣтъ мальчикомъ онъ сдѣлался ученикомъ Росцелина въ Локменахъ, около Ванна, и оставался тамъ отъ дѣтскаго до юношескаго возраста ³⁾.

Росцелинъ попрекалъ его въслѣдствіи тѣми многочисленными и великими благодѣянiami, которыя онъ оказалъ ему какъ учитель, самъ же Абельяръ говоритъ, что онъ только короткое время посѣщалъ школу псевдо-діалектика ⁴⁾. Правда, когда Абельяръ писалъ это, онъ не имѣлъ уже причинъ вспоминать съ благодарностью своего прежняго покровителя, сдѣлавшагося въслѣдствіи его противникомъ, скорѣе онъ имѣлъ въ виду стряхнуть съ себя подозрѣніе въ томъ, что онъ углублялся въ еретическій номинализмъ Росцелина. Абельяръ прослушалъ затѣмъ въ разныхъ мѣстахъ другихъ учителей діалектики; на границѣ новаго столѣтія мы встрѣчаемъ его въ Парижѣ. Это было время, когда въ Парижѣ расцвѣтали школы, а школа при соборѣ Парижской Богоматери и монастырская школа на холмѣ Святой Женевьевы оспаривали другъ у друга пальму первенства. Знамени-

¹⁾ Otto Frising. De gestis Friderici. I, 47, Johannes Saresberiensis, Metalogicus. II, 10. Изд. Giles, стр. 78.

²⁾ Росцелинъ говоритъ: (Cousin, II, 792) *beneficiorum, quae tibi tot et tanta a puero usque ad juvenem sub magistri nomine et acta exhibui, oblitus.*

³⁾ Тамъ-же Locensis ecclesia.

⁴⁾ *Paululum attigimus.* Cousin II, 483. *Magistri nostri Roscelini tam insana sententia.* Cousin, Oeuvres inédites: *Dialect.* стр. 471. Главныя положенія „Богословія“ взяты изъ трактата „De unitate et trinitate“ (Stölzle стр. 49) и направлены главнымъ образомъ противъ Росцелина.

тѣмъ самымъ учителемъ былъ одинъ изъ архидіаконовъ парижскаго епископства Вильгельмъ изъ Шампо, „схоластикъ“, т. е. настоятель соборной школы. У него и пріютился Петръ Абеляръ, который самъ свидѣтельствуетъ, что учитель Вильгельмъ принялъ его привѣтливо. Но изъ мальчика, котораго Росцелинъ называлъ своимъ самымъ маленькимъ ученикомъ, уже выработался къ этому времени самонадѣянный, готовый къ спору юноша, котораго подмывало противорѣчить знаменитому учителю. Въ задачу діалектическаго обученія входило условіе, что оно не могло происходить безъ самостоятельнаго участія ученика. Примыкая къ Воэцію, это обученіе приводило къ пониманію формъ человѣческаго мышленія и къ изученію частей рѣчи. Слово и рѣчь, способы опредѣленія предметовъ и составныя части сужденія, простыя, гипотетическія и сложныя сужденія, заключенія и ложныя заключенія, выводы и категоріи, все это подлежало изученію, и все чаще неуступчивый мальчикъ вовлекалъ схоластика въ споры, въ которыхъ послѣдній отнюдь не всегда оставался побѣдителемъ. Отъ спорныхъ вопросовъ формальной логики споръ перешелъ вскорѣ въ область общихъ философскихъ принциповъ.

Средневѣковая теологія вмѣстѣ съ догмой приняла отъ древности и философію, формулировавшую эту догму; а вмѣстѣ съ этимъ она получила въ наслѣдство и извѣстный споръ между школами Платона и Аристотеля о томъ, существуютъ ли общія понятія сами по себѣ, или они существуютъ только въ вещахъ, или же они являются только абстракціями, выведенными изъ вещей, т. е. реально совсѣмъ не существуютъ? Послѣдній взглядъ особенно рѣзко формулированъ былъ Росцелиномъ, занимавшимъ уже въ это время мѣсто каноника въ Компьенѣ; Росцелинъ утверждалъ, что общія понятія являются лишь именами, словами, которыми мы обозначаемъ общія свойства различныхъ отдѣльныхъ предметовъ. По даннымъ, дошедшимъ до насъ, правда, отъ его противниковъ, этотъ такъ называемый отецъ номинализма утверждалъ, что общія понятія это—имена, невещественныя абстракціи, создаваемые человѣческимъ разумомъ изъ признаковъ отдѣльныхъ предметовъ, но помимо этого они не представляютъ изъ себя реальностей. Универсалии, по его мнѣнію, это не болѣе какъ словесныя выраженія. При представленіи о человѣкѣ, утверждаетъ Росцелинъ, фактически мы думаемъ объ отдѣльныхъ людяхъ, общее же понятіе, человѣкъ—не болѣе какъ слово, словесный способъ выраженія, употребляемый для того, чтобы напоминать намъ объ отдѣльныхъ людяхъ. Наоборотъ, учитель Абеляра Вильгельмъ изъ Шампо держался того мнѣнія, что родъ является дѣйствительною сущ-

ностью отдѣльныхъ предметовъ, слѣдовательно, и общія понятія составляютъ реальности, въ которыхъ участвуютъ отдѣльные предметы; другими словами, Вильгельмъ изъ Шампо былъ реалистъ. Общее понятие: человечество реально въ Габѣ, Титѣ и т. д. и составляетъ существенную ихъ часть, и только случайныя опредѣленія, *accidentia*, отличаютъ Тита отъ Гая, какъ одного отъ другого. Такимъ образомъ, по мнѣнью Вильгельма изъ Шампо, родовыя понятія составляютъ реальности и являются сущностью каждаго отдѣльнаго существа. Индивидуальными являются лишь внѣшніе случайныя признаки, *accidentia*. Въ корнѣ представленіе это сводилось къ положенію Платона, т. е., что предметы существуютъ лишь какъ воплощеніе идей. Точно такъ же, по мнѣнью Вильгельма изъ Шампо, и отдѣльные предметы существуютъ только, поскольку они относятся къ общимъ понятіямъ (универсаліямъ). Послѣдній выводъ изъ этого сводился къ тому, чтобы призвать за безмятежной абсолютной субстанціей истинное существованіе и объявить всякую дифференціацію, все индивидуальное, кажущимся. На этотъ именно выводъ изъ принципа своего учителя и ополчился лыклій и задорный молодой бретонецъ. Такъ какъ въ методъ занятій въ соборной школѣ входили и диспуты, то у богато одареннаго ученика была полная возможность высказать свои собственныя мнѣнія на этотъ вопросъ. Онъ доказалъ Вильгельму изъ Шампо строго логично, что его мнѣніе заставляетъ насъ свести всѣ субстанціи къ одной субстанціи, такъ какъ при этомъ предположеніи всеобщая субстанція должна составлять сущность всѣхъ отдѣльныхъ предметовъ. Учитель видоизмѣнилъ при дальнѣйшемъ развитіи этого спора свое мнѣніе въ томъ смыслѣ, что призналъ реальнымъ общее понятіе только какъ неопредѣленное общее въ отдѣльныхъ предметахъ, тогда какъ существующія различія и составляютъ отдѣльный предметъ (*individuum*). Но Абеляръ опровергалъ и это новое опредѣленіе, и „иногда“, говоритъ онъ, „мнѣ казалось, что я имѣлъ надъ нимъ перевѣсъ въ спорѣ“.

Этотъ смѣлый дебютъ юнаго школьника возбудилъ, однако, мало сочувствія среди его товарищей, а вся школьная община Сенскаго острова заволновалась по этому поводу. Магистры и слушатели Вильгельма были возмущены, что мальчикъ, по возрасту и годамъ ученія столь отставшій отъ нихъ, противорѣчитъ на этой почвѣ главѣ школы и, что всего хуже, оказывается правымъ. „Съ этого“, говоритъ Абеляръ, „начались мои несчастія, продолжающіяся и до настоящей минуты, и, чѣмъ дальше распространялась моя слава, тѣмъ сильнѣе возгоралась зависть“.

Самъ Абеляръ принималъ среднее мнѣніе между положеніями номинализма

и реализма. По его мнѣнію, универсаліи не являются только словами, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ и не реальности. Общее, открываемое нашимъ мышленіемъ въ вещахъ, не составляетъ само по себѣ реальности, какъ идеи Платона, но общее понятіе обозначаетъ нѣчто, что представляетъ въ *вещахъ* извѣстную реальность. Универсаліи существуютъ такимъ образомъ не сами по себѣ, какъ это предполагаютъ реалисты, но въ вещахъ, и потому онѣ не являются простыми словами, *voces*, *nomina*, какъ говорятъ номиналисты, а представляются во всякомъ случаѣ реальными, хотя сами по себѣ и не составляютъ реальностей. Съ этого спора начинается собственная преподавательская дѣятельность Абельяра въ сферѣ діалектики; въ этой области современники отводили ему первое мѣсто до самой его смерти.

На діалектику онъ набросился съ такимъ же страстнымъ рвеніемъ ¹⁾, съ какимъ вообще относился ко всему, за что принимался; съ первыхъ же шаговъ онъ выступилъ какъ учитель, возбудившій всеобщее вниманіе.

Его называли перипатетикомъ, что означало въ то время то же самое, что логикъ. Однако только въ сферѣ логики онъ былъ ученикомъ Аристотеля; метафизика Абельяра всецѣло платоновская, тогда какъ его способъ изложенія представляетъ подражаніе риторическому паѳосу Цицерона. Исходя изъ своего новаго принципа, Абельяръ полагалъ, что возможно согласить противорѣчія между реалистами и номиналистами, не считая за общее ни вещи, какъ таковыя, ни слова, какъ таковыя; общее лежитъ, по его мнѣнію, въ томъ, что высказано о вещахъ, въ *sermo*. Роды и виды, какъ мы ихъ мыслимъ, относятся, конечно, къ чему-либо, что реально существуетъ, и обнимаютъ собою это нѣчто, но ошибочно утверждать, что они существуютъ, какъ мыслимыя нами универсаліи; такимъ образомъ вѣрная точка зрѣнія состоитъ въ томъ, что существуетъ нѣчто, что вызываетъ эти универсаліи.

Различіе видовъ, по мнѣнію Абельяра, можетъ происходить только вслѣдствіе того, что существуетъ различіе сущностей, а послѣднее является слѣдствіемъ видопроизводящаго различія. При этомъ Абельяръ различаетъ между формами, которыя сами по себѣ составляютъ сущности и должны прежде всего войти въ вещество, лежащее въ основѣ ихъ, чтобы превратить его въ нѣчто такое, тѣмъ бы оно не было безъ нихъ, и между такими формами, которыя сами по себѣ не являются сущностями, но уже содержатся

¹⁾ Срав. Prantl, „Geschichte der Logik im Abend lande“, II, 161 и слѣд., изъ яснаго описанія котораго я заимствую слѣдующую характеристику діалектики Абельяра.

въ веществѣ вида; въ первыхъ заключается дѣйствительное видопроизводящее различіе, во вторыхъ—случайное различіе, случайный признакъ. Благодаря первымъ живущее существо является человѣкомъ, благодаря вторымъ чернымъ или бѣлымъ человѣкомъ. Этимъ взглядомъ на происхождение родовъ и видовъ объясняется и понятіе Абельяра о *sermo*. Роды и виды не существуютъ сами по себѣ, но въ вещахъ существуетъ нѣчто, что подаетъ поводъ къ нашему сужденію о вещахъ, къ *sermones* о вещахъ, сами они и являются причиной возникновенія нашихъ сужденій. Они не составляютъ такимъ образомъ реальностей, какъ это полагаетъ реализмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они не являются и простыми словами, какъ это утверждаетъ номинализмъ, но они во всякомъ случаѣ реальны въ вещахъ.

На этомъ новомъ принципѣ, побѣдоносно отстаиваемомъ противъ номиналистовъ и реалистовъ, юный учитель и рѣшилъ основать новую школу діалектики. Такъ какъ въ Парижѣ ему мѣшала вражда схоластика, то, начиная съ 1101 года, юный двадцатидвухлѣтній молодой человѣкъ собралъ своихъ слушателей въ замкѣ Мелёнъ, въ 10 миляхъ отъ Парижа, гдѣ въ то время часто проживалъ король. Хотя Вильгельмъ и старался помѣшкать всѣми способами осуществленію этого проекта новой школы, но нѣсколько сеньеровъ, съ которыми Вильгельмъ находился во враждѣ, и которые охотно готовы были сдѣлать неприятность архидіакону, приняли сторону юнаго лектора, происходившаго изъ ихъ же сословія; такимъ образомъ Вильгельмъ изъ Шампо, несмотря на всѣ свои проски, не достигъ ничего кромѣ того, что создалъ юному смѣлому новичку весьма удачную рекламу.

Абельяръ вступилъ въ свое новое царство въ Мелёнъ, подобно юному Аристотелю, какъ непобѣжденный король діалектики. Онъ не стѣсняется прославлять важность этого событія для всего міра. По его мнѣнію, логика обладаетъ всеразрѣшающимъ міровымъ значеніемъ. Логика происходитъ отъ *logos'a*; какъ христіане называютъ себя по Христу, такъ и философы получали свое имя отъ вѣчной Мудрости. Въ *logos'ѣ* надо искать гармоніи нашего мышленія и открытой благодаря *logos'у* истины. Діалектика необходима для пониманія священнаго писанія, она, по словамъ Августина, наука наукъ, потому что учить какъ учить и какъ учиться. Такимъ образомъ Абельяръ отнюдь не хотѣлъ скрывать своего свѣта подъ спудомъ, но весьма искусно сумѣлъ передать свой собственный энтузіазмъ и своимъ молодымъ послѣдователямъ. Они умѣли доказывать все, и впоследствии даже говорилось объ египетской казни жабами, которыми Абельяръ наполнилъ

Францію, такъ тягостенъ былъ для благочестивыхъ ушей полемическій задоръ, которымъ вдохновилъ молодежь діалектикъ изъ Пале.

Какъ въ цвѣтущій періодъ гегелевской школы вещь сама въ себѣ (Anschauung) и вещь сама для себя (Fürsichsein) всюду преслѣдовали образованнаго человѣка, а нетерпимая молодежь на все съ самаго начала смотрѣла какъ на переходящій (aufgehobenes) моментъ, такъ и въ то время діалектика Абельяра начинаетъ господствовать безраздѣльно въ соборныхъ школахъ и въ монастыряхъ, а отрывочныя описанія, которыя мы имѣемъ о распространеніи этой эпидеміи, напоминаютъ о самыхъ мрачныхъ временахъ религіозныхъ споровъ на Никейскомъ соборѣ или полемики нѣмецкой философіи. Такъ какъ до насъ дошла „Діалектика“ Абельяра, то намъ хорошо извѣстна сущность его тогдашнихъ лекцій. Первая книга трактуетъ объ элементахъ мышленія, о частяхъ рѣчи, и основана на введеніи Порфирія и книгѣ Аристотеля о категоріяхъ. Вторая книга разбираетъ категорическія сужденія и умозаключенія, третья доказательства, четвертая гипотезы, пятая распространяется о раздѣленіи и опредѣленіи. Таковы, слѣдовательно, были тѣ существенные вопросы, которыхъ Абельяръ касался въ своихъ лекціяхъ, и которые онъ сумѣлъ поставить такъ настойчиво, рѣзко и интересно, что его современникамъ казалось, что съ его появленіемъ взошла новая заря ученія. Особенное же вниманіе возбудила его критика, съ которой онъ, исходя изъ своего положенія, обрушился на спорившія между собою школы номиналистовъ и реалистовъ. Сначала онъ занялся Росцелиномъ, который утверждалъ, что части являются словами, при помощи которыхъ мы придаемъ различныя значенія дѣлму, которое одно только и существуетъ; части, слѣдовательно, имѣютъ свое бытіе только въ мыслящемъ и говорящемъ. Абельяръ возражалъ на это такъ: если въ ев. отъ Луки говорится, что воскресшій Іисусъ Христосъ съѣлъ часть печеной рыбы, то, по мнѣнію Росцелина, нужно подъ этимъ подразумѣвать, что Іисусъ съѣлъ часть слова. Своему учителю Вильгельму изъ Шампо, который утверждалъ, что общія понятія являются реально-стями, т. е. вещами, Абельяръ возражалъ тѣмъ, что нельзя назвать одну вещь названіемъ другой вещи. То, что логически принято какъ предикатъ, не можетъ въ дѣйствительности быть субстанціей. Но, отвергая односторонности обѣихъ школъ, Абельяръ признавалъ, что въ обѣихъ заключается часть истины. По его мнѣнію, общимъ является единство включаемыхъ въ него индивидуальностей. Поэтому нельзя общему понятію приписывать особой реальности, обособленной отъ частныхъ, какъ это дѣлаетъ реализмъ. Но точно такъ же нельзя отвергать за общимъ понятіемъ вмѣстѣ съ номинализмомъ

всякую реальность. Универсалии существуют въ творческой мысли Бога, какъ міръ идей (*universalia ante rem*), онѣ существуютъ также при образованіи понятій въ нашемъ мышленіи, которое является продолженіемъ божественнаго мышленія (*universalia post rem*), а такъ какъ *genera* и *species* дѣйствительно существуютъ, то онѣ существуютъ тоже въ вещахъ (*in re*). Абельяръ поддерживаетъ, слѣдовательно, реальность общихъ понятій, какъ единство частнаго въ родѣ и видѣ.

Слава учителя укрѣпилась за Абельяромъ со времени его побѣды надъ Вильгельмомъ изъ Шампо. Если бы Абельяръ спокойно оставался въ Меленѣ, его школъ обезпечена была бы великая будущность. Но при своемъ живомъ темпераментѣ онъ не могъ спокойно дожидаться этого развитія, напротивъ, честолюбіе побуждало его снова приблизиться къ Парижу для того, чтобы при помощи болѣе частыхъ споровъ его учениковъ съ учениками Вильгельма изъ Шампо установить превосходство своихъ принциповъ. Вслѣдствіе этихъ соображеній онъ переселился тотчасъ же въ мѣстечко Корбейль ¹⁾. Но плану этому не суждено было имѣть большихъ результатовъ. Вслѣдствіе переутомленія и волненій, юный лекторъ заболѣлъ, и здоровье его оказалось настолько разстроеннымъ, что ему ничего иного не оставалось, какъ возвратиться на родину и отдаться попеченіямъ своей семьи. Онъ снова прожилъ нѣсколько лѣтъ въ полномъ спокойствіи въ замкѣ Пале, дожидаясь выздоровленія. Наконецъ, когда онъ снова могъ вернуться въ Парижъ, гдѣ, какъ онъ рассчитывалъ, его страстно ждали его ученики, положеніе оказалось весьма измѣнившимся. Великое пробудительное движеніе, исходившее изъ монастырей и захватившее всѣ общественные слои Франціи, распространилось и на соборныя школы. Вильгельмъ изъ Шампо, уступая нападкамъ ревнителей на свѣтскую жизнь нерегламентированныхъ канониковъ (*canonicus non regularis*), переселился съ Пасхи 1108 года въ монастырь при капеллѣ святого Виктора вблизи Парижа и жилъ тамъ какъ *canonicus regularis*. Изъ этой обители образовался впоследствии знаменитый монастырь святого Виктора, средоточіе французскаго мистицизма. Абельяръ думаетъ, однако, что Вильгельмъ избралъ этотъ скромный образъ жизни только съ тою цѣлью, чтобы тѣмъ быстрѣе сдѣлать духовную карьеру; онъ дѣйствительно вскорѣ послѣ того (1113) получилъ епископство Шалонское. Вильгельмъ продолжалъ читать лекціи, живя въ монастырѣ св. Виктора, и былъ, вѣроятно, не особенно доволенъ,

¹⁾ Что касается мѣстностей, гдѣ жилъ Абельяръ, сравни мемуары *Andreas du Chesne. Migne 178, 117* и слѣд., *Cousin. I, 41*.

когда снова замѣтилъ въ рядахъ своихъ слушателей фигуру задорнаго молодого бретонца. Абеляръ увѣрилъ, правда, что хочетъ учиться у него риторикѣ, но вскорѣ во время диспутовъ, составлявшихъ часть обученія, между ученикомъ и учителемъ снова возгорѣлся ихъ давній споръ объ универсалияхъ. Абеляръ довелъ Вильгельма изъ Шампо до утвержденія, что общее понятіе, представленное какъ реальность, проявляется въ своихъ своеобразныхъ существенныхъ чертахъ *вполнѣ* и *одновременно* въ отдѣльныхъ предметахъ, и что существеннаго различія между послѣдними не существуетъ, а существуетъ лишь количественное различіе акциденцій. Такъ какъ изъ этого положенія неизбѣженъ былъ тотъ выводъ, что вообще существуетъ только одна субстанція, а всѣ различія сводятся на кажущіяся и не составляютъ сущности самихъ предметовъ, то Вильгельмъ внесъ поправку въ свою систему въ томъ смыслѣ, что общія понятія не составляютъ самой сущности предметовъ, но являются чѣмъ-то общимъ и безразличнымъ, проявляющимся однимъ и тѣмъ же способомъ во всѣхъ ихъ. Но такая поправка всего основанія его ученія неизбѣжно должна была уронить его авторитетъ въ глазахъ его слушателей. По словамъ Абеяра, съ этого времени такъ мало стали интересоваться его лекціями, что даже вообще не хотѣли поручать ему читать лекціи о діалектикѣ. Даже его вѣрнѣйшіе приверженцы перешли къ Абеяру.

На свою кафедру въ соборной школѣ Вильгельмъ, переселяясь въ обитель св. Виктора, поставилъ замѣстителя. Увлеченный всеобщимъ энтузіазмомъ, послѣдній уступилъ Абеяру мѣсто, довѣренное ему Вильгельмомъ, чтобы вмѣстѣ съ другими, какъ онъ скромно признается, слушать чтенія Абеяра. Пока Абеяръ считался замѣстителемъ замѣстителя Вильгельма изъ Шампо, схоластикъ не могъ ничего сдѣлать ему. Новичокъ не могъ только выступать *sine magistro*. Разсерженный учитель прибѣгнулъ въ виду этого къ недостойному средству: подъ предлогомъ не относящихся къ дѣлу позорящихъ его обвиненій онъ уволилъ отъ службы своего замѣстителя, вслѣдствіе чего замѣстительство Абеяра пало само собою. Абеяру ничего другого не оставалось, какъ удалиться. Онъ вернулся вмѣстѣ со своими приверженцами въ Мелёнъ. Вскорѣ послѣ этого и самъ Вильгельмъ рѣшилъ перенести свою дѣятельность въ одно сельское мѣстечко около Парижа, потому что обитель св. Виктора нашла неприличнымъ его внимательство въ школьныя и свѣтскія дѣла, да и сами ученики его перешептывались, что онъ ставитъ ни во что монастырскую жизнь и преслѣдуетъ только ту цѣль, чтобы своимъ монашествомъ сдѣлать духовную карьеру. Когда, благодаря всему этому,

Вильгельмъ очистилъ поле, Абельяръ тотчасъ же вернулся въ Парижъ, чтобы снова занять вакантную кафедру Вильгельма, но тогдашній замѣститель послѣдняго на Сенскомъ островѣ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія соединиться съ Абельяромъ противъ схоластика, наоборотъ, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ нововведеній Абельяра. Тогда талантиливый юный учитель пристроился къ монастырской школѣ на холмѣ св. Женевьевы. Монастырь этотъ построенъ былъ вѣ городскихъ стѣнъ на лѣвомъ берегу Сены. Въ тѣ времена холмъ еще не былъ застроенъ, онъ былъ покрытъ виноградниками и фруктовыми садами, среди которыхъ расположены были отдѣльныя строенія и капеллы ¹⁾. При одной изъ послѣднихъ, именно при церкви св. Иларія, Абельяръ впоследствии основалъ свою школу; въ этотъ же періодъ, по словамъ біографа св. Госвина, Абельяръ читалъ лекціи въ самомъ монастырѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ находился подъ юрисдикціей аббата, и послѣдній отвѣчалъ за его образъ дѣйствія. Абельяръ самъ говоритъ, что такимъ способомъ дѣйствія онъ поставилъ въ осадное положеніе замѣстителя Вильгельма изъ Шампо на Сенскомъ островѣ, это, несомнѣнно, должно означать, что Абельяръ старался отвлечь отъ него слушателей и полемизировалъ съ нимъ. Такъ какъ Вильгельму изъ Шампо грозила опасность, что Абельяръ нанесетъ его школѣ смертельный ударъ своими лекціями, то онъ рѣшилъ оставить свое сельское убѣжище и вернуться въ Парижъ, чтобы „смѣнить поставленнаго на постѣ часового“, какъ выражается Абельяръ. Но это возвращеніе Вильгельма лишило замѣстителя его послѣднихъ слушателей, такъ что онъ тоже послѣдовалъ примѣру Вильгельма и поступилъ въ монастырь. Тѣмъ горячѣе послѣ этого разгорѣлся споръ между вѣрными учениками возвратившагося схоластика и приверженцами бретонца, читавшаго лекціи на холмѣ св. Женевьевы. Ежедневныя словесныя схватки, диспуты, взаимныя насмѣшки и нападенія исходили изъ того и другого лагеря; если же задаться вопросомъ, что получилось въ результатѣ всѣхъ этихъ словесныхъ турнировъ, то, отвѣчая словами самого Абельяра, можно сказать, что и вся цѣль-то ихъ заключалась только въ томъ, чтобы возможно было воскликнуть вмѣстѣ съ Аяксомъ: онъ меня не осилилъ!

Si quaeritis hujus

Fortunam pugnae, non sum superatus ab illo ²⁾.

¹⁾ Мѣста въ сочиненіи автора объ Арнольдѣ Брешіанскомъ, см. ниже

²⁾ Ovid. *Metamorph.* 13, 89.

Конечно, не только приверженцы смѣлаго новатора, но и ихъ противники часто приписывали себѣ побѣду; въ жизнеописаніи св. Госвина ¹⁾ мы имѣемъ цѣнный разсказъ, какимъ образомъ ревностный къ вѣрѣ школьникъ рѣшается окунуться въ бездну невѣрія и, по его словамъ, одерживаетъ блестящую побѣду за дѣло истинной вѣры. Какъ на Сенскомъ островѣ Вильгельмъ изъ Шампо продолжалъ защищать свой видоизмѣненный реализмъ, такъ въ свою очередь и другой глава школы, Жосселинъ, оппонировалъ Абеляру съ номиналистической точки зрѣнія. Жосселинъ, впоследствии епископъ Соассонскій и судья Абеляра въ Сенѣ (Sens) придавалъ номинализму строго церковное направленіе. Повидимому, Жосселинъ не пользовался большимъ успѣхомъ, такъ какъ вскорѣ онъ опять покидаетъ Парижъ, тѣмъ съ большимъ негодованіемъ отнеслись его ученики къ громадному наплыву слушателей къ Абеляру тутъ же, подъ бокомъ у нихъ; они совѣщаются между прочимъ, „не слѣдуетъ ли прогнать жезломъ истинны собаку, которая лаетъ на истинное ученіе?“ „Какъ его рука поднята была на всѣхъ, такъ и всѣ руки поднялись на него“. Въ ихъ школѣ былъ молодой духовный по имени Госвинъ изъ Дуэ, впоследствии канонизованный. Послѣдній заявилъ, что лично готовъ проникнуть въ аудиторію Абеляра и заткнуть ротъ лжеучителю. Жосселинъ сомнительно покачалъ головой на этотъ проектъ юнаго поборника и обратилъ его вниманіе на то, что онъ еще не доросъ до остроумнаго и находчиваго софиста, который къ тому же скорѣе остроловь, тѣмъ учитель. Но успокоить пылъ юнаго Божьяго поборника не было возможности: въ сопровожденіи нѣсколькихъ товарищей Госвинъ поднялся на холмъ св. Женевьевы, „quasi David cum Goliath duello conflicturus“.

Товарищи Госвина остались въ помѣщеніи для учениковъ, а самъ отважный пастушокъ вошелъ въ аудиторію Абеляра и прервалъ своей рѣчью лекцію учителя. Абеляръ прежде всего велѣлъ ему замолчать и не мѣшать ученію. Но онъ, который пришелъ совсѣмъ не затѣмъ, чтобы молчать, еще упорнѣе сталъ перебивать урокъ. Сначала Абеляръ только окинулъ его презрительнымъ взглядомъ, такъ какъ онъ считалъ унизительнымъ для себя вступать въ пренія съ такимъ юношей (*tantillo juveni*). Однако сами ученики Абеляра просили послѣдняго возражать ему. „Ну, пусть говорить, если имѣетъ что сказать“, сказалъ Абеляръ Госвину, и произошелъ правильный диспутъ, при чемъ юный диспутантъ такъ прижалъ великаго діа-

¹⁾ Vita S. Gosvini. Это мѣсто приведено у Cousin'a, Ab. op. I, 43 и у Migne 178, 120 и слѣд.

лектика первой посылкой, второй посылкой и заключеніемъ, что Абеляръ долженъ былъ признать свои положенія стоящими въ противорѣчій съ разумомъ. Маленькій Давидъ покидаетъ школу Голіаза, какъ побѣдитель, а поджидающіе его товарищи встрѣчаютъ его громкими привѣтственными криками, говоря, что онъ разрушилъ оплотъ высокоумія и разбилъ молоть жи не софизмами и діалектическимъ искусствомъ, но исповѣданіемъ истины. Исторія эта несомнѣнно создана впоследствии, потому что клички Голіаза, лаятеля ¹⁾, лающего на истину, получены Абеляромъ много спустя отъ Бернара Клервосскаго и его учениковъ. Кромѣ того, объ этомъ пораженіи Абеляра повѣствуетъ монахъ того же монастыря, гдѣ Госвинъ былъ аббатомъ, а впоследствии его преемникъ. Такимъ образомъ изъ этого пристрастнаго свидѣтельства вытекаетъ только то, что въ борьбѣ богословскихъ партій въ двѣнадцатомъ вѣкѣ пользовались и неопозволительными приемами, и противники не стыдились мѣшать лекціямъ при помощи дерзкихъ мальчиковъ, разъ они не могли помѣшать имъ иными способами. Въ данный моментъ споръ окончился благодаря тому, что Абеляръ вернулся на родину. Его отецъ Беренгаръ удалился въ монастырь, а его горячо любимая мать Люція должна была послѣдовать тому же примѣру, потому что только въ случаѣ произнесенія монашескихъ обѣтовъ обѣими сторонами, постриженіе разрѣшалось женатому. Вслѣдствіе удаленія отца изъ семьи присутствіе старшаго сына сдѣлалось необходимымъ. Ему нужно было раздѣлиться съ братьями и сестрами; когда же Абеляръ, покончивъ эти дѣла, снова вернулся въ Парижъ, онъ уже не нашель тамъ своего противника Вильгельма. Послѣдній получилъ въ 1113 году епископство въ Шалонѣ на Марнѣ и подъ вліяніемъ младшаго Бернара совершенно перешель въ лагерь мистиковъ, главнымъ пристанищемъ которыхъ и сдѣлался его монастырь св. Виктора.

Абеляръ пришелъ къ рѣшенію не возвращаться болѣе къ діалектическимъ спорамъ, а заняться теологіей, вопросаами которой онъ серьезно заинтересовался. Онъ говоритъ во введеніи къ своей теологіи, что люди, которые находили интересъ въ его философскихъ сочиненіяхъ, требовали отъ него, чтобы онъ занялся также изученіемъ священнаго писанія. Принять это роковое рѣшеніе заставило его, вѣроятно, также и намѣреніе занять болѣе высокое положеніе въ церковной іерархіи.

¹⁾ Aboilar—производное слово отъ глагола aboyer—лаять, напоминающее фамилію Abailard.

Между тогдашними учителями богословія большой славой пользовался ученикъ знаменитаго Ансельма Кентербурійскаго, каноникъ и деканъ капитула *Ансельмъ Лаонскій*. Въ виду этого, вѣроятно въ 1114 году ¹⁾, Абельяръ отправился въ Лаонъ, чтобы слушать лекціи престарѣлаго ученаго: Ансельмъ ранѣе былъ учителемъ Вильгельма изъ Шампо, который достигъ въ это время уже сана епископа; Абельяръ тоже сдѣлался ученикомъ Ансельма. Но съ этимъ знаменитымъ учителемъ у Абельяра вышла та же исторія, какъ и въ Парижѣ съ Вильгельмомъ. „Я посѣщалъ лекціи старца“, рассказываетъ Абельяръ, „но вскорѣ убѣдился, что онъ обязанъ своимъ знаменитымъ именемъ скорѣе долголѣтней практикѣ, чѣмъ уму и памяти. Если кто-либо приходилъ къ нему за разрѣшеніемъ сомнѣній въ какомъ-либо вопросѣ, то возвращался навѣрное еще болѣе сомнѣвающимся, чѣмъ былъ до своего прихода. Онъ казался заслуживающимъ удивленія, когда его слушали, но не тогда, когда его спрашивали. Богатство словъ было замѣчательное, но тѣмъ болѣе пусто и плоско было содержаніе его лекцій. Когда онъ вздувалъ огонь, домъ его наполнялся дымомъ, а не свѣтомъ. Его дерево, покрытое листвою, казалось людямъ прекраснымъ, если они стояли въ отдаленіи, если же они приближались и вглядывались въ него вблизи, то находили его безплоднымъ“. Абельяръ сравниваетъ его съ безплодной смоковницей, проклятой Иисусомъ Христомъ, и съ высокимъ дубомъ на плодоносной нивѣ, какъ Луканъ называетъ Помпея. Абельяру весьма скоро наскучило оставаться въ его тѣни. Онъ все рѣже сталъ посѣщать лекціи Ансельма.

Но и здѣсь духъ клики былъ настолько сильно развитъ, что любимые ученики Ансельма тотчасъ же возненавидѣли молодого ученаго за это пренебреженіе къ ихъ учителю; тайнымъ наущичаньемъ они возстановили главу школы противъ его слушателя, не аккуратно посѣщавшаго лекціи. Однажды по этому поводу дошло до объясненій. Когда послѣ нѣсколькихъ научныхъ преній разговоръ принялъ болѣе легкое направленіе, Абельяру насмѣшливо замѣтили, что онъ, занимавшійся только свѣтскими науками, не придаетъ, вѣроятно, большого значенія изученію священнаго писанія. Абельяръ весьма серьезно возразилъ на это, что изученіе священнаго писанія онъ считаетъ весьма полезнымъ, и что при помощи его можно узнать, что можетъ слу-

1) Въ 1113 году Вильгельмъ изъ Шампо былъ посвященъ въ епископы въ Шалонѣ на Мариѣ, незадолго до того, какъ Абельяръ возвратился изъ Бретани въ Парижъ.

жить къ благоденствію души; онъ удивляется только тому, что люди научно образованные нуждаются еще въ учителѣ, чтобы понимать Писаніе; самого подлинника и во всякомъ случаѣ глоссаторовъ вполне достаточно для того, чтобы понять смыслъ Писанія, обширныя же схоластическія спеціальныя изслѣдованія только затемняютъ его. Отвѣтомъ на это вполне разумное замѣчаніе послужилъ оглушительный хохотъ заносчивыхъ студентовъ. Абеяру замѣтили, что въ такомъ случаѣ, конечно, и самъ онъ можетъ объяснить какого-нибудь пророка, не будучи близко знакомъ съ схоластикой? Когда же онъ дѣйствительно выразилъ свое согласіе на это, шумъ еще болѣе усилился. Тотчасъ же, въ видѣ насмѣшки, предложено ему было читать объ Іезекиилѣ, самомъ трудно понимаемомъ изъ всѣхъ пророковъ, и Абеяръ заявилъ готовность начать эти чтенія хотя бы съ завтрашняго же дня. Ему великодушно предложенъ былъ болѣе большой срокъ на подготовку, но онъ отказался, объяснивъ, что не привыкъ слѣдовать общепринятому обычаю, ему достаточно и своего собственнаго разсудка. По обычаю той эпохи Абеяръ взялъ „экспозитора“, который сначала читалъ со студентами текстъ и объяснялъ положеніе, въ которомъ находится разбираемый вопросъ, а затѣмъ Абеяръ изложилъ свои объясненія. На первое чтеніе явилось мало слушателей, но его способъ излагать предметъ, объясняя смыслъ текста не на основаніи толкованій авторитетовъ, а на основаніи собственныхъ выводовъ, приковалъ къ нему слушателей; вскорѣ появились также и остальные слушатели и переписали у другихъ лекціи, пропущенныя ими самими. Дѣйствительно, дошедшіе до насъ комментаріи Абеяра отличаются отъ обычныхъ средневѣковыхъ объясненій именно тѣмъ, что онъ ближе придерживается текста и избѣгаетъ обычныхъ въ то время безконечныхъ догматическихъ отступленій. Благодаря этому насъ не удивляетъ, что учитель, прославившійся до этого какъ логикъ, составилъ также эпоху и какъ комментаторъ священнаго Писанія. Но, чѣмъ болѣе распространялась популярность Абеяра, тѣмъ сильнѣе возмущался Ансельмъ успѣхами молодого человѣка, который посѣщалъ такъ не аккуратно его собственныя лекціи, и про котораго любимыя ученики Ансельма передавали всякаго рода дурныя слухи. Такими наушниками были прежде всего Альберихъ изъ Реймса и ломбардецъ Лотульфъ, которые этимъ способомъ желали освободиться отъ своего счастливаго соперника. Этотъ же способъ они съ такимъ же успѣхомъ еще разъ примѣнили впоследствии къ Абеяру. Возбуждая такимъ способомъ зависть подозрительнаго старца, они довели его до того, что онъ запретилъ молодому бретонцу продолжать чтенія въ соборной

школъ, подъ предлогомъ, что такого рода чтенія съ ихъ неизбѣжными заблужденіями, предпринятая безъ предварительной подготовки, могутъ повредить доброй славѣ Лаонской школы. Учащаяся молодежь хотя и была, правда, сильно возмущена этимъ вмѣшательствомъ завистливаго старика, но Абеляръ ясно видѣлъ, что противъ гнѣва академическихъ боговъ не существуетъ никакихъ средствъ. Онъ уложилъ свои лекціи объ Іезекиилѣ и вернулся въ Парижъ, оставляя поле сраженія за „Помпеемъ Великимъ“, какъ онъ въ насмѣшку называетъ Ансельма. Въ Парижѣ, съ отъѣздомъ Вильгельма изъ Шампо, который уже занималъ въ это время епископскую кафедру въ Шалонѣ, не существовало уже препятствій, мѣшавшихъ прежде Абеляру занять мѣсто лектора. Онъ получилъ кафедру въ соборной школѣ и началъ читать лекціи какъ по богословію, такъ и по діалектикѣ. Онъ не сообщаетъ намъ подробностей объ этомъ значительномъ и столь долго ожидаемомъ имъ успѣхѣ, потому что онъ описываетъ не исторію своего счастья, а исторію своего несчастья. Можетъ быть, ему было даже тяжело вспоминать благодѣянія капитула собора Парижской Богоматери и свои долги ему послѣ того, какъ изъ его покровителей члены капитула стали его злѣйшими врагами, которымъ онъ грозилъ даже процессомъ. Такъ какъ Элоиза называетъ его въ одномъ изъ писемъ каноникомъ, то онъ, вѣроятно, получилъ какой-нибудь приходъ, но вопросъ спорный получилъ ли онъ его въ качествѣ преемника Вильгельма въ Парижѣ, или въ Сенѣ, хроника котораго называетъ его соборнымъ каноникомъ ¹⁾. Самъ Абеляръ не упоминаетъ объ этомъ обстоятельстве въ описаніи, въ которомъ онъ рассказываетъ о своемъ бракѣ, и рисуетъ только себя, какъ несчастную жертву своихъ враговъ.

Такимъ образомъ Абеляръ самъ становится жителемъ того острова, на которомъ въ то время сосредоточивалась вся слава Франціи, церковь, король, судъ и наука. Два моста соединяли это ядро города съ новымъ Парижемъ. Grand-pont велъ на правый берегъ Сены въ кварталъ, расположенный между церквами Сень-Жерменъ д'Оксерровъ и Сень-Жерве и называвшійся ломбардскимъ кварталомъ, потому что здѣсь сосредоточена была торговля. Petit-pont велъ на холмъ святой Женевиѣвы, лежавшій въ то время еще внѣ городскихъ стѣнъ и все болѣе застраивавшійся школами и богоугодными заведеніями подъ наблюденіемъ аббата монастыря св. Же-

¹⁾ Ср. также Rémusat, Abailard. I, 39. Clericum atque canonicum называетъ его Элоиза. Ep. I, Migne 178, 132, изд. Cousin'a I, 14.

невьевы, во владѣніи котораго находился холмъ. Рядомъ, на востокъ, возвышалось новое зданіе монастыря св. Виктора, построенное Вильгельмомъ; на западѣ стояло древнее аббатство Сенъ-Жерменъ де Прэ. Такъ какъ на островѣ не могли поселиться всѣ студенты и всѣ жаждущіе знаній священники, которыхъ привлекала возрастающая слава парижскихъ школъ, то въ это время именно и возникъ на лѣвомъ берегу, вблизи Petit-pont, латинскій кварталъ, студенческой городъ, въ которомъ въ эту эпоху было достаточно шумно ¹⁾. Викторъ Гюго далъ намъ въ своемъ „Соборѣ Парижской Богоматери“ фантастическую, но исторически вѣрную картину жизни древняго Парижа, острова, мостовъ, студенческаго квартала. Все это шумное населеніе веселаго „*raus latin*“, недисциплинированные клерики съ холма святой Женевьевы ²⁾, ученики монастырскихъ школъ сосѣднихъ аббатствъ, все это устремилось теперь къ новому лектору, переселившемуся изъ Лаона на островъ и продолжавшему вначалѣ свои чтенія объ Іезекиилѣ.

Наступила цвѣтущая пора въ жизни Абеяра. Все, казалось, было доступно его таланту, и онъ обнаружилъ такую ученую дѣятельность, которая своей славой затмила все бывшее до того. Онъ видѣлъ у своихъ ногъ ³⁾ учениковъ всѣхъ національностей, которые единодушно хвалили его за то, что онъ какъ лекторъ принаровливался къ пониманію слушателей, что онъ никогда не читалъ сухо и скучно, но умѣлъ скрасить свои лекціи бьющими въ глаза картинami и остроумными замѣчаніями. „Онъ особенно умѣлъ“, рассказываетъ одинъ нѣмецкій слушатель, Оттонъ Фрейзингскій, „придать своимъ лекціямъ извѣстную тонкость, которая необходима не только для философіи, но и полезна для веселаго настроенія человѣческаго духа“ ⁴⁾. Съ этой характеристикой вполне совпадаютъ слова англичанина Іоанна Салисбурійскаго, сказанныя имъ о методѣ преподаванія Абеяра. Какъ философъ Абеяръ казался ему только послѣдователемъ Аристотеля, почему онъ и называетъ его охотно Палатинскимъ перипатетикомъ; какъ объ учителѣ онъ говоритъ о немъ: „Абеяръ настолько стремился къ ясности изложенія и легкости пониманія, что, вѣроятно, именно ради этого онъ спускался до точки зрѣнія дѣтей, желая, чтобы его ученики лучше пре-

¹⁾ Rémusat, I, 41 и слѣд.

²⁾ Срав. ниже объ Арнольдѣ Брешіанскомъ.

³⁾ Epistola Fulconis, op. Abael. изд. Cousin, I, 703.

⁴⁾ Otto Frising. De gestis Frid. I, 46. Срав. также письмо Фулько, Ab. op. I, 703 и 704.

успѣвали и пріобрѣтали знанія хотя бы въ простых предметахъ, чѣмъ оставаться совсѣмъ непонятнымъ, соблюдая свое достоинство и званіе философа“ 1). Противники же Абельяра, какъ, напримѣръ, Жюсселинъ въ біографіи святого Госвина, обвиняютъ Абельяра въ томъ, что онъ не былъ диспутантомъ, а просто насмѣшникомъ, и не занимался дѣятельностью лектора, а былъ лишь забавникомъ. Какъ серьезно, однако, относился самъ Абельяръ къ наукѣ, доказываютъ его сочиненія. Но вышеприведенныя мнѣнія, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что великій виртуозъ кафедры не только спускался до точки зрѣнія своихъ учениковъ, но не пренебрегалъ и тѣми мелкими уловками, которыми можно поддерживать хорошее настроеніе въ аудиторіи и предупреждать ея утомленіе. Чтеніе сочиненій Абельяра даже въ настоящее время даетъ понятіе о томъ, какъ должны были увлекать и привлекать вниманіе слушателей живость и ясность его изложенія, оригинальность его рѣзко бьющихъ въ глаза сравненій, свободное діалектическое развитіе и искусное пользованіе матеріалами старой литературы. Онъ вполне обладалъ даромъ своего народа выражать даже самое трудное и глубокое ясно, точно и изящно въ стилистическомъ отношеніи, и именно благодаря тому, что его понимали, всѣ сочиненія его распространялись и въ средѣ не интеллигентныхъ людей, на что такъ горько жалуются его противники. Эта потребность яснаго изложенія, понятный способъ описанія, захватывающій методъ формулированія вопросовъ, все это взятое вмѣстѣ часто производитъ впечатлѣніе почти современнаго произведенія, такъ что мы принуждены специально напоминать себѣ, что тотъ, кто умѣлъ писать такимъ образомъ, былъ современникомъ Готфрида Бульонскаго и Фридриха Барбароссы. Какъ на феноменъ, на него смотрѣли и его современники, которые всѣ согласно свидѣтельствуютъ о невиданномъ успѣхѣ его учебной дѣятельности. Римъ прислалъ въ его аудиторію своихъ учениковъ, пишетъ пріоръ Фулько Дейльскій 2), и призналъ его этимъ за мудрѣйшаго учителя. Ни горы, ни рѣки, ни равнины, ни разстояніе, ни затруднительныя и опасныя дороги не могли остановить желающихъ слушать его лекціи. Они являлись изъ-за моря, изъ Англии, изъ Бретани, Нормандіи, Фландріи, съ Баскскихъ горъ, изъ Поату, Анжу, Испаніи и Германіи, не говоря уже о жителяхъ Франціи и самого Парижа, которые такъ ревностно стремились слушать его лекціи, какъ будто бы только у него одного возможно было чему-либо научиться.

1) Joh. Saresberiensis. Изд. Giles (Metalog. 3, стр. 116).

2) P. Abael. op., изд. Cousin, I, 703 и слѣд.

Ясность его мыслей, его обаятельное краснорѣчіе, простота изложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и точность его знаній привлекали къ нему всѣхъ, какъ къ чистѣйшему источнику философіи. Много даже лѣтъ спустя Элоиза вспоминала о томъ, какъ всѣ сбѣгались, когда приходилъ „учитель Петръ“, какъ всѣ вытягивали шею и провожали его глазами, когда онъ проходилъ; она убѣждена, что королевы и могущественнѣйшія женщины завидовали его любви къ ней. Города и страны наперерывъ приглашали его къ себѣ, и ни одного учителя уже не сравнивали съ нимъ ¹⁾). Парижъ всегда былъ склоненъ баловать своихъ любимцевъ, а самъ Абельяръ ничего не имѣлъ противъ этого. Онъ получилъ всѣ радости *monstrari digito praetereuntium* ²⁾) Горація и принималъ безчисленные знаки овацій какъ должную дань. Увлечение его поклонниковъ усилило до высокомѣрной нетерпимости его самолюбіе, которое къ тому-же отъ природы было сильно развито. Фулько и говоритъ это, въ своемъ язвительно-слащавомъ письмѣ, прямо въ глаза Абельяру послѣ того, какъ на него обрушились несчастія, да и самъ Абельяръ не отрицаетъ, что благодаря энтузіазму слушателей у него началъ мутиться разумъ. Онъ вредилъ себѣ среди студентовъ и учителей своимъ непривѣтливымъ обращеніемъ. Онъ уже больше не цѣнилъ ничего, кромѣ собственныхъ идей, и привыкъ смотрѣть на всѣхъ, писавшихъ до него о тѣхъ же вопросахъ, даже на святыхъ церкви, какъ на людей, стоящихъ далеко ниже его въ умственномъ отношеніи. И не въ одномъ этомъ заключались прегрѣшенія Абельяра. Вслѣдствіе громаднаго прилива учениковъ росли и его доходы, и аскетически строгій ученый, при пріѣздѣ въ Парижъ знакомый только со страстью къ наукѣ, сталъ находить усладу въ удовольствіяхъ парижской жизни. Онъ самъ говоритъ, что по мѣрѣ роста его славы его скромность испарялась, а любовь къ Богу охладѣвала; онъ далъ себѣ полную волю, и именно по этому поводу съ большимъ правомъ, тѣмъ при описаніи своей побѣды надъ Вильгельмомъ изъ Шампо, Абельяръ долженъ былъ бы написать: „это было началомъ моихъ несчастій!“

¹⁾ Ер. II, 76.

²⁾ Od. IV: 3, 21—25.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АБЕЛЯРЪ и ЭЛОИЗА.

1118 и 1119 гг.

Ad Vulcania loca te properantem
praecedere vel sequi pro jussu tuo
minime dubitarem. Non enim mecum
animus meus, sed tecum erat. Sed et
nunc maxime si tecum non est, nusquam est.

Heloissae Ep. II, 77.

Годъ, предшествовавшій вступленію Абеяра въ монастырь Сень-Дени, былъ роковымъ въ жизни великаго ученаго; тяжкій проступокъ, безчеловѣчное наказаніе и рѣшеніе провести остатокъ жизни въ строжайшемъ покаяніи—все это произошло въ короткій промежутокъ одного года.

Что до извѣстной степени обезоруживаетъ приговоръ читателя автобіографіи, это — та строгость, съ которой авторъ осуждаетъ самого себя, ничего не прикрашивая. Старикъ относится совершенно объективно къ молодому человѣку. Съ холоднымъ спокойствіемъ, которое не лишено извѣстной доли ироніи, онъ смотритъ на ошибки молодого человѣка, тщеславнаго безумца былыхъ временъ. Онъ самъ находитъ, что этому Абеяру воздано было по заслугамъ, но и у монаха, все же, волнуется кровь, когда онъ вспоминаетъ дни, когда онъ, какъ краденое, захватилъ запретное счастье. „Такъ какъ счастье“, пишетъ онъ, „всегда отуманиваетъ безумцевъ, а свѣтская слава умаляетъ силу духа и легко разрушаетъ ее плотскими соблазнами, то и я, который жилъ ранѣе совершенно скромно, далъ себѣ полную волю, потому что уже считалъ себя единственнымъ философомъ еще существующимъ въ мірѣ и не боялся уже болѣе никакихъ дальнѣйшихъ тревогъ. И, чѣмъ больше я преуспѣвалъ въ философіи и теологіи, тѣмъ дальше я удалялся отъ философовъ и теологовъ вслѣдствіе

грѣховности моей жизни“. Абельяръ приближался къ сорокалѣтнему возрасту, когда его романъ съ Элоизой разрушилъ всѣ его научные планы и направилъ всю его жизнь по совершенно иному пути. Какъ на оправданіе своего заблужденія, онъ указываетъ прежде всего на то, что отъ грязной жизни другихъ его удерживало природное отвращеніе, что, правда, оспаривается его противникомъ Фулько ¹⁾; его ученые занятія не оставляли ему времени, чтобы завести связи съ знатными дамами; онъ соглашается также, что незнакомъ былъ съ приемами ухаживанія; ухаживаніе было въ то время весьма сложнымъ искусствомъ, вслѣдствіе чего онъ и рѣшился завязать болѣе простыя отношенія. Бракъ не былъ невозможенъ, потому что обрядъ посвященія въ священники совершенъ надъ нимъ былъ только тогда, когда онъ уже былъ монахомъ, но законный бракъ закрылъ бы ему доступъ къ высшимъ ступенямъ церковной іерархіи. Такимъ образомъ, онъ рѣшилъ жить, какъ многіе другіе сапонісі саесулагес. Злое счастье (*grava fortuna*) встрѣтило его на половинѣ пути. Абельяръ ничего не прикрашиваетъ при этомъ. Онъ говоритъ, что *желалъ* вступить въ связь, которая была весьма обычна въ средѣ низшаго духовенства, несмотря на предписанія папы Григорія. Какъ всякій другой холостой человѣкъ, который выбираетъ между дѣвицами своей страны, такъ и Абельяръ, послѣ хладнокровнаго соображенія, выбралъ для такого незаконнаго сожителства прелестную Элоизу, знаменитую во всей Франціи благодаря ея учености, „племянницу“ каноника Фульбера ²⁾. Онъ зналъ, что обаяніе его блестящей личности, приковывавшее къ его пути студентовъ, не покидало его также и въ отношеніяхъ къ женщинамъ ³⁾, и онъ самъ говоритъ (что, впрочемъ, письменно подтверждается и Элоизой въ письмѣ къ нему ⁴⁾), что ни одна женщина, которую онъ удостоилъ бы своею любовью, не отвергла бы его. Если его собственное свидѣтельство можетъ въ данномъ случаѣ имѣть какое-либо значеніе, то, по его словамъ, онъ, какъ мужчина, былъ во всякомъ случаѣ въ это время болѣе красивымъ, чѣмъ еще не вполне развившаяся Элоиза,

1) Изд. Cousin'a, I, 705. То обстоятельство, что Фулько Дейльскій въ этомъ письмѣ желаетъ задобрить Абельяра льстивыми похвалами, со-всѣмъ не доказываетъ, что онъ былъ другомъ Абельяра.

2) Относительно происхожденія Элоизы возникало множество предположеній. Упорная борьба Фульбера изъ-за правъ на нее вполне понятна, если предположить, что она была его дочерью.

3) Ер. I, 10.

4) Ер. II, стр. 76.

какъ женщина ¹⁾. Онъ избралъ именно ее не столько ради ея прелестной вѣшности, сколько вслѣдствіе того, что съ нею, какъ съ получившею у монахинь Аржантейльскаго монастыря научное образованіе и какъ съ знаменитой чудо-дѣвицей, которою восхищалась вся Франція, по свидѣтельству преподобнаго Петра, онъ могъ разсчитывать также на духовное и литературное общеніе съ нею. Въ нашемъ столѣтіи еще показывали на Сенскомъ островѣ такъ называемый домъ каноника Фульбера, гдѣ разыгрался романъ Абельяра и Элоизы ²⁾. Онъ стоялъ на сѣверъ отъ собора Париж-

1) Quae quum per faciem non esset infima, per abundantiam literarum erat suprema. О себѣ самомъ онъ хвастливо говорить: *juventutis et formae gratia praeminebam.*

2) Въ описаніи Парижа *Vitu* мы читаемъ: На углу улицы Шантрѣ и набережной можно было видѣть еще немного лѣтъ тому назадъ церковный домъ, называвшійся просто домомъ Элоизы и Абельяра. На заборѣ небольшого сада, доходившаго до набережной, можно было прочесть слѣдующіе два стиха, написанныхъ въ видѣ афиши:

*Héloïse, Abeilard habitèrent ces lieux,
Des fidèles amants modèle précieux,*

а внизу 1118 годъ. Теперь не осталось уже и слѣдовъ стариннаго домика, садика и надписи. Новый домъ, съ двумя воротами подъ №№ 9 и 11, выходящими на набережную, занимаетъ съ 1849 года это мѣсто и гнететъ его всею тяжестью своихъ пяти этажей. Архитекторъ, повидимому, пожелалъ сохранить преданіе и изобразилъ женскую голову надъ правыми воротами, а мужскую надъ лѣвыми, которыя должны изображать Элоизу и Абельяра, безъ ручательства, однако, за сходство ихъ. Но слѣдуетъ ли довѣрять легендѣ? Достоверно только то, что Фульберъ, соборный каноникъ, жилъ въ монастырѣ; вотъ и все, что намъ извѣстно. Что же касается до мѣста, гдѣ находился его домъ, то оно довольно проблематично, можно даже считать вышеупомянутую легенду недостоверной, такъ какъ болѣе древніе историки Парижа ничего не говорятъ по этому поводу. Прюдоммъ первый сообщаетъ объ этомъ въ своемъ „Зеркалѣ стараго и новаго Парижа“, изданномъ въ 1804 году. Откуда же взяты эти два изображенія, о которыхъ до Прюдомма, т. е. до первыхъ годовъ XIX вѣка, никто никогда ничего не сообщалъ? Уже сама дата направляетъ насъ на истинный путь: изображенія на улицѣ Шантрѣ напоминаютъ предполагаемыя гробницы Элоизы и Абельяра на кладбищѣ *Rège-Lachaise* и обязаны своимъ происхожденіемъ одному лицу, а именно Александру Ленуару, который, имѣя наилучшія въ мірѣ намѣренія, наводнилъ исторію искусствъ такой массой апокрифическихъ памятниковъ.

Парижъ 1889.

Огюсть Витю.

ской Богоматери, вблизи Сены, среди узкихъ и кривыхъ улицъ, при входѣ въ улицу des Chantres; фасадъ его выходилъ на нынѣшнюю ратушу. Здѣсь, въ центрѣ жилищъ духовенства, недалеко отъ соборной школы, въ которой онъ преподавалъ, познакомился знаменитый учитель Петръ съ племянницей каноника Фульбера, тогда еще очень юной дѣвицей (adolescentula). Гордость дяди своею талантливою племянницей облегчила Абельяру доступъ въ домъ. При посредствѣ третьихъ лицъ Абельяръ предложилъ закончить научное образованіе Элоизы, если Фульберъ согласится принять его, какъ нахлѣбника, такъ какъ веденіе собственнаго хозяйства обходится ему чрезчуръ дорого и вообще хлопотливо. Плату за содержаніе Абельяръ предоставилъ назначить самому Фульберу по своему усмотрѣнію. Суровый старикъ простодушно пошелъ на эту удочку. Можетъ быть, Абельяръ имѣлъ въ виду нѣсколько скрасить свой собственный нехорошій поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ утверждаетъ, что корысть и тщеславіе руководили Фульберомъ, когда послѣдній заключалъ сдѣлку, благодаря которой онъ сберегалъ гонораръ за ученіе и получалъ какъ члена семьи и учителя своего ребенка знаменитѣйшаго учителя Запада. Во всякомъ случаѣ, высокое положеніе, занимаемое Абельяромъ въ наукѣ, и его въ высшей степени строгое поведеніе вполне гарантировали Фульбера. Великій человѣкъ могъ заниматься съ его племянницей въ любое время, наблюдать за всѣми ея занятіями и наказывать ее, въ случаѣ, если она будетъ лѣниться. „Мы жили такимъ образомъ подъ одною кровлею“, рассказываетъ самъ Абельяръ, „и вскорѣ стали жить одною мыслью“. Не возбуждая подозрѣній дяди, Элоиза сошлась съ своимъ учителемъ, какъ онъ мечталъ объ этомъ и ранѣе. Будучи уже старикомъ, Абельяръ, волнуясь, передаетъ своему другу эту исторію своей тогдашней жизни, наполненной любовью. А Элоиза много лѣтъ спустя пишетъ въ одномъ полномъ грусти письмѣ къ своему мужу, совершенно переставшему отвѣчать ей: „Я откровенно скажу, что тебѣ даны были въ особенности двѣ способности, благодаря которымъ ты могъ тотчасъ же завоевывать любовь женщинъ, а именно даръ стихосложенія и пѣнія ¹⁾. Ты оставилъ послѣ себя пѣсни, сложенные въ любовныхъ метрахъ, благодаря прелестнымъ стихамъ и напѣву которыхъ твое имя было постоянно на устахъ у всѣхъ“. Она слышала, начиная съ этого времени, на улицахъ и въ домахъ пѣніе пѣсенъ, сложенныхъ

1) Ер. 2, 76.

въ ея честь ¹⁾. Такія чувства волновали французенку двѣнадцатаго вѣка; такъ мало думала Элоиза о жалобѣ Гретхенъ: „они поютъ обо мнѣ пѣсни, это нехорошо со стороны людей“, что она гордилась этой извѣстностью, потому что предпочитала лучше быть возлюбленной такого человека, какъ Абеляръ, чѣмъ его супругой, навязанной ему какъ обуза. Пѣсни объ Элоизѣ еще живы были на устахъ толпы, когда Абеляръ писалъ свои воспоминанія, и то одно, то другое самъ приписывалось его авторству, хотя для этого и не было достаточныхъ оснований. Абеляръ давалъ своей ученицѣ уроки еврейскаго и греческаго языковъ, насколько самъ знакомъ былъ съ ними; не исключались и занятія теологическими и этическими вопросами, какъ это доказывается намекомъ на ученіе Абеляра объ *intentio*, который случайно дѣластъ Элоиза въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Абеляру ²⁾; въ діалектикѣ она также достигла того, что могла свободно употреблять техническіе термины въ родѣ *specialiter* и *singulariter* ³⁾. Дуновеніе этого полу-педаггическаго, полу-влюбленнаго союза проявилось и въ попыткѣ Абеляра объяснить этимологию имени своей возлюбленной, которое производится имъ не отъ Гельвиды, Гельвизы (Луизы), а отъ еврейскаго слова Элохимъ или Элоимъ, отъ имени Бога ⁴⁾. Въ то время, когда Абеляръ провинился этою этимологическою ошибкой, въ эти годы любовь уже давно была пережита аббатомъ и аббатиссой.

Такимъ образомъ остроумный схоластикъ превратился въ воркующаго трубадура; вскорѣ, впрочемъ, онъ уже открылъ, что Минерва и Венера съ начала вѣковъ никогда не любили другъ друга. „Мнѣ было прямо противно ходить въ аудиторію и проводить тамъ время; я не могъ чувствовать себя въ равной степени бодрымъ ночью для любви, а днемъ для чтеній. Я такъ апатично и небрежно сталъ относиться къ лекціямъ, что уже не отдавался чтеніямъ со свѣжими силами своего ума, а лишь по привычкѣ повто-

¹⁾ Ep. II, 78. *Me plateae omnes, me domus singulae resonabant.*

²⁾ Ep. II, Cousin, I, 76.

³⁾ Ep. VI, Migne 178, 213. Объ успѣхахъ своего преподаванія Абеляръ сообщаетъ монахинямъ Параклета: *Magisterium habetis in matre, quod ad omnia vobis sufficere, tam ad exemplum scilicet virtutum quam ad doctrinam litterarum potest: quae non solum Latinae, verum etiam tam Hebraicae quam Graecae non expertis litteraturae, sola hoc tempore illarum trium linguarum adepta peritiam videtur, quae ab omnibus in beato Hieronymo tanquam singularis gratia praedicatur.* Migne, 178, 172.

⁴⁾ Ep. V, стр. 101.

рять только то, что уже изучено было мною ранѣе... Если мнѣ и доступно было созданіе чего-либо новаго, то это были пѣсни любви, а не открытіе тайнъ философіи“. Ученики вскорѣ тоже замѣтили неблагоприятную пере-мѣну, происшедшую съ ихъ любимымъ учителемъ, а съ теченіемъ времени они узнали и истинное положеніе дѣла. Тотчасъ же приключеніе это было на устахъ у всѣхъ, и только дядя Элоизы, котораго оно касалось ближе всего, продолжалъ жить въ полномъ невѣдѣніи. Такъ какъ онъ нѣжно любилъ Элоизу, а послѣдняя продолжала относиться къ нему съ своею прежней дѣтской заботливостью, Абельяръ же въ виду его регулярной жизни пользовался до этого времени самой лучшей репутаціей, то Фюльберъ даже и тогда остался при своемъ хорошемъ мнѣніи о немъ, когда друзья попробовали открыть ему глаза. Тѣмъ сильнѣе было его огорченіе, когда онъ наконецъ убѣдился, что оба обманывали его. Онъ разъединилъ ихъ. Печаль, отчаяніе, потоки слезъ явились результатомъ обрушившагося на нихъ несчастья, и обѣ стороны оплакивали горе, причиненное другой стороной; любовь ихъ улвоилась, такъ какъ они не могли видѣться другъ съ другомъ. Вскорѣ послѣ этого Элоиза съ большою радостью (*cum summa exultatione*) дала знать своему возлюбленному, что чувствуетъ себя матерью. Абельяру ничего не оставалось послѣ этого, какъ освободить ее изъ заключенія у Фюльбера. Онъ выбралъ одну ночь, когда каноникъ былъ въ отсутствіи, вывелъ Элоизу изъ его дома и отправилъ ее, переодѣтую монахиней, въ Бретань, къ своей сестрѣ. То, что честная семья приняла бѣглянку, что въ послѣдствіи монахини Аржантейскаго монастыря дали пріютъ преслѣдуемой четѣ, что Элоиза наконецъ, несмотря на свое прошлое, дѣлается пріорессой въ старомъ Аржантейлѣ, съ его хитомъ Христа, и аббатиссой въ новомъ Параклетѣ, а благочестивый аббатъ Клюнійскій титулуеъ ее, какъ аббатиссу, эпитетомъ „*vestra sanctitas*“ ¹⁾, все это служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ, что на этотъ эпизодъ смотрѣли не съ точки зрѣнія нашихъ современныхъ нравовъ. Григоріанская реформа достигла только того, что жены священниковъ замѣнены были поповскими экономками, а такъ какъ Абельяръ еще не былъ посвященъ въ священники, а въ послѣдствіи церковный бракъ былъ совершенъ, то даже высшіе представители церкви не ставили будущей аббатиссѣ въ вину ея дѣвическихъ заблужденій. Семья Абельяра тоже приняла въ ней участіе, и вскорѣ обнаружилось, что для собственной безопасности Абельяра было полезно, что онъ спряталъ Элоизу на своей ро-

1) Cousin I, 716.

динѣ, у родныхъ. Могущественный каноникъ не оставилъ бы безъ возмездія похищенія своей племянницы, которая была, можетъ быть, его дочерью, но онъ опасался, что всякое насиліе противъ Абеяра отзовется въ Бретани на Элоизѣ, попрежнему дорогой ему. Такимъ образомъ владѣльцу Пале Элоиза служила заложницей за безопасность родственника, находившагося во власти Фульбера. Когда негодованіе старика нѣсколько улеглось, Абеяръ передалъ ему черезъ третьихъ лицъ, что то, что случилось, съ исповонъ вѣковъ повторяется въ мірѣ, а чтобы исправить причиненное имъ зло, онъ согласенъ загладить проступокъ благословеніемъ церкви, при условіи сохраненія брака въ тайнѣ, чтобы этотъ поступокъ не повредилъ его карьерѣ. Послѣ этого состоялось примиреніе, и Абеяръ былъ прощенъ Фульберомъ и его родственниками.

Во время поѣздки Абеяра въ Бретань, которую онъ предпринялъ съ цѣлью привезти Элоизу обратно, послѣдняя родила сына, котораго учена мать и назвала Астролябіемъ. Она не хотѣла и слышать о тайномъ бракѣ въ домѣ своего дяди. Зная каноника, она полагала, что онъ никогда не проститъ Абеяру и станетъ мстить ему, разъ она снова будетъ въ его власти. Въ своей самоотверженной любви, она хотѣла принять на себя одну всю тяжесть положенія, не хотѣла допускать любимаго человѣка ни до какой жертвы и въ особенности не желала сознавать себя виновной въ томъ, что ради нея высшія ступени церковной іерархіи будутъ закрыты для Абеяра, стоявшаго въ началѣ великой карьеры. Она говорила, что ее будетъ осуждать весь свѣтъ за то, что величайшій свѣточъ Франціи вновь погасъ, только что разгорясь. Даже опираясь на Писаніе она доказываетъ Абеяру, что апостоль предостерегаетъ отъ брака, и приводитъ въ подтвержденіе мнѣнія философовъ, учениковъ пророковъ, ессеевъ и отцовъ церкви, чтобы отклонить его отъ шага, который повредитъ его славі, не возстановивъ ея чести. Абеяръ приписываетъ ей при этомъ такое ученое разсужденіе о преимуществахъ celibата, что мы должны были бы болѣе сомнѣваться въ ея, чѣмъ въ его, призваніи къ семейной жизни, если бы не было ясно, что въ данномъ случаѣ въ значительной степени онъ выражаетъ собственныя мысли, имѣя въ виду по возможности оправдать свое собственное отношеніе къ вопросу. „Какъ гармонируютъ другъ съ другомъ“, спрашивала, по его словамъ, Элоиза, „ученики и служанки, письменныя принадлежности и люлька, книги, доски и прялки, перья, грифеля и веретено? Кто въ состояніи, углубившись въ теологическія и философскія идеи, выдержать плачь дѣтей, нагѣвы кормилицъ, укачивающихъ ихъ, шумливую толкотню мужской

и женской прислуги? Кто въ состояніи выносить отвратительную, постоянную грязь маленькихъ дѣтей? Со всѣми этими мелочами жизни могутъ не считаться богачи, въ великолѣпныхъ домахъ или дворцахъ которыхъ много комнатъ, которые не стѣсняются расходами и избавлены отъ ежедневной заботы о хлѣбѣ насущномъ. Но положеніе философа, увѣряю тебя, не похоже на положеніе богачей; тотъ же, кто думаетъ о приобрѣтеніи денегъ и углубляется въ свѣтскія заботы, не имѣетъ склонности служить божественной и человѣческой мудрости“. Это были скорѣе собственные мысли Абеяра, чѣмъ разсужденія Элоизы, но и ея подлинныя письма несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что она согласна была и на будущее время оставаться его возлюбленной, только бы онъ не ставилъ на карту вслѣдствіе брака съ нею свое положеніе и все свое будущее ¹⁾. Благодаря браку, по ея словамъ, онъ не могъ бы сохранить своего положенія въ школѣ, по крайней мѣрѣ онъ не имѣлъ бы уже права читать богословіе и долженъ былъ бы выйти изъ капитула; путь къ высшимъ должностямъ былъ бы закрытъ для него. Если же Элоиза останется только его возлюбленной, то всѣ эти послѣдствія не имѣютъ мѣста, потому что многіе изъ высшихъ іерарховъ, руководившихъ впоследствии церковью Франціи, имѣли въ своемъ прошломъ подобныя же связи. Мысли эти вполне ясно указываютъ на лицемеріе церковныхъ порядковъ ²⁾, а равно и на уравнивающую силу общественнаго мнѣнія, не осуждавшаго такого рода связи, какъ связь Элоизы, потому что онѣ въ концѣ концовъ только исправляли несправедливость существующихъ статутовъ. Что жертва, предлагаемая ею, позорна сама по себѣ, это не приходитъ на умъ ни Абеяру, ни ей самой. Наконецъ, скорѣе подъ вліяніемъ боязни мести со стороны Фульбера, чѣмъ руководствуясь соображеніями совѣсти, они рѣшились послѣдовать предложенію Абеяра и вступить въ тайный бракъ. Она согласилась, но съ болѣе тяжелымъ чувствомъ, чѣмъ испытанныя ею когда-либо до этого.

¹⁾ Скромную поправку его сообщенія мы находимъ въ ея письмѣ (Ep. 2, Cousin, I, 75): „Ubi et rationes nonnullas, quibus te a conjugio nostro infaustis thalamis revocare conabar, exponere non es dedignatus, sed plerisque tacitis, quibus amorem conjugio, libertatem vinculo praeferebam“.

²⁾ Насколько тогдашній обычай считалъ преподавательскую дѣятельность недоступной для женатыхъ, это вопросъ спорный. Элоиза предполагаетъ, что Абеяръ, какъ *professione religionis adstrictus*, какъ *clericus* и *salonicus*, не могъ жениться, упоминая при этомъ больше о нравственныхъ, чѣмъ о церковныхъ препятствіяхъ.

Дальновидная женщина не вѣрила ни въ забвеніе Фульберомъ случившагося, ни въ продолжительность чувства готовности жертвовать собою у Абеляра; рыдая и плача она дала свое согласіе, „увѣренная, что горе ея будетъ такимъ же безконечнымъ, какъ безпредѣльна была сама любовь ея“. „Она не лишена была дара предвидѣнія, какъ это оказалось впоследствии“, говоритъ Абеляръ, описывая роковой отъѣздъ изъ Пале. Ихъ сынъ остался въ Бретани у сестры Абеляра и долженъ былъ быть воспитанъ для поступленія впоследствии въ духовное званіе ¹⁾, а родители вернулись тайно въ Парижъ, гдѣ они ночью во время заутрени встрѣтились въ церкви, а утромъ обвинялись въ присутствіи дяди и нѣкоторыхъ друзей. Послѣ этого каждый изъ нихъ вернулся на свою одинокую квартиру; видѣться они должны были только тайно и изрѣдка. Но въ то время, какъ въ интересахъ Абеляра было скрывать свой бракъ, Фульберъ старался распространить слухъ о немъ, чтобы смыть пятно съ своей фамиліи. Наоборотъ, Элоиза говорила наперекоръ своимъ родственникамъ, что это — неправда, и клятвенно торжественно увѣряла, что не состоитъ въ супружествѣ съ Абеляромъ. Когда за это ее побила ея собственная родственница, Абеляръ вторично долженъ былъ увезти ее, и на этотъ разъ онъ отвезъ ее къ монахинямъ Аржантейскаго монастыря, гдѣ она ранѣе воспитывалась. Въ монастырѣ Элоиза облачилась въ одѣяніе послушницъ, а родственники ея усмотрѣли въ этомъ поступкѣ попытку Абеляра вообще развязаться съ нею. Если дать вѣру враждебнымъ свидѣтельствамъ аббата Фулько Дейльскаго и каноника Росцелина, то дѣйствительно выходитъ, что Абеляръ какъ будто нарочно сдѣлалъ все, чтобы возбудить такое подозрѣніе. По ихъ словамъ, онъ предавался въ этотъ періодъ, предшествовавшій его поступленію въ монастырь, самой разнузданной жизни и тратилъ весь свой доходъ на женщину, одной изъ которыхъ, уже будучи монахомъ, онъ продолжалъ давать деньги, получаемыя за свою преподавательскую дѣятельность. Такъ какъ эти послѣдующія розсказни слѣдуетъ отнести къ области сплетенъ монаховъ монастыря Сень-Дени ²⁾, то является весьма вѣроятнымъ, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ извращеніемъ его отношеній къ Элоизѣ; между прочимъ изъ ея собственныхъ писемъ ясно видно, что онъ и въ Аржантейлѣ никонимъ образомъ не прерывалъ связи съ нею. Любовницей Абеляра, которую онъ снабжалъ деньгами, такъ сильно оплакиваемыми монахами Сень-Дени, была, конечно, сама Элоиза, которая должна была отрицать свой

1) Abael. op. изд. Cousin'a, I стр. 46.

2) Migne 178, 370.

бракъ съ Абеяромъ, но которую аржантейльскія монахини несомнѣнно не безкорыстно содержали въ монастырѣ. Но даже и въ томъ случаѣ, если все происходило именно такъ, какъ передаетъ Абеяръ, эти его отношенія все же остаются достаточно недостойными и двусмысленными. вмѣсто того, чтобы открыто признать Элоизу своей женой, онъ держитъ ее безвыходно въ женскомъ монастырѣ. Не постригаясь въ монахини, Элоиза живетъ тамъ какъ бѣлица и продолжаетъ отношенія съ Абеяромъ какъ съ мужемъ, при посѣщеніи имъ трапезной монастыря ¹⁾.

Такое безстыдное поведеніе вызвало справедливое негодованіе Фульбера и родственниковъ Элоизы. Они полагали, что Абеяръ издѣвается надъ нею и помѣстилъ свою жену въ монастырь, чтобы этимъ способомъ развязаться съ нею. Подъ впечатлѣніемъ обиды, они порѣшили такъ отмстить Абеяру, изъ честолюбія не хотѣвшему открыто признать своего брака, чтобы онъ не могъ послѣ этого достигнуть высшихъ іерархическихъ ступеней, или же, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени затруднить ему доступъ къ нимъ ²⁾. Задуманное ими средство часто практиковалось уже и ранѣе, во времена борьбы патареновъ, катаровъ и николаитовъ. Они подкупили его слугу, напали на него въ его спальнѣ, и прежде, чѣмъ онъ вполнѣ очнулся отъ сна, онъ былъ уже кастрированъ ³⁾. Поступокъ этотъ чрезвычайно возмутилъ все общество. Не только студенты, но и весь Парижъ сбѣжался на островъ, чтобы убѣдиться въ случившемся, а такъ какъ Абеяръ, какъ клерикъ, принадлежалъ къ духовному званію, то и епископъ принялъ участіе въ дѣлѣ. Фульберъ отвѣтилъ за этотъ насильственный поступокъ конфискаціей имущества и на нѣкоторое время былъ изгнанъ изъ капитула ⁴⁾. Слуга, выдавшій Абеяра, и одинъ изъ преступниковъ, котораго успѣли схватить, искупили свою вину на основаніи *juris talionis*, и обоимъ

¹⁾ Ep. V. Изд. Cousin'a, 98 и слѣд.

²⁾ Насколько подобное изувѣченіе, произведенное третьимъ лицомъ, портило его карьеру—во всякомъ случаѣ спорно. Самъ Абеяръ отвергаетъ, что это служило ему препятствіемъ къ отправленію священническихъ обязанностей. Ep. V, Migne 178, 207. Cousin I, 100. И, дѣйствительно, несмотря на это, онъ былъ посвященъ въ священника и, по сообщенію аббата Ключійскаго (Cousin, I, 713), послѣ примиренія съ папой служилъ часто обѣдни.

³⁾ Cousin, I, 32 и 16 слѣд.

⁴⁾ Epist. Fulconis, Cousin, I, 706 и сл. По словамъ Ремюза, I, 68, онъ снова потомъ появляется въ спискахъ канониковъ.

къ тому же выколоты были глаза. Но будущность Абеяра все же была разбита. Въ то время какъ онъ лежалъ, страдая отъ ранъ, толпа его почитателей ломилась въ его домъ и растревляла его страдапія своими соболѣзнованіями. „Трудно, даже невозможно передать словами, какъ весь городъ собирался вокругъ меня, глаза въ изумленіи, изливая это изумленіе въ соболѣзнованіяхъ, и какъ я страдалъ благодаря этимъ крикамъ и оглушенъ былъ ихъ причитаніями. Въ особенности же меня истязали своими невыносимыми сѣтованіями и причитаніями духовные и мои ученики, и я значительно болѣе страдалъ отъ ихъ сочувствія, чѣмъ отъ боли, причиняемой ранами“. Но всего болѣе мучило честолюбиваго и страстнаго ученаго сознаніе своего позора. Передъ нимъ мучительной вереницей проносился весь рой его проступковъ и потерь, и его преслѣдовало сознаніе, какъ блестяще было его положеніе, которое теперь потеряно имъ навсегда, какъ справедливо наказаніе, постигшее его, какъ измѣна. преслѣдовала его со времени его собственной измѣны, какъ будутъ теперь злорадствовать его соперники и скорбѣть его родители и друзья, какъ, наконецъ, весь свѣтъ будетъ говорить объ этомъ приключеніи. Гдѣ же исходъ? Какъ одежда Несса, облекалъ его позоръ, и не было способа избавиться отъ него! Съ какою фязіономіей появится онъ передъ обществомъ, когда всѣ будутъ указывать на него пальцемъ, когда всѣ языки будутъ злословить на его счетъ, и онъ въ глазахъ всѣхъ будетъ играть роль какого-то уродливаго предмета вниманія? Его душу пронизывало сверлящее горькое сознаніе своего моральнаго уничтоженія навсегда, въ прошломъ онъ видѣлъ только свою вину, въ будущемъ только позоръ и презрѣніе. Его воображеніе занято было тѣмъ, что усиливало печальное до степени невыносимаго, и въ этомъ не было преувеличенія. И послѣ этого происшествія онъ снова пользовался славой учителя, но не пользовался уже уваженіемъ. Тонъ его противниковъ, начиная съ этого времени, совершенно измѣняется относительно его, а при грубости монашеской вражды, такіе противники, какъ Росцелинъ, грубо-насмѣшливо указывали на эту, никогда не заживавшую его моральную рану. Даже много лѣтъ спустя содрагаются всѣ его фибры, когда онъ говоритъ объ этой исторіи, а читатель вмѣстѣ съ нимъ чувствуетъ, какъ этого честолюбиваго и страстнаго человѣка сжигаетъ чувство невыразимаго позора. Даже его знанія сами присоединились ко всѣмъ злымъ видѣніямъ, окружавшимъ его страдальческое ложе, чтобы еще болѣе мучительно повліять на него. Онъ вспоминалъ всѣ мѣста Ветхаго Завета, которыя говорили объ изгнаніи кастратовъ изъ храма, вспоминалъ о законѣ, клеймившемъ ихъ,

какъ нечистыхъ животныхъ. Наконецъ онъ пришелъ къ рѣшенію, вызванному по его собственнымъ словамъ скорѣе стыдомъ, чѣмъ благочестіемъ, а именно похоронить свой позоръ въ стѣнахъ монастыря.

Фулько Дейльскій увѣряетъ, что у Абеяра не было никакого имущества кромѣ того платья, которое было на немъ, когда онъ явился въ самое знаменитое аббатство Франціи, къ монахамъ монастыря С.-Дени. Объясняется ли это обстоятельство безпутной жизнью послѣднихъ лѣтъ, какъ это представляетъ Фулько, или же помѣщеніе Элоизы въ Аржантейльскомъ монастырѣ и расходы на лѣченіе и веденіе процесса поглотили всѣ его сбереженія, во всякомъ случаѣ монахи съ радостью приняли въ свою среду знаменитаго ученаго даже и такимъ, какимъ онъ явился къ нимъ. По каноническимъ правиламъ онъ могъ быть принять только въ случаѣ постриженія и его супруги. Вслѣдствіе этого Абеяръ приказалъ Элоизѣ произнести монашескіе обѣты въ Аржантейлѣ. Элоиза сама говоритъ ¹⁾, что не влеченіе къ монашеской жизни, но всегдашняя покорность ея кумиру заставила ее, еще не достигшую двадцатилѣтняго возраста женщину, совершенно противъ ея собственнаго желанія сдѣлаться монахиней; при этомъ несчастная женщина еще оплакиваетъ, что благодаря этому несчастному браку она явилась причиной несчастья Абеяра. Она говоритъ, что не сдѣлалась болѣе угодной Богу вслѣдствіе такого рода обѣта, но въ ея фанатизмѣ къ Абеяру она желала лишь показать, что считаетъ его господиномъ какъ своего тѣла, такъ и своей души. Переписка ихъ подала поводъ къ болѣе горячимъ объясненіямъ, когда, наконецъ, Элоиза убѣдилась, что подозрительный больной не довѣряетъ ей. Онъ писалъ, что она должна вступить ранѣе его въ монастырь, чтобы не остаться, какъ жена Лота, на полпути. Это было послѣдней обидой, которую могъ причинить ей Абеяръ, и, по личному ея сознанію, онъ жестоко оскорбилъ ее этимъ, потому что по его приказу она пошла бы за нимъ въ самый адъ, или даже предшествовала бы ему: „Потому что у меня не было своего я, оно было твоимъ; если оно не съ тобою, то его вообще нѣтъ. Безъ тебя оно вообще существовать не можетъ“. Въ силу такой слѣпой преданности она и сдѣлала этотъ шагъ, послѣ котораго уже не было возврата, когда ей еще не исполнилось двадцати лѣтъ. „Я вспоминаю“, рассказываетъ Абеяръ, „какая масса людей тщетно старалась изъ состраданія оберечь ея юность отъ ига монастырскаго устава, какъ отъ невыносимой муки.

¹⁾ Ep. 2. Изд. Cousin'a I, 77.

Она же, плача и рыдая, высказалась слѣдующими словами Корнеліи Лукана ¹⁾:

Oh maxime coniux,
Oh thalamis indigne meis! Hoc juris habebat
In tantum fortuna capnt? Cur impia pupsi,
Si miserum factura fui? Nunc accipe poenas,
Sed quas sponte luam.

„Зачѣмъ, я бѣдная, стала твоей женою, чтобы принести тебѣ горе? Прими мое искупленіе, которое я выбираю добровольно“. Съ этими словами она вскорѣ пошла къ алтарю, приняла отъ епископа постриженіе въ монахини и произнесла передъ всѣми объѣтъ монашеской жизни“. Элоиза безъ колебанія принесла въ жертву всю свою молодую жизнь, но изъ послѣдующей ея переписки видно, какъ тяжело ей было въ послѣдствіи. Самъ Абельяръ не сомнѣвается, что, живя въ свѣтѣ, она легко нашла бы себѣ другого супруга ²⁾, а Элоиза признается съ откровенностью дочери своего вѣка, какъ долгіе годы послѣ этого вся ея природа возмущалась противъ требованій монастырской жизни. Но и это горе она перенесла бы съ легкимъ сердцемъ, если бы онъ только облегчилъ ей его своимъ участіемъ. Но Абельяръ молчаливо и холодно отстранился отъ нея ³⁾. Удрученный собственнымъ несчастіемъ, онъ не принималъ участія въ ея горѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рисуется положеніе дѣла изъ писемъ Элоизы. Съ другой же стороны корыстолюбивые монахи аббатства С.-Дени упрекаютъ своего знаменитаго брата въ томъ, что онъ отдаетъ любовницѣ деньги ⁴⁾, зарабатываемыя преподавательскою дѣятельностью; подъ этой женщиной онъ подразумѣвали несомнѣнно Элоизу. Такимъ образомъ изъ этого все-таки видно, что Абельяръ старался облегчить ея участь, насколько это было въ его силахъ. Онъ пощупалъ такъ несомнѣнно въ послѣдствіи. Когда, послѣ изгнанія монахинь изъ Аржантейла, Элоиза впала въ крайнюю нужду, Абельяръ снова, послѣ десятилѣтняго молчанія, возобновилъ съ нею переписку

¹⁾ Lucan. Pharsal. VIII, 34.

²⁾ Cousin, I, 101. Ep. V.

³⁾ Dic unum si vales, cum post conversionem nostram, quam tu solus facere decrevist, in tantam tibi negligentiam atque oblivionem venerim ut nec colloquio praesentis recreer, nec absentis epistola consoler. Ep. II Migne 178, 18. Cousin, I, 76 и слѣд.

⁴⁾ Migne 178, 370.

(1129). Нельзя отрицать и того обстоятельства, что онъ исполнялъ только свой монашескій долгъ, относясь къ Элоизѣ, какъ къ умершей для него, какъ ни безсердечно кажется намъ, съ нашей современной точки зрѣнія, такого рода исполненіе долга. Когда Абеляръ снова вступилъ въ сношенія съ Элоизой, онъ точно такъ же оправдывается предъ аббатиссой Параклета строгими формами правилъ, предписываемыми для посѣщеній женскихъ монастырей. Наконецъ только письмо, адресованное ею на его имя послѣ появленія его воспоминаній, разламываетъ ледъ, и Абеляръ противъ воли вовлекается въ переписку съ Элоизой; съ теченіемъ времени эта переписка снова вполнѣ вернула его къ ней. Ему казалось смѣлымъ поступкомъ, когда онъ рѣшился посвятить Элоизѣ свои сочиненія и служить какъ своею ученостію, такъ и поэзіей ея монастырю. Намъ кажется этотъ поступокъ желаніемъ исполнить свой долгъ, а его соперники монахи сочли этотъ поступокъ за новую наглость, что и должно было вновь причинить Абеляру новыя непріятности.

Какъ Элоиза приняла въ Аржантейлѣ монашество, не чувствуя никакого внутренняго призванія къ нему, такъ и Абеляръ далеко не чувствовалъ, что умеръ для міра въ стѣнахъ монастыря въ Сень-Дени, наоборотъ, онъ жаждалъ мести. Удаленіе Фульбера изъ капитула Парижской Богоматери не удовлетворило его страстной ненависти. Абеляръ считалъ виновнымъ весь капитулъ, а такъ какъ епископъ не обращалъ вниманія на его жалобы, то онъ хотѣлъ искать справедливости въ Римѣ. Его противники были далеки отъ того, чтобы относиться съ насмѣшкой къ этимъ угрозамъ; наоборотъ, одинъ изъ посредниковъ, пріоръ Фулько Дейльскій, взялся отговорить Абеляра отъ этого шага; онъ поставилъ ему на видъ, что произнося орденскій обѣтъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ на себя обязательство прощенія своимъ прежнимъ врагамъ. До насъ дошло это обдуманно написанное и тщательно составленное посланіе ¹⁾, въ высшей степеніи характерное для точки зрѣнія средневѣковой морали. Авторомъ его былъ чрезвычайно умный прелатъ, щедро курящій фиміамъ передъ Абеляромъ, имѣя въ виду смягчить его. Онъ не только старается польстить честолюбію Абеляра преувеличенными похвалами результатамъ его преподавательской дѣятельности, но старается также представить ему преимущество его новаго положенія, которое, по мнѣнію пріора, значительно приблизило Абеляра къ монашескому совершенству. Особенно же онъ отговариваетъ его искать сво-

¹⁾ Cousin, I, 703.

ихъ правъ въ Римѣ. Конечно, Абеляръ слышалъ объ извѣстномъ всему свѣту корыстолюбіи римлянъ? Кто въ состояніи былъ когда-либо наполнить своими сокровищами эту бездонную пропасть? Откуда возьметъ онъ деньги? Не желаетъ ли онъ просить ихъ у родителей, друзей и у своего монастыря? Всего этого было бы недостаточно, чтобы насытить ихъ алчность, и Абеляръ рискуетъ подвергнуться еще большимъ насмѣшкамъ враговъ. Въмѣсто того, чтобы расточать угрозы, жаловаться на епископа и капитулъ, Абеляру лучше бы было вспомнить о своихъ обѣтахъ и заслужить этимъ то вознагражденіе, которое ожидаетъ праведника въ день Страшнаго Суда. Повидимому, старанія Фулько достигли своей цѣли, потому что послѣ этого нѣтъ указаній на дальнѣйшіе шаги Абеляра передъ римскимъ престоломъ. Трагическій эпизодъ на этомъ и окончился, но съ этого времени Абеляръ превратился въ озлобленнаго душою монаха, вполне отдавашагося аскетизму, который никто ему не ставилъ въ заслугу, полемика его съ этого времени уже болѣе не указываетъ на наивную молодую самонадѣянность, а говорить лишь о брюзгливой неудовлетворенности испорченной жизни. Одна ночь превратила Абеляра въ старика. „*Monachus es!*“ такъ обратился къ нему Фулько, и онъ самъ вскорѣ почувствовалъ всю горькую истину этого слова. Онъ отвѣчалъ холоднымъ молчаніемъ на нѣжныя письма Элозы, а съ новыми своими братьями по монастырю, которые съ восторгомъ приняли къ себѣ великаго человѣка, онъ вскорѣ всталъ въ такія нетерпимыя отношенія, что нашелъ въ нихъ не союзниковъ, а лишь враговъ. Мы не имѣемъ возможности опредѣлить съ точностью, какъ долго продолжалось это невыносимое положеніе несчастнаго человѣка, какъ не можемъ точно такъ же указать и самый годъ отвратительной трагедіи. Во всякомъ случаѣ онъ вступилъ въ монастырь Сень-Дени за нѣсколько лѣтъ до собора въ Соассонѣ, бывшаго въ 1121 г., такъ какъ на немъ онъ принужденъ былъ защищать свою довольно продолжительную преподавательскую дѣятельность; съ другой стороны, по его собственнымъ словамъ, выходитъ, что со времени возвращенія изъ Лаона въ 1114 г. онъ безпрепятственно провелъ нѣсколько счастливыхъ лѣтъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ несчастную катастрофу его жизни и вступленіе его въ монастырь слѣдуетъ отнести приблизительно къ 1119 году. Ему, слѣдовательно, было сорокъ лѣтъ отъ роду, когда первый періодъ его свѣтской дѣятельности завершился такимъ насильственнымъ финаломъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

МОНАХЪ МОНАСТЫРЯ СЕНЬ-ДЕНИ и СОАССОНСКІЙ СОВОРЪ.

1119—1121.

Loquar in amaritudine animae meae.
Heloissae Ep. 4.

Аббатство святого Діонисія близъ Парижа было однимъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ аббатствъ Франціи. Уже Григорій Турскій говоритъ объ этомъ первомъ парижскомъ епископѣ, какъ о мученикѣ, который по преданію былъ обезглавленъ ¹⁾, и упоминаетъ объ его базиликѣ какъ объ усыпальницѣ королевскаго дома ²⁾. Гробница его считалась уже въ шестомъ вѣкѣ величайшей святыней франковъ; на ней произносились обѣты и очистительныя клятвы ³⁾. Аббатство основано было Меровингомъ Дагоберомъ и реформировано ключникомъ Одилономъ, а тогдашній аббатъ Адамъ, бывшій настоятелемъ съ 1094 года, славился своею заботливостью о бѣдныхъ ⁴⁾. Но Сень-Дени лежалъ черезчуръ близко отъ Парижа для того, чтобы быть совершенно изолированнымъ отъ свѣта. Святой Вернаръ жалуется, что монастырь переполненъ былъ войнами, занятъ былъ разными свѣтскими дѣлами, наполненъ былъ ссорами, а иногда даже и женщиныамъ позволялось посѣщать его. Участіе аббата въ государственныхъ дѣлахъ привело къ тому, что въ Сень-Дени, какъ выражается св. Вернаръ, хотя и отдавали кесареви кесарево, но не Воже—Богови ⁵⁾. Весьма понятно, что Абеляръ, искавшій

1) Grégoire de Tours, Hist. Franc., I, 28.

2) Ibidem 5, 35.

3) Ibidem 5, 33.

4) Справ. мемуары Du Chesne къ hist. calam. Cousin, I, 48. 49. Migne, 178, 137 и слѣд.

5) Bern. Epistol. 78, ed. Migne 182, 193.

удиненія, при томъ раздраженіи и огорченіи, которыя онъ въ то время испытывалъ, только съ трудомъ переносилъ такіе порядки, но вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно и то, что послѣдующій разладъ его съ монахами Сенъ-Дени побудилъ его нѣсколько сгустить краски при описаніи порядковъ аббатства. Фактическихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ, онъ не приводитъ нигдѣ, но зато въ его описаніяхъ нѣтъ недостатка въ косвенныхъ намекахъ. Въ „Христіанскомъ Богословіи“ ¹⁾ Абелярь, можетъ быть, намекаетъ на аббата Адама, когда хвалитъ скромность жизни древнихъ философовъ и затѣмъ язвительно продолжаетъ: „Пусть это устыдитъ аббатовъ нашего времени и заставитъ ихъ измѣнить свои нравы, хотя бы подъ впечатлѣніемъ примѣра язычниковъ, потому что они жадно поглощаютъ утонченнѣйшія и многочисленнѣйшія кушанья, когда передъ глазами ихъ несчастные братья гложутъ одни овощи“. „Въ великіе праздники“, говоритъ онъ тамъ же объ епископахъ, „которые должны бы быть предназначены только къ восхваленію Бога, къ ихъ столу призываются фокусники, пѣвцы и танцовщики, съ которыми они справляютъ праздникъ и день и ночь, и которыхъ они подъ конецъ одариваютъ богатыми подарками, получаемыми ими съ духовныхъ бенефицій, взятыхъ изъ приношеній въ пользу бѣдныхъ, чтобы отдать ихъ въ жертву демоновъ“. А каковы пастыри—таково и стадо. „Что сказали бы монахи нашего времени о примѣрѣ Діогена“, продолжаетъ Абелярь, „монахи, утверждающіе, что презираютъ по ученію Христа блага міра, что сказали бы они, которые съ цѣлью сдѣлать вино весьма пріятнымъ на вкусъ, составляютъ различныя смѣси, приобрѣтаютъ цѣнные и блестящіе кубки, и не удовлетворяются обычно приготовленными блюдами“. Въ воспоминаніяхъ Абеляря нѣтъ недостатка и въ намекахъ на личную жизнь аббата, но, съ другой стороны, и монахи поносятъ своего строгаго цензора ²⁾. Съ обѣихъ сторонъ, очевидно, взаимно ошиблись другъ въ другѣ. Монахи приняли въ свою среду знаменитаго ученаго съ тою цѣлью, чтобы онъ украшалъ ихъ монастырь блескомъ своего имени, употреблялъ бы свою ученость на разработку во славу монастыря его архива, наполнилъ бы монастырскую казну доходами съ своихъ лекцій, поднялъ бы славу монастырской школы своимъ ораторскимъ искусствомъ. Абелярь же искалъ въ монастырѣ молчанія, строгаго образа жизни, и прежде всего забвенія. Но для того, чтобы скрыть свою славу или свой позоръ, не слѣдовало поступать въ Сенъ-Дени, находившіяся у воротъ

¹⁾ Cousin II. 418.

²⁾ См. письмо Росцелина. Migne, 178, 370.

Парижа. Только что Абеляръ успѣлъ оправиться отъ болѣзни, какъ уже клерики начали справляться, когда онъ снова возобновить чтеніе лекцій? Они осаждали аббата и самого Абеяра, чтобы послѣдній снова началъ занятія и продолжалъ во славу Бога и на пользу своей братіи свою дѣятельность, которая имѣла до этого въ виду его собственную славу и приобрѣтеніе денегъ въ личную пользу. Монастырская братія также ожидала отъ него, что своими дарованіями онъ послужитъ на пользу монастыря. Веселое оживленіе, окружавшее нѣкогда діалектика изъ Пале въ монастырѣ Св. Женевьевы и на Сенскомъ островѣ, должно было и теперь замѣнить однообразную жизнь зарывшагося въ пескахъ монастыря Сень-Дени. Благодаря Абеяру надѣялись услышать нѣчто иное, кромѣ молитвъ мессы и пѣнія часовъ. Его остроуміе должно было оживить трапезу и монастырскіе коридоры, но Абеляръ оставался нѣмъ и чувствовалъ себя чужимъ въ стѣнахъ монастыря. Такимъ представляется намъ положеніе вещей на основаніи собственнаго повѣствованія Абеяра.

Совершенно иначе звучитъ рассказъ Росцелина, передаваемый имъ со словъ монаховъ Сень-Дени. По словамъ Росцелина, когда Абеляръ, какъ отъ надобѣдливыхъ мухъ, отмахивался отъ клериковъ, осаждавшихъ его просьбами о продолженіи чтеній, аббатъ, отвѣчая его желаніямъ, передалъ въ его пользованіе одну изъ церквей съ ея доходами, чтобы онъ могъ читать тамъ свои лекціи, точно такъ же, какъ впоследствии онъ читалъ ихъ въ церкви св. Иларія на холмѣ св. Женевьевы. Но монаховъ раздражало то, что онъ не передавалъ доходовъ отъ лекцій монастырю, а отдавалъ ихъ тайно одной прежней возлюбленной. Самъ Абеляръ не говоритъ о подобной ученой дѣятельности въ Сень-Дени, и съ его повѣствованіемъ въ полномъ согласіи находится рассказъ Оттона Фрейзингскаго ¹⁾; послѣдній говоритъ, что Абеляръ занимался цѣлые дни и ночи и превратился изъ остроумнаго человека въ еще болѣе остроумнаго, и изъ ученаго въ еще болѣе ученаго. Но вмѣстѣ съ успѣхомъ къ нему вернулась и его прежняя требовательность. Жизнерадостный представитель свѣтскаго духовенства превратился въ педанта, строго соблюдавшаго уставъ. Съ той же страстностью, съ которою онъ царилъ ранѣе надъ своей аудиторіей, Абеляръ порицалъ теперь всякое отступленіе отъ монашескихъ обѣтовъ и, благодаря этимъ постояннымъ осужденіямъ, такъ опротивѣлъ братіи и особенно свѣтски настроенному настоя-

1) Gesta Frid. 1. 47.

телю монастыря, что аббатъ Адамъ подъ предлогомъ часто высказываемаго желанія, чтобы учитель Петръ снова занялся своей прежней преподавательской дѣятельностью, пожелалъ по возможности скорѣе отдѣлаться отъ непрошеннаго судиіи нравовъ. Аббатство владѣло часовнею, находившеюся въ Шампани во владѣніяхъ графа Теобальда ¹⁾, и Абеяру было дозволено, разрѣшивъ его отъ обязательнаго пребыванія въ монастырѣ, поселиться тамъ, какъ онъ самъ пожелаетъ, и собирать вокругъ себя учениковъ ²⁾. Возможно, что это именно переселеніе Росцелннхъ и считаетъ за ту льготу, о которой онъ сообщаетъ. Монахи Сень-Дени представили ему дѣло въ такомъ свѣтѣ: братья уступили Абеяру сначала одну церковь, при которой онъ могъ, соблюдая правила монастыря, предаваться своимъ обычнымъ занятіямъ и удовольствіямъ; когда же доходовъ не стало хватать на удовлетвореніе его претензій всякаго рода, аббатъ и братія единодушно рѣшили отдать ему другую церковь, гдѣ Абеяръ собралъ вокругъ себя толпу варваровъ. Однако доходы отъ его учебной дѣятельности онъ не обращалъ на пользу монастырской казны, но лично передавалъ ихъ одной своей бывшей возлюбленной ³⁾. Но въ общемъ собственный рассказъ Абеяра болѣе правдоподобенъ и говорить за себя своей внутренней вѣроятностью. Если уже Абеяръ вынужденъ былъ вернуться къ своей прежней дѣятельности, то ему самому было пріятнѣе выступить передъ толпой студентовъ не въ Парижѣ, который былъ свидѣтелемъ его позора, и казалось удобнѣе, устроить это въ отдаленной сельской мѣстности, гдѣ находились бы только тѣ, которые дѣйствительно желали слушать его лекціи, и которымъ въ виду его преподавательской дѣятельности не было интереса обращать вниманіе на все прочее. Что же касается прилива варваровъ, то въ этомъ есть доля истины. Какъ только распространилась молва, что перипатетикъ изъ Пале снова открылъ школу, толпы студентовъ дѣйствительно устремились въ Шампань въ такомъ количествѣ, что въ окрестностяхъ маленькой обители не оказалось достаточнаго количества жилищъ, чтобы пріютить всѣхъ желающихъ, да и земля не производила достаточнаго количества продуктовъ, чтобы удовлетворить спросу. Лично Абеяръ склоненъ былъ заняться теперь изученіемъ св. Писанія. Вѣроятно, мысли, изложенныя въ Посланіи

¹⁾ По Brial'ю, Rec. des hist. XIV, 290—Maisoncelle, по другимъ—Trecensis cella, или по Gallia christ. XII, 539,—Moustier-la-Celle.

²⁾ Otto Frising. I, 46. Ep. I. Cousin, I, 17.

³⁾ Migne 178, 370.

къ римлянамъ, которое онъ съ такимъ стараніемъ комментировалъ, пролили бальзамъ на его разбитую душу. При его тогдашнемъ настроеніи, діалектическія тонкости мыслей возбуждали въ немъ наоборотъ почти полное отвращеніе, и только въ виду того, что ученики осаждали его просьбами читать діалектику, онъ снова принялся за нее. Однако главную свою задачу онъ неуклонно видѣлъ въ изученіи богословія. По его собственнымъ словамъ, онъ читалъ курсъ философіи „для приманки, чтобы втянуть въ изученіе истинной философіи тѣхъ, которые склонны были вообще изучать философію“. Абельяръ не исполнилъ всѣхъ формальностей, необходимыхъ для того, чтобы выступить учителемъ богословія; необычайнымъ являлось и то, что монахъ преподавалъ внѣ стѣнъ монастырской школы; ему недоставало также и епископскаго разрѣшенія, но онъ могъ съ спокойной совѣстью сказать, что онъ обладалъ внутреннимъ призваніемъ и способностью къ этому дѣлу. Весьма вѣроятно, что благодаря возобновившейся дѣятельности Абельяра опустѣли другія школы, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ, тогда какъ подъ благодатными небесами Шампани толпа его учениковъ ежедневно прибывала: это утвержденіе подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что враждебныя ему интриги исходятъ изъ сосѣдней соборной школы въ Реймсъ. Абельяру пришлось впрочемъ весьма быстро убѣдиться, что его положеніе уже не такъ благопріятно, какъ оно было до его несчастья. Зависть, вызванная его прежними успѣхами, и ненависть его враговъ, которыхъ онъ не всегда щадилъ, затихли было, пока онъ, какъ разбитый жизнью человѣкъ, находился за стѣнами монастыря Сень-Дени; теперь же онъ снова подняли голову, и на этотъ разъ обвинители Абельяра встрѣтили живое сочувствіе среди духовенства, несмотря на всю несправедливость выдвинутыхъ ими обвиненій. Преподавательская дѣятельность Абельяра была всегда антипатична духовенству, но при его блестящемъ успѣхѣ въ Парижѣ противники не осмѣливались выступать открыто противъ него. Тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ набросились они теперь на надшее величіе, хотя Абельяръ, послѣ перенесенныхъ имъ тяжелыхъ испытаній, дѣйствовалъ на этотъ разъ несомнѣнно съ большей умѣренностью, чѣмъ въ дни своего блеска, когда его противники молчали.

Абельяръ никогда не задавался цѣлью оспаривать ученіе церкви, наоборотъ, онъ желалъ подтвердить его, но волненія діалектическаго движенія всегда являются соблазномъ въ глазахъ вѣрующаго, не желающаго, чтобы его тревожили въ его вѣрованіяхъ. Гордый своимъ искусствомъ діалектикъ, который пробуждаетъ своихъ учениковъ отъ туманнаго оцѣненія

преданій, который анализируетъ, комбинируетъ, выводитъ заключенія, въ своемъ живомъ движеніи мысли всегда кажется вѣрующимъ дерзкимъ и соблазнительнымъ; онъ возбуждаетъ ихъ ненависть, когда указываетъ на противорѣчія въ догматахъ, если даже и дѣлаетъ это съ добрымъ намѣреніемъ примирить эти противорѣчія. Въ этомъ противорѣчіи между потребностью вѣрующаго безпрепятственно исповѣдовать свою вѣру и неизбѣжнымъ развитіемъ науки, побуждающимъ ее нарушать этотъ мирный покой, опредѣляютъ взаимныя противорѣчія, отвергать то, что не можетъ быть поддержано, и лежала причина, которая опредѣлила судьбу Абельяра. Онъ не отвѣтственъ за самую борьбу, она всегда происходила и всегда будетъ происходить, во въ его самонадѣянной виртуозности, въ томъ ясномъ превосходствѣ, съ которымъ онъ обращался съ матеріаломъ и, казалось, издѣвался надъ всѣми иными мнѣніями, несомнѣнно коренилась причина, почему онъ вызвалъ противъ себя больше нападокъ, чѣмъ другіе. Его приемы изслѣдованія встрѣтили съ самаго начала страстное возраженіе. До насъ дошло письмо Абельяра, дата котораго не можетъ быть точно установлена, въ которомъ онъ возражаетъ противъ какого-то невѣжды въ діалектикѣ ¹⁾, который объявилъ въ своемъ невѣжествѣ все знаніе Абельяра софистикой и надувательствомъ. Абельяръ сравниваетъ этого человѣка съ лисою извѣстной басни, которая нашла виноградъ зеленымъ, такъ какъ не могла достать до него. Такъ какъ Абельяръ не могъ опровергать этихъ людей на основаніи разума, которымъ они не обладали, то онъ доказываетъ права діалектики, основываясь на авторитетѣ Августина и самого Писанія, и ставитъ на видъ противникамъ, что мы, которые уже не пользуемся даромъ творить чудеса, не обладаемъ другимъ способомъ убѣжденія, кромѣ логическаго доказательства. Въ томъ же родѣ, какъ и этотъ *ignarus*, ему возражали, вѣроятно, и въ Парижѣ люди, въ родѣ упомянутаго выше Госвина; однако только послѣ того, какъ Абельяръ превратился въ морально осужденнаго человѣка, осмѣлились они выступить противъ него съ болѣе или менѣе тяжкими обвиненіями. Сначала обвиненія опирались на формальную сторону дѣла, указывая, что занятіе свѣтскими сочиненіями и преподавательская дѣятельность въ монастырскихъ стѣнахъ противорѣчатъ монашескимъ уставамъ, и что его богословскія лекціи, читаемыя безъ исполненія предписанныхъ предварительныхъ условій и безъ контроля со стороны отвѣтственнаго передъ церковью схоластика (*sine magistro*), также противорѣчатъ церковнымъ порядкамъ. Епископу, архіепископу,

¹⁾ Migne 178, 351.

аббату по очереди подавались по этому поводу жалобы. Уже одно то обстоятельство, что охранителями церковного порядка выступили не аббатъ и не епископъ, а начальствующія лица реймской школы, добивавшіяся закрытія школы Абеяра, достаточно ясно доказываетъ, что истиннымъ мотивомъ этого поступка было чувство зависти. Когда противники Абеяра ничего не добились этой ссылкой на существующія правила, они ухватились тогда за первое обнаруженное послѣ этого сочиненіе Абеяра, чтобы обвинить ненавистнаго соперника въ лжеученіи и этимъ способомъ сдѣлать его безвреднымъ.

Впервые мы встрѣчаемся съ утвержденіемъ, что ученіе перипатетика палатняскаго, учившаго до этого въ знаменитѣйшей школѣ Франціи, на глазахъ епископа, и собиравшаго въ своей аудиторіи самыхъ солидныхъ и знатныхъ учениковъ,—ересь, и его блестящее изложеніе является лишь лоснящейся змѣиной чешуей ядовитаго лжеученія. Такъ какъ обвиненія шли отъ старинныхъ противниковъ Абеяра, Лотульфа и Альбериха, которые видѣли для своей реймской школы опасность въ сосѣдней часовнѣ Абеяра, то прежде всего можно было бы ожидать съ ихъ стороны возобновленія тѣхъ же обвиненій, съ которыми они нѣкогда выступили противъ Абеяра въ Лаонѣ, а именно, что онъ, изучавшій только философію и физику, не обладаетъ для изученія богословія ни необходимыми знаніями, ни надлежащимъ методомъ, и что тотъ, кто недостаточно дѣлаетъ изученіе схоластиковъ, не долженъ читать лекцій по богословію. Вѣдь упрекалъ же Абеяра впоследствии Бернаръ Клервосскій въ одномъ письмѣ къ папѣ Иннокентію II въ томъ, что онъ „съ величайшею похвалою возвеличивалъ философовъ ради уничтоженія отцовъ церкви и предпочиталъ ихъ противорѣчащія идеи ученію и мнѣніямъ католическихъ отцовъ церкви“¹⁾. Въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, въ извѣстномъ смыслѣ существовало противорѣчіе, которое и было впоследствии также подвергнуто обсужденію. Абеяръ отводилъ свѣтскимъ наукамъ въ своемъ ученіи больше мѣста, чѣмъ кто-либо другой изъ его современниковъ, и какъ разъ въ томъ трактатѣ, который подалъ поводъ Альбериху и Лотульфу къ заподозриванію, ученіе о Св. Троицѣ построено отчасти на сомнительныхъ языческихъ свидѣтельствахъ²⁾. Правда, древней языческой литературой пользовались также и средневѣковыя школы богословія, но онѣ никогда не упускали случая заявлять, что языческая литература должна быть только служанкою богословія, и что безъ Божественнаго откровенія философія всегда

1) Ер. 189. Migne 182, 355.

2) Срав. главу V у Stölzle, стр. 11 и слѣд.

останется лишь источникомъ соблазновъ и опаснымъ ядомъ. Абельаръ же, напротивъ, внутренно относился совершенно иначе къ этой языческой литературѣ. На ряду съ его склонностью къ діалектикѣ ни что такъ не характеризуетъ его личность, какъ его почтительный энтузіазмъ къ языческой философіи, который онъ обстоятельно оправдывалъ въ трактатѣ, послужившемъ поводомъ къ нападенію на него его реймскихъ противниковъ. Почти во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ онъ съ извѣстной пристрастной любовью прославляетъ древнихъ философовъ. Онъ цѣнитъ разсказъ о мірозданіи въ Тимеѣ выше повѣствованія Моисея, а въ міровой душѣ Платона онъ видитъ Святого Духа. Онъ допускаетъ даже, что языческіе философы уже знали о тріединѣ Богѣ. Поэтому Абельаръ не видитъ никакихъ основаній, почему мы должны сомнѣваться въ спасеніи и святости тѣхъ, которые до пришествія Искушителя сами для себя являлись закономъ и даже, не принимая Св. Даровъ, сдѣлались причастными Божьей благодати вслѣдствіе своей умѣренности и справедливости. Вѣчная жизнь была и ихъ цѣлью, той цѣлью, о которой Израиль, преданный земному, заботился менѣе, чѣмъ язычники. Правда, Моисей говоритъ, что Богъ сотворилъ все добро, но Платонъ старается болѣе точными указаніями на это еще болѣе прославить милость Божью. Иудеи отличались дѣлами благочестія и находились во власти буквы закона, философы же учили, что слѣдуетъ творить должное изъ любви къ добродѣтели, и что цѣнность поступка опредѣляется волей совершающаго его. Если же мы рассмотримъ, какъ они жили, организовали государство и заботились о своихъ согражданахъ, то увидимъ, что ихъ жизнь и ихъ ученіе не уступаютъ евангельскому или апостольскому совершенству, что они мало уступаютъ христіанскому, или даже совсѣмъ не стоятъ ниже христіанства, что даже по имени они сходны съ нами, потому что, какъ мы называемся христіанами по Христу, такъ и они называются по истинной мудрости (sophia) Отца философами. Исходя изъ этого взгляда, Абельаръ не знаетъ родового различія между религіей истинныхъ философовъ и истинныхъ христіанъ. По его мнѣнію, христіанство является лишь реформированнымъ естественнымъ закономъ, послѣдователями котораго были также и язычники. Истина такъ же стара, какъ міръ, а христіанству Абельаръ приписываетъ только ту заслугу, что оно распространило истину больше, чѣмъ это сдѣлали всѣ прежнія религіи.

Если уже и это прославленіе языческой философіи далеко превышаетъ то простое формальное признаніе, съ которымъ средніе вѣка вообще относились къ древней философіи, то въ одномъ сочиненіи Абельяра находятся даже мѣста, способныя вызвать подозрѣніе, что естественная религія древ-

нихъ философовъ составляла истинную сущность его собственнаго міросозерцанія. Сочиненіе это— „Діалогъ между философомъ, евреемъ и христіаниномъ“, въ которомъ Абельяръ задается цѣлью, какъ и Лессингъ въ „Натанъ Мудромъ“, сгладить разногласія между христіанствомъ, еврействомъ и философіей вообще. По его свѣжему, спокойному тону, еще не затронутому пессимизмомъ и боязнью епископовъ, можно причислить это сочиненіе къ самой блестящей эпохѣ дѣятельности Абельяра, когда никакія опасенія монашескихъ пересудовъ и соборныхъ словопреній еще не подрѣзали ему крыльевъ и не удручали его бодрого настроенія.

Въ этомъ сочиненіи мы встрѣчаемся скорѣе съ философомъ, чѣмъ съ богословомъ, и если не обращать вниманія на всѣ другія книги Абельяра, то въ авторѣ этого діалога можно видѣть Натана двѣнадцатаго вѣка, нашедшаго въ естественной религіи философовъ настоящее кольцо, потерянное іудеями и христіанами ¹⁾).

Абельяръ видитъ во снѣ, такъ разсказывается въ Діалогѣ, что къ нему явились три мужа, бывшіе всѣ почитателями Единого Бога. Одинъ довольствуется естественнымъ закономъ—это философъ, другой имѣетъ божественный законъ—это іудей, третій имѣетъ два такихъ закона—это христіанинъ. Философъ нашелъ удовлетвореніе въ естественныхъ этическихъ правилахъ, созданныхъ всѣми людьми благодаря дарованному имъ Богомъ разуму; изучая мнѣнія другихъ школъ, онъ находитъ, что вѣрованіе іудеевъ безумно, а вѣрованіе христіанъ сумасбродно. Послѣ долгихъ споровъ, представители этихъ трехъ школъ согласились выбрать Абельяра въ третейскіе судьи, явились къ нему, и онъ выслушиваетъ ихъ мнѣнія. Сначала философъ высказываетъ мнѣніе, что вѣрованія обоихъ другихъ основаны только на *привычкѣ*. Слышанное мальчикомъ отъ родителей и учителей взрослый человѣкъ безъ провѣрки проноситъ черезъ всю жизнь, а про такого рода непровѣренное вѣрованіе философъ говоритъ, совершенно въ духѣ Абельяра, что оно является исключительно повтореніемъ чужихъ словъ, какъ будто бы вѣра является дѣломъ словъ, а не души ²⁾. Іудей не от-

¹⁾ Dialogus inter philosophum, Judaeum et Christianum. Migne 178, 1611 и слѣд. Cousin, II, 644 и слѣд. Въ своей „Geschichte der Aufklärung im Mittelalter“, I, 200, Reuter на основаніи односторонне толкуемаго „Діалога“ считаетъ Абельяра представителемъ естественной религіи, стоящей въ прямомъ противорѣчій съ вѣрою въ откровеніе, что однако вполнѣ опровергнуто Deutsch'емъ „Abälard“ 433—52.

²⁾ Срав., напр., Cousin II, 77—83.

рицаеть, что приблизительно такимъ способомъ онъ получалъ свою вѣру, но онъ отрицаетъ при этомъ, что въ силу этого она должна быть человѣческаго, а не божественнаго происхожденія. Если существуетъ Богъ, то Онъ долженъ былъ дать и законъ, и почему законъ этотъ не можетъ быть именно еврейскимъ закономъ, выдающимся своею древностью и опредѣленностью, за который такъ много выстрадали его отцы? Философъ возражаетъ на это, что еще до изданія закона существовали благочестивые люди, и самъ законъ этотъ не отмежевываетъ себѣ вѣчнаго существованія; вслѣдствіе этого естественный законъ, существующій вѣчно, выше еврейскаго, потому что въ немъ содержится все необходимое для блаженства. Если считать достаточной для оправданія и спасенія одну любовь, какъ это дѣлаютъ іудеи, то слѣдовало бы объявить очищенія и жертвы излишними, и именно благодаря этому покончено съ еврейскимъ закономъ, и его мѣсто заступило то нравственное ученіе, которое совмѣстно возвѣщали мудрецы Ветхаго Завета и философы.

По требованію Абеяра христіанинъ выступаетъ также на защиту своей религіи, приглашая сравнить апостольское нравственное ученіе со всеми другими, и просить отвѣтить ему, въ чемъ, по ихъ мнѣнію, заключается высшее благо, и какими путями возможно достигнуть его? Совершенно въ духъ собственнаго мнѣнія Абеяра философъ и христіанинъ при этомъ соглашаются на томъ, что вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ не въ силу одного только авторитета, но что его должно опредѣлить на основаніи выводовъ разума, въ особенности въ спорахъ съ людьми, не признающими этихъ авторитетовъ. Философъ и христіанинъ согласны въ томъ, что высшее благо заключается въ блаженствѣ будущей жизни; христіанинъ особенно настаиваетъ только на томъ, что вѣрнѣйшій путь къ этому данъ Иисусомъ, а не философами. Наставленія Иисуса въ горной проповѣди имѣли именно въ виду указаніемъ на высшую и вѣчную жизнь закалить людей противъ искушеній, что гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ совѣты философвъ дѣлать добро ради самого добра. Въ дальнѣйшемъ изложеніи христіанинъ точнѣе устанавливаетъ, что само Божество является высшимъ благомъ, и, слѣдовательно, цѣлью нашей вслѣдствіе этого является единеніе съ Божествомъ; съ этимъ въ концѣ концовъ соглашается и философъ, только онъ отбрасываетъ чувственное представленіе о лицезрѣніи Бога, о пространственномъ раѣ, онъ возражаетъ также и противъ чувственнаго изображенія ада. Въ этомъ пунктѣ христіанинъ охотно соглашается съ философомъ; онъ тоже думаетъ, что эти представленія только приспособленные къ народному пониманію образы.

Такъ какъ самъ Богъ прѣвыше всякаго пространства, то не можетъ существовать и такого мѣста, откуда бы возможно было съ меньшаго отдаленія лицезрѣть Бога, чѣмъ отовсюду вообще. Мы приближаемся къ Богу не въ силу пространственнаго движенія, а послушаніемъ Его волѣ. Ангель, исполняющій на землѣ какое-либо велѣніе Бога, не лишается вслѣдствіе этого лицезрѣнія Бога, а Сатана, который отъ времени до времени видитъ Бога, какъ объ этомъ говорится въ книгѣ Іова, не теряетъ при этомъ своей внутренней грѣховности. Естественно, что послѣ этого философъ немедленно спрашиваетъ, почему же въ такомъ случаѣ христіанинъ говоритъ о Богѣ и святыхъ, что они находятся на небѣ, и что Христосъ вознесся на небо, чтобы воссѣсть одесную Отца? Или, наоборотъ, почему онъ представляетъ себѣ пребываніе грѣшной души въ мѣстѣ, удаленномъ отъ Бога, въ аду? На это христіанинъ возражаетъ только тѣмъ, что потребности народа вызываютъ необходимость въ такого рода образныхъ выраженіяхъ. Откровеніе предназначено для народа и должно быть приурочено къ его потребностямъ, оно должно соотвѣтствовать народному пониманію и выражаться въ образахъ. Разумнаго человѣка не должны отталкивать подобныя антропоморфическія выраженія, онъ долженъ освободить идеи отъ образности въ силу требованій своего разума.

На этомъ обрывается разговоръ; самъ ли Абельяръ не окончилъ діалога, или конецъ его утерянъ,—это не установлено. Рѣчь идетъ, правда, объ „*ad reliqua festinare*“, но этихъ „*reliqua*“ недостаетъ. Второй основной пунктъ, именно вопросъ о пути къ высшему блаженству, совсѣмъ не затронутъ. Затѣмъ, если судить по введенію, Абельяръ долженъ былъ рѣшить споръ, но и этого рѣшенія мы не имѣемъ. Но и въ происходящемъ разговорѣ дано уже достаточно намековъ, чтобы мы могли заключить о томъ, въ чемъ должно было состоять его рѣшеніе. Абельяръ далекъ отъ мысли выставить всѣхъ трехъ противниковъ обманутыми обманщиками. Скорѣе всего мы должны видѣть собственную точку зрѣнія Абельяра въ словахъ того изъ трехъ диспутантовъ, который выходитъ побѣдителемъ изъ спора, а таковымъ является христіанинъ. Іудей остается при своемъ прежнемъ мнѣніи, философъ даетъ убѣдить себя, за христіаниномъ остается истина, и такимъ образомъ результатомъ спора можно считать побѣду христіанской религіи надъ іудействомъ и философіей. Однако христіанство, благодаря которому христіанинъ одерживаетъ побѣду, въ значительной мѣрѣ ограничено. Христіанинъ, участвующій въ спорѣ, признаетъ, что и вопросы религіи должны подлежать рѣшеніямъ разума, а не рѣшаться исключительно

на основаніи традиціонныхъ авторитетовъ. Положительная историческая сторона религіи взята изъ христіанскихъ догматовъ; чувствєнные представленія о раѣ и адѣ, о возсѣданіи Христа одесную Бога-Отца оставлены, а на мѣсто неба и ада выступаютъ философскія понятія о высшемъ благѣ и высшемъ злѣ. Но, во всякомъ случаѣ, христіанинъ твердо держится, согласно смыслу закона, главныхъ пунктовъ символа, чудеснаго рожденія, воскресенія и вознесенія Христа.

Такимъ образомъ Діалогъ совершенно не находится въ противорѣчій со всѣми другими богословскими сочиненіями Абельяра. Наоборотъ, и въ этомъ сочиненіи Абельяръ особенно отгѣнилъ свое господствующее убѣжденіе, что христіанство не должно избѣгать рачіональныхъ объясненій своего ученія, и что вѣра основана отнюдь не на одномъ только авторитетѣ, не подлежащемъ доказательству. Какъ и въ другихъ сочиненіяхъ, Абельяръ приводитъ и здѣсь мѣста изъ сочиненій отцовъ церкви, которыя оправдываютъ духовное пониманіе представленій о загробной жизни; если же онъ основывается болѣе на рачіональныхъ разсужденіяхъ, чѣмъ на авторитетѣ, то это зависитъ отъ предпосылки Діалога, что противники не признають этихъ авторитетовъ. Такимъ образомъ высказываемое Абельяромъ въ данномъ случаѣ философское убѣжденіе не исключаетъ богословскаго, приводимаго имъ въ другихъ сочиненіяхъ. Можно сказать во всякомъ случаѣ, что эти расширенныя рамки, въ которыя специфически христіанское міропониманіе могло еще только быть помѣщено, на самомъ же дѣлѣ нарисовано было весьма поверхностными штрихами, играютъ въ разговорѣ большую роль, чѣмъ положительная сторона догматовъ. Получается далѣе впечатлѣвіе, что къ этой естественной религіи Абельяръ склонялся сильнѣе, и что она была ему внутренне болѣе сродна, чѣмъ положительная религія догматовъ. Возможно, что онъ удовольствовался бы ею одною, если бы ему не надо было читать богословамъ богословскія науки въ богословскомъ освѣщеніи. Философъ въ этомъ замѣчательномъ разговорѣ высказываетъ съ такою рѣзкостью свои возраженія противъ высокоумѣрныхъ апостоловъ вѣры въ авторитетъ, желающихъ отдѣлаться отъ всѣхъ вопросовъ переданными по преданію изреченіями, что всякій ясно чувствуетъ, что въ данномъ случаѣ на сторонѣ философа всецѣло стоитъ самъ авторъ. Въ заключеніе христіанинъ также соглашается съ положеніями философа, и такимъ образомъ въ Діалогѣ философія и религія находится въ такомъ же взаимномъ согласіи, какъ онѣ уживались и въ собственной груди Абельяра. Во всякомъ случаѣ Діалогъ является въ томъ смыслѣ самымъ радикальнымъ вы-

раженіемъ рціоналізма Абеяра, что догматическая сторона выступаетъ въ немъ, лишь поскольку она можетъ быть доказана при помощи разума. Абеярь оправдываетъ вульгарныя представленія, такъ какъ онъ, какъ Плиній и Плутархъ, дѣлаетъ различіе между религіей народа и религіей ученыхъ. Простолудинъ не повѣрилъ бы, что Богъ видитъ его прегрѣшенія и слышитъ его роптанія, если бы Писаніе не говорило ему объ очахъ и ушахъ Божиихъ; но, поскольку Богъ безтѣлесенъ, постольку же и душа богача въ аду не можетъ имѣть пересохшаго отъ жажды языка, или душа Лазаря на небесахъ пальца, который онъ могъ бы погрузить въ холодную влагу. Все это должно пониматься *allegorice* ¹⁾. Но, если слово небеса обозначаютъ лишь тѣсное единеніе съ Богомъ, а слово адъ самое крайнее отпаденіе отъ Бога, что же вообще послѣ этого остается отъ средне-вѣковаго церковнаго вѣрованія?

Со стороны формы сочиненіе Абеяра изложено замѣчательно ясно, оно почти напоминаетъ намъ современныя сочиненія. Въ особенности доказательство правъ разума въ вопросахъ вѣры такъ убѣдительно противопоставляется утвержденіямъ вѣрующихъ въ авторитетъ, что споръ объ этомъ могъ быть оконченнымъ еще въ 1119 году; въ теченіе семи послѣдующихъ столѣтій по данному вопросу въ сущности все время повторялось то же самое. Такимъ образомъ, мы можемъ съ полнымъ правомъ назвать этотъ діалогъ „Натаномъ двѣнадцатаго вѣка“. Споръ между тремя религіозными мнѣніями развивается съ совершенно безпримѣрнымъ для этой эпохи безпристрастіемъ, хотя Абеярь и не считаетъ необходимымъ отложить рѣшеніе его до того времени, когда его кафедру будетъ занимать болѣе мудрый, чѣмъ онъ, человекъ. Но даже и безъ этого рѣшенія его христианинъ все-таки остался побѣдителемъ уже и тогда. Причина того, что несмотря на все это Діалогъ подвергался меньшимъ нападкамъ, чѣмъ другія сочиненія Абеяра, заключается, вѣроятно, въ томъ, что за христианиномъ остается побѣда, что должно было удовлетворить читателей изъ духовенства. Возможно также, что Абеярь не распространялъ неоконченнаго сочиненія въ широкихъ кругахъ, а довѣрялъ его только надежнымъ людямъ.

Болѣе серіозный поводъ къ самозащитѣ могло представить противникамъ другое сочиненіе Абеяра, въ основныхъ своихъ положеніяхъ несомнѣнно еще принадлежавшее къ первому блестящему періоду его преподавательской

1) Срав. Migne, 178, 1669 и слѣд., 1671 и слѣд.

дѣятельности. Это было его замѣчательное сочиненіе „Sic et Non“, въ которомъ въ 158 параграфахъ приведено имъ болѣе 1800 мѣстъ изъ Библии и твореній отцовъ церкви, въ которыхъ тѣ же вопросы вѣры и церковнаго обычая разрѣшаются авторитетами церкви мнимо или фактически противорѣчающимъ образомъ. Именно здѣсь съ полной живостью выступаетъ богатая эрудиція Абеляра и гениальная подвижность его ума. Цѣль этой книги, конечно, была прежде всего чисто практическая; онъ хотѣлъ собрать воедино для своихъ лекцій мнѣнія отцовъ объ отдѣльныхъ вопросахъ ученія и изъ массы различныхъ мнѣній попробовать вывести собственное заключеніе. Въ этомъ отношеніи это сочиненіе является прежде всего памятникомъ его желѣзнаго трудолюбія и его неуставнаго усердія въ собраніи матеріаловъ. Но, кромѣ этого, указаніе какъ разъ въ заглавіи на противорѣчія въ преданіи вновь обнаруживаетъ критическое направленіе смѣлаго діалектика. Такъ какъ вездѣ авторитетъ противопоставляется авторитету, то оставляется свободное поле для собственнаго вывода, который хотя и не дается въ самой книгѣ, но несомнѣнно высказанъ былъ лекторомъ въ живой рѣчи. „Если христіане нѣкогда должны судить весь міръ (Сар. 3, Luc. 22), почему не должны они разсуждать о различныхъ даже и противорѣчивыхъ изреченіяхъ святыхъ?“ Этимъ вопросомъ начинается книга, въ которой въ 158 категоріяхъ приблизительно въ систематическомъ порядкѣ собраны мнѣнія о познаваніи Бога, о тріединомъ Божествѣ, объ искупленіи и Искупителѣ, контроверсы о церкви, апостолахъ и таинствахъ, а также казуистическія проблемы этики. Что этотъ трудъ, свидѣтельствующій о гигантскомъ прилежаніи, уже существовалъ въ 1121 году (хотя, можетъ быть, и въ болѣе краткомъ видѣ, или даже въ видѣ конспекта для чтенія лекцій), ясно видно, если сравнить его „Введеніе“ съ однимъ оправдательнымъ письмомъ Абеляра къ настоятелю монастыря С.-Дени, аббату Адаму, умершему въ 1122 году; въ этомъ письмѣ Абеляръ заимствуетъ ¹⁾ нѣкоторыя положенія объ условномъ значеніи авторитета и о методѣ при согласованіи противорѣчій почти дословно изъ „Введенія“ къ „Sic et Non“. Впрочемъ даже независимо отъ этого, сочиненіе это съ его сухимъ противопоставленіемъ „да“ и „нѣтъ“ относится скорѣе всего къ тому періоду, о которомъ самъ Абеляръ говоритъ, что онъ въ то время весьма отрицательно относился къ авторитетамъ церкви. Если Госвинъ находилъ, что рука Абеляра подымалась на все, и что онъ не-

¹⁾ Срав. Deutsch, Abälard, стр. 462.

отступно лаялъ на истину, то способъ изложенія „Sic et Non“ всего легче могъ произвести такого рода впечатлѣніе. Такимъ образомъ мы видимъ, что не было недостатка въ поводахъ заподозрить богословскую точку зрѣнія Абеяра.

Но, несмотря на это, реймскіе противники Абеяра не воспользовались ни „Диалогомъ“, ни „Sic et Non“ какъ объектами для нападенія. Возможно, что они совершенно незнакомы были съ обоими сочиненіями, такъ какъ Вильгельмъ изъ Тьерри увѣряетъ (правда, это было двадцать дѣтъ спустя), что часть книгъ Абеяра сохранялась въ тайнѣ, такъ что онъ безуспѣшно старался достать ихъ. Кромѣ того, Альбериху и Лотульфъ и не интересна была оцѣнка общаго міровоззрѣнія ихъ противника, для ихъ цѣли было полезнѣе открыть и отгѣнить какой-либо основной пунктъ, въ которомъ бы Абеяръ отступалъ отъ ученія церкви; этого было бы достаточно, чтобы заставить его замолчать, чего они въ сущности только и добивались. Поэтому они такъ страстно и набросились на первое обнародованное сочиненіе великаго философа. Совершенно невѣроятно, чтобы послѣднее—трактатъ о единосущіи и тріединствѣ Божіемъ—вообще было первымъ сочиненіемъ сорокадвухлѣтняго ученаго. „Диалектика“, во всякомъ случаѣ, уже существовала въ то время, по крайней мѣрѣ въ видѣ многихъ списковъ съ конспекта, а въ ту эпоху не было значительной разницы между обнародованными и просто списанными книгами. „Диалогъ“ съ его смѣлыми толкованіями догматовъ и веселымъ, побѣдоноснымъ тономъ можетъ быть отнесенъ только къ первому періоду блестящихъ успѣховъ Абеяра. О „Введеніи“ къ „Sic et Non“ можно сказать то же самое, да и пользование Абеяра до 1122 года этимъ самымъ „Введеніемъ“ переносить время составленія книги также въ первый періодъ его славы. Во всякомъ случаѣ, предметомъ перваго официальнаго ученаго спора, разрѣшить который долженъ былъ приговоръ собора, было упомянутое сочиненіе о „Святой Троицѣ“.

Съ того момента, какъ мы снова имѣемъ въ своихъ рукахъ ¹⁾ осужденный Соассонскимъ соборомъ 1121 г. *Tractatus de unitate et trinitate divina*, не подлежитъ болѣе никакому сомнѣнію, что Абеяръ былъ жертвой ненависти богослововъ, и что жалобы его на сознательное извращеніе

¹⁾ Открытъ Remigius'омъ Stölzle въ одномъ изъ сборниковъ Эрлангенской бібліотеки и обнародованъ имъ въ 1891 году. Фрейбургъ, изд. Гердера.

его сочиненія вполне основательны. Ни одна строчка почти цѣликомъ дошедшей до насъ книги не даетъ повода заключить, чтобы Абеляромъ руководило какое-либо иное намѣреніе, кромѣ желанія логически сдѣлать понятнымъ установленное церковью ученіе о Трїединой Троицѣ. Рукопись вполне подтверждаетъ, кромѣ того, тѣ сообщенія, которыя даетъ Абеляръ въ своей „*Historia calamitatum mearum*“ по вопросу о причинахъ ея возникновенія.

Господствующая школа Ансельма уже заранѣе предполагала необходимость предварительнаго присутствія вѣры для того, чтобы возможно было понимать ее. „Такъ какъ истинное положеніе вещей требуетъ отъ насъ“, говорятъ великій отецъ схоластики, „чтобы мы вѣровали въ глубину христіанской религіи, прежде чѣмъ мы захотимъ разбирать ее, примѣняя требованія разума, то я считаю оплошностью, если, уже укрѣпившись въ вѣрѣ, мы не стремимся изслѣдовать то, во что мы вѣруемъ“¹⁾. Положеніе Ансельма было, слѣдовательно, таковое: *fides praecedit intellectum*. Абеляръ, же въ противоположность этому, придерживался того мнѣнія, что только пониманіе догмата дѣлаетъ возможнымъ вѣру, т. е. позволяетъ видѣть истину въ томъ, что схоластика обнимаетъ словомъ „вѣровать“. Сначала, слѣдовательно, надо понять догматъ, чтобы вѣровать въ него; такимъ образомъ Абеляръ былъ убѣжденъ въ томъ, что возможно создать вѣру при помощи діалектическаго доказательства догмата. Въ своей автобіографіи онъ объясняетъ, что его побудили написать это сочиненіе запросы его учениковъ, которые, какъ онъ пишетъ, „требовали отъ него человѣческаго и философскаго обоснованія; ученики также настаивали, чтобы онъ объяснилъ то, въ чемъ можно убѣдиться, а не то, что возможно выразить только словами; при этомъ они говорили, что бесполезно приводить слова, не сопровождаемыя никакимъ представленіемъ, и что невозможно вѣровать въ то, что не было предварительно познано; было бы, дѣйствительно, смѣшно, если бы кто-либо проповѣдовалъ другимъ такія вещи, которыхъ ни онъ, ни его ученики, не могли бы охватить своимъ пониманіемъ; Самъ Господь осудилъ бы такой поступокъ, такъ какъ Онъ обвинилъ такого рода книжниковъ въ томъ, что они являются слѣпыми вожаками слѣпыхъ“. По самой сущности вопроса нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что попытка Абеляра рациональнаго доказательства догматовъ въ ученіи о Пресвятой Троицѣ стала въ противорѣчіе съ толкованіями церкви, но къ этому въ данномъ случаѣ присоединилась еще и великая побѣда, одержанная господствующей

1) *Cur deus homo* 1, 2.

школой Ансельма въ концѣ XI вѣка надъ номинализмомъ именно въ этомъ частномъ вопросѣ, благодаря чему эта школа и считала себя призванной совершить еще новые подвиги какъ разъ въ этой области. Прошло уже тридцать лѣтъ, послѣ того какъ учитель Абеяра, Росцелинъ, жившій съ тѣхъ поръ въ должности каноника въ Турѣ ¹⁾, убѣдился въ трудности пониманія воплощенія Одного Лица Пресвятой Троицы, потому что церковь учить объ одномъ недѣлимомъ Божествѣ, а не о трехъ отдѣльныхъ существахъ, подобныхъ тремъ ангеламъ или душамъ. Если Божество недѣлимо, то вмѣстѣ съ Сыномъ должны были воплотиться и Богъ Отецъ и Богъ Духъ. Кто отрицаетъ это, долженъ признать, что три лица Св. Троицы составляютъ отдѣльныя существа; на этой точкѣ зрѣнія и остановился Росцелинъ, находя ихъ единство только въ единствѣ воли и могущества. Такое пониманіе вообще соотвѣтствовало также и его номинализму, по которому общее понятіе „Богъ“ было только словомъ, божественныя же отдѣльныя свойства составляли реальности. Ансельмъ обвинилъ вслѣдствіе этого Росцелина въ тритеизмѣ; Росцелинъ былъ строго наказанъ, а вмѣстѣ съ нимъ былъ дискредитированъ и номинализмъ. Но возбужденный вопросъ не улегся благодаря этому инциденту. Изъ „Трактата о Св. Троицѣ“ и изъ вызваннаго имъ сочиненія „*Theologia christiana*“ Абеяра мы узнаемъ о другой попыткѣ рѣшенія вопроса, которая тоже была впоследствии осуждена въ 1148 г. Реймскимъ соборомъ въ лицѣ Жильбера изъ Поатье. Это мнѣніе полагало возможнымъ отличать у Божества, какъ и у прочихъ существъ, форму, при посредствѣ которой существо дѣлается тѣмъ, что оно есть, отъ самой сущности. Такимъ образомъ полагали, что возможно сказать нѣчто объ одной изъ божественныхъ формъ, о Сынѣ, то, чего нельзя сказать о Божествѣ вообще, точно такъ же, какъ возможно высказать объ отдѣльномъ человѣкѣ нѣчто, что не можетъ относиться ко всему человѣчеству. Подобный же вопросъ поставилъ и Абеяръ: какимъ образомъ возможно представить себѣ отдѣльныя личныя различія въ Божественномъ Существѣ, не вредя Его единству, благодаря которымъ объ одномъ изъ лицъ возможно утверждать нѣчто такое, что не относится къ двумъ остальнымъ, какъ это предполагаетъ ученіе о воплощеніи Сына? Росцелинъ потерялъ единство, объявивъ его только простымъ именованъ, Жильбертъ видѣлъ въ особенностяхъ входящую добавочную форму, видоизмѣненія которой не касались сущности ²⁾,

¹⁾ Migne, 178, 359.

²⁾ Срав. Трактатъ Абеяра. Stölzle, 35.

а Абельяръ старался вывести особенности Отца, Сына и Духа изъ самой Божественной сущности. Въ идеѣ Божества, по его мнѣнію, уже дано и тріединство. Въ сочиненіи „Tractatus de unitate et trinitate“ Абельяръ устанавливаетъ въ Божественномъ существѣ три момента, подобно тому, какъ и Августинъ, на котораго онъ также ссылается. „Совершенство высшаго блага“, такъ начинается трактатъ „О Божественномъ Единствѣ и Триединствѣ“¹⁾, троекратно опредѣлило свою собственную мудрость (воплотившуюся во Христѣ) и обозначило ее тремя именами, при чемъ Единое Существо называется Отцомъ, Сыномъ и Святымъ Духомъ. *Отцомъ* называется Богъ по всемогуществу своей власти, которая можетъ создать все, что пожелаетъ, потому что ничто не въ состояніи противиться ей. *Сыномъ* называется та же Божественная сущность по своей мудрости, которою она все познаетъ и всѣмъ управляетъ, такъ что ничто не можетъ быть сокрыто отъ нея, и она не можетъ быть введена въ заблужденіе. *Святымъ Духомъ* называется та же Божественная сущность по благодати ея благодати, благодаря которой Богъ никому не желаетъ зла, но готовъ спасти всѣхъ и несмотря на наши грѣхи оказалъ намъ дары своей благодати, въ силу которой по своему милосердію Онъ спасаетъ грѣшниковъ, которыхъ долженъ бы былъ наказать, руководствуясь своей справедливостью. Такимъ образомъ, если мы говоримъ, что Богъ—это Отецъ, Сынъ и Святой Духъ, то это означаетъ, что Божественная сущность всемогуща, премудра и всеблага, или, вѣрнѣе, что она Всемогущество, Мудрость и Благодать. Всемогущество, мудрость и благодать составляютъ составныя части высшаго блага (summi bonum); въ этихъ моментахъ высшее благо реализируетъ свое собственное содержаніе. Если бы отсутствовалъ одинъ изъ этихъ моментовъ, Богъ не былъ бы высшимъ благомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ изъ этихъ моментовъ не можетъ существовать безъ другого. Если бы Богъ обладалъ только всемогуществомъ и не сознавалъ разумомъ того, что цѣлесообразно, Онъ причинялъ бы вредъ; если бы Онъ былъ только мудрымъ, но не обладалъ могуществомъ, Онъ ничего не въ состояніи былъ бы совершить, а если бы Онъ былъ только мудрымъ и всемогущимъ, но не обладалъ благодатью, Онъ былъ бы тѣмъ болѣе расположенъ вредить, чѣмъ легче Ему предоставляли бы эту возможность Его разумъ и могущество. Но, такъ какъ всѣ три момента соединены другъ съ другомъ, то Его высшее совершенство со-

¹⁾ Stölzle, стр. 2. Срав. параллели въ Theologia christiana. Изд. Cousin, II, 59 и слѣд.

стоитъ въ томъ, что Онъ *можетъ* то, что знаетъ и чего желаетъ, что Онъ *знаетъ* то, чего Онъ желаетъ и что можетъ, и что *желаетъ* того, что можетъ и знаетъ. Такимъ всемогущимъ, мудрымъ и всеблагимъ Богъ представляется намъ и субъективно въ нашемъ сознаниіи. Всемогущество и мудрость вызываютъ въ насъ страхъ передъ Богомъ, который знаетъ наши заблужденія и имѣетъ власть наказать за нихъ, а Его благость вызываетъ любовь къ Богу, который склоненъ прощать наши прегрѣшенія. Съ именемъ Отца мы соединяемъ представленіе объ этомъ всемогуществѣ, съ именемъ Сына объ этой мудрости, съ именемъ Духа Святого объ этой любви къ твореніямъ. Это различіе тріединаго существа Бога сдѣлано впервые не І. Христомъ, онъ только яснѣе и опредѣленнѣе училъ объ этомъ; уже іудейскіе пророки и языческіе философы были удостоены подобнаго же откровенія, это именно хочеть доказать Абельяръ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Если псалмопѣвецъ говорить: „Словомъ Господа сотворены небеса, и духомъ устъ Его—все воинство ихъ“, то въ словахъ этихъ мы имѣемъ ясное доказательство, что Давидъ вѣровалъ въ Господа, въ Бога-Слово и въ Духа, т. е. въ тріединаго Бога ¹⁾). Исаія тоже вѣровалъ въ Троицу, такъ какъ серафимы восклицаютъ у него трижды: „Святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ“. Абельяръ приводитъ также мѣста изъ Платона, насколько онъ познакомился съ ними изъ цитатъ Августина ²⁾), даже изреченія Сибиллы и слова Навуходносора о трехъ отрокахъ въ печи огненной доказываютъ, по его мнѣнію, вѣрованіе просвѣщенныхъ язычниковъ въ Троицу. Если послѣ этого авторъ во второй книгѣ своего трактата, ссылаясь на изреченіе Цицерона, что всякая истина основана на писаніи или разумѣ, переходитъ къ своему логическому доказательству Троицы, онъ приступаетъ къ этому, предпославъ во всякомъ случаѣ прямое оправданіе, состоящее въ томъ, что времена чудесъ уже миновали, и что въ виду этого мы можемъ посрамить противниковъ только доводами разума; при этомъ онъ чрезвычайно опредѣленно утверждаетъ, что человѣческій разумъ не способенъ постигнуть истиннаго существа Бога, и настойчиво подчеркиваетъ, что онъ далекъ отъ плотскаго довѣрія къ собственной мудрости. Не наука и не мудрость, а высокоуміе является матерью ереси. Его же намѣреніе состоитъ только въ томъ, чтобы силою діалектики разрѣшить возраженія противъ божественной истины и показать, что ученіе о Единой Божественной

¹⁾ Глава III, у Stölzle, стр. 5.

²⁾ Stölzle, стр. 11.

Сущности и Трехъ Лицахъ Божества, вѣчно составляющихъ единое и нераздѣльное, совершенно не противорѣчить разуму. Эти Три Лица обладаютъ одною сущностью ¹⁾, одною волею и однимъ могуществомъ; въ каждомъ изъ нихъ осуществляется все Божество, хотя и постигаемое съ точки зрѣнія преобладанія того или другого свойства. Ибо Отецъ не составляетъ по природѣ своей чего-либо различнаго отъ Сына или Св. Духа, но Онъ является сущностью, своеобразности которой состоятъ именно въ этихъ трехъ моментахъ, которыми онъ и отличаются. Богъ не можетъ быть безъ мудрости или благодати, точно такъ же, какъ Онъ не можетъ перестать существовать или не быть; мудрость—Его субстанціальная форма, Онъ Самъ. Сущность Трехъ Лицъ та же самая. Если мы говоримъ: Платонъ не есть нѣчто иное, чѣмъ Сократъ, то этимъ высказывается мнѣнiе, что они по роду составляютъ одно и то же, но являются обособленными индивидуальностями; но Отецъ, Сынъ и Духъ составляютъ одну сущность, которая по ея свойствамъ различается и олицетворяется въ Нихъ. Далѣе детально разбираются въ частностяхъ возраженія противъ такого пониманія и вообще противъ церковнаго ученія о Св. Троицѣ, но мы можемъ оставить въ сторонѣ эти схоластическія разсужденія, да и тогдашніе противники Абеяра не возражали на нихъ. Попытка Абеяра вывести различія Трехъ Лицъ изъ трехъ моментовъ совершеннѣйшаго Существа дала противникамъ Абеяра тотъ опорный пунктъ для нападенія, котораго они искали. Такъ какъ Абеяръ выводилъ Отца, Сына и Духа изъ трехъ моментовъ могущества, мудрости и благодати и не отрицалъ, конечно, при этомъ, что и мудрость является своего рода могуществомъ и въ благодати есть мудрость, то противники обвинили его ни съ того ни съ сего въ томъ, что онъ учитъ, что Отецъ—это всемогущество, Сынъ—извѣстное могущество, Духъ—не могущество, чего нельзя было вывести ни изъ словъ, ни изъ мнѣній нашего философа. Скорѣе идея Абеяра въ формулировкѣ его противниковъ: Богъ „какъ могущество есть Отецъ, какъ мудрость—Сынъ, какъ любовь—Духъ“, могла показаться подозрительной, какъ савеліанская ересь; и съ этой стороны противники Абеяра предприняли второе нападеніе. Такъ, по крайней мѣрѣ, рисуется дѣло по словамъ нѣмецкаго поклонника Абеяра, Оттона Фрейзингскаго. Этотъ епископъ и цистерціанскій монахъ совершенно справедливо не желаетъ вообще относить всего спора объ универсаліяхъ къ вопросу о догмахъ. Онъ пишетъ: „Ученіе о словахъ и именахъ твердо соблюдалось

1) Stölzle, 32.

Абеляромъ въ его естественномъ значеніи, но онъ неосторожно перенесъ его на богословіе. Благодаря этому, когда Абеляръ училъ и писалъ о Святомъ Тріединствѣ и придавъ чрезчуръ отвлеченное значеніе (*verflüchtigte*) Трѣмъ Лицамъ, которыхъ святая церковь учила признавать совѣмъ не за простыя только имена, но разсматривала ихъ въ своемъ благочестивомъ вѣрованіи, какъ отдѣльныя и различныя по своимъ свойствамъ Существа; онъ утверждалъ, опираясь на неподходящіе примѣры, между прочимъ слѣдующее: „Какъ одно и то же предложеніе состоитъ изъ первой посылки, второй посылки и заключенія, точно такъ же одну и ту же сущность составляютъ Отецъ, Сынъ и Святой Духъ“. Такимъ образомъ Оттонъ Фрейзингскій упрекаетъ Абеляра въ томъ, что у него отдѣльныя Лица не надѣлены всѣми присущими Имъ свойствами, при чемъ одна и та же Божественная Сущность проявляется ¹⁾ въ Нихъ въ различныхъ только пресуществленіяхъ; наоборотъ, другіе упрекаютъ Абеляра какъ разъ въ обратномъ. Въ Соассонѣ, по крайней мѣрѣ, возмущенный народъ обвинялъ его въ тритеизмѣ.

Такимъ образомъ со времени появленія трактата о тріединствѣ начинается второй актъ *calamitatum* Абеляра. Сначала Абеляръ принужденъ былъ принять участіе въ неприятной перепискѣ со своимъ старымъ учителемъ Росцелиномъ. Не упоминая имени Росцелина, самъ Абеляръ неоднократно полемизируетъ въ своемъ трактатѣ противъ приписывавшагося Росцелину тритеизма ²⁾; между прочимъ онъ упомянулъ тамъ, что самъ короткое время слушалъ лекціи у такого сорта псевдодіалектиковъ ³⁾. Самъ Абеляръ ясно призналъ въ письмѣ къ парижскому епископу Жильберту ⁴⁾, что въ своемъ трактатѣ онъ имѣлъ главнымъ образомъ въ виду оспариваніе положеній Росцелина. Самъ Абеляръ являлся, слѣдовательно, стороною, начавшей споръ. Росцелинъ, который послѣ своего осужденія въ Соассонѣ въ 1092 году давно уже примирился съ церковью и жилъ въ это время въ Турѣ какъ уважаемый членъ капитула собора св. Мартина увидѣлъ въ этомъ нападеніи своего бывшего ученика неуваженіе и грубую неблагодарность, хотя тонъ трактата Абеляра во многихъ мѣстахъ и про-

¹⁾ Otto Frising. De gestis Friderici, I, 47. Въ буквальномъ смыслѣ этого примѣра нѣтъ въ дошедшей до насъ части „Трактата“, но та же мысль встрѣчается не одинъ разъ въ другихъ мѣстахъ. Срав. Stölzle, стр. 58 и 59.

²⁾ Stölzle fol. 39 v., 40 r., 61 r., 61 v.; срав. также fol. 47 r., 52 v., 63 v.

³⁾ Fol. 48 r.

⁴⁾ Migne, 178, 357.

изводилъ впечатлѣніе, что онъ полемизируетъ лишь противъ прежнихъ возраженій номиналистовъ. Несомнѣнно только одно: вскорѣ послѣ появленія трактата, въ которомъ прямо не упоминалось имени Росцелина, Абеляръ былъ извѣщенъ, что старикъ клеветаетъ на него и посылаетъ по его адресу угрозы, а одинъ изъ учениковъ Абеляра даже написалъ ему, что Росцелинъ ждетъ только прибытія парижскаго епископа Жильберта, чтобы предъ-явить ему новую книгу Абеляра и обратить его вниманіе на заключающіяся въ ней еретическія мысли. Подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, Абеляръ рѣшилъ предупредить нападеніе. Онъ отправилъ посланіе епископу, на глазахъ у котораго онъ нѣкогда читалъ лекціи въ соборной школѣ Парижской Богоматери, и познакомилъ его съ намѣреніями Росцелина. Для того, чтобы уже заранѣе обезопасить себя отъ доноса, Абеляръ указываетъ въ этомъ письмѣ, что этотъ старый врагъ католической вѣры всегда былъ врагомъ всего хорошаго. Такъ, напримѣръ, Росцелинъ сочинилъ пасквиль противъ отца-миссіонера Роберта Арбрисселя и бросилъ обвиненіе въ нарушеніи церковныхъ правилъ въ лицо этому святому человѣку, правила котораго, введенныя въ монастырѣ въ Фонтевро, Абеляръ такъ цѣнитъ и всегда старается имъ слѣдовать. Всѣмъ извѣстно также и не забыто еще и нынѣ, что Росцелинъ дѣйствовалъ противъ знаменитаго учителя церкви, архі-епископа Кентербюрійскаго Ансельма, такими способами, что послѣдняго изгнали изъ Англіи, и Ансельмъ еле-еле спасъ свою жизнь. Естественно, что подобный человѣкъ лелѣетъ надежду и другихъ покрыть позоромъ, чтобы не одного себя чувствовать обезчещеннымъ. Вѣдь ранѣе этого его самого изгоняли изъ Франціи и тѣлесно наказывали въ томъ самомъ соборѣ, каноникомъ котораго онъ, къ стыду своему, въ настоящее время состоялъ. Абеляръ не желаетъ называть этого человѣка по имени: всякій и безъ того знаетъ лжедіалектика, который утверждаетъ, что части цѣлаго существуютъ лишь логически, а не реально; что часть цѣлаго всегда представляетъ изъ себя не болѣе какъ слово. Если, слѣдовательно, евангелистъ Лука говоритъ, Воскресшій съѣлъ часть печеной рыбы, то этотъ безумецъ долженъ понимать это въ томъ смыслѣ, что Іисусъ Христосъ проглотилъ частичку слова. Кто привыкъ такимъ образомъ пользоваться своими устами противъ небесъ и преслѣдовать Господа, тотъ несомнѣнно злобствуетъ и на его служителей. По вопросу о самомъ обвиненіи Абеляръ говоритъ еще въ это время съ большой увѣренностью. Онъ высказываетъ даже желаніе, чтобы епископъ устраивалъ состязаніе между нимъ и Росцелиномъ, онъ болѣе чѣмъ согласенъ возразить послѣднему. „Мы просимъ васъ, воителя Господа

и защитника вѣры, назначить время и мѣсто, призвать и выслушать меня и его; тогда пусть понесетъ заслуженное наказаніе виновный: или онъ за живое обвиненіе, или я за такое дерзкое обращеніе съ Писаніемъ“. Такое же вызывающее посланіе Абеляръ послалъ послѣ этого также и Росцелину въ Туръ ¹⁾. Въ послѣднемъ онъ, повидимому, сообщилъ турскому капитулу о письмѣ къ парижскому епископу съ просьбой о назначеніи диспута, потому что Росцелинъ ссылается преимущественно на нападки, находившіяся именно въ этомъ посланіи.

Отвѣтъ стараго каноника весьма характеренъ въ томъ отношеніи, что изъ него видно, какими истинно гомерическими бранными рѣчами начинались въ средніе вѣка такого рода схоластическіе турниры. Даже печать на письмѣ Абеляра, изображавшая существо съ мужской и женской головами, подаетъ поводъ обороняющемуся къ весьма язвительнымъ замѣчаніямъ.

Росцелинъ начинаетъ свое письмо съ указанія на многія и великія благодѣянія, оказанныя имъ, какъ учителемъ, своему прежнему ученику, начиная съ его дѣтскаго и до юношескаго его возраста ²⁾; указывая затѣмъ съ умиленіемъ на сладость христіанской религіи, онъ, по обыкновенію, пишетъ письмо, наполненное ядомъ и колкостями. Онъ пишетъ, что Абеляръ вырылъ ему яму, но самъ попадетъ въ нее. Никогда не удастся ему возстановить противъ него духовенство въ Турѣ, лучше пусть Абеляръ остерегается, чтобы опять не потерять того члена, которымъ онъ грѣшитъ: на этотъ разъ ядовитаго нечестиваго языка. Онъ со смиреніемъ винится въ тѣхъ прегрѣшеніяхъ, въ которыхъ его обвиняетъ Абеляръ. Въ свое время онъ заблуждался, можетъ быть, въ выраженіяхъ или мнѣніяхъ, но онъ не былъ еретикомъ, такъ какъ онъ тотчасъ же подчинился рѣшенію церкви. Онъ принимаетъ вызовъ и пріѣдетъ въ аббатство Сень-Дени, монахомъ котораго по имени еще продолжаетъ числиться Абеляръ. Аббать сообщитъ Абеляру объ его прибытіи, и онъ, Росцелинъ, будетъ ожидать, пока Абеляръ не явится на диспутъ; если же Абеляръ не явится, то онъ сумѣетъ найти его и въ другомъ мѣстѣ. Опровергая утвержденіе Абеляра, что онъ, Росцелинъ, отовсюду изгнанъ, старикъ ссылается на всѣ почести, выпавшія ему на долю со стороны Рима и многочисленныхъ епископствъ. Онъ никогда не боролся съ Робертомъ и Ансельмомъ иными средствами, чѣмъ тѣ, которыя употреблялъ и Иеронимъ противъ Кипріана и Августина, ни-

¹⁾ Migne 178, 357.

²⁾ Migne, 178, 159.

сколько не затрагивая при этомъ ихъ святости. Онъ ставилъ только въ обвиненіе вышеназванному великому основателю монастыря, что онъ принималъ въ свой монастырь женъ противъ желанія ихъ мужей и, вопреки всѣмъ протестамъ, объявлялъ ихъ послушническій обѣтъ монашескимъ. Епархіальный епископъ, впрочемъ, стоялъ въ этомъ спорѣ на сторонѣ его, Росцелина. Точно такъ же и въ спорѣ съ Ансельмомъ онъ имѣлъ за себя весьма ясныя мѣста изъ сочиненій Льва Великаго и блаженнаго Августина. Что же касается вопроса, который касается ихъ обоихъ, а именно, возможно ли примѣнять понятіе о частности (*singularitas*) къ Божественной Сущности, и въ правѣ ли, или не въ правѣ Абеляръ клеймить его воззрѣнія на Троицу какъ тритеизмъ, то Росцелинъ думаетъ, что и въ данномъ случаѣ онъ можетъ сослаться на Августина и Амвросія. Изъ этого обнаруживается, между прочимъ, что хотя Росцелинъ и отрекся отъ своихъ прежнихъ мнѣній, но внутренне никогда не отказывался отъ нихъ. Онъ не только мимоходомъ укоряетъ Ансельма въ томъ, что онъ учитъ въ своемъ „*Cur deus homo*“ о необходимости созданія чловѣка, которое однако является актомъ свободной воли Бога, но защищаетъ также и свое номиналистическое ученіе о Троицѣ. Никогда отцы церкви не приписывали Богу такого рода *singularitas*, какую устанавливаетъ Абеляръ. Утвержденіе Абеляра, что Единое Существо, одна субстанція можетъ быть обозначена тремя именами Отца, Сына и Св. Духа, является савеліанизмомъ. Самъ же Росцелинъ можетъ представлять себѣ единство Божественнаго Существа только какъ индивидуальное, которое затѣмъ объясняется въ трехъ индивидуальныхъ лицахъ. Общее въ Богѣ является, по мнѣнію стараго номиналиста, только мнимымъ субъективнымъ представленіемъ. Въ Троицѣ реально существуетъ только индивидуальное. Три Лица въ Божествѣ являются тремя отдѣльными субстанціями; невозможно такимъ образомъ обойтись безъ дѣленія Божественнаго Существа. Общимъ для Нихъ является лишь равное всемогущество, т. е. единство скорѣе моральнаго, чѣмъ количественнаго характера, потому что то, что едино, отнюдь не обще, а что обще, не можетъ быть едино. Понятіе *singularitas* такимъ образомъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть примѣнено къ Божеству. Росцелинъ придерживается, слѣдовательно, своей старой номиналистической идеи, характеризуя при этомъ воззрѣнія Абеляра, какъ савеліанскія. Далѣе Росцелинъ говоритъ, что, если и ему приходится перейти отъ ученія Абеляра къ его частной жизни, то ему не нужно, какъ послѣднему, изобрѣтать лживыя исторіи, онъ скажетъ лишь то, что говорится

всякимъ „отъ Даны до Вирсави“; весьма язвительно старый схоластикъ указываетъ при этомъ, какія преступныя осложненія представляетъ поведеніе Абеяра въ домѣ Фульбера. Изъ-за стыда за прошлое и ради страха передъ будущимъ наказаніемъ облачился затѣмъ, по его словамъ, Абеяръ въ монашескую рясу, но къ такому именно обращенію вполне подходятъ всѣ слова Григорія и Августина о произносящихъ обѣты страха ради и о позднемъ раскаяніи вистъльниковъ. Если Абеяръ рисуетъ въ своихъ описаніяхъ весьма мрачную картину состоянія монастыря Сень-Дени, то въ настоящемъ письмѣ Росцелинъ рассказываетъ, наоборотъ, о томъ, что говорятъ объ Абеярѣ монахи древняго аббатства. По словамъ ихъ, принятому изъ милосердія въ ихъ среду Абеяру дана была церковь со всѣми ея доходами, а по желанію его, такъ какъ доходовъ съ нея не хватало на удовлетвореніе всѣхъ его прихотей, церковь эта была впоследствии замѣнена другой. Здѣсь Абеяръ читалъ свои лекціи передъ толпой иностранцевъ, при чемъ его невѣжество соединенное съ высокобріемъ унизили серіозную науку до степени шутовства. Абеяръ не перестаетъ учить тому, чему не слѣдуетъ, онъ, который по правиламъ не долженъ бы былъ даже учить и тому, чему слѣдуетъ.

Доходы же отъ чтеній онъ не отсылаетъ своей возлюбленной, а передаетъ ей ихъ лично. Росцелинъ призываетъ Бога и святыхъ ангеловъ во свидѣтели, что, по словамъ его братьевъ-монаховъ, если Абеяръ поздно возвращается въ монастырь, это значить, что онъ относилъ деньги, полученные отовсюду за свое преподаваніе ложной вѣры, своей бывшей сообщницѣ въ наслажденіяхъ. Конечно, не стоитъ останавливаться на провѣркѣ подобныхъ гнусныхъ инсинуацій, но изъ сообщенія Росцелина во всякомъ случаѣ обнаруживается, что монахи Сень-Дени, принимая къ себѣ лишившагося всѣхъ средствъ Абеяра, рассчитывали также и на то, что будутъ извлекать матеріальныя выгоды благодаря учености его и именно въ этомъ-то они и обманулись. Вслѣдствіе этого они никогда и не сдѣлали ни малѣйшей попытки защитить своего брата-монаха отъ нападеній его враговъ. Росцелинъ въ концѣ концовъ признается, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые желаютъ прекращенія преподавательской дѣятельности Абеяра. По его словамъ, если Абеяръ выступаетъ какъ учитель, то онъ перестаетъ уже быть монахомъ; онъ не является и представителемъ блага духовенства. Но онъ и не мірянинъ, это доказываетъ его тонзура. Такимъ образомъ, его нельзя назвать ни монахомъ, ни клерикомъ, ни свѣтскимъ человѣкомъ. Петромъ онъ тоже уже не въ правѣ называться, потому что онъ уже не мужчина. На основаніи

тезиса, выставленнаго самимъ Абельаромъ, предмету, лишенному одной его части, нельзя уже давать названія дѣлага. Поэтому и Абельяра уже нельзя называть Петромъ, а только развѣ imperfectus Petrus (несовершеннымъ Петромъ). Вслѣдствіе этого Росцелинъ намѣренъ ограничиться только одними этими объясненіями, такъ какъ противъ несовершеннаго человѣка достаточно также и orus imperfectum. Такъ оканчивается посланіе, начатое словами: „если бы ты достоинъ былъ сладости христіанской религіи, то никогда бы не поранилъ братскую любовь мечомъ своего языка“. Необходимо вспомнить всю первобытную грубость этого поколѣнія и все отвратительное смѣшеніе низости и смиренномудрой болтливости въ средѣ духовенства той эпохи, чтобы понять все дальнѣйшее теченіе этого дѣла, введеніемъ въ которое послужилъ этотъ споръ съ Росцелиномъ.

Дѣло не дошло до просимаго Абельаромъ диспута съ Росцелиномъ. Илиепископъ не желалъ допускать его, или же Росцелинъ совѣмъ не жаловался епископу, и Абельяръ только напрасно взволновался вслѣдствіе недостовѣрныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ ему его учениками. Нападеніе произошло совѣмъ съ другой стороны. Двое молодыхъ магистровъ, которые уже и ранѣе возбуждали въ Лаонѣ Ансельма противъ Абельяра, въ то время, когда на него обрушилось несчастье, теперь уже сами вышли въ люди и блистали среди звѣздъ французской церкви. Альберихъ занималъ мѣсто архидіакона реймскаго капитула и пріора Св. Сикста. Онъ принадлежалъ къ числу ближайшихъ людей окружавшихъ Св. Бернара, который старался провести его въ Шалонскіе епископы послѣ смерти Вильгельма изъ Шампо. На этотъ разъ однако Альберихъ не достигъ епископства, но впоследствии онъ даже получилъ высшій постъ архіепископа въ Буржѣ. Альберихъ привезъ съ собою въ Реймсъ своего лаонскаго союзника, ломбардца Лотульфа, и назначилъ его учителемъ соборной школы. Оба продолжали попрежнему питать ненависть къ Абельяру, котораго они когда-то общими усиліями изгнали изъ Лаона, тѣмъ болѣе, что и теперь діалектикъ изъ Пале съ своей новой школой въ Шампани стоялъ на ихъ дорогѣ. „Послѣ смерти ихъ и моихъ учителей“, говоритъ Абельяръ, „а именно Вильгельма изъ Шампо и Ансельма Лаонскаго они разсчитывали царствовать безраздѣльно и принять наслѣдство послѣ этихъ учителей“. Этими словами вполнѣ обнаруживается причина распри; менѣе достовѣрно самое содержаніе ея.

Согласно разсказу Оттона Фрейзингскаго о Соассонскомъ соборѣ, обвиненія противъ Абельяра заключались въ савеліанизмъ; такого рода обвиненіе дѣйствительно было легче всего вывести изъ ученія Абельяра, по которому Три

лица составляютъ три главныхъ свойства совершеннѣйшаго существа. Точно такъ же и обвиненіе, выставленное Альберихомъ на Соассонскомъ соборѣ, что Абельяръ отрицаетъ самосозданіе Бога, такъ какъ, по словамъ Абельяра, имъ созданъ Сынъ, всего скорѣе могъ быть сдѣланъ савеліанскому ученію. Абельяръ же сообщаетъ, что оба упомянутые клеветника говорили соассонскимъ жителямъ, будто онъ, Абельяръ, учить въ своихъ сочиненіяхъ и лекціяхъ о трехъ богахъ, въ чемъ они сами увѣрили себя. Послѣ этого реалисты школы Ансельма не удовольствовались тѣмъ, что Абельяръ отвергнулъ мнѣніе Росцелина, будто бы общія понятія являются одними только именами; они желали, чтобы онъ считалъ универсаліи за реальности, а такъ какъ онъ не согласился съ этимъ, то они заявили, что онъ отрицаетъ реальность общаго понятія Богъ и учить о трехъ богахъ, Отцѣ, Сынѣ и Духѣ. Съ другой же стороны на соборѣ тогда уже открыто высказано было обвиненіе, повторенное впоследствии на Сенскомъ соборѣ, что Абельяръ приписываетъ всемогущество только Богу Отцу ¹⁾, потому что онъ сказалъ, что имя Отца обозначаетъ Бога по его могуществу, какъ имя Сына охватываетъ Его по Его мудрости, а имя Духа по Его любви. Повидимому, въ этомъ спорѣ допущено было столько же неясностей, сколько и пристрастія, и считалось позволительнымъ вводить на противника даже противорѣчащія другъ другу обвиненія, если только они имѣли некрасивый видъ и могли быть сколько-нибудь обоснованы.

Истинный мотивъ жалобы былъ совершенно личнаго характера. Уже давно учителя соборной школы въ Реймсѣ нашептывали архіепископу Радульфѣ, чтобы онъ освободилъ ихъ отъ опаснаго конкурента въ Шампани. Имъ удалось въ 1121 году убѣдить папскаго легата Куно, епископа въ Пренесте, что въ новой книгѣ Абельяра заключаются опасныя лжеученія. Послѣ этого, дѣйствительно, Абельяръ получилъ въ томъ же 1121 году приглашеніе явиться на соборъ въ Соассонѣ и взять съ собою ту знаменитую книгу (*opus slagum*), которую онъ написалъ о Тріединствѣ. Какъ монахъ аббатства Сень-Дени, Абельяръ не принадлежалъ къ реймской епархіи, но онъ счелъ все же болѣе благоразумнымъ, имѣя въ виду папскаго легата, предстать передъ соборомъ. Между тѣмъ Альберихъ и Лутольфъ постарались возстановить населеніе Соассона противъ иногородняго монаха, распространяя всюду мнѣніе, въ которомъ сами постарались убѣдить себя,

¹⁾ Hist. calam. Quod in libro scriptum deprehenderat, solum Deum Patrem omnipotentem esse. Migne 178, 150.

что кастратъ монастыря Сень-Дени безбожный еретикъ, который учить о трехъ богахъ. Когда Абеляръ прибылъ въ Соассонъ въ сопровожденіи немногихъ преданныхъ ему учениковъ, немногатаго доставало, чтобы возбужденная толпа не побила ихъ камнями. При такомъ положеніи дѣла Абеяру не было иного выхода, какъ отдаться подъ защиту легата. Онъ тотчасъ же передалъ ему для просмотра и сужденія свою книгу и при этомъ скромно заявилъ, что, если онъ написалъ что-либо несогласное съ католическимъ ученіемъ, то согласенъ исправить это и повести за свои заблужденія заслуженное наказаніе. Но легатъ не согласился на это. Онъ приказалъ Абеяру передать свою книгу архіепископу и обоимъ учителямъ соборной школы, обвинившимъ его, для того, чтобы, какъ горько замѣчаетъ Абеляръ, исполнилось написанное въ Писаніи: „Враги наши будутъ судить насъ“. Абеляръ подчинился этому униженію. Онъ доставилъ своимъ любезнымъ старымъ коллегамъ по Лаону свою книгу и просилъ ихъ заявить ему, что они могутъ возразить противъ нея, для того, чтобы возможно было объясниться. Последніе нѣсколько разъ разсматривали и перелистывали книгу, но не рѣшились высказать ему въ глаза ни одного замѣчанія, они дали только уклончивый отвѣтъ, что при окончаніи собора можно будетъ поговорить и объ этомъ. Абеляръ старался не терять времени и всякій разъ передъ открытіемъ засѣданія собиралъ вокругъ себя кружокъ слушателей и объяснялъ имъ свою точку зрѣнія. Ему казалось при этомъ, что его охотно и сочувственно слушаютъ, онъ даже полагалъ, что священники и народъ примѣняли къ нему слова: „Смотрите, вотъ онъ говорить открыто, и никто не возражаетъ ему. Соборъ же, который, какъ мы слышали, собрался, главнымъ образомъ для того, чтобы судить его, быстро приближается къ концу. Можетъ быть, сами судіи убѣдились, что ошибаются они, а не онъ? Наступилъ наконецъ послѣдній день собора, и друзья Абеяра могли уже надѣяться, что все дѣло ничѣмъ не кончится.

Однажды только Альберихъ явился къ Абеяру въ сопровожденіи нѣсколькихъ учениковъ, чтобы въ ихъ присутствіи сказать ему, хотя и въ дружеской формѣ, что онъ замѣтилъ, что Абеляръ въ своей книгѣ хотя и допускаетъ, что Богъ создалъ Бога, но, такъ какъ существуетъ лишь одинъ Богъ, то онъ, слѣдовательно, отрицаетъ, что Богъ создалъ самого себя ¹⁾. Онъ не хочетъ знать основаній такого мнѣнія, а желаетъ лишь свидѣтельствъ справедливости такого положенія. Абеляръ предложилъ Альбериху перевернуть

¹⁾ Имѣется, конечно, въ виду слѣд. мѣсто, II, 40, у Stölzle стр. 11 и слѣд.

страницу и указалъ тамъ на мѣсто, взятое изъ основныхъ положеній Августина о Троицѣ, подтверждавшее написанное имъ, на которое однако Альберихъ не обратилъ вниманія, потому что онъ искалъ только подозрительныхъ тезисовъ. Присутствовавшіе ученики Альбериха покраснѣли за своего учителя, который въ смущеніи заявилъ, что, если это мѣсто слѣдуетъ понимать въ такомъ смыслѣ, то вопросъ нужно считать выясненнымъ. Но Абельяръ послѣ этого уже не могъ противостоять искушенію доказать Альбериху, что какъ разъ противоположное мнѣніе Альбериха еретично, такъ какъ церковь нигдѣ не говоритъ, что Отецъ является своимъ собственнымъ Сыномъ. Абельяръ лучше бы сдѣлалъ, если бы не возбуждалъ этого нападенія, потому что раздраженный Альберихъ тотчасъ же заявилъ, что Абельяру не помогутъ ни его основанія, ни авторитеты, и, угрожая рѣшеніемъ собора, разозленный обвинитель покинулъ своего старого соперника. Такимъ образомъ наступилъ рѣшающій день послѣдняго засѣданія собора. До начала засѣданія легатъ и архіепископъ еще разъ совѣщались съ противниками Абельяра, какъ слѣдуетъ вести дѣло, ради котораго главнымъ образомъ и собрался соборъ. Послѣ того какъ обвинители не выступили съ опредѣленными обвиненіями, за Абельяра заступился епископъ шартрскій Готфридъ. Онъ нарисовалъ заслуги монаха и его славу. Онъ сказалъ, что простое осужденіе сдѣлаетъ обвиняемаго еще болѣе знаменитымъ, а его судей стануть ненавидѣть. Слѣдуетъ указать ему соблазнительныя мѣста и дать возможность защищаться, что требуется также и канонами. Но обвинители въ испугѣ закричали: „Мудрый совѣтъ! Мы должны спорить съ человѣкомъ, доказательствамъ или ложнымъ заключеніямъ котораго не можетъ противостоять весь свѣтъ!“ Когда епископъ Готфридъ увидѣлъ, что обвинители не согласятся на каноническій разборъ дѣла, потому что чувствовали себя не въ силахъ диспутировать съ Абельяромъ, онъ постарался найти другой выходъ. Онъ указалъ на то, что на соборъ собралось очень мало членовъ, и что такое малочисленное собраніе не можетъ быть судіей въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ ученіе о Св. Троицѣ. Поэтому слѣдуетъ отправить Абельяра вмѣстѣ съ присутствовавшимъ аббатомъ Адамомъ обратно въ Сень-Дени, собрать тамъ ученыхъ богослововъ и подвергнуть вопросъ обстоятельному обсужденію. Легатъ былъ согласенъ съ этимъ предложеніемъ, и, такъ какъ никто не протестовалъ, то Куно изъ Пренесте уже поднялся, чтобы служить мессу, которою долженъ былъ окончиться соборъ. Къ Абельяру явился епископъ шартрскій и сообщилъ ему, что онъ долженъ вернуться въ Сень-Дени и ожидать тамъ приговора, который будетъ произнесенъ надъ его книгой. Казалось, что

благодаря этому дѣло откладывается, и что Абельяру можно свободно вздохнуть. Противники Абельяра, однако, тотчасъ же обратились къ архіепископу. Они прекрасно понимали, что, если процессъ будетъ разбираться въ предѣлахъ ихъ епархіи, то имъ не удастся оказать никакого вліянія на рѣшеніе. Поэтому они поставили архіепископу на видъ, какъ унижительно было бы для него, если бы дѣло это было изъято изъ его суда, какъ будто бы онъ былъ неспособенъ рѣшить его, и какъ было бы опасно, если бы лжеучитель избѣгнулъ наказанія. Всѣ вмѣстѣ они отправились послѣ этого къ легату и дали ему понять, что для осужденія книги было достаточно того обстоятельства, что Абельяръ выпустилъ ее безъ одобренія церкви и давалъ своимъ ученикамъ переписывать ее. За это своеволие слѣдуетъ наказать Абельяра тѣмъ, что книга будетъ сожжена для того, чтобы въ будущемъ предупредить другихъ отъ повторенія подобныхъ нарушеній правилъ. Легатъ, который такъ же мало понималъ въ каноническомъ правѣ, какъ и въ богословіи, подчинился мнѣнію архіепископа, какъ и самъ послѣдній согласился съ мнѣніями подстрекателей Альбериха и Лотульфа. Епископъ шартрскій далъ Абельяру совѣтъ, какой обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ всегда даютъ добродушные прелаты, чтобы несправедливо преслѣдуемый съ христіанскимъ смиреніемъ подчинился несправедливости. По словамъ епископа, подобное насиліе повредить противникамъ Абельяра болѣе, чѣмъ ему самому, отъ заточенія же въ монастырѣ легатъ вскорѣ освободитъ его, если только онъ подчинится теперь же. „Такимъ-то образомъ онъ со слезами утѣшалъ плачущаго“. Абельяръ, который не считалъ себя способнымъ выносить оскорбленія, ожидавшія его въ случаѣ сопротивленія, подчинился этому приговору. „Когда меня призвали“, рассказываетъ онъ, „я тотчасъ явился передъ соборомъ, и, безъ малѣйшей попытки выслушать меня, они заставили меня собственными руками бросить упомянутую книгу въ огонь“. Грустно смотрѣлъ Абельяръ, какъ огонь пожиралъ ее. Все это произошло безъ всякихъ дальнѣйшихъ вопросовъ и переговоровъ. Только одинъ изъ противниковъ процѣдилъ сквозь зубы, что вычиталъ въ книгѣ о всемогуществѣ одного лишь Бога Отца, на что легатъ замѣтилъ, что такого рода заблужденія нельзя прощать даже мальчику, потому что католическая вѣра признаетъ и исповѣдуетъ три всемогущія Лица. При этой ошибкѣ высокопоставленнаго предсѣдателя одинъ изъ схоластиковъ по имени Террикусъ ¹⁾ не могъ удержаться отъ усмѣшки и

¹⁾ Быть можетъ подразумѣвается Тьерри, соотечественникъ Абельяра, схоластикъ изъ Бретани. Remusat, I, 93.

процитировалъ мѣсто изъ сочиненія св. Аанасія: „Et tamen non tres omnipotentes, sed unus omnipotens“. Испуганный епископъ его сталъ его бранить и называлъ его преступникомъ, осмѣливающимся возражать противъ представителя Его Святѣйшества. Но ученый мужъ возразилъ словами юнаго Даниила; „Такъ ли вы неразумны, сыны Израиля, что, не изслѣдовавъ и не узнавъ истины, осудили дочь Израиля? Возвратитесь въ судъ и судите самихъ судей“. Между тѣмъ архіепископъ успѣлъ опомниться отъ удивленія и, какъ бы желая подчеркнуть слова легата, но на самомъ дѣлѣ опровергая ихъ, сказалъ: „Дѣйствительно, Господь всемогущій Отецъ, всемогущій Сынъ, всемогущій Духъ Святой. И кто отклоняется отъ этого, тотъ, очевидно, стоитъ на ложномъ пути, и его не слѣдуетъ далѣе слушать. Итакъ, если на то будетъ ваше согласіе, пусть этотъ монахъ (*frater ille*) исповѣдуетъ открыто свою вѣру передъ всѣми, для того, чтобы онъ былъ или оправданъ, или отвергнутъ и исправленъ“.

Если бы это предложеніе архіепископа прошло, то сожженіе книги Абельяра не имѣло бы въслѣдствіи того значенія, которое ему приписывали; оно имѣло бы видъ наказанія за то, что Абельяръ распространилъ книгу, не подвергнувъ ея предварительной церковной цензурѣ, но истинность его вѣрованій не подвергалась бы заподозриванію благодаря этой дисциплинарной мѣрѣ. Обрадованный Абельяръ поднялся съ мѣста, чтобы исповѣдать свою вѣру и оправдать этимъ самымъ и содержаніе сожженной книги. Но до этого именно оправданія его и не желали допустить его противники; они снова начали шумѣть и заявили, что не нужно никакихъ дальнѣйшихъ объясненій, Абельяръ долженъ просто сказать *Symbolum Athanasianum*, что, по его собственнымъ словамъ, можетъ сдѣлать всякій ребенокъ, но, чтобы онъ не могъ отговориться незнаніемъ символа наизусть, они поднесли ему книгу, открытую на страницѣ, гдѣ онъ былъ написалъ. При подобной-то обстановкѣ Абельяръ, тяжело дыша и заглушая всхлипыванія и слезы, прочелъ символъ вѣры, несмотря на то, что иногда отъ стыда и горя ему замѣнялъ голосъ. Послѣ этой отвратительной сцены несчастнаго какъ уличеннаго еретика передали присутствовавшему на соборѣ аббату монастыря св. Медарда Готфриду, который доставилъ его, какъ заключеннаго, въ свой монастырь, служившій одновременно какъ для исправленія, такъ и для заключенія умалишенных¹⁾. Здѣсь, между преступниками и сумасшедшими,

¹⁾ О св. Медардѣ ср. Григорія Турскаго, *historia Francorum*, 14, 20, Brial, *scriptores rer. Gallic. XIV*, 443. Далѣе: *Vita Gosuini abbatis S. Me-*

слѣдовало исправить и излѣчить отъ ереси знаменитѣйшаго учителя Франціи. Однако положеніе Абеяра въ монастырѣ оказалось болѣе благопріятнымъ, чѣмъ рассчитывали его противники.

Монастырь св. Медарда находился около Соассона, на правомъ берегу Эны, и былъ древнимъ сооруженіемъ временъ Клотара I; монастырь пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Монахи съ почтеніемъ относились къ несчастному ученому и старались сдѣлать для него жизнь въ ихъ стѣнахъ пріятной. Но Абеяръ былъ окончательно озлобленъ. „Боже, Ты, Который справедливо караешь“, писалъ онъ въ послѣдствіи, „съ какою душевной горечью, съ какимъ сердечнымъ раздраженіемъ я, недостойный, ропталъ на Тебя, я, безумный, обвинялъ Тебя, весьма часто повторяя жалобу блаженнаго Антонія: всеблагій Иисусъ, былъ ли Ты вдали отъ меня? *Jesu bone, ubi eras?*“ Въ душѣ Абеяра боролись стыдъ и отчаяніе, какъ и тогда, когда онъ израненный лежалъ на своемъ одрѣ въ Парижѣ. „Я считалъ ничтожнымъ то предательство по сравненію съ настоящею несправедливостью; я гораздо сильнѣе оплакивалъ оскорбленіе моего добраго имени, чѣмъ поврежденіе моего тѣла: къ послѣднему меня привела собственная вина, къ первому же, къ очевиднѣйшему насилию, привели меня чистыя побужденія и любовь къ нашей вѣрѣ, побудившія меня писать именно такимъ образомъ“. Въ первый еще разъ Абеяръ познакомился съ тою властью, на которую не оказывали никакого дѣйствія ни разумъ, ни наука—съ церковной партійностью. Его права можно было измѣрять на центнеры, и все же соборъ нашель его настолько легковѣснымъ, что ни разу не счелъ даже нужнымъ выслушать. Его осѣвило сознаніе, что богословіе не наука, а часть церковной политики, и что церковные споры рѣшаются иными мотивами, а не соображеніями истины. Оказалось, что дѣла церкви стоятъ не такъ, какъ онъ представлялъ себѣ ихъ, сидя въ своемъ ученоемъ кабинетѣ. Абеяра охватилъ ужасъ, что, можетъ быть, лично онъ предназначенъ судьбою для того, чтобы быть отданнымъ на жертву той реакціи, которая повсюду въ окрестныхъ монастыряхъ возникала противъ существующихъ методовъ научнаго схоластическаго образованія, реакціи, нуждающейся въ

dardi: Mittebantur illuc indocti ut erudirentur, dissoluti ut corrigerentur, cervicosi ut domarentur. Перепечатано у Cousin, opp. Ab. I, 58, Аббатомъ былъ Готфридъ по прозванію *collum cervi*: Cousin I, 58. Госвинъ былъ только пріоромъ, этимъ и объясняется, что Абеяръ восхваляетъ хорошее обхожденіе съ нимъ въ монастырѣ, несмотря на то, что Госвинъ былъ его врагомъ.

пугалъ для того, чтобы новая партія могла отпугнуть дерзкихъ, запугать несамостоятельныхъ, указать, наконецъ, жаждущимъ борьбы ту цѣль, въ которую слѣдуетъ жѣтить. Кромѣ того, лично для Абеяра, для виртуоза, привыкшаго съ юношескихъ лѣтъ къ оваціямъ, общественное сочувствіе было настолько жизненнымъ элементомъ, онъ такъ много обращалъ вниманія на мнѣнія о себѣ другихъ, что этотъ несправедливый приговоръ окончательно разрушилъ и его внутреннюю жизнь. „Какія душевныя муки подымались изъ глубины моей души“, рассказываетъ онъ самъ, „какою краскою стыда заливалось мое лицо, какому отчаянію я предавался — все это я могъ прочувствовать тогда, но теперь я не въ силахъ описать этого“.

Окончательно отравило положеніе Абеяра то обстоятельство, что среди монастырской братіи онъ встрѣтилъ также и Госвина, который нѣкогда еще будучи незрѣлымъ юношею, вторгся въ его аудиторію на холмѣ св. Женевьевы съ цѣлю сразить нечестиваго учителя. Соотвѣтственно первому своему опыту рвенія, молодой человекъ въ данное время уже выскочилъ въ монастырскіе реформаторы и назначенъ былъ пріоромъ монастыря св. Медарда, чтобы искоренить злоупотребленія и ввести реформы въ преподаваніе. Можно легко представить себѣ, съ какимъ чувствомъ долженъ былъ снова встрѣтиться съ нимъ Абеяръ, который навѣрное никогда не въ состояніи былъ забыть вышеупомянутой сцены. Своимъ униженіемъ онъ обязанъ былъ людямъ того же сорта, какъ Госвинъ, а теперь въ довершеніе всего еще принужденъ былъ почитать юнаго святого какъ своего начальника. Съ своей стороны Госвинъ видѣлъ въ знаменитомъ ученомъ лишь нѣкую уродливую аномальность, какъ характерно рассказываетъ его біографія: *instar rhinocerotis indomiti disciplinae coerendum ligamento* ¹⁾. Сначала, согласно волѣ аббата и братіи, Госвинъ пожелалъ испробовать мѣры кротости для исправленія нечестивца. Онъ говорилъ ему съ христіанскимъ смиреніемъ, что Абеяръ не долженъ смотрѣть на монастырь какъ на мѣсто наказанія для него, а лишь какъ на убѣжище отъ соблазновъ міра. Онъ только долженъ вести себя благочестиво и быть для всѣхъ примѣромъ благочестія, въ такомъ случаѣ онъ не лишится благодати. Абеяръ, который изъ всего этого разговора вынесъ только впечатлѣніе на-

¹⁾ Представленіе о единорогѣ взято у Іова, 39, 9, и изъ псалма 21, 22, и было обычно тогдашнему монашеству, и самъ Абеяръ употребляетъ его въ своей рѣчи объ обращеніи ап. Павла, примѣняя даже къ послѣднему. *Cousin I, 510.*

мека на свое грустное прошлое, угрюмо замѣтилъ, что очень многіе изъ тѣхъ, которые болтаютъ о благочестіи, не умѣютъ даже опредѣлить, въ чемъ оно состоитъ. Такой намекъ на то, какъ долженъ бы былъ юный свѣточъ церкви отнестись къ болѣе пожилому человѣку и извѣстному ученому, показался, конечно, будущему святому непоправимой дерзостью, и онъ угрожающе отвѣтилъ заключенному: „Ты совершенно правъ, многіе говорятъ о благочестіи и не знаютъ, въ чемъ оно состоитъ! Но, если ты скажешь или сдѣлаешь что-либо, что противорѣчитъ благочестію, то узнаешь, что намъ извѣстно, какъ слѣдуетъ поступать съ ослушниками“. Великій Госвинъ, рассказываетъ его биографъ, такъ застрашалъ это чудовище, что оно изъ боязни передъ бичомъ дисциплины смиренно подчинилось. (*Pavefactus rhinoceros ille, quietius dies illos transigebat, patientior disciplinae, timidior fragellorum.*) Въ великомъ философѣ съ отличавшими его отъ другихъ мнѣніями грубый монахъ увидѣлъ только чудовище съ особенными придатками, и даже въ то время, когда полсвѣта еще восхлещалось „носорогомъ“, онъ угрожалъ ему уже посохомъ истины; какъ же долженъ былъ онъ смотрѣть теперь на всякое малѣйшее непослушаніе павшаго и порученнаго его наблюденію человѣка? Заключенный ясно видѣлъ, что его ожидаетъ. Послѣ угрозы тѣлеснымъ наказаніемъ онъ сталъ себя вести болѣе благоразумно и пересталъ неистовствовать (*cerebri factus sanioris et animi non adeo delirantis*).

Такова-то была судьба философовъ въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Даже самыя знаменитыя философы не были гарантированы отъ угрозъ бичеваніемъ со стороны людей, подобныхъ Госвину, и такого рода „опроверженія“ были въ высшей степени дѣйствительны. Къ счастью, Абельяру не пришлось переносить долгое время это исправительное заточеніе. Послѣ окончанія собора отцы собора все же догадались, что въ дѣлѣ Абельяра они черезчуръ помирволили зависти реймскихъ богослововъ на чужой кусокъ хлѣба. Заинтересованные сваливали другъ на друга вину за позорныя подробности, и даже Альберихъ и Лотульфъ увѣрили, что никогда не желали закончить дѣло такими мѣрами. *Invidia Francorum*, зависть, играющая въ исторіи Франціи такую крупную роль, упоминается при этихъ обстоятельствахъ, какъ всеобщій извѣстный мотив ¹⁾; римскій легатъ Куно тоже утверждалъ, что онъ вынужденъ былъ въ то время считаться съ этой французской завистью. У Абельяра было много именитыхъ приверженцевъ среди французскаго духовенства и даже въ средѣ римскихъ прелатовъ, такъ что Куно счелъ потомъ за лучшее

¹⁾ Ab. op. Ep. I, 23.

отнестись въ концѣ концовъ къ дѣлу съ милосердіемъ и разрѣшилъ Абеляру возвратиться въ Сень-Дени. Конечно, много потерпѣвшій Абеляръ съ удовольствіемъ оставилъ компанію преступниковъ, умалишенныхъ, а особенно святыхъ чекава Госвина; судьба такъ мало избаловала Абеляра, что онъ даже подчеркиваетъ въ своихъ мемуарахъ, что съ нимъ дружески обходились въ монастырѣ св. Медарда! По сравненію съ испытаніями, которыя ему предстояло перенести съ тѣхъ поръ въ Сень-Дени, его прежнее положеніе кажется ему даже болѣе сноснымъ. Монахи св. Медарда гордились своимъ знаменитымъ заключеннымъ. Изъ его собственнаго разсказа и изъ сообщеній Росцелина намъ извѣстно, насколько монахи Сень-Дени были враждебно противъ него настроены. По ихъ словамъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о пользѣ монастыря, онъ позволялъ себѣ играть роль цензора и порицать нравы братіи, забывая собственное прошлое. Въ этомъ отношеніи онъ, повидимому, сдерживалъ себя въ началѣ, но не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ его демонъ толкнулъ его въ новыя ссоры. Въ бібліотекѣ монастыря, сидя постоянно за изученіемъ древнихъ писателей, онъ натолкнулся на одно мѣсто въ изложеніи Беды „Дѣяній Апостольскихъ“, гдѣ послѣдній говоритъ, что Діонисій Ареопагитъ былъ не аѳинскимъ, а коринтскимъ епископомъ. Монахи же стояли твердо за то, что ихъ Діонисій былъ епископомъ аѳинскимъ и Ареопагитомъ. Абеляръ поступилъ бы разумнѣе, если бы сохранилъ въ тайнѣ свое открытіе, но въ этомъ именно и обнаружился въ немъ мужъ науки: онъ абсолютно неспособенъ былъ скрывать истину, если даже она была чрезвычайно непріятна для другихъ. Ужасное возбужденіе, которое произвело въ монашеской средѣ сообщеніе Абеляра, объяснимо было бы только въ томъ случаѣ, если бы онъ изъ замѣчанія Беды сдѣлалъ самъ собою напрашивавшійся выводъ, что епископъ-мученикъ, покоящійся въ монастырѣ Сень-Дени, не имѣетъ ничего общаго съ Ареопагитомъ св. ап. Павла; къ умаленію славы монастыря открытіе это могло повести только въ томъ случаѣ, если бы оно отвергало тожество мученика и Ареопагита, а не говорило только то, что Ареопагитъ былъ епископомъ не аѳинскимъ, а другой греческой епархіи, что для аббатства не имѣло такого крупнаго значенія. По презрительному замѣчанію Абеляра о монахахъ, „которые хвалятся тѣмъ, что ихъ Діонисій былъ Ареопагитомъ“, можно заключить объ его собственномъ мнѣніи, но впоследствии, послѣ того, какъ несчастья сдѣлали его болѣе осмотрительнымъ, онъ самъ нашелъ болѣе благо разумнымъ не высказывать своего истиннаго мнѣнія. Когда Абеляръ писалъ эти строки своей біографіи, онъ намѣревался возвратиться во Францію и въ Парижъ, но ни та, ни другой не желали терять вѣру въ то, что ихъ патронъ-

покровитель—Ареопажитъ „Дѣяній Апостольскихъ“. Въ виду этого Абельяръ представляеть дѣло въ болѣе безобидномъ видѣ, что будто бы онъ высказывалъ только сомнѣнiе: которымъ изъ этихъ греческихъ епископовъ былъ патронъ монастыря Сень-Дени? Открытiе это было само по себѣ достаточно замѣчательно, конечно, но, если кто-либо придетъ къ убѣжденiю, что исторiя Вильгельма Телля не болѣе, какъ легенда, онъ поступить благоразумнѣе, если не будетъ говорить объ этомъ на праздникѣ Стрѣлковъ въ Альторфѣ, а предположенiи, что извы св. Франциска ведутъ свое происхожденiе отъ Ильи Кортонскаго, не преподносятъ богомольцамъ въ Ассизи. По наивности ли ученаго, или же находя извѣстное удовлетворенiе своимъ горестямъ въ томъ, чтобы сердить монаховъ, ради шутки, но Абельяръ показалъ нѣкоторымъ монахамъ эти мѣста въ сочиненiи Беда, какъ самъ онъ рассказываетъ объ этомъ. Монахи были, конечно, возмущены до глубины души и заявили, что Беда безусловно недостоверный писатель. Они говорили, что ихъ аббатъ Гильдуинъ, жившiй во времена Людовика Благочестиваго, самолично объѣхалъ Грецію, чтобы изучить житiе патрона-покровителя, и написанной имъ исторiей послѣдняго отклонилъ всякiя сомнѣнiя въ истинности монастырскихъ преданiй. Послѣ этого монахи, враждебно настроенные противъ Абельяра, которые уже давно и безъ того удалили бы его охотно изъ монастыря, воспользовались этимъ происшествiемъ и поставили Абельяру вопросъ: кому онъ отдаетъ преимущество, Гильдуину или Бедѣ? На это ученый могъ отвѣчать только ссылкой на то, что Беда—это такой писатель, авторитетъ котораго признается всею западною церковью, и что противъ него свидѣтельства какого-нибудь Гильдуина недостаточно. Противники Абельяра, благодаря этому отвѣту, имѣли, наконецъ, то, чего добивались. Они подняли крики о томъ, что ясно какъ бѣлый день, что Абельяръ всегда былъ врагомъ ихъ монастыря, что онъ желаетъ даже лишить чести королевство, отвергая, что именно Ареопажитъ является его патрономъ. Абельяръ возражалъ на это, что онъ и не думалъ отрицать, будто бы ихъ святой не былъ Ареопажитомъ, тѣмъ болѣе, что и самый вопросъ этотъ не важенъ, такъ какъ св. Дiонисiй стяжалъ у Бога такой славный вѣнецъ. Но противники его не желали упускать снова изъ рукъ преимущество своего положенiя: они побѣжали къ аббату и рассказали ему о нападенiяхъ, которыя Абельяръ позволилъ себѣ сдѣлать на честь монастыря. Прелатъ, который часто и самъ подвергался осужденiю со стороны Абельяра, самъ принадлежалъ къ противникамъ послѣдняго; онъ былъ доволенъ, что наконецъ представился случай навсегда заткнуть ротъ надоедливому цензору нравовъ. Въ при-

сутствіи всей братіи онъ заявилъ Абельяру, что доведеть до свѣдѣнія короля, какого рода нападки позволилъ онъ себѣ противъ чести страны и короны, пока же онъ осудилъ обвиняемаго на заточеніе. Абельяръ позволилъ запугать себя и заявилъ, что готовъ подчиниться всякому наказанію, въ случаѣ, если онъ совершилъ какое либо преступленіе. Но такимъ оборотомъ дѣла не хотѣлъ удовольствоваться Адамъ, онъ желалъ совсѣмъ освободиться отъ нелюбимаго монаха, въ виду чего онъ и рѣшилъ передать его королю какъ государственнаго измѣнника. Очутившись въ такого рода обстоятельствахъ, Абельяръ бѣжалъ изъ монастыря съ помощью нѣкоторыхъ расположенныхъ къ нему братьевъ-монаховъ и учениковъ; послѣ этого, на досугѣ въ своемъ убѣжищѣ, ему было время подумать о томъ, насколько благодарными занятіями оказываются богословскія открытія! Въ Парижъ, конечно, онъ направиться не могъ. Онъ вернулся въ Шампань, гдѣ уже читалъ лекціи до собора въ Соассонѣ, и отдался подъ покровительство графа Теобальда. Высокопоставленный сеньеръ отнесся съ сочувствіемъ къ исторіи Абельяра, съ которою его познакомили; онъ до извѣстной степени былъ даже лично знакомъ съ Абельяромъ со времени его прежней жизни. Графу могло быть только пріятно, если бы знаменитый бѣглець снова захотѣлъ основать новую школу, подобную прежней. Абельяръ поселился вначалѣ въ замкѣ Провенъ (Provins), въ пріорствѣ Св. Эгульфа, принадлежавшемъ монахамъ монастыря въ Троя. Аббатъ монастыря св. Петра въ Троя былъ его довѣреннымъ другомъ и былъ доволенъ, что можетъ окружить его своими попеченіями, епископъ Гаттонъ также былъ расположенъ въ его пользу. Однако было весьма естественно, что покровительство этихъ прелатовъ обусловлено было прекращеніемъ вражды Абельяра съ могущественнымъ аббатомъ монастыря Сенъ-Дени. Вслѣдствіе этого Абельяръ рѣшился написать Адаму. Примиреніе было бы невозможно, если бы Абельяръ не отказался отъ своего открытія, но слѣдуетъ сказать, что Абельяръ категорически не отрекся отъ него. „Петръ, по званію монахъ, по жизни грѣшникъ“, смиренно писалъ Абельяръ ¹⁾, „своему возлюбленному отцу, Вожею милостью аббату монастыря славнѣйшихъ мучениковъ Діонисія, Рустика и Элевтерія, мощи коихъ почиваютъ въ немъ, и своимъ возлюбленнымъ братьямъ и сотоварищамъ-монахамъ“. Въ своихъ лекціяхъ о противорѣчивыхъ свидѣтельствахъ отцовъ церкви Абельяръ говорилъ, между прочимъ, и о томъ, какимъ образомъ слѣдуетъ согласовать такія противорѣчія. Этимъ „Введеніемъ“ къ „Sic et non“ онъ могъ самъ теперь воспользоваться при разборѣ противорѣчія между Бедою и Гильдуинномъ; эта

1) Cousin, I, 682 и слѣд.

возможность и говорить именно за то, что въ то время имъ уже было написано его „Sic et non“. Какъ ни высоко Абельяръ цѣнитъ также и Беду, но и къ нему оя охотно примѣняетъ тѣ положенія, которыми онъ пользовался въ иныхъ случаяхъ при разборѣ подобныхъ же противорѣчивыхъ свидѣтельствъ. Беда—человѣкъ, который можетъ такъ же ошибаться, какъ ошибались Наваанъ, Петръ, Августинъ и др. Тамъ, гдѣ вопросъ не касался истинъ вѣры, впадали иногда въ ошибки даже и святые. Вѣдь допускаетъ же св. Григорій въ своей первой проповѣди объ Іезекилѣ, что иногда Святой Духъ оставляетъ благочестивыхъ людей, чтобы показать имъ, какъ мало они значатъ безъ Его поддержки. Даже блаженный Августинъ уличенъ былъ св. Иеронимомъ въ заблужденіи. Возможно, что и Беда руководился менѣе достовѣрными мнѣніями другихъ, или же смѣшалъ одного Діонисія съ другимъ, будучи введенъ въ заблужденіе сходствомъ именъ, такъ же точно, какъ Амвросій смѣшалъ однажды апостола Іакова съ Іаковымъ, братомъ Господнимъ. Допуская, такимъ образомъ, что и такой всѣми признанный авторитетъ, какъ Беда, не можетъ быть застрахованъ отъ ошибокъ, Абельяръ склоняется къ мнѣнію, ссылаясь на Евсевія и Иеронима, что епископъ Діонисій Коринскій и Діонисій Ареопагитъ были совершенно различными лицами, которыя, къ тому же, жили въ совершенно различныя эпохи, такъ что мнѣніе Беды, что Ареопагитъ былъ епископомъ Коринѳа должно считать ошибкой знаменитаго писателя. Настолько Абельяръ могъ, конечно, высказаться, чтобы, удовлетворяя монаховъ, не отречься отъ своего истиннаго воззрѣнія на этотъ вопросъ. Когда, вскорѣ послѣ этого, аббатъ монастыря Сентъ-Дени посѣтилъ графа Теобальда въ замкѣ Провенъ, въ свою очередь и со стороны покровителей Абельяра была сдѣлана попытка примиренія. Графъ просилъ Адама разрѣшить Абельяра и позволить ему жить, хотя и соблюдая монастырскія правила, въ мѣстѣ добровольно избранномъ имъ самимъ. Аббатъ обѣщаль принять во вниманіе предложеніе графа, но, посоветовавшись съ своими спутниками, передъ своимъ отъѣздомъ заявилъ, что Абельяръ послѣ своего исправленія предпочелъ ихъ монастырь всѣмъ другимъ монастырямъ, а потому, если согласиться на переходъ его въ другой монастырь, то это можетъ послужить къ умаленію чести монастыря. Они думаютъ, однако, что Абельяръ имѣетъ подобныя намѣренія, а потому и желаютъ, чтобы бѣглець безъ дальнѣйшихъ условій вернулся въ свой монастырь; не только ему, но и пріору монастыря Св. Эгульфа аббатъ пригрозилъ отлученіемъ, если оя и дальше будетъ скрывать у себя бѣглаго монаха. Абельяръ былъ совершенно подавленъ этимъ суровымъ требованіемъ;

вскорѣ однако пришло извѣстіе, что аббатъ заболѣлъ на обратномъ пути и черезъ нѣсколько дней умеръ (1122). Новый аббатъ монастыря Сень-Дени, весьма изворотливый Сугерій, занять былъ главнымъ образомъ политикой и потому принималъ не такъ горячо къ сердцу, какъ его предшественникъ, эти монашескіи дразги; все же онъ былъ связанъ рѣшеніемъ конвента. Когда при посредствѣ епископа Мосскаго, расположеннаго къ Абеляру, состоялось свиданіе послѣдняго съ аббатомъ Сугеріемъ, аббатъ отклонялъ также и личную просьбу Абеляра и повторилъ приказаніе своего предшественника. Но другой королевскій совѣтникъ Людовика VI—Стефанъ Гарландъ—принялъ сторону несчастнаго монаха и перенесъ его дѣло на рѣшеніе короля. Послѣднему было почти безразлично, былъ ли патронъ его дома епископомъ аэвнскимъ, или коринескимъ, и его единственная и весьма понятная забота заключалась въ данномъ случаѣ только въ томъ, чтобы прекратились распри въ аббатствѣ, въ церкви котораго покоились останки его предковъ, и въ стѣнахъ котораго весьма часто обсуждались важнѣйшія дѣла государства. Въ виду этого Гарланду поручено было уладить дѣло, и на одномъ общемъ собраніи монаховъ состоялось, наконецъ, соглашеніе между враждующими сторонами. Аббатъ Сугерій заявилъ, что хотя и нельзя дозволить Абеляру поселиться въ чужомъ монастырѣ, что послужило бы къ умаленію чести аббатства, но можно разрѣшить ему вести благочестивую жизнь частнаго человѣка, и не находясь въ аббатствѣ Сень-Дени. Этими исполнены были желанія Абеляра, и окончились несогласія, которыя пріобрѣли такое значеніе, что рѣшеніе это было принято въ присутствіи короля и его совѣтниковъ и утверждено имъ лично.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Абеляръ видитъ въ этомъ не вполнѣ почетномъ отпускѣ, во всякомъ случаѣ, лестную для себя страницу жизни. Какъ на мотивъ, которымъ руководился дворъ, принимая участіе въ этомъ посредничествѣ, Абеляръ указываетъ на желаніе придворныхъ сохранить прежній свѣтскій характеръ аббатства, что было бы невозможнымъ, пока такой строгій блюститель устава, какъ онъ, находился въ монастырѣ. Поэтому Гарландъ и убѣдилъ братію, чтобы она согласилась отпустить Абеляра, жизнь котораго совершенно не соответствовала ея жизни. Такъ какъ вскорѣ послѣ этого Сугерій назначенъ былъ первымъ королевскимъ совѣтникомъ Франціи, то, дѣйствительно, и при немъ не серьезно относились къ строгому исполненію монашеской жизни въ Сень-Дени, хотя въ другихъ мѣстахъ этотъ аббатъ и является реформаторомъ монастырей. Что же касается предположенія, что присутствіе такого человѣка, какъ Абеляръ, могло служить препятствію-

емъ для свѣтскаго характера жизни въ монастырѣ, то это, конечно, слѣдуетъ отнести на счетъ самообмана автора. Скорѣе всего это Соломоново рѣшеніе слѣдуетъ разсматривать, какъ актъ мудрости Сугерія и Гарлянда, дипломатическое искусство которыхъ въ распутываніи сложныхъ вопросовъ прославлялось и въ другихъ случаяхъ; подобнымъ же образомъ они поддерживали и свободу общинъ, какъ въ данномъ случаѣ они посодѣйствовали свободѣ Абеяра. Королевская власть начала въ эту эпоху укрѣпляться, поддерживая слабыхъ противъ привилегированныхъ. Абеяру повезло благодаря той же политикѣ. Но и въ видахъ собственнаго спокойствія король желалъ прекращенія монашеской распри, потому что дворъ не могъ выносить ея въ такомъ мѣстѣ, куда онъ охотно переселялся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПАРАКЛЕТЪ И СЕНЬ-ЖИЛЬДА.

1123—1136.

*Ecce elongavi fugiens, et mansi
solitudine. Ps. 55, 8.*

Послѣ соглашенія, которое устроено было королевскими совѣтниками между аббатомъ Сугеріемъ и братомъ Петромъ Абелиромъ, оправданный монахъ очутился въ самомъ странномъ положеніи. Онъ не былъ разрѣшенъ отъ монашескихъ обѣтовъ, но ему запрещено было жить въ монастырѣ. Такимъ образомъ ему оставалась только жизнь отшельника, которую онъ и рѣшилъ испробовать. Онъ припомнилъ, что во время своего прежняго пребыванія въ Шампани онъ видѣлъ уединенную долину, выходящую на Сену при устьѣ рѣчки Ардюзонъ, которая находилась въ предѣлахъ троаской епархіи; въ этой епархіи онъ еще недавно пользовался гостепріимствомъ ¹⁾. Абелиръ снова пріѣхалъ туда къ своимъ друзьямъ: это было въ 1123 году, въ первый годъ управленія Сугерія. Друзья уступили безпріютному монаху клочокъ земли, а его покровитель, епископъ Гаттонъ Троаскій, въ епархіи котораго лежало мѣсто, выбранное Абелиромъ для постройки, позволилъ ему построить въ Ножанскомъ лѣсу на Сень капеллу въ честь Святой Троицы. Къ нему присоединился товарищъ, имя котораго достоверно неизвѣстно, но котораго французскіе біографы считаютъ ²⁾, хотя и безъ всякаго основанія, Арнольдомъ изъ Брешіи; Абелиръ говоритъ только, что онъ cum quodam clerico nostro т. е. со своимъ писцомъ, построилъ изъ тростника и соломы капеллу и

¹⁾ Позднѣйшій Параклетъ находился къ востоку отъ Ножана на Сень, въ двѣнадцати миляхъ отъ Троа. Вообще всѣ мѣста, въ которыхъ до этого времени проявлялась его преподавательская дѣятельность, находились въ районѣ рѣки Сены: Парижъ, Меленъ, Корбейль, Провенсъ и Троа.

²⁾ Bonet-Maury, Leçon d'ouverture. Paris, Fischbacher.

могъ послѣ этого пѣть въ своей отдаленной долигѣ: „Далеко удалился бы я и оставался бы въ пустынѣ“ (Ис. 54, 8). Между тѣмъ и тутъ приходилось какими-либо способами зарабатывать хлѣбъ, и онъ говорилъ, какъ домоправитель въ Евангеліи: „что мнѣ дѣлать, воздѣлывать землю я не умѣю, а просить милостыню стыжусь“. „Я прибѣгнулъ тогда къ искусству, съ которымъ былъ знакомъ, и вмѣсто работы руками обратился къ услугамъ языка“. Вначалѣ Абеляръ, конечно, рассчитывалъ на сыновей своихъ ближайшихъ доброжелателей. Но, когда студенты разныхъ школъ услышали, что великій діалектикъ изъ Пале сидитъ въ Ножанскомъ лѣсу на Сенѣ и снова читаетъ лекціи, то повторилось снова такое же стеченіе „варваровъ“, по поводу котораго уже и ранѣе издѣвался Росцелинъ. Студенты покидали города и замки и направлялись, какъ толпы анахоретовъ Фиваиды, въ далекую лѣсную долину Абеяра. Жизнь въ шалашахъ повторялась здѣсь въ еще болѣе романтической обстановкѣ. Вмѣсто обширныхъ домовъ, въ которыхъ до этого жили студенты, они построили себѣ маленькія хижины изъ глины и соломы; избалованные парижской кухней, теперь они питались рѣпною и крестьянскимъ хлѣбомъ, а вмѣсто мягкихъ постелей спали на сѣнѣ и соломѣ, и пользовались земляными кочками вмѣсто столовъ. Мягкій климатъ средней Франціи благоприятствовалъ этой идиллической жизни, а лѣсъ, напоминающій сосѣдній лѣсъ въ Фонтенебло, съ его березами, свѣтлой сухой песчаной почвой, столѣтними дубами и буковыми деревьями представлялъ то открытыя для солнечныхъ лучей мѣста, то тѣнистыя убѣжища, прекраснѣе которыхъ трудно было бы себѣ и представить. А такъ какъ хижина за хижиной росла вокругъ Абеяра, и онъ въ концѣ концовъ, подобно Моисею, увидѣлъ вокругъ себя цѣлый лагерь хижинъ, созданный его словомъ, наполнившимъ уже всю долину, тогда снова вернулось и въ его изстрадавшуюся душу гордое и радостное сознаніе, и онъ снова почувствовалъ, что онъ еще тотъ же прежній Абеляръ, который не нуждается ни въ чьей посторонней помощи. „Все, въ чемъ я нуждался“, рассказываетъ онъ, „мнѣ доставляли въ большемъ, чѣмъ было нужно, количествѣ мои ученики—пищу, одежду; они обрабатывали поля, строили дома, такъ что никакія хозяйственныя заботы не отрывали меня отъ преподаванія. Такъ какъ наша молельня не могла вмѣстить даже и небольшого количества присутствовавшихъ, они расширили ее, насколько это было необходимо, и затѣмъ еще разъ снова построили ее еще въ лучшемъ видѣ изъ камня и дерева. Такъ какъ капелла была воздвигнута и посвящена въ честь Святой Троицы, а я, скиталець, уже сомнѣвавшійся въ божественномъ милосердіи,

могъ снова немного свободнѣе вздохнуть здѣсь, то въ воспоминавіе объ этомъ добромъ дѣлѣ я называлъ ее „Параклетъ“, названіе, которое изображено было на передней части фронтона (in fronte vestibuli). Такимъ образомъ опальный монахъ создалъ себѣ въ этой лѣсной долигѣ „небеснаго утѣшителя“ новую родину, которою онъ гордился и имѣлъ полное право гордиться ею. Когда впоследствии Элоиза поселилась въ этомъ монастырѣ, который онъ долженъ былъ покинуть, она писала ему: „Ты послѣ Бога являешься единственнымъ основателемъ этого поселенія, единственнымъ строителемъ этой капеллы, единственнымъ создателемъ этого учрежденія. Ты не воздвигъ ничего здѣсь на чужомъ основаніи, все, что здѣсь находится, является твоимъ созданіемъ. Это пустыня была до этого мѣстопребываніемъ дикихъ звѣрей и разбойниковъ, она не видала до тебя человѣческаго жицья, въ ней не было ни одного дома. Въ логовищахъ дикихъ звѣрей, въ притонахъ разбойниковъ, гдѣ никогда не произносилось имя Божіе, ты разбилъ божественный шатеръ и посвятилъ Духу Святому храмъ Его Имени. Для построенія его ты ничего не взялъ изъ сокровищницъ королей и князей, потому что самъ владѣлъ наибольшимъ и величайшимъ сокровищемъ, такъ что все сдѣланное должно быть приписано только одному тебѣ. Клерики и студенты, стекавшіеся сюда, чтобы учиться у тебя, наперерывъ другъ передъ другомъ доставляли тебѣ все необходимое, а тѣ, которые жили съ доходовъ отъ церковныхъ бенефицій и въ другихъ мѣстахъ умѣли только брать приношенія, а не давать ихъ, здѣсь оказались въ приношеніи даровъ расточительными, даже навязчивыми“¹⁾. Вмѣстѣ съ успѣхомъ къ Абельяру вернулась и охота къ преподаванію.

Какъ примѣръ того восторженнаго тона, съ которымъ Абельяръ обращался въ своихъ рѣчахъ къ студентамъ, часто приводились вступительныя слова въ „Сентенціяхъ“, которыя приписываются Абельяру. „Всѣ вы, жаждущіе, приидите къ источникамъ, приидите и вы, немѣющіе ни золота, ни серебра, покупайте, питайтесь. Пейте, друзья, пейте на радостяхъ“²⁾. Такимъ восторженнымъ отголоскомъ „Пѣсни Пѣсней“ Абельяръ, повидимому, началъ одну изъ своихъ лекцій.

1) Изд. Cousin, I, 73.

2) Цитата изъ Cantic. cant. V, 1: Comedite amice et bibite et inebriamini, carissimi. Относительно двухъ редакцій, въ которыхъ передана рѣчь Абельяра, срав. Denifle „Archiv für Literatur und Kirchengeschichte“. 1885, стр. 408 и слѣд.

Какой, однако, строгій порядокъ, несмотря на это, поддерживалъ въ своей студенческой колоніи „монахъ“, какъ называли студенты Абеляра, мы видимъ изъ сохранившейся элегіи нѣкоего Иларія, на котораго за какой-то проступокъ пожаловался Абеляру слуга ¹⁾. Такъ какъ въ происшествіи замѣшаны были и другіе студенты, то Абеляръ пригрозилъ прекращеніемъ чтеній; виновные принуждены были удалиться въ Кенсей; находясь тамъ, они просили Абеляра простить ихъ. Ораторомъ ихъ явился юный англосаксонецъ Иларій, который воспроизвелъ ихъ печаль въ чистосердечной поэтической формѣ и увѣрялъ, что только *lingua servi, lingua perfidiae* оклеветалъ ихъ:

Heu! quam crudelis iste nuntius
Dicens: „fratres, exite citius;
Habitetur vobis Quinciacus;
Alioquin, non leget monachus“.
Tort avers nos li mestre.
Per impostum, per deceptorium
Si negare vis adjutorium,
Hujus loci non oratorium
Nomen erit, sed ploratorium.
Tort avers nos li mestre.

Безразлично, пѣли ли они лично учителю эти строфы, которыя, можетъ быть, были даже сочинены на его собственный напѣвъ, или же онѣ были доставлены ему въ посланіи, во всякомъ случаѣ, какъ въ самихъ этихъ жалобахъ видна наивная печаль неспорченного юноши, такъ и въ жалобной просьбѣ:

Desolatos, magister, respice
Spemque nostram, quae languet, refice.
Tort avers nos li mestre ²⁾.

Возможно, что Абеляръ былъ даже несправедливъ къ нимъ, что легко объясняется его раздражительнымъ вспыльчивымъ характеромъ, но даже обиженные и отвергнутые ученики не хотятъ уйти отъ него и ничего болѣе страстно не желаютъ, какъ его прощенія. Несомнѣнно, это были не единственные стихи, которые пѣлись въ лѣсистой зеленой долинѣ на Ардюзонѣ. Самое происшествіе свидѣтельствуетъ о шипучемъ юношескомъ веселомъ на-

1) Migne 178, 1855.

2) Ср. elegia, Op. ed. Cousin I, 708.

строениі счастливой студенческой колоніи, и такимъ образомъ даже въ этомъ фантастическомъ произведеніи Параклета мы видимъ не малый триумфъ для учителя, богатаго побѣдами и славой. На землѣ у него ничего не оставалось болѣе, кромѣ его таланта. Изгнанный изъ собственнаго монастыря, онъ не долженъ былъ стучаться ни въ какую монастырскую дверь, ему дозволено было только пустынножителство, но такой человѣкъ, какъ Абельяръ, никогда не остается въ одиночествѣ; вокругъ его хижины населилась новая Фиваида, и пустыня наполнилась студентами, которые не искали никакой иной выгоды, кромѣ возможности слушать его лекціи, и смотрѣли, какъ на церковное отлученіе, на устраненіе отъ слушанія ихъ. Такимъ образомъ, удовлетворенный этою своею новою дѣятельностью, Абельяръ могъ бы жить счастливо, но, какъ ни тихо и обособленно онъ жилъ въ своей лѣсной долинѣ, у него и здѣсь, все же, какъ онъ самъ говоритъ, былъ одинъ врагъ, а именно эхо. Эта новая учрежденная Абельяромъ колонія была настолькоъ необычайнымъ явленіемъ, что слухъ о ней не могъ не проникнуть и въ Реймсъ, къ недоброжелателямъ Абельяра. Можно представить себѣ, какъ они приняли это извѣстіе; вскорѣ Абельяръ въ своемъ новомъ убѣжищѣ долженъ былъ лично испытать на себѣ результаты ихъ вмѣшательства.

Слава осѣнила его въ долинѣ, отдаленной отъ свѣта, почему же и зависти не найти было дороги туда же? „Смотрите, весь міръ идетъ за нимъ“, говорили, вѣроятно, его враги, подражая евреямъ, о которыхъ повѣствуетъ евангелистъ Іоаннъ. „Нашими преслѣдованіями мы только возвеличили его имя. Мы хотѣли стереть его имя, и вотъ оно возсіяло вдвойнѣ. Ученики имѣютъ все необходимое имъ въ городахъ, а они бѣгутъ въ пустыню, гдѣ во всемъ недостатокъ, и добровольно избираютъ лишенія“. Такъ какъ для Альбериха и Лотульфа этотъ новый успѣхъ Абельяра былъ какъ бѣльмо на глазу, то не должна ли была ихъ богословская совѣсть вскорѣ снова почувствовать себя встревоженной? Одно уже названіе новаго поселенія показалось имъ предосудительнымъ и соблазнительнымъ. Они шушукались между собою и шептали другъ другу на ухо, позволительно ли посвятить церковь одному Святому Духу, обходя Отца и Сына? Такъ какъ христіанство празднуетъ въ Троицу особымъ днемъ Святого Духа, то въ концѣ концовъ серьезно возражать противъ храма Абельяра въ честь Св. Духа не было возможности; только названіе было ново и необычно, а все новое у Абельяра было подозрительно. „Кто осмѣлится стереть съ главнаго фронтона Имя Того, Кому принадлежитъ храмъ?“ въ справедливомъ негодованіи спрашиваетъ Абельяръ у своихъ противниковъ, которые безъ всякаго осно-

ванія начали этотъ новый споръ. Но прежняя энергія Абеяра, съ которой онъ опровергъ бы въ прежніе годы такія глупыя возраженія, была уже сло-
млена; онъ вскорѣ отступилъ и заявилъ, что своимъ посвященіемъ онъ от-
нюдь не раздѣляетъ Троицы; ее самое, какъ и отдѣльное лицо ея, можно
называть Утѣшителемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ и посвятилъ свой храмъ
Утѣшителю, потому что на этомъ мѣстѣ онъ обрѣлъ утѣшеніе. Мимоходомъ
только онъ ссылается на обычай посвящать храмы даже отдѣльнымъ свя-
тымъ и на слова апостола, называющаго наше тѣло храмомъ Святого Духа,
но онъ не соглашается, чтобы въ его намѣреніяхъ было именно въ этомъ
смыслѣ дать названіе храму. Подозрѣнія, что необычное названіе все же ка-
кимъ-либо образомъ давало поводъ вспомнить объ его иновѣрческомъ ученіи
о Св. Троицѣ, должны были усилиться еще благодаря одному изображенію
въ капеллѣ, о которомъ упоминають позднѣйшіе свидѣтели ¹⁾. Одинъ изъ
студентовъ, знакомый съ искусствомъ высѣкать каменные фигуры, выразилъ
почитаніе ученію учителя о Св. Троицѣ въ своеобразной формѣ, соорудивъ
изображеніе, сдѣлавшееся символомъ лѣсной колоніи. Въ храмѣ, построен-
номъ студентами, находилась группа, состоящая изъ трехъ фигуръ, соору-
женныхъ изъ *одного* камня; черты лицъ фигуръ были вполнѣ одинаковы.
Въ длинныхъ одеждахъ изображенъ былъ Богъ Отецъ; Онъ опоясанъ былъ
перевязью со словами: „Ты мой Сынъ“. На томъ же камнѣ рядомъ изобра-
жена была, одѣтая такимъ же образомъ, фигура Сына, со словами: „Ты мой
Отецъ“, а третья, подобная же фигура имѣла надпись: „Я Духъ Обоихъ“.
На Отцѣ надѣта была царская корона, на Сынѣ—терновый вѣнецъ, на Духѣ
Святомъ—оливковый вѣнокъ, а взоры Сына и Духа обращены были къ Отцу ²⁾.
Такого рода эмблемы были совершенно въ духѣ Абеяра; уже Росцелинъ
насмѣхался надъ тѣмъ, что печать Абеяра, которую онъ запечатываетъ
свои пасквильныя письма, изображаетъ фигуру съ мужскою и женскою голо-
вами ³⁾. Это странное отличительное изображеніе изъ Параклета, троеликаго
христіанскаго Януса, можно было видѣть еще въ прошломъ столѣтїи на хорахъ
въ сосѣднемъ монастырскомъ храмѣ въ Ножанѣ, пока оно не было уничтожено
въ эпоху революціи. Весьма легко было придать этому символическому изобра-
женію тотъ смыслъ, что Абеяръ, несмотря на Соассонскій соборъ, все еще
придерживается своего ученія о Св. Троицѣ; легко такимъ образомъ могъ

¹⁾ Срав. Мемуары Du Chesne, Cousin I, 63.

²⁾ Ab. op. ed. Cousin I, 63. Описаніе имѣется у Mabillon Annal. ord. S. Bened. 74, 19. Tom. VI, 85.

³⁾ Migne 178, 372.

снова возгорѣтся и старый споръ. Чѣмъ ярче разгоралась слава Параклета, тѣмъ дѣятельнѣе становилась зависть; угрожающія извѣстія уже передавали, что Альберихъ и Лотульфъ стараются повліять на тогдашнихъ великихъ монашескихъ святыхъ, наводнявшихъ Францію своими посланіями, чтобы побудить этихъ вліятельныхъ агитаторовъ выступить противъ Абеяра. „Старые враги“, пишетъ Абеяръ, „сами не будучи въ состояніи ничего сдѣлать, возбуждали противъ меня извѣстныхъ новыхъ апостоловъ, въ которыхъ свѣтъ черезчуръ вѣрилъ въ то время. Одинъ изъ нихъ приписывалъ себѣ, что онъ воскресилъ регулированныхъ канониковъ, другой, что онъ воскресилъ монаховъ. Эти люди объѣзжали, проповѣдуя, весь свѣтъ и, съ свойственной имъ однимъ безсовѣстностью, вездѣ поносили меня; на нѣкоторое время они достигли того, что я сдѣлался достойнымъ презрѣнія въ глазахъ нѣкоторыхъ церковныхъ и свѣтскихъ властей; они распространили такъ много лжи какъ о моемъ вѣрованіи, такъ и о моей жизни, что самыя вліятельныя даже изъ моихъ друзей отвернулись отъ меня, а тѣ изъ друзей, кто еще сохранилъ въ своей душѣ частицу старой любви ко мнѣ, скрывали ее всякими способами изъ-за страха передъ ними“.

Одинъ изъ противниковъ Абеяра, хвалившійся восстановленіемъ праведной жизни регулированныхъ канониковъ, былъ *Норберъ*, основатель премонстрантскаго ордена, другой же, называющій себя реформаторомъ истинной монашеской жизни, былъ *Бернаръ Клервосскій*, которому цистерціанскій орденъ обязанъ былъ такимъ значительнымъ подъемомъ; одинъ изъ лѣтописцевъ поучительно говоритъ о нихъ, что они стояли тогда, какъ два различныхъ дерева передъ лицомъ Господа ¹⁾. Ихъ связь съ врагами Абеяра, на которую послѣдній самъ указываетъ, дѣйствительно можетъ быть прослѣжена въ ихъ жизни. Норберъ посѣщалъ въ Лаонѣ школу схоластика Ансельма и его брата Родольфа, въ которой, какъ мы уже знаемъ, разгорѣлся споръ между Лотульфомъ и Альберихомъ съ одной стороны и юнымъ Абеяромъ съ другой. *Pratum praemonstratum*, на которомъ Норберъ построилъ свой знаменитый монастырь, находился тоже недалеко отъ Лаона, и монахи его находились въ постоянныхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ тамошнимъ капитуломъ. Клерво тоже находился не болѣе какъ въ пятнадцать миляхъ отъ Троя, такъ что въ монастырѣ св. Бернара навѣрное извѣстно было все, что происходило въ лѣсу, принадлежащемъ Троя, и что говорилось въ народѣ объ этомъ удивительномъ міркѣ. Въ наушничествѣ ненавистниковъ

¹⁾ Chronicon Lemovicense ad annum 1130.

тѣмъ болѣе не было недостатка, что Бернаръ близко стоялъ также и къ кружку Вильгельма изъ Шампо, съ которымъ Абеляръ враждовалъ уже долгіе годы. Старый мистикъ, бывшій до 1121 года епископомъ Шалонскимъ, съ самаго начала покровительствовалъ Бернару, котораго онъ въ 1114 году самъ посвятилъ въ аббаты и ввелъ въ новую мистическую школу ¹⁾. Если самъ Бернаръ и поступаетъ въ послѣдствіи такъ, какъ будто бы онъ до 1141 года совсѣмъ не обращалъ вниманія на сочиненія Абеяра ²⁾, то изъ сношеній съ Вильгельмомъ изъ Шампо онъ могъ вынести только неблагоприятное впечатлѣніе о діалектикѣ изъ Пале, а изъ описанія жизни Арнольда Брешианскаго мы знаемъ съ другой стороны, какою сѣтью шпіонства цистерціанскіе монастыри покрыли всю западную Европу; въ эту-то именно сѣть и попадалось все достойное названія науки. Какимъ же образомъ могъ Бернаръ не знать о томъ, что происходило въ лѣсной долинѣ, невдалекѣ отъ Троя? Кромѣ того, въ послѣдніе годы онъ подружился еще съ Альберихомъ, смертельнымъ врагомъ Абеяра; Альберихъ и надѣялся благодаря именно его протекціи занять кафедру въ Шалонѣ ³⁾. Нѣтъ, слѣдовательно, ничего удивительнаго въ томъ, что худая молва, на которую жалуется Абеляръ, исходила именно изъ Клерво. Съ веселой жизнью въ лѣсной долинѣ Троя, *val d'Absinthe*, долина печалей, въ которой Бернаръ построилъ свой монастырь, дѣйствительно составляла такую противоположность, какую только возможно представить себѣ. Здѣсь—веселая студенческая жизнь въ самодѣльныхъ, покрытыхъ вѣтками хижинахъ, духъ свободнаго изслѣдованія и самостоятельнаго изученія, увлекательный учитель и даровитые послѣдователи, мечтающіе въ его ученія найти ключъ къ разрѣшенію всѣхъ міровыхъ вопросовъ, радость, поэзія, пѣніе, а при случаѣ, то и свалка съ крестьянами; въ Клерво же, наоборотъ, строгая монашеская дисциплина, изувѣрскіе опыты умерщвленія плоти, разстроившіе навсегда здоровье даже самого аббата, день и ночь продолжающіеся молитвы и гимны, чуда, изгнанія бѣсовъ, пророчества. Мы охотно соглашаемся съ Абеяромъ, когда онъ говоритъ, что блѣдныя какъ тѣни существа, обитавшія въ Клерво, всюду кричали о томъ, что лагерь раскинутыхъ на Ардюзонѣ шатровъ является разсадникомъ всякихъ пороковъ, но мы знаемъ также и то, что острый языкъ самого Абеяра тоже не щадилъ ни Норбера, ни Бернара, а

1) *Vita S. Bern. prima*, Migne 185, 245 и слѣд.

2) *Ep.* 377.

3) *S. Bern. Ep.* 13.

оба святые мужа своею дѣятельностью часто давали ему поводъ задѣвать ихъ. Собственный капитулъ Норбера не могъ вынести его изступленнаго ханжества; какъ странствующій народный проповѣдникъ, онъ прошелъ въ причудливой одеждѣ Германію и Францію и долженъ былъ лично оправдываться передъ соборами въ своемъ сумасбродномъ апостольствѣ. Упорядоченіе блага духовенства сдѣлалось тогда призваніемъ его жизни, и его премонстрантскій монастырь долженъ былъ играть въ глазахъ канониковъ роль примѣра праведной жизни. Биографія Норбера состоитъ изъ перечня основаній монастырей, которыя иногда совершаются только при помощи возмутительныхъ тяжбъ съ обобранными наслѣдниками и совладѣльцами ¹⁾, затѣмъ изъ исторій изгнанія бѣсовъ и перечисленія чудесъ. А что даже отъ одной ясы Вернара „всегда рычали бѣсы“, намъ достаточно извѣстно изъ насмѣшливаго описанія Беренгара изъ Поатье, преданнаго ученика Абельяра. Вся Франція оказывала такое уваженіе этому человѣку, на жизненномъ пути котораго повсюду выросли монастыри, какъ грибы, что его учрежденія вскорѣ считались сотнями! Еще при жизни на него молились какъ на святого. „Миръ стоялъ только его молитвами“, и имя его произносилось только благоговѣнно, преклоняя голову. „Развѣ аббатъ не человѣкъ“, писалъ впоследствии апологетъ Абельяра, „развѣ онъ не продолжаетъ еще плыть вмѣстѣ съ нами по этому большому морю, гдѣ нѣтъ числа пресмыкающимся (reptilia)? А корабль его, если онъ плыветъ даже и при благопріятномъ вѣтрѣ; все же плыветъ по водѣ. Какое вино можетъ находиться въ смолянномъ сосудѣ, не приобрѣтая вкуса смолы?“ Такой языкъ былъ необыченъ Вернару и его ученикамъ, и нужно думать, что Беренгаръ выучился ему у своего учителя. Діалектику изъ Пале, съ его научными интересами, это внутреннее миссіонерство святыхъ монаховъ было такъ же противно и смѣшно, какъ въ свою очередь его научный методъ былъ ненавистенъ и оскорбителенъ этимъ самымъ монахамъ. Абельяръ не пропускалъ случая высказывать острые замѣчанія объ этихъ „лжеапостолахъ“. Даже въ самихъ проповѣдяхъ Абельяра встрѣчаются сильнѣйшія нападки на этихъ святыхъ монаховъ, „которые, выходя изъ монастырей въ свѣтъ, такъ усиленно присваиваютъ себѣ званіе „благочестивыхъ“, что даютъ поводъ думать, будто они обладаютъ и даромъ совершать чудеса“. Такъ, напримѣръ, въ тридцать третьей проповѣди Абельяръ говоритъ, что ничего не хочетъ упоминать о благословеніи воды, которую даютъ затѣмъ больнымъ, для того, чтобы они выздоравливали; или

1) Vita S. Norberti cap. 15.

о прикосновеніи къ членамъ тѣла или названіи ихъ по имени для того, чтобы изгонять болѣзни: при этомъ и именно въ такого рода шарлатанствѣ Абеляръ обвиняетъ прямо Норбера ¹⁾). Норберъ и его соапостоль Фарзиль ²⁾), Соассонскій каноникъ, рѣшались даже приступать къ воскрешенію умершихъ на удивленіе, а затѣмъ и на смѣхъ присутствующимъ... „Долго, простершись на виду у всего народа, молились они, но все было напрасно, и когда, наконецъ, удрученные они должны были отказаться отъ своего намѣренія, принялись сваливать всю вину на народъ, невѣріе котораго мѣшаетъ ихъ вѣрѣ и ея дѣйствию“ ³⁾). „Конечно, эти люди могли иногда ввести въ заблужденіе простодушныхъ жителей, но насъ не въ силахъ обойти эти шарлатаны. Намъ извѣстны всѣ ихъ мошенническіе приемы, „мы знаемъ, напримѣръ, какъ они устраиваютъ, чтобы излѣчить отъ легонькой лихорадки и другихъ недомоганій. Они ловко умѣютъ примѣшать къ пищѣ такихъ больныхъ лѣкарственные средства и послѣ этого уже читаютъ надъ ними молитвы и благословляютъ ихъ. Если больной выздоравливается, они приписываютъ это себѣ, если болѣзнь не оставляетъ его, вину этого они сваливаютъ на маловѣріе больного“ ⁴⁾). Весьма понятно, что, если Абеляръ и въ своихъ чтеніяхъ о чудесахъ Норбера и Бернара высказывался подобнымъ же образомъ, какъ онъ высказывался впоследствии въ своихъ проповѣдяхъ, то его старымъ противникамъ, окружавшимъ оціамомъ Бернара, не стоило большого труда побудить послѣдняго выступить противъ Абеляра, а въ немъ перинатетикъ изъ Пале встрѣтилъ противника, который уже не отступилъ отъ него, пока не сдѣлалъ совершенно безвреднымъ. Абеляръ, во всякомъ случаѣ, ошибается, когда приписываетъ это новое притѣсненіе исключительно обвиненію въ ереси, взведенному на него его реймскими противниками. Духъ мистики, всюду поднимавшійся въ ту эпоху,

1) Cousin I, 590 и слѣд., срав. также I, 579.

2) Hue li Farsis, каноникъ монастыря св. Іоанна въ Соассонѣ. Vita S. Norberti, Biblioth. ord. Praemonstr. стр. 365.

3) Cousin I, 590, гдѣ приведено интересное духовное наставленіе къ шарлатанскому лѣченію; нѣтъ, однако, основанія предполагать здѣсь подъ quidam saecularis astutus Норбера, какъ это принимаетъ Ремюза.

4) Также изъ epistola contra quendam salonicum regularem можно вывести заключеніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ биографовъ, что Абеляръ велъ полемику съ Норберомъ и опровергалъ мнѣніе послѣдняго, что жизнь salonicus regularis предпочтительнѣе жизни монаха, но посланіе Абеляра не заключаетъ ничего, что указывало бы непосредственно на Норбера, Migne 178, 343 и слѣд.

объявилъ войну какъ его, такъ и всякому другому діалектическому отноше-
 нію къ вѣрѣ; миссіонерское рвеніе новыхъ орденовъ обрушилось всею
 своею монашескою ненавистью на праздыя тонкости схоластики; это
 былъ жаждущій реформъ фанатизмъ, алчущій Новаго Іерусалима, который
 не желалъ терпѣть школы, которая не отдавала себя въ полное распо-
 ряженіе церковнымъ цѣлямъ. Десятилѣтія, протекшія между первымъ и
 вторымъ крестовыми походами, увидѣли могущественное развитіе мистиче-
 скаго монашескаго фанатизма, главными представителями котораго и яви-
 лись цистерціанцы и премонстранты. Ученые диспуты происходили въ ауди-
 торіяхъ въ то самое время, когда изступленная проповѣдь крестоваго по-
 хода все сильнѣе возбуждала умы и дѣлала ихъ все болѣе нетерпимымъ,
 грубыми и фанатичными. Враждебно настроенному религіозному рвенію этой
 жаждущей чудесъ мистики раціонализмъ Абеляра и долженъ былъ быть
 принесенъ въ жертву, даже если бы и не существовали всѣ его против-
 ники, которымъ самъ Абеляръ приписываетъ свои несчастія, потому что
 новые апостолы желали имѣть на своей сторонѣ молодежь и смотрѣли на
 всякаго, кто указывалъ ей иныя цѣли, чѣмъ церковь, какъ на совратителя
 молодежи и на антихриста. Абеляръ не говоритъ, какіе пороки и лжеученія
 взводили они на него въ своихъ подстрекательствахъ и въ частныхъ на-
 шептываніяхъ, но эти извѣсты привели, во всякомъ случаѣ, къ тому, что
 отъ Абеляра отказались даже его старинные и ближайшіе друзья, и онъ
 былъ убѣжденъ, что язычники съ радостью приняли бы его въ свою среду,
 потому что противники его такъ горячо настаивали на томъ, что въ немъ
 нѣтъ ничего христіанскаго. Это было, слѣдовательно, зломъ, отголоскомъ
 отъ внѣшняго міра, прозвучавшимъ въ его тихой дѣсной долигѣ; Абеляръ
 испугался дѣйствія, вызваннаго его словами. Съ тѣхъ поръ, какъ великіе
 агитаторы причислили и его къ чудищамъ, которыхъ слѣдовало смести при
 очищеніи церкви, передъ Абеляромъ днемъ и ночью носилось воспоминаніе
 о соборѣ въ Соассонѣ, гдѣ онъ еле-еле избѣгалъ вѣчнаго заточенія. Свое
 сочиненіе объ истинномъ обоснованіи ученія о Св. Троицѣ ему пришлось
 сжечь тамъ собственными руками, а духовенство не пожелало даже выслу-
 шать его; кто можетъ обезопасить его отъ повторенія такого же рѣше-
 нія, если Норберу и Бернару удастся собрать противъ него новый со-
 боръ, или при благоприятныхъ обстоятельствахъ снова выкопать и возоб-
 новить его процессъ? Онъ уже на себѣ испыталъ, что значитъ быть одан-
 нымъ, въ качествѣ осужденнаго, въ монастырь на исправленіе подъ начало
 юнаго святого и жить вмѣстѣ съ преступниками и умалишенными! Въ виду всего

этого Абеляръ впалъ въ состояніе постоянной тревоги, опасаясь ежеминутно услышать, что гдѣ-либо собирается духовный соборъ, при одной мысли о которомъ онъ приходилъ въ ужасъ. Всякій соборъ казался ему грозовой тучей, которая несетъ ему въ своихъ темныхъ очертаніяхъ грома церковнаго проклятія; ежедневно онъ трепеталъ, что его какъ еретика и отверженнаго поволокутъ на судъ и соборъ епископовъ. Размышляя о своемъ положеніи, онъ часто вспоминалъ тѣ способы, которыми аріане притѣсняли Аванасія. „Часто“, признается Абеляръ, „Богу извѣстно это, я впадалъ въ такое отчаяніе, что хотѣлъ, оставивъ христіанскія земли, идти къ язычникамъ и, уплачивая какой угодно налогъ, жить тамъ въ мирѣ и по-христіански среди враговъ Христа. Язычники тѣмъ скорѣе относились бы ко мнѣ благосклонно, что въ силу взведенныхъ на меня обвиненій не могли бы видѣть во мнѣ христіанина и должны были бы скорѣе всего предполагать, что я склоняюсь на ихъ сторону“. Абеляръ былъ бы въ этомъ случаѣ не первымъ, кто не обращалъ вниманія на фанатизмъ собственныхъ единовѣрцевъ, находясь подъ защитой испанскаго калифата,—конечно, онъ имѣлъ въ виду эту ближайшую языческую страну. Конечно, проклясть и отрѣшиться отъ церкви соборы могли его и тамъ, но заточить или сжечь его они не могли бы въ странѣ пророка. Абеляръ мечталъ уже, какъ „среди враговъ Христа онъ будетъ спасаться, чтобы пойти къ Христу“. Въ то время, когда его современники всѣми силами души ненавидѣли сарациновъ, его взоръ искалъ прибѣжища по ту сторону Пиринеевъ. Тамъ онъ могъ бы къ лицамъ, участвующимъ въ его Діалогѣ, присоединить еще и мусульманина, чтобы подвергнуть вопросъ объ истинной религіи всестороннему обсужденію. Въ это-то время ему и представился удобный случай уйти отъ святыхъ мужей Франціи, такъ какъ онъ предпринялъ переселеніе въ Бретань.

На горномъ краѣ, который тянется къ югу отъ Ванна вдоль залива Морбиганъ, стояло древнее аббатство св. Жильда де Рюисъ ¹⁾. Окрестности вокругъ монастыря представляютъ пустынную скалистую мѣстность, скудной растительностью которой питаются стада овецъ; волны Атлантическаго океана съ шумомъ ударяють о подмытые скалистые утесы, а чайки съ ихъ рѣзкими криками прорѣзають бѣлоснѣжный гребень прибоя. Монастырь, построенный на западномъ берегу Нижней Бретани, выдающемся въ

¹⁾ Сенъ-Жильда считался старѣйшимъ монастыремъ во всей Бретани; онъ былъ основанъ мудрымъ Жильда въ царствованіе второго Меровинга Хильдериха. Срав. исторію святого Жильда въ мемуарахъ du Chesne, Migne 178, 165.

море, подвергался вліянію всѣхъ бурь Атлантическаго океана ¹⁾. Скалы, дюны, катящіяся волны заполняютъ весь горизонтъ. Въ 1125 году въ монастырѣ этой полудикой кельтской страны умеръ аббатъ, а такъ какъ Абеляръ былъ родомъ изъ Бретани, былъ извѣстенъ и пользовался уваженіемъ въ Нантѣ, то монахи и пришли къ мысли выбрать своего знаменитаго соотечественника въ его преемники. Герцогъ Конанъ, графъ нантскій, былъ согласенъ съ этимъ проектомъ, и Абеляръ такимъ образомъ былъ единогласно избранъ. Недоставало только согласія аббата монастыря Сень-Дени, въ вѣдѣніи котораго еще продолжалъ находиться Абеляръ; какъ извѣстно уже, аббатъ обязалъ Абеяра никогда не вступать въ другой монастырь; однако аббатъ Сугерій самъ былъ радъ предупредить надвигавшуюся бурю: онъ освободилъ настоятеля Параклета отъ своей власти и свалилъ такимъ образомъ съ своихъ плечъ неприятную обузу. Съ своей стороны и Абеляръ, который въ это время вполне находился подъ впечатлѣніемъ опасности, которой онъ подвергался вслѣдствіе агитаціи Норбера и Вернара, и уже не надѣялся болѣе отстоять свою аудиторію отъ нападенія такихъ могущественныхъ противниковъ, согласился на это приглашеніе, но не особенно охотно; онъ смотрѣлъ на это, какъ на одинъ изъ выходовъ изъ своего положенія. Онъ самъ говоритъ, что, какъ Іеронимъ переселился нѣкогда на востокъ, спасаясь отъ неистовства римскаго духовенства, такъ же и онъ удался на крайній западъ отъ преслѣдованій французскаго духовенства. Съ тяжелымъ сердцемъ Абеляръ распустилъ свою колонію на Ардюзонѣ; особенно грустно ему было, что доходы съ земли были такъ ничтожны, что не могли даже оплачивать жизнь священника при капеллѣ. Все имъ созданное, повидимому, должно было такъ же скоро прійти въ упадокъ, какъ быстро оно было создано. Перемѣна, на которую онъ добровольно пошелъ, сама по себѣ тоже не способствовала тому, чтобы онъ могъ съ легкимъ сердцемъ разстаться съ прежнимъ своимъ положеніемъ. Его предыдущія жизненныя скитанія приводили его изъ веселаго мѣстечка въ долину Сены, залитой лучами солнца, въ другой подобный же пунктъ, изъ Парижа въ Меленъ, Корбейль, Цельль, Прованъ, Параклетъ, теперь онъ покидалъ мягкій климатъ Шампани и тихую лѣсную долину, гдѣ ученики носили его на рукахъ, чтобы отправиться въ варварскую страну и встать въ условія, къ кото-

¹⁾ Ad horrisoni undas Oceani cum fugam mihi ulterius terrae postremitas non praeberet. Migne 178, 165. О мѣстоположеніи монастыря см. Remusat I, 120 и слѣд.

рымъ онъ совершенно не подходилъ по своей натурѣ. „Чтобы избѣжать угрожающаго меча, я бросился въ пропасть“, рассказываетъ самъ Абельяръ. Страна была полудикая, мѣстное кельтское нарѣчіе было совершенно незнакомо ему, народонаселеніе грубое и необузданное. И не только „ужасный прибой“ Атлантическаго океана и суровый морской вѣтеръ, ревѣвшій въ зубчатыхъ утесахъ скалъ, составляли противоположность съ мягкимъ небомъ Испаніи, подъ защиту котораго онъ вначалѣ желалъ было отдаться, но и христіане-монахи, которыхъ онъ встрѣтилъ здѣсь, были болѣе жестокосердны, чѣмъ сарацины, къ которымъ онъ намѣревался было бѣжать. Вскорѣ Абельяръ убѣдился, что, желая избѣжать одной смерти, онъ бросился въ объятія другой. Когда онъ съ своего узкаго мыса смотрѣлъ на пустыню ревущаго океана, со всѣхъ сторонъ окружающаго его, ему часто вспоминались слова молитвы Псалмопѣвца: „отъ конца земли зываю къ Тебѣ въ уныніи сердца моего“¹⁾.

По мнѣнію нѣкоторыхъ біографовъ, въ этомъ именно уединеніи Абельяръ написалъ тѣ латинскія элегіи, которыя циркулируютъ подъ его именемъ²⁾, и видятъ въ мрачномъ аскетическомъ міровоззрѣніи, которымъ проникнуты проповѣди, отраженіе этой дикой окрестности; однако, мы не имѣемъ болѣе точныхъ основаній, чтобы доказать это само по себѣ вѣроятное предположеніе. Мы знаемъ только, что уже весьма скоро Абельяръ почувствовалъ себя въ новыхъ условіяхъ еще болѣе несчастнымъ, чѣмъ чувствовалъ себя до этого. Онъ представлялъ себѣ свои отношенія къ монастырской братіи полными взаимной любви, отеческими, напоминающими отношенія къ ученикамъ въ Параклетѣ. Вмѣсто этого, онъ встрѣтилъ упрямую, одичавшую монашескую общину, совершенно не желавшую подчиняться его руководительству. Съ своей стороны и онъ не былъ человѣкомъ, способнымъ сломить ихъ сопротивленіе. Но, независимо даже отъ всѣхъ другихъ причинъ, обусловленныхъ его страстной и раздражительной натурой ученаго, обстоятельства потому еще не могли сложиться болѣе счастливо, что призваніе Абельяра основано было на недоразумѣніи. Герцогъ цѣнилъ въ Абельярѣ знаменитаго ученаго, происходившаго изъ мѣстнаго дворянства, вслѣдствіе чего онъ всегда и относился къ Абельяру благосклонно. Совершенно одичавшіе и свѣтски настроенные монахи предполагали найти въ трубадурѣ сенскаго острова, въ возлюбленномъ знаменитой

¹⁾ Пс. 60, 3.

²⁾ P. Abaelardi Planctus cum notis musicalibus, ed. Carl Greith. Frauenfeld, 1838. Cousin I, 333 и слѣд. Migne 178, 1759 и слѣд.

Элоны, въ настоятелѣ веселой лѣсной колоніи на Ардюзонѣ такого аббата, о которомъ можно будетъ говорить: *qualis grex, talis rex*. Однако они вскорѣ убѣдились, насколько они ошиблись въ этой надеждѣ. Изъ блестящаго свѣтскаго человѣка, благодаря несчастіямъ, Абельяръ превратился въ ревностнаго аскета, строго соблюдающаго монашескія правила; вслѣдствіе этого онъ тотчасъ же очутился въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ и въ Сень-Дени, гдѣ онъ въ силу тѣхъ же причинъ только что потерпѣлъ крушеніе.

Мрачное мировоззрѣніе Абельяра, все болѣе омрачавшееся подѣ влияніемъ тяжелыхъ испытаній, а также благородное отвращеніе ко всему вульгарному заставили его строго отнестись къ состоянію монастыря, которое онъ описываетъ самыми яркими красками. Если монахи рассчитывали пріобрѣсти въ немъ привѣтливаго свѣтскаго человѣка, который возвыситъ ихъ монастырь благодаря своему знаменитому имени, то они ошиблись во всѣхъ отношеніяхъ. Абельяръ сталъ строгимъ монахомъ и съ каждымъ днемъ шелъ все дальше въ этомъ направленіи, какъ это ясно видно изъ его устава, написаннаго имъ для монахинь Параклета. Въ своей проповѣди объ Іоаннѣ Крестителѣ онъ говоритъ, что монахъ вслѣдствіе того является самымъ свободнымъ человѣкомъ, что онъ избавленъ отъ ига брака. Онъ сравниваетъ монаха съ дикимъ осломъ (Іовъ, 39, 5), который не слышитъ криковъ погонщиковъ и вдали отъ городского многочеловѣчества довольствуется скудной пищею. Такъ и монахъ долженъ соблюдать затворничество, жить отъ трудовъ рукъ своихъ, и, подобно этому дикому и свободному животному, убѣгать отъ людей. Но вмѣсто этого, жалуется проповѣдникъ, современные монахи вмѣшиваются въ мірскія дѣла, не соблюдаютъ обѣта бѣдности, стремятся даже быть въ монастыряхъ богаче, чѣмъ были въ міру. Они принимаютъ отъ сильныхъ міра приношенія помѣстьями, крѣпостными, слугами и служанками и жалуется затѣмъ, что эти патроны требуютъ съ нихъ больше того, чѣмъ сколько они имъ дали. Вслѣдствіе этого мірскаго владѣнія монахи не только вынуждены вести судебные процессы, но даже сами вызываютъ распри и кровопролитія. Кромѣ того, извѣстно еще и то, что они даже сильнѣе угнетаютъ и изнуряютъ своихъ крѣпостныхъ, чѣмъ свѣтскіе сеньеры. Тогда какъ Матѳей оставилъ сборъ податей, чтобы слѣдовать за Господомъ, современные монастыри взимаютъ налоги, подати, десятины и ставятъ себя такимъ образомъ въ ряды свѣтскихъ тиранновъ. Отношенія монастырей къ самому духовенству не лучше отношенія ихъ къ мірянамъ. Въ тяжбахъ изъ-за правъ и имущества аббаты вызываются въ

соброры, на которые они, какъ и свѣтскіе князья, приглашаютъ адвокатовъ, защищающихъ права ихъ монастырей. Въ то время, какъ епископы и бѣлое духовенство живутъ въ мирѣ, вѣчные раздоры монаховъ наводняютъ всѣ соборы. Выманывая у мірянъ имущества, они обогащаютъ затѣмъ своихъ родственниковъ монастырскимъ имуществомъ, такъ что споры изъ-за него никогда не прекращаются. Самыми же возмутительными изъ нихъ оказываются тѣ, которые путешествуютъ по странѣ съ своими священными предметами, нанимаютъ ярмарочнаго зазывателя и обираютъ легковѣрныхъ, или даже самолично творятъ чудеса и подвергаются насмѣшкамъ, какъ это недавно случилось съ Норберомъ и Фарзитомъ, когда они затѣяли воскресить умершаго. Можетъ быть, монахи монастыря св. Жильда ожидали кое-чего подобнаго и отъ своего новаго аббата, когда они выбирали ученаго, который наравнѣ съ Норберомъ и Бернаромъ былъ знаменитѣйшимъ духовнымъ Франціи. Но мысли, высказанныя имъ въ только что упомянутой проповѣди, должны были вскорѣ убѣдить монаховъ, что Абельаръ не былъ тѣмъ человѣкомъ, который могъ бы помочь имъ въ этомъ отношеніи.

Значительная часть неудовольствій, которыя встрѣтилъ въ монастырѣ Абельаръ, коренилась во враждебномъ отношеніи аббатства къ сосѣднему сеньеру, который принудилъ монастырь платить себѣ дань. Въ монастырѣ возникли такимъ образомъ условія, которыя часто совмѣщаются въ полуварварскихъ странахъ съ монастырской жизнью. Монахи помѣстили въ надворныхъ и хозяйственныхъ строеніяхъ монастыря своихъ любовницъ и дѣтей и захватили въ свое пользованіе принадлежащія аббатству земельныя участки, такъ что уже не существовало болѣе общаго владѣнія имуществомъ. Этими беспорядками воспользовался сеньеръ де Рюисъ; онъ изгонялъ съ участковъ монастырскую братью, насколько это было возможно, захватывалъ въ свою пользу землю и „наложилъ на монаховъ болѣе суровую контрибуцію, чѣмъ какую платили обложенные податью евреи“. У духовныхъ дѣтей Абельара часто не было даже насущнаго хлѣба, и, хотя они и противились всякой реформѣ, но постоянно настаивали у своего духовнаго отца, чтобы онъ снова отвоевалъ аббатству его старыя права. Въ то время, какъ они сами воровали и уносили къ себѣ все, что только могли, Абельаръ долженъ былъ вести борьбу съ рыцаремъ изъ-за монастырскаго имущества. На такую дѣятельность не былъ способенъ глубоко образованный, но не обладавшій мужествомъ ученый. Рыцарь угрожалъ ему насиліемъ, если онъ затронетъ его, братія вышучивала его, когда онъ побуждалъ ее исполнять правила; когда же монахи убѣдились, что Абельаръ не тотъ человѣкъ, ко-

торый былъ бы способенъ выиграть ихъ дѣло, они находили злобное удовольствіе въ томъ, чтобы мучить и пугать его, и заставили его прийти къ заключенію, что у него только одинъ выборъ: или терпѣть установленный безпорядокъ, пли же вернуться туда, откуда пришелъ. Незнакомый ни съ мѣстными обычаями, ни съ мѣстнымъ языкомъ, безпомощный ученый никого не имѣлъ во всей окрестности, у кого онъ могъ бы искать поддержки. „Внѣ стѣнъ монастыря—тиранъ съ своими тѣлохранителями, которые меня неотступно преслѣдовали, внутри—монахи, строившіе мнѣ тысячи козней; какъ подходятъ къ этому положенію моему слова апостола: извнѣ борьба, внутри страхъ!“ Но Абеляръ не былъ Павломъ. Онъ не надѣялся когда-либо справиться съ затрудненіями. Самъ онъ сравнивалъ себя съ тѣмъ евангельскимъ мужемъ, о которомъ говорится: „Этотъ человекъ началъ строить и не могъ окончить“¹⁾. Ежедневно Абеляръ повторялъ себѣ, что ведетъ ненужное и праздное существованіе, что до этого онъ былъ необходимъ духовнымъ, которыхъ онъ покинулъ по желанію этихъ монаховъ, что онъ расточаетъ здѣсь свой бисеръ передъ свиньями, а его способности пропадаютъ безъ пользы для себя и для всего свѣта. „Я уже почти пересталъ считать прежнія несчастія за несчастія“, пишетъ Абеляръ. Онъ убѣждалъ отъ неизвѣстныхъ опасностей, которыя уже не кажутся ему таковыми въ настоящемъ его положеніи, которое онъ сравниваетъ съ гробомъ, куда онъ уложилъ самъ себя.

По самому положенію вещей, несомнѣнно, борьба противъ монастырской братіи велась отчасти и съ монастырской касседры, и потому можно было бы разсчитывать прослѣдить ея перипетіи въ собраніи проповѣдей Абеяра. Но у насъ нѣтъ не только никакого точнаго указанія на время и мѣсто произнесенія этихъ проповѣдей, но и самъ Абеляръ позаботился о томъ, чтобы не были обнаружены такого рода личныя обличенія. Уже одно то, что собраніе этихъ проповѣдей предназначалось для монахинъ Параклета, исключало возможность помѣстить въ немъ эти обличенія противъ своихъ монаховъ. Но въ одномъ изъ писемъ къ Элоизѣ, касающемся возникновенія условій жизни въ монастырѣ, съ пера Абеяра сорвался упрекъ по адресу монаховъ монастыря св. Жильда, изъ котораго мы узнаемъ, какъ безуспѣшно онъ боролся за соблюденіе постовъ. Разсказавъ, какъ никакія мученія не могли заставить мучениковъ временъ Маккавеевъ вкусить свиного мяса, говоря о героическомъ поведеніи матери Соломоніи, Абеляръ кончаетъ словами: „О, братія-монахи, вы, которые безстыдно ежедневно

1) Лук. 14, 30.

алчете мяса, вопреки правиламъ и нашимъ обѣтамъ, что скажете вы о стойкости этой женщины? Настолько ли вы уже забыли честь и совѣсть, что можете слышать это и не сгорать со стыда?“ Какъ царица Савская выступить мать Маккавеевъ и будетъ свидѣтельствовать противъ этого рода. „Она сдѣлала нѣчто болѣе великое, а вы, священники, обѣтами вашего вѣрованія обязались даже еще строже вести религіозную жизнь“ ¹⁾). Помимо такого рода случайныхъ нападеній, уже одна упомянутая проповѣдь объ Іоаннѣ Крестителѣ и изложеніе „Отче нашъ“ ²⁾, если оно принадлежитъ Абелярю, показываютъ, что онъ горячо боролся и со строгостью порицалъ вырожденіе духовенства и монашества; но изъ-за этихъ проповѣдей на тему о правахъ насмѣшливо выглядываетъ его собственное прошлое, и многія мѣста читаются, какъ отраженія намековъ на собственную грустную исторію оратора ³⁾. Одно только можно установить твердо на основаніи сочиненій Абеяра о монашествѣ, относящихся къ этимъ годамъ, а именно, что самъ Абеляръ всецѣло проникся идеаломъ монастырской жизни. Въмѣсто Платона—его идеаломъ сталъ въ это время Іеронимъ. Абеляръ не только, какъ, напримѣръ, въ проповѣди объ Іоаннѣ Крестителѣ, возстаетъ со всею горячностью противъ ослабленія монастырской дисциплины, но въ одной своей полемической статьѣ (*contra quemdam saepenicum regularem*) онъ становится даже защитникомъ своего сословія противъ канониковъ, принадлежащихъ къ бѣлому духовенству, которые иногда полагаютъ, что могутъ смотрѣть на монаховъ сверху внизъ. Въ обоихъ названныхъ сочиненіяхъ Абеляръ гордится тѣмъ, что во время литаній поминаются въ молитвахъ монахи, а не клерики ⁴⁾, а если священники ссылаются на слова Іеронима: „если согрѣшаетъ монахъ, то за него долженъ молиться священникъ“, то, по мнѣнію Абеяра, это не доказываетъ подчиненнаго положенія монаховъ, такъ какъ многіе изъ нихъ сами посвящены въ священники. Абеляръ въ этомъ отношеніи совершенно не похожъ на Элоизу. Въ то время, какъ она считала свой монашескій

¹⁾ Migne 178, 244. Ep. VII.

²⁾ Cousin I, 566 и слѣд. и 600 и слѣд. Deutsch, P. Abälard, стр. 82, считаетъ „*Expositio orationis dominicae*“ произведеніемъ другого автора, такъ какъ въ немъ встрѣчается много несогласнаго со взглядами и убѣжденіями Абеяра.

³⁾ Cousin I, 554 и слѣд. Проповѣдь о Сусаннѣ 546, посланную монахинямъ въ Параклеть, Абеляръ могъ бы вполне примѣнить къ собственному своему прошлому.

⁴⁾ Cousin I, 583 и 687.

обътъ несчастіемъ всей своей жизни, Абеляръ даже въ душѣ сталъ монахомъ; это различіе сразу и обнаружилось, когда между ними снова завязалась переписка.

Возобновленіе сношеній между Абеляромъ и Элоизой случилось именно въ это время, какъ это между прочимъ доказываетъ собраніе его проповѣдей. Семь проповѣдей обращены къ общинѣ монахинь ¹⁾, а именно къ сестрамъ его Элоизы, для которыхъ онѣ были произнесены. Онѣ напоминаютъ о свѣтломъ лучѣ въ его тогдашнемъ тяжеломъ положеніи, о возобновленіи сношеній съ его супругой, довѣренной имъ монастырю. Онъ самъ рассказываетъ объ этомъ счастливомъ оборотѣ дѣла, передавая, какъ онъ ежедневно восклицалъ въ то время: „Я самъ заслужилъ эту муку, я, который покинулъ Параклетъ, Утѣшителя, и впалъ въ какое-то отчаяніе, а чтобы избѣжать угрозъ, бросился навстрѣчу очевиднымъ опасностямъ. Когда же я покидалъ свою капеллу, меня особенно мучило сознание, что я ничего не могу сдѣлать для продолженія богослуженій при капеллѣ, о чемъ я мечталъ, потому что вслѣдствіе бѣдности этого мѣстечка оно едва могло удовлетворить самымъ необходимымъ потребностямъ одного человѣка. Однако „иной Утѣшитель“ принесъ мнѣ, безутѣшно печалившемуся объ этомъ, настоящее утѣшеніе и Самъ позаботился и совершилъ все необходимое для своего храма“.

Съ тѣхъ поръ какъ Абеляръ переселился въ Бретань, лѣсная капелла въ Ножагѣ съ ея глиняными хижинами стояла пустая и необитаемая. Въ 1129 г. Абеляру представилась возможность оказать важную услугу своей супругѣ и отплатить защитницамъ его юной возлюбленной, аржантейльскимъ монахинямъ, за ихъ прежнія благодѣянія. Аббатъ Сугерій, настоятель монастыря Сень-Дени, на основаніи актовъ, отнoсившихся ко времени короля Пипина, возбудилъ искъ о признаніи зависимымъ отъ Сень-Дени Аржантейльскаго монастыря, находившагося со временъ Карла Великаго во владѣніи бенедиктинскихъ монахинь. Съ разрѣшенія папы и подѣ предложемъ монастырской реформы, онъ выбросилъ монахинь на улицу, оправдывая такой насильственный поступокъ обвиненіями ихъ въ дурномъ поведеніи ²⁾.

1) Sermo 13. 18. 19. 25. 29. 31. 32.

2) Справ. Sugerii abbatis S. Dionysii liber de rebus in administratione sua gestis. Duchesne, Historia Francorum scriptores. IV, 333. Самъ Сугерій, будучи еще юношей, открылъ неопровержимые акты, а Гонорій II, по его словамъ, какъ человѣкъ проницательный и справедливый, подтвердилъ притязанія монастыря Сень-Дени: tam pro nostra justitia,

То, что самъ Абельяръ рассказываетъ объ отношеніяхъ своихъ къ Элоизѣ въ стѣнахъ монастыря, когда она жила тамъ въ качествѣ послушницы ¹⁾, дѣйствительно, мало способствуетъ къ опроверженію обвиненій Сугерія. Въ описываемое время Элоиза достигла между тѣмъ званія пріорши и не имѣла нигдѣ пристанища, а ея духовное стадо разсѣялось. Когда Абельяръ въ Бретани узналъ объ этомъ несчастіи, изгнанныя монахини уже перенесли много тяжелыхъ испытаній; онъ тотчасъ рѣшилъ преподнести своимъ стариннымъ благодѣтельницамъ Параклетъ, который, какъ подаренный ему его друзьями, все еще составлялъ его собственность, но со времени его переселенія въ монастырь св. Жильда былъ необитаемъ. Въ 1129 г. Абельяръ посѣтилъ снова хижины въ долинѣ Ардузона и совершилъ законный актъ передачи своей собственности Элоизѣ, которая соединила послѣ этого вокругъ себя, какъ аббатиса новаго женскаго монастыря, часть монахинь бывшаго Аржантейскаго монастыря. Такъ какъ въ данномъ случаѣ на сторонѣ этого дѣла стоялъ Гаттонъ, бывший епископомъ въ Троя, который и ранѣе покровительствовалъ Абельяру, то удалось добиться (18 ноября, 1131 г.) буллы Иннокентія II, которою папа утверждалъ за аббатиссой Элоизой и всѣми ея преемницами привилегіи ея монастыря ²⁾. Вѣроятно, Абельяръ именно по этому поводу лично хлопоталъ, и притомъ съ успѣхомъ, у новаго папы Иннокентія II, который какъ разъ въ это время искалъ защиты Франціи; Иннокентій былъ настолько же щедръ, расточая дары, которые ему ничего не стоили, насколько дорого въ свою очередь обошлась французскому духовенству его свита.

Въ 1130 г. начался великій расколъ между Анаклетомъ и Иннокентіемъ II. Первый, поддерживаемый своей фамиліей Пьерлеоне, держался въ Римѣ, второй заручился поддержкой трехъ главъ монашескихъ орденовъ Норбера, Бернара и Петра (*Venerabilis*), которые видѣли соблазнъ въ еврейскомъ происхожденіи кардинала Пьерлеоне, несмотря даже на то, что онъ получалъ образованіе въ Клуни ³⁾. Было великимъ событіемъ, когда

quam pro enormitate monacharum ibidem male viventium, eundem nobis locum cum appendiciis suis, ut reformaretur ibi religionis ordo, restituit. Къ владѣніямъ монастыря принадлежало семь большихъ филиальныхъ мѣстностей.

¹⁾ Cousin I, 98 и слѣд.

²⁾ Jaffé, Reg. pontif. къ 28 ноября 1131 г.

³⁾ Болѣе подробно объ этомъ расколѣ можно прочесть далѣе, въ біографіи Арнольда Брешианскаго.

аббатъ Петръ Ключійскій, проклявъ какъ схизматика собрата по ордену, открылъ передъ бѣглецомъ Иннокентіемъ II ворота своего аббатства, гдѣ послѣдній и имѣлъ свое первое свиданіе съ французскимъ королемъ. Послѣ того какъ папа сильно обложилъ церковь Франціи въ свою пользу, но вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ ей также и многочисленныя привилегіи, онъ направился въ Люттихъ, гдѣ рассчитывалъ встрѣтиться съ королемъ саксонскимъ Лотаромъ. По пути туда папа остановился въ бенедиктинскомъ монастырѣ въ Мориньи, гдѣ по просьбѣ аббата освятилъ 20 января 1131 г. одинъ изъ придѣловъ монастырской церкви. Среди знаменитостей, собравшихся въ монастырь съ цѣлью привѣтствовать папу, упоминается и пріѣхавшій изъ далекой Бретани аббатъ монастыря св. Жильда, „выдающійся учитель и наставникъ шволь, къ которому жаждущіе знаній стекались почти изъ всѣхъ латинскихъ христіанскихъ странъ“. Абеляръ встрѣтился въ это время со многими выдающимися личностями, вмѣстѣ съ тѣмъ и со многими изъ противниковъ; въ числѣ присутствовавшихъ были, между прочимъ, Геймерихъ, канцлеръ римской церкви, архіепископъ Сенскій и прежде всего Бернаръ, аббатъ Клервосскій¹⁾. Свиданіе это не привело къ болѣе близкимъ отношеніямъ, однако та почтительная форма, въ которой упомянуто имя Абеяра, доказываетъ, что и онъ былъ милостиво принятъ странствующей куріей; которая въ то время еще дорожила всякимъ извѣстнымъ челоуѣкомъ, становившимся на ея сторону. Абеляръ хвалился въ послѣдствіи своими отношеніями къ кардиналамъ Иннокентія II, а такъ какъ къ концу того же 1131 года относится и булла, утверждавшая вновь основанный женскій монастырь въ Параклетѣ, или, какъ онъ названъ въ первой буллѣ, монастырь „капеллы Святой Троицы“, то очевидно, Абеляръ во время своего пребыванія въ Мориньи сдѣлалъ соответствующіе шаги передъ куріей. Что съ этого времени Абеляръ оставался вѣрнымъ приверженцемъ папы, доказываетъ его въ высшей степени доаянная рѣчь о святомъ Петрѣ²⁾ и фактъ, засвидѣтельствованный Вернаромъ Клервосскимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ ему

1) Chronicon Morigniacensis monasterii у Du Chesne script. hist. Franc. IV, 359 и слѣд. Migne Patrol. 180, 131 и слѣд.

2) Cousin I, 504 и слѣд. Ad eujus insuper civitatis gloriam id a domino collatum est, ut quom caeterae sedes apostolorum, reliquiis eorum sint privatae, hoc de romana Dominus non tulerit, ne ad comparationem eujus caeterae possint gloriari: imo de corpore coapostoli Pauli, etc.; въ указ. мѣстѣ 508 и слѣд.

удалось заручиться буллою ¹⁾, онъ охотно говорилъ о вліяніи, которымъ онъ, по его мнѣнію, пользовался у святаго престола.

Вначалѣ сестры вновь основаннаго женскаго монастыря принуждены были вести тяжелое существованіе и часто были совершенно одиноки въ ихъ уединенной лѣсной глуши. Но вскорѣ и здѣсь обнаружилось умѣніе Элоизы обходиться съ людьми и импонировать имъ. Если и прежде Абельяръ говорилъ о ней, что она благодаря своимъ рѣдкимъ выдающимся качествамъ пользовалась восхищеніемъ всей Франціи, то теперь, будучи уже тридцатилѣтней женщиной, она доказала на дѣлѣ, что нисколько еще не утратила своихъ чаръ. Не только народъ смотрѣлъ на пріѣзжую аббатиссу какъ на какое-то высшее существо, но Элоиза сумѣла расположить въ свою пользу также и сеньера де Кенси и графа Теобальда изъ Шампани и всю его семью. Многочисленные дары лугами, полями, лѣсами и правами на рыбныя ловли въ Ардузонѣ доказываютъ, что эта симпатія сосѣдняго дворянства была серьезной, а не только платонической ²⁾. Самъ Абельяръ пишетъ, что святая жены въ одинъ годъ получили отъ сосѣдей больше земныхъ благъ, чѣмъ это удалось бы ему сдѣлать въ сто лѣтъ, потому что, чѣмъ слабѣе и беспомощнѣе женская половина рода человѣческаго, тѣмъ сильнѣе она вызываетъ чувство состраданія, тѣмъ охотнѣе признаютъ люди ея добродѣтели; Элоиза же вскорѣ заслужила такую всеобщую любовь, что епископы любили ее какъ дочь, аббаты какъ сестру, міряне какъ мать. Всякій прославлялъ ея скромность, умъ и прежде всего ея неизмѣнное терпѣніе; чѣмъ рѣже она показывалась въ свѣтѣ, тѣмъ настоятельнѣе каждый искалъ случая увидѣть ее и удостоиться ея духовныхъ утѣшеній. Такъ какъ мы знаемъ изъ собственныхъ писемъ Элоизы, каково было ея внутреннее душевное настроеніе въ это время, то нельзя отнестись безъ удивленія къ характеру несчастной женщины, способной на такое величественное самообладаніе. Сосѣди, принимавшіе участіе въ учрежденіи монастыря и поэтому желавшіе его процвѣтанія, дали понять Абельяру, что и онъ могъ бы быть полезенъ новому учрежденію, если бы сталъ лично проповѣдывать тамъ. Абельяру же, который имѣлъ въ монастырѣ св. Жильда только однѣ непріяности, могло быть только пріятно по возможности чаще навѣщать свое прежнее учрежденіе. Онъ принялъ участіе въ управленіи монастыремъ, въ руководствѣ-

1) S. Bern. Ep. 338. Migne 182, 543.

2) Доказательства этихъ дѣйствительно крайне богатыхъ даровъ представилъ Du Chesne. Срав. Migne 178, 179 и слѣд.

вавіи монахинями и въ концѣ концовъ посвящаль Параклету больше вниманія, чѣмъ монастырю св. Жильда ¹⁾, по отношенію къ которому онъ потерялъ наконецъ всякія надежды. Съ своей стороны и монахини признавали это съ благодарностью и ежедневно за часами молились за него: „Боже, милостиво соединившій здѣсь своимъ Именемъ Твоихъ рабынь посредствомъ раба Твоего, молимъ Тебя, чтобы Ты даровалъ ему, какъ и намъ, силы пребывать въ Твоей волѣ“ ²⁾. Среди нихъ Абеляръ приобрѣлъ покой, и, чѣмъ сильнѣе мучили его монахи, тѣмъ охотнѣе онъ стремился промѣнять бури Бретани на тихую пристань своего Параклета. Онъ старался оправдать свое, во всякомъ случаѣ необычное, поведеніе примѣрами изъ жизни многихъ благочестивыхъ мужей; „такимъ образомъ“, рассказываетъ онъ самъ, „я рѣшилъ помогать, насколько могъ, этимъ сестрамъ, заняться ихъ дѣлами и охранять ихъ своимъ личнымъ присутствіемъ, благодаря чему онѣ стали еще болѣе почитать меня. Такъ какъ мои духовныя дѣти преслѣдовали меня все чаще и болѣе яростно, чѣмъ даже до этого мои братья (монастыря Сень-Дени), то я отъ морского прибойя и бури искалъ убѣжища у этихъ сестеръ, какъ въ тихой пристани, здѣсь я могъ нѣсколько свободнѣе вздохнуть; имъ, по крайней мѣрѣ, дѣятельность моя была полезна, тогда какъ она оставалась бесплодной среди монаховъ, а лично мнѣ она являлась тѣмъ болѣе симпатичной, чѣмъ необходимѣе она была ихъ безпомощности“.

Но, такъ какъ Абеляръ былъ во враждебныхъ отношеніяхъ со всѣми главарями французской церкви, то не могли не давать повода къ злословію его частыя поѣздки въ Параклетъ и долговременныя отлучки изъ собственнаго монастыря. Его оправданіе, въ которомъ онъ опровергаетъ эти сплетни монастырской братіи, граничить со смѣшнымъ, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ такъ многословно, и Абеляръ цитируетъ такъ много примѣровъ изъ Евангелія, изъ Дѣяній Апостоловъ и вообще изъ сочиненій отцовъ церкви, которые подобнымъ же образомъ посвящали себя на служеніе слабому полу, что можно получить впечатлѣніе, что онъ въ концѣ концовъ вышелъ за предѣлы положенія ректора и духовника и допустилъ возникновеніе неподходящей интимности отношеній. Однако, въ его корреспонденціи съ Элоизой мы имѣемъ доказательства, опровергающія такого рода предположенія. Первое письмо, съ которымъ къ нему обратилась Элоиза по прочтеніи его „*Historia calamitatum*“, показываетъ, что до этого

1) *Institutio seu regula sanctimonialium*. Cousin, I, 153—213.

2) Ep. 3. Cousin I, 82.

Абелярь избѣгалъ переписки съ нею, и что даже личныя сношенія въ монастырѣ происходили въ строгихъ границахъ, предписываемыхъ уставомъ. Она пишетъ, что съ того времени, какъ по его приказанію постриглась въ монахиня, она не обмѣнялась съ нимъ ни однимъ задушевнымъ словомъ. Но, несмотря на это, его противники усматривали въ его посѣщеніяхъ преданной ему супруги лишь продолженіе ихъ прежнихъ отношеній, а это двусмысленное положеніе не могло не вредить его положенію въ собственномъ монастырѣ. Съ теченіемъ времени большинство его братіи превратилось въ его враговъ на жизнь и смерть. Онъ увѣряетъ, что тамошніе монахи пытались отравить его даже при помощи вина, употребляемаго для причащенія. Однажды, когда онъ посѣтилъ больного графа Нантскаго, герцога Бретанскаго, и жилъ у своего брата въ Нантѣ, одинъ изъ его спутниковъ умеръ при подозрительныхъ обстоятельствахъ, а одновременно съ этимъ скрылся его слуга; Абелярь могъ и въ этомъ случаѣ видѣть лишь извѣстное доказательство, что это было покушеніе на его жизнь. Въ аббатствѣ онъ рѣшался ѣсть въ присутствіи только немногихъ братіи въ отдѣльной келіи, а при каждомъ выѣздѣ изъ монастыря онъ боялся быть убитымъ подкупленными убійцами. Паденіе съ коня, при чемъ онъ сломалъ себѣ шейный позвонокъ, еще болѣе омрачило его настроеніе. Главныхъ своихъ противниковъ онъ подвергъ отлученію и обязалъ ихъ клятвою удалиться изъ монастыря. Но вскорѣ изгнанные вернулись и еще съ большей горячностью принялись за старое. Тогда Абелярь попросилъ прислать особаго папскаго легата, чтобы прекратить монастырскія распри. Легатъ въ присутствіи герцога утвердилъ изгнаніе зачинщиковъ, однако, у аббата и съ оставшимися вскорѣ установились такія же враждебныя отношенія, какія были до этого съ изгнанными. „Не только отравить меня, но они грозили даже перерѣзать мнѣ горло“. Къ счастью, въ средѣ дворянства Абелярь имѣлъ связи, благодаря которымъ ему и удалось выйти изъ этого грустнаго положенія. Герцогъ покровительствовалъ ему, его родственники пользовались извѣстнымъ вліяніемъ, одинъ изъ братьевъ былъ каноникомъ въ Нантѣ; благодаря всему этому, подъ охраной одного сосѣдняго рыцаря ему удалось бѣжать изъ собственного монастыря. Но, несмотря на это, все же онъ не сложилъ съ себя званія аббата, благодаря которому онъ пользовался извѣстнымъ положеніемъ въ свѣтѣ. Бернаръ Клервосскій называетъ его съ насмѣшкою „аббатомъ безъ дисциплины“¹⁾; онъ же сообщаетъ также, что Абелярь возвратился изъ Бре-

¹⁾ Ер. 382. Лишь послѣ его смерти въ 1141 году монахи выбрали ему преемника. Chron, Ruyens. Coenob. къ 1141 году. Rémusat I, 141.

тани, гдѣ онъ молчалъ, въ Парижъ, гдѣ онъ заговорилъ. До этого времени, слѣдовательно, Абельяръ проживалъ въ Бретани. „Возвысившись изъ простаго монаха до званія аббата“, такъ оканчиваетъ Абельяръ свое повѣствованіе, „я ежедневно убѣждаюсь, въ чемъ состоитъ земное могущество, потому что я становился все болѣе несчастнымъ по мѣрѣ того, какъ богатыль“. Однако Абельяръ во всякомъ случаѣ сохранилъ за собою доходы, которыми онъ пользовался благодаря своему положенію, что, вѣроятно, и подало поводъ къ дальнѣйшимъ угрозамъ со стороны его монаховъ. Если бы Абельяръ оставилъ Бретань на продолжительное время, герцогъ, вѣроятно, не былъ бы склоненъ сохранить за нимъ его званіе и доходы. Правда, съ другой стороны дальнѣйшее пребываніе въ странѣ подвергало его опасности пасть въ концѣ концовъ подъ ударами монаховъ.

Такимъ образомъ Абельяръ отнюдь не чувствовалъ себя прочно въ своемъ новомъ положеніи. Наоборотъ, онъ ежеминутно чувствуетъ надъ своей головой дамокловъ мечъ, и, чтобы избѣжать опасности, онъ часто мѣняетъ мѣстожительство. „Такимъ образомъ сатана запуталъ меня въ свои сѣти, и я не нахожу мѣста, гдѣ бы могъ жить и отдохнуть, но, какъ Канинъ, вынужденъ всюду скитаться, не имѣя пристанища“. Находясь въ такомъ положеніи, Абельяръ написалъ исторію своихъ несчастій, которую онъ и довелъ до этого момента своей жизни.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

АББАТЪ И АББАТИССА.

1129—1136.

Во мнѣ осталась еще частица сердца, она-то и жалѣетъ тебя.

Король Лиръ.

Убѣжище, въ которомъ Абеляръ написалъ исторію своихъ несчастій, не было монастыремъ Элоизы въ Ардюзонѣ. Письма ея начинаются съ того времени, когда она уже получила это сочиненіе, и изъ нихъ видно, что въ это время Абеляръ проживалъ еще въ Бретани, и что его время и тогда еще было занято дѣлами монастыря св. Жильда ¹⁾, хотя при выпускѣ въ свѣтъ „Historiae calamitatum“ онъ уже покинулъ аббатство. Убѣжище его находилось, слѣдовательно, вблизи монастыря, дѣлами котораго онъ продолжалъ заниматься ²⁾. Онъ проживалъ, можетъ быть, въ Нантѣ, гдѣ одинъ изъ его братьевъ состоялъ членомъ капитула, или даже въ Пале, у другихъ родственниковъ, или же, такъ какъ онъ называетъ себя безпріютнымъ Каиномъ, онъ жилъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ и попробовалъ написать свое оправданіе, давъ ретроспективное описаніе своей жизни. Его бѣгство изъ собственнаго монастыря снова выставило его на показъ. Какой триумфъ для его противниковъ, что затравленный ими чловѣкъ и въ этомъ новомъ положеніи снова потерпѣлъ крушеніе! Если бы онъ намѣревался и послѣ этого снова выступить учителемъ или писателемъ, то все говорило за то, что ему придется натолкнуться на необычайное злословіе монашествующей братіи. Его оправданіе должно было примирить

¹⁾ Migne 178, 184.

²⁾ Также въ V письмѣ, Migne 178, 208, онъ еще всецѣло поглощенъ работой для монаховъ: in filiis perditionis inaniter laborante.

съ нимъ его прежнихъ доброжелателей, отступившихся было отъ него благодаря Норберу и Бернару, а описание его положенія должно было вызвать приглашенія къ новой дѣятельности. Онъ не отрицаетъ своей вины, но, детально описывая, какъ жестоко онъ искупилъ эту вину, и развертывая передъ читателемъ всю картину своей жизни, онъ показываетъ, что у его друзей нѣтъ никакихъ основаній лишать его своей поддержки въ настоящемъ тяжеломъ положеніи. Посвященіе другу, находящемуся тоже въ несчастіи, который можетъ, прочтя жизнь Абеляра, найти утѣшеніе, въ томъ, что другіе испытываютъ еще худшія мученія, можетъ быть, является отчасти лишь литературной формой, но нѣтъ, во всякомъ случаѣ, основаній отрицать, чтобы какой-либо братъ или другъ, находившійся въ аналогическомъ меланхолическомъ настроеніи, не могъ подать повода къ такого рода апології, и что Абеляръ посвятилъ именно такому сотоварищу по несчастію готовое уже произведеніе, которое по содержанію своему, во всякомъ случаѣ, предназначалось не для отдѣльнаго лица, а для общества. Во всякомъ случаѣ мало написано было столь увлекательныхъ книгъ, въ родѣ этой „*Historia calamitatum mearum*“, въ которыхъ было бы рассказано, какъ старшій сынъ рыцаря Беренгара де Пале отправился въ путь, чтобы воевать оружіемъ истины, и послѣ перемѣнчивыхъ успѣховъ, благодаря собственной винѣ, на пятидесятомъ году потерялъ всякую вѣру въ человѣчество, всѣ надежды и гордость. Волѣ семи вѣковъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ закончилась эта жизнь ученаго, но еще и въ настоящее время мы безъ содроганія не можемъ читать, какъ постепенно этотъ высокоталантливый умъ настолько терпитъ крушеніе въ любви, свободѣ, добромъ имени, вѣрѣ въ Бога и людей, что, обозрѣвая прошлую свою жизнь, обращается къ другу съ вопросомъ: „и ты вѣришь въ миръ?“ Острая боль прошла, но буря оказалась не самою тяжелою порою жизни. Великія страсти носятъ въ своемъ проявленіи и собственное свое освобожденіе, но въ данномъ случаѣ за бурями наступило утомленіе отчаянія, безконечно грустное самоотреченіе, благодаря которому рассказчикъ въ концѣ концовъ прибѣгаетъ къ слѣдующему утѣшенію: „Зло тѣмъ легче переносить, чѣмъ несправедливѣе оно причинено намъ. И, если оно не служитъ къ заслугамъ нашимъ, то не позволяетъ намъ сомнѣваться въ томъ, что оно способствуетъ нашему очищенію“. Но въ немъ еще не вполне завершился этотъ очистительный процессъ. Абеляръ осуждаетъ свое прошлое, но онъ еще не достигъ ни спокойнаго отношенія къ настоящему, ни примиренія съ самимъ собою и съ своими противниками. Такъ же, какъ и друга, къ которому онъ пишетъ,

такъ и себя самого онъ старается утѣшить словами „Молитвы Господней“ — „Да будетъ воля Твоя“, но душа его еще не достигла того спокойствія, которое требуется для преданія себя на волю Божию, а такъ какъ онъ считаетъ свою вину давно уже „искупленною“, то не склоненъ „оставлять“ и своимъ должникамъ.

Нельзя отказать мемуарамъ Абеяра въ пристрастной подозрительности по отношенію къ противникамъ, въ постоянныхъ колебаніяхъ отъ высокоумія къ плаксивости, даже въ чрезвычайно наивно высказывающемся тщеславіи, но живое пониманіе положенія дѣла и рѣдкій даръ ясной передачи глубоко прочувствованнаго придаетъ вѣчное значеніе этому произведенію въ числѣ самыхъ поучительныхъ памятниковъ исторіи культурнаго развитія. Какъ подлинная автобіографія эти мемуары представляютъ единственное явленіе въ литературѣ этой эпохи. Ни одинъ изъ писателей этой эпохи, направленной на практическую сторону жизни, кромѣ Абеяра, не написалъ сочиненія, темой котораго была бы исторія его духовной борьбы и душевныхъ сомнѣній. Мы никого такъ близко не знаемъ изъ людей среднихъ вѣковъ, какъ Абеяра, и именно благодаря этому произведенію его; не знаемъ даже настолько и самого Бернара Клервосскаго, бывшаго большимъ охотникомъ до писаній, потому что изъ проповѣдей и окружныхъ посланій можно вывести только косвенное представленіе о писателѣ, тогда какъ Абеяръ не въ состояніи обмануть насъ, даже и тамъ, гдѣ онъ, можетъ быть, имѣлъ это намѣреніе. Представляется еще чрезвычайно интереснымъ, при этомъ, проникнуть въ кругозоръ средневѣковаго человѣка, который обходился только Библией, твореніями отцовъ Церкви и нѣкоторыми латинскими авторами. Намъ извѣстенъ, кромѣ того, этотъ узкій міръ еще изъ легендъ о святыхъ и изъ хроникъ, но, тогда какъ въ нихъ все шаблонно, при чтеніи мемуаровъ мы ощущаемъ истинное удовольствіе, видя, какъ живая страсть и поистинѣ гениальная духовная сила сумѣли, несмотря на все это, весьма энергично высказаться въ этомъ тѣсномъ кругу представленій. Средневѣковый воровъ цитатъ играетъ и здѣсь извѣстную роль; контроверсы, рѣшаемыя ссылками на авторитеты, настолько составляли единственное содержаніе школьной жизни, что ихъ обычный школьный тонъ проникаетъ какъ мемуары Абеяра, такъ и письма Элоизы. Въ виду этого корреспонденція Абеяра съ Элоизой, находящаяся въ связи съ мемуарами, носитъ характеръ безусловно недантической. Сочиненіе письма того времени представляло настоящую ученую работу, подвигавшуюся медленно, какъ рѣшеніе какой-нибудь задачи. Поэтому, если исключить великаго стилиста Бернара, то

мы увидимъ, что всѣ письма этой эпохи носятъ характеръ ученой трудолюбивой усидчивости. Помимо этой вымученной формы, мы имѣемъ, однако, въ данномъ случаѣ дѣло съ горькой, мучительной правдой жизни Абеяра и Элоизы, благодаря которой эта переписка и стала такой знаменитой. Особенно значительный литературный успѣхъ должно было имѣть его первое письмо, именно „*Historia calamitatum*“, потому что помимо того, что Абеяръ послалъ это сочиненіе въ Троа, оно достигло и до Элоизы. Содержаніе этого письма, вызвавъ всѣ собственныя жизненныя воспоминанія, чрезвычайно взволновало молодую аббатису. Очевидно, до этого времени Абеяръ поставилъ между собою и ею, какъ неприступную стѣну, ихъ обоюдный духовный санъ. Во время его посѣщенія монастыря, между ними не происходило никакихъ личныхъ сношеній; повидимому, согласно требованіямъ устава, ¹⁾ Абеяръ появлялся только на церковной кафедрѣ, не заходя въ кельи. Послѣ этого онъ снова уѣхалъ ²⁾, не обрадовавъ свою супругу ни однимъ письмомъ. Теперь же волненія, вызванныя его мемуарами, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ и ея собственными, опасенія за его жизнь, которую онъ считалъ въ опасности, все это вмѣстѣ взятое заставило Элоизу отбросить всякія соображенія объ его и ея положеніи, и она высказалась въ страстномъ письмѣ, полномъ любви, укорины и горькихъ жалобъ. Откровенность, съ которою она высказываетъ все въ этой перепискѣ, по крайней мѣрѣ во второмъ письмѣ, что ничего она не любитъ кромѣ него, что ея монашескій обѣтъ данъ ею только въ силу его желанія, что вся ея святость не болѣе какъ лицемѣрие, что она женщина, день и ночь сжигаемая страстью и желаніями, все это носить въ себѣ нѣчто потрясающее, и только потому, что мы чувствуемъ правдивость страсти и величіе несчастія, откровенность эта не производитъ отталкивающаго впечатлѣнія. Рѣшеніе загадки, какимъ образомъ уважаемая, даже почитаемая женщина, къ тому же еще настоятельница монастыря, могла писать такимъ образомъ, нужно искать не только въ грубости нравовъ двѣнадцатаго вѣка и не только въ горячей крови

1) Въ позднѣйшихъ „Правилахъ“ по этому вопросу сказано: *Si quis accesserit ad eas gratia praedicandi, aperto ostio ecclesiae, ulterius non procedat, imo sedens in eodem, effundat ipsis audientibus verbum Dei, nec permittat aliquatenus capellanos, aut socios suos introire ad ipsas.* Cousin I, 224. Ср. также собственное предписаніе Абеяра, стр. 183: *Quorum (diaconi et subdiaconi) accessus vel recessus ita fiant, ut sororum conventui nullatenus pateant.* Къ этому тамъ же 174.

2) Ep. II. Cousin I, 71.

француженки, женщины „тридцати лѣтъ“, но и въ характерѣ исповѣди, который носить письмо. Женщины привыкли говорить на исповѣди всѣ сокровенныя тайны и отвѣчать на вопросы, касающіеся всей истины. Соответственно съ этимъ Элоиза говорить о своихъ искушеніяхъ не только съ ужасающей откровенностью, но и въ суровомъ тонѣ библіи, въ выраженіяхъ, которыхъ менѣе всего можно было ожидать встрѣтить на языкѣ настоятельницы монастыря. Исповѣдь эта производитъ одновременно и отталкивающее и величественное впечатлѣніе; но, по внутренней правдѣ страсти, она принадлежитъ все же къ самымъ потрясающимъ произведеніямъ, которыя когда-либо были написаны. Прежде всего Элоиза не желаетъ больше отказываться отъ Абеяра. Если она ошиблась, надѣясь видѣть его, то онъ долженъ по крайней мѣрѣ вознаградить ее своими письмами. Какъ можетъ она рассчитывать на его щедрость, когда онъ такъ скупъ даже на слова. Онъ заложилъ основанія Параклета, онъ и обязанъ заботиться о немъ. Съ наивной завистью и страстностью говорить она о монахахъ монастыря св. Жильда, объ этомъ дикомъ виноградѣ, этихъ врагахъ, даже о свиньяхъ, передъ которыми онъ мечетъ свой бисеръ. Она умоляетъ его, чтобы онъ отдалъ лишь часть своего труда, который онъ расточаетъ своимъ мятежнымъ монахамъ, ея сестрамъ, которыя его боготворятъ. Вѣдь и святые отцы церкви не считали унижительнымъ для себя вступать въ подобное духовное сношеніе съ монахинями и благочестивыми женами. Она имѣетъ право рассчитывать на это малое, она, которая принесла ему въ жертву всю свою жизнь. Это не только ея личное мнѣніе, но и всѣхъ тѣхъ, которые осуждаютъ холодное отношеніе къ ней Абеяра. Мы думаемъ, что Абеяръ, получивъ это трогательное письмо, на каждой страницѣ котораго слышится вопль впаившаго въ отчаяніе женскаго сердца, былъ болѣе тронутъ, чѣмъ это можно предполагать изъ отвѣта его, который онъ счелъ нужнымъ продиктовать своему писцу. Холодный тонъ отвѣта показываетъ, что Абеяръ главнымъ образомъ имѣлъ въ виду не подать ни въ одномъ словѣ возможности монахамъ св. Жильда найти оправданіе ихъ семейныхъ отношеній и набросить худую славу на собственную его репутацію какъ строгаго аскета. На письма аббатиссы Абеяръ отвѣчаетъ не какъ супругъ, а лишь въ качествѣ ректора бенедиктинокъ Сень-Параклета. Ему легко было поступить такимъ образомъ, потому что въ немъ уже умерло то, что такъ страстно еще волновало Элоизу. Онъ даже и самъ откровенно признается въ этомъ. Она пламенно умоляла его писать ей, его, который прежде довольно часто могъ писать ей, когда ему было это нужно,

чтобы достигнуть своей цѣли. И Абеляръ, дѣйствительно, написалъ ей, но лишь какъ возлюбленной сестрѣ во Христѣ, при чемъ онъ вмѣстѣ съ письмомъ переслалъ ей и псалтырь.

По поводу своего молчанія до этого времени, онъ съ холодной вѣжливостью замѣчаетъ, что виною этому только ея мудрость. Какъ могъ онъ прелполагать, чтобы она, которая наставляетъ заблуждающихся, утѣшаетъ малодушныхъ, подымаетъ унавшихъ духомъ, сама нуждалась въ его письмахъ? Если же у нея существуютъ вопросы, относящіеся къ божественнымъ, то онъ охотно отвѣтитъ на нихъ, какъ къ этому его обязываетъ Господь. Пога же онъ посылаетъ просимую ею псалтырь и заканчиваетъ письмо многоглаголивымъ библейско-богословскимъ разсужденіемъ о силѣ молитвы, особенно женской молитвы; а такъ какъ во время богослуженій въ Параклетѣ поминается о немъ, то онъ дополняетъ это поминовеніе ссылкой на свое тогдашнее положеніе. Монахини Параклета пусть взываютъ къ Господу, чтобы Онъ вооружился своимъ мечомъ и щитомъ и сѣвшилъ на помощь къ своему рабу. Но недостаточно того, что Абеляръ проситъ ихъ молиться за себя, какъ за обреченнаго уже на смерть, онъ приказываетъ, чтобы въ случаѣ, если его убьютъ враги, или же какъ либо иначе его достигнетъ общая судьба всѣхъ смертныхъ, благочестивыя жены вытребовали его тѣло, погребенное или еще нѣтъ, въ Параклетъ, потому что онъ не знаетъ иного болѣе вѣрнаго и спасительнаго мѣста, чѣмъ то, которое посвящено Утѣшителю ¹⁾).

Вполнѣ ясно, что такого рода посланіе не могло удовлетворить Элоизу, оно скорѣе должно было усилить ея безпокойство за дорогую жизнь, которой, казалось, угрожали такія опасности въ то время, какъ Абеляръ такъ холодно отклонялъ сердечную переписку, которой она такъ страстно жаждала. Несчастливая женщина вторично пробуетъ проломить этотъ ледъ. Такъ какъ онъ говорилъ по своему обыкновенію объ угрожавшихъ ему опасностяхъ, то во второмъ своемъ письмѣ она горько жалуется, что не вынесетъ этой жизни, если онъ оставитъ ее одну. Какъ онъ можетъ заказывать молитвы въ случаѣ своей смерти? Тогда онъ будетъ въ состояніи только плакать, а не молиться, послѣдовать за нимъ, а не хоронить его. Даже одна мысль объ его смерти уже является для нея смертью, поэтому безъ необходимости пусть онъ не говоритъ о смерти. Вообще же она не можетъ постигнуть путей Провидѣнія, которое щадило ихъ, когда они жили

¹⁾ Ер. III 79—84.

беззаконно, и жестоко наказало, когда они освятили свой союзъ церковнымъ бракомъ, покарало, при этомъ, не обоихъ, а его одного. Съ этого времени она не можетъ взять въ руки Писанія, чтобы всюду не наткнуться на мѣста, которыя предупреждаютъ мужчину отъ сношеній съ женщиной, на примѣры, какъ самые мужественные и мудрѣйшіе мужи доведены были до паденія хитростью или слабостями женщинъ. Лукавый пользуется женщиною, чтобы унижить тѣхъ, съ которыми онъ ничего не могъ бы подѣлать иными способами; ей остается только въ утѣшеніе сознаніе, что она сыграла роль невиннаго орудія его козней. Но, несмотря на все раскаяніе, она не въ состояніи позабыть этого времени. Легко исповѣдать свои заблужденія и отпрavitить за нихъ епитимію, но трудно вырвать изъ души желанія подобныхъ радостей. Днемъ и ночью ее не оставляютъ эти воспоминанія, они сопровождаютъ ее во время обѣдни, они мѣшаютъ ей даже молиться въ церкви. Она стремится къ тому, въ чемъ должна бы была раскаиваться. Съ поразительной отчетливостью передъ ея глазами проносятся извѣстные моменты ея жизни, и ей въ концѣ концовъ остается лишь съ отчаяніемъ воскликнуть: „Несчастный я человекъ, кто избавитъ меня отъ тѣла этой смерти“, но она не можетъ искренно продолжать: „благодарю Бога черезъ Господа нашего, Иисуса Христа“. Если Абельяръ дѣйствительно вѣритъ въ ея мудрость и скромность, о которыхъ онъ пишетъ ей, то этимъ письмомъ своимъ она срываетъ покрывало: все кажущееся не болѣе, какъ притворство! Она черезчуръ молода, она уже черезчуръ много испытала, чтобы въ состояніи была давать нѣчто большее, чѣмъ простое соблюденіе внѣшности. Ее считаютъ скромной въ такое время, когда скромность по большей части состоитъ въ лицемѣріи. У людей и соблюденіе внѣшняго приличія можетъ заслужить одобренія, но не у Бога, Который видитъ и душу и тѣло. Да она и стремится быть угодной не Богу, а лишь ему, Абельяру. Если онъ отвернется отъ нея, она не обезпечена ни отъ какой случайности. Онъ не долженъ предоставлять ее какъ здоровую самой себѣ, она нуждается во врачѣ. Онъ не долженъ говорить ей, что тотъ только будетъ увѣнчанъ, кто боролся. Она и не стремится къ этому вѣнцу. Она была бы довольна избѣгнуть только опасностей, о вѣнцахъ же она и не мечтаетъ. Какой бы уголокъ неба ни опредѣлялъ ей Господь, для нея онъ будетъ достаточно хорошимъ.

Это душевное настроеніе Элонзы, вылившееся въ этомъ письмѣ и способное растрогать камни, повидимому, внесло состраданіе и въ душу Абельяра; онъ снисходитъ къ ея жалобамъ и пишетъ ей обстоятельный отвѣтъ,

хотя при этомъ онъ и удивляется, что она все еще проолжаетъ носиться съ своими старыми жалобами по поводу произнесеннаго ею монашескаго обѣта, вмѣсто того, чтобы благодарить Бога за Его милосердый судъ. Пунктъ за пунктомъ онъ разбираетъ содержаніе ея письма и пользуется имъ какъ темой для настоящей проповѣди. Абельяръ начинаетъ пространнѣмъ изложениемъ Пѣсни Пѣсней, чтобы показать ей, что монастырь, это—брачный чертогъ, въ которомъ она найдетъ духовнаго Жениха. Рядомъ съ тѣмъ крикомъ души, который вѣетъ со строкъ письма Элоизы, это описаніе аллегорическаго счастья любви производитъ невыносимо расхолаживающее и педантичное впечатлѣніе. Онъ сравниваетъ черный цвѣтъ Суламиты, которую любилъ Соломонъ, съ черной одеждой бенедиктинокъ, которая угодна Господу, хотя и не нравится людямъ. Но что значили эти духовныя свѣдѣнія для нея и для ея страстно бившагося сердца, всѣ эти неуклюжія толкованія пламенной пѣсни любви? Она проситъ у него хлѣба, а онъ подноситъ ей святую воду; много-много, если онъ приводитъ любезныя похвалы женской скромности изъ библіи и исторіи Церкви, пріятныя слова, которыя, какъ онъ самъ говоритъ, уже отецъ Церкви Іеронимъ преподносилъ въ утѣшеніе дѣвѣ Евстохи, и которыя нестерпимо отзываются прописями. Ея опасенія за его жизнь только неприяты утомленному жизнью, и поэтому за свое сердечное отношеніе къ окружающимъ его опасностямъ Элоиза пожинаетъ одни лишь выговоры и жестокіе намеки. Даже ея опроверженія его похвалъ, заставляють его нехорошій юморъ припомнить Галатею Виргилія, которая жаждетъ того, отъ чего спасается. Главнымъ же образомъ Абельяръ холодно отвергаетъ ея любовныя изліянія. Такою она ему совсѣмъ не нравится и, если она не желаетъ сдѣлаться окончательно въ тягость ему, должна искать помощи у Бога, а не у него, и побороть страсть, разрушающую ея тѣло и душу. По поводу ея жалобы, что Богъ наказалъ ихъ именно въ то время, когда они снова вступили въ границы закона, Абельяръ поступаетъ совершенно безсердечно и напоминаетъ ей объ отвратительныхъ эксцессахъ ихъ тайнаго брака для того, чтобы она ономнилась и не обвиняла Бога. Въ то время въ Аржантейлѣ и во время ихъ бѣгства въ Вретахъ она злоупотребила одеждой монахини, чтобы обмануть людей, а теперь она должна носить ее вѣчно, потому что Богъ не позволяетъ кощунствовать. Вполнѣ ясно Абельяръ намекаетъ, что и самъ онъ получалъ только должное. Но при этомъ онъ становится на совершенно монашескую точку зрѣнія и утверждаетъ, что монашеская жизнь угоднѣ Богу, чѣмъ какая-либо иная. Если же нерасторжимый союзъ съ нимъ помѣшалъ Элоизѣ

вступить въ супружество съ другимъ, къ чему въ концѣ концовъ привели бы уговоры родственниковъ и ея собственныя чувства, то въ этомъ ей слѣдуетъ видѣть только милосердіе Бога. Къ сколькимъ высшимъ блаженствамъ Онъ сохранилъ ее благодаря этому! Въ бракѣ она родила бы нѣсколько дѣтей, въ монастырѣ же она и теперь уже собрала вокругъ себя толпу дочерей. Какъ недостойно было бы, если бы ея святая руки, открывающія теперь книги Господа, служили низкимъ заботамъ женщины. „Богъ сподобилъ извлечь насъ изъ этого зараженія грязью, изъ этой пыли, какъ однажды Онъ и апостола Павла обратилъ насильно и какъ, можетъ быть, захотѣлъ и нашимъ примѣромъ отвратить другихъ отъ подобныхъ же наслажденій“.

Странная монашеская мораль, остывшая душа кастрата и условныя фразы духовнаго пастыря неприятно поражаютъ насъ въ этомъ письмѣ, но что оно написано серьезно, на это указываетъ весь тонъ его. Абельяръ обращенъ. Можно любить, или не любить такого рода Магдалинъ съ мужскимъ характеромъ, но искренность его раскаянія была во всякомъ случаѣ заподозрѣна несправедливо¹⁾. Теперь онъ очень строго относится къ монастырской жизни, а то, что составляетъ для Элоизы ея лучшія воспоминанія, является для него лишь предметомъ душевныхъ мукъ и горькаго раскаянія; поэтому онъ и не знаетъ, что сдѣлать съ ея любовью. Она должна оплакивать раны и страданія ея Избавителя, а не ея соблазнителя. Только Онъ истинно любилъ ее, только Онъ искалъ ея души, ея же возлюбленный искалъ лишь наслажденій съ нею и больше ничего. Чтобы вновь привести ее къ ея истинному Возлюбленному, Абельяръ снова проситъ ее, чтобы благочестивыя сестры молились за нея и за него, возносили бы молитвы горячаго раскаянія за прежнюю жизнь и поднаго подчиненія волѣ Божіей. „Ты соединилъ насъ, Господи, Ты же и разъединилъ насъ, когда Тебѣ угодно было и какъ Тебѣ было угодно. Что Ты началъ, Господи, въ Своемъ милосердіи, то и докончи съ милосердіемъ, и тѣхъ, которыхъ Ты разъединилъ на землѣ, соедини навсегда на небесахъ, Ты наша надежда, наша милость, наше ожиданіе и наше утѣшеніе, Боже, да будетъ слава Тебѣ во вѣки вѣковъ. Аминь!“ Какъ часто Элоиза со слезами на глазахъ произносила эту молитву, въ которой вылилось благочестивое участіе ея возлюбленнаго, единственное, съ которымъ онъ еще относился къ ней, пока наконецъ и ея собственныя горячія чувства и желанія стали гармонировать съ этимъ тономъ покорнаго волѣ Божіей по-

¹⁾ Reuter, Geschichte der Aufklärung I, 258 и слѣд.

каянiя! Да и наступилъ ли когда-либо такой моментъ въ ея жизни? Мы сомнѣваемся въ этомъ. Самъ Абельяръ, мы желали бы предполагать это, вѣроятно, съ бѣльшимъ участiемъ относился къ душевнымъ мукамъ своей несчастной супруги, чѣмъ могъ довѣрить это словамъ письма. Въ строжайшемъ монашескомъ мировоззрѣнiи Абельяръ нашелъ то основанiе, на которомъ онъ воздвигъ свою новую жизнь, и не желалъ, чтобы его снова сдвинули съ этого пути. Для свѣта онъ былъ аббатомъ, духовникомъ, аскетомъ. Онъ долженъ былъ въ виду этого отвѣчать порицанiями на страстные излиянiя Элоизы, если не желалъ подвергать опасностямъ свою прiятельницу и себя самого. Она же, вѣроятно, подчинилась его наставленiямъ. Грустно извиняясь въ томъ, что ничто такъ мало не зависитъ отъ нашей воли, какъ настроенiе ¹⁾, она обѣщаетъ ему никогда не возвращаться къ этимъ вопросамъ. Во всякомъ случаѣ, она сумѣетъ удержать свою руку, чтобы не писать того, чего онъ не желаетъ слышать. „Если бы только Богу угодно было, чтобы сердце было такъ же покорно больной, какъ рука покорна пишущей!“ Но, чтобы изгнать мысль, крѣпко засѣвшую въ головѣ ея, пусть Абельяръ вложить въ нее нныя мысли. „Если мы не можемъ вытащить забитый гвоздь, мы беремъ другой и при помощи его выбиваемъ первый“, такъ и онъ можетъ великими мыслями изгнать неотвязно засѣвшую въ ней мысль, отъ которой она безуспѣшно старается избавиться; поэтому она проситъ именемъ всѣхъ ея сестеръ не прерывать начавшейся съ ея монастыремъ переписки. Дочери Параклета умоляютъ его, какъ отца и великаго ученаго, сообщить имъ свѣдѣнiя о возникновенiи монастырской жизни, цѣнность и цѣли которой представляются, очевидно, Элоизѣ весьма проблематичными.

Кромѣ того Элоиза желаетъ измѣнить уставъ бенедиктинскихъ женскихъ монастырей, который былъ написанъ для мужчинъ и въ цѣломъ рядѣ параграфовъ не принимаетъ въ соображенiе положенiя женщинъ. Съ откровенностью сильной натуры, прямо и свободно говорить она основателю Параклета, что не знаетъ, что дѣлать съ этимъ уставомъ, „потому что, не затрогивая даже на этотъ разъ другихъ постановленiй, какое, напримѣръ, отношенiе къ женщинамъ можетъ имѣть то, что постановлено въ немъ о рясахъ, штанахъ, наплечникахъ?... Возможно ли женщинамъ носить только шерстяную нижнюю одежду... Какъ примѣнимо къ ней лично предписанiе аббату самому читать евангелiе и затѣмъ заговѣвать величанiе? Или же предписанiе аббату трапезовать съ посторонними или гостями отдѣльно отъ дру-

¹⁾ Ер. VI, 106.

гих? Обязаны ли монахини, въ силу требованіи религіи, вообще не принимать мужчинъ, въ качествѣ гостей, или же аббатисса, принявши въ качествѣ гостей мужчинъ, обязана одна трапезовать съ нимъ? Но съ какими это сопряжено опасностями при ольянтіи мужчинъ! Даже и съ почительницами монастыря остаются одной настоятельница описно, потому что женщина еще болѣе склонна передавать запрещенное женщинамъ, чѣмъ мужчина. Иеронимъ совѣтуетъ въ виду этого просто заирать двери. Но какъ возможно это сдѣлать? Если же исключить мужчинъ изъ сферы гостепріимства и оказывать его только женщинамъ, кто не усмотритъ въ этомъ жестокаго оскорбленія мужчинъ, безъ благодѣяній которыхъ не могутъ, однако, обойтись женскіе монастыри, особенно, если будетъ казаться, что тѣмъ, отъ которыхъ они многое получили, они даютъ мало или даже со сѣмъ ничего не желаютъ давать? Точно такъ же предписаніе работать въ полѣ и самимъ собирать жатву, очевидно, тоже совершенно не подходитъ къ монахинямъ. Но, если вообще уставъ долженъ быть измѣненъ, потому что женщинъ причлествуетъ не все то, что причлествуетъ мужчинъ, то несомнѣнно слѣдуетъ принять въ соображеніе и внутреннее различіе женщины. Аббатисса оспариваетъ, что достаточно испытывать послушницу только *оми* годъ и прочитавъ ей только три раза правила. Черезчуръ смѣло выдирать жизнь, которую еще мало знаешь, и преступно произносить обѣтъ, который впоследствии не въ состояніи выполнить. вмѣстѣ съ тѣмъ и строгія предписанія мужскихъ монастырей не соответствуютъ для слабаго пола. Нельзя одно и то же ярмо накладывать на вола и на корову, потому что мы не можемъ сравнять въ работѣ то, что уже отъ природы создано различнымъ. Самъ Бенедиктъ въ своемъ монастырѣ относился съ предусмотрительнойнисходительностью къ дѣтямъ, старцамъ и слабымъ, и онъ, который опредѣленно высказался, что строгость правилъ должна быть смягчаема въ зависимости отъ способностей лицъ и условій, конечно, не предписалъ бы женщинамъ того же, что и мужчинамъ, если бы онъ вообще написалъ уставъ для женщинъ.

Элизза желаетъ такимъ образомъ облегченій по тремъ пунктамъ. Женщинамъ должно быть дозволено носить полотняное бѣлье, ѣсть мясо и пить вино. Въ этомъ она не находитъ противорѣчія съ предписаніями евангелія, „и дай Богъ, чтобы наша вѣра настолько возмсила насъ, чтобы мы исполняли евангеліе, а не превосходили его, чтобы мы не стремились считаться болѣе совершенными, чѣмъ христіанки“. Свое мнѣніе, что одного года испытанія недостаточно для того, чтобы навсегда связать монашескимъ обѣтомъ послушницу, Элизза основываетъ на словахъ апостола:

„Итакъ я желаю, чтобы вдовы молодыя вступали въ бракъ, рождали дѣтей и управляли домою“. Иеронимъ и Августинъ тоже предупреждали отъ подобныхъ необдуманно скорыхъ и смѣлыхъ монашескихъ обѣтовъ. Что же касается монастырской жизни, то справедливѣе всего было бы предписать монахинямъ не болѣе того, что предписано бѣлымъ каноникамъ августинцевъ, которые могутъ употреблять въ пищу мясо и вино, но не желаютъ вслѣдствіе этого считаться ниже настоящихъ монаховъ, а скорѣе, какъ, напримѣръ, Норберъ, выдаютъ такую жизнь за истинное продолженіе апостольской жизни. Такое послабленіе было бы всего менѣе опасно для монахинь, потому что женщины уже отъ природы не склонны къ пьянству и нуждаются въ небольшомъ количествѣ пищи. Элоиза выдвигаетъ на сцену даже ученіе древнихъ, утверждавшихъ, что въ тѣлѣ женщины больше сырости, чѣмъ въ тѣлѣ мужчины. „Если же выпитое вино попадаетъ въ такое количество сырости, оно теряетъ свою крѣпость и, не потерявъ своей огненной силы, не легко можетъ достигнуть вмѣстелища мозга“. Относительно употребленія мяса Элоиза не знаетъ, гдѣ Господь запретилъ его или указалъ монахамъ не употреблять его въ пищу? Наоборотъ, апостоль Павелъ говоритъ: „Царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность и миръ и радость во Святомъ Духѣ“. Такимъ образомъ слѣдуетъ запрещать не необходимое, а излишнее. Только въ томъ случаѣ, если монахи дѣлаютъ болѣе требуемаго ихъ обѣтами, остается возможность для свободной любви совершить болѣе того, что было предписано обѣщаніями. Уже апостоль Петръ сказалъ на соборѣ въ Иерусалимѣ, что на братьевъ не слѣдуетъ возлагать непосильной ноши. Учитель Петръ является, по мнѣнію Элоизы, наслѣдникомъ этого апостола не только по имени, но и въ этомъ его взглядѣ. Поэтому пусть онъ предпишетъ своему монастырю въ Параклетѣ то, что приличествуетъ женщинамъ. Въ письмѣ Элоизы вообще нѣтъ недостатка въ такихъ и подобныхъ увѣреніяхъ въ преданности учителю. Фактически же Элоиза далеко превосходила своего супруга по внутренней терпимости и пониманію евангелія. Она гораздо яснѣе Абеяра сознавала, что вся показная праведность монашества противорѣчитъ ученію Христа и посланіямъ апостола Павла, а ея великолѣпное доказательство отъ Писанія, что вся совокупность соблюденія постовъ выродилась въ еврейское служеніе закону, съ трудомъ могло быть опровергнуто.

Отправленіе богослуженія въ Параклетѣ тоже нуждалось въ организующей рукѣ. Такъ какъ при ежедневномъ богослуженіи отводилось много времени на пѣніе церковныхъ гимновъ, то сестры иногда оканчивали принятый

въ монастыряхъ св. Бенедикта псалтирь въ теченіе одной недѣли и не желали бы снова повторять одни и тѣ же псалмы; поэтому имъ хотѣлось бы, чтобы разъ навсегда пѣснопѣнія были распределены, что не противорѣчитъ и уставу Бенедикта. Относительно заутрени Элоиза желала бы тоже другихъ правилъ. Евангеліе должно читаться священникомъ или діакономъ, но входитъ мужчинамъ въ ночную пору въ монастырь не подобаетъ. „Тебѣ слѣдуетъ“, такъ оканчиваетъ она письмо, „пока ты еще живъ, установить у насъ то, что мы должны будемъ постоянно соблюдать. Ибо послѣ Бога ты основатель этого мѣста, ты по волѣ Божіей являешься насадителемъ нашей обители. вмѣстѣ съ Богомъ тебѣ и надлежитъ быть устройтелемъ нашихъ религиозныхъ обычаевъ“. „Можетъ быть“, прибавляетъ она, имѣя въ виду именно въ это время производившіяся великимъ реформаторомъ-монахомъ монастырскія ревизіи, „мы могли бы имѣть послѣ тебя другого учителя, который на чуждомъ основаніи пожелалъ бы иначе воздвигнуть аданіе, а потому мы опасаемся, что онъ менѣе будетъ заботиться о насъ, или менѣе знаетъ о насъ, чѣмъ ты, такъ что, если бы онъ даже пожелалъ сдѣлать то же самое, то не могъ бы сдѣлать столько же. Скажи намъ свое слово, мы выслушаемъ его. Будь здоровъ!“

Элоиза поставила этимъ письмомъ своему супругу рядъ такихъ обширныхъ задачъ, что, если бы Абельяръ согласился отвѣтить на нихъ, то сношенія между нимъ и Параклетомъ были бы обезпечены на долгое время. Абельяръ послалъ требуемыя отъ него свѣдѣнія, снабдивъ ихъ достойными вниманія подробностями, однако его отвѣты иногда стоятъ ниже взглядовъ энергичной и бодрой духомъ женщины, поставившей ему эти вопросы. Это можно сказать главнымъ образомъ объ ея вопросѣ о происхожденіи монашескихъ орденовъ. Абельяръ отвѣчаетъ ей подробнымъ изложеніемъ, но отвѣтъ этотъ показываетъ, что даже самые самостоятельные мыслители двѣнадцатаго вѣка смотрѣли на прошлыя времена Церкви сквозь завѣсу католической традиціи. По мнѣнію Абельяра, самъ Іисусъ Христосъ является основателемъ орденовъ; апостолы были первыми монахами, а различныя Маріи евангелія, вмѣстѣ съ Магдалиной, Мареой, Саломіей, Іоанной, женою Хузы, Сусанной и другими женщинами, которыя сопровождали Христа и помогали ему своими приношеніями, были первыми монахинями. А то обстоятельство, что Іисусъ Христосъ послѣ своего воскресенія явился сначала этимъ женамъ, доказываетъ, что Господь ставилъ ихъ выше апостоловъ, и что женскіе монастыри выше стоятъ, чѣмъ мужскіе ордена, потому что сама женщина въ религіи стоитъ выше мужчины. Это видно уже изъ опи-

снiя смерти Господней. „Бараны убѣгаютъ, непоколебимо остаются овцы. Ни одного часа не въ состоянiи были пободрствовать ученики съ Иисусомъ Христомъ, цѣлую ночь проводятъ жены у гроба Иисуса. Мы ничего не слышимъ объ апостолахъ, когда въ утро воскресенiя жены уже явились къ гробу, а потому первыя и узнали благую вѣсть“. На ряду съ этимъ первымъ женскимъ орденомъ, окружавшимъ Господа во время Его земной жизни, стоятъ эллинскiя вдовицы, о которыхъ говорится въ дѣянiяхъ апостоловъ, которыя жили на счетъ общины, и надъ которыми былъ поставленъ діакономъ и ректоромъ Стефанъ. На ряду съ апостолами мы встрѣчаемъ благочестивыхъ женъ, сопровождавшихъ ихъ въ ихъ миссионерскихъ путешествiяхъ. Что въ послѣдствiи женщины жили въ особыхъ монастыряхъ, это видно изъ разсказа Филона о терапевткахъ, монастырь которыхъ находился на озерѣ „Марiи“ и свидѣтельствовалъ, что всѣ монашескiе обѣты существовали уже въ александрийской церкви. Эти александрийскiе аскеты вообще не вкушали пищи до захода солнца, они совершенно не употребляли ни мяса, ни вина, хлѣбъ, соль и исопъ составляли ихъ пищу, а вода—питье. Такой же порядокъ, пишетъ Абельаръ, еще и теперь соблюдается въ египетскихъ монастыряхъ. Возражая на взглядъ Элоизы о преждевременномъ произнесенiи монашескихъ обѣтовъ, Абельаръ ссылается на то, что уже преподобный египетскiй аббатъ Исидоръ считалъ хорошимъ дѣломъ посвященiе дѣтей. „Кто принесенъ въ монастырь собственными родителями“, говоритъ Исидоръ, „тотъ долженъ знать, что онъ останется тамъ вѣчно“. „Ибо Анна посвятила Богу сына Самуила, и послѣднiй остался въ служенiи храма, которому его посвятила мать, и исполнилъ обязанности, на которыя былъ поставленъ“. Въ Ветхомъ Заветѣ Абельаръ тоже указываетъ какъ на монаховъ и монахинь, на рехавитовъ (Rechabiten) и назореевъ. Мученицы, по его мнѣнiю, тоже были въ большинствѣ монахинями, а также вдовицы пастырскихъ посланiй, аббатиссы которыхъ назывались въ тѣ времена діаконалисами.

Это даетъ Абельяру поводъ къ новому панегирику женскаго пола, преимуществу которого обнаруживается даже въ томъ, что Адамъ созданъ былъ въ рай и послѣ этого уже перенесенъ въ рай, тогда какъ Ева создана была въ раю, почему истинной родиной женщинъ и является рай, и только о нихъ возможно говорить, что онѣ происходятъ изъ рая. Грѣхъ Евы тоже былъ ранѣе искупленъ Марiей, чѣмъ грѣхъ Адама Христомъ; въ Аннѣ и Марiи вдовы и дѣвы получили также раньше примѣръ благочестивой жизни, чѣмъ мужчины, которые получили свой образецъ въ Юаннѣ и другихъ апостолахъ. Эти льстивыя рѣчи являются лишь введенiемъ къ извѣстному „Пе-

речню женщинъ“ (Frauenkatalog) Иеронима, который добросовѣстно и повторяется при этомъ Абеляромъ, чтобы доказать большее благочестіе женскаго пола ¹⁾. Въ самомъ Писаніи мы видимъ Девору, Юдию, Эсфирь, мученицумать второй книги Маккавеевъ, царицу Савскую, дочь Іефеая, святыхъ Анну и Елисавету. Если мы обратимся къ язычникамъ, то найдемъ сивилль, самаритянку у колодца, вѣрующихъ финикіянокъ, заботившихся объ Иліи и Елисеѣ. У римлянъ не менѣе этого прославились святая Агата, которая прикрыла народъ отъ лавы Этны своимъ покрываломъ, весталки—Клавдія, которая тянула на своемъ поясѣ цѣлый плотъ, и еще другая, которая принесла въ рѣшетъ воду, чтобы доказать свою невинность, святая Евгенія, которая облачилась въ монашескую рясу и считалась монахомъ, ученицы Иеронима—Павла, Евстохія, Дмитрія, Азелла и несчетное множество другихъ. Всѣ онѣ являются въ глазахъ Абеляра въ то же время свидѣтельницами ненарушимости монашескихъ обѣтовъ, на которые онъ смотритъ болѣе строго, чѣмъ Элоиза; Абеляръ напоминаетъ ей при этомъ строгія запрещенія отцовъ церкви и соборовъ. Этимъ панегирикомъ благочестивыхъ кающихся женъ всѣхъ временъ, по мнѣнію учителя Петра, уже достаточно выясненъ вопросъ о возникновеніи монашескихъ женскихъ орденовъ и величіи ихъ добродѣтелей, такъ что можно перейти ко второй задачѣ, а именно къ составленію правилъ.

Если уже и это объясненіе возникновенія монашества показываетъ, что Абеляръ весьма далекъ былъ отъ ненависти къ монашеству, въ чемъ обвиняется, напримѣръ, Арнольдъ Брешианскій, то его „Правила“, написанныя имъ по просьбѣ Элоизы, прямо доказываютъ, насколько въ борьбѣ съ монахами Сень-Дени и Сень-Жильда онъ самъ превратился въ ревностнаго аскета. Для опредѣленія его психологіи въ высшей степени характерно, что монашеская ряса превратила его даже внутренно въ монаха, тогда какъ для Элоизы монашескій обѣтъ явился, наоборотъ, только побудительнымъ поводомъ для ея раціональной и страстной природы ежечасно возмущаться противъ его требованій. При томъ мрачномъ міровоззрѣніи, которое все болѣе и болѣе захватывало Абеляра въ послѣдніе годы, жизнь, полная строгаго отношенія къ самому себѣ и направленная къ умерщвленію плоти, казалась ему тѣмъ достойнѣе, чѣмъ она была суровѣе. Въ этомъ смыслѣ онъ и пишетъ для монахинь Параклета „Правила“, которыя совершенно не соответ-

¹⁾ И въ данномъ случаѣ Абеляръ черпалъ свои примѣры у своего любимаго учителя Иеронима, а именно изъ книги послѣдняго противъ Іовиніана I, 41.

ствують тѣмъ облегченіямъ, о которыхъ его просила Элоиза. „Правила“ Абельяра являются эклектическимъ произведеніемъ. Онъ самъ говоритъ, что подобно Зевксису, который взялъ пять юныхъ красавицъ въ видѣ моделей, для того, чтобы нарисовать свою богиню красоты, и онъ, Абельяръ, представилъ себѣ святыхъ отцовъ, чтобы найти истинныя правила христіанской монашеской жизни. Онъ воспользовался старыми правилами для бенедиктинскъ и болѣе позднѣйшими женскаго монастыря въ Фонтвро и такимъ образомъ написалъ объемистый статутъ ¹⁾, въ которомъ, впрочемъ, часто попадаетъ такъ много разсужденій о монастырской жизни и такъ много цитатъ и общихъ соображеній, что онъ не пригоденъ для ежедневнаго употребленія. Если Абельяръ и не подтверждаетъ этимъ статутомъ мнѣнія Платона, что философы являются лучшими законодателями, то „Правила“ эти являются, во всякомъ случаѣ, остроумнымъ и весьма поучительнымъ для изученія средневѣковой жизни документомъ, а для насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма цѣннымъ въ біографическомъ отношеніи, потому что изъ него мы можемъ видѣть собственное отношеніе Абельяра къ аскетическому направленію этой эпохи, а также понять, почему монахи Сенъ-Дени и Сенъ-Жильда жаловались на его строгость. Обитательницамъ своего Параклета онъ предписываетъ три основныхъ правила: препоясать свои чресла (Лука, 12, 35), оставить все (Лука, 18, 28) и воздерживаться отъ всякаго празднаго слова (Мате. 12, 36); цѣломудріе, бѣдность и молчаніе должны быть ихъ обязанностями. Эти требованія объясняются извѣстнымъ количествомъ цитатъ изъ Писанія и твореній отцовъ Церкви, но, несмотря на всю ученую педантичность, все же, при чтеніи этихъ правилъ мы получаемъ представленіе о томъ, какими способами монастырь приводилъ еще нецивилизованнаго средневѣковаго человѣка къ той добродѣтели, которая для насъ является результатомъ домашняго воспитанія. Насколько, впрочемъ, отстало отъ этой задачи большинство монастырей, и какъ много монаховъ преслѣдовали исключительно только ту цѣль, чтобы такимъ душеполезнымъ способомъ избѣжать всѣхъ трудовъ и заботъ жизни, это весьма рельефно обнаруживается изъ описаній Абельяра, такъ какъ его „Правила“ во многихъ случаяхъ переходятъ въ критику современной ему монастырской жизни. Для того, чтобы его Параклетъ не обмірщился такимъ же образомъ, Абельяръ желаетъ, чтобы небольшая обитель Элоизы владѣла всѣмъ необходимымъ для жизни, садомъ, водою, мельницею, прачею, печью для печенія хлѣба и хозяйственными строе-

¹⁾ Br. VIII.

ніями; все это необходимо для того, чтобы у монахинь не было никакого повода выходить из монастыря для приобретения необходимаго. Этою самостоятельною маленькою обителью Элоиза должна управлять неограниченно, потому что для людей пригодна одна только монархія, чему насъ учать историческіе примѣры и мудрыя изреченія мірянъ и духовныхъ, начиная отъ Соломона и до Лукана и отцовъ Церкви. Правленіе многихъ и совмѣстное правленіе разрушаютъ всякое общество, даже самое маленькое; Исавъ и Іаковъ не могли, вѣдь, ужиться даже въ утробѣ матери. Разумъ и тысячекратный опытъ требуютъ *одного* епископа, *одного* кормчаго, *одного* домоправителя, *одного* аббата. Считая и настоятельницу, Абельяръ устанавливаетъ семь монастырскихъ должностей, для того чтобы сестры, подобно Суламитѣ, „были прекрасны и грозны, какъ полки со знаменами (Пѣснь Пѣсней, 6, 4), и всегда готовы отразить воинства демоновъ“.

Къ *аббатиссъ*, которую Абельяръ на основаніи посланій апостола Павла называетъ *діакониссой*, предписывается относиться съ величайшимъ почтеніемъ, но при этомъ указано также и то, какимъ образомъ она должна заслужить и поддерживать это почтеніе. Прелать, какъ онъ выражается, долженъ вести себя въ жизни не только строго, но, по возможности, и сама его жизнь должна быть открыта, потому что даже и при этомъ условіи ему почти не возможно избѣжать пересудовъ и клеветы. Богатый опытъ, необходимый для монастырскаго управленія, накопился въ теченіе столѣтій, это видно, между прочимъ, и изъ приведенныхъ Абельяромъ цитатъ. Начиная со временъ пастырскихъ посланій и до изданія новѣйшихъ правилъ для монастырей въ Фонтвро, въ Сито и въ Премонтре передъ нашими глазами проходитъ длинный рядъ различныхъ событий, но какъ все они однообразны и печальны! Съ трагической монотонностью повторяется грустная исторія отреченій, духовной нищеты, тщетныхъ бореній съ человѣческой природой и потребностями человѣческаго духа. Безсознательное ощущеніе, что гдѣ-то есть прорѣхи, что недостатокъ душевнаго мира указываетъ на внутренніе недостатки, повидимому, не вполнѣ чуждо было и Абельяру, но ощущеніе это не достигаетъ у него степени яснаго сознанія. Монастырская жизнь, развившаяся въ нѣдрахъ Церкви, сама по себѣ хороша, только бы монахи исполняли свои уставы. Несмотря на это, Абельяръ все-таки высказываетъ желаніе, чтобы, по примѣру монастыря въ Фонтвро, вблизи Параклета былъ также основанъ и мужской монастырь, который взялъ бы на себя веденіе вѣншихъ дѣлъ монастыря Элоизы, заботился бы о спасеніи душъ и о богослуженіи въ женскомъ мона-

стырѣ ¹⁾); безъ всякаго сомнѣнія Абеларъ самъ имѣлъ въ виду взять на себя это руководство или, во всякомъ случаѣ, расчитывалъ часто бывать въ Параклетѣ. Онъ приводитъ многочисленныя примѣры такого руководства, начиная съ примѣра Иисуса Христа, поручившаго Іоанну заботиться о Его Матери, и до новѣйшихъ временъ, но то рвеніе, съ которымъ онъ рекомендуетъ этотъ проектъ, обнаруживаетъ его тоску о тихомъ Параклетѣ и желаніе личныхъ сношеній съ Элоизой. Оба имени напоминаютъ ему счастливыя моменты въ его жизни и являются единственными, къ которымъ еще не охладѣла его душа. Чѣмъ тщательнѣе онъ опредѣляетъ отношенія между ректоромъ и діакониссой, монахами и сестрами, особенно же въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ становится очевиднѣе, что, составляя „Правила“, онъ носился съ опредѣленными проектами. Онъ хотѣлъ основать въ долинѣ Ардюсона такой мужской монастырь, колокола котораго каждый вечеръ звучали бы въ созвучіи съ колоколами Элоизы, а монахи были бы къ услугамъ сестеръ. „Все касающееся внѣшняго міра будетъ доставляться братьями, а сестры будутъ дѣлать только то, что причисляется женщинамъ дѣлать внутри дома,—чинить и мыть бѣлье братьямъ, печь хлѣбъ, доить коровъ, кормить гусей и куръ и дѣлать вообще все то, что можетъ быть сдѣлано женщиною лучше чѣмъ мужчиною.“ Идиллическія грезы, которымъ не суждено было осуществиться! Онъ основывалъ это намѣреніе прійти на помощь ближайшимъ заботамъ Элоизы такимъ зависящимъ отношеніемъ къ мужскому монастырю въ томъ предположеніи, что и монахи должны оказывать послушаніе аббатиссѣ и ничего не должны принимать безъ ея порученія.

Правила для другихъ начальствующихъ лицъ женскаго монастыря написаны болѣе кратко. Обязанности *sacrificae* и *thesaurariae* (матери казначейши) исполняетъ *домоправительница*. Она заботится о часовнѣ, сохраняетъ ключи, принимаетъ приношенія, поддерживаетъ въ исправности строенія и службы, заботится объ облаткахъ, священныхъ сосудахъ, одеждѣ, употребляемой при богослуженіяхъ, мошахъ, свѣчахъ, смотритъ за часами и наблюдаетъ за звономъ. Такъ какъ она завѣдуетъ священными предметами, то она должна быть, если возможно, дѣвицей и во всякомъ случаѣ женщиной примѣрнаго поведенія, а чтобы имѣть возможность вычислять время богослуженій, она должна умѣть опредѣлять фазы луны. *Cantrix*, или *регентша*, обучаетъ пѣнію, заставляя переписывать ноты и управляетъ хоромъ. Вѣсть

1) Ed. Cousin I, 172 и слѣд.

съ застига она обязана слѣдить за порядкомъ и заступаетъ въ необходимыхъ случаяхъ первую. *Infirmaria*, или *сестра милосердія*, заботится о больныхъ и должна поэтому быть знакома съ врачеваніемъ. Отъ соблюденія постовъ освобождаются больныя и престарѣлыя, но въ взаимнѣ этого онѣ тѣмъ болѣе должны слѣдовать добродѣтели молчанія. Если умираетъ сестра, то вся община собирается, служатся литіи и поются псалмы. Тѣло обмывается сестрами, плотно обматывается чистымъ покровомъ и переносится въ церковь, гдѣ монахъ принимаетъ тѣло для выноса въ склепъ; въ это время монахини поютъ псалмы и читаютъ молитвы. *Vestiaria* заботится объ одеждѣ монахинь, смотритъ за мастерскою, наблюдаетъ за бѣльемъ, необходимымъ для постелей и столовъ. Къ ней относятся слова Соломона (Пр. 31, 13): „Она добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками.“ „Протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено“ (31, 19), „Не боится стужи для семьи своей, потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды“ (31, 21). Въ ея вѣдѣніи находятся и послушницы, которыя до произнесенія монашескихъ обѣтовъ работаютъ подъ ея руководствомъ. *Celleraria* завѣдуетъ всѣмъ, относящимся до продовольствія, подвалами, трапезною, кухнею, мельницею, хлѣбной печью, садомъ, дугами, полями, пасѣками, хлѣвомъ и птичьимъ дворомъ. Она должна быть щедра и не должна обращать въ свою пользу того, въ чемъ она отказываетъ другимъ. *Привратница* наблюдаетъ за воротами и принимаетъ постороннихъ посѣтителей; поэтому она должна быть соответствующаго возраста и обладать разумною сообразительностью, чтобы она могла ориентироваться безъ колебанія кого принять и кому отказать, быть не робкою, чтобы умѣла говорить съ людьми и давать отвѣты; вмѣстѣ съ этимъ она должна быть любезна и привѣтлива, чтобы тѣ, кому она принуждена будетъ отказать, видѣли причины этого и не ожесточались на монастырь; ибо „кроткій отвѣтъ отвращаетъ гнѣвъ, а оскорбительное слово возбуждаетъ ярость“ (Пр. 15, 1). Она надѣляетъ, по порученію діакоиссы, бѣдныхъ милостынею, кушаньями и одеждою. Она же заботится о томъ, чтобы никакія вѣсти извнѣ не переходили за монастырскій порогъ. Если же она узнаетъ вещи, которыя вообще нужно знать монастырю, то должна рассказать о нихъ съ глазу на глазъ діакоиссѣ, чтобы послѣдняя приняла ихъ къ свѣдѣнію. Отдѣльнымъ женщинамъ-посѣтельницамъ она должна оказывать гостепріимство, мужчинъ ей слѣдуетъ направлять къ монахамъ. Вообще она не должна впускать въ монастырь ни одного мушны безъ предварительнаго разрѣшенія аббатиссы, а женщины

должны находиться въ ея кельѣ до тѣхъ поръ, пока рѣшить аббатисса, какъ слѣдуетъ отнестись къ ихъ просьбѣ. Бѣднымъ, которые находятся на попеченіи монастыря, аббатисса, или одна изъ сестеръ, оmyваетъ ноги. Украшеніе капеллы должно отличаться чистотой, а не богатствомъ. Кромѣ священныхъ сосудовъ, ни одна вещь не должна быть сдѣлана изъ серебра. Изображенія святыхъ, въ видѣ статуй или рельефовъ, запрещаются. На алтарѣ долженъ помѣщаться только крестъ или распатіе изъ дерева; правило это взято изъ болѣе древнихъ правилъ цистерціанцевъ. Сестры приобщаются Св. Тайнъ на Пасху, на Троицу и въ Рождество, предварительно пропостившись три дня и исповѣдавшись въ подробности. „Правила“ предписываютъ совершать ежедневно восемь богослуженій.

Septem quas solvimus diurnis laudibus
Nocturnis additis octo perficimus ¹⁾).

Семь разъ славить псалмопѣвецъ Господа въ теченіе дня, къ этому, какъ добавленіе, присоединяется еще полуночная месса. Послѣ заката солнца совершаются—*Nona, Vespera, Completorium* и *Matutina*, послѣ восхода солнца—*Laudes, Prima, Tertia* и *Sexta*. Сестры не могутъ быть освобождены отъ ночныхъ заутренъ, и, какъ и въ другихъ монастыряхъ, изъ освѣщенной капеллы среди ночной тиши должны раздаваться звуки *Media nocte*. Поэтому монахини должны ложиться такъ рано, чтобы здоровье ихъ не страдало и дневные труды могли начинаться съ восходомъ солнца. Кто желаетъ заниматься отъ заутрени до *Prima*, долженъ это дѣлать такъ, чтобы не мѣшать сну остальныхъ. Лѣтомъ, послѣ ранней обѣдни, которую слѣдуетъ совершать при восходѣ солнца, сестры могутъ еще разъ заснуть, для того, чтобы тѣло имѣло свои права на отдыхъ. Послѣ *Prima* всѣ сестры собираются въ общій залъ, гдѣ прочитывается изъ житія святыхъ сказаніе о святомъ этого дня. Послѣ этого слѣдуетъ поучительное наставленіе или чтеніе и объясненіе части правилъ; послѣ этого можно заниматься дисциплинарными или иными обсужденіями. Абеляръ предупреждаетъ, чтобы не усиливать чрезмѣрно требованій и не обращаться черезчуръ сурово. Нельзя потому только называть какой-либо домъ безпорядочнымъ, что въ немъ произошли безпорядки, но слѣдуетъ вспомнить слово блаженнаго Августина: „Я человѣкъ и живу среди людей, и не дерзаю увѣрять, что домъ мой

¹⁾ Срав. „Гимны“ Migne 178, 1781.

лучше ковчега Ноя, гдѣ среди восьми людей одинъ оказался несправеднымъ, или лучше шатра Авраама, которому сказано было: „выгони служанку и ея сына“, или лучше жилища Исаака, о которомъ сказано: „Такова я любилъ, Исава я ненавиждь“, не говоря уже о другихъ случаяхъ въ семействахъ патріарховъ. Вѣдь и въ домѣ самого Иисуса Христа оказался Иуда, а на небесахъ—Люциферъ. Желаютъ сдѣлаться лучшими, сдѣлаются въ монастырѣ лучшими скорѣе, чѣмъ въ міру, злые же и въ монастырѣ будутъ худшими; нельзя поэтому избѣжать наказаній, а потому, какъ и въ мужскихъ монастыряхъ, въ Параклетѣ также имѣются для исправленія бичи и розги. Послушаніе является высшей добродѣтелью въ монастырѣ. Кто дѣлаетъ лучшее вмѣсто того хорошаго, что ему приказано было, тотъ грѣшитъ. Хорошъ послушный поступокъ, если даже, говоря вообще, содержаніе его и незначительно. Но начальствующіе должны заботиться, чтобы приказывалось только самое лучшее, и при этомъ они не должны рабски слѣдовать установившимся монастырскимъ обычаямъ. Послѣ собранія сестры расходятся на работу, онѣ читаютъ или поютъ у регентши, шьютъ или вяжутъ у *vestiaria*, исполняютъ хозяйственныя работы по указанію *celleraria*; такъ продолжается до *Tertia*. Мессу въ этотъ часъ совершаетъ священникъ, который со своими священнослужителями можетъ входить только въ церковь, но ни въ какое другое помѣщеніе монастыря. До *Sexta* сестры возвращаются къ своимъ прежнимъ работамъ и затѣмъ обѣдаютъ. Послѣ этого слѣдуетъ *Nona*, а Великимъ постомъ еще одна *Vespera*. При всѣхъ этихъ богослуженіяхъ одна изъ монахинь читаетъ Писаніе, пока аббатисса (діаконисса) не скажетъ: *sufficit*. Послѣ ужина читается молитва, послѣ чего сестры идутъ отдыхать, до тѣхъ поръ, пока всенощная не соберетъ ихъ снова въ капеллѣ. Абельяръ сильно настаиваетъ на монастырскихъ собраніяхъ и совѣтуетъ Элоизѣ ничего не предпринимать безъ совѣта со старшими сестрами. Поступалъ ли онъ самъ по этому рецепту въ монастырѣ Сень-Жильда? Его доводы кажутся такими мягкими и такъ убѣдительно, а между тѣмъ и въ Сень-Дени и въ Сень-Жильда онъ потерпѣлъ неудачу именно благодаря строгости, которую и въ Параклетѣ онъ только неохотно нѣсколько умѣряетъ. Его поставило, напримѣръ, въ большое затрудненіе желаніе Элоизы, чтобы онъ разрѣшилъ употребленіе мяса и вина. Въ принципѣ, вѣдь, она права: одно воздержаніе отъ употребленія мяса и вина не приближаетъ насъ къ Богу, но на практикѣ всѣ отцы Церкви рекомендовали это воздержаніе. Правда, исключенія допускаются самимъ апостоломъ Павломъ, но они должны оправдываться плохимъ желудкомъ. Безчислен-

ныя приводимыя Абеяромъ мѣста, касающіяся этихъ трудныхъ вопросовъ, съ утомительными: *videtur quod sic* и *videtur quod non*, вводятъ насъ съ головою въ задачи средневѣковаго постничества; но, наконецъ, ученый мужъ приходитъ къ Соломонову рѣшенію: сестры сдѣлають лучше, если не будутъ употреблять вина, но съ прибавленіемъ по меньшей мѣрѣ одной четвертой части воды вино не запрещается. Чистое вино или настоенное на кореньяхъ разрѣшается только больнымъ. Пива же вообще онѣ не должны употреблять, а хлѣбъ должны ѣсть не свѣжій, а вчерашній. Съѣстные припасы не слѣдуетъ выписывать издалека, сестры должны довольствоваться тѣмъ, что находится въ ихъ огородахъ и въ другихъ мѣстахъ подъ руками. Могъ, вѣдь, ангель Господень вкушать у Авраама обыкновенную пищу, а Иисусъ Христосъ—печеную рыбу. Послѣ того, какъ Абеяръ изслѣдовалъ и по этому вопросу мнѣнія всѣхъ авторитетовъ, начиная съ Сенеки и кончая Григоріемъ Назіанзскимъ, онъ приходитъ къ рѣшенію, чтобы три раза въ недѣлю употреблялось мясо, но предлагается оно и вкушается только одинъ разъ въ день. Въ праздники не должно давать болѣе обильной пищи, скорѣе слѣдовало бы соблюдать въ теченіе ихъ болѣе или менѣе строгій постъ, какъ объ этомъ учать многія мѣста твореній отцовъ Церкви. Что изъ этого правила объ употребленіи мяса исключается время постовъ, это понятно само собою. Абеяръ полагаетъ также, что начиная съ осенняго равноденствія и до Пасхи, когда дни такъ коротки, достаточно было бы принимать пищу однажды въ день. Дорогихъ одеждъ, запрещаемыхъ Писаніемъ, слѣдуетъ избѣгать. Носящія мягкія одежды пребываютъ въ чертогахъ царей и богачей, мучившіяся въ аду одѣвались на землѣ въ виссонъ и пурпуръ. Кто одѣвается лучше другихъ, хочетъ казаться вышнимъ, чѣмъ другіе, и поэтому онъ подлежитъ наказанію. Петръ, видѣвшій искусственныя прически римскихъ матронъ, сказалъ женщинамъ: „Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ, не золотыя уборы или нарядность въ одеждѣ, но сокровенный сердца человекъ“¹⁾. Если это не приличествуетъ свѣтскимъ женщинамъ, то еще вдвойнѣ не слѣдуетъ поступать такъ духовнымъ сестрамъ! Изъ нихъ всякая возбуждаетъ сомнѣніе, которая заботами о своей внѣшности стремится обратить на себя вниманіе. Монахинѣ приличествуетъ носить черное покаянное одѣяніе и простое покрывало. Какъ только онѣ получаютъ посвященіе отъ епископа, на ихъ покрывалѣ, закрывающемъ лобъ и плечи, вышиваются бѣлыми нит-

¹⁾ Первое посланіе св. апостола Петра 3. 3.

ками крестъ, отличающій ихъ отъ послушницъ и бѣлицъ и охраняющій ихъ своимъ священнымъ изображеніемъ отъ дерзкихъ взглядовъ мужчинъ. Одежда должна ограничиваться нижнимъ бѣльемъ, юбкой, а сверху монашеской рясой. Если очень холодно, то дозволяется надѣвать плащъ, который, въ случаѣ недостатка въ постельныхъ принадлежностяхъ, можно употреблять какъ одѣяло; плащъ не долженъ быть настолько длиненъ, чтобы волочиться по полу. Если у которой-нибудь изъ сестеръ болѣе необходимаго, то она должна помочь тѣмъ, которыя ощущаютъ недостатокъ, потому что имущество тѣхъ, которыя дали обѣтъ бѣдности, является оскорбленіемъ Бога. Каждая сестра, впрочемъ, должна имѣть вторую пару одежды, потому что Соломонъ (Пр. 31, 21) ставитъ это въ заслугу доброй хозяйкѣ. Та же самая скромная простота должна лечь и въ основу строительства, процессій и пріобрѣтенія недвижимыхъ имуществъ. Кто исповѣдуетъ Того, Кто не имѣлъ куда преклонить свою голову, не долженъ строить себѣ дворцовъ. Кто обязался вести затворническую жизнь, не долженъ владѣть обширными лугами и обширными стадами, иначе его сердце будетъ все же внѣ стѣнъ монастыря, несмотря на его отрѣшеніе отъ міра. То, чѣмъ мы владѣемъ сверхъ необходимаго, является кражей у бѣдныхъ, и мы виновны въ смерти такого количества бѣдныхъ, которое мы могли бы поддержать своими излишками. Такимъ образомъ, если опредѣленъ приблизительный расчетъ расходовъ на содержаніе монастыря, то весь излишекъ долженъ быть отданъ бѣднымъ, или, вѣрнѣе, возвращенъ имъ.

Абеляръ совѣтуетъ еще отказаться отъ другого рода тщеславныхъ надеждъ: Элоиза не должна мечтать объ увеличеніи числа сестеръ. „Ты умножаешь народъ, этимъ ты немного увеличиваешь радости“, говоритъ пророкъ. Чѣмъ большее число сестеръ она приметъ въ свой монастырь, тѣмъ чаще ей придется самой выходить изъ-за его стѣнъ и тѣмъ болѣе ей придется заниматься тѣлесными потребностями, вмѣсто того, чтобы заниматься духовными требованіями, а такъ какъ она будетъ вести часто дѣла на міру, то и на долю ея выпадетъ болѣе злословія, чѣмъ славы, а вслѣдствіе увеличившихся потребностей, она обременитъ мѣстное населеніе. Если ея монастырь будетъ переполненъ, она вынуждена будетъ собирать милостыню, если населеніе его будетъ менѣе многолюдно—она сама въ состояніи будетъ давать милостыню. Такое несоотвѣтствіе между потребностями и доходомъ легко побуждаетъ монастыри переходить на путь мошеннической эксплуатаціи суевѣрія. Начинаютъ заниматься проповѣдничествомъ въ народѣ, странствуютъ по странѣ съ ящиками, наполненными разными священными предметами, и

занимаются торговлей амулетами, общая легковѣрнымъ и неразвитымъ людямъ все, за что они заплатятъ деньги. Въ силу такого рода условій духовное сословіе, даже самое слово Божіе потеряли уже многое въ общественномъ уваженіи, и даже дошло до того, что аббаты и пріоры въ качествѣ куртизановъ блюдолизничаютъ при всѣхъ дворахъ, а между тѣмъ св. Антоній говорить, что, какъ рыба можетъ жить только въ водѣ, такъ и монахъ можетъ жить только въ уединеніи. Привыкнувъ же при дворѣ къ кутежамъ, какъ могутъ эти люди требовать отъ своихъ братій соблюденія постовъ и монастырскихъ уставовъ? Абеляръ не хочетъ сказать этимъ, что Элоиза должна отказывать всѣмъ, кто стучится въ ея монастырь, но ей необходимо принимать сестеръ съ осмотрительностью, такъ какъ самъ Господь говоритъ, что желающій воздвигнуть башню, долженъ предварительно высчитать расходы ¹⁾. Въ женскихъ же монастыряхъ требуется соблюдать особенную осторожность въ этомъ отношеніи, потому что женщины не могутъ выносить такихъ же лишеній какъ мужчины, и имъ труднѣе помочь самимъ себѣ.

Главное же требованіе Абеяра, которому, впрочемъ, нечего удивляться въ устахъ ученаго, сводится въ концѣ концовъ къ совѣту заниматься изученіемъ Писанія; онъ подкрѣпляетъ этотъ совѣтъ сотнями цитатъ изъ св. Писанія и отцовъ Церкви. Только, по его увѣренію, современные монахи, когда они читаютъ Писаніе, черезчуръ уже напоминаютъ осла играющаго на арфѣ! Они незнакомы съ языкомъ, смыслъ непонятеъ имъ, изложеніе учителей церкви неизвѣстно. Они приближаются къ Господу больше ртомъ и губами, чѣмъ сердцемъ. Поэтому пусть сестры Параклета возьмутъ себѣ примѣромъ преподобнаго Иеронима, который уже въ зрѣлыхъ годахъ изучалъ еврейскій языкъ, святого Веду, который въ промежуткахъ между монашескими упражненіями постоянно сидѣлъ за книгами, великаго папу Григорія, который говоритъ, что изученіемъ и изысканіями въ Писаніи мы открываемъ новые источники познанія. Прообразомъ всякой истинной монахини и въ данномъ отношеніи въ глазахъ Абеяра является Марія, о которой написано у евангелиста Луки (2, 19): „А Марія сохраняла всѣ слова сіи, слагая въ сердцѣ своемъ“. Съ мистической точки зрѣнія Абеяра этого же мнѣнія держался и Моисей, когда говорилъ: „Нечисто всякое животное, которое не жуеъ жвачки и у котораго копыта не раздвоены“. На основаніи изреченія св. ап. Павла: „Господь печется, вѣдь, не о волахъ“, нечистое животное слѣдуетъ понимать аллегорически, какъ нечистую душу. Чиста та душа, которая

¹⁾ Отъ Луки 14, 28.

всегда вновь взвѣшиваетъ слово Божіе и раздвояетъ копыто, т. е. различаетъ смыслъ для того, чтобы не только творить добро, но и творить его разумнымъ способомъ, потому что она способна различать. Пусть сестры вспомнятъ и другую Марію, избравшую благую часть, потому что слушала слова Иисуса, если же сестры не надѣются достигнуть совершенства такихъ высокихъ примѣровъ, то онъ указываетъ имъ на Павлу и Евстохію, сумѣвшихъ быть вѣрными ученицами преподобнаго Іеронима и потому на вѣки живущихъ въ его сочиненіяхъ, написанныхъ святымъ мужемъ въ назиданіе имъ. Этимъ излюбленнымъ своимъ примѣромъ, напоминающимъ его собственныя отношенія къ Элоизѣ, и оканчиваются „Правила“ Абеяра, написанныя имъ для Параклета, которыя главнымъ содержаніемъ монастырской жизни ставятъ изученіе Писанія.

„Правила“ Абеяра интересны и въ чисто біографическомъ отношеніи, потому что изъ нихъ видно, что человѣкъ, занявшій по отношенію къ догматической традиціи такое независимое положеніе, былъ въ свою очередь совершенно захваченъ традиціями аскетизма. Онъ несомнѣнно испытываетъ угрызенія совѣсти и лично угнетенъ сознаніемъ, что Элоиза ѣстъ мясо и пьетъ вино. Философскія возраженія противъ приуроченія къ опредѣленнымъ мѣстамъ рая и ада онъ признаетъ въ своемъ „Діалогѣ“, ему не импонируетъ преданіе, но, наоборотъ, онъ твердо увѣренъ, что воздержаніе отъ сна, отъ употребленія въ пищу мяса и вина и отъ свободнаго самоопредѣленія спасительно для человѣка и угодно Богу. Какъ рационалистическіе пасторы восемнадцатаго вѣка строго соблюдали служебныя формы, такъ и у Абеяра свобода изслѣдованія соединялась съ большою приверженностью къ церковному благочинію. Враги могли критиковать его теоріи, но въ аскетическомъ рвеніи никто не могъ сравниться съ нимъ. „По внѣшности—Іоаннъ, внутри—Иродъ“, говорилъ объ Абеярѣ Бернаръ; это злобное выраженіе доказываетъ, что внѣшнее поведеніе Абеяра не могло дать повода даже и злой волѣ этого святого обвинять его. Но это не было лицемеріемъ, какъ предполагаетъ Бернаръ. Наоборотъ, Абеяръ долженъ сдѣлать усиліе, чтобы наотрѣзъ не отказать въ просимыхъ Элоизой облегченіяхъ, а строгія предписанія авторитетовъ и многочисленныя ограниченія и оговорки показываютъ, какъ трудно ему было отступить въ чемъ-либо отъ предписаній устава. Эта неуступчивость объясняетъ намъ, какимъ нетерпимымъ гостемъ онъ долженъ былъ быть въ Сенъ-Дени, когда онъ критиковалъ свободную жизнь блестящаго аббатства съ такою же скрупулезною строгостью. Къ тому же онъ оправдываетъ свои уступки спеціально тѣмъ, что онѣ должны касаться только

женщинъ, какъ слабаго пола. На главныя желанія Элоизы Абеляръ обратилъ вниманіе, но исполнилъ онъ ихъ только отчасти. На то, что онъ вмѣнялъ въ обязанность монахамъ Сенъ-Жильда, онъ не могъ смотрѣть совершенно снисходительными глазами у сестеръ Параклета.

Еще въ другомъ отношеніи трудъ Абеяра не могъ на продолжительное время удовлетворять потребностямъ женскаго монастыря. Онъ черезчуръ обширенъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что въ употребленіи были болѣе краткія правила, которыя приписываются самой Элоизѣ. Во введеніи къ нимъ сказано, что поводомъ къ составленію болѣе краткихъ правилъ послужила высылка сестеръ въ філіальныя монастыри. При подобныхъ обстоятельствахъ монастырь-глава составлялъ сводъ постановленій добраго пастыря, для того, чтобы то, что непоколебимо сохраняется матерью, сохраняли бы и дочери въ согласіи съ нею. Въ этихъ правилахъ, впрочемъ, предписанія вообще значительно упрощены не только въ словахъ, но и по существу ¹⁾. Статутъ Абеяра долженъ былъ служить для монахинь поучительнымъ чтеніемъ въ монастырѣ, въ ежедневной же практикѣ, очевидно, руководились такъ называемыми предписаніями Элоизы, болѣе подробно и точно опредѣлявшими внутренній распорядокъ монастырской жизни. Краткія правила считаютъ главными обѣтами сестеръ Параклета, необходимыми для подражанія жизни апостоловъ, не цѣломудріе, бѣдность и молчаніе, а *бѣдность, смиреніе и послушаніе*. Хотя и этотъ краткій уставъ составленъ изъ выдержекъ изъ соборныхъ рѣшеній, изъ сочиненій отцовъ Церкви и въ концѣ ссылается на правила премонстранцевъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ даетъ отчетливое изображеніе монастыря на Ардюзонѣ. Нѣтъ недостатка и въ наказаніяхъ за проступки, потому что въ такого рода учрежденіяхъ всегда приходится считаться съ извѣстнымъ количествомъ непризванныхъ, но въ общемъ уставъ проникнутъ духомъ гуманности и относительной кротости. Во всякомъ случаѣ по краткому уставу монастырь долженъ имѣть въ виду только собственное благополучіе, и уставъ запрещаетъ не только пріемъ воспитанницъ, но и принятіе новыхъ сестеръ, которыхъ монастырь не могъ бы прокормить въ данное время; о призрѣніи нищихъ, о которомъ упоминаетъ Абеляръ, здѣсь нѣтъ и рѣчи. Съ особенной подробностью приведены соборныя рѣшенія и предписанія отцовъ Церкви о возрастѣ, необходимомъ для пріема въ монастырь, и о возможномъ разрѣшеніи отъ обѣтовъ, какъ будто эти вопросы все еще пред-

1) Cousin I, 213.

ставляли особенный интересъ для Элоизы или для ея преемницъ. Идеальная и симпатичная сторона монашеской жизни отстываетъ еще болѣе на задній планъ въ этихъ позднѣйшихъ правилахъ, чѣмъ въ идеализированномъ изложеніи Абеяра. Предписанія говорятъ, наоборотъ, о необходимости замуровывать ненужныя двери, о томъ, чтобы не позволять священникамъ входить въ жилия помѣщенія, чтобы выражать порицаніе передъ капитуломъ не только виновнымъ сестрамъ, но и нерадивымъ братьямъ, а особенныхъ грѣшницъ предписывается даже наказывать тѣлесно; все это показываетъ, что Элоиза не миновала тяжелыхъ испытаній.

Въ томъ же письмѣ, въ которомъ Элоиза просила своего учителя, чтобы онъ написалъ исторію монашества и новыя правила, монахини выражали также свое желаніе, чтобы было приступлено къ исправленному изданію сборника гимновъ и литаній, такъ какъ имъ приходится пѣть дважды одни и тѣ же пѣснопѣнія, потому что сборника гимновъ не хватаетъ для восьми ежедневныхъ пѣній или пятидесяти шести богослуженій въ недѣлю ¹⁾). Для обоснованія этого желанія во время одного изъ посѣщеній Абеяра Элоиза объяснила ему болѣе подробно ²⁾, что въ церковныхъ гимнахъ разность въ количествѣ слоговъ часто бываетъ такъ велика, что текстъ не подходитъ ни къ какому напѣву. Для многихъ праздниковъ вообще не существуетъ подходящихъ гимновъ, напримѣръ, для дней невинныхъ младенцевъ, Четырехъ Евангелистовъ или такихъ святыхъ, которые не были ни мучениками, ни дѣвами. Если бы слѣдовать исключительно книгѣ, то имъ пришлось бы вслѣдствіе несовпаденія ихъ часовъ съ часами книги иногда пѣть среди бѣла дня: *Media nocte* и *Nox atra*, но за то ночью: *Auroga seu lucifera*, а передъ отходомъ ко сну: *Nam lectulo consurgimus*. Въ небольшихъ деревенскихъ церквахъ, гдѣ богослуженія могутъ совершаться только въ теченіе дня, это противорѣчіе обнаруживается еще очевиднѣе. Нѣкоторые гимны, вслѣдствіе ихъ личнаго характера, не примѣнимы вообще, по мнѣнію Элоизы, къ постоянному употребленію. Кто можетъ въ будничномъ настроеніи пѣть, не сознавая внутренней неправды:

Preces gementes fundimus

Dimitte, quod peccavimus.

(„Мы сокрушенно зываемъ къ твоему милосердію,
Отпусти намъ наши прегрѣшенія“)

¹⁾ Ep. VI, Cousin I, 119. Migne 178, 1766 и слѣд.

²⁾ Ed. Cousin I, 296.

или

Nostros pius cum canticis

Pletus benigne suscipe.

(„Нашъ плачь въ этомъ гимнѣ

Милостиво прими, о Отецъ“).

„Твоя мудрость рѣшить также“, писала Элоиза, „можетъ ли мы ежегодно не ощущая чувства робости пѣть: „Мартинъ, равный апостоламъ“, и справедливо ли нѣкоторыхъ вѣрующихъ такъ безмѣрно восхвалять ради чудесъ, что мы говоримъ: „о святая гробница мужа, оказавшая многимъ тѣлесное исцѣленіе“. Неумолимое чувство правды Элоизы обнаруживается также и въ этихъ замѣчаніяхъ, и она, такъ часто въ прежнее время воспѣвавшаяся въ пѣсняхъ Абельяра, желаетъ теперь, чтобы онъ воспользовался своимъ поэтическимъ даромъ для пользы ея богослуженій и въ настоящихъ, столь измѣнившихся съ того времени обстоятельствахъ.

Абельяръ, дѣйствительно, вновь занялся сочиненіемъ стиховъ и передалъ своей подругѣ 93 духовныхъ пѣсенъ, которыя, будучи раздѣлены согласно его указаніямъ, должны были восполнить указанный Элоизой пробѣлъ. Это была работа по заказу, а потому достоинство его гимновъ и пѣсенъ ¹⁾ нигдѣ не ставилось высоко. Они не обладали благозвучіемъ средневѣковыхъ поэтическихъ стихотвореній и вполнѣ примыкали къ болѣе древнимъ образцамъ. Повидимому, Абельяръ положилъ въ основу своего сборника книгу гимновъ, которая не удовлетворяла Элоизу, и его собственная работа въ многихъ случаяхъ состояла только въ томъ, что онъ переложилъ въ мѣрныя строфы прежнія строчки, изложенныя прозою, и снабдилъ ихъ нѣсколькими ассонансами. Кромѣ того, Абельяръ не только составилъ для всего церковнаго года и на всѣ праздники необходимыя пѣсни, „называемыя греками гимнами, а евреями тиллимами (тегиллимъ)“, но и объяснилъ, въ зависимости отъ ихъ содержанія, какія изъ нихъ соотвѣтствуютъ дневнымъ богослуженіямъ и какія ночнымъ. Пѣсни, предназначенныя для дневнаго пѣнія, должны исполняться на опредѣленный мотивъ, а предназначенныя для ночнаго пѣнія—на другой. Однако эта поэзія Абельяра не согрѣваетъ насъ. Эта поэзія не болѣе, какъ рифмованная проза, которая значительно разнится отъ здоровой свѣжести его ученика Иларія, но подражательной пѣсни котораго можно имѣть представленіе о прежнихъ стихотвореніяхъ самого Абельяра. Нужно

1) Cousin I, 295—348. Migne 178, 1775—1816.

имѣть въ виду, однако, что и для самаго даровитаго человѣка было бы не легкой задачей составить цѣлый сборникъ духовныхъ пѣснопѣній, и что самъ Абельяръ ставитъ себѣ въ заслугу количество, а не красоту своихъ пѣсенъ ¹⁾. Личная религиозная жизнь и индивидуальное настроеніе его почти только въ видѣ исключенія выражаются въ этихъ гимнахъ. Этотъ сборникъ, очевидно, соответствовалъ настоящимъ потребностямъ, потому что имъ пользовались и въ другихъ мѣстахъ, даже въ германскихъ монастыряхъ, какъ это доказывается нашимъ брюссельскимъ кодексомъ, на верхнемъ краѣ котораго можно разобрать стихъ на нижне-нѣмецкомъ нарѣчій ²⁾.

Значительно большую цѣнность, чѣмъ этотъ сборникъ гимновъ для Параклета, представляетъ знаменитая пѣсня въ честь Благовѣщенія Богоматери, приписываемая преданіемъ Абельяру:

Mittit ad virginem
Non quemvis angelum
Sed fortitudinem
Suam, archangelum,
Amator hominis.

Нѣмецкіе переводы, напримѣръ, древнѣйшій: „Des Menschen Liebhaber sand zu der Maide her“ ³⁾ или же переводъ чешскихъ братьевъ: „Als der gutige Gott“, были извѣстны также и Лютеру, который говоритъ въ застольной рѣчи объ этой пѣсни, что она не груба, хорошо задумана и красиво исполнена. Что эта пѣсня принадлежитъ Абельяру, это утверждаетъ только одно французское преданіе, которое не восходитъ далѣе шестнадцатаго столѣтія ⁴⁾; оно не доказываетъ, слѣдовательно, авторства Абельяра; въ такомъ же положеніи стоитъ вопросъ и о гимнѣ въ честь св. Троицы, найденномъ Дюраномъ и Мартеномъ въ манускриптѣ монастыря Бекъ и затѣмъ обнаруженномъ ими; но за авторство Абельяра говорить во всякомъ случаѣ то, что этотъ любимый догматъ Абельяра восхваляется въ гимнѣ въ нѣсколько докторально-философскихъ выраженій:

A et Ω Deus
Heli, Heli, deus meus.

¹⁾ Срав. Введеніе къ третьей главѣ. Cousin I, 318. „Quod de ornatu deest eloquentiae, recompensavimus hymnorum multitudine“.

²⁾ Migne 178, 1766: „Scone en ghi hebet me ghevaen ich“.

³⁾ Hoffmann, Deutsches Kirchenlied. стр. 143.

⁴⁾ Rambach, Anthol. I, 264.

Cujus virtus totum posse,
Cujus sensus totum posse,
Cujus esse summum bonum,
Cujus opus quidquid bonum ¹⁾ etc.

Это введеніе отдаленно напоминаетъ о могуществѣ, мудрости и любви ученія Абельяра о св. Троицѣ

Другія библейскія стихотворенія, которыя приписываются Абельяру, не представляютъ большой цѣнности „*Planctus varii*“, обнародованные Карломъ Грейтомъ на основаніи одной ватиканской рукописи, по мнѣнію издателя, воспѣваютъ судьбу Абельяра и Элоизы. Абельяръ изображается въ видѣ побѣжденнаго Самсона, который разражается жалобой

Oh semper fortium
Ruinam maximam,
Et in exitium
Creatam feminam ²⁾

Въ этомъ случаѣ онъ переложилъ въ стихи только то, что ему пиала сама Элоиза во второмъ своемъ письмѣ ³⁾. Элоиза жаловалась въ образѣ Дины: „Горе мнѣ несчастной! Но сила любви является освященіемъ вины Юный возрастъ, легкомысленный и еще неспособный къ взвѣшиванію своихъ поступковъ, могъ бы разсчитывать встрѣтить меньшее наказаніе у болѣе взрослыхъ людей“ Если эти пѣсни дѣйствительно принадлежать перу Абельяра, то толкованіе это весьма возможно, но истинно личнаго отпечатка и онѣ, все же, не имѣютъ. Скорѣе всего можно предполагать, что онѣ выражаютъ въ подражательной и расплывчатой формѣ библейскихъ воспоминаній меланхолическое настроеніе самого автора.

Непосредственно вслѣдъ за посылкой пѣсенъ, послѣдовало обнародованіе проповѣдей Абельяра „Послѣ того какъ я недавно“, пишетъ Абельяръ въ посвященіи Элоизѣ, „въ виду твоей просьбы окончилъ книгу гимновъ и пѣсенъ, уважаемая и любимая во Христѣ сестра Элоиза, я поторопился, отступая отъ своего обыкновенія, написать, согласно твоему желанію, нѣсколько проповѣдей для тебя и твоихъ духовныхъ дочерей, соединенныхъ въ нашей молельнѣ“ Такимъ образомъ появилось собраніе тридцати четырехъ

1) Gallia Christiana VII, 595.

2) Cousin I, 337.

3) Cousin, I, 88.

проповѣдей, которое даетъ намъ возможность судить о томъ, что Абеляръ давалъ и въ этой сферѣ своей дѣятельности. Проповѣди эти почти не представляютъ никакихъ указаній на личныя отношенія автора, если исключить нѣкоторые его нападки на своихъ противниковъ, и если кто-нибудь ожидаетъ встрѣтить у знаменитаго философа и бывалаго свѣтскаго человѣка глубоко-мысленныя разсужденія и широко захватывающее міровоззрѣніе, тотъ почувствуетъ себя обманутымъ. Самъ Абеляръ совершенно правильно описываетъ свой способъ говорить проповѣди въ своемъ предисловіи: „Привыкнувъ болѣе читать лекціи, чѣмъ говорить проповѣди, я остаюсь на равнищѣ объясненій и не поднимаюсь до искусства краснорѣчія; я ищу смысла буквы, а не красоту риторики“. Онъ желаетъ говорить простымъ людямъ, которымъ дороже безыскусственная форма, чѣмъ всѣ ухищренія и напыщенность выученной торжественной рѣчи. Онъ оставался вѣренъ этой программѣ, но онъ умѣлъ пользоваться скорѣе языкомъ лекцій, чѣмъ словомъ, доступнымъ для простаго народа. Его проповѣди относятся къ цѣлому церковному году. Тематами ихъ являются: Непорочное зачатіе, Рождество, Обрѣзаніе Господне, Крещеніе, страданіе, смерть и вознесеніе Иисуса Христа; затѣмъ прославленія: Маріи и святыхъ, Іоанна, сына Заведеева, Петра и Павла, Іоанна Крестителя, мучениковъ, святой Сусанны, святого Стефана. Въ качествѣ аббата, онъ произносилъ проповѣди преимущественно по праздникамъ. Семь изъ этихъ проповѣдей произнесены были Абеляромъ въ самомъ Параклетѣ, потому что онѣ обращены къ монахинямъ (13, 18, 19, 25, 29, 31, 32). Его проповѣдь о папѣ и мученикѣ Марцеллиѣ была произнесена, слѣдуетъ думать, въ монастырѣ этого святого въ Руанѣ и доказываетъ, что Абеляръ не всегда такъ рѣзко возставалъ противъ легенды, какъ онъ сдѣлалъ это въ монастырѣ Сенъ-Дени. Однажды онъ произнесъ проповѣдь и во время освященія церкви, что указываетъ на уваженіе, которымъ онъ пользовался въ епархіи. Относительно свободныя отъ аллегорическихъ фигуръ тогдашняго краснорѣчія, проповѣди Абеляра выдаются разумнымъ объясненіемъ св. Писанія и убѣдительнымъ изображеніемъ положеній, которыя, какъ, напримѣръ, въ проповѣди о Сусаннѣ, возвышаются до степени истинно-драматической жизненности, и въ которыхъ снова можно узнать страстнаго оратора на холмѣ св. Женевьевы. Въ общемъ въ проповѣдяхъ его господствуетъ спокойный, поучительный тонъ, но тамъ, гдѣ Абеляръ въ видѣ исключенія переходитъ на тему испорченности церкви и монастырей своего времени, какъ, напримѣръ, это особенно ясно выразилось въ его проповѣди объ Іоаннѣ Крестителѣ, тамъ у него появляется и соответственный пафосъ, и

сатира, и богатство уничтожающих оборотов рѣчи, которые показывают, что онъ владѣлъ умѣніемъ производить большой ораторскій эффектъ; проповѣди эти и до настоящаго времени могутъ произвести впечатлѣніе. По этимъ именно мѣстамъ можно составить себѣ понятіе о томъ, почему противникъ монашества Арнольдъ Брешіанскій дѣйствительно могъ зажечь свой факелъ отъ огня ревностнаго аббата. Вообще, судя по этимъ проповѣдямъ, въ которыхъ передъ слушателями съ особенною любовью изображаются исторіи Иисуса Христа, Его апостоловъ и мучениковъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Абеляръ вѣрилъ въ эти исторіи, не прибѣгая въ нихъ какиихъ бы то ни было рационалистическихъ объясненій. Вознесеніе Христа онъ также описываетъ, какъ событіе, имѣвшее опредѣленное мѣсто дѣйствія, хотя въ своемъ „Диалогѣ“ онъ видитъ въ обычномъ представленіи о раѣ лишь популярное представленіе, которое въ глазахъ философа является лишь символическимъ понятіемъ. Слѣдовательно, или онъ считалъ неудобнымъ говорить съ каедрой о своемъ толкованіи народнаго вѣрованія, или же онъ самъ отказался отъ него и съ теченіемъ времени сдѣлался меньшимъ скептикомъ. Въ этихъ проповѣдяхъ нельзя, во всякомъ случаѣ, открыть и слѣдовъ того невѣрующаго Ирода, именемъ котораго такъ громко обзывалъ св. Бернаръ основателя Параклета.

Переписка съ Параклетомъ продолжала, между тѣмъ, все болѣе развиваться и не столько въ силу этихъ назидательныхъ трактатовъ, сколько благодаря умственнымъ вопросамъ, занимавшимъ главнымъ образомъ умъ Элоизы; при этомъ обнаруживается, что Элоиза была настроена значительно болѣе рационалистически, чѣмъ ея другъ, и дѣлала гораздо болѣе рѣшительное употребленіе изъ его собственнаго критическаго метода, чѣмъ то, на которое отваживался ея собственный учитель. Въ своихъ Правилахъ для сестеръ Параклета Абеляръ опредѣлялъ главнѣйшей задачей монастырской жизни изученіе св. Писанія. Считала ли сама Элоиза полезнымъ, чтобы „возлюбленный Propositus“ подогрѣлъ рвеніе сестеръ, при чемъ она не желала, чтобы извѣстно было ея внушеніе этого поощрительнаго посланія, или же самъ Абеляръ счелъ необходимымъ дать болѣе подробныя указанія, но, во всякомъ случаѣ, дошедшее до насъ письмо его („epistola ad virgines Paracletenses de studio litterarum“) имѣло цѣлью дать ближайшія указанія къ вышеуказанному общему предписанію. Съ чего и какъ слѣдовало начинать изученіе Писанія, на это указываетъ ссылка Абеяра на Иеронима, который совѣтовалъ матери святой Паулы научить свою дочь чтенію играючи, давая ребенку составлять слова изъ буквъ, сдѣланныхъ изъ пальмоваго дерева или слоновой кости, и знакомя дѣвочку вмѣстѣ съ тѣмъ съ именами патріарховъ, апостоловъ

и т. д. Онъ указываетъ также и на то, какъ систематически учитель Александра отучалъ своего питомца отъ неправильнаго произношенія и училъ его латинскому языку. Такимъ образомъ Иеронимъ предложилъ также и свой планъ изученія Библии, въ силу котораго ребенокъ долженъ былъ начинать обученіе съ Псалтыри и Притчей. Затѣмъ должны слѣдовать „Пробовѣдникъ“ (книга Екклесіаста) и „Іовъ“. Главное обученіе должно быть сосредоточено на Евангелии, Дѣяніяхъ апостоловъ и апостольскихъ посланіяхъ, а въ заключеніе слѣдуетъ изучить остальные ветхозавѣтныя книги. Пѣснь Пѣсней слѣдуетъ изучать зрѣлымъ людямъ, которые въ состояніи понять мистическій смыслъ ея. При изученіи отцовъ Церкви на первомъ мѣстѣ должны стоять посланія Кипріяна. Вмѣстѣ съ этимъ рекомендуются: Аванасій и Иларій. Если бы кто упрекнулъ Абеяра въ томъ, что онъ беретъ себѣ ученицами женщинъ, то аббатъ Сень-Жильда могъ бы тоже отвѣтить вмѣстѣ съ Иеронимомъ: „если бы мужчины были усерднѣе къ Писанію, я не говорилъ бы съ женщинами: Если бы Варакъ согласился пойти въ битву, то Девора не могла бы одержать побѣду надъ врагами“. Насколько вообще благодатенъ подобный научный обмѣнъ мыслей съ женщинами, это Абеяръ снова доказываетъ многочисленными разсказами Иеронима изъ его собственной практики; а указаніями на то, чего достигли эти женщины, по свидѣтельству ихъ учителя, Абеяръ старается внушить монахинямъ увѣренность, чтобы онѣ не боялись идти по этой крутой дорогѣ. На крестѣ надписи *для того* была написана по-еврейски, по-гречески, по-латыни, чтобы вѣрующіе усвоили себѣ эти три языка. Далѣе, если написано: „устама двухъ, или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово“ (Матѣ. 18, 16), то болѣе глубокой смыслъ этого тотъ, что Богъ провозвѣстилъ намъ свое слово по-латыни, по-гречески и по-еврейски. Монахинямъ Параклета къ тому же не приходится какъ Иерониму, для того, чтобы научиться понимать это свидѣтельство, ѣздить въ далекія страны и тратить много денегъ на обученіе, потому что ихъ мать Элоиза сама знаетъ эти три языка. „Давно уже не существуетъ среди мужчинъ этого знанія языковъ первоначальнаго Писанія; потерянное нами среди мужчинъ, пусть возвратятъ намъ женщины!“ Это посланіе, вообще интересное для характеристики воззрѣній Абеяра на дошедшій до насъ текстъ, повидимому, дѣйствительно разожгло рвеніе монахинь. Элоиза, по крайней мѣрѣ, нашла исходъ своей печали въ томъ, что страстно отдалась изученію Писанія. Въ своемъ отвѣтѣ она сама сравниваетъ себя съ Марцеллой, о которой Иеронимъ разсказываетъ, что „душа ея подъ звуки литавръ Священнаго Писанія горѣла желаніемъ перенестись черезъ Красное море этого свѣта.“

Но и въ другомъ отношеніи Элоиза напоминаетъ Марцеллу, которую Иеронимъ прославлялъ за то, что она не все то считала истиннымъ, о чемъ говорилъ ей учитель, подобно пифагорейцамъ, и для нее ничего не значилъ авторитетъ безъ доводовъ разума, но все она испытывала, взвѣшивала все своимъ пронипательнымъ умомъ настолько, что я чувствовалъ передъ собою не ученицу, а скорѣе судію.“ Это опредѣленіе могло вполнѣ относиться также и къ Элоизѣ. Ея пронипательный умъ нашель много неяснаго при чтеніи Писанія, и она отнюдь не была расположена смотрѣть на чтеніе Писанія, какъ на простое назиданіе и какъ на исправленіе. Она, конечно, читала у Иеронима, что черезъ зеленныя долины и пестрые цвѣты Писанія мы должны найти путь къ Тому, Кто говорилъ о себѣ: „Я цвѣтокъ поля и лилія долины,“ она знала также, что и возлюбленный учитель ея называлъ Писаніе зеркаломъ, передъ которымъ душа украшается для жениха и узнаеть свои недостатки: но онъ прибавилъ также, что священное Писаніе, если его читають и при этомъ не понимаютъ его, подобно зеркалу передъ слѣпыми очами,—именно это и испытала на себѣ Элоиза вмѣстѣ съ своими духовными дочерьми. Желая глубже проникнуть въ Писаніе, онѣ были смущены многими вопросами и благодаря этому не стали такъ ревностно заниматься чтеніемъ. „То, что мы плохо понимаемъ въ священномъ Писаніи, мы можемъ и любить не такъ сильно, потому что мы чувствуемъ при этомъ, что совершаемъ бесплодную работу“. Въ виду этого Абельяр долженъ прійти къ нимъ на помощь. Онъ соединилъ ихъ вокругъ этой капеллы, онъ толкнулъ ихъ въ это изученіе Писанія и въ эти мучительныя недоразумѣнія, онъ же долженъ и разрѣшить эти сомнѣнія. Ученицы указали учителю, дочери указали своему отцу тѣ вопросы, на которые сами онѣ не въ состояніи были отвѣтить, чтобы онъ объяснилъ ихъ, потому что, вѣдь, по его побужденію, даже по его приказанію онѣ начали это изученіе. Поэтому онѣ слезно умоляютъ и умоляюще просятъ, чтобы онъ не считалъ, что этотъ отвѣтъ не имѣетъ для нихъ большого значенія. Такимъ образомъ однажды Элоиза задала своему учителю ни болѣе ни менѣе сорокъ два вопроса ¹⁾, которые возникли благодаря непониманію и сомнѣніямъ у сестеръ, при чтеніи рекомендованнаго имъ Писанія. Если судить по откровенному признанію Элоизы о внутренней ея жизни, то эти научныя занятія Писаніемъ, въ которыхъ несчастная женщина искала забвенія своей печали, производять, правда, чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Ея просьбы объяс-

1) *Heloissae Paraclitensis problemata*. Ed. Cousin I, 237

нить болѣе трудныя мѣста Писанія могли еще послужить въ назиданіе ея сестрамъ, но вопросы ея являются по большей части критическими разсужденіями, которыми она разстраиваетъ и себѣ и монахинямъ сознаніе полезности тѣхъ часовъ, которые посвящены на изученіе Библии. Сестры считали, что, если Іисусъ Христосъ умеръ въ Страстную пятницу и воскресъ въ ночь на Пасху, то онъ никоимъ образомъ не могъ пробыть, подобно Іонѣ во чревѣ кита, три дня и три ночи въ преисподней; Абельяръ долженъ былъ оправдывать слова Матвѣя (12, 40) тѣмъ, что вообще только подразумевается промежутокъ времени въ три дня, если же присчитать къ протекшему времени тѣ часы, въ которые Іисусъ изгладился изъ сердецъ упавшихъ духомъ учениковъ, то получается полныхъ три ночи. Противорѣчія въ описаніяхъ воскресенія тоже являются загадкой въ глазахъ Элоизы. Почему Іисусъ говорить объ одной только чашѣ новаго Завѣта, а не о хлѣбѣ новаго Завѣта, какъ будто бы кровь важнѣе тѣла? По поводу рѣшенія Іисуса о женѣ-грѣшницѣ, Элоиза возражаетъ, что при такой постановкѣ вопроса нельзя было бы осудить ни одного мошенника, если осуждать долженъ только тотъ, кто самъ безъ грѣха, потому что даже однодневныя дѣти и тѣ не безгрѣшны. Противъ этого Абельяръ съ большимъ трудомъ, очевидно, подыскиваетъ возраженія и говоритъ, что отмщеніе въ ружахъ Божіихъ, и что оно исполняется въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда Богъ совершаетъ черезъ насъ свое отмщеніе, а не тогда, когда мы этого желаемъ. Слѣдовательно, для исполненія предписанія Бога мы должны пользоваться также и мечомъ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ мы поступаемъ въ силу злобы и являемся не служителями Бога, а лишь убійцами. „Какъ слѣдуетъ понимать слова“, спрашиваетъ далѣе Элоиза, „что тотъ, кто соблюдаетъ весь законъ, но грѣшитъ противъ одной заповѣди, все-таки называется нарушителемъ всего закона?“ Абельяръ возражаетъ, что грѣхъ не въ отдѣльномъ дѣйствіи, но въ помысленіи; кто, слѣдовательно, обнаруживаетъ неуваженіе къ божественному закону, этимъ самымъ нарушаетъ весь законъ. Элоиза спрашиваетъ: почему Христосъ прикоснулся къ проваженному, когда это запрещено было закономъ? Абельяръ отвѣчаетъ: потому что любовь стоитъ выше закона. Элоиза задаетъ вопросъ: почему хула на Духа Святого менѣе простительна, чѣмъ на Отца и Сына?—вопросъ, который близко касался Параклета. Въ виду этого Абельяръ очень подробно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, находя хулу на Духа Святого въ томъ, если кто либо, имѣя худыя намѣренія, лживо отрицаетъ благость Божію противно собственной совѣсти.

„Вѣдь достойно большей похвалы,“ продолжаетъ Элонза дальнѣйшія возраженія, „противостоятъ грѣху, чѣмъ покаяться въ немъ послѣ совершенія его, почему же на небесахъ радуются девяносто девяти противостоящимъ грѣху менѣе, чѣмъ одному, который покаялся въ своихъ грѣхахъ?“ Абельяръ разрушаетъ это недоумѣніе тѣмъ, что, во его мнѣнію, вѣдь „царствіемъ небеснымъ“ слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ Церковь, члены которой должны радоваться не по поводу собственной добродѣтели, а по поводу обращенія грѣшника. Элонза поставила еще много подобныхъ вопросовъ; отвѣтить на всѣ изъ нихъ мы не въ состояніи, какъ не на всѣ изъ нихъ далъ удовлетворительный отвѣтъ и самъ Абельяръ. Какъ могъ Господь сказать одному изъ избранныхъ: „Или глазъ твой завистливъ отъ того, что я добръ?“ Избранный совсѣмъ и не могъ испытывать подобнаго завистливаго чувства, которое предполагаетъ у него Матеей (20, 15)? Почему Иисусъ говорить (Матѣ. 5, 17), что Онъ не пришелъ нарушить законъ, когда Онъ его все-таки нарушилъ? Не должны ли мы заботиться о завтрашнемъ днѣ, если мы не должны строить башню, не рассчитавъ предварительно расходовъ, или, если мы, какъ Павелъ, совершенно изнурены заботами о христіанскихъ общинахъ? Какъ мы судимъ другихъ, такъ и Богъ будетъ судить насъ, т. е. неправедно? Мы должны дѣлать людямъ то, что желаемъ отъ нихъ для себя, но иной разъ мы испытываемъ весьма грѣховныя желанія. Иисусъ удивляется, но можетъ ли Слово (Logos) удивляться? *Similem miranti se fecit*, возражаетъ Абельяръ, Онъ показывалъ только видъ, что удивляется. Дѣйствительно ли правда, что ничто не оскверняетъ усть, что входитъ въ нихъ? Даже и украденные плоды, которые ѣдятъ воры? Если Сидонъ и Тиръ покаялись бы, видя чудеса Хоразина и Виссаиды, то почему Иисусъ Христосъ не предпочелъ проповѣдывать тамъ? Почему проклялъ Онъ смоковницу (Маркъ, 11, 13) за то, что на ней не было плодовъ, хотя, какъ это говоритъ евангелистъ, еще не время было собранія смоквъ? Почему у Марка (1, 2) одно мѣсто Малахія приписывается Исаиѣ (?) Какъ возможно относить къ Иисусу Христу (Матѣ., 26, 31) то, что Захарія говоритъ о плохомъ пастырѣ (13, 7)? Почему у Марка Петръ трижды отрекся отъ Господа до второго пѣвія пѣтуха, а у другихъ евангелистовъ отрекся до верваго? Почему въ рай передъ Адамомъ приведены были только четвероногія и птицы, а не попали въ это число змѣи и рыбы? Какъ могъ Моисей разсказать во Второзаконіи о собственной смерти? Такіе и подобные этимъ вопросы высидѣли сестры Параклета, и вотъ онѣ жалуются, что, будучи приведены въ смущеніе этою массою во-

изученіи, чѣмъ въ поученіи другихъ, не тратить времени на бесполезныя вещи, не вредить себѣ преждевременными произведеніями, не слѣдовать слѣпо ни за какимъ учителемъ и не позволять никому изъ нихъ покровительствовать себѣ, избѣгать риторовъ и не довѣрять никакой философіи, которая противорѣчитъ сама себѣ. Подъ опасеніемъ внутренняго разлада съ самимъ собою, онъ долженъ учить только тому, во что самъ вѣритъ. Его главнымъ предметомъ должно быть изученіе священнаго Писанія, а все то, что онъ читаетъ помимо него, должно основываться на немъ. Всего необходимѣе обуздывать себя въ то время, когда намъ хорошо живется; если человѣкъ теряетъ мѣру въ своихъ порокахъ и добродѣтеляхъ, онъ теряетъ самого себя. Всѣ хорошія и мягкія стороны характера Абеяра обнаруживаются въ этомъ поэтическомъ разговорѣ съ сыномъ объ истинномъ отношеніи къ Богу и къ людямъ; разговоръ кончается просьбой сыновней любви, потому что тотъ, кто не хорошо относится къ отцу, не въ состояніи ни къ кому относиться хорошо. Элонза тоже имѣла сношенія съ своимъ сыномъ; это доказывается между прочимъ письмомъ, написаннымъ ею тотчасъ же послѣ погребенія Абеяра въ Параклетѣ могущественному аббату Клонійскому, Петру (Venerabilis), котораго она просила дать ея сыну какой-нибудь приходъ ¹⁾. Вліятельный прелатъ благосклонно общалъ Элонзѣ свое содѣйствіе, но мы не знаемъ дальнѣйшихъ результатовъ его общанія. Въ 1150 г. среди канониковъ въ Нантѣ, въ средѣ которыхъ, между прочимъ, былъ также одинъ изъ братьевъ Абеяра, мы встрѣчаемъ нѣкоего Астролябія; какой-то аббатъ Астролябіи умеръ въ 1162 г. въ цистерціанскомъ монастырѣ Alta Ripa (Hauterive въ Фрейбургскомъ кантонѣ), однако невѣроятно, чтобы сынъ Абеяра пріютился именно въ орденѣ святаго Вернара ²⁾, такъ что нашъ Астролябіи, вѣроятно, былъ тотъ, который жилъ въ Нантѣ; онъ нашель, слѣдовательно, пристанище на своей родинѣ, въ коллегіи своего дяди.

1) Petrus Ven. Epp. 24. 25.

2) Cousin, I, 46.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

СНОВА УЧИТЕЛЬ И ВНОВЬ ЛЖЕУЧИТЕЛЬ.

1136—1141.

Petrus enim Abaelardus iterum nova docet, nova scribit, et libri ejus transeunt maria, transiliunt Alpes, et novae ejus sententiae de fide et nova dogmata per provincias et regna deferuntur, celebriter praedicantur et libere defenduntur: in tantum, ut in curia Romana dicantur habere auctoritatem.

Ерр. S. Bern. 326.

Періодъ жизни Абеяра, начиная съ его бѣгства изъ монастыря Сентъ-Жильда и до выступленія знаменитаго учителя вновь въ Парижѣ, намъ извѣстенъ и ясенъ, насколько онъ обнаруживается въ письмахъ и посланіяхъ Абеяра къ Элоизѣ, по которымъ мы можемъ составить себѣ точное представленіе объ его внутреннемъ настроеніи, о содержаніи его научныхъ занятій и объ его тогдашнихъ богословскихъ взглядахъ; что же касается вѣшнихъ условій его жизни, то у насъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобы судить о нихъ. Святой Бернаръ предполагаетъ, что Абеяръ вернулся изъ Бретани снова въ Парижъ ¹⁾; весьма вѣроятно, что послѣ своего бѣгства Абеяръ жилъ въ Пале и въ Нантѣ у своихъ братьевъ, а живой обмѣнъ мыслей съ Элоизой даетъ право предполагать, что онъ изрѣдка бывалъ и въ Параклетѣ. Бернаръ ²⁾ называетъ его прелатомъ, не заботящимся ни о чемъ—аббатомъ, который пускаетъ на вѣтеръ какъ монастырскій уставъ, такъ

¹⁾ Ерр. 331.

²⁾ Ерр. 331.

и своихъ монаховъ, что указываетъ на то, что со времени своего бѣгства изъ монастыря Сенъ-Жильда Абельяръ занимался преимущественно научной дѣятельностью. Намъ неизвѣстно, какъ долго продолжался этотъ періодъ научныхъ занятій; мы узнаемъ только изъ описанія собственной жизни Іоанна Салисбурійскаго, что перипатетикъ изъ Пале въ 1136 году снова училъ на холмѣ св. Женевьевы и пользовался большимъ успѣхомъ у тамошнихъ студентовъ. Предполагали поэтому, что *Historia calamitatum*, которая по ея заботливой отдѣлкѣ, очевидно, съ самаго начала предназначалась для обнародованія, была написана Абельаромъ именно съ тою цѣлью, чтобы снова обратить на себя вниманіе учащихся и очистить себя путь при новомъ выступленіи въ Парижѣ въ качествѣ учителя¹⁾; однако его выступленіе въ Парижѣ трудно связать непосредственно съ появленіемъ въ свѣтъ этого сочиненія. Последнее, какъ мы видѣли, послужило поводомъ къ возобновленію переписки съ Элоизой, а многочисленныя сочиненія, написанныя Абельаромъ для Элоизы, несомнѣнно не могли быть написаны въ тискахъ вновь предпринятой преподавательской дѣятельности и вскорѣ вслѣдъ затѣмъ начавшейся борьбы съ приверженцами Бернара. Въ Парижѣ у Абельяра едва ли хватило бы времени и охоты написать въ стихахъ девяносто три гимна для Элоизы, такъ обстоятельно отвѣтить на ея сорокъ два вопроса, написать исторію монашества, монастырскія правила и обработать для нея же еще другія книги. Тотъ посвященій, написанныхъ ко всѣмъ этимъ сочиненіямъ, заставляетъ скорѣе предполагать, что они написаны были въ періодъ спокойной жизни. Если бы они относились къ періоду его парижской жизни, то въ нихъ, конечно, были бы жалобы и просьбы о сочувствіи Элоизы къ его новымъ огорченіямъ. Такимъ образомъ между появленіемъ въ свѣтъ „*Historia calamitatum*“ и возвращеніемъ Абельяра въ Парижъ слѣдуетъ предположить долгій періодъ литературной дѣятельности, въ теченіе котораго Абельяръ отчасти издалъ свои богословскія сочиненія, отчасти же подготовилъ ихъ къ изданію. Но какимъ образомъ Абельяръ пришелъ къ мысли перемѣнить свое свободное положеніе въ Бретани на кафедрѣ на холмѣ св. Женевьевы, объ этомъ до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній. Будучи аббатомъ монастыря Сенъ-Жильда, Абельяръ занималъ высокое положеніе на іерархической лѣстницѣ своей родины, и, по собственнымъ его словамъ въ концѣ его мемуаровъ, онъ былъ богатымъ человѣкомъ. Самъ Абельяръ говоритъ въ монастырскихъ правилахъ, написанныхъ имъ для Параклета, что было много аббатовъ, которые жили вѣдѣ

¹⁾ Deutsch, Peter Abälard. Стр. 44.

стѣвъ монастырей при дворахъ различныхъ вельможъ, объ этомъ же мы узнаемъ также и изъ многочисленныхъ примѣровъ, относящихся къ этому времени. Лишился ли Абеляръ благосклонности герцога, или же сами монахи лишили его доходовъ, или его снова привлекло въ Парижъ желаніе опредѣленной дѣятельности и тоска по оваціямъ студентовъ, все это совершенно неизвѣстно; несомнѣнно лишь то, что тотчасъ же послѣ появленія на холмѣ св. Женевьевы Абеляръ снова сталъ пользоваться такимъ же поразительнымъ успѣхомъ, какимъ вообще такъ богата вся его біографія. Будучи уже пятидесятилѣтнимъ дѣловѣкомъ, онъ попрежнему оставался прежнимъ виртуозомъ кафедръ, который, по свидѣтельству Іоанна Салисбурійскаго, затмевалъ всѣхъ другихъ учителей своей славой и успѣхами. „Тамъ у его ногъ“, рассказываетъ будущій епископъ Шартрскій, „я научился первымъ основамъ этого искусства (діалектики) и съ полной жаждою знанія черпалъ по силѣ моего юношескаго пониманія все то, что срывалось съ его устъ. Затѣмъ, послѣ его удаленія, которое показалось мнѣ преждевременнымъ, я перешелъ къ учителю Альбериху, который блисталъ среди другихъ какъ извѣстный діалектикъ и дѣйствительно былъ самымъ рѣзкимъ противникомъ номиналистической секты ¹⁾“. Изъ этого свидѣтельства видно, что многоиспытавшій Абеляръ вынесъ все-таки изъ своего жизненнаго крушенія невредимымъ свой талантъ, и что и теперь молодежь попрежнему тѣснилась около него съ рвеніемъ, которое внушило Бернару библейское сравненіе, что они словно вола и осла падали въ колодець, оставленный еретикомъ незакрытымъ. Съ другой стороны Іоаннъ Салисбурійскій говоритъ объ отступленіи, которое Абеляръ вынужденъ былъ совершить передъ своими врагами, и которое казалось ученикамъ преждевременнымъ. Такъ какъ Іоаннъ Салисбурійскій самъ пробылъ не полныхъ два года „на холмѣ“, то прекращеніе преподавательской дѣятельности Абеляра должно быть отнесено уже къ 1136 или 1137 году. Но изъ описанія жизни Бернара мы знаемъ, что весною 1141 года Абеляръ училъ еще въ Парижѣ, когда его посѣтилъ Бернаръ и предостерегалъ отъ него студентовъ. По словамъ Іоанна Салисбурійскаго (*Historia pontificalis*), Абеляръ читалъ въ то время лекціи при церкви св. Иларія, находившейся на томъ же холмѣ, и былъ замѣщенъ въ 1141 году Арнольдомъ

1) Johannes Saresberiensis, *Metalogicus*, II, 10. Ed. Giles, p. 78. Въ этомъ Альберихѣ не слѣдуетъ видѣть прежняго противника Абеляра въ Лаонѣ и Реймсѣ; онъ достигъ въ это время уже сана архіепископа Буржскаго.

Врешіанскимъ ¹⁾). Если не предполагать, слѣдовательно, временнаго перерыва тогдашней преподавательской дѣятельности Абеяра, то очевидно Іоаннъ Салисбурійскій имѣлъ въ виду сказать этимъ, что Абеяръ оставилъ монастырскую школу и основалъ новую при церкви св. Иларія. Здѣсь онъ попрежнему находился подъ наблюденіемъ аббата монастыря св. Женевьевы, такъ какъ церковь св. Иларія находилась въ округѣ монастыря св. Женевьевы. Вѣроятно, монахи св. Женевьевы отдали въ его распоряженіе для чтенія лекцій церковь св. Иларія, какъ это сдѣлали ранѣе этого, по словамъ Росцелина, монахи Сенъ-Дени, которые для такихъ же цѣлей отдали ему сначала капеллу, а затѣмъ ихъ Целлу въ Шампани. Поводомъ къ этой перемѣнѣ послужили, повидимому, нападки противниковъ, ученикамъ же монастырской школы, дорожившимъ лекціями Абеяра, отступленіе его казалось преждевременнымъ, и Іоаннъ Салисбурійскій, оставшійся въ монастырской школѣ, весьма неохотно потерялъ возможность слушать его лекціи ²⁾). Въ монастырской школѣ преподавать вмѣсто Абеяра сталъ Альберихъ, одинъ изъ самыхъ рѣзкихъ противниковъ номиналистовъ. Изъ свидѣтельства Іоанна ясно видно, во всякомъ случаѣ, что Абеяръ тотчасъ же встрѣтилъ въ Парижѣ противо-дѣйствіе и оказалъ ему, по своему обыкновенію, меньшее сопротивленіе, чѣмъ какого ожидали отъ него его поклонники. Съ этимъ вполне согласуется въ общемъ и рассказъ о ходѣ событій Бернара Клервоскаго. Онъ пишетъ кардиналу Стефану, епископу въ Пренесте, ³⁾ что въ Бретани Абеяръ вель себя смирно, для того, чтобы вновь измыслить во Франціи новую неправду. Здѣсь онъ выступилъ въ качествѣ монаха, но монаха не исполняющаго устава, какъ предать, не заботящійся ни о чемъ, какъ аббатъ безъ мона-

¹⁾ (Arnaldus) Parisius manens in monte s. Genvefae divinas litteras scolaribus exponere apud s. Hilarium, ubi jam dictus Petrus (Abaelardus) hospitatus fuerat. Hist. pontif. c. 31.

²⁾ Такъ какъ Іоаннъ Салисбурійскій двѣнадцать лѣтъ спустя послѣ этого встрѣтилъ еще своихъ прежнихъ товарищей тамъ же, гдѣ они были и раньше, то онъ слушалъ, слѣдовательно, лекціи Абеяра въ монастырской школѣ, потому что въ 1148 году школа при храмѣ св. Иларія, вслѣдствіе изгнанія Арнольда, давно уже не существовала. Metal., II, 10. Реформа монастыря св. Женевьевы началась въ 1147 г., съ чѣмъ вышеприведенная дата Іоанна Салисбурійскаго, правда, не вполне совпадаетъ. Ср. далѣе, біографію Арнольда Врешіанскаго.

³⁾ Ep. 331, Migne, 182, 536.

ховъ, какъ его также называетъ Бернаръ въ другомъ своемъ письмѣ ¹⁾). Изъ этого видно, что Абельяръ въ это время еще не отказался отъ сана аббата Сень-Жильда, и, повидимому, тамошнимъ монахамъ было по сердцу имѣть своего аббата вдали отъ себя, такъ какъ они избрали себѣ новаго настоятеля только послѣ кончины Абельяра. Но Бернаръ, котораго римская курія тоже при случаѣ побуждала не такъ часто покидать свой монастырь, видя большой соблазвъ въ жизни Абельяра не по монастырскому уставу, безъ занятій, вдали отъ монаховъ, новаго же выступленія Абельяра на учебномъ поприщѣ онъ окончательно не желалъ терпѣть. Бернаръ называетъ Абельяра гонителемъ католической вѣры, это доказываютъ не только его жизнь и знакомства, но и его книги, появляющіяся изъ мрака на свѣтъ. „По вѣншности монахъ, въ душѣ еретикъ, кромѣ одежды и имени у него нѣтъ ничего монашескаго. Онъ вновь открываетъ старыя цистерны и засыпанныя топи еретиковъ, чтобы воли и ослы падали туда. Долгое время онъ хранилъ молчаніе, но, когда онъ молчалъ въ Бретани, онъ чувствовалъ боли и теперь во Франціи породилъ злобу. Изъ своей норы выползла свернувшаяся змѣя, и, какъ у гидры, если отрубаютъ ей одну голову, у нея вырастаетъ семь головъ. Въ Соассонѣ была убита одна изъ его ересей, но на мѣсто одной выплыло семь новыхъ“. Если мы переведемъ эти образныя тирады великаго мистика на языкъ исторіи, то обнаружатся слѣдующее положеніе вещей. Послѣ возвращенія Абельяра въ Бретань и распущенія его школы, цистерціанцы смотрѣли на своего стариннаго врага, какъ на безвреднаго, и иронически собирали лишь свѣдѣнія объ его перепискѣ съ Элоизой и его посѣщеніяхъ Параклета. Монастырь Сень-Жильда, затерявшійся среди скалъ сѣверныхъ дикарей, казался имъ норой, въ которой оцѣпенѣла въ своей зимней спячкѣ свернувшаяся гадюка. Но вдругъ мнимоумершій снова выступилъ на сцену. Не только его живая рѣчь къ молодежи выслушивается обществомъ съ большимъ вниманіемъ, но и его новыя сочиненія читаются съ жадностью. Этотъ литературный успѣхъ Абельяра и озаботилъ главнымъ образомъ Бернара. Осужденное въ Соассонѣ ученіе о св. Троицѣ, вопреки рѣшенію Церкви, этотъ лжеучитель снова выносить на свѣтъ и присоединилъ къ нему еще семь новыхъ еретическихъ ученій! Чрезвычайно преувеличенными красками рисуетъ знаменитый риторъ бѣлой рясы, какъ эти сочиненія читаются на всѣхъ перекресткахъ и во всѣхъ замкахъ, онъ говоритъ, что они нашли своихъ читателей даже за моремъ,

¹⁾ Ер. 332.

что даже Альпы не представили для нихъ препятствій, что они проникли въ самый Римъ. Отчасти эти доносы были отзвукомъ могучаго слова, раздававшагося на холмѣ св. Женевьевы и вновь призывавшаго къ себѣ юношество, но мы полагаемъ, что отчасти они явились также и отвѣтомъ на неосмотрительное нападеніе, сдѣланное Абеляромъ въ своей *Historia calamitatum* на проповѣдничество обоихъ странствующихъ миссіонеровъ Норбера и Бернара, а также отвѣтомъ и на намеки въ проповѣдяхъ, незадолго передъ тѣмъ выпущенныхъ Абеляромъ, насчетъ чудесъ великихъ основателей орденовъ. Онъ отнесся въ этихъ своихъ произведеніяхъ къ этимъ могущественнымъ агитаторамъ, какъ къ противникамъ, теперь ему предстояло испытать на себѣ, что значить ихъ вражда.

Мы подошли теперь ко второму большому преслѣдованію, возбужденному противъ Абеляра изъ-за вопросовъ вѣроученія, но сначала мы рассмотримъ, какими представлялись въ это время взгляды Абеляра послѣ столь долгаго періода ученой страннической жизни.

Его литературная дѣятельность въ это время была почти совершенно закончена, и только литературными условіями данной эпохи объясняется то обстоятельство, что и въ этомъ случаѣ обвиненія направлены были только на его обѣ „теологіи“, тогда какъ другія произведенія могли представить даже больше поводовъ къ церковной цензурѣ¹⁾. Прежде всего къ такого рода произведеніямъ относится его сочиненіе „*Sic et Non*“, которое существовало уже въ то время, когда Абеляръ долженъ былъ извиняться передъ аббатомъ Адамомъ монастыря Сенъ-Дени за развѣнчаніе монастырскихъ традицій обѣ Ареопагитъ²⁾. Это „Да и нѣтъ“ является истиннымъ Абеляромъ блестящаго перваго періода его преподавательской дѣятельности, въ теченіе котораго онъ гордо судилъ обо всѣхъ авторитетахъ.

Заглавіе—„*Sententiae, quae contrariae videntur*“ опредѣляетъ это сочиненіе какъ собраніе различныхъ мѣстъ изъ библіи и твореній святыхъ отцовъ, касающихся догматическихъ, этическихъ, экзегетическихъ и церковно-правовыхъ вопросовъ, рѣшаемыхъ различными авторитетами въ противорѣчивомъ смыслѣ и потому именно представлявшихъ діалектическому остроумію Абеляра почву для собственнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Что имъ даны были эти

¹⁾ Изъ *философскихъ* сочиненій насъ интересуютъ для нашихъ цѣлей только уже упомянутыя въ своемъ мѣстѣ *Investiva in quendam ignarum dialectices*. Изданы Кузеномъ, *Ouvrages inédits d'Abélard*. Paris, 1836.

²⁾ См. Deutsch, Peter Abälard, стр. 462 и сл.

рѣшенія съ сознаниемъ собственной авторитетности и весьма опредѣленно, это извѣстно намъ какъ изъ его собственнаго повѣствованія, такъ и изъ обвиненій противниковъ. Однако сама книга не даетъ этихъ рѣшеній. Позднѣйшіе схоластики, прежде всего Ломбардець, переняли отъ Абеяра его методъ взаимно противопоставлять подтверждающіе и отрицающіе авторитеты и аргументы и подыскивать въ собственныхъ своихъ мнѣніяхъ примиреніе для нихъ. Абеяръ не имѣлъ намѣренія, какъ какой-либо Давидъ Штраусъ двѣнадцатаго вѣка, критически разломать ученіе церкви ея собственными противорѣчіями, онъ выставялъ лишь на видъ противорѣчія авторитетовъ и показывалъ этимъ, что вообще не существуетъ согласно говорящаго преданія; но противопоставленіе это не должно было служить къ отрицанію догмата, оно должно было служить лишь фундаментомъ для моста, при помощи котораго онъ желалъ соединить обѣ стороны пропасти и согласить противорѣчія. Онъ констатировалъ противорѣчіе, чтобы разрѣшить его, и именно эти рѣшенія, вѣроятно, составляли содержаніе его лекцій, которыми такъ восхищались его ученики. Онъ желалъ этимъ методомъ установить свой авторитетъ, а не нигилизмъ. Эта книга сопутствовала ему всю жизнь, какъ это доказываютъ различныя ея редакціи, а въ послѣдствіи она была самой распространенной; хотя Вильгельмъ изъ Сень-Тьерри и не могъ достать ее, но до насъ дошло семь различныхъ ея изданій.

Для изученія любимой доктрины Абеяра о тріединствѣ важна „*Theologia christiana*“, представляющая новую передѣлку осужденнаго въ Соассонѣ „*Tractatus de unitate et trinitate divina*“; теологія эта была, слѣдовательно, написана послѣ этого трактата и передъ „*Introductio*“¹⁾. Въ этомъ подробномъ изложеніи взглядовъ Абеяра спеціально приняты во вниманіе и прежнія непріятности, испытанныя Абеяромъ, и онъ заявляетъ въ этомъ сочиненіи свою готовность доказать доводами разума и Священнымъ Писаніемъ свои положенія, если бы возникли какія-либо недоумѣнія. Новое изданіе переработаннаго „*Tractatus*“ было предпринято съ цѣлью устранить прежнія мѣста, возбуждавшія сомнѣнія; Абеяръ выкинулъ такъ же и тѣ мѣста, которыя оспаривались на соборѣ въ Соассонѣ²⁾. Какъ въ „*Tractatus*“, такъ и въ новой переработкѣ его, христіанское богословіе совпа-

1) Первая книга Трактата соответствуетъ первой и второй книгамъ Теологіи, вторая книга—третьей, а третья—четвертой книгѣ позднѣйшаго труда. Ср. Stölzle, *Histor. Jahrbuch der Görres-Gesellschaft*, XI, 4, стр. 673 и слѣд.

2) Ср. Stölzle, *Ab. Tract. de unit. et trin.*, стр. XXIV.

даетъ съ ученіемъ о Св. Троицѣ. Мы не встрѣчаемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ полемики противъ догмата, Абеляръ задавался скорѣе цѣлью опровергнуть всѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ единства существа и тройственности лицъ. Онъ въ равной степени опровергаетъ савеліанизмъ, который принимаетъ единство Божества какъ единую личность, а тройственность личностей—какъ свойства этой единой личности, такъ и аріанизмъ, который признаетъ одного Бога и двухъ боговъ низшей степени. Его старанія состоятъ въ томъ, чтобы понять единое, какъ различаемое въ немъ самоѣ. По мнѣнію Абеяра, существуетъ двойное понятіе различнаго: прежде всего субстанціально и количественно различное, отъ котораго слѣдуетъ отличать различное въ отношеніи свойства или видоизмѣненія. Только послѣдній родъ различія подходитъ къ тремъ лицамъ Божества. Онъ сравниваетъ ихъ съ лицами грамматики, которая тоже различаетъ одну личность, *которая* говоритъ, *которой* эта личность говоритъ, и *о которой* говорится. Такимъ образомъ человѣкъ можетъ быть первымъ лицомъ, если онъ говоритъ, вторымъ, если ему говорятъ, третьимъ, если о немъ говорятъ, и оставаться вмѣстѣ съ тѣмъ всегда тѣмъ же самымъ существомъ. При этомъ первое лицо является началомъ, основаніемъ и причиною обоихъ другихъ, и вновь первое и второе лица являются началомъ третьяго. Различіе Божественныхъ ипостасей отнюдь не лежатъ только въ нашемъ пониманіи, оно присуще самому Богу; потому что тріединство существуетъ не въ силу того, что создано различіе въ названіяхъ, а потому, что оно существовало вѣчно, и вслѣдствіе этого создано было во времени различіе именъ для того, чтобы то, что вѣчно, обозначить для насъ, которые существуютъ во времени. Сравненіе, сдѣланное Августиномъ и послѣдовавшимъ его примѣру Ансельмомъ отношенія единства и тройственности съ взаимными отношеніями другъ къ другу источника, ручья и озера, Абеляръ называетъ недостаточнымъ, потому что субстанція не является *одновременно* источникомъ, ручьемъ и озеромъ, но только послѣдовательно, во времени, источникъ превращается въ ручей, а ручей въ озеро. Болѣе подходящей онъ находитъ аналогію матеріи и формы и происшедшей благодаря ихъ соединенію матеріи, обладающей извѣстной формой. Воскъ, печать и оттискъ различаются между собою, но составляютъ все же въ отпечатанномъ оттискѣ нѣчто единое. Въ другомъ случаѣ сравненія онъ полагаетъ, что Бога Отца можно сравнивать съ понятіемъ рода; Сынъ какъ мудрость, т. е. какъ опредѣляющій форму, устанавливающій различіе разумъ, выражаетъ въ такомъ случаѣ виды, которые являются

тѣмъ же самымъ родомъ, потому что родъ есть не что иное, какъ сумма его видовъ. Что же касается Святого Духа какъ любви, то для послѣдней необходима двойственность, потому что никто не можетъ сдѣлать самого себя предметомъ любви или благодати. Такимъ образомъ Святой Духъ, завершая идею тріединства, направляетъ ее далѣе къ ея дальнѣйшей реализаціи въ мірѣ. Въ Святомъ Духѣ Богъ исходитъ отъ Себя въ твореніе, при чемъ Его разумъ осуществляется какъ благодать, и предопредѣленное отъ вѣчности приводится въ исполненіе во времени. Можно разсматривать эти разсужденія, по меньшей мѣрѣ, какъ благородную попытку сдѣлать догматъ доступнымъ пониманію и представленію, къ возбужденію же кривовъ обь ереси они давали менѣе всего повода.

Съ „Theologia Christiana“ отчасти совпадаетъ написанная послѣ нея „Introductio ad Theologiam“¹⁾, которую Абельяръ обыкновенно попросту называетъ „Theologia“. Насколько является вполне понятнымъ, что такой мистикъ, какъ Бернаръ, увидѣлъ соблазнъ въ чисто діалектической обработкѣ богословія Абельяромъ, настолько же мало объяснимо, почему именно „Introductio“ попало въ первую голову, чтобы послужить основаніемъ для его нападенія. Введеніе это тоже преслѣдовало совершенно положительную, защитительную задачу. Самъ Абельяръ говоритъ, что онъ написалъ этотъ трактатъ по настоянію своихъ учениковъ, которые полагали, что онъ гораздо легче проникаетъ въ пониманіе священнаго Писанія, чѣмъ исчерпываетъ неизмѣримые источники философіи; къ тому же, ученикамъ его лекціи по экзегетикѣ представляли меньшія трудности, чѣмъ систематическія. „Какъ фундаментъ всѣхъ благъ“, говоритъ Абельяръ, „мы ставимъ вѣру въ Святую Троицу, такъ что изъ самой науки о Божественной Природѣ исходитъ начало всѣхъ благъ“. Защищать эту истину должно быть позволено также и живущимъ въ позднѣйшіе вѣка, какъ это позволено было святымъ отцамъ Церкви. „Или, можетъ быть, уже ничего нельзя прибавить къ тому, что было высказано другими? А можетъ быть, въ настоящее время уже нѣтъ еретиковъ, ученія которыхъ слѣдуетъ опровергать, или же сомнѣній, противъ которыхъ необходимо извѣстными доводами защитить и подкрѣпить вѣру? Вѣдь апостоль Петръ сказалъ: „Будьте всегда готовы дать отвѣтъ всякому, требующему у васъ отчета въ вашемъ упованіи“, а Павелъ говоритъ: „пусть ваша рѣчь будетъ приправлена солью, чтобы вы знали, какъ слѣдуетъ отвѣчать всякому“. Если бы мы не должны были изслѣдовать вѣру, то нельзя было бы опровергнуть ни единого

¹⁾ Cousin, II, 1—149.

заблужденія, потому что всякій могъ бы замѣтить намъ: по вашимъ, вѣдь, собственнымъ правиламъ нельзя изслѣдовать! „Вѣруютъ не потому, что Богъ сказалъ то-то и то-то, а потому, что мы убѣждены, что это такъ, и благодаря этому именно мы и принимаемъ это на вѣру“.

На трехъ основаніяхъ, продолжаетъ Абельяръ далѣе, покоится спасеніе, на *вѣрѣ*, *любви* и *таинствѣ*. По его мнѣнію, надежда уже содержится въ вѣрѣ, потому что вѣра есть принятіе невидимаго, а надежда есть часть этой вѣры. Разумъ ведетъ къ вѣрѣ, потому что она также занимается всеобщимъ, лежащимъ по ту сторону чувствъ, и Богъ надѣлилъ людей разумомъ для того, чтобы при помощи разума они достигали болѣе высокаго совершенства. Въ разумѣ и черезъ разумъ проявился съ самаго начала Богъ, вливъ при твореніи въ сердца людей частицу своего Святого Духа. Кто скоро довѣряетъ, говорить Иисусъ, сынъ Сираховъ, тотъ легкомысленъ и вредитъ самому себѣ. Но скоро и легкомысленно довѣряетъ тотъ, кто безразсудно успокаивается на томъ, что ему было сказано, не провѣряя, заслуживаетъ ли это сказанное довѣрія. Такъ какъ для Абельяра христіанская вѣра была главнымъ образомъ вѣрою въ тріединого Бога, то и эта тема тотчасъ же снова приводитъ его къ темъ прежняго сочиненія, при чемъ онъ и здѣсь объясняетъ Троицу только что упомянутыми аналогіями и желаетъ доказать, что представленіе о ней было даже у языческихъ философовъ, пользование трудами которыхъ онъ оправдываетъ еще болѣе подробно, чѣмъ въ „Теологіи“. Всеблагій Господь пожелалъ, чтобы всѣ были блаженны, поэтому божественный Духъ вдунуть былъ всѣмъ людямъ, для того, чтобы они могли различать и исполнять истинное. Такимъ образомъ возникъ естественный законъ, которому слѣдовали уже и язычники. Ради того, чтобы реформировать законъ, Богъ самъ вочеловѣчился. Съ явленія І. Христа, слѣдовательно, слѣдуетъ считать не начало откровенія, а большую полноту и болѣе энергичную проповѣдь его.

Болѣе полный компендіумъ богословскихъ сочиненій Абельяра содержится въ такъ называемыхъ „Sententiae Abaelardi“¹⁾, которыя прежде разсматривались, какъ записки какого-либо слушателя, составленныя по лекціямъ Абельяра. Однако, послѣ того, какъ на основаніи сочиненія Вальтера изъ Сень-Викторъ, направленнаго противъ четырехъ схоластиковъ: *Абельяра*,

¹⁾ Сначала издано Рейнвальдомъ подъ заглавіемъ Petri Abaelardi Epitome Theologiae christianae. Berolini 1835 г., затѣмъ также у Migne 178, 1695 и сл.

Ломбардца, Петра из Поатье и Жильбера из Порре, обнаружилось существование второго собрания изречений, приписываемого Абельяру, которое затѣмъ было найдено Денифле въ двухъ экземплярахъ, а послѣ этого доказано было также, что въ своихъ сентенціяхъ учитель Роланъ (Александръ III) и учитель Омнебене изъ Болоньи обстоятельно пользовались богословіемъ Абельяра, вышеозначенный списокъ изречений уже не считается болѣе простыми записками лекцій, но компендіумомъ, составленнымъ по богословію Абельяра какимъ-либо учителемъ для чтенія собственныхъ лекцій ¹⁾). Такъ какъ введение въ „Изреченія“, съ предварительнымъ дѣленіемъ содержанія на *fides, caritas* и *sacramentum*, вполне соответствуетъ введенію къ „*Introductio* (послѣ его пролога), а 20 первыхъ главъ изъ 37 вполне соответствуютъ „*Introductio*“, то на „Изреченія“ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на извлеченіе изъ недодешаго до насъ главнаго сочиненія Абельяра по богословію. Судя по этому введенію, Абельяръ имѣлъ намѣреніе написать трактатъ о любви, вѣрѣ и таинствѣ, а въ нашемъ „*Introductio*“ мы имѣемъ, слѣдовательно, лишь отрывокъ всего сочиненія, который не заключаетъ въ себѣ даже и полной первой части *de fide*. Эта-то такъ называемая „*Introductio*“ и составляетъ ту „теологию“, которая осуждена была на соборѣ въ Сенѣ (*Sens*), точно такъ же, какъ „*Theologia christiana*“ является исправленнымъ изданіемъ

¹⁾ Что Сентенціи, извлеченныя Рейнвальдомъ изъ одной мюнхенской рукописи, безусловно не могутъ быть записанными со словъ Абельяра лекціями, это доказываетъ Denifle, *Archiv für Literatur und Kirchengeschichte des Mittelalters*. 1885 г., 402 и сл. „Сентенція“ Абельяра, по мнѣнію Денифле, являются компендіумомъ того же самаго богословскаго курса, къ которому относятся также сентенціи Ролана и Омнебене, т. е. составляютъ краткое руководство, которое составилъ себѣ какой-либо учитель на основаніи Теологіи Абельяра съ цѣлью пользоваться имъ самому при чтеніи лекцій. Для простыхъ записокъ лекцій этотъ трудъ чрезчуръ старательно отдѣланъ, и въ немъ чрезчуръ мало замѣтно характерныхъ для Абельяра способовъ выраженія. Что въ главѣ 34 указывается въ первомъ лицѣ ссылка Абельяра на его „комментаріи къ Посланію къ римлянамъ“, и притомъ на мѣсто, находящееся у Cousin'a, II, 288 и сл. у Migne, стр. 914, Денифле объясняетъ бессознательною опіскою. Конечно, предполагать это довольно смѣло, повидимому, но предположеніе Денифле подтверждается еще и совершенно опредѣленнымъ заявленіемъ Абельяра въ своей „Апологіи“, что онъ вообще никогда не писалъ книги подъ заглавіемъ *Liber sententiarum*. Cousin, II, 719. Возможно, хотя и не вполне достоверно, что Бернаръ имѣлъ эти, изданныя потомъ Рейнвальдомъ, Сентенціи и приписалъ ихъ Абельяру.

осужденнаго въ Соассонѣ „Трактата о Св. Троицѣ“. Тѣмъ, что Абеляръ выпускалъ свое богословіе по частямъ, объясняется, конечно, и фрагментарный характеръ дошедшихъ до насъ частей и самое содержаніе ихъ, которое, хотя и дошло до насъ въ отрывкахъ, но представляетъ собою, во всякомъ случаѣ, нѣчто до извѣстной степени обработанное.

Затѣмъ мы имѣемъ комментаріи Абеляра на Посланіе къ Римлянамъ, интересныя содержащими въ нихъ догматическими и нравственными мыслями ¹⁾; въ этомъ трудѣ Абеляръ попробовалъ стать на историческую точку зрѣнія для уразумѣнія этого посланія апостола Павла и совершенно вѣрно усмотрѣлъ задачу толкователя въ томъ, чтобы ясно представить то, что хотѣлъ сказать и думалъ сказать авторъ. Если Абеляръ понимаетъ подъ закономъ, о которомъ говоритъ апостолъ, только еврейскій законъ обрядностей, то это является, во всякомъ случаѣ, раціоналистическимъ упрощеніемъ, но оно, однако, предохраняетъ толкователя отъ внесенія всей схоластической догмы въ понятіе вѣры, по обыкновенію того времени, методъ же Абеляра, всегда твердо придерживаясь текста, заслуживаетъ безусловной похвалы. Предметомъ нападокъ эта книга явилась прежде всего благодаря заключающейся въ ней критикѣ переданнаго по преданію ученія объ искупленіи. Абеляръ оспариваетъ, что дьяволъ приобрѣлъ въ силу грѣхопаденія Адама законное право на грѣшныхъ сыновъ Адама, которое должно было быть искуплено добровольной смертью Иисуса Христа, или что оскорбленная честь Бога требовала удовлетворенія. Спасеніе наше состоитъ, по Абеляру, не въ томъ, что Иисусъ Христосъ далъ за насъ выкупъ, а въ положительномъ влияніи Его поступка, именно въ томъ, что страданія Христа зажигаютъ въ насъ любовь къ Богу, превращающую насъ въ дѣтей Божіихъ; взглядъ этотъ вызвалъ сильное волненіе среди учениковъ Бернара. Комментарій къ посланію къ Римлянамъ написанъ былъ Абеляромъ послѣ первыхъ двухъ книгъ „Введенія въ Богословіе“, на которыя онъ ссылается, но передъ Этикой, которая имѣется въ виду.

Наконецъ *Этика* ²⁾ содержитъ „Liber dictus scito te ipsum“, въ которой разбираются вопросы о грѣхѣ и о прощеніи грѣховъ. Эти объясненія казуистическихъ вопросовъ вызвали не меньшее почти возбужденіе, чѣмъ ученіе Абеляра о св. Троицѣ. Его тонко различаемые вопросы: состоитъ ли грѣхъ только въ грѣховномъ помыслѣ, какое отношеніе между злой волей

¹⁾ Cousin, II, 150—356.

²⁾ Cousin, II, 593—642.

и дурнымъ поступкомъ, прибавляетъ ли поступокъ второй грѣхъ къ первому грѣху злого намѣренія, и, наоборотъ, достойно ли доброе дѣло само по себѣ вознагражденія, или служить оно къ усилению вознагражденія? — всѣ эти вопросы чрезвычайно возбудили рѣчивость его учениковъ. Какъ нѣкогда Страбонъ могъ сказать о софистахъ Тарса, такъ и объ ученикахъ Абельяра можно было сказать: они хмелѣютъ отъ воды. Отъ точки зрѣнія „намѣренія“ Абельяръ переходитъ уже на точку зрѣнія теорій позднѣйшихъ казуистовъ. Онъ говоритъ, что можно даже сознательно не поступать по повелѣнїямъ Бога и при этомъ не грѣшнть, если этимъ лучше исполняется истинное намѣреніе Законодателя, какъ, напимѣръ, въ случаѣ вынужденной неправды, въ случаяхъ, подобныхъ благотворительности Кристиана ¹⁾, и т. д., цѣль оправдываетъ средства. По мнѣнію Абельяра, все настолько зависитъ отъ намѣренія, что доброе дѣло не дѣлаетъ человѣка лучшимъ, а злое худшимъ, чѣмъ онъ былъ до этого. Такимъ образомъ и *многія* добрыя дѣла не являются чѣмъ-либо лучшимъ, чѣмъ *одно* доброе дѣло, потому что то, что имѣетъ значеніе, заключается единственно въ намѣреніи. Существуетъ вообще одинъ только грѣхъ, это—нарушеніе требованій собственной совѣсти. Всѣ эти тонкости и казуистическіе вопросы: существуютъ ли поступки, которые грѣховны сами по себѣ, даже и безъ сознанія ихъ грѣховности совершающимъ ихъ и независимо отъ его намѣренія? можетъ ли быть названъ самъ по себѣ грѣхомъ злой помысль, и оправдываютъ ли прегрѣшеніе незнаніе или же неправильно понимаемое сознаніе своихъ правъ? всѣ эти вопросы такъ раздражали Бернара, что онъ жалуется, что Абельяръ настолько же безнравственно разсуждаетъ о нравственности, насколько онъ безбожно судилъ о божественномъ.

Второю частью своей Этики, въ которой разбираются церковныя условія отпущенія грѣховъ, покаянія, исповѣди и епитиміи, Абельяръ сталъ также отцомъ практической оппозиціи противъ іерархіи и церковныхъ учреждений. Какъ ни нерѣшительно онъ иной разъ высказывался въ теоретическихъ вопросахъ, но въ вопросахъ церковной практики онъ рѣзко высказалъ свой приговоръ. Прежде всего онъ объясняетъ, въ чемъ должна заключаться сущность истиннаго покаянія. Мы встрѣчаемся въ данномъ случаѣ съ вопросомъ, можетъ ли считаться истиннымъ покаяніемъ покаяніе, распространяющееся на нѣкоторые, а не на всѣ грѣхи? Должно ли быть принято, какъ истинное

¹⁾ По словамъ легенды, св. Кристианъ кралъ кожу, чтобы шить изъ нея башмаки для бѣдныхъ.

покаяніе, покаяніе безъ вознагражденія за причиненную несправедливость? Существуют ли вообще грѣхи, которые не могутъ быть искуплены? Короче говоря, въ этомъ сочиненіи уже затрагиваются Абеляромъ казуистическіе вопросы значительно болѣе поздней эпохи. Въ качествѣ церковнаго реформатора Абельяръ выступаетъ въ своихъ сужденіяхъ объ обычныхъ формахъ отпущенія грѣховъ, при чемъ онъ горько жалуется на практикующіеся многими епископами способы исповѣди и отпущенія грѣховъ. Абельяръ весьма опредѣленно высказалъ также положеніе патареновъ, что епископы, которые не удовлетворяютъ ни одному изъ тѣхъ предварительныхъ условій, въ силу которыхъ Иисусъ Христосъ даровалъ апостоламъ власть рѣшить и вязать, не обладаютъ и этой властью связывать и разрѣшать. Въ этомъ именно пунктѣ его ученія Арнольдъ Брешіанскій сталъ его ученикомъ, такъ какъ энергичный италіанецъ сдѣлалъ попытку положить эти тезисы Абеяра въ основу всеобщей реформы. Этика была единственной книгой, которая оказала видимое вліяніе на Арнольда, тогда какъ спекулятивная теологія Абеяра, повидному, не оказала на него никакого дѣйствія.

Объ „Теологіи“, „Этика“ и „Посланіе къ Римлянамъ“ были тѣми сочиненіями, которыя дали поводъ Бернару напасть на давно уже непереносимаго имъ діалектика. Какое возбужденіе умовъ вызвано было этими сочиненіями, объ этомъ говорятъ епископы Франціи, на это страстно указывалъ прежде всего застрѣльщикъ Бернара, Вильгельмъ изъ Тьерри, и наконецъ самъ аббатъ Клервоскій. По ихъ словамъ, книги Абеяра явились вездѣсущимъ ядомъ, который отравилъ атмосферу всего Запада, пошатнулъ вѣру юношей и мужей и превратилъ города и большія дороги въ арены богословскихъ споровъ.

Если оба названныхъ противника и сильно сгущаютъ краски при описаніи заблужденій Абеяра, то возраженія Бернара противъ метода Абеяра, во всякомъ случаѣ, построены не на воздухѣ. Абельяръ не еретикъ и не жаждетъ имъ быть, но его принципы идутъ далѣе того примѣненія, которое онъ лично изъ нихъ дѣлаетъ, и свѣтлые умы могли опровергать вѣру такими же точно способами, какими онъ доказывалъ ее. Именно эту властно хозяйничающую діалектику и возненавидѣлъ Бернаръ и разсматривалъ ее какъ оскверненіе храма, когда Абельяръ примѣнялъ ее къ изслѣдованію Священнаго Писанія ¹⁾). Упрекъ этотъ Бернаръ и поставилъ во главѣ своего обвиненія ²⁾); нельзя отрицать, дѣйствительно, что по отношенію къ христіан-

¹⁾ Migne, 182, 1055,

²⁾ Migne, 182, 1055. Habemus in Francia novum de veteri magistro theo-

скому преданію и къ словамъ Писанія Абеляръ занялъ для той эпохи чрезвычайно свободное и самостоятельное положеніе. Это обнаруживается прежде всего изъ его толкованія св. Писанія, которое предвосхищаетъ многіе вопросы позднѣйшей библейской критики. Эрудиція Абелара въ этой области часто чересчуръ превозносилась, но благодаря именно тому, что по отношенію къ лингвистическому изученію источниковъ онъ стоялъ не значительно выше современниковъ, его научныя интуиціи и кажутся заслуживающими еще большаго удивленія. Еврейскій языкъ онъ изучилъ при помощи еврейскихъ ученыхъ и выучилъ по-еврейски также и Элоизу ¹⁾; онъ усвоилъ себѣ также и основы греческаго языка. Однако, онъ откровенно признается, что можетъ читать Платона и Аристотеля только въ латинскихъ переводахъ ²⁾, и, лишь руководясь болѣе древними толкователями, онъ при случаѣ возвращается отъ своей *Vulgata* къ первоначальному тексту. Во время спора съ святымъ Вернаромъ о вѣрномъ изложеніи молитвы о хлѣбѣ насущномъ, которая въ текстѣ *Vulgata* звучитъ *panem supersubstantialem* (Матѳ., 6, 11), а у еванг. Луки (11, 3) наоборотъ *panem quotidianum*, Абеляръ, правда, цитируетъ греческій текстъ ³⁾, но не въ состояніи, однако, усмотрѣть, что согласно ему тексты Матѳея и Луки совпадаютъ, и что разнится только текстъ *Vulgatae*. Такимъ образомъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что при своихъ изслѣдованіяхъ Абеляръ клалъ въ основу ихъ текстъ Писанія на первоначальномъ его языкѣ; толкованія его являются, какъ и у его современниковъ, лишь изложеніями *Vulgatae*, но въ предѣлахъ этихъ границъ онъ весьма охотно примѣняетъ критическій методъ, и въ случаѣ, если бы этотъ методъ привился къ школамъ, со временемъ, во всякомъ случаѣ, онъ привелъ бы къ полному потрясенію средневѣковой вѣры въ авторитеты.

По средневѣковому взгляду на Писаніе авторы библейскихъ книгъ играли роль развѣ немного большую, чѣмъ грифеля или перья, при помощи которыхъ написано было Писаніе, и тѣ и другіе являлись не болѣе, какъ лишенными воли орудіями, которыми пользовался Богъ; единственнымъ же истиннымъ авторомъ всегда былъ Святой Духъ. Напротивъ, Абеляръ различаетъ три фактора, участвующихъ въ составленіи священнаго Писанія.

logum, qui ab ineunte aetate sua in arte dialectica lusit, et nunc in scripturis sanctis insanit.

1) *Problemata Heloissae*, 36. Cousin, I, 282. *Ad virgines Paraclit.* I, 234. *Sermo XVIII*, стр. 490.

2) Cousin, *oeuvres inédits*, стр. 200, 206, 399. *Introduction* стр. 49. 59.

3) Cousin, I, 621.

Первымъ является Богъ, внушающій то, что слѣдуетъ писать, вторымъ — писатель, воспринимающій внушенія въ зависимости отъ личныхъ своихъ особенностей, третьимъ факторомъ являются случайности, зависящія отъ людей, какъ, напримѣръ, плохая передача, ошибки перевода, пропуски и ошибки въ рукописяхъ и противорѣчія въ разсказѣ. Этотъ земной факторъ представленъ, по мнѣнію Абеяра, въ лицѣ того писца Посланія къ Римлянамъ (къ Римл. 16, 22), который многозначительно назывался Третьимъ, потому что онъ какъ разъ и былъ третьимъ факторомъ ¹⁾. Этотъ братъ, qui Tertius dicitur, долженъ быть отвѣтственъ за начертаніе и выраженія, и онъ, по мнѣнію Абеяра, не всегда вѣрно передавалъ смыслъ. Вводя этотъ новый коэффициентъ, Абеяръ обратилъ свое вниманіе и на явленія, на которыя средневѣковыя воззрѣнія сознательно закрывали глаза, да и теперь они встрѣтили очень сурово Абеяра, указывавшаго на эти обстоятельства. Уже въ прологѣ къ „Sic et Non“ нашъ критикъ указываетъ, насколько священное Писаніе нуждается въ особомъ разслѣдованіи, и, если мы, по словамъ апостола, предназначены къ тому, чтобы судить міръ, то мы не настолько ничтожны, чтобы не въ состояніи были судить о словахъ святыхъ авторовъ. Апокрифическія писанія украшались святыми именами, чтобы присвоить себѣ авторитетъ послѣднихъ, и какъ великія, такъ и малыя заблужденія вкрались благодаря небрежности авторовъ и переписчиковъ. Абеяръ приводитъ многіе соотвѣтствующіе примѣры этого. Такъ, онъ ссылается на то, что евангелистъ Матвей (13, 35) переименовалъ мѣсто изъ псалмопѣвца Асафа и приписалъ его пророку Исаи; что онъ же (27, 9) пророчество Захаріа о тридцати сребренникахъ приписываетъ Іереміи. Онъ указывалъ и въ другихъ случаяхъ на подобныя же темныя мѣста; *problemata*, выставленныя Элоизой, являются лишь дальнѣйшимъ развитіемъ его собственныхъ приемовъ и показываютъ, куда ведетъ этотъ методъ у учениковъ. Если самъ Абеяръ въ частности и успокаиваетъ возникающія сомнѣнія обычными гармонистическими требованіями, то скептической разумъ, который приводитъ къ такого рода вопросамъ, во всякомъ случаѣ не могъ успокоиться на существовавшей тогда механической теоріи вдохновенія. Такъ, напримѣръ, Абеяръ приходитъ къ мысли и излагаетъ ее въ прологѣ къ „Sic et Non“, что пророки не всегда обладали духомъ пророчества. Иногда они высказывали невѣрные положенія на основаніи личныхъ своихъ

¹⁾ Expos. in epistolam ad Romanos, къ 16, 22. Cousin, II, 353. Ut videlicet ille Tertius diceretur nomine, qui tertius erat in operatione. Онъ былъ именно cancellarius Apostolicus, tanquam notarius Apostoli.

мыслей, полагая, что они получили внушеніе свыше, и Богъ допускалъ совершаться подобнымъ заблужденіямъ, чтобы укрѣпить ихъ въ смиреніи. Къ тому же, не можетъ быть каждый просвѣщенъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ одномъ смыслѣ онъ можетъ быть пророкомъ, въ другомъ — слабымъ, ошибающимся человѣкомъ, какъ это показываетъ Петръ въ Антиохіи. Абеляръ ссылается также и на примѣръ пророка Наана, который сначала побуждалъ Давида къ построенію храма, а затѣмъ, лучше освѣдомленный, снова отговаривалъ его ¹⁾). Такимъ образомъ, если Абеляръ въ общемъ и не затрагиваетъ догматической авторитетности священнаго Писанія, то онъ, во всякомъ случаѣ, считалъ себя въ правѣ судить: могутъ ли быть въ частности приписаны извѣстные слова Духу Божію, индивидуальнымъ свойствамъ автора, или третьему фактору—человѣческому посредничеству и недостаточно точной передачѣ, брату Тертію, могли бы мы сказать. Въ письмѣ къ Бернару Клервосскому объ истинномъ текстѣ „Отче Нашъ“ Абеляръ отдаетъ преимущество Матѳею передъ Лукой ²⁾). Вообще онъ не задумывается приписывать при случаѣ святымъ авторамъ личные взгляды ³⁾). Въ трудахъ Абеяра уже звучитъ историческая критика, и порою насъ поражаетъ, съ какою ясностью разбирается въ своихъ текстахъ этотъ ученый двѣнадцатаго вѣка. Является во всякомъ случаѣ весьма необычнымъ, что схоластикъ двѣнадцатаго вѣка въ своемъ введеніи къ объясненію Посланія къ Римлянамъ высказываетъ собственный взглядъ на различныя дѣли библейскихъ книгъ и указываетъ на различную дѣйность закона и пророковъ ветхаго Завета и отдѣльныхъ евангелій и посланій въ новомъ, а равно и на различную дѣйность посланій по отношенію другъ къ другу. Что же касается самого Посланія къ Римлянамъ, то Абеляръ совершенно вѣрно замѣтилъ, что намѣреніе св. ап. Павла въ этомъ Посланіи заключалось въ желаніи успокоить распрю между христіанами изъ язычниковъ и христіанами изъ евреевъ, при чемъ онъ выставилъ въ полномъ свѣтѣ благодать милосердія Бога и поставилъ въ тѣни дары человѣческихъ дѣяній.

Какъ въ сферѣ толкованія Писанія, такъ жеобстояло дѣло съ научнымъ методомъ Абеяра и въ сферѣ ученія о вѣрѣ. Нельзя сказать, чтобы по своимъ результатамъ это былъ методъ невѣрующаго, но онъ приводилъ къ невѣрію, потому что основывался главнымъ образомъ на построеніяхъ ра-

1) Epistola de Dionysio Areopagita. Cousin, I, 684.

2) Ep. ad Bernardum Claraevall. Cousin, I, 619.

3) Sic et non. Migne, 178, 139 и слѣдующее Введеніе.

зума. Монашескія школы, изучая Боэція и Порфирія, усвоили себѣ извѣстный навѣкъ въ діалектическомъ методѣ Аристотеля, и первой классической попыткой этого искусства доказательства было сочиненіе Ансельма „*Cur deus homo.*“ На этой первой высшей точкѣ своего развитія схоластика еще неизблемо придерживалась убѣжденія, что церковная вѣра и чело-вѣческой разумъ взаимно совпадаютъ. Если источникомъ первой было откровеніе, то и разумъ исходитъ отъ Бога, такъ что противорѣчія не можетъ, слѣдовательно, и быть при правильномъ примѣненіи разума. Въ случаѣ же, если учителямъ этой эпохи приходилось убѣждаться въ несоотвѣтствіи авторитета съ разумомъ, они удовлетворялись ссылкой на слабость чело-вѣческаго разума, а Бернаръ даже прямо указываетъ на небеса, гдѣ мы будемъ находиться въ состояніи созерцанія, тогда какъ въ настоящее время мы обязаны вѣровать. Такой діалектикъ, какъ Абеляръ, вѣчно живой умъ котораго не въ состояніи былъ успокоиться, пока не охватывалъ всецѣло всякаго вопроса, не формулировалъ его ясно и не находилъ для него наивозможно точнаго отвѣта, конечно, не способенъ былъ къ такому слѣпому подчиненію. Его живой умъ не могъ быть успокоенъ механическими средствами, это было невозможно уже потому, что Абеляръ обладалъ достаточной эрудиціей, чтобы ориентироваться въ „да“ и въ „нѣтъ“ учителей Церкви. Ему было извѣстно, что вообще не существовало согласія у авторитетовъ, согласія, которымъ пробовали заткнуть его жаждующія диспутовъ уста, и очевидно, его сочиненіе „*Sic et Non*“ именно и имѣло цѣлью указать на нерѣшенные вопросы. Нашъ *dialecticus Palatinus*, какъ показываетъ именно только что упомянутое его сочиненіе, занималъ по отношенію къ своимъ монашес-ствующимъ противникамъ заслуживающее сожалѣнія положеніе, ибо изучилъ гораздо больше, чѣмъ они; онъ, къ своему несчастью, видѣлъ тысячи трудностей тамъ, гдѣ они ничего не замѣчали и даже не желали ничего замѣчать.—Тамъ, гдѣ Абеляръ защищалъ прибавку западной Церковью словъ *filioque*, мы видимъ, что онъ, конечно, хорошо зналъ, что всѣ слова *Athanasianum*'а (Символа вѣры) не встрѣчаются буквально въ священномъ Писаніи ¹⁾, что Писаніе не содержитъ въ себѣ особаго описанія сошествія Христа въ адъ, а равно и утвержденія о сохраненной Маріей дѣвственности послѣ рожденія Христа. Абеляръ оправдываетъ эти позднѣйшія ученія обычными доводами, но для такого изобрѣтательнаго ума, какимъ былъ онъ, едва ли недостаточныя библейскія обоснованія могли послужить къ рекомендаціи

¹⁾Epist. ad S. Bernard. Cousin, I. 623.

этих догматовъ, какъ это и утверждалось между прочимъ его противниками, которые обвиняли Абельяра въ томъ, что онъ отрицалъ ихъ. Во всякомъ случаѣ Абельяру предстояло преодолѣть совершенно инныя сомнѣнія, чѣмъ тѣмъ людямъ, которые попросту не имѣли понятія въ какомъ бы то ни было различіи въ свидѣтельствахъ. Его діалектическое образованіе принуждало его вмѣстѣ съ тѣмъ принимать въ соображеніе массу трудностей, мимо которыхъ другіе, ничего не подозревая, проходили въ своемъ простодушіи. Если бы Абельяръ прямо самъ сталъ оспаривать догматы, ему бы весьма скоро зажали ротъ, но онъ противопоставлялъ авторитету авторитету для того, чтобы показать, насколько они противорѣчатъ другъ другу, сколько еще спорныхъ имѣетъ, сколько еще приходится сдѣлать для его науки. Во вступленіи къ своему „Sic et Non“ ¹⁾ онъ весьма невнятно видитъ свою задачу прежде всего лишь въ томъ, чтобы при противорѣчій многихъ выраженій мы рѣшали: происходитъ ли оно отъ недостатка освѣщенія ихъ нашимъ пониманіемъ, или же святые мужи одному и тому же выраженію придавали различный смыслъ, такъ что противорѣчіе получается лишь кажущееся, или, наконецъ, не искажены ли ихъ писанія чужою рукою, и не приписаны ли другими людьми разсматриваемыя писанія ихъ авторству? Нѣкоторыя мнѣнія были впоследствии взяты назадъ самими авторами; иногда они приводили невзначай чужіе взгляды, какъ, напримѣръ, въ Экклесіастѣ выводятся различныя лица, высказывающія противоположныя мнѣнія; или же авторы употребляли простонародный способъ выраженія, такъ что мы въ правѣ понимать эти выраженія фигурально. Тамъ же, гдѣ всѣ эти соображенія не достаточны, гдѣ авторитетъ, дѣйствительно, стоитъ противъ авторитета, слѣдуетъ взвѣсить авторитеты и принять тотъ, который имѣетъ за себя болѣе сильныя доводы. Какъ ошибся Петръ (къ Галатамъ, 2), такъ же могли ошибаться и отцы Церкви. Слѣдуетъ, слѣдовательно, оставить за собою право свободнаго рѣшенія, и только каноническія книги должны пользоваться неоспоримой авторитетностью. Такимъ образомъ, Абельяръ не желалъ освободить разумъ отъ всѣхъ авторитетовъ, это оказывается преувеличеніемъ его противниковъ, противъ котораго онъ съ полнымъ правомъ защищался, но мы видимъ, однако, какъ онъ ослаблялъ цѣпи, чтобы создать для разума извѣстный просторъ, въ предѣлахъ котораго онъ долженъ былъ имѣть право высказывать свое рѣшеніе согласно своимъ собственнымъ законамъ и потребностямъ. Онъ не желалъ ничего большаго, кромѣ права

1) Migne, 178, 1339.

участія для живѣйшей своей духовной потребности, хотя бы и въ скромныхъ размѣрахъ. Однако, указавъ на массу вопросовъ, по отношенію къ которымъ мнѣнія Церкви являются сомнительными, или же несогласными, онъ долженъ былъ неизбежно пробудить въ учащейся молодежи тотъ полемическій задоръ, который былъ такъ ненавистенъ церковнымъ властямъ, и изъ-за котораго онѣ смотрѣли на Абеяра, какъ на ересіарха, хотя онъ отнюдь не оспаривалъ, а, наоборотъ, доказывалъ ученіе церкви. Этотъ вполнѣ новый способъ доказательствъ неизбежно повелъ за собою и новую формулировку догмата, что тотчасъ же вновь послужило поводомъ къ столкновенію съ церковной властью. Такъ какъ мы не разбираемъ въ данномъ случаѣ системы Абеяра, а рассказываемъ лишь исторію его жизни, то будетъ достаточно, если мы намѣтимъ лишь главные пункты, которые привели къ столкновенію съ ученіемъ Церкви и дали его противникамъ возможность выступить съ обвиненіями противъ него.

Прежде всего Абеяръ разошелся съ тогдашними церковными взглядами въ одномъ изъ основныхъ своихъ предположеній. Со времени Ансельма церковь отсѣкала всякую попытку возраженій разума противъ догмата заявленіемъ, что вѣра должна предшествовать пониманію: слѣдуетъ вѣровать, чтобы видѣть истинность вѣры. Что же касается вѣры, какъ религіознаго душевнаго настроенія, которая несомнѣнно должна уже предварительно существовать, прежде чѣмъ возможно понять ее, то безъ дальнѣйшихъ разсужденій она приписывалась догматической сущности ученія Церкви. Хотя Абеяръ и соглашается съ тѣмъ, чтобы ограничиться авторитетами тамъ, гдѣ нѣтъ возможности проникнуть до такого уразумѣнія вопроса, но, по его мнѣнію, истинной вѣрой все-таки можетъ быть лишь вѣра постигаемая; потому что тотъ, кто повторяетъ чужія слова, не понимая ихъ смысла, не только не можетъ изучать другихъ, но не можетъ даже дать самому себѣ отчета въ своей вѣрѣ, и поэтому, по мнѣнію Абеяра, пониманіе должно предшествовать истинной вѣрѣ. Въ виду этого, какъ въ „Historia calamitatum“, такъ и въ „Introductio“, онъ ратуетъ противъ слѣпago неprovѣреннаго принятія положеній, о которыхъ нельзя составить себѣ никакого представленія. По его мнѣнію, механическое повтореніе словъ, смыслъ которыхъ не усвоенъ, не есть вѣра, а лишь пустая болтовня. Онъ полагаетъ, слѣдовательно, что вѣра не предшествуетъ пониманію; а что она предполагаетъ предварительное пониманіе. Разумная вѣра должна необходимо быть понятой сама по себѣ. Задачей діалектика является, такимъ образомъ, доказать, что вѣра согласуется съ разумомъ, и Абеяръ утверждаетъ, что этимъ онъ окажетъ большую услугу церкви, хотя онъ и знаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ Церкви существуетъ партія,

не только не желающая такого рода услугъ, но стремящаяся даже охотнѣе всего къ запрещенію ихъ. Абеляръ считаетъ между прочимъ необходимымъ привести въ своемъ „Введеніи къ Богословію“ и въ полемическомъ посланіи „Противъ одного незнакомаго съ діалектикой“ обстоятельное оправданіе своему мнѣнію, что онъ вообще считаетъ нужнымъ обосновывать догматы, и притомъ философскими путями, потому что весьма многіе старались „найти утѣшеніе своему невѣжеству въ томъ, что рекомендуютъ такого рода страстную вѣру, которая вѣрить ранѣе, чѣмъ понимаетъ.“ Опровергая возможность пониманія догмата, они впадаютъ въ ересь Монтана, который училъ, что пророки пророчествовали въ экстазѣ и сами не знали того, что они говорили. „Мы же тѣмъ скорѣе сдѣлаемся учениками Христа, Который есть истина, чѣмъ сильнѣе мы будемъ подкрѣплены истиною основаній.“ Вѣдь Самъ Сынъ называется Logos'омъ, мудростью Бога, поэтому Ему особенно свойственна та наука, которая подходитъ къ нему и по своему названію, потому что, какъ мы называемся христіанами по Христу, такъ и логика, повидимому, именуется въ особенности по Логосу.“¹⁾ Абеляръ поэтому не отрицаетъ, что Божественная Троица можетъ быть истинно понята только Ею Самою, но между абсолютнымъ непониманіемъ и созерцаніемъ праведныхъ средину занимаетъ человѣческое знаніе, которое должно изслѣдовать то, что согласуется съ человѣческимъ разумомъ и не противорѣчить святой вѣрѣ.

Однако въ указаніе Абеяра, какимъ образомъ догматъ согласуется съ человѣческимъ разумомъ, незамѣтно проскользнула раціонализація перваго. Хотя онъ и отвергалъ, что онъ училъ будто бы чему-то новому, однако уже и одна новизна его выраженій была достаточно ненавистна монахамъ. Онъ уже ранѣе подвергся обвиненію въ ереси за свою прежнюю попытку обосновать *ученіе о Св. Троицѣ* составными отличительными признаками совершеннѣйшаго Существа, однако, то обстоятельство, что онъ, какъ послѣ этого, такъ и до этого, отдавалъ предпочтеніе этому ученію, отвергнутому вслѣдствіе пристрастнаго отношенія, потому что считалъ это ученіе рѣшеніемъ загадки, служить сильнымъ доказательствомъ искренности его намѣреній подкрѣпить и доказать ученіе Церкви. Онъ полагалъ, что, только въ случаѣ если поймутъ его истинныя мнѣнія, въ нихъ увидятъ истинное мнѣніе Церкви, и онъ зналъ также, что его взгляды совсѣмъ не были поняты

1) Migne 178, 333 и сл.

въ Соассонѣ. Онъ не имѣлъ намѣренія полемизировать противъ догматовъ, наоборотъ, онъ доказывалъ ихъ.

Абеляръ имѣлъ намѣреніе отвѣтить на два вопроса: что означаетъ различіе трехъ лицъ въ *Одномъ* Божественномъ существѣ, и какимъ образомъ возможно утверждать *Тройственность* лицъ, не вредя недѣлимому единству субстанции? Мы уже знаемъ, что Абеляръ изъ понятія совершеннѣйшаго существа выводилъ, какъ необходимые отличительные признаки Его, могущество, мудрость и любовь, выражающіяся какъ Отецъ, Сынъ и Святой Духъ; всесовершеннѣйшее Существо и состоитъ именно въ томъ, что Оно есть Отецъ, Сынъ и Духъ Святой. Однако, какъ ни старался Абеляръ опредѣлить три лица Троицы какъ различія отношеній одного и того же существа, но при этомъ все же какъ лица, онъ всегда находился въ опасности при отгѣненіи единства впасть въ модализмъ, а при различеніи лицъ не сохранить никакого иного единства, кромѣ единства родового понятія. Но, когда отцы Сенскаго собора ухватились за старое обвиненіе, будто бы Абеляръ приписывалъ Сыну меньше могущества, чѣмъ Отцу, то это являлось извращеніемъ его невѣрно понятыхъ или неточно цитированныхъ словъ.

Если Абеляръ говорить, что могущество, мудрость и любовь составляютъ отличительные признаки совершеннѣйшаго Существа, то подъ этимъ нельзя понимать, что Отецъ есть только могущество, Сынъ только мудрость, а Духъ только любовь; Абеляръ желаетъ лишь каждому изъ трехъ лицъ придать свойственный ему атрибутъ, которымъ оно отличается отъ другихъ. Если Абеляръ называетъ Отца могуществомъ, то это означаетъ, что Богъ существуетъ черезъ себя, и все существуетъ черезъ Него. Сынъ—это мудрость, но послѣдняя сама по себѣ является могуществомъ, именно могуществомъ различенія. Что же касается Святого Духа, то, уже по ученію блаженнаго Августина, Онъ является любовью Отца, источникомъ божественнаго милосердія и благодати всей сверхчувственной жизни. Поэтому Писаніемъ приписывается Святому Духу прощеніе грѣховъ, святое крещеніе, причащеніе, однимъ словомъ, всѣ тѣ проявленія Божественнаго Существа, въ которыхъ проявляется не Его могущество, а Его милосердіе ¹⁾).

Образы, приведенные Абеляромъ для доказательства единства въ тройственности, которые были такъ ѣдко поставлены ему въ обвиненіе его противниками, имѣли лишь апологетическую цѣль опровергнуть тритеизмъ Рос-

¹⁾ Глава V; у Stölzle, 7 и сл.

целина. Такъ, напримѣръ, онъ сравниваетъ съ Божественной Сущностью металлъ, изъ котораго художникъ, выгравировавъ на немъ изображеніе короля, дѣлаетъ королевскую печать, такъ что металлъ, изображеніе и печать представляютъ однородное единство въ тройственности. Но, опровергая такимъ образомъ тритеизмъ Росцелина, онъ подвергается нареканіямъ, что не оказалъ должнаго ипостасвому существованію трехъ Лиць, и навлекаетъ на себя подозрѣніе въ савеліанизмъ.

Съ другой же стороны опредѣленіе Абеляромъ Святого Духа подало поводъ Бернару обвинять его въ томъ, что онъ учитъ различіямъ и дѣленіямъ по степенямъ святой Троицы. Въ этомъ отношеніи Абеляръ исходитъ изъ ученія Церкви, что *только Сынъ* произошелъ изъ существа Отца. „Нѣкоторые учителя Церкви хотя и говорятъ, что Святой Духъ также происходитъ изъ сущности Отца, но на самомъ дѣлѣ это не такъ, потому что это можетъ быть сказано лишь о Сынѣ; Духъ же, хотя Онъ одной и той же сущности какъ Отецъ, не происходитъ изъ сущности Отца и Сына; иначе Онъ долженъ бы быть созданъ Отцомъ и Сыномъ, тогда какъ Онъ скорѣе исходитъ изъ Нихъ, т. е. распространяется на кого-либо любовью, потому что никто не можетъ быть милосерднымъ къ самому себѣ.“ Если этимъ Абеляръ приписалъ различія и градаціи Святой Троицѣ, то они обоснованы такимъ образомъ формулировкой самого католическаго Символа Вѣры, который различаетъ рожденнаго Сына и Духа, исходящаго отъ Отца и Сына. Обвиненіе въ арианизмъ является, во всякомъ случаѣ, гнуснымъ преувеличеніемъ, если даже и допустить, что Абеляръ, по обыкновенію діалектиковъ, черезчуръ рѣзко отбѣнилъ различія.

Въ противорѣчій съ обвиненіемъ, будто бы Абеляръ приписывалъ лишь Богу (Отцу) полное всемогущество, стоитъ другое обвиненіе, выставленное противъ него же, будто бы онъ сомнѣвался во всемогуществѣ Бога. Обвиненіе основывалось на утвержденіи Абеляра, что Богъ способенъ лишь на то, что заключается въ понятіи Бога; съ этой точки зрѣнія твореніе способно на многое, на что не способенъ Богъ¹⁾. Ходить, говорить, чувствовать Богъ не можетъ, хотя Онъ является причиною того, что мы способны на все это. Съ другой стороны Его понятіе всемогущества ограничено понятіями святости и цѣлесообразности. Такъ какъ среди различныхъ возможно-

1) *Introductio*. III, 4 и сл. *Theologia christiana*. Cousin, II, 557 и сл. *Querendum itaque primo videtur, quomodo vere dicatur omnipotens, si non possit omnia efficere*. Bach, *Dogmengeschichte des Mittelalters*, II, 58 и сл.

стей лишь одна является *наилучшей*, Богъ же, вслѣдствіе своей благодати желаетъ всегда только лучшаго, то Онъ въ силу своего собственнаго существа связанъ именно съ этою одною возможностью. Въ этомъ утвержденіи Абельяра дѣло идетъ по существу лишь объ этическомъ направленіи Божественной дѣятельности, противники же бросили ему обвиненіе въ томъ, что онъ отвергаетъ всемогущество Бога, потому что само собою вытекающій выводъ изъ мудрости и святости Бога Абельяръ формулировалъ, слѣдуя своей парадоксальной манерѣ, слѣдующимъ образомъ: Богъ не можетъ сдѣлать больше того, что Онъ дѣлаетъ, не можетъ ничего сдѣлать инымъ образомъ, или въ иное время, чѣмъ Онъ дѣлаетъ, не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, чѣмъ то, что Онъ дѣлаетъ; ничего изъ того, что Онъ дѣлаетъ, Онъ не можетъ не исполнить ¹⁾. Если изобразить все это не въ столь эпиграмматической формѣ, то означать это будетъ слѣдующее: человѣкъ способенъ сдѣлать и то, что противорѣчитъ разуму и святости, величіе Бога выражается въ томъ, что Онъ не способенъ ни на то, ни на другое. Если же противники Абельяра выковали изъ этого обвиненіе, будто бы онъ отрицалъ всемогущество Божіе, то они или не поняли его, или не желали понять его. Есть, правда, основаніе думать, что ученики Абельяра обратили особенное вниманіе какъ разъ на это неясное мѣсто и приводили въ смущеніе боязливые умы этими парадоксальными положеніями Абельяра. Въ дѣйствительности же мы имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣло съ однимъ изъ глубокомысленнѣйшихъ разсужденій „Введенія“; разсужденіе это представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ блестящій примѣръ пытливаго діалектическаго метода Абельяра.

На вопросъ: можетъ ли Богъ сдѣлать больше или лучше того, что Онъ дѣлаетъ, нельзя дать, по мнѣнію Абельяра, ни положительнаго, ни отрицательнаго отвѣта. Богъ можетъ совершать исключительно только добро. Если бы Онъ не совершалъ того добра, на что Онъ способенъ, то у Него былъ бы недостатокъ въ доброй волѣ, однако это невозможно, потому что Онъ абсолютное благо. Изъ этого слѣдуетъ, что Богъ не можетъ совершать большаго и лучшаго, чѣмъ то, что Онъ совершаетъ, и что онъ совершаетъ это лучшее въ силу необходимости. Съ другой стороны, мы знаемъ, что Богъ могъ бы осчастливить порочнаго человѣка или же сдѣлать хорошаго человѣка еще болѣе достойнымъ. Слѣдовательно, Богъ въ состояніи сдѣлать то, чего Онъ никогда не сдѣлаетъ. Но въ такомъ случаѣ положеніе, что Богъ

1) *Introductio ad theologiam*. Cousin, II, 121 и сл.

способенъ сдѣлать только то, что Онъ дѣйствительно совершаетъ, ложно. Если бы добро вытекало въ силу необходимости изъ Его природы, а не изъ Его воли, то мы не обязаны были бы и благодарить Его. Такимъ образомъ, Богъ всегда можетъ совершать только то, чего Онъ желаетъ, Его могущество простирается лишь настолько, насколько этого желаетъ Его воля. Но это могущество и эта воля вѣчно неизмѣнны, потому что существо Бога, это—прежде всего неизмѣняемость. Оно не имѣетъ поэтому также послѣдовательности во времени. Могуществомъ, которымъ когда-либо обладалъ Богъ, Онъ обладаетъ всегда; то, что Ему извѣстно, Ему извѣстно вѣчно; что Онъ когда-либо желалъ, Онъ желаетъ вѣчно. Всякое движеніе исключается въ понятіи Бога. Если мы говоримъ о дѣяніи Бога, то не слѣдуетъ предполагать при этомъ какого-либо движенія въ Богѣ, при посредствѣ котораго Онъ совершаетъ дѣйствіе, этимъ обозначается лишь новое дѣйствіе Его вѣчной воли. Подъ дѣяніемъ Бога нельзя понимать ничего иного, кромѣ того, что Онъ причина всего, что совершается. О дѣйствіи Бога поэтому не можетъ быть рѣчи, потому что всякое дѣйствіе есть движеніе. То, что мы обозначаемъ названіемъ дѣяній Бога, является лишь вѣчнымъ начертаніемъ разума Бога, осуществляющимся въ дѣйствительности. Но въ самомъ начертаніи Бога ничего не измѣняется, оно остается неизмѣннымъ, какъ до его проявленія, такъ и послѣ него. Такъ же мало допустимо у Бога и пространственное движеніе, какъ недопустимо и движеніе во времени. Такимъ образомъ, всякое воздѣйствіе Бога на міръ слѣдуетъ въ виду этого представлять себѣ какъ простое исполненіе вѣчнаго предначертанія воли.

При отгнѣніи *неизмѣняемости* Бога возникло, однако, затрудненіе: какъ слѣдуетъ понимать воплощеніе Бога? Абельяръ принужденъ высказать по этому поводу такія смѣлыя мысли, что по сравненію съ ними Бернаръ назвалъ всѣ его прежнія нововѣрія „дѣтскими пѣснями“ (paenias).

Въ силу развитыхъ ранѣ предположеній Абельяръ видитъ и въ воплощеніи лишь осуществленіе во времени вѣчнаго предначертанія божественной воли. Реальное участіе существа Бога въ воплощеніи выразилось какъ движеніе или видоизмѣненіе, но Богъ неизмѣняемъ; слѣдовательно, благодаря воплощенію не совершилось никакого измѣненія въ божественномъ существѣ. Въ Иисусѣ Христѣ божественное относится къ человѣческому, какъ духовное къ тѣлесному. Какъ духъ не превращается въ тѣло, такъ же мало и Богъ въ воплощеніи становится инымъ, чѣмъ Онъ былъ до этого. „Человѣкъ“, говорится въ *Introductio*, „тѣлесное существо, состоящее изъ отдѣльныхъ органовъ, и тлѣнное. Богъ же нетѣлесное существо; Онъ не со-

стоитъ изъ органовъ и нетлѣннѣ. Нельзя, слѣдовательно, сказать въ буквальномъ смыслѣ, что человѣкъ есть Богъ. Человѣкъ, являющійся твореніемъ и имѣющій начало, не можетъ быть Богомъ, потому что благодаря этому нужно было бы ввести новый элементъ въ Божество, которое, однако, неизмѣнно. Отъ такого ложнаго взгляда насъ предостерегаетъ самъ Богъ, когда онъ говоритъ: „Израиль, если ты будешь мнѣ послушенъ, у тебя не будетъ иного бога“. Воплощеніе означаетъ, слѣдовательно, лишь то, что божественная сущность присоединяется къ человѣческой въ одномъ лицѣ, однако не такъ, чтобы божественная сущность дѣлалась тѣмъ, что составляетъ человѣческую сущность, такъ же, какъ и человѣческій разумъ не становится тѣломъ, которому онъ присвоенъ, и не превращается въ его природу. Поэтому Богъ такъ же мало можетъ быть человѣкомъ, какъ и человѣкъ Богомъ, потому что въ противномъ случаѣ вытекало бы, что Богъ является чѣмъ-то созданнымъ, или чѣмъ-либо, чѣмъ Онъ не всегда былъ“. Logos относится, слѣдовательно, къ душѣ Иисуса Христа, какъ послѣдняя къ тѣлу; при этомъ Абельяръ ясно говоритъ, что душа Христа не можетъ обладать тѣмъ же знаніемъ, какимъ обладаетъ Logos, въ противномъ случаѣ созданіе было бы равно Творцу, что противорѣчитъ разуму. Такимъ образомъ Христосъ только какъ человѣкъ имѣлъ различную съ Богомъ волю, а не какъ Logos. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Абельяръ приходитъ послѣ этого къ дальнѣйшимъ парадоксальнымъ выводамъ, что Христосъ противъ своей воли пострадалъ за насъ, потому что человѣческая воля желаетъ лишь того, что приятно. Заслугой Христа и является именно то, что онъ пострадалъ за насъ противъ своей воли. „Онъ пострадалъ, слѣдовательно, не потому, что желалъ выстрадать то, что Его устрашало въ смерти, а потому, что любилъ Отца и зналъ, что Онъ желаетъ этого, и что это Ему угодно. Значитъ, если Писаніе говоритъ, что Онъ принесенъ былъ въ жертву, потому что самъ желалъ этого, то это слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что неизбежную смерть Онъ одобрилъ и привѣтствовалъ“. Это раздѣленіе человѣческой и божественной воли въ Христѣ и называлось несторіанствомъ Абельяра и вытекало изъ его пристрастія къ рѣзкимъ опредѣленіямъ. *Communicatio idiomatum*, по мнѣнію Абельяра, является лишь способомъ выраженія, которое слѣдуетъ понимать въ переносномъ смыслѣ; въ своемъ изложеніи апостольскаго символа Абельяръ пользуется для *communicatio idiomatum* образомъ человѣка красивой внѣшности и мудраго духомъ, такъ что дѣлаго человѣка можно назвать красивымъ или мудрымъ. Такъ же точно возможно называть Христа Богомъ или человѣкомъ. Фактически же Абельяръ

настолько раздѣлялъ обѣ эти сущности, что отрицалъ, что Христосъ былъ однимъ изъ лицъ Святой Троицы. Только Logos, соединившійся въ Христѣ съ человѣкомъ, является однимъ изъ лицъ Троицы, а не человѣкъ, который отдѣленъ отъ Logos'a, потому что оба существа въ своемъ единствѣ не могутъ составлять чего-либо вѣчнаго, такъ какъ одно изъ нихъ не является вѣчнымъ, и такъ какъ этимъ вводился бы новый элементъ въ Божество, которое неизмѣнимо. Съ цѣлью сохранения неизмѣнности Бога, несмотря на Его воплощеніе, Абельяръ отдѣляетъ въ Христѣ божественное отъ человѣческаго и выдѣляетъ человѣческое отъ общности со Святою Троицею. Какъ кости и мышцы, говоритъ Абельяръ, соединены въ извѣстномъ единствѣ въ тѣлѣ человѣка, или же какъ камень и бревна соединены въ какомъ-либо зданіи, не измѣняя при этомъ своей сущности, такъ и Божество, соединяясь съ человѣкомъ въ одномъ лицѣ, остается тѣмъ же, чѣмъ оно было до этого ¹⁾). Подобное раздѣленіе обѣихъ природъ Христа дѣйствительно звучало несторіанствомъ, но для Абельяра *tertium comparationis* была неизмѣнность божественной сущности, а не раздвоеніе личности Христа; поэтому непозволительно было выводить заключенія, выходящія за предѣлы собственной задачи Абельяра, ради которой именно самъ онъ и привелъ эти сравненія. Но Бернару Клервосскому это рѣзкое раздѣленіе и обособленіе того, что должно принадлежать божественной, и что человѣческой природѣ Христа, показалось безбожнымъ подкопомъ подъ самый корень всего святого и побудило аббата клервосскаго высказать такой рѣзкій приговоръ: когда онъ говоритъ о личности Христа, то слова его отзываются Несторіемъ ²⁾).

Еще соблазнительнѣе звучали для современниковъ разсужденія Абельяра о сущности *грѣха*, которыя онъ изложилъ въ первой книгѣ своей „Этики“ и въ „Комментаріяхъ“ къ посланію къ Римлянамъ. По мнѣнію Абельяра, грѣхъ обуславливается всегда сознательнымъ рѣшеніемъ воли. При склонности Абельяра доводить всѣ вопросы до крайности онъ подалъ при этомъ поводъ къ обвиненію вслѣдствіе своего утвержденія, что совершеніе поступка ничего не прибавляетъ ни къ заслугѣ, ни къ винѣ. Въ раю, напримѣръ, грѣхопаденіе, по мнѣнію Абельяра, совершилось въ тотъ моментъ, когда Ева внутренне рѣшилась вкусить запрещеннаго плода. Для Адама Абельяръ находитъ смягчающее обстоятельство въ томъ, что онъ не хотѣлъ

1) *Theologia christiana*, Cousin, II, 515 и сл. *Introductio ad theologiam* 134 и сл. Болѣе подробно у Deutsch'a 300 и сл. Bach, 61 и сл.

2) Ep. 192. Migne, 182, 359.

огорчить возлюбленную супругу, отказавшись отъ запрещеннаго плода. Вообще же Абельяръ считаетъ этотъ первый грѣхъ менѣе значительнымъ, по сравненію со многими послѣдующими, и полагаетъ, что Богъ наказалъ за него такъ сурово лишь ради устрашенія ¹⁾). Этотъ взглядъ, напоминающій туманныя разсужденія Цвингли, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ господствовавшимъ въ эту эпоху ученіемъ блаженнаго Августина, согласно которому первое грѣхопаденіе являлось рѣшающимъ событіемъ для всего человѣчества и обременило тяжестью наказанія всѣ послѣдующія поколѣнія. Абельяръ слегка подходитъ даже къ позднѣйшимъ раціоналистическимъ догадкамъ, когда онъ считаетъ въ своемъ „Комментаріи“ достойнымъ упомянуть о мнѣніи, что древо познанія было виноградной лозой, за что говорить то обстоятельство, что употребленіе плода возбудило чувственность, какъ это и случается послѣ употребленія вина ²⁾). Если и въ ту эпоху ученые спорили о томъ, объясняются ли пагубныя послѣдствія перваго грѣха тѣмъ, что человѣческая душа, которая существовала въ то время только въ Адамѣ и Евѣ, испорчена была и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, или же тѣмъ, что *тѣла* были потрясены и съ этого времени не были послушны душѣ и посему потрясли вмѣстѣ съ собою и душу, то, все же, всѣ они были согласны съ тѣмъ, что вина прародителей унаслѣдована была потомками, такъ какъ послѣдніе имѣли участіе въ грѣхѣ первой человѣческой четы. Но Абельяръ отрицалъ это унаслѣдованіе вины, потому что, по его мнѣнію, грѣхъ заключается единственно въ свободномъ рѣшеніи воли. Онъ вообще не признаетъ унаслѣдованной вины. Но его мнѣнію, о винѣ можетъ быть рѣчь только послѣ того, какъ душа познала божественный законъ и допустила себя до паденія благодаря раздраженіямъ или ощущеніямъ тѣлесной боли. Абельяръ съ такимъ рвеніемъ старался въ своемъ *intentio* найти сущность грѣха, что онъ позволялъ себѣ даже увлечься и высказалъ парадоксъ, что тѣ, которые были убѣждены, что законъ Бога требуетъ распятія Христа, не грѣшили, когда распинали Христа, такъ какъ намѣреніе ихъ состояло въ исполненіи закона Бога, но они грѣшили бы, если бы не совершили этого распятія противно своимъ убѣжденіямъ ³⁾). Такого рода примѣры возбудили, понятно, противъ себя сильныя обвиненія, а со взглядомъ, что грѣхъ невѣдѣнія не составляетъ вины, уче-

1) Expos. Ep. Rom. ed. Cousin, II, 235 и сл., 242 и сл.

2) Hexaem. Ed. Cousin, II, 674 и сл.

3) Scito te ipsum. Cousin, II, 615 и сл.

ніе Церкви объ унаслѣдованной людьми винѣ и объ осужденіи дѣтей, умершихъ некрещеными, могло быть согласовано лишь весьма искусственно; кажется даже суровостью и непослѣдовательностью, что Абельяръ остался вѣренъ ученію Церкви и въ этомъ пунктѣ. По отношенію къ Писанію Абельяра въ своемъ изложеніи Посланія къ Римлянамъ оправдываетъ свои пелагианскія мнѣнія о первородномъ грѣхѣ тѣмъ, что Писаніе понимаетъ подъ грѣхомъ то дѣйствительныя грѣхи, т. е. пренебреженіе волею Бога, то *наказанія* за грѣхи, въ смыслѣ чего и сказано, что Христосъ взялъ на себя наши грѣхи, т. е. снялъ съ насъ наши наказанія, то, наконецъ, жертвы за грѣхи, въ смыслѣ которыхъ апостоль называетъ самого Христа нашимъ грѣхомъ. Такимъ образомъ, если мы говоримъ: люди рождаются съ первороднымъ грѣхомъ и наслѣдуютъ его отъ своего прародителя, то это скорѣе должно относиться къ наказанію за грѣхъ, въ которомъ они еще обрѣтаются, чѣмъ къ винѣ души и къ пренебреженію волею Божіей. Потому что тому, кто еще не обладаетъ свободною волею и еще не владѣетъ свободнымъ пользованіемъ своимъ разумомъ, не могутъ быть вмѣнены ни нарушеніе или неисполненіе, ни заслуга, какая бы то ни было, за которыя онъ заслуживалъ бы либо награды либо наказанія. Первородный грѣхъ является, слѣдовательно, недѣйствительнымъ по давности приговоромъ, въ силу котораго Адамъ былъ наказанъ за свой грѣхъ, или же оцѣнкой того проклятія, которое надъ нами тяготѣетъ въ силу грѣха первыхъ прародителей. То обстоятельство, что взглядъ этотъ неизбежно вытекаетъ изъ опредѣленія грѣха какъ свободнаго рѣшенія воли, ничего не измѣнялъ въ новѣршіи Абельяра, такъ что Бернаръ смотритъ на ученіе Абельяра о человѣкѣ не менѣе строго, чѣмъ на его ученіе о Христѣ, объ обонхъ онъ говоритъ коротко и ясно: „*Sapit Pelagium*“¹⁾.

Въ подобномъ же положеніи стоитъ также и ученіе Абельяра объ *искушеніи*. Вопросъ, почему именно второе лицо Святой Троицы должно было сдѣлаться человѣкомъ, разрѣшается для него его предположеніемъ, что Logos является по преимуществу божественной мудростью, поэтому-то Logos и долженъ былъ выступить тамъ, гдѣ дѣло шло о поученіи человѣчества. Согласно болѣе древнимъ учителямъ Церкви Христосъ совершилъ наше искушеніе тѣмъ, что заплатилъ дьяволу своей жизнью отступное за души, которыя вслѣдствіе грѣхопаденія подпали власти зла; наоборотъ, Ансельмъ смотритъ на смерть Христа скорѣе какъ на удовлетвореніе для Бога, честь

¹⁾ Ep. 192. Migne, 182, 358.

котораго оскорблена была непослушаніемъ людей. Абельяръ отвергаетъ оба эти представленія ¹⁾).

Дьяволъ совращеніемъ челоѣка къ злу могъ приобрести настолько же мало законныхъ правъ надъ совращенными, насколько какой-либо рабъ можетъ стать законнымъ господиномъ другого раба, если онъ совратитъ его въ непослушаніе, не говоря уже о томъ, что дьяволъ даже и не могъ исполнить обѣщанной награды: „eritis sicut deus“. Но и Богъ не могъ быть вознагражденъ такого рода отступнымъ; потому что самъ Богъ уплатилъ его, и конечно Онъ не могъ получить такого большого удовольствія вслѣдствіе смерти Своего Сына отъ руки людей, что благодаря именно этой смерти Онъ простилъ имъ ихъ отпаденіе отъ Его законовъ. Если даже за непослушаніе въ раю необходимо было искупленіе, то въ какомъ искупленіи нуждается убійство Сына на Голгоѣ! Такимъ образомъ ученіе объ отступномъ какъ съ той, такъ и съ другой точки зрѣнія не выдерживаетъ критики. Смерть Христа, по мнѣнію Абельяра, имѣла скорѣе свою цѣлью высшимъ откровеніемъ божественной любви побудить насъ къ взаимной любви къ Богу. Любовь, которую пробудило въ насъ это доказательство любви, изгоняетъ страхъ, дѣлаетъ насъ дѣтьми Божьими и освобождаетъ насъ отъ грѣха тѣмъ, что мы пребываемъ въ послушаніи Того, Кого мы любимъ, и способствуетъ такимъ образомъ нашему спасенію. Любовь къ Богу, которая является условіемъ всякаго блага, вызвана въ насъ доказательствомъ любви, даннымъ намъ Богомъ, тѣмъ, что Онъ пострадалъ и умеръ за насъ. Въ этомъ смыслѣ сказалъ именно Самъ Христосъ: „Огонь пришелъ Я низвести на землю, и какъ желалъ бы, чтобы онъ возгорѣлся!“ Это психологическое вліяніе смерти Христа является однимъ изъ интереснѣйшихъ оборотовъ умозрѣнія Абельяра, но представители Церкви не желали ничего слышать ни о какой теоріи, которая основывала все на однихъ ощущеніяхъ челоѣка. Другъ Бернара, Готфридъ, обвинилъ это примирительное ученіе главнымъ образомъ въ томъ, что оно обезцѣнило жертву смерти Христа и сохранило за нею лишь значеніе примѣра Иисуса Христа и возбужденія любви въ людяхъ ²⁾); а Вильгельмъ изъ Сень-Тьерри утверждалъ даже, что ученики Абельяра перешептывались между собою о томъ, что пришествіе Христа и вообще-то не было необходимо ³⁾. Истина въ этомъ случаѣ заклю-

1) Expos. Ep. Rom. Cousin, II, 204 и слѣд.

2) Migne 178, 176.

3) Migne 180, 269.

чается въ томъ, что у Абельяра сильнѣе отгѣнена субъективная сторона пріобрѣтеннаго на Голгоѣ спасенія, чѣмъ его объективная, абсолютная цѣнность. У Абельяра говорится болѣе о переменѣхъ взглядовъ у людей, чѣмъ о переменѣхъ настроенія Бога, и Христосъ является въ его глазахъ скорѣе провозвѣстникомъ уже примиреннаго Бога, чѣмъ самымъ виновникомъ примиренія. Но представителямъ мистическаго вѣрованія это рационалистическое толкованіе примиренія показалось опошленіемъ послѣдняго. Они не желали слышать ни о какомъ примиреніи, которое вытекало бы прежде всего изъ разсужденій человѣка, они хотѣли, чтобы оно было опредѣленнымъ, объективнымъ, независимымъ отъ человѣческихъ хотѣній, и поэтому настаивали на общепринятомъ представленіи, что Христосъ заплатилъ дьяволу отступное, что насъ и выкупило изъ-подъ власти зла. Единственно это представленіе казалось объективнымъ и правдоподобнымъ освобожденіемъ, котораго сами мы достигнуть не могли, и только оно и соотвѣтствовало вѣрованію отцовъ. Бернаръ съ своей стороны тоже дѣлаетъ упрекъ Абельяру въ отступленіи отъ столь древняго и общепринятаго ученія и считаетъ такое отступленіе нахальнымъ и безбожнымъ. „Не возбуждаетъ ли вполне законно тотъ противъ себя всѣхъ“, пишетъ онъ папѣ, „кто самъ возстаегъ противъ всѣхъ? Не лучше ли было бы заставить замолчать подобную глотку веревками, чѣмъ опровергать ее доводами?“ Если, по мнѣнію Бернара, во второмъ Посланіи къ Тимоѳею (2, 26) рѣчь идетъ о сѣтяхъ дьявола, отъ которыхъ Христосъ долженъ былъ освободить душу, если (Ев. отъ Луки 10, 18) послѣ отправленія семидесяти учениковъ самъ Исусъ видѣлъ сатану, спадшаго съ неба, какъ молнія, то земная задача Христа состояла во всякомъ случаѣ въ томъ, чтобы освободить насъ своею кровью отъ власти зла. „Изъ этого Абельяръ могъ бы убѣдиться, что дьяволъ имѣлъ не только власть надъ людьми, но что онъ имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ законную власть; благодаря чему Абельяръ долженъ признать также, какъ необходимое послѣдствіе этого, что Сынъ Божій воплотился во всякомъ случаѣ для того, чтобы освободить людей“. Но этотъ „надменный мужъ погибели“ осмѣливается такъ опоражнивать все ученіе объ искупленіи черезъ Христа, что онъ попросту учитъ вмѣстѣ съ Пелагіемъ, будто бы Христосъ далъ намъ только примѣръ любви. Этотъ упрекъ является тоже преувеличеннымъ, потому что Абельяръ признаетъ также за смертью Христа объективное и реальное вліяніе на спасеніе. По его мнѣнію, смерть Христа отнюдь не является исключительно только примѣромъ любви, но эта смерть-жертва Христа *неизбѣжно* вызываетъ въ насъ любовь, дѣлающую насъ дѣтьми Божьими. Кромѣ того, по мнѣнію Абельяра, Исусъ и въ томъ

отношеніи явился творцомъ нашего спасенія, что онъ приноситъ и свое моленіе о насъ, Богъ же *долженъ* услышать Того, кто самъ никогда не грѣшилъ. Моленіе Христа дополнить то, чего еще не хватаетъ въ заслугахъ кающагося человѣчества. Воплощеніе Logos'a было необходимо для того, чтобы существовалъ безгрѣшный человѣкъ, который имѣлъ бы *право* требовать, чтобы его выслушалъ Богъ. Такимъ образомъ Христосъ во всякомъ случаѣ остается объективнымъ основаніемъ нашего спасенія. Что же дѣйствительно дѣлало теорію Абеяра соблазнительной съ точки зрѣнія ученія Церкви, это былъ способъ, которымъ Абеяръ отвергнулъ понятіе о *замѣстительномъ удовлетвореніи*. Вѣра въ то, что кровь Христова умилостивила гнѣвъ Божій и освободила насъ отъ власти дьявола, вѣра эта давала истинную увѣренность вѣрующему, жаждущему искупленія и сознающему свое собственное безсиліе. Въ этомъ именно пунктѣ ученія Абеяра и заключалась та подозрительная брешь, на которую съ негодованіемъ и указывали его противники, а если психологическое рѣшеніе Абеяра и было понятнѣе для разума, то, по мнѣнію Бернара, это именно и служить къ его плохой рекомендаціи. „Несравненный докторъ“, говоритъ Бернаръ въ своемъ трактатѣ о заблужденіяхъ Абеяра, „раскрывшій также глубины Божества, освѣтившій ихъ и сдѣлавшій ихъ доступными, такъ рельефно и открыто показавъ тайну, скрытую со временъ Эоновъ, что даже необрѣзанный и нечистый легко проникнетъ въ нее“. Христологія, лишенная таинственности, это было самое послѣднее изъ всего, что считали желательнымъ въ Клерво.

На такое же самое отклоненіе отъ ученія объ объективномъ спасительномъ посредничествѣ жаловались противники и по отношенію ученія Абеяра о церковномъ *отпущеніи грѣховъ*, какимъ оно обнаружилось изъ его теорій о покаяніи и исповѣди. Прощеніе грѣховъ, и по мнѣнію Абеяра, предполагаетъ предварительное надлежащее покаяніе и, какъ это предписывается церковью, предварительное же исповѣданіе грѣховъ. Онъ рекомендуетъ также исповѣдь передъ священникомъ, но она не является неизбѣжнымъ условіемъ прощенія, потому что Писаніе предписываетъ только, чтобы мы (Послан. Іакова, 5, 16) признавались другъ передъ другомъ въ проступкахъ. Кто не имѣетъ подъ руками священника, спокойно можетъ обратиться къ ближнему, или же прямо къ Небесному Первосвященнику. Есть прелаты, исповѣдь передъ которыми не только не ведетъ къ спасенію, но гибельна ¹⁾, которые не только недостойны молиться за насъ, но не заслуживаютъ даже

¹⁾ Ed. Cousin, II, 635.

вообще быть выслушанными. Возможно представить себѣ и такія обстоятельства, при которыхъ, имѣя въ виду общественное благо, лучше отказаться отъ исповѣди, чтобы не причинить еще большаго вреда или же чтобы еще болѣе не усилить вражды. Въ общемъ Абеляръ признаетъ обязанность исповѣди, не признавая, однако необходимости отпущенія грѣховъ непременно священникомъ. Относительно послѣдняго Абеляръ, наоборотъ, придерживался такихъ же мнѣній, которыя высказывалъ впоследствии его ученикъ Арнольдъ Брешианскій, который въ своихъ рѣчахъ ссылался на то же мѣсто въ Посланіи апостола Іакова. Мы обязаны дать удовлетвореніе за наши грѣхи, но, если священникъ накладываетъ на насъ черезчуръ легкую епитимію, то единственнымъ результатомъ этого является необходимость испытанія на небесахъ тѣмъ большихъ наказаній; власть священниковъ не распространяется такимъ образомъ на будущую жизнь. Въ связи съ этими взглядами находится и осужденіе Абеляромъ отпущенія грѣховъ за деньги, при чемъ онъ высказывалъ взгляды, подобные взглядамъ Лютера, за пятьсотъ лѣтъ до послѣдняго. „Существуютъ нѣкоторые священники“, говоритъ Абеляръ, „которые отпускаютъ или облегчаютъ возложенныя за грѣхи епитиміи за извѣстные денежные взносы, при чемъ они заботятся не столько о волѣ Божіей, сколько о количествѣ денегъ; они не спрашиваютъ: гдѣ Господь? но спрашиваютъ: гдѣ деньги?“¹⁾ Абеляръ съ негодованіемъ указываетъ на епископовъ, которые при освященіи церкви, алтарей, кладбищъ и при другихъ подобныхъ же обстоятельствахъ, при которыхъ можно надѣяться на щедрыя приношенія, прощаютъ то четвертую, то третью часть наложенныхъ покаяній, какъ предполагаютъ, ради любви, фактически же изъ-за отвратительнаго корыстолюбія къ деньгамъ. Если бы у нихъ дѣйствительно была подобная власть, то они лучше всего обнаружили бы свою любовь тѣмъ, что безденежно освободили бы вообще своихъ пасомыхъ отъ всякаго покаянія и отпустили бы имъ всѣ ихъ грѣхи. Но Абеляръ не только отвергалъ и объявлялъ недѣйствительнымъ легкомысленное отпущеніе грѣховъ, онъ вообще даже сомнѣвается въ правѣ епископовъ вязать и разрѣшать²⁾. Такъ какъ очевидно, что многіе епископы лишены какъ скромности, такъ и здраваго разсудка, то Господь несомнѣнно не можетъ быть связанъ тѣмъ, что связали или разрѣшили подобные епископы, иначе Онъ уподобился бы имъ. Если одному они прощаютъ изъ-за вознагражденія,

1) Cousin, II, 637.

2) Ethica, cap. 26, у Cousin'a, II, 638.

другому же изъ-за непрязни непомерно усиливаютъ ихъ, или же изъ-за партійной ненависти даже безусловно отказываютъ въ отпущеніи грѣховъ кающимся, то Господь не можетъ стать исполнителемъ подобныхъ партійныхъ рѣшеній, какъ и высказано уже было однимъ африканскимъ соборомъ, что епископъ, который несправедливо отлучаетъ отъ Церкви, самъ себя отлучаетъ отъ нея. Какъ слова: „вы свѣтъ міра“ или „вы соль земли“, такъ и слова о власти „вязать и разрѣшать“ относятся къ апостоламъ и такимъ послѣдователямъ ихъ, которые подобны имъ по святости и мудрости. Они не относились къ Іудѣ и также мало относятся къ неправеднымъ современнымъ епископамъ. Если, слѣдовательно, Христосъ говоритъ: „если что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано и на небесахъ“, то подъ небесами, какъ и въ другихъ мѣстахъ нерѣдко, Онъ понимаетъ Церковь. Отлучить отъ нея можетъ и недостойный тиранствующій епископъ, насколько распространяется его власть, но за эти предѣлы, на царство Божіе, его своевольный приговоръ не распространяется. Какъ ни повяты сами по себѣ кажутся намъ эти взгляды Абеяра въ настоящее время, но противникамъ его это отрицаніе власти „вязать и разрѣшать“ показалось столь еретичнымъ, что и это положеніе Абеяра фигурировало впослѣдствіи въ числѣ тѣхъ, на основаніи которыхъ постановлено было отлученіе его отъ Церкви.

Часто ставился вопросъ: въ какихъ же отношеніяхъ *Арнольдъ Брешианскій* былъ ученикомъ Абеяра, такъ какъ поставленныя Арнолду обвиненія въ лжеученіяхъ лишь весьма отдаленно могутъ быть выведены изъ теорій Абеяра, который на практикѣ былъ не только не поборникомъ, но, наоборотъ, рѣшительнымъ противникомъ всякой схизмы? Дѣйствительно, толкователь Посланія Святого ап. Петра ¹⁾, повидимому, совершенно не причастенъ схизматической дѣятельности Арнольда. Но въ послѣднихъ главахъ „Этики“ ²⁾ мы встрѣчаемся съ тѣми ученіями, благодаря которымъ Арнольдъ и сдѣлался ученикомъ Абеяра, и соотвѣтствіе между обоими ими настолько велико, насколько вообще это только возможно при различіи ихъ характеровъ. Этотъ отдѣлъ „Этики“ Абеяра послужилъ главнымъ содержаніемъ агитаторскаго ораторства Арнольда. При этомъ ясно обнаруживается, что изъ этихъ двухъ личностей Абеяръ былъ несравненно болѣе богато одареннымъ умомъ. Изъ потока мыслей, которыя лились изъ каждой лекціи Абеяра на его слушателей, только немногія были подхвачены Арнольдомъ, популяризированы имъ

¹⁾ Sermo XXIII, Migne, 178, 524 и сл.

²⁾ Migne, 178, 661—678. У Cousin'a, II, 632—638.

и оказались достаточными для всей его реформаторской дѣятельности. Его главнымъ положеніемъ была высказанная Абеляромъ въ его „Этикѣ“ мысль, что истиннымъ послѣдователемъ апостола Петра можетъ быть только тотъ, кто ведетъ апостольскую жизнь. Кто въ дѣйствительности не заявляетъ себя наслѣдникомъ Петра, не обладаетъ и ключами св. Петра; скорѣе слѣдуетъ исповѣдываться передъ достойнымъ миряниномъ, чѣмъ передъ такого рода симонистомъ, который занимается торговлею святыней ¹⁾).

Какъ, съ одной стороны, эти взгляды указываютъ въ будущемъ на Арнольда и арнольдистовъ, такъ, съ другой стороны, въ прошломъ они стоятъ въ родствѣ съ идеями патареновъ, которые подобными же аргументами предупреждали христіанскія общины отъ совершенія таинствъ недостойными священниками. Разница заключается лишь въ томъ, что Абеляръ совершенно отвергалъ практическое, агитаторское примѣненіе этихъ положеній, къ чему стремились патарены Верхней Италіи и ломбардцы Арнольда. Абеляръ не желалъ никакой схизмы. Онъ хотѣлъ жить въ мирѣ съ епископами, только бы они уважали свободу его преподавательской дѣятельности. Онъ постоянно увѣрялъ, что признаетъ рѣшенія Церкви и проклинаетъ то, что она дѣйствительно прокляла. Такимъ образомъ Абеляръ стремился приноровиться къ той дѣйствительности, которую Арнольдъ Брешианскій желалъ перевернуть вверхъ дномъ ²⁾ Церковь отвергла положеніе патареновъ, что дѣйственность таинствъ зависитъ отъ личнаго достоинства совершающаго ихъ священника,—Абеляръ тоже отвергаетъ это ученіе, хотя это рѣшеніе непосредственно и не затрагиваетъ его ученія объ отпущеніи грѣховъ, потому что онъ не причисляетъ исповѣди и отпущенія грѣховъ къ таинствамъ. И то и другое, по его мнѣнію, являются лишь церковными установленіями, которыя бываютъ то полезны, то вредны, то дѣйствительны, то недѣйствительны, въ зависимости отъ того, какъ они совершаются. Конечно, въ этомъ и лежитъ причина того,

¹⁾ Ученіе Арнольда по вопросу объ исповѣди у недостойныхъ священниковъ было слѣдующее: „Nec debere illis *populum delicta fateri, set magis alterutrum, nec eorum sumere sacra*“. Gesta di Federico, I, 784 и сл. На то же мѣсто Посланія Іакова ссылался и Абеляръ. Дальнѣйшія мѣста приведены далѣе въ моемъ сочиненіи: Арнольдъ Брешианскій, пр. къ гл. I и др. м.

²⁾ Если бы приведенное у Migne, 178, 1838, сочиненіе „Adversus haereses“ принадлежало перу Абеяра, то оно служило бы дальнѣйшимъ доказательствомъ, насколько далеко онъ стоялъ отъ теорій ломбардцевъ и арнольдистовъ. Но рукопись, обнаруженная Дю-Шеномъ (du Chesne) не подписана именемъ Абеяра, и полемика не отличается характеромъ его полемическихъ статей.

что онъ не включаетъ въ число таинствъ покаяніе и рукоположеніе во священника. Во всемъ остальномъ Абельяръ вполне раздѣляетъ средневѣковое вѣрованіе въ чудесную сущность таинства. Во время причастія кажется, что мы имѣемъ дѣло съ хлѣбомъ и виномъ, но на самомъ дѣлѣ это тѣло и кровь Христовы. Абельяръ представляетъ себѣ, что послѣ претворенія образы хлѣба и вина видимо остаются, хотя субстанціи ихъ уже отсутствуютъ, такъ же, какъ при явленіи ангеловъ ихъ образы являются лишь воздушными призраками, такъ какъ ангелы, какъ чистые духи, не имѣютъ тѣла. Тѣло Христа не стало, слѣдовательно, хлѣбомъ, а видимы лишь призраки хлѣба и вина тамъ, гдѣ вначалѣ были хлѣбъ и вино, и подъ видомъ ихъ и скрываются тѣло и кровь Христовы. Абельяръ желалъ такимъ способомъ сдѣлать понятнымъ чудо, состоящее въ томъ, что при причастіи дается подъ видомъ хлѣба субстанція тѣла, но противники поставили ему въ вину, какъ ересь, даже и то, что намъ кажется высшимъ триумфомъ вѣры: видѣть въ очевидномъ видѣніи и принимать представляемое за дѣйствительное! Въ обвиненіяхъ монаха Вильгельма мы читаемъ приводимое имъ девятое мнѣніе Абельяра: „При таинствѣ Святыхъ Таинъ форма прежняго таинства является видѣніемъ“. Страстной попытки доказать ученіе Церкви нельзя, слѣдовательно, отрицать и въ такихъ своеобразныхъ уклоненіяхъ! Абельяръ употребилъ на эти доказательства много серьезной и глубокомысленной умственной работы, тогда какъ противники ограничивались лишь тѣмъ, что угрюмо встрѣчали всякаго, кто указывалъ на затруднительныя мѣста, или же обнадеживали своихъ вѣрующихъ надеждою на другую жизнь, гдѣ, по словамъ Бернара, разрѣшатся всѣ эти противорѣчія. Кто, какъ Абельяръ, не довольствовался буквальнымъ смысломъ словъ, тотъ скоро узнавалъ, какъ трудно было избѣжать ложнаго пути въ этомъ лабиринтѣ средневѣковаго ученія Церкви. Въ то время, какъ философъ обходилъ одну ересь, онъ тѣмъ вѣрнѣе натыкался на другую. Только въ силу всего этого, а не вслѣдствіе его злой воли, Абельяръ и превратился въ еретика. А вмѣстѣ съ тѣмъ школа Бернара рѣшила положить конецъ дѣятельности „діалектиковъ“ и лишить ихъ правъ гражданства въ Церкви. Первой жертвой этой реакціи по необходимости былъ глава всей школы, царь діалектиковъ, „который, казалось, одинъ только постигъ Аристотеля“.

Слѣдовало, несомнѣнно, гораздо глубже вникнуть во взгляды Абельяра, чтобы прійти къ заключенію, что его парадоксы по существу были значительно болѣе невинными, чѣмъ казались съ внѣшней стороны, и что они отнюдь не находились съ ученіемъ Церкви въ неразрѣшимомъ противорѣчіи

Но для подобной справедливой оцѣнки необходима была извѣстная симпатія къ способу и методу Абеяра, а откуда явилась бы она въ средѣ тогдашняго мистическаго движенія, которое вообще угрюмо смотрѣло на такого рода схоластическіе турниры? Вѣдь взглянула же, какъ на несчастіе, бѣльшая часть французскихъ епископовъ на возобновленіе осужденной въ Соассонѣ богословской школы. „Проклятіе тому, кто снова построитъ Иерихонъ!“ писали епископы папѣ, когда Абеяръ апеллировалъ въ Римъ. Главнымъ же образомъ самому Бернару по существу должно было не нравиться раціонализирующее представленіе догмы и діалектическое посредничество для принятія ея, такъ какъ, по его мнѣнію, вѣра являлась непосредственнымъ откровеніемъ Бога, воспринимаемымъ душою; Бернаръ, зная вліяніе, которымъ пользовалась преподавательская дѣятельность Абеяра въ школахъ при соборѣ Парижской Богоматери, въ настоящее время твердо рѣшился не терпѣть возобновленія этого вліянія и „на холмѣ св. Женевьевы“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.
С Е Н С К І Й С О Б О Р Ъ .

1141 годъ.

Damnamus, aleabant.
Berengarii
scholastici apologeticus.

Контрастъ между Абеляромъ и Бернаромъ не былъ случайнымъ, но основной характеръ ихъ натуръ находился въ непримиримомъ противорѣчїи. Бернаръ съ самаго начала явился представителемъ того благочестїя, которое желало постигнуть Бога душою, безъ какого-либо участїя понятїи или мышленїя. Онъ придерживается выраженїя Августина, что тотъ, кто желаетъ познать Бога, долженъ начать съ того, чтобы полюбить Его. Поэтому въ значительномъ противорѣчїи съ самосознательнымъ мышленїемъ Абеяра, основывающимся на силѣ собственной діалектики, стоитъ и богословіе Бернара, смиренное монашеское созерцанїе. Грѣхомъ въ грѣхѣ, по его мнѣнїю, всегда является человѣческое высокоумїе. Сущностью же перваго грѣха было то, что Адамъ пожелалъ быть подобнымъ Богу и извратилъ этимъ самымъ, насколько это зависѣло отъ него, весь порядокъ созданїй¹⁾. Такимъ образомъ съ самаго начала высокоумїе явилось корнемъ извращенїя природы, и наоборотъ, въ проявленїи чистосердечнаго самоуничженїя коренится основа жизни и оправданїя. Освобожденїе павшихъ вслѣдствїе ихъ высокоумїя началось съ того, что Богочеловѣкъ самъ себя унижилъ, принявъ образъ раба и противопоставилъ принципу сатаны, убѣждавшаго чело-вѣка, что онъ можетъ быть подобнымъ Богу, новый порядокъ смиренїя²⁾.

1) Sermo 4 in festo ascensionis, Cp. Bach, Dogmengeschichte des Mittelalters, II, 108 и сл.

2) Dominica Palmarum Sermo III.

Богъ, умирая рабскою смертью на крестѣ и совершая актъ совершеннѣйшаго самоуничженія, вновь искупилъ грѣхъ высокоумїя, и преображенное тѣло, вышедшее изъ этой смерти, сдѣлалось для насъ истиннымъ хлѣбомъ жизни, послѣ того какъ мы утратили древо жизни. Какъ въ слезахъ Христа все тѣло Церкви вновь омылось отъ пороковъ грѣха, такъ и изъ таинства Его тѣла и крови постоянно истекаетъ истинное питаніе жизни ¹⁾). Евхаристія является отнынѣ постояннымъ хлѣбомъ Божиимъ нисходящимъ съ небесъ и дающимъ жизнь міру. За исключеніемъ этой жизни, ни примѣръ, ни совѣты ничего не значатъ, потому что оба, безъ дѣйствительнаго сообщенія благодати, которая одна только и дѣлаетъ насъ способными къ добру, ничего не представляютъ изъ себя, кромѣ образовъ безъ остововъ. Дѣйствіе таинства настолько же физическое, насколько и психическое. Таинство исцѣляетъ злую природу отъ ея грѣха и является для души жизненнымъ питаніемъ. Пути воплотившагося только тогда станутъ также и нашими путями, когда мы принятіемъ Его тѣла въ таинствѣ составимъ съ Нимъ *одно* тѣло.

Съ точки зрѣнія этихъ мистико-аскетическихъ представленій, жизнь могла сложиться только по-монашески. Вслѣдствіе грѣха высокоумїя мы потеряли нашу свободу ²⁾), вслѣдствіе смиренія Богочеловѣка мы получаемъ эту свободу обратно. Наша новая созерцательная жизнь имѣетъ своимъ содержаніемъ такъ же самоуничженіе, какъ высокоумїе было содержаніемъ нашей тѣлесной жизни. Самоуничженіе—это единственный путь къ Богу ³⁾). Въ противоположность съ дѣтьми міра, которыя еще и теперь слѣдуютъ искушеніямъ сатаны и путемъ высокоумїя и собственныхъ естественныхъ силъ познанія и желанія преслѣдуютъ цѣль сравняться съ Богомъ, благочестивый человѣкъ долженъ уничтожаться, потому что грѣхъ есть высокоумїе, а благодать есть смиреніе. Таковы основныя монашескія мысли богословія Бернара. При такого рода аскетическомъ взглядѣ на жизнь, самосознательная діалектика Абеяра могла причинять только сильное раздраженіе святому изъ Клерво. Учителю самоуничженія смѣлая дѣятельность діалектиковъ представлялась лишь развращеніемъ юношества. Блѣдный, изнуренный цистерціанецъ желалъ сокрушить юношество, согнуть его подъ игомъ покаянной жизни, вызвать въ немъ соревнованіе на пути смиренія и самоуничженія; какъ же онъ долженъ былъ страдать, видя этихъ мальчишекъ

1) Ibidem.

2) De gratia et lib. arbitrio, 12, 41; 14, 47. De diligendo Deo 3—6.

3) In ascensione sermo 2.

разсуждающими о всѣхъ тайнахъ неба и земли, высказывающими свои мнѣнія о всѣхъ догматахъ Церкви, чванящимися собственнымъ самодовольствомъ, какъ будто бы только съ ихъ школой появились во Франціи истина и наука! Такое положеніе вещей неминуемо вело къ конфликту. Если Лотульфъ и Альберихъ оспаривали Абельяра изъ-за зависти на чужой хлѣбъ, то борьба Бернара была справедлива съ его точки зрѣнія, потому что великій реформаторъ монастырей и благочестія встрѣтилъ въ школѣ Абельяра сильнѣйшее препятствіе своимъ реформамъ.

Но, несмотря на все это, все же весьма часто борьба мистика и діалектика вертѣлась въ сферѣ недоразумѣній. Вполнѣ ясно, что Бернаръ и Абельяръ подъ словомъ *вѣра* понимали совершенно различныя вещи. Бернаръ подъ вѣрой понимаетъ душевное настроеніе, тогда какъ Абельяръ христіанской вѣрой считаетъ догму. Если Бернаръ утверждаетъ, что вѣра предшествуетъ пониманію, то съ своей точки зрѣнія онъ вполнѣ правъ. Если наши религіозныя представленія вытекаютъ не изъ сознанія, а являются представленіями нашей душевной жизни, то они должны предшествовать мышленію о нихъ въ нашемъ сознаніи. Напротивъ, догма является продуктомъ нашего мышленія, и прежде чѣмъ возможно утверждать, что мы вѣруемъ въ нее, т. е. признаемъ ее истинной, мы должны понять ее разумомъ. Слѣдовательно, обѣ стороны были правы, сообразно съ пониманіемъ ими вѣры, но обѣ же были и неправы, насколько Бернаръ тотчасъ же причислялъ къ религіозному вѣрованію, являющемуся душевнымъ настроеніемъ, всю совокупность ученія Церкви, а Абельяръ, насколько онъ называлъ вѣрой то, что составляетъ ученіе о вѣрѣ, и этимъ возбуждалъ ложное предположеніе, будто бы онъ считаетъ самую религію результатомъ своей діалектики.

Настоящій пагосъ борьбы вѣчно вращается около этого пункта; Абельяръ, хотя и признаетъ перешедшее къ намъ по преданію ученіе за откровеніе, но желаетъ логически понять и доказать его, тогда какъ Бернаръ принялъ его какъ откровеніе въ свою душевную жизнь, которая не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. „Этотъ человѣкъ“, такъ формулируетъ Бернаръ свой взглядъ на Абельяра въ одномъ изъ своихъ писемъ ¹⁾, „въ глазахъ котораго Самъ Богъ является сомнительнымъ свидѣтелемъ, ни во что не желаетъ вѣровать изъ того, что не изслѣдовано его разумомъ. И тогда какъ пророкъ говоритъ: „если вы не увѣруете, вы не поймете“, онъ, наоборотъ,

¹⁾ Ер. 338. Къ кардиналу Гаймериху.

порицаетъ вѣру, исходящую изъ свободной покорности воли, какъ легкомысліе, и злоупотребляетъ для этого словами Соломона: „кто скоро вѣрять, тотъ легкомыслень“. Пусть онъ укорить и Дѣву Марію, потому что она тотчасъ повѣрила благовѣщенію ангела. Съ другой стороны пусть онъ хвалить душевную заскорузлость тѣхъ, которымъ сказано было: „О, вы безумныя и лѣнныя души, чтобы вѣровать всему, о чемъ говорили пророки, вы, которые совѣтуете недовѣрчивость Захаріи“. Очевидно, въ данномъ случаѣ Бернаръ относитъ къ душевной вѣрѣ все то, что Абеляръ говорилъ о принятіи догмы, и на этомъ недоразумѣніи, являвшемся, правда, результатомъ различія ихъ натуръ, основывалась вся ихъ полемика. Однако, такъ же, какъ Бернаръ, умыслило и все монашество, для котораго наступила въ то время новая эпоха господства.

Этотъ способъ Бернара ощущать Бога въ душѣ, наполняться ощущеніемъ Его близости, благодаря сочиненіямъ Августина, былъ весьма обыченъ въ монастыряхъ, но Бернаръ придалъ этому, по происхожденію неоплатоническому, созерцанію совершенно новый толчокъ и специфическое христіанское содержаніе, научивъ воспроизводить въ душѣ страданія Искупителя и перетолковавъ въ своемъ подробномъ изложеніи Пѣсни Пѣсней любовный лепетъ Суламиты, какъ обращеніе къ Христу, къ Жениху души. Благодаря Бернару вскормлена была въ монастырскихъ кельяхъ та восторженная мистика, которая считала блаженствомъ простираться у креста, цѣловать раны Христа, обливаться слезами Его пронзенныя ноги, въ прерывающейся, всхлипывающей рѣчи выражать избытокъ ощущенийъ. Это пылкое благочестіе, стремящееся вѣчно наслаждаться мыслью о Богѣ, о Маріи, о Младенцѣ, стоитъ въ такомъ же отношеніи къ методу Абеяра, въ какомъ находятся тайныя восторги монастырской кельи къ громкой, всюду слышной ораторской рѣчи аудиторіи. Умствование надъ Писаніемъ, говорить Бернаръ, не ведетъ къ Господу, душа должна привлечь Его въ свои горячія объятія молитвою. „О“, пишетъ онъ къ вѣкоему магистру Генриху Мурдаху, „если бы ты хотя разъ вкусилъ отъ сочныхъ сердцевинъ хлѣбовъ, которыми насыщается небесный Іерусалимъ, какъ охотно, съ какимъ удовольствіемъ ты предоставилъ бы еврейскимъ законникамъ глотать ихъ сухія корки“. Въ своихъ 86 проповѣдяхъ о Пѣсни Пѣсней Бернаръ выработалъ тотъ языкъ экстаза, которымъ послѣ него говорили западно-европейскіе мистики. Эти изліянія, кудреватыя, опозтизированные, оканчивающіяся благозвучными канцансами, напоминаютъ иной разъ исповѣдь и монологи бл. Августина. Глубина ощущенийъ перемежается въ нихъ съ тончайшимъ чувствомъ языка,

Иисусъ именуется „медомъ въ устахъ, благозвучіемъ въ ухахъ, ликующимъ гимномъ сердца“ ¹⁾). Музыкальное вліяніе этой лирики Христа иногда даже сильнѣе, чѣмъ религиозное, а доказано тысячи разъ, что сердца таали вполне благодаря ей, когда блѣдный, изнуренный монахъ принималъ этотъ тонъ, говоря проповѣди. Весьма понятно, что на подобное благочестіе могъ дѣйствовать лишь отталкивающимъ образомъ методъ Абельяра опредѣлять высочайшіе предметы вѣры, анализировать догму и показывать ея противорѣчія. По мнѣнію этого благочестія, научный методъ Абельяра представлялъ не болѣе, какъ злоупотребленіе преданіемъ. „Вѣра простосердечныхъ людей осмѣивается“, жалуется Бернаръ римскимъ кардиналамъ, „тайинства Христовы подвергаются поруганію, вопросы о высочайшихъ предметахъ возбуждаются дерзкимъ образомъ, надъ Отцами Церкви издѣваются, потому что они считали, что вопросовъ этихъ слѣдуетъ скорѣе вовсе не возбуждать, чѣмъ разрѣшать ихъ. Человѣческой разумъ старается, такимъ образомъ, захватить все въ свою власть, ничего не оставляя для вѣры. Разумъ берется за то, что ему не подл силу.... Святыню онъ болѣе оскверняетъ, чѣмъ объясняетъ. Закрытое отъ нашихъ взоровъ и образное онъ не открываетъ, но разрываетъ, а все то, къ чему не находитъ пути для себя, онъ считаетъ за ничто и презираетъ вѣровать въ это“. Можно, дѣйствительно, представить себѣ, что методъ Абельяра могъ производить такое впечатлѣніе на вѣрующихъ. Но, благодаря страстной натурѣ Бернара, это отвращеніе къ ученію превращалось у него тотчасъ же въ отвращеніе къ личностямъ, что дѣлало его совершенно неспособнымъ къ безпристрастному сужденію. Какъ впоследствии онъ травилъ Арнольда Брешианскаго изъ страны въ страну, преслѣдовалъ схоластика Беренгара и таскалъ Жильбера изъ Поатье съ собора на соборъ ²⁾, такъ и теперь этотъ благочестивый мужъ преслѣдуетъ философа изъ Пале съ такою страстностью, которая составляетъ разительный контрастъ съ его обычнымъ лозунгомъ: *humilitas et caritas*. Онъ проявилъ при этомъ ту нервную неутомимость, которая является удѣломъ болѣзненныхъ натуръ, и такого рода іерархическое извращеніе правды, которое можетъ быть объяснено только тѣмъ, что людямъ этого сорта вещи кажутся всегда въ томъ свѣтѣ, въ какомъ это наиболѣе полезно въ данное время для святого дѣла Церкви.

Нельзя сказать, чтобы жизнь этого монашества, питающагося такою

¹⁾ Sermo XV.

²⁾ Otto Frising. De gestis Frid. 1, 46; 50 и слѣд.

нездоровою любовью, была лишь всецѣло исполнена доброты и самопожертвованія. Экзальтаціи въ кельяхъ и въ монастырскихъ храмахъ соотвѣтствовала болѣзненная раздражительность въ жизни, которая особенно характерна для самого Бернара. „Сладчайшій Іисусъ“ не удержалъ изнуреннаго, напоминающаго одну лишь тѣнь монаха отъ того, чтобы не сдѣлать основательно горькою жизнь для его противниковъ; но патологическая черта всего поведенія Бернара обнаруживается еще и въ томъ обстоятельствѣ, что примиреніе наступаетъ тѣмъ внезапно и непосредственно, чѣмъ ожесточеннѣе и возбужденнѣе было до этого преслѣдованіе.

Даже современники, а отчасти и сами поклонники Бернара смотрѣли на это зрѣлище, покачивая головами. Оттонъ Фрейзингскій говоритъ о легковѣрія великаго челоуѣка, Арнольдъ Брешианскій—о завистливости, Беренгаръ—о тщеславіи его, и, какъ намъ кажется, всѣ они были правы. Съ высшей точки зрѣнія исторической необходимости эта борьба мистики и діалектики вполне понятна, но, что великая историческая борьба велась челоуѣчески-мелочными способами, вина этого всецѣло лежитъ на Бернарѣ. Все совершается всюду черезчуръ по-челоуѣчески, даже и у святыхъ.

Такимъ образомъ еще до начала столкновенія взгляды Бернара и Абеляра рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга. Въ своихъ воспоминаніяхъ Абеляръ называетъ Бернара однимъ изъ двухъ вліятельнѣйшихъ противниковъ своихъ, которые нарушили въ 1125 г. его пребываніе въ Параклетѣ и своими проясками заставили его друзей и благодѣтелей отвернуться отъ него. Бернаръ, наоборотъ, въ своемъ отвѣтѣ на присланное ему по заказу письмо Вильгельма изъ Сень-Тьерри утверждаетъ, что до 1141 года у него никогда не было времени заняться книгами Абеляра. Но утвержденіе это не только мало правдоподобно само по себѣ со стороны такого политика, какъ Бернаръ, который интересовался всѣмъ, но оно *явно* ложно, потому что мы имѣемъ ранѣе написанное сочиненіе Бернара, направленное противъ Абеляра, которое доказываетъ, что онъ очень обстоятельно былъ знакомъ съ мнѣніями Абеляра и даже писалъ противъ него. Сочиненіе это является только въ томъ отношеніи анонимнымъ, что въ немъ не названо по имени лицо, противъ котораго ведется обвиненіе, и въ немъ заключаются одни лишь возраженія на построенія Абеляра.

Среди писемъ Бернара ¹⁾ находится одно, написанное къ аббату Гуго монастыря Сень-Викторъ, къ одному изъ самыхъ рѣшительныхъ противни-

¹⁾ Ep. 77. Migne, 182, 1031. Ср. также Deutsch, P. Abaelard, 466 и сл.

ковъ Абеяра; въ письмѣ этомъ находятся разсужденія о трехъ догматическихкихъ вопросахъ. Самъ Гуго просилъ аббата клервосскаго опровергнуть три лжеученія одного Неназваннаго учителя, а что этотъ Неназванный былъ стариннымъ противникомъ основателя монастыря Сень-Виктора Абеяромъ, видно изъ перечня означенныхъ лжеученій. Абеяръ утверждалъ, что съ момента, когда Иисусъ Христосъ (ев. отъ Іоанна, 3, 5) заявилъ, что крещеніе необходимо для спасенія, никто не могъ сдѣлаться праведнымъ безъ крещенія ¹⁾; наоборотъ, Бернаръ считаетъ доброе намѣреніе тѣхъ, которые съ вѣрою и покаяннымъ сердцемъ стремились къ крещенію, за исполненіе его, въ томъ случаѣ, если крещеніе не было совершено не по ихъ винѣ. Бернаръ не думаетъ, чтобы при подобныхъ обстоятельствахъ не прощенъ былъ первородный грѣхъ. Самъ Абеяръ допускалъ исключеніе для мучениковъ, потому что они получали крещеніе кровью, но Бернаръ напоминаетъ по этому поводу, что только истинная вѣра придаетъ цѣнность мученичеству, а гдѣ существуетъ подобная вѣра, она оказываетъ такое же дѣйствіе, т. е. при необходимости замѣняетъ крещеніе.

Вторымъ заблужденіемъ Неназваннаго является его утвержденіе, что ветхозавѣтные праведники, сдѣлавшіеся святыми, такъ же много знали о Христѣ, какъ и жившіе послѣ Него. Дѣйствительно, таково было мнѣніе Абеяра, и возможность такой вѣры праведниковъ до Христа во Христа онъ выводитъ изъ предсказаній Сивилль и изъ свойственнаго имъ дара предвѣдѣнія ²⁾. И въ данномъ случаѣ, въ противоположность съ строгою послѣдовательностью Абеяра, Бернаръ высказываетъ болѣе мягкій взглядъ, которымъ не ставится никакихъ границъ милосердію Бога и допускается возможность святости праведниковъ, даже если они и лишены были такого рода пророческой благодати. Наконецъ въ числѣ заблужденій Неназваннаго учителя мы находимъ также извѣстное ученіе Абеяра о неотвѣтственности за грѣхи по невѣдѣнію, благодаря чему мы имѣемъ полное доказательство того, что сочиненіе Бернара направлено было именно противъ Абеяра. Во всѣхъ этихъ вопросахъ можно скорѣе соглашаться съ болѣе мягкими взглядами Бернара, чѣмъ съ строгой логикой Абеяра, но, какъ могъ Бернаръ утверждать послѣ этой полемики, что онъ никогда не былъ знакомъ съ сочиненіями великаго діалектика, понять трудно. Причиной того, что Бернаръ не назвалъ прямо по имени своего против-

1) Ср. Expos. Ep. Rom., стр. 208 и слѣд.

2) Sermo 3, Cousin, I, 371. Ep. 7, стр. 246. Theol. christiana, стр. 406.

ника Абеляра, было, конечно, то же самое соображеніе, почему онъ не желалъ выступить и на диспутѣ въ 1141 году, на соборѣ въ Сенѣ: онъ опасался сильной эрудиціи Абеляра и его находчивости и потому не хотѣлъ вступать съ нимъ въ ученый споръ. Такимъ образомъ онъ, хотя и высказывается противъ положеній, присланныхъ ему аббатомъ Гуго изъ монастыря Сенъ-Викторъ, но не называетъ автора ихъ по имени, чтобы не вызвать его на отвѣтъ. Какія горькія чувства, однако, онъ уже и въ то время питалъ къ Абеляру, показываютъ выраженія его трактата, которыми онъ характеризуетъ Абеляра какъ новатора, которому новое мнѣе истины, какъ человѣка, который съѣтъ лжеученія и совращаетъ простодушныхъ людей, который посылаетъ во мракъ стрѣлы, попадающія въ тѣхъ, кто обладаетъ чистымъ сердцемъ. Такимъ образомъ увѣренія Бернара, что онъ до этого времени не занимался ученіемъ Абеляра, ложны, и его посланія къ аббату Гуго изъ монастыря Сенъ-Викторъ только подтверждаютъ увѣренія Абеляра, что вражда Бернара уже давно вредила ему и была одной изъ причинъ, почему онъ долженъ былъ перемѣнить свой любимый Параклетъ на мрачный монастырь Св. Жильда. Послѣ этого перемѣщенія наступилъ, правда, періодъ перемирія, и Бернаръ съ удовольствіемъ констатируетъ, что Абеляръ велъ себя смирно въ Бретани ¹⁾. Въ 1131 году оба старые противника даже встрѣтились въ монастырѣ Мориньи, когда Иннокентій II 20-го января освятилъ тамъ алтарь св. Лаврентія и несмотря на зимнее время туда съѣхалось множество прелатовъ, съ цѣлью привѣтствовать папу и его кардиналовъ. Монастырская хроника упоминаетъ рядомъ объ обоихъ, и оба занимаютъ одинаково почетное мѣсто, Бернаръ какъ знаменитѣйшій проповѣдникъ, Абеляръ какъ выдающійся учитель Запада ²⁾; мы не знаемъ, дружелюбно ли они встрѣтились въ это время, или же холодно избѣгали другъ друга. Затѣмъ отмѣченъ новый конфликтъ, въ который вступили монахини Параклета съ аббатомъ цистерціанцевъ, колесившимъ по всему французскому королевству.

Благодаря авторитету Абеляра, сестры Элоизы просили въ „Отче нашъ“ не о хлѣбѣ насущномъ, но, на основаніи текста апостола Маттея въ *Vulgata*, о духовномъ хлѣбѣ („*panem supersubstantialem da nobis*“) ³⁾.

¹⁾ Ep. 331.

²⁾ Migne, *Patrol.*, 180, 131 и сл.

³⁾ Migne, 178, 335. Также и въ подвергавшейся, относительно подлинности, критикѣ *Expositio dominicae orationis*, Cousin, I, 471, онъ то же говорить объ этомъ.

Абелярь узналъ, во время одного из посѣщеній Параклета, что Бернарь порицалъ это, и тотчасъ же взялся за перо, чтобы дать почувствовать чудотворцу изъ Клерво превосходство своихъ знаній св. Писанія. Правда, взятый имъ при этомъ тонъ ¹⁾ по вѣщности вполнѣ дружественный. Добрыя сестры Параклета давно жаждали посѣщенія аббата клервосскаго и приняли его какъ ангела Божьяго (между тѣмъ въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ Элоизы къ Абеляру она называетъ Бернара лжеапостоломъ) ²⁾. Только наединѣ аббатисса сообщила Абеляру, какія возраженія сдѣлалъ Бернарь противъ введенной Абеляромъ формы четвертаго прошенія. Нѣсколько свысока поучаетъ вслѣдствіе этого Абелярь великаго народнаго проповѣдника о томъ, что мы имѣемъ „Отче нашъ“ въ редакціяхъ апостоловъ Матѳея и Луки. Въ Евангеліи Матѳея какъ вся нагорная проповѣдь, такъ и семь прошеній изложены полнѣе и совершеннѣе, а такъ какъ онъ лично былъ свидѣтелемъ событія, то его нельзя ставить позади Луки, который былъ только ученикомъ ап. Павла. Онъ не желаетъ, понятно, обвинять Луку въ неточности, но Матѳею черпалъ изъ первоисточника, Лука же изъ рукава источника. Абелярь приводитъ греческій текстъ этого прошенія, не замѣчая, впрочемъ, что у обоихъ евангелистовъ онъ тождественъ. Въмѣсто этого онъ напоминаетъ, что ев. отъ Матѳея первоначально написано по-еврейски, и что нельзя назвать новаторствомъ, если предпочитаютъ болѣе древняго свидѣтеля менѣе древнему. Преданія Церкви не ставятъ къ этому никакого препятствія. Господь сказалъ: „Я истина“, а не „Я обычай“. Съ этимъ выраженіемъ Тертулліана въ Абеляра вошелъ и полемическій задоръ этого отца Церкви. Онъ напоминаетъ, какъ самъ цистерціанскій орденъ Бернара гордится тѣмъ, что ввелъ лучшіе обычаи. Онъ перечисляетъ, какъ цистерціанцы сочиняли новые гимны, измѣняли порядокъ богослуженія, видоизмѣнили форму общественныхъ богослуженій, отбѣнили отдѣльныя молитвы, какъ будто бы міръ не нуждается въ молитвахъ цистерціанцевъ, или же они сами не нуждаются въ молитвахъ святыхъ. Такимъ образомъ защитительное слово превратилось въ полемическое, хотя Абелярь и высказываетъ при этомъ желаніе, чтобы каждый былъ вѣрующимъ по своему разумнію.

Несомнѣнно, Бернарь не привыкъ къ подобному тону, и едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что святой счелъ эти шпильки Абеляра за неслыханную дерзость. Вслѣдъ за этой перестрѣлкой послѣдовало затѣмъ въ

¹⁾ Ep. ad divum Bernardum. Cousin, I, 618. Migne, 178, 335.

²⁾ Cousin, I, 72.

„Исторіи несчастій“ Абеяра сильное нападеніе на Норбера и Бернара; Абеяръ упрекаетъ обоихъ въ томъ, что именно они главнымъ образомъ повредили его доброму имени, отвратили отъ него старыхъ друзей и возстановили противъ него высокопоставленныхъ лицъ, такъ что въ концѣ концовъ онъ вынужденъ былъ бѣжать отъ зависти франковъ на западъ, какъ нѣкогда Иеронимъ бѣжалъ на востокъ отъ ненависти римскаго клира. Бросается въ глаза, что Абеяръ взялъ этотъ рѣзкій тонъ по отношенію къ Норберу и Бернару подъ конецъ своего пребыванія въ Бретани, когда онъ вновь выступилъ на поприще литературной дѣятельности ¹⁾. Если, „*Historia calamitatum mearum*“ имѣла задачей доставить автору пристанище гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, а Абеяръ сильно подчеркиваетъ, что его дарованія пропадаютъ въ монастырѣ безъ пользы, и что все тамошнее положеніе его сдѣлалось невыносимымъ, тогда, дѣйствительно, ему слѣдовало объяснить причины, заставившія его нѣкогда рѣшиться на переселеніе. Но послѣ такого рода объясненія возвратиться въ Парижъ само по себѣ уже значило возобновить борьбу съ монашеской партіей противниковъ, изгнавшей его нѣкогда. Къ этому слѣдуетъ присовокупить еще и другой поводъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Абеяръ освободился отъ заботъ о монастырѣ Св. Жильда, онъ занимался литературными трудами не исключительно только служа своимъ перомъ одной Элоизѣ. Повидному, въ это время онъ вообще вновь обработалъ свои сочиненія, или же издалъ свои лекціи въ видѣ книгъ, потому что Бернаръ жалуется главнымъ образомъ на широкое распространеніе сочиненій Абеяра. Въ Парижѣ Абеяръ, безъ сомнѣнія, продолжалъ эту литературную дѣятельность, и такимъ образомъ 1536—1540 гг. наполнены плодотворной преподавательской дѣятельностью въ школахъ св. Женеьевы, а затѣмъ св. Иларія, и неслыханными литературными успѣхами, которые и описываются его противниками въ самыхъ преувеличенныхъ выраженіяхъ. Если послушать Бернара, то именно въ это время книги Абеяра возбудили во всей Франціи такое могучее движеніе, что мистическій потокъ, въ которомъ единственно и видѣлъ Бернаръ истинное христіанство, лишился почвы, особенно среди молодежи. „Его ядовитыя книги“, жалуется аббатъ клервосскій, „не лежатъ спокойно на полкахъ, нѣтъ, ихъ читаютъ на перекресткахъ. Онѣ снабжены крыльями. Онѣ наполняютъ города и замки вмѣсто свѣта мракомъ, вмѣсто меда ядомъ, или, вѣрнѣе говоря, ядомъ въ меду; сочиненія его странствуютъ отъ народа

1) Норберъ между тѣмъ умеръ въ 1134 году.

къ народу, отъ одной націи, изъ одного государства въ другія“. Въ сообщеніяхъ французскихъ епископовъ, причиной ихъ вмѣшательства тоже выставлено ¹⁾ то обстоятельство, что почти по всей Франціи, въ городахъ, деревняхъ и замкахъ ученики, не только въ школахъ, но и на улицахъ, и не только зрѣлые люди науки, но и мальчики и молокососы спорять о вопросахъ, касающихся Святой Троицы. Тонъ же, принятый въ этихъ спорахъ молодой Франціей, могъ казаться только возмутительнымъ главѣ цистерціанцевъ, всюду назидательному, вѣчно благоговѣйному и слейному Бернару. „Новое евангеліе“, жалуется онъ ²⁾, „проповѣдуется народамъ; предлагается новая вѣра, закладывается новое основаніе, вмѣсто положеннаго ранѣе. Безнравственно спорять о добродѣтеляхъ, безбожно о самыхъ святыхъ предметахъ, не деликатно о тайнѣ Божественной Троицы, все дѣлается наоборотъ, противъ обычая и преданія. Благочестивый вѣруетъ и не задается вопросами; но Абельяръ въ своемъ сомнѣніи о Богѣ не желаетъ вѣровать въ то, чего онъ не раскололъ предварительно рассудкомъ“. Таково было впечатлѣніе, которое производили диспуты учениковъ на тѣхъ мужей, которые давали французскому духовенству лозунгъ. Письма Абельяра къ Элоизѣ не даютъ повода къ подобнымъ выводамъ, но причина несомнѣнно должна была существовать, потому что и другіе учителя жаловались на дерзость молодой школы, а одинъ изъ нихъ упрекаетъ Абельяра даже въ томъ, что онъ своими болтливыми учениками напустилъ на Францію египетскую казнь квакающими жабами.

Извѣстную долю этихъ недоброжелательныхъ описаній слѣдуетъ, несомнѣнно, отнести къ неблагоклонности господствовавшей партіи. Сколькихъ враговъ, дѣйствительно, создалъ себѣ неутомимый борецъ въ теченіе своей богатой борьбою жизни! Среди нихъ были ученики Росцелина, Вильгельма пзъ Шампо и Ансельма Лаонскаго, люди, которые въ это время отчасти уже достигли высшихъ степеней іерархіи; среди нихъ былъ соборный капитуль Парижской Богоматери, его Абельяръ хотѣлъ притянуть къ отвѣту за замыселъ Фульбера; тутъ же былъ и монастырь Св. Виктора, почитавшій въ осмѣянномъ Абельяромъ Вильгельмѣ изъ Шампо своего основателя и стоявшій въ это время въ близкихъ отношеніяхъ съ Бернаромъ Клервоскимъ; тутъ же было и могущественное аббатство Севъ-Дени, на палладіумъ котораго Абельяръ наложилъ руку, а обитателей котораго онъ въ своей

¹⁾ Ep. Bern. 337. Migne, 182, 540.

²⁾ Ep. 189.

„*Historia calamitatum*“ пригвоздилъ къ позорному столбу; тутъ же были и участники собора въ Соассонѣ, которыхъ онъ осмѣялъ какъ невѣжды, и въ концѣ концовъ среди враговъ было главнымъ образомъ и могущественное войско „лжеапостоловъ“ изъ Премонтре и Клерво, легионъ бѣлыхъ бенедиктинцевъ новаго устава, оскорбленныхъ въ лицѣ своихъ главъ. При подобныхъ обстоятельствахъ легко представить себѣ, какъ должно было подѣйствовать новое выступленіе Абеяра на арену общественной дѣятельности.

Оваціи учащейся молодежи скрыли очевидно отъ глазъ Абеяра, что во вліятельныхъ кругахъ у него были одни лишь непримиримые враги, и что вражду эту не только не обезоружать его академическіе успѣхи, но, наоборотъ, возбудить лишь въ двойной силѣ. Ненависть, которую питали къ нему его противники, тотчасъ же и обнаружилась даже въ томъ способѣ, какимъ они переименовали его имя. Одинъ изъ нихъ, ученикъ Ансельма Лаонскаго, Гуго Метеллусъ, называетъ его Aboilar (*qui aboie le ciel*), собакой, лающей на небеса ¹⁾, и занимается плохого сорта игрою словъ по поводу Petrus Varjona и Petrus Aboilar, которая, однако, считалась, повидному, чрезвычайно остроумной въ монашеской средѣ, такъ какъ и биографъ Госвина называетъ Абеяра собакой, которая лаетъ на истину. Зато аббатъ клервоскій называетъ его Abeillard (отъ франц. слова *abeille*—пчела), галльской пчелой, направляющей свое жало противъ Господа и Его помазанника ²⁾.

При такомъ положеніи вещей, еще до главнаго нападенія, исходившаго отъ Бернара и покончившаго съ Абеяромъ, мы встрѣчаемъ и другія, менѣе успѣшныя обвиненія, дата которыхъ не можетъ быть установлена съ точностью; всѣ они, однако, говорятъ о такомъ же положеніи вещей, съ которымъ мы уже познакомились изъ писемъ Бернара и донесеній французскихъ епископовъ римской куріи.

Готье де Мортанъ, называемый Gualterus de Mauritania, учитель богословія на холмѣ св. Женевьевы и въ Реймсѣ, а впоследствии епископъ Лаонскій, послалъ Абеяру письмо ³⁾, въ которомъ жаловался на поведение учениковъ Абеяра, полагающихъ, что они воплію познали сущность того, что зовется Богомъ, и хвастающихся своимъ учителемъ, будто бы онъ раскрылъ тайну Божественной Троицы. Какъ старому учителю, Вальтеру

1) *Sacrae antiquitatis monumenta*, II, 332.

2) Ep. 189. Migne, 182, 355.

3) D'Achery, *Spicilegium*, т. III, стр. 524.

(Gualterus) известно, правда, как мало слѣдуетъ вѣрить ученикамъ во всемъ касающемся ученія ихъ учителей, но взглядъ, брошенный имъ въ „Теологию“ Абеляра, убѣдилъ его, что она содержитъ въ себѣ не столько ученія Церкви, сколько личные мнѣнія Абеляра о божественныхъ предметахъ. Послѣ страстной и подробной полемики противъ ученія Абеляра о Св. Троицѣ, Вальтеръ въ заключеніе снова возвращается къ вопросу: дѣйствительно ли Абеляръ считаетъ возможнымъ въ этомъ мірѣ полное познаніе Бога, какъ объ этомъ хвастаютъ его ученики? Абеляръ долженъ тоже оправдаться отъ ряда мнѣній (о которыхъ Вальтеръ слышалъ отъ студентовъ, и которыя по большей части представляли результатъ странныхъ недоразумѣній), чтобы не походить на ту женщину, которая не имѣя ни воды ни хлѣба, предлагала, однако, проходящимъ тайный хлѣбъ и сладкую воду. Мы не знаемъ, что отвѣтилъ Абеляръ на это ребяческое требованіе. Однако и оно было далеко не изъ самыхъ худшихъ. Еще одинъ поборникъ мистики выступилъ на арену и резюмировалъ свое богословіе въ слѣдующемъ эпиграфѣ: *Deus nesciendo scitur, unum hoc de Deo scitur, quod eum nescio*. Этимъ не знавшимъ никакой мѣры противникомъ идейнаго богословія былъ Гуго Метеллусъ, регулированный каноникъ церкви св. Льва въ Тулѣ; ранѣе онъ былъ ученикомъ Ансельма Лаонскаго, и былъ, можетъ быть, однимъ изъ тѣхъ, которые вмѣстѣ съ Альберихомъ и Лотульфомъ уже и тогда высмѣивали неудачу, постигшую Абеляра. Въ это время онъ уже считался острякомъ и поэтомъ и въ числѣ другихъ не забывалъ въ своихъ поэтическихъ письмахъ и Элонзы ¹⁾. Такъ какъ онъ настоятельно совѣтуетъ Абеляру возвратиться въ свой монастырь и успокоиться тамъ „на ложѣ созерцанія“, „на груди Суламиты“, то очевидно, письмо это написано было уже въ то время, когда Абеляръ раздѣлался съ своимъ монастыремъ, а такъ какъ тотъ же авторъ въ письмѣ къ папѣ Иннокентію II противопоставляетъ святого Бернара, какъ истиннаго израильянина, египтянину Абеляру, то письмо къ Абеляру должно отнести къ тому времени, когда уже возгорѣлась борьба между Бернаромъ и Абеляромъ. Въ это критическое время онъ писалъ Абеляру въ высшей степени нелѣпныя увѣщеванія, совѣтуя смиреніе. Онъ сравниваетъ Абеляра съ пришедшимъ въ неистовство Эмпедокломъ, такъ какъ онъ, который не знаетъ даже, сколько у него волосъ на головѣ, пожелалъ оцѣнить тайну св. Троицы ²⁾. Въ

¹⁾ Hugon. Metelli epist. XVI et XVII. Sacr. antiq. mon. II, 348.

²⁾ Hugo, Sacrae antiquitatis monumenta. T. II, стр. 332 и сл.

массѣ общихъ мѣстъ и грубыхъ цитатъ Гуго изливаетъ затѣмъ свое огорченіе по поводу ересей, которыя распространяютъ въ связи съ именемъ Абельяра, и по поводу кощунства надъ священнымъ Писаніемъ, за которое долженъ быть отвѣтственъ методъ Абельяра. На основаніи заглавія „Этики“ Абельяра оный обращается къ нему со словами: *Gnothi seauton* (онъ пишетъ: „*Gnotum canton*“) „познай самого себя“, „вспомни, что ты человѣкъ, а не ангелъ“. Но тотъ же самый духовный, который въ этомъ случаѣ еще высказываетъ Абельяру увѣренія въ преданности и дѣлаетъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ предостереженія, въ другомъ письмѣ къ Иннокентію II требуетъ уже костра для Абельяра, для этого сына египтянина и іудейки, наведеннаго на Францію худшую изъ египетскихъ казней, казнѣ квакающими жабами, т. е., болтливыхъ учениковъ, которыми Абельяръ наводнилъ всю страну. Онъ называется не *Petrus Varjona*, а *Petrus Aboilard*, потому что лаетъ на Бога и набрасывается на небеса. Онъ написалъ не богословіе, а пустословіе, его слѣдуетъ сравнивать съ гигантами, титанами, Прометеемъ, Гидрой и со всѣми классическими и библейскими чудовищами. Если отрубить дракону голову, то тотчасъ же вырастаютъ дюжина новыхъ головъ. Пусть въ виду этого пала выжжетъ эту больную совѣсть, разрушить до основанія синагогу сатаны, зальетъ водою мудрости огонь геенны. Но это слѣдуетъ сдѣлать „скорѣе“, восклицаетъ онъ, „скорѣе, чтобы не всѣ грѣшники земли попали въ сѣти этого человѣка“.

Всѣ эти свидѣтельства указываютъ, какое сильное возбужденіе умовъ вызвано было Абельяромъ. „Голиаѳъ“—титулъ, которымъ надѣляется его даже Бернаръ; въ сравненіи съ этимъ гигантомъ даже такой человѣкъ, какъ Арнольдъ Брешианскій, передъ которымъ трепетали епископы Италіи, кажется лишь герольдомъ или оруженосцемъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что, когда сладкая проповѣдь мистики пробѣгала по Франціи какъ солнечный лучъ, могучій діалектикъ вновь покрылъ своею гигантскою тѣнью страну, которую, какъ казалось монахамъ, они уже успѣли просвѣтить. И никто не могъ сильнѣе оплакивать это новѣйшее стремленіе къ критикѣ, къ школьнымъ диспутамъ и понятнымъ для разума объясненіямъ догматовъ, чѣмъ Бернаръ Клервосскій. Въ глубинѣ своего сознанія глава мистической школы, великій духовидецъ, мечтатель и чудотворецъ, чувствовалъ, что онъ вынужденъ выступить противъ возстановленія, казалось было, убитаго на смерть направленія и воспрепятствовать возобновленію вновь Іерихона. Это вполне понятно, и мы не можемъ осуждать его за это.

Оруженосецъ Абеяра, Арнольдъ ¹⁾), и схоластикъ Беренгаръ объясняютъ, правда, поведеніе Бернара только завистью и соперничествомъ. Великій успѣхъ Абеяра какъ учителя, его чрезвычайное вліяніе какъ писателя, вотъ истинная и послѣдняя причина, по ихъ мнѣнію, почему Бернаръ принялъ рѣшеніе сломить вліяніе этого человѣка, и почему онъ напалъ на него, „какъ разбойникъ“. Однако, сколько ни порицать пристрастіе, а еще болѣе іерархическія уловки аббата, но по самой сущности этого вопроса Бернаръ поступалъ чистосердечно и чувствовалъ себя правымъ. Вѣра Бернара и наука Абеяра, дѣйствительно, не могли мирно уживаться въ лошѣ одной и той же церкви, и Бернаръ защищалъ свои священные интересы, вступая въ эту борьбу. Но таково уже обыкновеніе іерарховъ, что даже и прямыя цѣли они преслѣдуютъ не прямыми путями. Кто припомнитъ нападки Бернара на три заблужденія Неназваннаго учителя, его происки противъ отшельнической школы Абеяра, его возраженія на богослуженія въ Параклетѣ, кому извѣстно письмо, въ которомъ его почитатель Гуго Метеллусъ, ссылаясь спеціально на Бернара, обвиняетъ передъ папою лжеучителя Абеяра, тотъ получаетъ впечатлѣніе, что орелъ мистики уже давно кружилъ вокругъ своей жертвы, суживая съ каждымъ разомъ свои круги, и наконецъ онъ внезапно низринулъ на холмъ Святой Женеьевы. Самъ же Бернаръ дѣлаетъ видъ, что никогда не интересовался литературной дѣятельностью Абеяра, пока ему „со стороны“ не предъявлено было прямого требованія, чтобы не оставлять долѣе безъ вниманія столь вредной для всего общества дѣятельности. Если послушать Бернара, то выходитъ, что у него были другія дѣла кромѣ заботъ о книгахъ Абеяра, и послѣдній еще долгое время не обратилъ бы на себя его вниманія, если бы онъ не получилъ доноса монаха Вильгельма. Досадно только то, что самъ Бернаръ заказалъ этотъ доносъ, даже отчасти самъ и написалъ его! Такимъ образомъ начало процесса противъ знаменитаго учителя въ Парижѣ ознаменовалось сильной примѣсью монашеской интриги, которая выставляетъ роль Бернара еще въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ то впечатлѣніе, которое и безъ того вообще производитъ уничтоженіе новаго ученія рѣшеніями соборовъ, анаемой и наказаніями въ тюрьмѣ. Аббать клервоскій заставилъ втянуть себя въ это дѣло при помощи третьяго лица и будто бы противъ своего желанія. Этимъ официальнымъ обвинителемъ былъ цистерціанскій монахъ Вильгельмъ. Родавшійся въ Люттихѣ, онъ учился въ Реймсѣ,

¹⁾ Historia pontificalis, гл. 31.

гдѣ мы познакомились и съ другими противниками Абеяра, и подь конецъ сдѣлался аббатомъ мѣстнаго монастыря св. Теодориха (Сенъ-Тьерри). Во время одного изъ посѣщеній Клервосскаго монастыря онъ воспыалъ такимъ благоговѣнiемъ къ Бернару, что у него явилось желанiе вполнѣ отдаться на служенiе ему. Въ 1135 году онъ въ виду этого сложилъ съ себя званiе аббата и въ своемъ восторженномъ почитанiи Бернара пожелалъ сдѣлаться простымъ монахомъ въ Клервосскомъ монастырѣ. Однако Бернару въ то время было неудобно идти навстрѣчу подобному почитанiю его собственной особы, и онъ указалъ ему филиальный монастырь въ Спньи (Signy). Впослѣдствiи, однако, рвенiе Вильгельма было все-таки удовлетворено. Изъ одной биографiи Бернара ¹⁾, написанной Вильгельмомъ, мы узнаемъ, что онъ былъ въ числѣ тѣхъ жаждущихъ чудесъ обожателей аббата клервосскаго, которые своими разсказами о чудесахъ вызвали у Абеяра и его учениковъ лишь насмѣшки надъ Бернаромъ. Самъ Бернаръ посвятилъ ему свою „Апологию ордена цистерцианцевъ“ ²⁾ и „Трактатъ о благодати и о свободной волѣ“ ³⁾. При такихъ близкихъ отношенiяхъ этихъ двухъ людей нельзя предположить, чтобы Вильгельмъ втянулъ аббата клервосскаго въ тяжбу съ такимъ выдающимся учителемъ, какимъ былъ Абеяръ, не спросивъ предварительно своего господина и учителя, желаетъ ли онъ заняться этимъ дѣломъ? Вильгельмъ направилъ обвиненiе къ Бернару и къ епископу Готфриду Шартрскому, носившему титулъ папскаго легата и обязанному въ виду этого охранять вѣру. Кромѣ того, было весьма дипломатическимъ ходомъ съ самаго начала призвать въ судьи прежняго покровителя Абеяра на Соассонскомъ соборѣ. Чѣмъ очевиднѣе можно было предвидѣть, что обвиненiе противъ знаменитѣйшаго учителя Францiи вызоветъ необычайную сенсацию, тѣмъ правдоподобнѣе намъ кажется предположенiе, что Вильгельмъ рѣшился на это обвиненiе, заручившись предварительно полномочиемъ аббата, да и знакомымъ со слогомъ Бернара вполнѣ ясно, что это письмо, адресованное къ Бернару, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя его части написаны самимъ Бернаромъ, такъ оно переполнено излюбленными выраженiями знаменитаго аббата. Кромѣ того, оно редактировано прямо съ цѣлью обнародованiя его, для чего оно съ самаго начала и предназначалось. „Случайно“, пишетъ Вильгельмъ въ видѣ введенiя къ этому втайнѣ подстроеному доносу, ему будто бы попала въ

1) Migne 185, 206 и слѣд.

2) Migne, 182, 895 и сл.

3) Migne, 182, 1001 и сл.

руки „Теологія“ (наша такъ называемая „Introductio“) Абеяра, и заглавіе двухъ сходныхъ между собою книгъ Абеяра обратило на себя его вниманіе. Не въ качествѣ, слѣдовательно, судьи еретиковъ и не по внушенію Бернара, а совершенно случайно онъ рѣшилъ заняться изученіемъ этого сочиненія; но затѣмъ при чтеніи онъ нашелъ многое, что сильно взволновало его, и поэтому онъ выписываетъ кое-что изъ этихъ сочиненій и, присоединивъ къ этимъ выпискамъ самыя книги, посылаетъ ихъ епископу Готфриду Шартрскому, который нѣкогда вступился на соборѣ въ Соассонѣ за Абеяра, и аббату клервосскому, для того, чтобы они обратили вниманіе на это дѣло; дѣло идетъ, вѣдь, ни много ни мало, о нашей вѣрѣ въ тріедиаго Бога, въ милосердіе Божіе и таинство искупленія. Затѣмъ слѣдуетъ мѣсто, которое явно принадлежитъ перу самого Бернара. „Петръ Абеяръ учитъ снова кое-чему новому, пишетъ кое-что новое; а книги его расходятся за море, переваливаютъ за Альпы; его новые взгляды на вѣру и его новыя ученія распространяются по провинціямъ и государствамъ, публично проповѣдуются и открыто защищаются, такъ что говорятъ, что они будто бы имѣютъ значеніе и у римской куріи. Говорю вамъ, что молчаніе ваше таитъ въ себѣ опасность, какъ для васъ, такъ и для Церкви Божіей“. Очевидно, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ перомъ Бернара, которымъ или Вильгельмъ украсилъ себя, или же оно дано ему было взаимно самимъ аббатомъ; въ концѣ Вильгельмъ прибавляетъ собственную вставку и восхваляетъ епископа и аббата: „Васъ боится и страшится также и этотъ человекъ. Если вы закроете глаза, кого ему опасаться тогда? А если теперь онъ говоритъ то, что говорить, чего онъ не скажетъ въ то время, когда ему некого будетъ бояться? А такъ какъ въ Церкви уже перемерли почти всѣ учителя ея, то въ нее, какъ въ опустѣвшую общину, вторгнулся врагъ и захватилъ себѣ въ ней учительство; онъ обходится съ священнымъ Писаніемъ какъ съ діалектикой и вводитъ свои нововведенія и открытія; онъ судья, а не ученикъ Писанія; исправитель, а не подражатель его“. По обычаю подобныхъ обвинителей, монахъ говоритъ при этомъ о глубокой скорби, испытываемой имъ при взглядѣ на такой соблазнъ, и, готовя Абеяру костеръ, онъ проситъ для себя состраданія, такъ какъ огорченіе, испытанное имъ при открытіи всѣхъ этихъ злодѣйствъ, почти изсушило его душу, онъ требуетъ состраданія и къ своему несчастію, состоящему въ томъ, что именно онъ вынужденъ выступить противъ Абеяра, „ибо“, пишетъ онъ со слезами на глазахъ, „и я любилъ его и желалъ бы любить его, да будетъ мнѣ свидѣтелемъ Богъ“. Онъ могъ бы избѣжать многихъ

подобныхъ огорченій, если бы вмѣсто того, чтобы преувеличивать уклоненія Абеяра, онъ постарался растолковать положенія Абеяра на основаніи аналогіи съ ученіемъ Церкви. Онъ приводитъ не менѣе тринадцати пунктовъ, которые кажутся ему подозрительными въ догматическомъ отношеніи. Правда, первый пунктъ, что Абеяръ считаетъ вѣру простымъ допущеніемъ реальности невидимыхъ вещей, касается также и всей схоластики, но въ кельяхъ цистерціанскихъ монаховъ какъ разъ въ это время обнаружилось новое мистическое направленіе, въ силу котораго вѣра казалась непосредственнымъ соприкосновеніемъ души съ Богомъ въ сверхчувственномъ общеніи; съ этой точки зрѣнія этотъ процессъ заслуживаетъ вниманія, какъ первое столкновеніе мистической школы съ схоластическою. Послѣ этого весьма яснаго лозунга цистерціанца слѣдуетъ затѣмъ въ высшей степени неточная передача ученія Абеяра о Святой Троицѣ, переполненная недоразумѣніями и искаженіями; согласно этой передачѣ выходитъ, что будто бы, по мнѣнію Абеяра, Отецъ, Сынъ и Святой Духъ являются лишь предикатами понятія Богъ, что будто бы всемогущество приписывается имъ одному лишь Богу Отцу, меньшее могущество Сыну, а Духу Святому не приписывается никакого. То обстоятельство, что Абеяръ, стремясь открыть уже у древнихъ философовъ предчувствіе истины, видитъ въ міровой душѣ Платона Святого Духа, есть ересь; его взглядъ, что, несмотря на грѣхопаденіе, людямъ дана способность творить добрыя дѣла, есть ересь. Утвержденіе Абеяра, что цѣль смерти І. Христа состояла въ томъ, чтобы воспламенить въ насъ любовь къ Богу, перетолковано въ обратномъ смыслѣ, будто бы Абеяръ отрицаетъ, что цѣлью Христа было освобожденіе насъ отъ ига дьявола. Мнѣніе Абеяра, что не Богочеловѣкъ, а лишь Logos'а можно назвать вторымъ лицомъ св. Троицы, что послѣ пресуществленія хлѣбъ и вино являются лишь видимостью, міражемъ, что человѣкъ совершаетъ грѣхъ лишь въ силу свободнаго рѣшенія воли, что мы, слѣдовательно, получили въ наслѣдство лишь наказаніе, а не грѣхъ Адама, что половое влеченіе слѣдуетъ считать естественнымъ, а не грѣховнымъ—все это тоже является вреднымъ лжеученіемъ.

Въ общемъ въ этомъ сочиненіи виденъ все-таки схоластикъ по профессіи, котораго, вѣроятно, за эти его свойства собраніе цистерціанцевъ и выслало застрѣльщикомъ, чтобы возбудить процессъ о вѣроученіи, и онъ весьма удачно указалъ на тѣ пункты, на основаніи которыхъ аббать могъ обосновать съ извѣстной долей доказательности свои обвиненія Абеяра въ арианствѣ, въ несторіанствѣ и въ пелагіанствѣ. Вильгельмъ утверждаетъ, что онъ взялъ эти пункты изъ обихъ „Теологій“, которыя главнымъ об-

разомъ трактуютъ объ ученіи о Св. Троицѣ. Кромѣ того, онъ упоминаетъ еще двѣ книги, „Да и Нѣтъ“, объ антитезахъ новаго Маркіона, и „Познай самого себя“—Этику, по поводу которыхъ онъ „выражаетъ опасеніе“, что содержаніе ихъ такъ же чудовищно, какъ и ихъ заглавіе. Но онъ не читалъ ихъ. „По рассказамъ, онѣ бояся свѣта, и ихъ невозможно достать, несмотря на всѣ старанія“. Искусственная сочиненность этого документа обнаруживается именно тѣмъ, что цѣлый рядъ точно приведенныхъ Вильгельмомъ положеній совсѣмъ не содержится въ упомянутыхъ имъ сочиненіяхъ, которыя онъ, по его словамъ, только и читалъ, а находится въ тѣхъ, которыхъ онъ, по его увѣренію, не читалъ: въ „Этикѣ“ и въ „Комментаріяхъ къ Посланію къ Римлянамъ“¹⁾. Такимъ образомъ его перечень ересей настолько же мало представляетъ въ полномъ своемъ объемѣ его собственное произведеніе, какъ и самое письмо къ Бернару, наоборотъ, для своего обвиненія онъ также пользовался сотрудничествомъ анонимныхъ авторовъ. Когда такимъ образомъ взвился занавѣсъ, за кулисами мы находимъ нѣсколько противниковъ Абеяра, которые предпочитали оставаться на заднемъ планѣ, и мы видимъ, что дѣйствія, могущія быть оправданными, совершаются въ видѣ отвратительной интриги. Что офиціальныи обвинитель былъ не болѣе какъ подставнымъ фигурантомъ, доказывается, также и тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ окончилъ свою миссію однимъ этимъ обвиненіемъ, такъ какъ, какъ только самъ Бернаръ взялъ все дѣло въ свои руки, онъ совершенно исчезаетъ со сцены²⁾. Съ полнымъ признаніемъ своего достоинства и, повидимому, держась вполнѣ объективно, вмѣшался Бернаръ въ разборъ этого дѣла. Отвѣтъ его Вильгельму отмѣченъ печатью сдержанности и дипломатіи. Онъ хвалитъ рвеніе ученика, и, хотя, какъ онъ говоритъ, у него не было до этого времени, чтобы познакомиться съ его объемистымъ возраженіемъ Абеяру, но все же онъ находитъ, при поверхностномъ даже просмотрѣ его, что сомнѣнія Вильгельма справедливы. Но, такъ какъ онъ не вполнѣ довѣряетъ своему собственному сужденію въ подобныхъ вопросахъ, то и предлагаетъ Вильгельму личное свиданіе, которое однако, не можетъ состояться до Пасхи (1141), чтобы не помѣшать молитвенному рвенію, требуемому священнымъ временемъ. „До этого времени имѣйте терпѣніе, какъ и я

1) Уже Неандеръ въ своемъ описаніи жизни Бернара указалъ на это безчестное поведеніе по отношенію къ Абеяру и осуждалъ это поведеніе съ похвальною откровенностью.

2) Также и Deutsch, Die Synode von Sens 1141 года, стр. 10.

терплю, такъ какъ я не зналъ главнаго, даже почти ничего не зналъ до сихъ поръ“. Но и въ этихъ даже словахъ все оказывается одной комедіей, даже и это „вы“, съ которымъ онъ обращается къ Вильгельму, къ которому въ другихъ письмахъ онъ обыкновенно обращается на „ты“¹⁾. Мы ничего не знаемъ объ этомъ свиданіи, и, если оно когда-либо состоялось, то для установленія обвиненія оно было совершенно излишне, такъ какъ обвиненіе это уже давно было формулировано. Безусловно ложно, однако, извиненіе Бернара въ томъ, что онъ молчалъ до сихъ поръ, вслѣдствіе того, что „зналъ очень немного, или почти ничего не зналъ“ по данному вопросу. Намъ извѣстно, что онъ уже и раньше писалъ противъ Абеяра²⁾, и что онъ старался навлечь подозрѣніе на діалектика въ глазахъ всѣхъ его доброжелателей даже и тогда еще, когда Абеяръ жилъ отшельникомъ въ лѣсу Ножана на Сенѣ. Во всякомъ случаѣ и при данныхъ обстоятельствахъ Бернаръ остался вѣренъ своей роли примирителя. Вполнѣ согласно съ предписаніями, изложенными въ ев. отъ Маттея (18, 15 и 16), онъ лично посѣтилъ Абеяра въ Парижѣ, куда его призывали, вѣроятно, и другія дѣла, тотчасъ же послѣ Пасхи 1141 года. По словамъ „Житія Бернара“ (соч. Готфрида)³⁾, онъ такъ мягко и кротко убѣждалъ учителя Петра, что послѣдній обѣщалъ исправить въ своихъ сочиненіяхъ мѣста, возбудившія сомнѣнія. Другихъ свидѣтелей, кромѣ учениковъ и почитателей Бернара, которые подтверждали бы этотъ моментъ уступчивости великаго діалектика, мы не находимъ; епископы въ своихъ донесеніяхъ папѣ ничего не упоминаютъ о подобномъ обѣщаніи, хотя они несомнѣнно были заинтересованы въ томъ, чтобы указать на такое нарушеніе даннаго слова, если бы Абеяръ былъ виновенъ въ этомъ. Во всякомъ случаѣ нельзя утверждать, что у Абеяра невозможно предполагать подобнаго рода первоначальнаго колебанія. Но затѣмъ, благодаря дурнымъ совѣтамъ, онъ будто бы отказался отъ этого намѣренія отречься, потому что это отреченіе окончательно погубило бы уваженіе къ нему. На соборѣ въ Сенѣ также заходила рѣчь о подобныхъ сорабникахъ Абеяра, которые подстрекали его, и по отношенію къ тогдашнимъ обстоятельствамъ Бернаръ говоритъ: „Прямо выступаетъ Голіаѳъ (Абеяръ), вооруженный воинскими доспѣхами, а впереди его идетъ

1) „Ты“ Бернаръ пишетъ въ Ер. 85 и 86, „Вы“—въ Ер. 327, въ официальномъ письмѣ, предназначенномъ служить документомъ. Ср. Deutsch, Die Synode von Sens 1141 г., стр. 9.

2) Tractatus de baptismo цитируетъ Migne, 182, 1031 и сл.

3) Migne, 185, 311.

его оруженосецъ, Арнольдъ Брешіанскій. Чешуя прилегаеть къ чешуѣ, и между ними нѣтъ ни одной скважины; ¹⁾ французская пчела (l'abeille) жужжитъ въ унисонъ съ италіанской, и онѣ соединяются противъ Господа и Его помазанника“ ²⁾). Дѣйствительно, закаленный въ борьбѣ Арнольдъ Брешіанскій, послѣ того какъ его изгнали изъ Италіи римскій соборъ во время великаго поста 1139 года, вернулся къ Абеяру, ученикомъ котораго онъ былъ ранѣе, по всей вѣроятности въ Параклетѣ ³⁾, и если уже приписывать кому-либо изъ окружающихъ вліяніе на Абеяра, то именно этому вдохновенному борцу и заклятому врагу монаховъ и епископовъ. Колебавшемуся благодаря убѣжденіямъ Бернара Абеяру снова была влита въ кровь энергія, и онъ вспомнилъ, кто онъ, и кто его противники. Патетическій ломбардецъ, поддерживавшій дѣло реформы при совершенно иныхъ буряхъ въ Верхней Италіи, для котораго борьба была потребностью жизни, тотчасъ бросился въ эту новую битву и выступилъ въ качествѣ оруженосца Абеяра, хотя ихъ ученія и соприкасались лишь своими периферіями. Весь паеосъ Арнольда заключался въ положеніи, что священники должны быть послѣдователями апостоловъ, и что только тѣ обладаютъ властью „вязать и разрѣшать“, т. е. могутъ дѣйствительно совершать таинства, дѣйствительно могутъ отпускать грѣхи, которые ведутъ такую же бѣдную жизнь, какъ сами апостолы. Передъ уклонившимися отъ первообраза священниками не слѣдуетъ каяться, лучше уже въ такомъ случаѣ обращаться къ благочестивымъ мірянамъ. Энергичный брешіанскій пробстъ вывелъ въ данномъ случаѣ лишь практическія слѣдствія изъ положеній Абеяра, высказанныхъ имъ по вопросу о покаяніи въ „Этикѣ“ ⁴⁾, только Арнольдъ отбросилъ слабыя оговорки послѣдняго; наравнѣ съ Элоизой онъ представляетъ намъ второй примѣръ того, насколько методъ Абеяра приводилъ къ болѣе свободомыслящимъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые имѣлъ въ виду самъ Абеяръ съ его осторожно ограниченными выводами.

¹⁾ Странное изображеніе это взято у Іова, 41, 6 и 7, гдѣ о левіаѳанѣ сказано: *Corpus illius quasi scuta fusilia, compactum squamis se prementibus. Una uni conjungitur, et ne spiraculum quidem incedit per eas.*

²⁾ Пчела, l'abeille, намекъ на Abeillardus, какъ многіе писали его имя. При этомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспоминается и одно мѣсто изъ Исаи (7, 18): *Sibilabit dominus api, quae est in terra Assur*, гдѣ, по мнѣнію пророка, пчела не жужжитъ, но ее присвистываютъ.

³⁾ Ср. далѣе: Арнольдъ Брешіанскій, прим. къ гл. I.

⁴⁾ *Ethica seu liber dictus: scito te ipsum.* Гл. XXV, Cousin, II, 633 и сл.

Мы должны, слѣдовательно, приписать этому „оруженосцу“ то обстоятельство, что Абеляръ пересилилъ свой страхъ передъ соборами и рѣшился поднять перчатку. Надѣясь на свое превосходство въ искусствѣ диспутировать, разсказываетъ Готфридъ, Абеляръ внезапно принялъ другой тонъ и пожелалъ публичнаго разбора своего дѣла. Этимъ поданъ былъ лозунгъ къ битвѣ. Долго Бернаръ не рѣшался взяться за этотъ споръ о вѣрученіи, но, разъ вступивъ въ него, онъ уже велъ его со всею нервною страстностью своего раздражительнаго темперамента. Противникъ превращается въ его воображеніи въ Ирода, въ змѣю, въ Голаіаа, въ дракона ¹⁾, а такъ какъ Бернаръ дѣйствуетъ всегда лишь по прямому указанію небесъ, то и это дѣло, какъ и всякое другое, за которое онъ берется, становится, по его мнѣнію, дѣломъ Бога, какъ скоро онъ взялъ его въ свои руки. Сначала онъ попробовалъ вторично увѣщевать Абеяра, и притомъ, какъ это предписываетъ евангеліе, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей, и потребовалъ отъ него, чтобы онъ исправилъ свои книги и самъ предостерегалъ отъ нихъ своихъ учениковъ. Какъ только Абеляръ отвергъ эти позорныя требованія, тотчасъ же была пущена противъ него полнымъ ходомъ монашеская трещотка. Самъ Бернаръ сдѣлалъ первый починокъ и потребовалъ у многихъ студентовъ, чтобы они отвернулись отъ ядовитыхъ книгъ Абеяра и отослали ихъ обратно ²⁾. Какъ Абеляръ принялъ это выступленіе, какъ онъ высказывался въ своихъ письмахъ къ друзьямъ о Бернарѣ, Готфридъ предпочитаетъ лучше не писать въ Римъ ³⁾, но мы узнаемъ объ этомъ изъ документовъ. „Разсерженный на это“, пишетъ архіепископъ сенскій, „учитель Петръ нѣсколько разъ требовалъ отъ насъ, чтобы мы пригласили аббата клервосскаго въ опредѣленный день, восемь дней спустя послѣ Троицына дня, въ Сенъ, куда и онъ явится, чтобы защищаться“. На выборѣ этого дня, а равно и этого судилища, Абеляръ оставался въ виду того, что въ Сенъ ожидалось прибытіе короля, графовъ Шампанскаго ⁴⁾ и Неверскаго и другихъ высокихъ вассаловъ, князей церквей и монастырей, которые собирались, чтобы поклониться реликвіямъ, выставленнымъ архіепископомъ. Архіепископъ согласился на желаніе Абеяра, и рѣшево было въ заключеніе религиозныхъ празднествъ открыть соборъ для

1) Ерр., 189, 331, 332.

2) Bern. Ep. 337, 2. Migne, 182, 541.

3) Ep. 189.

4) По разсказу Оттона Фрейзингскаго, Gesta Friderici, I, 48. Съ точностью неизвѣстно, дѣйствительно ли онъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ, потому что о немъ не упоминается въ Ep. Bern. 387.

сужденія о возникшемъ спорѣ о вѣрѣ. Архіепископъ желалъ на другой день послѣ праздника, 4 іюня 1141 года, назначить диспутъ между аббатами монастыря Св. Жильда и монастыря Клерво. Но тутъ Бернаръ не согласился на это. Хотя согласіе архіепископа взять въ свои руки сужденіе объ обстоятельствахъ этого дѣла и соотвѣтствовало собственнымъ требованіямъ Бернара, но самъ онъ желалъ держаться на второмъ планѣ и отказался прежде всего отъ всякаго устнаго обсужденія. „Я отклонилъ этотъ вызовъ, потому что по сравненію съ нимъ я—мальчикъ, онъ же съ самой юности былъ сильнымъ борцомъ.“ Ибо, скромно признается Бернаръ, онъ не въ состояніи диспутировать съ Абеяромъ и не можетъ даже считать подходящимъ судить о вѣрѣ на основаніи человѣческихъ аргументовъ. Сочиненія Абеяра на лицо, судить о нихъ не его обязанность, а долгъ епископовъ. Но это, однако, не было его послѣднимъ словомъ. Друзья поставили ему на видъ, что, если онъ не явится въ Сенъ, то у противниковъ прибавится отваги, а заблужденіе окрѣпнетъ и пріобрѣтетъ большую силу, если не будетъ никого, кто могъ бы возражать и опровергнуть его. Свообразный поединокъ, при которомъ обѣ стороны должны были черпать мужество для выхода на арену изъ внушеній своихъ друзей! То, чего достигли Лотульфъ и Альберихъ въ Соассонѣ, то должно было въ концѣ концовъ удался при его вліяніи и Бернару въ Сенѣ, и онъ въ концѣ концовъ согласился явиться на соборъ послѣ того, какъ предварительно онъ весьма проворно похлопоталъ о томъ, чтобы встрѣтить тамъ въ сборѣ всѣхъ своихъ приверженцевъ. Мы имѣемъ письмо, образецъ осмотрительности ¹⁾, въ которомъ аббатъ клервоскій ставитъ на видъ епископамъ, что даже, если бы на соборѣ рѣчь шла только о личныхъ его дѣлахъ, то и въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право рассчитывать на ихъ поддержку. Вопросъ, возбужденный дѣломъ Абеяра, гораздо важнѣе для нихъ самихъ, чѣмъ для него. Такимъ образомъ они должны выказать себя друзьями не столько аббата, сколько Христа, невѣста Котораго зываетъ къ нимъ о помощи. Другъ Жениха не покинетъ невѣсты въ ея скорби. Онъ объясняетъ, что Абеяръ нарочно назначилъ короткій срокъ для собора, чтобы застать епископовъ врасплохъ неподготовленными; тѣмъ болѣе они постараются отбить лукавое нападеніе врага. Послѣ этого посланія аббатъ былъ увѣренъ найти на мѣстѣ всѣхъ своихъ союзниковъ, могъ вполне рассчитывать на рѣшеніе собора и написать въ поучительномъ тонѣ папѣ, что „онъ предоставляетъ Святому Духу внушить, какъ и что онъ будетъ

¹⁾ Ер. 187.

говорить.“ Абеляръ также явился въ сопровожденіи небольшой группы своихъ приверженцевъ, чтобы вступить въ диспутъ съ Бернаромъ о затронутыхъ имъ пунктахъ, однако какъ всѣ они ошибались, если предполагали, что соборъ собрался ради того, чтобы ихъ выслушать! Они уже давно были осуждены заранѣе.

Собраніе, съѣхавшееся въ Сенъ, было весьма блестящее. Туда явился благочестивый юный король Людовикъ VII, а вмѣстѣ съ нимъ графъ Неверскій, вѣрующій сеньеръ, кончившій впоследствии свою жизнь картузіанскимъ монахомъ ¹⁾. Не было недостатка и въ аббатахъ и въ монахахъ со стороны Бернара, а равно и въ ученикахъ Абеяра и его схоластическихъ противниковъ ²⁾. Среди друзей Абеяра, должно быть, особенно замѣтенъ былъ Арнольдъ Брешианскій, такъ какъ Бернаръ называетъ его оруженосцемъ, предшествующимъ Голяоу, а папская булла включаетъ специально и его въ рѣшеніе объ Абеяра и его приверженцахъ. Въ глазахъ французскихъ епископовъ этотъ союзникъ могъ только повредить философу, потому что, если по отношенію къ Абеяру рѣчь шла лишь о теоріяхъ, то Арнольдъ былъ уже признаннымъ еретикомъ, страстнымъ демагогомъ и притѣснителемъ монаховъ и епископовъ, у которыхъ онъ хотѣлъ отнять церковные доходы. У себя на родинѣ, по разсказу Бернара ³⁾, онъ вызвалъ сильнѣйшія потрясенія въ Ломбардіи, онъ второй Каинъ, безъ родины и пристанища на землѣ, который пробуетъ теперь въ чужой странѣ совершить то, что ему запрещено дѣлать у себя дома. Ученіе Абеяра, что недостойный епископъ не можетъ ни связывать, ни разрѣшать, онъ сдѣлалъ темой своей ожесточенной борьбы противъ епископовъ, у которыхъ онъ стремится вырвать всякую свѣтскую власть и всякое мірское владѣніе. Если Абеяръ и могъ еще разсчитывать на сколько-нибудь мягкое рѣшеніе епископовъ, то этотъ союзникъ долженъ былъ погубить его. Но, конечно, Абеяръ уже не имѣлъ такой надежды и безъ этого. Когда Абеяръ разсмотрѣлъ собравшихся прелатовъ, которые явились въ Сенъ на призывъ о помощи Бернара, то могъ только воскликнуть: „кругомъ враги!“

Партія Бернара присутствовала въ полномъ составѣ, а поведеніе прежнихъ доброжелателей Абеяра также служило доказательствомъ перемѣны,

1) Chron. Turonense. Ср. Rémusat, I, 203.

2) Въ официальномъ донесеніи епископовъ, Ер. 337, написано, что епископы явились *cum multis religiosis abbatibus et sapientibus, valdeque litteratis clericis*. Migne, 182, 542. Также 541: *undequaque convocare discipulos*.

3) Ер. 195, Migne, 182, 363.

совершившейся съ того времени, какъ монастыри Цистерціанскій, Премонстрайтскій и св. Виктора стали руководить духомъ Церкви. Предсѣдатель собора, архіепископъ сенскій, ранѣе былъ весьма свѣтскимъ человѣкомъ, какъ это показываетъ между прочимъ его прозвище—Генрихъ-боровъ; Бернаръ обратилъ его и посвятилъ ему свою брошюрку „О нравахъ и обязанностяхъ епископовъ“¹⁾. Авторитетъ аббата въ глазахъ его былъ безграниченъ, и мы видимъ, что Бернаръ бранитъ его, какъ какого-нибудь мальчишку, за его животныя наклонности²⁾. Онъ считаетъ его также способнымъ на симонію³⁾. Но его пороки являлись еще лучшей стороною его натуры и во всякомъ случаѣ были выносимѣе, чѣмъ его добродѣтели, въ которыя онъ нарядился со времени своего обращенія. Подчиненіе, которое онъ обнаруживалъ по отношенію къ Бернару, недостойно человѣка, и, если такой человѣкъ, какъ онъ, въ составленныхъ Бернаромъ донесеніяхъ святому престолу противопоставляется Абеляру какъ хранитель вѣры и добрыхъ нравовъ, то это лицемеріе вызываетъ лишь сильнѣйшее чувство отвращенія. Присутствовали также и Готфридъ Шартрскій, который такъ сладко убѣждалъ въ Соассонѣ Абеляра, чтобы тотъ терпѣливо отнесся ко всѣмъ несправедливостямъ отцовъ собора, а затѣмъ спокойно допустилъ, чтобы осужденнаго, безъ всякихъ доказательствъ вины и не выслушавъ даже его оправданій, заперли въ монастырь св. Медарда среди преступниковъ и умалишенныхъ. Гуго Маконъ, епископъ оксерскій, принадлежалъ къ числу тѣхъ обращенныхъ Бернаромъ къ монастырской жизни, которые нѣкогда съ юнымъ предводителемъ во главѣ постучались въ ворота монастыря въ Сито; Сампсонъ реймскій обязанъ былъ Бернару своимъ омофоромъ, въ которомъ ему долгое время отказывалъ король⁴⁾. Жосселинъ изъ Вьерци, епископъ соассонскій, былъ нѣкогда, будучи еще учителемъ Госвина, соперникомъ Абеляра въ Парижѣ⁵⁾. Но и прежніе доброжелатели, какъ, напримѣръ, аббатъ сень-медардскій Готфридъ, получившій за это время благодаря ходатайству Бернара епископство Шалонское, и Гаттонъ изъ Троя, разрѣшившій Абеляру основать Параклетъ, также захвачены были орбитой новаго солнца и тѣмъ менѣе могли что-либо сдѣлать для Абеляра, что всѣмъ были извѣстны ихъ прежнія отношенія къ нему. Куда ни кидаль свои взоры Абеляръ, всюду онъ встрѣ-

¹⁾ Migne, 182, 809 и слѣд.

²⁾ Ep. 182.

³⁾ Ep. 51. Ср. также Ep. 42, 43.

⁴⁾ Rémusat, I, 211.

⁵⁾ Ed. Cousin, I, 43.

чалъ враждебныя лица, а юный ханжа-король, который въ теченіе своей безтолковой жизни заслужилъ проклятіе Европы и благословіе святого Бернара, когда убійство сотни невинныхъ въ Витри онъ искупилъ крестовымъ походомъ, въ которомъ онъ повелъ на погибель сотни тысячъ, король этотъ былъ послѣднимъ, который могъ бы заступиться за еретика. Графъ Теобальдъ Шампанскій, о которомъ Оттонъ Фрейзингскій упоминаетъ, какъ объ участникѣ собора, бывшій доброжелатель Абеяра, очевидно отсутствовалъ, потому что въ противномъ случаѣ онъ былъ бы упомянутъ въ официальныхъ донесеніяхъ епископовъ.

Абеяръ явился, чтобы вступить въ диспутъ, но онъ весьма скоро долженъ былъ убѣдиться, что его такъ же мало желаютъ выслушать, какъ нѣкогда въ Соассонѣ, и какъ и въ тотъ разъ онъ снова нашелъ толпу, собравшуюся на поклоненіе святыни, уже заранѣе враждебно противъ себя настроенной. Такимъ образомъ все принимало оборотъ, намѣченный заранѣе проницательнымъ аббатомъ клервосскимъ.

Въ воскресенье происходила объявленная заранѣе торжественная выставка реликвій, при чемъ Бернаръ объяснялъ юному королю значеніе святыни, къ которой онъ долженъ былъ приложиться ¹⁾. Послѣ этого обхода Бернаръ взшелъ на кафедру въ соборѣ и произнесъ проповѣдь, при чемъ въ концѣ ея онъ приглашалъ народъ молиться объ обращеніи не названнаго имъ невѣрующаго. Возможно, что это приглашеніе объяснялось лишь благочестивою безтактностью, но друзья Абеяра взглянули на него, какъ на опасное подстрекательство, скрытое подъ маской сожалѣнія. „Ты проповѣдывалъ народу“, пишетъ ученикъ Абеяра Беренгаръ, „чтобы онъ молился за него, когда въ душѣ ты уже помышлялъ о томъ, чтобы изгнать его изъ христіанскаго міра. О чемъ долженъ былъ молиться народъ, когда онъ не зналъ, о комъ слѣдуетъ молиться? Ты, Божій человѣкъ, совершающій чудеса... ты долженъ бы былъ вознести передъ небесами чистое благоуханіе святой молитвы, чтобы обратился обвиненный тобою Петръ и превратился бы въ такого человѣка, который не могъ бы болѣе вызывать никакихъ подозрѣній. Но возможно, что ты желалъ лучше имѣть дѣло съ такимъ человекомъ, въ отношеніи котораго ты могъ бы найти удобный предлогъ для того, чтобы объявить его еретикомъ“. Послѣ этой молитвы, которая произвела столь отвратительное впечатлѣніе на Беренгара, слѣдовало пиршество, въ которомъ Бернаръ и епископы приняли участіе, тогда какъ Абеяръ не былъ пригла-

1) Alan. episcop. autiss. in vita S. Bern., гл. XXVI.

иенъ. Но, несмотря на кажущійся частный характер этой дружеской бесѣды, именно на этомъ пиршествѣ рѣшалась судьба Абеяра ¹⁾. „Послѣ обѣда“, говоритъ Беренгаръ, „принесена была въ собраніе книга Абеяра, и приглашенъ былъ чтець, для прочтенія вслухъ опредѣленныхъ мѣстъ изъ нея. Благодаря ненависти къ Абеяру и возбужденію отъ виноградной лозы,—не той, о которой сказано: „Я истинная виноградная лоза“, а отъ той, которая повергла патріарха Ноя обнаженнымъ на землю,—чтець выкрикивалъ слова еще сильнѣе, чѣмъ это было желательно. Черезъ нѣкоторое время можно было наблюдать, какъ епископы становились все безпокойнѣе, закидывали ногу на ногу, смѣялись и шутили. Приходилось сознаться, что здѣсь приносили жертву не Христу, а Вахусу. Между тѣмъ опорожняли кубки, похваливали хрусталь, одобряли вино, епископы промачивали себѣ горла... Если что либо возвышенное и касающееся Бога изъ сочиненій Абеяра заглушало шумъ и являлось совершенно необычнымъ для ушей епископовъ, эти слѣпые кроты, ополчившіеся на философа, негодовали и скалили зубы на Абеяра: „должны ли мы оставить жизнь этому чудовищу?“ И подобно евреямъ, покивая головами, они восклицали: „онъ разрушаетъ храмъ Господень!“ Такъ судили слѣпцы о словахъ свѣта, пьяные проклинали трезваго. Псы кусаютъ святаго, и свиньи роются въ бисерѣ... Трезвенные епископы выпили черезчуръ много неразбавленнаго водою вина, и его жаръ такъ бросился имъ въ голову, что все они наконецъ заснули. Между тѣмъ какъ чтець продолжалъ, выкрикивая слова, читать, слушатели храпѣли. Одинъ уперся на локти, другой на мягкую подушку, третій опустилъ голову на колѣни и спалъ. Когда чтець наткнулся на сомнительныя мѣста въ сочиненіи Абеяра, онъ кричалъ, обращаясь къ глухимъ ушамъ епископовъ: „осуждаете ли вы это мѣсто?“ Пробужденные послѣднею буквою, нѣкоторые отвѣчали заспаннымъ голосомъ и съ повикшею головою: „damnavimus“. Другіе, разбуженные только этимъ словомъ, восклицали просто „navimus“ (мы плывемъ)... Правда, вы плывете, но ваше плаваніе—это утопаніе въ винѣ. То, что они сдѣлали, то, что рѣшили

1) Что въ этомъ собраніи наканунѣ официальнаго засѣданія уже рѣшенъ былъ приговоръ, подтверждается также и донесеніемъ епископовъ: *Prædiximus ante factam ad vos appellationem damnavimus*. Migne, 182, 542. Что несмотря на апелляцію Абеяра соборъ все же постановилъ рѣшеніе, епископы оправдывали тѣмъ, что оно было уже постановлено наканунѣ. Они произнесли, слѣдовательно, приговоръ, не выслушавъ даже Абеяра, почему послѣдній благоразумно и отказался на слѣдующій день отъ разбирательства только ради формы.

эти законники, это написано въ Священномъ Писаніи: „тогда первосвященники и фарисеи собрали совѣтъ“, одинъ же изъ нихъ, нѣкто Бернаръ именемъ, будучи первосвященникомъ этого совѣта, пророчествовалъ, говоря: „лучше намъ, чтобы одинъ человекъ умеръ, нежели чтобы весь народъ погибъ“. Послѣ того, какъ такимъ образомъ за стаканомъ вина постановлено было рѣшеніе о ереси Абеяра, Бернаръ могъ спокойно дожидаться публичнаго засѣданія собора. Голоса были опредѣлены, и никакіе ораторскіе успѣхи Абеяра не могли заставить епископовъ подать за него свои голоса, потому что въ противномъ случаѣ они сами подвергались опасности быть заподозрѣнными въ ереси. Все остальное представляло, слѣдовательно, только кукольную комедію. Уже на слѣдующій день, въ понедѣльникъ утромъ соборъ собрался на совѣщаніе въ кафедральной церкви св. Стефана. Одинъ изъ епископовъ напутствовалъ его проповѣдью о важности истинной вѣры. Съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали оправдательной рѣчи великаго оратора холма св. Женеьевы, но сначала началъ говорить передъ этимъ блестящимъ собраніемъ Бернаръ. Онъ требовалъ, чтобы Абеяръ либо отрекся отъ положеній, которыя будутъ прочтены, либо доказалъ ихъ истинность. Дѣйствительно, послѣ рѣчи Бернара началось чтеніе этихъ положеній, но оно было прервано Абеяромъ. Не распространяясь ни о чемъ дальнѣйшемъ, Абеяръ сухо и кратко заявилъ, что апеллируетъ къ римскому престолу, и, пройдя посреди растерявшагося и возбужденнаго собранія, онъ вмѣстѣ со своими приверженцами покинулъ соборъ.

Велико было негодованіе и возмущеніе прелатовъ. Развѣ не самъ Абеяръ пожелалъ обсуждения, чтобы имѣть возможность оправдаться? Развѣ онъ не добровольно обратился къ архіепископу сенскому и даже самъ назначилъ время собора? Развѣ не было все такъ прекрасно и гладко подготовлено, чтобы его уничтожить? И вдругъ онъ останавливается передъ этими старательно разставленными силками и апеллируетъ! Даже благосклонно настроенные къ Абеяру современники, которые не въ состояніи были разузнать на мѣстѣ обо всей этой подстроеной витригѣ, искали причинъ этого непонятнаго поведенія Абеяра. Оттонъ Фрейзингскій полагаетъ, что Абеяръ опасался, будто бы, возстанія возмущеннаго противъ него народа ¹⁾. Напротивъ, біографъ святого Бернара Готфридъ назидательно сообщаетъ ²⁾, что вполнѣд-

1) *Seditionem populi timens. Otto Frising, De rebus gest. Friderici, lib. I, I, 48.*

2) *S. Bern. vita prima. III. 14. Migne, 185, 311. Nam et confessus est postea suis, ut ajunt, quod ea hora maxima quidem ex parte memoria ejus turbata fuerit, ratio caligaverit et interior fugerit sensus.*

ствіи Абельяръ признавался своимъ, что въ рѣшительное мгновеніе ему внезапно измѣнила память, и всѣ его умственныя силы какъ бы изсякли. Вѣроятно то же самое передавалось и въ средѣ епископовъ, потому что они сообщили въ Римъ, что, когда потребовали отъ обвиняемаго подтвержденія его положеній, „то, повидимому, учитель Петръ Абельяръ потерялъ вѣру въ свои силы, уклонился и не пожелалъ отвѣчать... а затѣмъ покинулъ вмѣстѣ со своими собраніе“. Весьма мало вѣроятно, чтобы Абельяръ, бывшій такимъ опытнымъ диспутантомъ, внезапно смутился передъ соборомъ. Причина, почему онъ поступилъ такимъ образомъ, вполнѣ очевидна и понятна. Послѣ того, какъ еще наканунѣ присутствующіе отцы осудили его тезисы, зачѣмъ ему было еще соглашаться на дальнѣйшую комедію обсуждения? Гораздо лучше было, чтобы комедія совсѣмъ не разыгрывалась и его процессъ, не проходя первой инстанціи, перенесенъ былъ немедленно на рѣшеніе куріи. Было неоспоримымъ правомъ всякаго обвиняемаго, на основаніи Исидорова церковнаго права, что онъ не обязанъ былъ проходить черезъ всѣ инстанціи, но въ каждой стадіи процесса имѣлъ право требовать перенесенія дѣла въ Римъ. Епископы, правда, ворчали, что, такъ какъ Абельяръ самъ пожелалъ созыва этого судилища, то не можетъ уклоняться отъ его рѣшенія, но курія навѣрное приняла бы сторону обвиняемаго въ томъ случаѣ, если бы ему отказано было въ апелляціи къ Риму. Какъ разъ именно предсѣдательствующій на соборѣ архіепископъ сенскій однажды былъ уже отрѣшенъ, потому что вслѣдствіе своей извѣстной грубости не принялъ во вниманіе во время одного бракоразводнаго процесса заявленія объ апелляціи ¹⁾, несмотря на то, что Иннокентій II спеціально подтвердилъ, чтобы болѣе важныя дѣла всегда передавались на рѣшеніе куріи. Такимъ образомъ Абельяра привуждены были отпустить, но ничто, однако, не препятствовало теперь же осудить положенія, извлеченныя Вильгельмомъ изъ сочиненій Абельяра. Бернаръ попросилъ въ виду этого слова, и въ 190 письмѣ аббата до насъ дошла рѣчь, которую онъ произнесъ тогда ²⁾. Она сказана была весьма страстно и обвиняетъ Абельяра въ томъ, что его діалектика вела его со времени юности по пути ереси. Онъ знаетъ все, только не то, что мы ничего не знаемъ. Его положеніе, что разумъ долженъ предшествовать вѣрѣ, составляетъ, по мнѣнію Бернара, основаніе всѣхъ его заблужденій. Абельяръ,

1) Папскій приказъ отъ 25 янв. 1136 г. Jaffé 5534.

2) Migne, 182, 1053 и слѣд. Рѣчь съ предпосланнымъ къ ней предисловіемъ превращена въ данномъ случаѣ въ донесеніе папѣ Иннокентію II.

утверждая, что онъ не можетъ вѣровать въ то, чего онъ напередъ не изслѣдовалъ, желаетъ примѣнить свои опредѣленія и къ божественнымъ тайнамъ и создаетъ степени въ св. Троицѣ, способы проявленія Божественнаго могущества, цифры въ вѣчности. Въ такой риторической формѣ аббать оспариваетъ ученіе Абеяра о Св. Троицѣ, тѣ аналогіи, при помощи которыхъ діалектикъ изъ Пале старался сдѣлать его понятнымъ, а равно и старанія Абеяра объяснить раціоналистически многочисленныя иныя религіозныя положенія. Мы не отрицаемъ дуновенія истиннаго негодованія къ ненавистному методу Абеяра, анализирующему божественные предметы, которымъ вѣтъ отъ всей рѣчи великаго мистика, но ни одинъ изъ слушателей не могъ на основаніи этого риторическаго обвиненія рѣшить, что было въ немъ истиннымъ мнѣніемъ Абеяра, и что слѣдовало приписать преувеличеніямъ и собственнымъ выводамъ самого оратора? Практическаго значенія эта рѣчь, во всякомъ случаѣ, имѣть не могла. Приходилось ограничиться только осужденіемъ въ качествѣ еретическихъ нѣкоторыхъ мѣстъ, извлеченныхъ изъ сочиненій Абеяра, но присудить самого Абеяра къ наказанію не рѣшались, послѣ того, какъ обвиняемый апеллировалъ къ святому престолу.

Изъ тринадцати пунктовъ аббата монастыря св. Теодориха у Бернара получилось четырнадцать обвиненій противъ Абеяра, изъ которыхъ обвиненіе противъ ученія Абеяра о Св. Троицѣ вновь оказывается самымъ значительнымъ. Сначала Бернаръ останавливается на томъ противорѣчьи, что хотя Абеяръ и признаетъ единосущность Духа съ Отцомъ и Сыномъ, но съ другой стороны отрицаетъ, что Духъ состоитъ изъ субстанціи Отца и Сына. Приписывать одному лицу большее и другому меньшее совершенство составляетъ противорѣчіе противъ самой сущности Божества, проявляющаго высшее совершенство въ каждомъ изъ своихъ трехъ лицъ. Но Абеяръ своими различеніями вводитъ степени въ св. Троицу и является поэтому послѣдователемъ Арія. Затѣмъ, такъ какъ онъ отрицаетъ, что Сынъ человѣческой есть одно изъ лицъ св. Троицы, онъ раздѣляетъ, слѣдовательно, въ І. Христѣ божественную и человѣческую природы и является такимъ образомъ несторіаниномъ. А ученіе Абеяра, что сущность грѣха состоитъ въ рѣшеніи воли грѣшника, доказываетъ, что Абеяръ оказывается вмѣстѣ съ тѣмъ также и пелагианиномъ. Далѣе Абеяръ смерть І. Христа лишилъ ея характера замѣстительной жертвы, онъ видитъ въ ней лишь примѣръ и средство, чтобы воспламенить въ насъ любовь къ Богу. Другія ереси, указанныя Бернаромъ, состоятъ въ положеніяхъ, уже неоднократно упомянутыхъ нами ранѣе: Богъ

не может сдѣлать ничего иного, кромѣ того, что Онъ дѣлаетъ, Онъ не могъ бы, слѣдовательно, воспрепятствовать злу. Грѣхъ слѣдуетъ видѣть не въ поступкѣ, а въ рѣшеніи воли. Мы получили по наслѣдію отъ Адама не грѣхъ Адама, а лишь наказаніе за него. Образы хлѣба и вина послѣ пресущевленія во время евхаристіи являются лишь миражемъ. Богъ наказываетъ не поступокъ, но намѣреніе. Евреи, распявшіе Христа, чтобы исполнить этимъ законъ, не совершали грѣха. Въ словахъ Господа: „что вы свяжете на небесахъ“, подъ небесами слѣдуетъ понимать Церковь. Не удовольствіе въ грѣхѣ, но внутреннее одобреніе его и пренебреженіе Божественнымъ закономъ составляютъ грѣхъ. Наконецъ слѣдуетъ и обвиненіе, выставленное еще въ Соассонѣ, будто бы Абельяръ, разсматривая всемогущество, какъ отлчительное свойство Отца, ограничиваетъ его этимъ самымъ для Сына и Духа. Такимъ образомъ въ своей патетической рѣчи Бернаръ повторяетъ тѣ обвиненія, которыя выставлены были имъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, цистерціанцемъ Вильгельмомъ, и которыя онъ разбираетъ также, въ той или иной формѣ, то въ донесеніяхъ для архіепископовъ, то въ своихъ частныхъ письмахъ къ кардиналамъ. Вездѣ, слѣдовательно, Бернаръ выступаетъ какъ обвинитель, какъ судія, какъ докладчикъ. Донесеніе Вильгельма такъ же мало можно считать его собственнымъ трудомъ, какъ и эти донесенія архіепископовъ сенскаго и реймскаго могутъ носить ихъ имена.

Собственная корреспонденція Бернара обнаруживаетъ, съ какимъ напряженіемъ весь клерикальный міръ ожидалъ исхода апелляціи Абельяра, потому что были извѣстны его прежнія отношенія къ Гвидо Кастелло и къ другимъ кардиналамъ. Другой участникъ процесса, Арнольдъ Брешіанскій, который лучше зналъ римскихъ кардиналовъ и уже давно называлъ ихъ настоящимъ чумнымъ желвакомъ Церкви ¹⁾, навѣрное ничего не ожидалъ отъ этой апелляціи. Если бы Абельяръ послѣдовалъ его примѣру, то онъ спокойно возобновилъ бы свою преподавательскую дѣятельность на холмѣ св. Женеьевы, какъ самъ Арнольдъ, который тотчасъ же занялся ею на его прежнемъ мѣстѣ и несмотря на проклятіе папы и неистовство святого Бернара продолжалъ ее нѣкоторое время подъ защитой только что возникшей церковной распри ²⁾. Но Абельяръ не видѣлъ въ этихъ кардиналахъ, какъ Арнольдъ, „подонковъ міра“, онъ видѣлъ въ нихъ лишь сво-

¹⁾ Walther Map. Ed. Wright, стр. 43.

²⁾ Hist. pontific., гл. 31. Ср. объ этомъ же далѣе: Арнольдъ Брешіанскій, гл. II.

ихъ высокихъ меценатовъ и вѣрныхъ друзей. Такимъ образомъ онъ передалъ свою школу при церкви св. Иларія смѣлому брешіанцу, самъ же сталъ собираться въ путешествіе въ Римъ, чтобы лично вести тамъ свое дѣло. Энергичному и краснорѣчивому ломбардцу удалось удержать на высотѣ парижскую школу. Своими громовыми рѣчами онъ обрушился на святого изъ Клерво, котораго онъ обвинялъ въ зависти и въ преслѣдованіяхъ всѣхъ, кто не слѣдовалъ за его знаменемъ. Но ему не удалось, какъ Абеяру, соединить вокругъ себя такого же блестящаго круга учениковъ. Духъ времени измѣнился, и проповѣдникъ апостольской нищеты видѣлъ у своихъ ногъ исключительно бѣдныхъ учениковъ, которые должны были добывать себѣ и ему хлѣбъ, прося милостыню у дверей домовъ ¹⁾. Бернаръ съ своей стороны никогда не простилъ ему этихъ личныхъ нападеній и съ неутомимою послѣдовательностью изгналъ его сначала изъ Франціи, затѣмъ выгналъ изъ Цюриха и постарался наконецъ сдѣлать его подозрительнымъ въ глазахъ легата Гвидо въ Пассауской епархіи; теперь же онъ хлопоталъ въ Римѣ о томъ, чтобы и Арнольдъ включенъ былъ въ приговоръ папы по дѣлу Абеяра. Въ то время, какъ этотъ вѣрный человекъ защищалъ на холмѣ св. Женевьевы твердыню науки отъ нападеній мистическаго направленія и рѣзко и горячо защищалъ Абеяра ²⁾, другой схоластикъ Беренгаръ (изъ Поатье?) тоже взялся за перо ³⁾, чтобы въ формѣ Апологіи (изъ которой мы только что привели описаніе событій въ Сенѣ) сорвать съ головы аббата клервосскаго окружающій ее ореолъ святости. Посмѣявшись вначалѣ надъ страстью къ писательству аббата, сочиненіями котораго легко можно было бы уже покрыть всю земную поверхность, Беренгаръ напоминаетъ ему его юность, когда онъ (о чемъ въ житіяхъ святого, разумѣется, совсѣмъ не упоминается), какъ свѣтскій поэтъ, какъ нельзя лучше писалъ всякаго рода поэтическія шутки, а затѣмъ, совершенно въ духѣ Абеяра, онъ глумится надъ чудотворной дѣятельностью Бернара, благодаря которой онъ возбудилъ удивленіе своихъ современниковъ. „Уже давно распространилась, какъ на крыльяхъ, по всему свѣту молва о благоуланіи твоей святости, благовѣствуя о твоихъ заслугахъ, передавая извѣстіе о твоихъ чудесахъ. Мы прославляли, какъ счастливыя, новѣйшія времена, украшенныя сіяніемъ

1) Hist. pont., гл. 31.

2) Bern. Ep., 195. Histor. pontificalis, гл. 31.

3) Происхожденіе Беренгара изъ Поатье указано въ первый разъ Петраккой, а потому недостоверно.

столь блестящей звѣзды, и уже думали, что обреченный на гибель міръ держится только твоими заслугами. Мы надѣялись, что отъ силы твоего языка зависить милосердіе небесъ, плодоносность земли, благодать урожаевъ, глава твоя касалась облаковъ, и, по обычной, поговоркѣ, твои вѣтви превышаютъ тѣни горъ. Ты жилъ такимъ образомъ, ты такъ обставилъ Церковь цѣломудренными учрежденіями, что мы полагали, что даже отъ твоего передника воють черти, и, осчастливленные, мы хвалились такимъ патрономъ! Но теперь, о горе! явнымъ сдѣлалось то, что было сокрыто; наконецъ-то ты обнаружилъ свое змѣиное жало“. Съ такою же смѣлостью Беренгаръ выступаетъ и противъ картузіанскихъ монастырей, высказавшихся за партію, противную Абеяру. Повидимому, его „Апология“ произвела весьма сильное впечатлѣніе. Но она же вызвала и сильныя нападенія на автора, такъ что онъ въ послѣдствіи вынужденъ былъ снова взяться за перо, въ третій разъ, но на этотъ разъ уже для того, чтобы просить о мирѣ, такъ какъ и ему монашествующая братія оказалась не подъ силу. По его собственному свидѣтельству, его первое сочиненіе все-таки распространилось въ то время по всей Франціи и Италіи и пользовалось, слѣдовательно, послѣ своего обнародованія значительнымъ вліяніемъ ¹⁾). Дѣйствительно, онъ сильно потрепалъ Вернара и много разъ возвращалъ ему обратно даже обвиненія въ ереси. Надѣлало шуму также и то, что одинъ римскій духовный, Іакинъ, въ послѣдствіи бывший кардиналомъ, совершенно открыто взялъ сторону Абеяра и вредилъ аббату, насколько только могъ ²⁾). Вернаръ жалуется на это какъ папѣ, такъ и канцлеру Гаймериху и даетъ при этомъ понять, что дерзкій молодой человекъ не щадитъ своимъ языкомъ ни главы христіанскаго міра, ни куріи. Общія усилія этихъ учениковъ Абеяра произвели во Франціи очевидно большое впечатлѣніе, и именно вызванному ими настроенію, вѣроятно, слѣдуетъ приписать, что юный король, у котораго и безъ того вышли большія непріятности съ куріей по вопросу о замѣщеніи архіепископской кафедры въ Буржѣ, держался нейтрально. Древнее знаменитое аббатство Клюни, которое не безъ удовольствія увидѣло, что его могущественнѣйшій конкурентъ запутался въ такомъ затруднительномъ положеніи, нашло въ данный моментъ выгоднымъ для себя взять Абеяра подъ свою защиту противъ цистерціанцевъ.

Въ Римѣ, однако, положеніе дѣла было совершенно иное. Римская

¹⁾ Перепечатано у Cousin'a II, 771 и сл. Migne, 178, 1858.

²⁾ Bern. ep. 189 и 338. Hist. pontif., гл. 31.

курія, на которую Абелярь возлагалъ такія большія надежды, ни минуты не колебалась взять сторону могущественныхъ цистерціанцевъ въ спорѣ между учителемъ Петромъ и аббатомъ клервосскимъ. Послѣдній, дѣйствительно, съ момента апелляціи Абеларя проявилъ истинно поразительную дѣятельность. По предложенію архіепископовъ сенскаго ¹⁾ и реймскаго ²⁾, вѣчно готовый писательствовать аббать клервоскій составилъ два донесенія куріи, въ которыхъ изложена была просьба утвердить рѣшеніе, произнесенное на соборѣ въ Сенѣ. Неохотно встрѣчаемъ мы среди именъ жалующихся епископовъ также и имена Готфрида Шартрскаго, при содѣйствіи и благодаря слезамъ котораго нѣкогда въ Соассонѣ Абелярь далъ себя уговорить подчиниться рѣшенію собора, и его стариннаго доброжелателя Гаттона Троаскаго, который цѣлые годы подъ рядъ принималъ такое дружеское участіе въ Абелярѣ и Элоизѣ. Настолько вполне измѣнился въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ духъ Церкви.

Ни въ одномъ изъ этихъ донесеній нѣтъ и рѣчи объ объективномъ изложеніи дѣла, и въ особенности въ болѣе краткомъ, написанномъ аббатомъ отъ имени реймскихъ епископовъ ³⁾ Бернаръ высказываетъ страстное отвращеніе ко всей личности Абеларя. Абелярь является, по его словамъ, тѣмъ высокоумнымъ человѣкомъ, который полагаетъ, что можетъ охватить человѣческимъ разумомъ „все то, что составляетъ Бога“. Онъ подымается на вершины небесъ, опускается въ самую глубину; ничего не существуетъ такого, что могло бы остаться для него сокровеннымъ, ни то, что внизу—въ глубинѣ, ни то, что наверху—въ вышинѣ; онъ человѣкъ, великій въ собственныхъ глазахъ, спорящій о вѣрѣ противъ вѣры. Бернаръ предугадываетъ, что и Абелярь обратится также въ Римъ, и онъ отлично знаетъ кардиналовъ, которые, отчасти въ качествѣ старыхъ учениковъ Абеларя, какъ Гвидо Кастелло, отчасти же въ качествѣ противниковъ французской монашеской партіи, могли бы противодѣйствовать ему. „Уже онъ простираетъ свои вѣтви до моря“, пишетъ Бернаръ, „а свои отводки до Рима. Человѣкъ этотъ хвастаетъ тѣмъ, что его ученіе находитъ пристанище у римской церкви, гдѣ онъ могъ бы преклонить свою главу“ ⁴⁾. Если же кардиналы послѣ такого рода указаній усумнились бы еще примѣнить истинное лѣкарство противъ этой болѣзни, Бернаръ обвинилъ бы несомнѣнно

1) Ер. 337.

2) Ер. 191.

3) Ер. 191.

4) Migne, 182, 357.

куру Иннокентія II, и безъ того презираемую за ея корыстолюбіе, въ томъ, что ея поущеніями „краса Церкви осквернена была пятномъ ересе“. Онъ имѣеть въ виду произвести также своими донесеніями впечатлѣніе, будто бы въ этомъ вопросѣ вся французская церковь раздѣляетъ вполне тѣ же самыя мнѣнія, какъ и онъ самъ. Болѣе подробное донесеніе выставляетъ отказъ Абеяра вступить въ пренія въ Сенѣ какъ неувѣренность въ правотѣ своего дѣла, при чемъ тутъ же упоминается о томъ, что соборы не должны принимать въ соображеніе такого рода апелляціи, какъ не каноническія ¹⁾. Приложены были къ донесенію также и упомянутыя выдержки изъ сочиненій Абеяра, которыя въ большинствѣ сводятся къ реферату цистерціанскаго монаха Вильгельма, а въ заключеніе высказана просьба осудить указанныя положенія согласно рѣшенію собора, а всѣхъ тѣхъ, которые упорно и задорно защищаютъ ихъ, подвергнуть справедливой карѣ. „Если“, говорится въ сенскомъ донесеніи, „ваше благословеніе наложить печать молчанія на упомянутаго Петра и вполне лишить его возможности какъ читать лекціи, такъ и писать, а его книги, наполненныя несомнѣнно извращеннымъ содержаніемъ, проклянуть, то послѣвъ Христа, послѣ того какъ изъ Церкви Его будутъ изъяты тернія и плевелы, можетъ еще счастливо произрастать, процвѣтать и приносить плоды“. Что запрещеніе учить и писать ведетъ за собою заточеніе осужденнаго, это не высказано прямо, однако требованіе опоясаться мечомъ, чтобы вырвать съ корнемъ плевелы, предполагаетъ возможнымъ примѣнить даже и болѣе тяжкія наказанія.

Въ дополненіе къ официальнымъ донесеніямъ Бернаръ немедленно написалъ Иннокентію II письмо болѣе личнаго характера ²⁾. Первые аккорды этого посланія состоятъ изъ сѣтованій уставшаго, пресыщеннаго борьбою пророка, который намѣренъ отрѣшиться отъ всего и молить только о томъ, чтобы Господь принялъ его душу. Что же, однако, утомило его настолько? Только та борьба, которую онъ велъ за Иннокентія II противъ Пьерлеоне. „Я мечталъ, безумный, уже давно о покоѣ, какъ только будетъ усмирена ярость льва (Pierleone), и въ Церкви снова водворится миръ. Церковь пользуется миромъ, но не я... Мы избѣжали льва, но натолкнулись на дракона, который, сидя въ засадѣ, можетъ быть вредить не менѣе, чѣмъ первый, рыкавшій на высотѣ“. И какъ о Пьерлеоне, такъ же точно

¹⁾ Migne, 182, 542.

²⁾ Migne 182, 354. Ep. 189.

святой тонко напоминает куріи и о другомъ противникѣ папы въ Италіи, объ Арнольдѣ Брешіанскомъ. Онъ — оруженосецъ Абеяра; галльская и италійская пчелы соединили свои жала противъ помазанника Господа. Такимъ образомъ, Пьерлеоне, Абеяръ и Арнольдъ разсматриваются какъ одна партія, и дѣло Абеяра приведено въ связь съ этими двумя именами, которыя въ глазахъ папы являлись самыми ненавистными; а между тѣмъ аббать монастыря Св. Жильда былъ однако однимъ изъ первыхъ во Франціи, ставшихъ на сторону Иннокентія II противъ Пьерлеоне! Кто припомнить, что признаніемъ своего папства Иннокентій II обязанъ былъ только поддержкѣ, оказанной ему противъ Пьерлеоне святыми отцами во Франціи, тотъ не найдетъ чрезчуръ мягкимъ нижеслѣдующій намекъ и лишь съ улыбкой можетъ прочесть такого рода напоминанія: „Не правда ли, когда ты былъ малъ въ собственныхъ глазахъ, Господь вознесъ тебя надъ народами и государствами? Но для какой же иной цѣли, кромѣ той, чтобы ты вырывать съ корнемъ, уничтожалъ, созидалъ и насаждалъ?“ Иннокентій II прекрасно понималъ, что вмѣсто слова „Господь“ слѣдуетъ собственно читать „Бернаръ“, и поторопился совершить все то, ради чего Бернаръ утвердилъ его папой, т. е. вырывать и уничтожать, какъ это приказывалъ ему аббать.

Мы имѣемъ еще и другое письмо Бернара, написанное по тому же дѣлу папѣ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ ¹⁾. Церковь окружена врагами, какъ лилія терніями. Предатели, которыхъ она питаетъ въ своихъ нѣдрахъ и кормитъ своею грудью, внутренно раздраютъ ее, нѣкогда это были Авесаломъ и Іуда, а теперь—Абеяръ и Арнольдъ. И при этомъ Абеяръ еще хвалится защитой куріи и хвастаетъ, что онъ открылъ кардиналамъ и духовенству куріи источники мудрости, что его книги и ученіе ходятъ по рукамъ и въ употребленіи у римлянъ. Ему ли, преслѣдователю вѣры, обращать свое лицо къ защитникамъ вѣры. Если бы не заботы о братьяхъ и тѣлесныя немощи, то Бернаръ лично желалъ бы объяснить дѣло въ Римѣ; въ остальномъ же онъ повторяетъ обвиненія, съ которыми мы уже знакомы. Если, для большей вѣрности, Бернаръ не написалъ дважды одного и того же по одному и тому же поводу, то это посланіе (Ер. 330) замѣнено было другимъ (Ер. 189) вслѣдствіе лучше обдуманнаго соображенія. Во второмъ письмѣ уже нѣтъ намековъ на римскихъ кардиналовъ, на которыхъ ссылался Абеяръ, чтобы не оскорбить высокихъ господъ, но зато приложено отчетъ о соборѣ въ Сегѣ, чтобы отгвѣтить положеніе Бернара. Даже

¹⁾ Ер. 330.

изъ этого видно, насколько тщательно святой обдумывалъ каждый свой шагъ, сдѣланный имъ въ этомъ походѣ. Но, въ то время какъ Бернаръ кладетъ въ сторону одно изъ писемъ, изъ-подъ пера его выливаются еще не менѣе девяти собственноручно написанныхъ писемъ къ кардиналамъ и къ одному аббату, чтобы воздѣйствовать на судей въ Римѣ до постановленія ими рѣшенія. Во всѣхъ этихъ собственноручныхъ письмахъ, особенно же откровенно и безъ прикрасъ въ адресованныхъ епископамъ и кардиналамъ ¹⁾, проглядываетъ подозрѣнiе, что сами римскіе прелаты поддерживали Абелияра. Поэтому, какъ воздвигнутый Богомъ для этого вѣка пророкъ, онъ обращается къ этому высшему сенату Церкви съ возгласомъ: „Поступайте сообразно мѣсту, занимаемому вами, по достоинству, съ которымъ вы носите вашу власть, по силѣ, полученной вами, для того, чтобы тѣ, которые вызываютъ мракъ на мѣсто свѣта, спорять на большихъ дорогахъ о божественныхъ предметахъ, которые замышляютъ въ своихъ сердцахъ злое и проповѣдуютъ его въ своихъ сочиненіяхъ, научились быть воздержными на языкъ, и чтобы были запечатаны уста тѣхъ, которые говорятъ безбожныя вещи!“ Такимъ образомъ онъ призываетъ кардиналовъ выступить противъ всей школы діалектиковъ. Канцлера Гаймериха ²⁾ онъ возстановляетъ противъ Абелияра, „которому самъ Богъ кажется подозрительнымъ свидѣтелемъ, и который не желаетъ вѣровать ни во что, чего онъ ранѣе не изслѣдовалъ разумомъ“. Ученику и покровителю Абелияра, Гвидо де Кастелло ³⁾, онъ высказываетъ надежду, что онъ, конечно, любя личность, не будетъ любить вмѣстѣ съ тѣмъ и ея заблужденій... „Такая любовь была бы животной, земной, дьявольской, погубительной какъ для любимаго, такъ и для любящаго“. Другому кардиналу, Ивону, бывшему до этого каноникомъ въ Сень-Викторѣ ⁴⁾, онъ рисуетъ Абелияра, какъ „монаха не соблюдающаго правилъ, какъ прелата безъ монаховъ, который, какъ самъ не поддерживаетъ порядка и правилъ, такъ и ими не поддерживается; какъ человѣка, преисполненнаго противорѣчіями, въ душѣ котораго сидитъ Иродъ, а по вѣнчанности онъ Іоаннъ, совершенно двуличнаго, у котораго ничего нѣтъ монашескаго, кромѣ имени и одежды“. Кардиналу Стефану изъ Пренесте ⁵⁾ онъ рассказываетъ послѣднія превращенія Абелияра слѣдующими

1) Ер. 188.

2) Ер. 338.

3) Ер. 192.

4) Ер. 193.

5) Ер. 331.

словами: „Долгое время онъ молчалъ, но, когда онъ молчалъ въ Бретани, онъ почувствовалъ боли, и вотъ онъ породилъ во Франціи безбожіе. Изъ своей норы выползла змѣя, гидра, у которой вмѣсто одной выросло семь головъ, по мѣрѣ того, какъ ей отсѣкали одну изъ нихъ“. Другому кардиналу, Гвидо ¹⁾, Бернаръ преподноситъ такую карикатуру дѣятельности Абельяра среди монахинь Параклета и среди учениковъ на холмѣ на берегу Сены: „У насъ есть во Франціи учитель, который вступаетъ въ диспуты съ мальчиками и разсуждаетъ съ женщинами. Въ своихъ книгахъ онъ преподноситъ своимъ читателямъ тайную воду и потаенный хлѣбъ и вводитъ нововведенія въ выраженія и въ идеи. Но онъ не идетъ, подобно Моисею, одинъ во тьму, гдѣ находится Господь, а идетъ въ большой компаніи; и вотъ на улицахъ и торжищахъ начинаются разсужденія о католической вѣрѣ и ея мистеріяхъ“. Слизматикъ Пьерлеоне повредилъ только своимъ современникамъ, Абельяръ же отравляетъ своимъ ученіемъ и послѣдующія поколѣнія. Бернаръ бомбардируетъ подобными же письмами кардинала Гвидо изъ Пизы ²⁾ и еще другого кардинала, носившаго то же имя ³⁾, котораго онъ называетъ своимъ личнымъ другомъ, и сообщаетъ въ посланіяхъ къ одному неизвѣстному пресвитеру изъ коллегіи кардиналовъ ⁴⁾ и одному аббату ⁵⁾, вѣроятно его собственнаго ордена, объ апелляціи Абельяра, при чемъ онъ предостерегаетъ отъ снисхожденія къ этому аріанину, пелагіанину и несторіанину. Въ настоящее время подобное воздѣйствіе на судей до рѣшенія дѣла считалось бы наказуемымъ преступленіемъ. Бернару же его поведеніе представляется какъ его обязанность, и, недовольствуясь этою письменною дѣятельностью, передъ которой мы можемъ только изумляться, онъ еще посылаетъ въ Римъ своего тайнаго секретаря Николая, чтобы тотъ лично велъ тамъ дѣло объ осужденіи Абельяра, и сообщаетъ канцлеру Гаймериху объ этомъ посланномъ, для того чтобы отъ него онъ могъ узнать о роли, которую игралъ въ пользу Абельяра римскій діаконъ Іакинъ ⁶⁾. Правда, выборъ такого довѣреннаго для такого серьезнаго дѣла не дѣлаетъ чести Бернару, потому что этотъ самый Николай оказался впоследствии пронирыливымъ поддѣльвателемъ, который поддѣлалъ монастырскую печать, и о которомъ самъ аббатъ долженъ былъ

1) Ер. 332.

2) Ер. 334.

3) Ер. 333.

4) Ер. 335.

5) Ер. 336.

6) Ер. 189.

разсылать предупрежденія, оправдывая при этомъ свое знавіе людей тѣмъ, что онъ его, какъ Исусъ Іуду, терпѣлъ около себя для того, чтобы исправить или обличить ¹⁾).

Настоящимъ обвинительнымъ актомъ, который представили куріи, была рѣчь Бернара, произнесенная имъ на соборѣ въ Сенѣ ²⁾), которая съ самаго начала, правда, возбуждаетъ сомнѣніе: дѣйствительно ли аббатъ основательно прочиталъ оба сочиненія, на которыхъ построено обвиненіе, или же онъ понадѣялся лишь на выписки, сдѣланныя для него Вильгельмомъ изъ Сентъ-Тьерри? Онъ словообильно обвиняетъ Абеяра, будто бы тотъ утверждаетъ, что ему извѣстно все существующее на небѣ и на землѣ, что онъ изслѣдуетъ тайны Божіи и высказываетъ неизреченныя слова, произносить которыя не подобаешь человѣку, и что онъ рѣшаетъ при помощи разума даже то, что выше разума. „Но что можетъ быть болѣе противно разуму, чѣмъ желаніе при помощи его обосновать то, что превышаетъ всякаго разума, и что можетъ быть болѣе противно вѣрѣ, чѣмъ нежеланіе вѣровать въ то, что превышаетъ разумъ?“ Если бы Бернаръ дѣйствительно прочелъ обѣ книги, осужденія которыхъ онъ добивается, онъ нашель бы, то Абеяръ въ третьей части своего Богословія ³⁾) ясно говорить, что существо Бога не можетъ быть постигнуто никакимъ разумомъ, потому что мы не можемъ постигнуть даже и собственной нашей сущности. „Въ Божественной волѣ“, говоритъ Абеяръ, „причины всѣхъ вещей установлены неизмѣнно, и человѣческой разумъ не въ состояніи понять даже малѣйшую изъ нихъ.“ Даже въ иной жизни, по мнѣнію Абеяра ⁴⁾), мы будемъ лицеизрѣть Бога лишь настолько, насколько Ему угодно будетъ проявить намъ Себя: такимъ образомъ пусть смѣртные и не пробуютъ понять при помощи заключеній своего разума непостижимое, когда они не могутъ при помощи разума даже ясно представить себѣ ни собственной своей сущности, ни существа малѣйшаго изъ твореній. Хотя эти положенія высказаны были Абеяромъ въ духѣ античнаго скептицизма, который заподозрѣваетъ даже объективность самихъ нашихъ познаній, но они, во всякомъ случаѣ, безусловно говорятъ противоположное тому, что утверждаетъ Бернаръ, т. е., что будто бы Абеяръ знаетъ все, за исключеніемъ лишь того, что онъ ничего не знаетъ.

¹⁾ Ep. 289.

²⁾ Migne, 182, 1055.

³⁾ Cousin, II, 481 и 496.

⁴⁾ Ibidem, стр. 458.

Точно такъ же обстоитъ дѣло и съ другими донесеніями Бернара. Прежде всего онъ выставляетъ на видъ мнѣніе Абеяра, что мы можемъ вѣрвать въ догматъ лишь въ томъ случаѣ, если предварительно мы поняли его содержаніе. Съ нескрываемой страстностью Бернаръ обрушивается въ этомъ вопросѣ на Абеяра, который изъ стараго учителя превратился въ новаго богослова, который отъ юности игралъ діалектической наукой, а теперь обходится съ священнымъ Писаніемъ, какъ безумный. Хотя Абеяръ и ссылается для подтвержденія своей критической точки зрѣнія на Иисуса, сына Сираха (19, 4): „Кто скоро довѣряетъ, тотъ легкомысленъ“, но это мѣсто имѣетъ въ виду вѣру въ людей; Абеяръ же не желаетъ припомнить тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ святымъ Божиимъ зачтено было въ правду то, что они тотчасъ же повѣрили. Бернаръ считаетъ также различенія, при помощи которыхъ Абеяръ старается объяснить отличительную дѣятельность трехъ лицъ Св. Троицы не раздѣляя ихъ, худшими чѣмъ аріанскія, но при этомъ Бернаръ передаетъ ученіе Абеяра въ столь извращенномъ видѣ, что послѣдній говоритъ въ своей „Апологии“, что приписывать ему подобныя еретическія и даже дьявольскія мысли значить попросту клеветать; Беренгаръ тоже свидѣтельствуешь, что его учитель никогда ни высказывалъ подобныхъ чудовищныхъ мнѣній. Вполнѣ благонамѣренныя сравненія, при помощи которыхъ Абеяръ желалъ сдѣлать понятнымъ отношеніе св. Троицы къ отдѣльнымъ Лицамъ, а именно сравненія съ говорящимъ, съ лицомъ, которому говорятъ, и съ лицомъ, о которомъ говорятъ, съ *materia* и *materiatum*, съ печатью и отпечаткомъ, выставляются Бернаромъ также какъ невозможные соблазны для благочестивыхъ ушей. Отрицаніе Абеяромъ страха Божьяго у Сына, потому что совершенная любовь вытѣсняетъ страхъ, Бернаръ тоже ставитъ ему въ упрекъ, а равно и пониманіе міровой души Платона за аналогичное со Святымъ Духомъ. Абеяръ своими усиленными стараніями сдѣлать изъ Платона христіанина, по словамъ Бернара, доказываетъ лишь то, что самъ онъ язычникъ. Утвержденіе Абеяра, что дьяволъ вслѣдствіе грѣхопаденія не приобрѣлъ надъ людьми никакой власти, и что добровольная смерть Иисуса Христа не имѣетъ, слѣдовательно, никакого отношенія къ мнимымъ законнымъ притязаніямъ сатаны на человѣчество,—въ изложеніи Бернара тоже является не меньшею ересью, чѣмъ и предыдущее. „Богъ“, полагаетъ Бернаръ, „оказалъ свое милосердіе такимъ образомъ, что при этомъ соблюдена была и справедливость“. Даже и противъ сатаны Онъ не желалъ примѣнять своего всемогущества, а примѣнилъ лишь справедливость. „Явился князь міра сего и ничего не нашелъ въ Спасителѣ, но, такъ какъ онъ все же наложилъ свою

руку на невиннаго, то по справедливости онъ и потерялъ свои права надъ тѣми, которые находились у него въ плѣну“. Абельяръ былъ осужденъ, потому что отрицалъ это мнѣніе, но послѣ Бернара уже никто не повторялъ его болѣе. Если Абельяръ утверждаетъ, что дьяволъ не имѣлъ до искупительной смерти Христа *законнаго* господства надъ павшимъ человѣчествомъ, то, по логикѣ Бернара, онъ говоритъ этимъ будто бы, что эта искупительная смерть была не нужна. Господство дьявола было законно не потому, что онъ приобрѣлъ его законными путями, но лишь съ точки зрѣнія справедливости Бога, Который наказалъ первый грѣхъ, предавши грѣшника во власть сатаны. Въ силу этой божественной справедливости человѣкъ законнымъ образомъ подпалъ этому господству. А для того, чтобы удовлетворить эту божественную справедливость, Христосъ долженъ былъ, слѣдовательно, умереть. Въ этомъ и заключается совершенное удовлетвореніе правосудію Божию искупительной смерти І. Христа. Такимъ образомъ, именно это ученіе о жертвенной смерти І. Христа и является пунктомъ самаго рѣзкаго разногласія между рационалистической школой діалектика и мистической Бернара. По мнѣнію Бернара, Абельяръ отвергаетъ этотъ искупительный характеръ жертвенной смерти Христа, такъ какъ онъ не признаетъ таинственнаго событія возрожденія человѣчества. Что смерть Христа снова возвратила насъ къ первоначальной праведности, утерянной нами вслѣдствіе грѣхопаденія Адама, это, по мнѣнію Бернара, составляетъ сущность тайны Голгофы. Эта праведность наслѣдуется всякимъ въ отдѣльности въ тѣлѣ Христовомъ, какъ грѣхъ Адама наслѣдуется въ силу общаго происхожденія отъ него. Какъ грѣхъ передается сѣмевемъ грѣшника, такъ и праведность передается кровью Христа.

Вмѣсто этого глубокомысленнаго вѣрованія въ возрожденіе человѣчества смертью Христа Абельяръ поставилъ поверхностное представленіе о символическомъ ея вліяніи какъ примѣра. Человѣчество, подпавшее смерти въ Адамѣ, нуждалось не въ примѣрѣ и поученіи, а въ реальномъ приобщеніи къ жизни. Мнѣніе о томъ, что грѣхъ распространился благодаря поученіямъ и примѣрамъ, является мудростью Пелагія; кто согласно съ правотѣрными отцами учитъ, что грѣхъ передается по наслѣдію, тотъ знаетъ, что мы становимся причастными и праведности не въ силу поученія, но черезъ возрожденіе. Если не существуетъ возрожденія, то и крещеніе не имѣетъ значенія, „лбо ни примѣры самоуничженія, ни проявленія любви не составляютъ сами по себѣ ничего, если брать ихъ отдѣльно отъ таинства некупленія“. Новое приобщеніе къ жизни составляетъ всю тайну христіанства.

Эпидейктический актъ, при посредствѣ котораго людямъ дана была новая мораль, является, по мнѣнію Бернара, нелѣпнымъ представленіемъ. По его мнѣнію, жертвенная смерть Христа представляетъ не благой примѣръ, а составляетъ лишь моментъ рожденія новаго человѣчества, обновленіе, благодаря которому человѣчество вновь приобрѣло ту праведность, въ которой его создалъ Богъ, и которая, черезъ Адама, утрачена была всѣмъ человѣческимъ родомъ. Такъ какъ Абельяръ говоритъ о субъективномъ вліяніи искупительной смерти Христа на любовь, которую воспламеняетъ въ вѣрующихъ этотъ высшій примѣръ любви, то Бернаръ упрекаетъ его въ томъ, что онъ не признаетъ объективнаго значенія этой смерти. По мнѣнію Абельяра, Христосъ только училъ праведности, а не *далъ* ее намъ, показалъ любовь, а не *вмѣлъ* ее въ насъ. Согласно взглядамъ Абельяра искупительная смерть можетъ оказать благотворное дѣйствіе лишь на взрослыхъ, которые въ состояніи оцѣнить этотъ примѣръ любви и отвѣтить на любовь любовью, но не на дѣтей, возрастъ которыхъ еще не позволяетъ имъ познать Христа и возлюбить Его. Бернаръ же твердо придерживается ученія Ансельма объ искупленіи. Недоумѣніе Абельяра, какимъ образомъ меньшее преступленіе, состоявшее во вкушеніи плодовъ древа познанія, могло быть искуплено гораздо большимъ, совершившимся на Голгоѣ, Бернаръ опровергаетъ заявленіемъ, что пролитая кровь Сына Божія искупила одновременно оба эти грѣха. Богу угодна была не смерть, а воля добровольно Страдавшаго. „Эта пролитая кровь такъ сильно повліяла на отпущеніе грѣховъ, что даже этотъ большій грѣхъ, вслѣдствіе котораго и совершилось пролитіе этой крови, могъ быть погашенъ ею“... „Но для чего же, спрашиваешь ты, должно было это совершиться при помощи пролитія Его крови, если это могло быть сдѣлано простымъ Его словомъ? Спроси Его самого. Мнѣ позволено знать, что „такъ“ случилось, „почему“ такъ случилось, этого мнѣ не дано знать“. Къ этому изложенію, черезъ край переполненному преувеличеніями, Бернаръ присовокушилъ вышеупомянутое собраніе четырнадцати положеній Абельяра, которыя выданы были Бернаромъ за буквально выписанныя изъ сочиненій Абельяра и посланы папѣ для осужденія ихъ ¹⁾). Къ донесенію архіепископа сенскаго тоже приложены были такія же „главы“, и такимъ образомъ официально и келейно настроенъ былъ процессъ противъ еретика. Въ виду рѣшительныхъ заявленій, сдѣланныхъ Бернаромъ самому папѣ и нѣкоторымъ кардиналамъ, у куріи оставался лишь одинъ выборъ или порвать

1) Migne, 182, 1049.

съ цистерціанцами, или отдать имъ на жертву Абеяра. Какое рѣшеніе при метъ курія въ этой дилеммѣ, ни для кого не могло быть сомнительнымъ.

3-го іюня начались эти переговоры, а уже 16-го іюля въ Римѣ со стоялось рѣшеніе. Окруженный свитой своихъ кардиналовъ, Иннокентій I сжегъ присланныя положенія Абеяра передъ главнымъ ходомъ собора св Петра въ присутствіи всего народа ¹⁾ и отлучилъ Абеяра и Арнольда отъ Церкви. Оправданій Абеяра не подождали, а Арнольдъ не былъ даже офиціально обвиненъ; обвинялъ его одинъ лишь Бернаръ и притомъ въ частномъ письмѣ. Папа, послушный простому кивку аббата цистерціанцевъ, присудилъ обоихъ къ вѣчному заточенію. Рѣшеніе, ²⁾ помѣченное 16-ымъ іюля, основано было на правилѣ, установленномъ еще при императорахъ Валентиніанѣ и Марціанѣ, чтобы не смѣли больше спорить объ установленныхъ уже церковныхъ ученіяхъ; въ виду этого папа совершенно не касается догматическаго содержанія, а ограничивается лишь проклятіемъ представленныхъ на его усмотрѣніе положеній Петра Абеяра и валоженіемъ на него какъ еретика вѣчнаго молчанія. Всѣхъ приверженцевъ его лжеученія то же рѣшеніе отлучаетъ отъ общенія съ вѣрующими и подвергаетъ проклятію. Въ другомъ бреве папа приказываетъ епископамъ реймскому и сенскому, а равно и аббату клервосскому, заточить Петра Абеяра и Арнольда Брешіанскаго какъ виновниковъ извращенныхъ ученій и враговъ вѣры въ монастыри, которые покажутся упомянутымъ прелатамъ наиболее подходящими для этой цѣли, и сжечь ихъ книги, гдѣ бы онѣ ни попались. Такимъ образомъ Абеяръ и Арнольдъ Брешіанскій были присуждены на гніеніе въ монастырскихъ темницахъ, первый, не дождавшись даже, чтобы его выслушали, а послѣдній даже безъ формальнаго обвиненія его, единственно только на основаніи тайнаго доноса аббата клервосскаго. Ибо въ ходатайствахъ сенскаго собора высказано было лишь въ общихъ чертахъ желаніе, чтобы ученія Абеяра и всѣ тѣ, которые упорно и сварливо защищаютъ ихъ, были наказаны законнымъ образомъ. Насколько незаконно произведено было вообще все судопроизводство, доказывается, между прочимъ, припиской къ папской буллѣ, въ силу которой рѣшеніе должно было сохраняться въ тайнѣ до того момента, какъ оно будетъ предъявлено въ оригиналѣ предстоявшей конференціи архіепископовъ въ Парижѣ. Такимъ образомъ

¹⁾ Gaufridi ep. ad Albinum. Migne 178, стр. 178.

²⁾ Mansi, concil. coll. XXI, 563—565. Булла приведена также у Migne, 182, стр. 359 и сл.

Бернарь извѣщенъ былъ о рѣшеніи еще прежде архіепископовъ, что служить доказательствомъ, что имѣлось въ виду удовлетворить прежде всего именно его. При такомъ положеніи дѣла насъ не удивляетъ, что весьма скоро послѣ этого Бернарь вынужденъ былъ оправдываться передъ однимъ кардиналомъ, обвинявшимъ его въ томъ, что онъ своими происками вынудилъ у папы этотъ приговоръ¹⁾. И именно вслѣдствіе того, что Бернару, и безъ того бывшему въ одно и то же время и обвинителемъ и судіею въ собственномъ дѣлѣ, довѣрено было теперь еще и приведеніе въ исполненіе приговора, послѣдній лишился всякаго нравственнаго авторитета, а папская булла не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на французскихъ епископовъ. Въ Сенѣ они всѣ соглашались съ Бернаромъ, но съ того времени, какъ подъ влияніемъ двора и конгрегации въ Клуви произошла пережѣна въ общественномъ мнѣніи, они приняли выжидательное положеніе. „Никого тутъ не было, кто бы дѣлалъ благое дѣло“, жалуется вскорѣ послѣ этого Бернарь²⁾. Такимъ образомъ, повторяется во всѣхъ отношеніяхъ то, что уже мы наблюдали послѣ собора въ Соассонѣ. Пока соборъ былъ въ сборѣ, агитаторы сумѣли застрашать епископовъ и провести, безъ оппозиціи, свои желанія. Но, какъ только духовные князья возвратились къ своимъ каеедрамъ и вступили снова въ общеніе съ своимъ духовенствомъ, настроеніе ихъ измѣнилось. Измѣническое поведеніе сенскаго собора стали и теперь такъ же горько критиковать, какъ нѣкогда критиковалось поведеніе соассонскаго собора. Даже семь лѣтъ послѣ этого, на соборѣ въ Реймсѣ, когда святой Бернарь снова желалъ заранѣе подготовить голоса противъ ученаго Жильбера изъ Поатье, раздавались голоса: „съ такими же уловками аббатъ нѣкогда напалъ и на учителя Петра“³⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что внезапно сообщники Бернара совершенно примолкли, тогда какъ защитники Абеяра начали высказываться весьма энергично. Можно представить себѣ, какъ громили своихъ старыхъ римскихъ враговъ Арнольдъ Врешіанскій на холмѣ св. Женевьевы! Другой ученикъ Абеяра, Беренгаръ, въ названной уже нами „Апологиі“, не менѣе рѣзко выразилъ удивленіе, какъ скоро на этотъ разъ освѣтили римскія молніи французскую церковь? „Итакъ, человекъ этотъ осужденъ, это орудіе разума,

1) Ep. 196. Subreptum fuisse domino Papae. Migne, 182, 364.

2) Ep. 195. у Migne, 182, стр. 363. *Histor. pontif. M. G. XX, 537*, также указываетъ, что булла съ самаго начала не достигла своей цѣли.

3) *Hist. pontif. гл. 9, M. G. XX, 523.*

этотъ трубный гласъ вѣры, прибѣжище Трїединства. Его осудили, увы, заочно, не выслушавъ и не доказавъ вины... Чья вина имѣла когда-либо такихъ слѣпыхъ судей, чтобы они не изслѣдовали дѣла съ обѣихъ сторонъ, чтобы они не разслѣдовали, на чью сторону преимущественно склоняются вѣсы правосудія? Но эти судьи судятъ съ повязкою на глазахъ. Что бы ни приписывала за-таенная злоба ненависти, что бы ни взводила непримиримая вражда противъ Петра, что бы ни измышляла несправедливая зависть, все это должно бы быть разслѣдовано безпристрастнымъ приговоромъ апостольскаго престола. Однако легко уклоняется со стези справедливости тотъ, кто въ какомъ-либо вопросѣ боится человѣка болѣе, чѣмъ Бога“. Этимъ человѣкомъ, котораго въ Римѣ боялись болѣе, чѣмъ Бога, и былъ Бернаръ. Абельяръ нашелъ бы защиту въ Римѣ, если бы вліяніе могущественнаго цистерціанца не преградило ему всѣ пути къ ушамъ папы своимъ заявленіемъ, что тотъ, кто ратуетъ противъ вѣры св. Петра, не долженъ встрѣтить покровительства у престола св. Петра. „Потише, знаменитый поборникъ!“ восклицаетъ въ этомъ мѣстѣ Беренгаръ. „Кто утверждаетъ вѣру Петра, тотъ не оспариваетъ ее... Прошу тебя, позволь Петру быть христіаниномъ наравнѣ съ тобою. Если ты хочешь, онъ будетъ вмѣстѣ съ тобою католическимъ христіаниномъ, но, если ты и не разрѣшишь этого, онъ все же будетъ имъ, потому что Богъ для всѣхъ, а не для нѣкоторыхъ“. Претензія Бернара, будто бы все то, что онъ отстаиваетъ самъ, является вмѣстѣ съ тѣмъ всегда дѣломъ Бога, опровергается Беренгаромъ даже и въ положительномъ смыслѣ, такъ какъ онъ переноситъ борьбу въ область самого противника, нападаетъ на собственное богословіе Бернара и ищетъ случаевъ уличить его самого въ лжеученіяхъ. „Если бы ты нашелъ что-либо подобное въ сочиненіяхъ Петра, ты, безъ сомнѣнія, включилъ бы и это въ свой чудовищный перечень“. Короче говоря, славы Бернара нисколько не прибавилось благодаря этой побѣдѣ, достигнутой такими сомнительными средствами, а о римскихъ кардиналахъ послѣ этого французскій схоластикъ говоритъ совершенно въ тонѣ Арнольда Врешіанскаго; напримѣръ, когда онъ описываетъ канцлера римской куріи, кардинала Гаймериха, который просилъ Бернара написать ему сочиненіе „О любви къ Богу“, и говорить о немъ слѣдующее: „Римлянинъ, толстый верблюдъ, горбатый французской мудростью, перепрыгиваетъ Альпы, чтобы спросить: что слѣдуетъ любить?“ Настроеніе противъ Рима должно было быть весьма возбужденнымъ, если мирный схоластикъ рѣшился говорить такимъ тономъ о высшемъ чиновникѣ куріи, и сочиненіе его встрѣтило большое сочувствіе во Франціи и Италіи. Что и въ Италіи, несмотря на поспѣшное рѣше-

ніе Рима, богословіе Абеяра имѣло вліятельныхъ сторонниковъ, доказы-
вается тѣмъ обстоятельствомъ, что учитель Роланъ изъ Болоньи, будущій
папа Александръ III, обосновалъ свои сентенціи на богословіи Абеяра,
хотя и сильно видоизмѣнилъ его выводы (иначе какъ бы онъ могъ стать
папой!). Точно такъ же и учитель Омвенебе въ Болоньѣ, извлекшій компенді-
умъ изъ *decretum Gratiani*, положилъ въ основу своихъ идей богословіе
Абеяра ¹⁾. Этотъ фактъ, что школа Абеяра процвѣтала въ этомъ первомъ
по учености городѣ Италіи, и дѣлаеть весьма понятными довѣріе Абеяра къ
римскому рѣшенію и жалобы Бернара на проникновеніе его ученія въ Италію.
Но особенно рѣзко заклеимилъ келейное поведеніе Бернара Іоаннъ Салисбурій-
скій въ своей „*Historia pontificalis*“ ²⁾, а другой англичанинъ Вальтеръ
Мапъ, любимецъ Генриха II, въ своихъ сужденіяхъ о клервосскомъ чудо-
творцѣ и его цистерціанцахъ выражается еще рѣзче ³⁾. Этотъ же сатири-
чески настроенный Оксфордскій декавъ упоминаеть также объ этихъ рас-
пряхъ въ стихотвореніи, написанномъ на Парижскихъ учителей ⁴⁾, при чемъ
въ тонѣ своей шуточной манеры онъ воспѣваетъ горе Элоизы послѣ осуж-
денія Абеяра на вѣчное заточеніе.

*Nupta quaerit ubi sit suus Palatinus,
Cujus totus extitit spiritus divinus;
Quaerit cur se subtrahat quasi peregrinus,
Quem ad sua ubera foverat et sinus.*

*Clamant a philosopho proles educati,
Cucullatus populi primas cucullati,
Ut sepe tunicis tribus tunicati
Imponi silentium fecit tanto vati.*

Но несмотря на эту насмѣшку, авторъ нисколько не скрываетъ, что
выше всѣхъ учителей Франціи онъ ставитъ Абеяра:

*Celebrem theologum vidimus Lombardum
Cum Ivone Helyam Petrum et Bernardum
Quorum opobalsamum spirat os et nardum
Et professi plurimi sunt Abielardum.*

1) Ср. Denifle, указ. соч. 434 и слѣд.

2) *Hist. pontif.*, гл. 9.

3) Ср. Арнольдъ Брешианскій, гл. VI.

4) *Map, latin poems*, Wright. London 1841, стр. 28. Ср. Арн. Бреш.
прим. къ гл. I.

Взглядъ нѣмецкаго духовенства на поведеніе Бернара мы находимъ у Оттона Фрейзингскаго, который, будучи вообще поклонникомъ великаго человѣка, по этому поводу говорить: „Упомянутый аббатъ былъ настолько же ревнителемъ христіанской религіи, въ силу своего пылкаго воодушевленія, насколько и легковѣрнымъ человѣкомъ, въ силу прирожденной ему мягкости, такъ что онъ, съ одной стороны, не выносилъ учителей, которые, надѣясь на свѣтскую мудрость, чрезчуръ много зависѣли отъ доводовъ человѣческаго разума, съ другой же стороны, весьма легко довѣрялъ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему передавалось объ этихъ людяхъ что-либо отсутствующее отъ христіанской вѣры. Такимъ образомъ и произошло, что по его совѣту сначала епископами Галліи, а затѣмъ римскими епископами Petrus Abajolardus присужденъ былъ къ молчанію“¹⁾. Поведеніе Бернара не встрѣтило слѣдовательно, оправданія, даже среди его друзей. При такого рода пережѣнившихся обстоятельствахъ аббату клервосскому мало помогло завоеванное имъ судебное рѣшеніе. Онъ *обязанъ* былъ заточить Абельяра и Арнольда, но онъ не въ состояніи былъ привести приговора въ исполненіе, и теперь, когда обнаружилось, что цистерціанцы попали въ безвыходное положеніе, на сцену выступила клюнійская конгрегація, чтобы показать, что орденъ, о которомъ болѣе юныя конгрегація полагали, что онъ уже превзойденъ ими, въ серьезныхъ случаяхъ продолжаетъ держать въ своей рукѣ рѣшеніе церкви. Римская курія подчинилась цистерціанцамъ, въ Клюни же не подчинились.

1) Otto Frising. Gesta Friderici I, 47.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

НА СКЛОНѢ ЖИЗНИ. СМЕРТЬ АБЕЛЯРА.

1142 годъ.

Omnis vita misera iucundum exitum habet.
Abaelardi Ep. V, 96.

Въ то время, какъ благодаря нервной поспѣшности, съ которою велъ всѣ свои дѣла Бернаръ, обвиненіе, выставленное 4-го іюня 1141 года, было уже 16-го іюля утверждено папой, а осуждавшій Абеяра приговоръ былъ уже въ пути, Абеяръ съ научной основательностью подготовлялся къ своей защитѣ и къ предстоящему путешествію въ Римъ. Непосредственно вслѣдъ за сенскимъ соборомъ онъ написалъ „Апологию“, изъ которой до насъ дошли лишь отрывки ¹⁾. Въ письмѣ къ Элоизѣ, сохраненномъ намъ Беренгаромъ ²⁾, онъ приводитъ также свои оправданія, можетъ быть, съ цѣлью успокоить подругу относительно правоты своей вѣры, а можетъ быть, что вѣроятнѣе, съ цѣлью распространить свою правовѣрную исповѣдь, при помощи связей Элоизы, въ средѣ возможно большаго числа духовныхъ лицъ. Такая женщина, какъ она, которая время отъ времени посылала высокимъ прелатамъ, въ родѣ Петра клюнійскаго, подарки ³⁾, по всей вѣроятности руководя своихъ монахинь, имѣла многочисленные случаи исполнить эту задачу. Свою исповѣдь онъ отдаетъ въ ея руки и пишетъ: „Логика очернила меня передъ всѣмъ свѣтомъ. Превратные извратители говорятъ именно,

¹⁾ У Cousin'a II, 730. О ней упоминаетъ Оттонъ Фрейзингскій, *De gestis Friderici imp. I*, 49., но, смѣшивая ее съ дошедшей до насъ второй „Апологіей“, относитъ ея изданіе ко времени послѣ приговора папы. Фрагменты взяты изъ „возраженія“ неизвѣстнаго автора. Migne, 180, 283 и сл.

²⁾ Cousin, II, 776 и сл.

³⁾ Cousin. I, 710.

что хотя въ логикѣ я и имѣю преимущества, но прихрамываю относительно Павла, и въ то время, какъ они хвалятъ остроту моего пониманія, они не желаютъ признавать чистоты моей вѣры“. Что же касается лично его, Абеяра, то онъ не желалъ бы быть настолько философомъ, чтобы идти противъ Павла, и не хотѣлъ бы быть настолько Аристотелемъ, чтобы потерять связь съ Христомъ. Въ виду этого онъ прямо заявляетъ, что вполне признаетъ все содержаніе символа вѣры, отъ вѣры въ Отца, Сына и Святаго Духа до воскресенія изъ мертвыхъ. Въ сознаніи правоты своей вѣры онъ не боится ни лая Сциллы, ни водоворота Харибды, ни опаснаго пѣнія сирень, потому что, какъ бы ни завывала буря, онъ стоитъ на твердой скалѣ¹⁾. Письмо это являлось какъ бы публичной исповѣдью, и его распространялъ также и Беренгаръ, включивъ его въ свою „Апологию“. Послѣ этого оправданія передъ церковью Франціи, Абеяръ имѣлъ намѣреніе отправиться въ Римъ черезъ Бургундію и Ліонъ, тою самою дорогою, по которой обыкновенно ѣздили и Бернаръ, и которая до сихъ поръ называется именемъ этого святого. Путь на Ліонъ привелъ Абеяра въ Клюни. Застигнутый ночью порою и истощенный отъ болѣзни, онъ постучалъ въ ворота гордаго аббатства. „Только что“, пишетъ аббатъ Петръ Venerabilis Иннокентію II, „учитель Петръ, который, какъ я полагаю, вамъ хорошо извѣстенъ, прибылъ въ Клюни, по пути изъ Франціи. На мой вопросъ, куда онъ направляется, онъ замѣтилъ: такъ какъ нѣкоторыми онъ обвиненъ въ ереси, которой онъ, однако, вполне гнушается, то онъ апеллировалъ къ апостолическому величеству и желаетъ въ настоящее время у него искать защиты. Я похвалилъ его намѣреніе и ободрилъ его искать помощи у этой извѣстной и общей спасительницы“²⁾. Петръ Venerabilis самъ только что возвратился изъ Италіи и лично не принималъ участія въ недавнихъ осложненіяхъ. Съ Бернаромъ и его цистерціанцами онъ уже имѣлъ не мало поединковъ, хотя, какъ это принято среди святыхъ, не вынимая оружія изъ ноженъ. Чѣмъ насильственнѣе въ этомъ случаѣ поступили цистерціанцы и премонстранты, тѣмъ сильнѣе аббатъ ощущалъ потребность выступить въ роли примирителя. Личное участіе въ великому ученому безосознательно обнаруживается въ его письмѣ, и именно ему, который всю свою жизнь смотрѣлъ на школьные диспуты какъ на второстепенную вещь, всего болѣе приличествовало помочь разбитому человѣку найти примиреніе, котораго

1) Cousin, I, 680.

2) Cousin, op. Ab., I, 709.

такъ страстно жаждалъ Абеляръ. Несомнѣнно, одной изъ причинъ его вмѣшательства было также желаніе дать чувствительный урокъ самому опасному сопернику Ключни, восхваляемому цистерціанскому аббату Бернару, и показать французскому духовенству, что и Ключни имѣть голосъ въ Римѣ, и что Ключни совершенно не согласно терпѣть диктатуру, подобную той, которую аббатъ клервосскій только что практиковалъ на сенскомъ соборѣ. До насъ не дошли свѣдѣнія о закулисныхъ обстоятельствахъ этого инцидента. Возможно, что много остроконечныхъ монашескихъ клубковъ ключійцевъ путешествовало въ Сито, что много бѣлыхъ рясы цистерціанцевъ проскользнуло въ ворота Ключни, прежде чѣмъ самъ аббатъ монастыря цистерціанцевъ Рейнаръ появился въ гордомъ аббатствѣ соперника, чтобы вести личные переговоры съ Абеляромъ. Въ силу апостолическаго рѣшенія Иннокентія II аббатъ имѣлъ право попросту требовать выдачи осужденнаго еретика. Но о приведеніи въ исполненіе этого папскаго рѣшенія вдругъ не стало и рѣчи, а дѣло шло исключительно только о примиреніи Абеяра съ Бернаромъ. Самъ аббатъ Петръ, вѣроятно, представилъ въ письмѣ къ папѣ все это дѣло въ видѣ личныхъ недоразумѣній. „Я старался достигнуть примиренія“, говоритъ онъ, „и уговаривалъ Абеяра отправиться вмѣстѣ съ аббатомъ монастыря Сито къ Бернару, а если онъ что-либо написалъ, что оскорбляетъ слухъ католика, то исправить эти мѣста по совѣту съ Бернаромъ и другими“. Аббатъ Рейнаръ, конечно, вступилъ въ переговоры съ Ключни не безъ вѣдома Бернара, и такимъ образомъ мы должны прийти къ заключенію, что самъ аббатъ клервосскій желалъ выйти изъ положенія, въ которомъ общественный приговоръ все болѣе и болѣе склонялся противъ него. По нѣкоторымъ выраженіямъ въ концѣ „Апологіи“ Абеяра можно даже почти предполагать, что онъ поручилъ увѣрить Абеяра въ томъ, что онъ—отнюдь не врагъ его, а, наоборотъ, другъ. На эту „Апологію“¹⁾, содержащую отчасти отреченіе Абеяра, безъ сомнѣнія слѣдуетъ смотрѣть какъ на мирное соглашеніе, выработанное между Петромъ Venegabilis, Рейнаромъ и Абеяромъ, къ которому долженъ былъ пристать добровольно или въ силу необходимости также и Бернаръ. Оно положило конецъ всему спору.

Хотя Абеляръ и переполненъ еще горькимъ чувствомъ противъ Бернара, но фактически онъ проситъ примиренія. Во введеніи къ сочиненію указано, что уже Иеронимъ испыталъ на самомъ себѣ, что существуютъ литературныя недоброжелательства и умышленное непониманіе, и что ничто не можетъ быть

1) у Cousin'a, II, 719.

выражено такъ ясно, чтобы не могло быть искажено злою волею. „Кто пишетъ много книгъ, навлекаетъ на себя этимъ также и много судей; такимъ образомъ и я, хотя я написалъ немного, а по сравненію съ другими даже почти ничего не написалъ, все-таки не могъ избѣжать порицаній, хотя въ тѣхъ мѣстахъ, за которыя меня такъ жестоко обвиняютъ, Богъ мнѣ свидѣтель, я неповиненъ; но, если-бы даже я и нашелъ такія мѣста, то не сталъ бы ихъ упрямо защищать“. Ошибаясь, онъ могъ написать нѣчто ложное, но навѣрное не подъ вліяніемъ злого умысла или заносчивости. Многие онъ говорилъ на многихъ лекціяхъ, но онъ долженъ отвергнуть „тайную воду и потайной хлѣбъ“, о которыхъ писалъ Вернаръ въ своемъ письмѣ къ кардиналу Гвидо, онъ говорилъ всѣмъ публично и такимъ образомъ, что желалъ видѣть въ своихъ слушателяхъ судей, а не учениковъ. Онъ уже потому не еретикъ, что всегда предлагалъ исправить то, о чемъ онъ могъ неудачно выразиться; онъ отвергаетъ только невѣрныя изданія. „Пусть вапа братская любовь признаетъ, что я, какъ сынъ церкви, каковымъ желаю пребывать и впредь, принимаю вмѣстѣ съ нею все, что она сама признаетъ, все, что она отвергаетъ, отвергаю, и что я никогда не разрываю единства вѣры, хотя и разнo съ другими понималъ ее по вопросу о поведеніи“. Затѣмъ онъ переходитъ къ отдѣльнымъ извращеніямъ своихъ словъ, при чемъ особенно рѣзко отбѣиваетъ свое согласіе съ церковнымъ ученіемъ о Святой Троицѣ и самъ прокликаетъ, какъ дьявольскія, ученія, которыя приписываются ему. Онъ соглашается съ нѣкоторыми положеніями противниковъ, не говоря, впрочемъ, какъ онъ ихъ толкуетъ; такъ онъ признаетъ теперь, что Сынъ Божій воплотился, чтобы освободить насъ отъ ига діавола, а также, что Иисусъ Христосъ есть второе лицо св. Троицы, поскольку онъ Сынъ Божій. Другіе взгляды онъ тоже видоизмѣняетъ согласно съ высказанными ему замѣчаніями.

Если онъ прежде отрицалъ, что въ Христѣ могъ быть страхъ Божій, потому что совершенная любовь исключаетъ страхъ, то въ настоящее время онъ готовъ отказаться отъ этого положенія, если подъ страхомъ Божиимъ понимать благоговѣйную любовь, которая живетъ въ душѣ Христа, какъ и въ душахъ избранныхъ ангеловъ и людей. Если онъ ограничивалъ ранѣе всемогущество Бога Его святостью, то теперь онъ формулируетъ свою мысль слѣдующими словами: „я вѣрую, что Богъ можетъ сдѣлать лишь то, что достойно Его дѣянія, и что Онъ многое можетъ сдѣлать, чего Онъ никогда не сдѣлаетъ“. По вопросу о свободѣ и благодати онъ приходитъ къ такому конечному рѣшенію: „Благодать предшествуетъ намъ, чтобы мы желали; она слѣдуетъ за нами, чтобы мы могли; она сопровождаетъ насъ, чтобы мы

претерпѣли до конца“. Вмѣненіе несознаваемой вины онъ допускаетъ на основаніи такого разсужденія: „Зло, совершаемое по невѣдѣнію, должно считаться виною, поскольку оно является слѣдствіемъ нашего, нерадѣнія, состоящаго въ томъ, что мы не знаемъ того, что намъ прежде всего необходимо было знать“. Въ виду этой точки зрѣнія онъ беретъ назадъ также и свой парадоксъ, что евреи, полагая, что исполняютъ законъ Бога, распиная Христа, не совершали грѣха, и наоборотъ признаетъ, что убійцы Христа этимъ убійствомъ совершили величайшее преступленіе. Самое значительное отреченіе (хотя Абельяръ избѣгаетъ этого выраженія) заключается въ отказѣ отъ своего прежняго взгляда, что лишь наказаніе, а не грѣхъ Адама унаслѣдованы его потомками, а затѣмъ онъ самымъ яснымъ образомъ отказывается отъ тѣхъ анти-іерархическихъ положеній, которыя онъ раздѣлялъ съ Арнольдомъ Брешианскимъ, и которыя касались сферы церковной практики. Прямымъ отказомъ отъ всякаго общенія съ этимъ храбрѣйшимъ изъ своихъ учениковъ и соратниковъ звучатъ слѣдующія слова Абельяра: „Я признаю, что не только апостоламъ, но и ихъ преемникамъ, и притомъ какъ достойнымъ, такъ и недостойнымъ даже епископамъ, дана власть „вязать и разрѣшать“, пока ихъ признаетъ Церковь“. Это было именно то положеніе, противъ котораго Арнольдъ боролся всю свою жизнь и въ концѣ концовъ какъ мученикъ за правду, отъ которой теперь отрекался Абельяръ, погибъ на висѣлицѣ. Другія обвиненія Абельяра отвергаетъ какъ злоумышленные выдумки. Такъ, напримѣръ, ему никогда не приходило на умъ утверждать, что при концѣ міра вмѣсто Сына можетъ явиться Отецъ, а равно онъ вообще никогда не сомнѣвался и въ дѣйствительномъ сошествіи во адъ души Христа. Онъ никогда не писалъ „Liber sententiarum“, почему и всѣ извлеченныя оттуда мѣста не имѣютъ значенія для него. Не безъ ироніи говорится въ заключеніе: „Эти выставленныя противъ меня обвиненія *мой другъ* оканчиваеьт словами: они находятся частью въ книгѣ о „Вогословіи“ учителя Петра, частью въ его „Сентенціяхъ“, частью въ его книгѣ „Scito te ipsum“. Но я никогда не писалъ книги „Сентенцій“ ¹⁾, и поэтому вышеупомянутое замѣчаніе слѣдуетъ отнести также къ злобѣ или незнанію, какъ и выставленныя противъ меня положенія“. Означенныя со-

1) Что „Сентенціи“ дѣйствительно не принадлежать Абельяру, это доказалъ Денифле (Archiv für Literatur und Kirchengeschichte d. Mittelalters, I, 592). Сомнительно, чтобы Бернаръ пользовался этимъ изданіемъ, потому что не всѣ мѣста, приводимыя имъ, имѣются въ нашемъ экземплярѣ, но онъ могъ, какъ это говорить Денифле (стр. 593), взять ихъ изъ недошедшей до насъ части „Теологии“ Абельяра, которую, по его собствен-

чиненія перечислены въ указанномъ порядкѣ въ письмѣ Бернара къ кардиналамъ ¹⁾. „Другъ“, оказавшій ему эту услугу, оказывается, слѣдовательно, Бернаромъ, и эта манера упоминанія о немъ весьма характерна для опредѣленія искренности примиренія, которое должно было вскорѣ состояться. Но примиреніе это гарантировало Абельяру, во всякомъ случаѣ, то спокойствіе, котораго только и жаждалъ этотъ утомленный борьбою человекъ. Несмотря на отреченія, положеніе его было почти лучшимъ, чѣмъ положеніе его противника, который, имѣя приговоръ папы въ рукахъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ удовольствоваться письменнымъ объясненіемъ осужденнаго. Въ общемъ великій ученый сохранилъ свое положеніе; свои объясненія онъ далъ не теряя своего достоинства, и потому въ заключеніе онъ могъ просить о болѣе мягкомъ рѣшеніи „у сыновъ святой Церкви“, къ которымъ онъ направилъ свою „Апологию“, тѣмъ болѣе, что онъ съ достоинствомъ облекаетъ свою просьбу въ слова апостола Павла: „Если есть какое утѣшеніе во Христѣ, если есть какое милосердіе и сострадательность“, то его невинность не должно пятнать клеветой, сомнительное пусть объясняютъ съ лучшей стороны и подумаютъ о словахъ: „не судите, да не судимы будете“. Отреченія эти являлись прелиминаріями къ миру, заключенному наконецъ Абельяромъ съ Бернаромъ.

Встрѣча ихъ состоялась въ Сито, и еще разъ оба противника увидѣли другъ друга. За полгода до этого, они такъ же стояли другъ противъ друга въ Парижѣ, но какъ значительно измѣнились послѣ этого обстоятельства. Абельяръ считалъ въ то время необходимымъ отвергнуть всякое отреченіе, тогда какъ Бернаръ желалъ унижить его, чтобы сдѣлать его безвреднымъ. Теперь Абельяръ былъ уже безопасенъ, такъ какъ только что представилъ доказательства своей покорности. Однако самъ Бернаръ считалъ, что въ этой борьбѣ онъ одержалъ чрезчуръ большую побѣду, и что было благоразумно ослабить тетиву. При всей своей страстности, Бернаръ въ сущности былъ мягкой натурой, ощущавшей потребность въ любви; Абельяръ же обладалъ обворожительнымъ обхожденіемъ и умѣлъ, какъ немногіе, находить общія точки зрѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ всегда могъ по своему желанію руководить разговоромъ. Нѣкогда его считали гордымъ, нетерпимымъ къ возраженіямъ, сварливымъ, но все это уже миновало.

нымъ словамъ (Ер. 337), Бернаръ положилъ въ основаніе своего доклада въ Сентъ.

¹⁾ Ер. 188.

„Онъ уходилъ“, рассказываетъ Петръ, „онъ возвратился обратно. Что онъ примирился съ аббатомъ клервосскимъ при посредствѣ аббата монастыря Сито, послѣ того какъ всѣ старыя жалобы были улажены, объ этомъ онъ рассказалъ, возвратясь оттуда“. Повѣствованіе весьма лаконическое, которое многое позволяетъ читать между строчками! Такъ какъ Бернаръ не настаивалъ на приведеніи въ исполненіе папскаго мандата, врученнаго ему, а Петръ взялъ на себя хлопоты въ Римѣ о прекращеніи процесса, то и поѣздка больного Абельяра черезъ Альпы не представляла уже необходимости. Литературный споръ между учениками во всякомъ случаѣ еще продолжался нѣкоторое время. „Апологія“ Абельяра не осталась безъ отвѣта со стороны цистерціанцевъ. Неизвѣстный аббатъ ¹⁾, который считался ранѣе въ числѣ ближайшихъ друзей Абельяра (*cui strictissima familiaritate conjunctus fui*), поднялъ свою пядь противъ поверженнаго на землю; онъ посвятилъ архіепископу Гуго Руанскому свое опроверженіе „Апологіи“ Абельяра. Діалектическому раздѣленію въ Троицѣ онъ противопоставляетъ положеніе, что въ простой сущности Бога не должны быть принимаемы различныя степени существованія, потому что каждое изъ Лицъ является совершеннымъ Богомъ, а вся Троица является *Единымъ* Богомъ. Поэтому и Святой Духъ настолько же всемогущъ, насколько всемогущъ Отецъ, „потому что все существующее является либо Творцомъ, либо твореніемъ“. Если Абельяръ утверждаетъ, что только Logos, а не Христось, есть второе лицо Св. Троицы, то изъ этого старый другъ выводитъ заключеніе, что Абельяръ—язычникъ, потому что, если Христось не Богъ, то богослуженія ему являются идолопоклонствомъ. Но, во всякомъ случаѣ, полемика Неизвѣстнаго прибавила мало новаго къ тому, что уже было высказано въ обвиненіяхъ Бернара. О другомъ противникѣ можно упомянуть лишь съ ироніей. Упомянутый секретарь Бернара, котораго самъ аббатъ впоследствии преслѣдовалъ какъ вора и поддѣльвателя, но который въ настоящее время только что такъ блестяще провелъ въ Римѣ осужденіе Абельяра, выступилъ въ письмѣ къ Петру, *abbas Cellensis*, тоже какъ писатель противъ Абельяра, при чемъ утверждалъ, что предикаты трехъ лицъ Бога имѣютъ субстанціальныя, а не относительныя характеръ ²⁾. При этомъ онъ выставлялъ на видъ отношенія прежняго и послѣдующаго Адама и добровольность страданій Христа.

1) *Disputatio anonymi abbatis adversus dogmata Petri Abaelardi*. Bibl. Cist. ed. Tissier, IV, стр. 238—259.

2) Ср. *Bach*, тамъ же, стр. 125.

Но, такъ какъ Абельяръ уже болѣе не отвѣчалъ и удалился въ тишину монастырской жизни, то этотъ споръ о вѣроученіи прекратился самъ собою.

Уважаемый глава клюнійской конгрегаціи уговорилъ уставнаго борца отказаться отъ всѣхъ тревоженій школь и преподавательской дѣятельности и избрать Ключни какъ постоянное тихое пристанище. Послѣ этого онъ отправилъ въ Римъ донесеніе и сообщилъ въ немъ, что какъ преклонный возрастъ, такъ и разстроенное здоровье и благочестіе Абельяра въ равной степени послужили поводомъ удовлетворить просьбу его о пристанищѣ, тѣмъ болѣе, что Абельяръ своею ученостію можетъ быть весьма полезенъ многимъ братьямъ. „Объ этомъ прошу я“, такъ оканчиваетъ свою просьбу аббатъ, „какимъ бы незначительнымъ человѣкомъ въ вашихъ глазахъ я ни былъ, но все же я вашъ, объ этомъ просить весь орденъ Ключни, такъ преданный вамъ, самъ Абельяръ просить васъ отъ себя и черезъ меня, черезъ подателей этого письма, вашихъ сыновей, просить самымъ этимъ письмомъ, написать которое онъ меня упросилъ, чтобы вы дозволили ему провести въ вашемъ Ключни остатокъ дней его жизни, которыхъ, можетъ быть, уже не много осталось, чтобы онъ не могъ быть изгнанъ какими-либо преслѣдованіями, или же потревоженъ въ этомъ пристанищѣ или гнѣздѣ, которое онъ счастливъ былъ найти, какъ какой-либо воробей или горлянка, и чтобы вы, любящіе все доброе и любившіе и его, защитили его щитомъ апостольской защиты“. Результаты показали, что посредничество аббата имѣло вліяніе въ Римѣ. Тамъ имѣли въ виду только исполнить желаніе Бернара; если же послѣдній согласенъ былъ съ предложеніями Петра, то кардиналы, которые частью сочувствовали Абельяру, конечно ничего не могли имѣть противъ этого. Что же касается Абельяра, то онъ готовъ былъ на всякое примиреніе, какое бы ему ни предложили. Къ чему было вести дальнѣйшую борьбу, когда половина Франціи и всѣ ея епископы перебѣжали въ лагерь святыхъ! Его дальнѣйшая жизнь была безцѣльна, безъ всякихъ перспективъ и всякой надежды на будущее. Онъ никогда не былъ героемъ, въ родѣ Арнольда Брешианскаго, и никогда не выдавалъ себя за такового. Спокойно дожидаться своего смертнаго часа было единственной его цѣлью съ этого времени, а для этого Ключни было невозможно лучшимъ мѣстомъ.

Преслѣдуемый новыми орденами старый борецъ нашелъ постоянное пристанище у одной изъ древнѣйшихъ конгрегацій. Онъ сдѣлался настоящимъ клюнійцемъ и завѣдывалъ въ качествѣ пріора научными занятіями монаховъ въ Ключни. Все остальное время онъ въ молчаніи дѣлялъ между

богослуженіями и спокойными научными трудами. „Читая, занимаясь писаніемъ и диктовкой“, рассказываетъ аббатъ клюнійскій, онъ проводилъ среди нихъ послѣдніе дни своей жизни. Можно предполагать, что эти научныя занятія, въ которыхъ онъ чувствовалъ себя хозяиномъ, касались діалектики. Поводъ къ новой переработкѣ этой части его сочиненій, если судить по введенію ко второй книгѣ, былъ личнаго характера. „Когда я“, пишетъ онъ, „оглядываю объемъ матеріала и взвѣшиваю то, что уже сдѣлано, и то, что еще предстоитъ сдѣлать, тогда, братъ Дагоберъ, я почти раскаиваюсь, что уступилъ твоей просьбѣ. Но, когда я, человѣкъ уже уставшій отъ писанія, припомню твою любовь и племянниковъ, которымъ необходимъ учебникъ, меня оставляютъ всякія сомнѣнія, и любовь снова подымаетъ мой духъ, угнетенный трудомъ“. Въ этомъ „братъ Дагоберъ“ видятъ родного брата Абельяра, а въ племянникахъ—его собственныхъ племянниковъ, это предположеніе возможно и заманчиво по задушевности выраженій; мы съ удовольствіемъ готовы видѣть и въ этомъ случаѣ подъ власницею теплую руку человѣка, которая до своего послѣдняго часа крѣпко держалась за своего родного брата. Мы желали бы, такимъ образомъ, смотрѣть на эти слова, какъ на памятникъ прекраснаго отношенія великаго философа къ семьѣ, братская любовь къ которой у него осталась, несмотря на всѣ перемѣны его жизни, такую же, какою была и въ то время, когда при отъѣздѣ изъ Пале онъ такъ по-братски раздѣлялъ съ братьями свое имѣніе. Но возможно, конечно, также и другое предположеніе, что „братъ Дагоберъ“ былъ монахомъ въ Клюни, который уговорилъ Абельяра составить учебникъ діалектики, потому что онъ нуженъ былъ ему для обученія своихъ собственныхъ племянниковъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о какомъ-либо новомъ сочиненіи, потому что Абельяръ уже и ранѣе, въ своихъ прежнихъ трудахъ, упоминаетъ объ отдѣльныхъ книгахъ своей „Діалектики“. Все, должно быть, написано было уже ранѣе, но вмѣсто того, чтобы переписать для брата Дагобера свой старый учебникъ, Абельяръ придалъ его содержанію форму, которая казалась ему въ это время наиболее соответствующей и рисовалась ему истинно дидактической послѣ преподавательской дѣятельности, продолжавшейся полстолѣтія. При этомъ онъ утѣшаетъ себя мыслью, что цѣнность этого труда будетъ значительно болѣе общепризнана, когда впечатлѣніе его личности не будетъ уже мѣшать оцѣнкѣ этого сочиненія. „Если при моей жизни зависть и стоятъ поперекъ дороги моихъ сочиненій и желаетъ затруднить изученіе ихъ, я все же даю свободный полетъ моему духу, потому что послѣдній день моей жизни положить конецъ такъ же и

ненависти, и въ моихъ сочиненіяхъ всякій найдетъ то, что необходимо для знанія“.

Четвертая книга этой „Діалектики“ даетъ надлежащій отвѣтъ и тѣмъ мудрецамъ, въ родѣ Оттона Фрейзингскаго, которые находили, что судьба Абеляра сложилась бы совершенно иначе, если бы онъ оставилъ богословіе и остался при своей діалектикѣ. Абеляръ указываетъ, что его противники-монахи сначала сами запрещали ему занятія діалектикой, „утверждая, что то, что не относится къ вѣрѣ, не должно быть и разрабатываемо христіаниномъ. Наука же эта, говорили они, не только не ведетъ къ вѣрѣ, но разрушаетъ ее путаницею своихъ доказательствъ. Но, во всякомъ случаѣ, весьма удивительно, что мнѣ должно было быть запрещено писать то, что имъ, однако, позволено было читать“. Самому Абеляру въ виду этого было вполнѣ ясно, что съ такими противниками борьба привела бы къ тѣмъ же результатамъ, безразлично, косвенно ли онъ затронулъ бы принципы ихъ богословія, или же прямо сталъ бы реформировать сами эти принципы. Лично онъ еще разъ высоко поднимаетъ знамя, подъ которымъ онъ и желаетъ пасть. Богъ—истина, а наука есть исканіе истины; поэтому одно не можетъ противорѣчить другому. „Ибо истинное истинному, или доброе доброму не противодѣйствуетъ, какъ противодѣйствуетъ ложное ложному, злое злomu, но все доброе находится въ согласіи и взаимной связи. вмѣстѣ съ тѣмъ всякое знаніе хорошо, даже знаніе зла, потому что праведный не можетъ обойтись безъ него. Ибо для того, чтобы добродѣтельный человѣкъ могъ охранять себя отъ зла, онъ долженъ предварительно понимать его, иначе онъ не можетъ избѣгать его. Грѣшить—зло, но понимать грѣхъ хорошо, потому что въ противномъ случаѣ мы не можемъ избѣгать его. Даже знать науку, называемую „математикой“ (колдовство), не дурно, но заниматься ею позорно; потому что нѣтъ никакого преступленія въ томъ, что знаешь, послѣ какого служенія или жертвы демоны исполняютъ наши желанія, но совершать ихъ грѣшно. Если бы знаніе было зломъ, то какимъ образомъ Богъ могъ бы тогда быть свободенъ отъ злобы?“

Такъ Абеляръ въ заключеніе своей работы въ чрезвычайно увлекательныхъ выраженіяхъ высказалъ свою вѣру въ благодѣтельность человѣческаго разума въ эпоху, когда не знали, какъ бы сильнѣе опорочить его. Еще разъ въ Абеляръ снова возгорѣлся огонь, чтобы затѣмъ потухнуть навсегда.

Абеляръ пріѣхалъ въ Клуни уже больнымъ, какъ мы узнаемъ объ этомъ изъ разсказа аббата. Онъ страдалъ накожной болѣзною, и Петръ

Venerabilis получилъ съ самаго начала впечатлѣніе, что дни Абеяра сочтены. Какъ молчаливый товарищъ онъ ходилъ по монастырскимъ корридорамъ среди другихъ черныхъ фигуръ. Позднѣйшимъ поколѣніямъ показывали въ концѣ одной аллеи около монастырской ограды громадную старую липу, подъ тѣнью которой часто сидѣлъ Абеяръ, глядя на луга, окаймленные лѣсомъ, и наблюдая глазами за дорогой, по которой онъ нѣкогда пріѣхалъ сюда изъ Параклета Элоизы. Когда страданія его усилились, Петръ Venerabilis отправилъ его въ Седъ-Марцелль, около Шалона на Соанъ, который отличался болѣе мягкимъ климатомъ, гдѣ Абеяръ весною 1142 года, 21 апрѣля, будучи шестидесяти трехъ лѣтъ отъ роду, и окончилъ свою жизнь, богатую борьбою. Петръ извѣстилъ о его кончинѣ подругу его въ Параклетѣ въ чрезвычайно деликатной формѣ. И это сообщеніе носить на себѣ характерныя черты писемъ этой эпохи, но, по сравненію съ другимъ современнымъ литературнымъ матеріаломъ, при чтеніи этого письма чувствуется душевная мягкость достоуважаемаго аббата и древняя культурность романа ¹⁾.

„Я уже долженъ былъ, возлюбленная сестра, поблагодарить тебя своими скудными словами за твою любезность, которую ты выказываешь мнѣ своими письмами и подарками, и показать какое мѣсто въ моей душѣ сохраняю для тебя я, вѣрный Господу. Не теперь только я начинаю любить тебя, но съ удовольствіемъ вспоминаю, какъ давно ты уже была мнѣ дорога. Будучи еще юношей, я уже зналъ, если и не о твоей набожности, то о твоихъ высокихъ идеяхъ и славномъ научномъ образованіи. Въ то время всюду рассказывали, что женщина въ цвѣтѣ своихъ лѣтъ блистаетъ, необычно для своего пола, поэзіей, ораторскимъ искусствомъ и философій; и не въ состояніи свѣтскіе интересы, суета и удовольствія заглушить въ ея сердцѣ наслажденія отъ занятій духовными предметами. Въ то время, какъ почти весь міръ замеръ въ своей отвратительной апатіи и наука не знала, куда преклонить голову, не среди женъ, отъ которыхъ наука была совершенно изгнана, но среди самихъ мужей ты превознеслась надъ женами и мужами силою своего ума и своими смѣлыми изученіями. Вскорѣ, однако, тебя стали воспитывать тотъ, который, выражаясь словами апостола, вывелъ тебя изъ дѣтскаго возраста, чтобы наконецъ призвать тебя своею благодатью отъ преходящаго знанія къ знанію вѣчности“... Послѣ того, какъ аббатъ высказалъ сожалѣніе, что Элоиза, „жена, горящая какъ

¹⁾ У Cousin'a, I, 710 и слѣд.

уголь и свѣтящая какъ факель“, не можетъ принадлежать къ одному изъ учреждений, находящихся подъ управленіемъ Ключи, онъ продолжаетъ: „но, чего не дано намъ было сдѣлать относительно тебя, то Божественная милость дала намъ совершить относительно того, кто былъ твоимъ, котораго вѣчно должно вспоминать съ честью, относительно Абеяра. Воля Божія привела его въ послѣдніе годы въ Ключи и даровала намъ этимъ подаркомъ, цѣннѣе золота и драгоцѣнныхъ камней. Не легко, сестра моя, высказать въ немногихъ строкахъ его покорное судьбѣ поведеніе, о которомъ свидѣлствуетъ все Ключи. Если я не ошибаюсь, никто иной не встаетъ въ моей памяти, кто былъ бы такъ же не требователенъ въ своей жизни и поступкахъ. Святой Германъ не могъ быть болѣе кроткимъ, святой Мартинъ болѣе бѣднымъ. Въ большой толпѣ нашихъ братьевъ, по моему настоянію, онъ занялъ болѣе высокое положеніе, но онъ желалъ быть послѣднимъ изъ всѣхъ, даже по невзыскательности своей одежды. Часто я удивлялся, когда онъ согласно обычаю шелъ со мною въ процессіяхъ впереди другихъ, какъ человѣкъ съ такимъ знаменитымъ именемъ можетъ такъ низко цѣнить себя и проникнуться такимъ самоуниженіемъ.

„Многіе братья стремятся имѣть хорошую одежду, ему же и самая плохая была черезчуръ хороша. Такъ же онъ относился къ пищѣ и питью и вообще ко всѣмъ потребностямъ чувствъ. Не говоря уже о предметахъ роскоши, онъ отказывалъ себѣ во всемъ, за исключеніемъ самаго необходимаго. Обращеніе и слова были безупречны, какъ для него, такъ и для другихъ. Онъ постоянно читалъ, часто молился, никогда не говорилъ, если научные разговоры и разъясненія, касающіяся божественныхъ предметовъ, не вынуждали его прервать молчаніе. Онъ присутствовалъ при небесныхъ таинствахъ, какъ только возможно чаще, принося Богу жертву безсмертнаго Агнца, а послѣ того какъ благодаря моему письму и моимъ стараніямъ онъ снова приобрѣлъ благоволеніе святаго престола, онъ постоянно принималъ и участіе въ таинствахъ. Что мнѣ еще сказать? Его духъ, его уста, его жизнь учили, возвѣщали научныя, философскія, божественныя вещи. Простодушный и правдивый съ нами, богобоязненный и избѣгающій зла, размышляя о судьбахъ Божіихъ, онъ посвящалъ Господу послѣднія мгновенія своей великой жизни. Чтобы доставить ему нѣкоторый отдыхъ и укрѣпить его слабѣющее здоровье, я отправилъ его въ Сень-Марцелль вблизи Шалона, нарочно избравъ эту веселую мѣстность Бургундіи. Тамъ, насколько ему позволяли силы, онъ снова принялся за свои любимыя занятія и, какъ разсказываютъ о Григоріи Великомъ, не упускалъ ни одного момента, чтобы не употребить его на чтеніе,

молитву, писаніе, диктовку. Такъ, занимаясь священными сочиненіями, онъ встрѣтилъ смерть; Божественный Посѣтитель нашель его не спящимъ, какъ многихъ другихъ, но бодрствующимъ и бдящимъ, и призвалъ его, какъ мудрыхъ дѣвъ, къ вѣчной свадьбѣ; какъ свѣтильникъ съ масломъ, онъ несъ свою совѣсть, свидѣтельница благочестивой жизни. Для того, чтобы онъ исполнилъ общій долгъ, болѣзнь его усилилась и достигла, все ухудшаясь, вскорѣ своего апогея. Какъ онъ свято переносилъ все, какъ благоговѣно, правовѣрно онъ сначала исповѣдалъ свою вѣру, затѣмъ исповѣдался, съ какимъ глубокимъ чувствомъ томящейся души онъ принялъ напущеніе и залогъ вѣчной жизни, т. е. тѣло нашего Спасителя, съ какою вѣрою онъ предалъ Ему свое тѣло и душу здѣсь и навѣки,—этому свидѣтели всѣ монахи монастыря Сень-Марцелль. Такъ кончилъ свои дни учитель Петръ, и тотъ, который своею выдающеюся ученостью и преподавательской дѣятельностью былъ извѣстенъ и прославлялся почти на всемъ свѣтѣ, слѣдую ученію Того, Кто сказалъ: „научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ“, безъ жалобы и тихо перенося страданія до конца, перешель къ Нему Самому, какъ мы смѣемъ думать. И ты, достопочтенная, возлюбленная во Христѣ сестра, нѣкогда на семь свѣтѣ соединенная съ нимъ всѣми тѣлесными узами, затѣмъ связанная съ нимъ еще лучшимъ и болѣе прочнымъ союзомъ любви къ Богу, съ которымъ и подъ руководствомъ котораго ты такъ долго служила Господу, помниай его въ своихъ молитвахъ къ Господу. Христосъ принимаетъ васъ обоихъ въ обитель Своего сердца, и, пока не придетъ Его день, когда раздастся гласъ архангела и труба сходящаго съ небесъ Бога, Онъ сохранитъ тебѣ твоего Абеяра и своею милостью возвратитъ тебѣ его на вѣки. Не забывай и меня и поручи вниманію сестеръ, служащихъ вмѣстѣ съ тобою Богу, братьевъ и сестеръ нашей общины. Будь здорова“¹⁾).

Такимъ образомъ еще разъ возникла переписка Элоизы, но на этотъ разъ съ Петромъ Venerabilis, и изъ нея мы узнаемъ монастырскую жизнь съ лучшей ея стороны. Въ письмахъ благороднаго аббата мы видимъ не только сердечную теплоту, но еще яснѣе замѣчаемъ ея отраженіе въ благодарности Элоизы. Тѣло усопшаго было перенесено въ Параклетъ, согласно желанію самого Абеяра. „Если Господь“, писалъ онъ однажды Элоизѣ во дни преслѣдованій, „предастъ меня въ руки враговъ, и они убьютъ меня, или инымъ способомъ я претерплю общую судьбу смертныхъ, пусть мой прахъ

1) Petri venerab. Epist, IV, 2.

будет доставленъ на ваше кладбище и похороненъ тамъ, чтобы мои дочери во Христѣ, видя мою могильную плиту, тѣмъ усердѣе не забывали возносить обо мнѣ молитвы къ Господу, какъ тѣ жены, которыя сидѣли у гроба и оплакивали Христа. Ни одно мѣсто не кажется мнѣ болѣе спасительнымъ для изстрадавшагося и удрученнаго вслѣдствіе своихъ заблужденій духа, чѣмъ то, которое посвящено воистину Параклету, Утѣшителю, и которое прежде всего украшаетъ Его имя“¹⁾. Гораздо позднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ въ то время, но желаніе его все же исполнилось. Тайно (*furtim*), чтобы предупредить возраженія своихъ монаховъ, Петръ *Venerabilis* лично поднималъ тѣло и сопровождалъ его изъ монастыря Сень-Марцелля въ долину Ардюзона. Здѣсь онъ отслужилъ по Абеяру панихиду, своимъ благословеніемъ смывая въ памяти вѣрующихъ всякое пятно съ имени покойнаго. Съ Элоизой Петръ заключилъ условіе взаимности богослуженій, въ силу котораго послѣ ея смерти въ Ключи должны были совершаться панихиды по усопшей. Въ письмѣ, въ которомъ она благодаритъ Петра за его посѣщеніе²⁾, глубокая скорбь объ Абеярѣ перемѣшана съ горячей признательностью къ доброму ключійскому аббату, который торжественными похоронами ея мужа окончательно уничтожилъ пропасть, продолжавшую существовать все еще, по мнѣнію противниковъ, между покойнымъ и Церковью. Поэтому Элоиза проситъ также прислать письменное свидѣтельство объ отпущеніи грѣховъ ея другу, скрѣпленное печатью Ключійскаго монастыря, чтобы повѣсить это свидѣтельство на могилѣ Абеяра и обезопасить ее такимъ образомъ отъ судей мертвыхъ, непримиримая злоба которыхъ могла поругаться даже и надъ могилой. Однако ей пришлось позаботиться также и о другомъ наслѣдствѣ послѣ Абеяра. „Не забудь также“, такъ писала она могущественному ключійскому аббату, „нашего сына Астролябія и постарайся найти ему приходъ у парижскаго или какого-либо иного епископа“. Петръ обѣщалъ сдѣлать все возможное³⁾. Мы не знаемъ, какъ это удалось ему. Другую просьбу, съ которою она обратилась къ папѣ Евгенію III, семь лѣтъ спустя послѣ смерти Абеяра, взялся передать Бернаръ Клервосскій. Но холодный и сухой тонъ аббата при передачѣ этой просьбы не говорить о сильномъ благоволеніи его. „Что же касается просьбы аббатиссы Параклета, то вы можете узнать о ней отъ подателя и исполнить ее, если сочтете ее достойной“⁴⁾. Трудно даже и

1) Ep. III, 83.

2) Cousin, I, 715.

3) Cousin, I, 715 и 716 и сл.

4) Ep. 278, Migne, 182, 484.

представить себѣ болѣе холодныя выраженія, которыя возможно было бы употребить при исполненіи общанной рекомендаціи, чѣмъ эти, въ которыхъ ясно проглядываетъ непримиримая неприязнь Бернара. Эти слова Бернара представляютъ послѣдній документъ, которымъ мы владѣемъ, и который вается отношеній главныхъ трехъ лицъ нашей трагедіи.

Еще двадцать одинъ годъ раздавалось гнѣніе монахиня надъ могилю Абельяра, когда наконецъ въ маѣ 1163 года скончалась и Элоиза и была похоронена непосредственно рядомъ съ нимъ ¹⁾. Такъ какъ останкамъ обоихъ предстояло еще долгое время перемѣнять мѣста, то до насъ дошелъ цѣлый рядъ надгробныхъ надписей ²⁾, изъ которыхъ самая древняя восхваляетъ Абельяра какъ „Сократа Галліи, великаго Платона Запада, Аристотеля своего времени“. Въ 1497 году семнадцатая аббатисса Параклета перевесла останки обоихъ въ главную церковь аббатства Ножанъ на Севѣ, откуда, позднѣе, они были перенесены въ капеллу, гдѣ была поставлена также и спасенная изъ Параклета статуя Троицы. Революція секуляризировала учрежденіе, основанное Абельяромъ. Нѣкогда столь соблазнительная для благочестивыхъ людей каменная статуя, изображающая Троицу, была разбита якобинцами, какъ памятникъ временъ суевѣрія, а останки Абельяра и Элоизы послѣ различныхъ мытарствъ по деревенскимъ церквамъ, перехода ихъ даже въ частную собственность и странствованій по музеямъ, были наконецъ перенесены въ 1817 году на кладбище Перъ Лашезъ въ Парижѣ. На крышкѣ саркофага изображены фигуры обоихъ супруговъ въ монашескихъ облаченіяхъ, мирно покоящихся рядомъ. Рельефъ Абельяра, вѣроятно, взятъ съ древней гробницы въ Параклетѣ; изображеніе Элоизы новѣйшаго происхожденія. Между величественными аллеями кипарисовъ и туй самаго красиваго кладбища Франціи возвышается готическій балдахинъ, покрывающій саркофагъ. Отъ обвивающаго его своею темною листвою плюща несчастные любовники отрываютъ блестящіе листья, которые, засыхая, принимаютъ сердцевидную форму, а гробница всегда покрыта цвѣтами, которые они кладутъ на нее. Благодаря „Новой Элоизѣ“ Руссо въ умахъ современныхъ французовъ оба супруга окружены сентиментальной дымкой. Но ихъ современники знали и восхваляли ихъ какъ сильныхъ духомъ людей.

¹⁾ О погребеніи Элоизы рассказываетъ *chron. Turonense: Eadem defuncta ad tumulum deportata, maritus ejus, qui multis diebus ante eam defunctus fuerat, elevatis brachiis illam recepit, et ita eam amplexatus, brachia sua strinxit Migne, 178, 179.*

²⁾ Cousin, I, 717.

Исторія всегда помѣститъ Петра Абеляра въ первомъ ряду мучениковъ за идею. Несомнѣнно, что онъ своимъ несчастіемъ искупааетъ также и собственную вину, и, что его образъ не лишень темныхъ сторонъ, этого никто конечно не станетъ отрицать. Онъ—мученикъ, но безъ ореола святости. Но, помимо всего прочаго, онъ все же обязанъ своимъ несчастіемъ тому, что твердо держался великаго принципа. Онъ призналъ право человѣческаго разума на пониманіе догмата, и такимъ образомъ его борьба съ представителями мистики была борьбой за право человѣческаго духа, за свободу и истину. Поэтому мы съ полнымъ основаніемъ считаемъ его среди патріарховъ просвѣщенія Запада. Онъ несомнѣнно былъ предтечей и передовымъ борцомъ просвѣщенія. Борьба эта была для него тѣмъ болѣе трудной, что онъ *былъ членомъ Церкви*, признавалъ ея правила и ограниченія и поэтому не могъ ни съ какой стороны развернуть своихъ силъ, пустить въ дѣло все свое оружіе и никогда не въ состояніи былъ высказать послѣднихъ выводовъ изъ своего принципа. Такимъ образомъ въ его науку и жизнь вкралась извѣстная доля двойственности и противорѣчія. Если бы онъ былъ исключительно только философомъ, онъ и относился бы прямо къ вещамъ, но онъ желалъ служить Церкви и вслѣдствіе этого потерпѣлъ крушеніе. Болѣзнь, которою онъ страдалъ, было научное богословіе или церковная наука, которая для науки была чрезчуръ несвободна, а для Церкви чрезчуръ вольнодумна. Всю свою жизнь онъ мучился надъ тѣмъ, чтобы согласовать свои интеллектуальныя стремленія съ догматами, но не помогали даже его лучшія намѣренія, потому что монашескій мистицизмъ и іерархическое властолюбіе вообще не желали терпѣть научнаго отношенія къ догматамъ. Абеляръ представляетъ, слѣдовательно, типъ своеобразнаго мученичества. Онъ стремился вручить Церкви оружіе науки, въ которомъ она не нуждалась и котораго не любила, потому что она лучше Абеляра предвидѣла, что наука сдѣлается не поддержкой, а гибелью ея вѣры. Поэтому за свои старанія и тяжелый трудъ онъ пожалъ лишь преслѣдованія и оскорбленія. Великій талантъ, развившійся въ ложномъ направленіи, прототипъ тѣхъ мучениковъ разума, которые терзаются всю жизнь, чтобы найти компромиссъ между требованіями своей разумной природы и интересами іерархіи, онъ не удовлетворяетъ въ концѣ концовъ ни тѣхъ, ни другихъ, а всего менѣе самого себя. Трудъ его вѣчно являлся постояннымъ колебаніемъ между требованіями Церкви и стремленіемъ къ ясности, бывшимъ сильнѣйшей потребностью его натуры. Нельзя сказать, чтобы онъ *выказывался* не вполне искренно, но съ своимъ сокровеннѣйшимъ „я“ онъ, во всякомъ случаѣ, вступилъ въ

противорѣчіе, принося на службу неизмѣнимымъ догматамъ свой подвижной умъ. То обстоятельство, что Абельяръ постоянно принужденъ былъ заставлять молчать свой разумъ, являлось тоже частью его мученичества. Такъ какъ онъ не желалъ порывать съ Церковью, то какъ разъ въ самыхъ рѣшительныхъ пунктахъ онъ не приходилъ къ послѣднимъ выводамъ, вытекающимъ изъ его принциповъ. Ясный взглядъ на человѣческія погрѣшности библейскаго Писанія, на противорѣчія во мнѣніяхъ отцовъ Церкви должны были бы привести къ отрицанію ихъ значенія, какъ послѣдней инстанціи, но онъ, однако, признаетъ за обоими этотъ характеръ. При его восхищеніи языческою литературою, онъ имѣлъ сильную склонность къ естественной религіи древнихъ философовъ, но взятый имъ на себя долгъ излагать христіанское богословіе помѣшалъ выработкѣ его философскаго міровоззрѣнія. Въ догматическихъ рамкахъ, съ которыми ему пришлось имѣть дѣло, онъ съ другой стороны не могъ развить своихъ принциповъ до ихъ истинныхъ выводовъ. Если грѣхъ основывается единственно только на сознательномъ рѣшеніи воли, то вообще не можетъ существовать первороднаго грѣха; если Существо Бога не измѣняемо въ смыслѣ Абельяра, то не можетъ быть вочеловѣченія въ смыслѣ церковномъ: если Богъ смотритъ лишь на намѣренія людей, то вообще не существуетъ внѣшняго посредничества для снисканія благодати. Что такой пронизательный умъ, какъ Абельяръ, могъ проглядѣть эти противорѣчія, это представляется совершенно неправдоподобнымъ. Но, несмотря на это, традиція его собственнаго воспитанія въ духѣ Церкви и всезахватывающая власть всего окружающаго, пропитаннаго духомъ католицизма, постоянно заставляютъ его искать посредствующихъ между ними звеньевъ, которыя не противорѣчили бы допускаемому Церковью. Къ тому же ему приходилось говорить въ своихъ лекціяхъ о всѣхъ этихъ вопросахъ ученикамъ монастырскихъ школъ, будущимъ священникамъ и монахамъ, и сознательно или безсознательно, но слушатели вліяютъ и на самого своеобразнаго учителя. Такимъ образомъ и его наука явилась не менѣе противорѣчивой, тѣмъ и его жизнь.

Но и сама эта внѣшняя жизнь находилась въ вѣчно непримиримомъ противорѣчіи съ настоятельнѣйшими потребностями его внутренняго я. Сначала онъ вынесъ общественное мученичество самаго печальнаго свойства, какъ только онъ облачился въ рясу. При его тонкихъ духовныхъ потребностяхъ, доказываемыхъ его выработаннымъ стилемъ, его письмами, его восхищеніемъ древними поэтами, всеобщю любовью, приѣмомъ, оказываемымъ ему вельможами Франціи, Шампани и Бретани, онъ оказался связаннымъ съ властолюбивой

кликлой монаховъ Сень-Дени, которые ни о чемъ не желали думать, кромѣ какъ объ усиленіи могущества своего аббатства, а затѣмъ съ шайкой въ Сень-Жильдѣ, которая вообще принадлежала къ подонкамъ человѣчества. Но, какъ скоро онъ удалялся въ уединеніе, за нимъ слѣдовали туда же и преслѣдованія и подглядыванія его противниковъ. За то презрѣніе, которымъ онъ дарилъ ихъ, они мстили обвиненіями его въ ереси и клеветой. Неясныя и половинчатыя отношенія такъ никогда и не прекращаются въ его жизни, потому что онъ никогда не рѣшался положить имъ конецъ. Хотя онъ и носится съ мыслью убѣжать къ сарацинамъ, но вмѣсто того, чтобы привести этотъ планъ въ исполненіе, онъ дѣлается аббатомъ Сень-Жильда. Онъ принимаетъ союзъ Арнольда Брешианскаго, но вмѣсто того, чтобы отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Римъ и усмирить кардиналовъ, онъ ищетъ въ Римѣ помощи и отрывается отъ принциповъ, за которые умеръ Арнольдъ. Арнольдъ Брешианскій окончилъ свою жизнь на висѣлицѣ, Абельяръ подъ располагавшими къ созерцанію сводами богатаго бенедиктинскаго монастыря, но все же философъ съ холма св. Жёневьевы былъ несравненно болѣе несчастнымъ, чѣмъ гонимый изъ страны въ страну борецъ за свободу изъ Брешии, „потому что“, какъ говоритъ ученикъ Абельяра Беренгаръ, „бываетъ менѣе страданій, если пасть волка выпьетъ нашу кровь, чѣмъ когда овцы медленно ищипываютъ насъ по частямъ“¹⁾. Несправедливо было бы требовать отъ ученаго, всю свою жизнь извивавшагося подъ гнетомъ такого рода условій, смѣлости ландскнехта или послѣдовательности государственнаго человѣка. Ошибки ученыхъ вообще свойственны были и величайшему ученому этого вѣка. Внутренняя гармонія не могла выиграть отъ контраста между такой массой любви и поклоненія и такимъ количествомъ ненависти и поношеній, которыя онъ испыталъ въ своей жизни. Весьма понятно и согласно съ природою человѣка, что существованіе, такъ изобиловавшее преслѣдованіями, истязаніями и угрозами, должно было повліять отрицательнымъ образомъ и на характеръ преслѣдуемаго. Пробѣлы его характера, противорѣчія въ его поведеніи, малодушіе и недостатокъ жизненной энергіи представляютъ тѣ раны и рубцы, которые преслѣдованія наложили на его душу. „Какой благородный умъ былъ тутъ разрушенъ“—вотъ впечатлѣніе, съ которымъ читатель выпускаетъ изъ рукъ письма Абельяра.

¹⁾ Abael. op., ed. Cousin, II, 786.

АРНОЛЬДЪ
БРЕШІАНСКІЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ своей знаменитой рѣчи объ Арнольдѣ изъ Брешии, прочитанной въ Мюнхенской академіи въ 1873 г., Вильгельмъ Гизебрехтъ сказалъ, что количество сочиненій объ этомъ борцѣ за свободу находится въ прямой противоположности со скудостью древнихъ достовѣрныхъ извѣстій, что почти каждый авторъ старается пополнить недостатокъ источниковъ произвольными дополненіями или неопредѣленными фразами. Тѣмъ неумолимѣе самъ онъ отбросилъ гипотезы о жизни Арнольда, которыя не опирались на четыре главные достовѣрные источника: Іоанна Салисберійскаго, Оттона Фрейзингскаго, анонимнаго поэта изъ Бергамо и на письма святого Бернара.

Хотя число источниковъ и не увеличилось, однако настоящее сочиненіе пытается дать болѣе подробное изложеніе борьбы Арнольда, чѣмъ это могло быть сдѣлано великимъ мюнхенскимъ ученымъ въ узкихъ рамкахъ академической рѣчи, притомъ въ связи съ исторіей эпохи германскихъ императоровъ. Это не значить, чтобы цѣлью нашего сочиненія было замѣнить отброшенныя Гизебрехтомъ гипотезы и вымыслы другими. Оно хотѣло бы только яснѣе изложить историческую подкладку этой замѣчательной жизни и выяснить такимъ образомъ значеніе брешианскаго пророка большому кругу читателей. Имя Арнольда стало лозунгомъ борьбы за свободу духа, особенно въ Италіи. Хотя образъ, который мы можемъ нарисовать, образъ блѣдный и неполный, все же это священный образъ, совершавшій чудеса еще въ новѣйшее время, и уже поэтому онъ долженъ быть общимъ достояніемъ всѣхъ. „Какъ бы ни были отрывочны наши свѣдѣнія объ Арнольдѣ, ихъ достаточно однако, чтобы указать его мѣсто въ исторіи“, говоритъ самъ Гизебрехтъ. Это мѣсто Арнольда въ исторіи желалъ бы я наглядно представить читателямъ, такъ какъ я того мнѣнія, что въ исторіи двѣнадцатаго вѣка найдется много поучительнаго для девятнадцатаго.

Гейдельбергъ, 22-го ноября 1891 г.

А. Гаусратъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Tanquam prophetam in terra sua
cum honore habebant.

Boso, vita Hadr. IV.

Какъ бурный потокъ пронесся по Италіи, около половины двѣнадцатаго вѣка, споръ объ инвеститурѣ. Когда онъ мало-по-малу затихъ, выяснились два его слѣдствія: съ одной стороны значительное усиленіе папской власти, съ другой такой же несомнѣнный упадокъ значенія епископовъ. Въ Верхней Италіи права императорской власти перешли нѣкогда къ епископамъ; вмѣстѣ съ крупнымъ дворянствомъ, капитанами, епископы стали даже дѣйствительными представителями государственной власти. Въ спорѣ же объ инвеститурѣ мелкое дворянство и городское сословіе, дѣйствуя за одно съ римскими легатами, сломило могущество епископовъ, бывшихъ сторонниками императора.

Народный союзъ Патаріи, неистово преслѣдовавшій женатыхъ священниковъ и епископовъ, получившихъ инвеститурѣ отъ императора, подавилъ протестъ противъ папскаго абсолютизма. Но свѣтскія права епископствъ, выдѣлившихся изъ состава феодальныхъ государствъ, не остались здѣсь, какъ въ Германіи, за реформированными епископами: добрая часть этихъ правъ перешла къ городскимъ властямъ, которыя величали себя гордыми именами „консуловъ и сенаторовъ“¹⁾. И вскорѣ къ своему ущербу церковь узнала, какъ ревниво охраняли эти городскіе правители свои новыя права. Хотя въ національной борьбѣ противъ императора они также продолжали держать сторону папы, однако ихъ церковный образъ мысли поколебался, гражданское же самосознаніе усилилось. Такъ что, поскольку папа взялъ верхъ надъ императоромъ и своими собственными епископами, постольку съ другой стороны онъ потерялъ среди мірянъ. Государя смирились, курія торжествуетъ, на-

1) Ср. Гегель, Geschichte der Städteverfassung von Italien II, 286.

роды же еще немного выросли и созрѣли,—такъ каждый церковный споръ ведетъ къ прогрессу.

Впрочемъ, споръ объ инвеститурѣ отнюдь не былъ непрерывнымъ рядомъ триумфовъ папы. Въ 1111 году, напротивъ, противники куріи взяли такой перевѣсъ, что на соборѣ въ Сутри Пасхалій II изъявилъ готовность вернуть всѣ свѣтскіе лены, если императоръ Генрихъ V за это всецѣло предоставитъ церкви назначеніе епископовъ. Но епископы были возмущены тѣмъ, что папа готовъ пожертвовать ихъ ленами въ то время, какъ мудро удерживаетъ за собою свой, т. е. Церковную область.

Договоръ въ Сутри произвелъ огромное впечатлѣніе, хотя и не имѣлъ практическихъ результатовъ, такъ какъ папа объявилъ, что настоящее каноническое состояніе церкви, это—отреченіе отъ всякаго свѣтскаго господства и жизнь въ апостольской бѣдности.

Тѣмъ сильнѣе стали тогда домогаться магистраты епископскихъ городовъ и ленники епископствъ взять отъ церкви эти тягостныя регалии. А италіанскіе законовѣды на основаніи вновь извлеченныхъ источниковъ римскаго права доказывали, что ни при Константіѣ, ни при Юстиніанѣ не пользовались епископы свѣтскою властью, и сказка о дарованіи Константиномъ Церковной области открыто осмѣивалась въ самомъ Римѣ ¹⁾).

Нарождалось и болѣе глубокое религиозное направленіе; то отреченіе, которое было вырвано въ трудную минуту у Пасхалія II, оно объявило истинно евангельскимъ и апостольскимъ состояніемъ церкви.

На каменистыхъ дорогахъ Палестины, гдѣ ходилъ Иисусъ и его апостолы, многимъ крестоносцамъ приходила въ голову мысль, какъ мало теперешнее духовенство, изнѣженное и живущее въ роскоши, походило на Иисуса и Петра, преемниками которыхъ оно называло себя. Болѣе вдумчивымъ умамъ именно бѣдная церковь представлялась истинною, угодною Спасителю, и эти фанатики аскетической идеи тѣмъ опаснѣе были для обмирщившагося клира, что они въ сущности лишь повторяли то, что еще недавно въ борьбѣ съ епископами, приверженными императору, проповѣдывали католическому народу римскіе легаты ²⁾).

Изъ трехъ источниковъ, слѣдовательно, исходили идеи новой церковной оппозиціи. Споръ объ инвеститурѣ заставилъ мыслящихъ людей точнѣе раз-

¹⁾ Wibaldi epistolae 404. Jaffé Biblioth. rer. Germ. I, Mon. Corbeiensia стр. 542.

²⁾ Jaffé, Monum. Gregor. стр. 523.

граничить церковное и свѣтское; изученіе римскаго права вновь вызвало къ жизни идею государственности въ противовѣсъ теократіи; крестовые походы напомнили о бѣдной жизни апостоловъ, не имѣвшей ничего общаго съ жизнью намѣстника Петра.

Всѣ реформаторы этой эпохи, хотя они и создаютъ только монашескіе ордена или новыя секты, такъ или иначе примыкаютъ къ этому міросозерцанію, которое во всѣхъ своихъ формахъ, юридически или религіозно формулированное, отрицало утвержденіе григоріанцевъ, что Христосъ хотѣлъ основать земное царство, царь котораго папа.

Но и въ чисто церковномъ отношеніи Григорій также не достигъ того, къ чему стремился. Онъ думалъ поднять нравственный уровень духовенства путемъ запрещенія священникамъ вступать въ бракъ и путемъ освобожденія духовныхъ лицъ отъ ленной зависимости отъ государства; но изъ его попытки вышло совершенно обратное.

Продолжительная междоусобная война, которую вызвали григоріанцы, содѣйствовала только огрубѣнію нравовъ; не замѣтно было, чтобы усилилась святость духовенства, хотя при избраніи прелатовъ папа теперь имѣлъ рѣшающее вліяніе.

Міряне же теперь не такъ простодушно относились къ нравственнымъ недостаткамъ духовенства, послѣ того какъ римскіе агитаторы сами открыли имъ глаза на недостойность ихъ священнослужителей. Въ этой борьбѣ, которая велась и словомъ и перомъ, выработалась новая сила, нравственная сила просвѣщеннаго общественнаго мнѣнія. А тѣмъ, что критика этого общественнаго мнѣнія обратилась преимущественно противъ недостатковъ церкви, духовенство было обазано именно той травлѣ, какую Гильдебрандъ и Даміани вызвали противъ женатыхъ священниковъ и епископовъ симонистовъ.

Градъ ѣдкихъ насмѣшекъ посыпался тогда на несчастныхъ священнослужителей, которые не хотѣли разстаться со своими ленными господами и со своими супругами. Только то духовенство, утверждали римскіе агитаторы, которое ведетъ дѣйствительно апостольскую жизнь, можетъ совершать истинныя и имѣющія силу таинства.

Рука, потрясающая мечомъ княжескимъ, не должна браться за чашу Господню, тотъ, кто обнимаетъ тѣло супруги, не долженъ прикасаться къ тѣлу Христову въ причастіи. Ни передъ какимъ поношеніемъ, какъ бы оно ни было грубо, не отступали вожаки Патаріи, чтобы охарактеризовать не дѣйствительность и нечестіе подобныхъ таинствъ.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что вмѣстѣ съ служителями церкви и къ церковнымъ обрядамъ и къ самой церкви стали относиться съ все возрастающимъ неуваженіемъ; и именно тамъ, гдѣ споръ объ инвеститурѣ былъ особенно силенъ, тамъ теперь возвышалась свой голосъ сильнѣйшая оппозиція противъ духовенства. Нерѣдко подобныя насильственные перевороты оставляютъ въ наслѣдіе слѣдующему поколѣнію положеніе полное противорѣчій. Таково же несомнѣнно было въ то время положеніе городовъ Верхней Италіи.

Строго церковное движеніе побѣдило, а новые прелаты — все такіе же слабые люди, какъ и предшественники ихъ. Свободное городское сословіе вступило въ союзъ съ папою противъ императора и презираетъ однако этого папу и еще болѣе его епископовъ. Люди сражались подъ знаменемъ чисто аскетической церковной реформаціи, но не теократическая община Гильдебранда была результатомъ этой борьбы, а республиканская — народа, сената и консуловъ; государственный строй складывается не по ветхозавѣтному, а по античному образцу. И это міросозерцаніе, полное противорѣчій, нашло также своего учителя, который проводилъ его въ жизнь, борца, полу-монаха, полу-народнаго трибуна, реформатора, проникнутаго строго аскетическимъ духомъ и гражданскимъ стремленіемъ къ свободѣ, знатока Писанія и увлекающагося древними, воодушевленнаго, неяснаго, полнаго идей будущаго, совершенно какъ сама та партія, жаждущая свободы италіанскихъ городовъ, изъ которой онъ вышелъ. То, что смутно шевелилось въ тысячѣ головъ, въ его груди созрѣло и выработалось въ политическій образъ; то, что другимъ представлялось какъ въ туманѣ, онъ выразилъ во многихъ краснорѣчивыхъ словахъ, и потому уже сами современники называли Арнольда изъ Брешии своимъ пророкомъ.

Въ немъ идеалъ монаха среднихъ вѣковъ слился съ античными воспоминаніями и юридическими доктринами. Онъ выступилъ какъ реформаторъ, побуждаемый христіанскимъ аскетизмомъ, древней свободой и нараждающимся гражданскимъ чувствомъ; онъ былъ далекъ отъ обычныхъ побужденій, и именно потому онъ остался однимъ изъ тѣхъ образовъ, которыми воодушевляются самыя различныя эпохи, и на который и теперь еще мы можемъ взирать съ полнымъ уваженіемъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

БРЕШІЯ.

1100—1139 гг.

*Brixia quem genuit, coluit nimiumque secuta est.
Vir nimis austerus dureque per omnia vite,
In victu modicus, sed verbi prodigus, et qui
Ultra oportunum saperet; facundus et audax
Confidensque sui, vir multe litterature.*

Поэтъ изъ Бергамо.

Gesta di Federico 760—64.

Расположенная на предгорья Альпъ, тянущемся между долинами Кіезы и Меллы, увѣнчанная крѣпостью, защищающей слабую сторону города, Брешия славилась своимъ удобнымъ мѣстоположеніемъ, своимъ богатствомъ и своимъ славнымъ прошлымъ.

Brixia, Veronae mater amata meae, пѣлъ уже Катуллъ. Такъ какъ Брешия лежала на большой дорогѣ, соединяющей Комо съ Аквилеей, то послѣ Милана и Вероны она была однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Верхней Италіи. Когда Арнольдъ, молодой проповѣдникъ, состоялъ на церковной службѣ, тогда уже старый соборъ ломбардскихъ королей былъ достойнымъ памятникомъ прошлыхъ вѣковъ, и памятники старины, которыми мы любуемся теперь, въ его время должны были быть значительно обширнѣе. Возможно, что они первые вдохнули въ него то восхищеніе передъ величіемъ древняго римскаго міра, которымъ были проникнуты его рѣчи, и которое осмѣивалось монахами ¹⁾).

Въ смутахъ, возникшихъ по поводу спора объ инвеститурѣ, Брешия раздѣлила участь Милана. Когда епископъ Адельманъ вернулся съ римскаго собора 1059 г. и объявилъ своему духовенству строгія постановленія папы

1) Otto Frising. Mon. Germ. XX, 404.

Николая III относительно симоніи и священническихъ браковъ, духовенство его бросилось на него въ церкви, и епископъ едва не палъ подъ ударами своего собственнаго причта. Но результатомъ этого было лишь то, что негодование народное обратилось противъ этого недостойнаго клира, и Брешиа стала главною квартирою Патаріи ¹⁾. Составился союзъ, прервавшій всякое общеніе съ женатыми священниками и ихъ сторонниками и распространившійся изъ Брешии на другіе ломбардскіе города. Съ этого времени всѣ раздоры, вызванныя споромъ объ инвеституру, пришлось пережить городу, преданному во власть Патаріи. Борьба властей закончилась наконецъ компромиссомъ: управленіе городомъ должно было вестись совмѣстно епископомъ и консулами; такъ, по крайней мѣрѣ, заключаемъ мы изъ одной грамоты 1127 года, когда въ первый разъ консулы и епископъ вмѣстѣ подписали одинъ государственный актъ ²⁾.

Но въ это же самое время начались новыя смуты, вызванныя тѣмъ, что съ 1127 г. появилось двѣ нѣмецкихъ короля, а съ 1130 г. два римскихъ папы. Когда Конрадъ III вступалъ въ Италію, Брешиа принадлежала къ тѣмъ городамъ, которые заперли передъ нимъ свои ворота. И въ то время, какъ Гогенштауфенъ блистательно и торжественно короновался въ Миланѣ, Брешиа стояла за Лотаря III, которому оказала значительныя услуги во время его перваго римскаго похода 1132 г.

Осенью 1132 г. Иннокентій II, которому особенно былъ на руку походъ Лотаря на Римъ, оставался довольно долго въ Брешии. При этомъ произошелъ политическій переворотъ, вызвавшій немалыя волненія ³⁾. Иннокентій II низложилъ Виллана, бывшаго безъ сомнѣнія приверженцемъ Анаклета, и въ лицѣ епископа Манфреда далъ городу преданнаго себѣ и въ высшей степени энергичнаго пастыря. Возгорѣлась вражда между консулами и новымъ епископомъ, и тутъ въ первый разъ выступаетъ Арнольдъ какъ вождь партіи.

Замѣчательно, что лѣтописи родного города не упоминаютъ объ Арнольдѣ ⁴⁾, не называютъ его также ни одинъ другой брешианскій источникъ. Однако священникъ, подвергшійся гоненію шести папъ, возстановившій противъ себя епископовъ трехъ королевствъ, нажившій себѣ, въ лицѣ свя-

¹⁾ Bonitho, *Jaffé Monum. Greg.* стр. 644.

²⁾ *Storie Bresciane da Federico Odorici V*, 92.

³⁾ *Odorici, Storie Bresciane IV*, 245.

⁴⁾ *Annales Brixienses, Mon. Germ. XVIII*, стр. 812 и сл.

того Бернара Клервосского, смертельнаго врага, долженъ былъ быть виднымъ лицомъ.

Болѣе многочисленны зато показанія иностранцевъ, но, къ сожалѣнiю, и тутъ дошли до насъ почти только голоса его противниковъ. Англичанину Вальтеру Мапу обязаны мы замѣчанiемъ, что Арнольдъ происходилъ изъ знатнаго и благороднаго рода ¹⁾; тѣмъ легче объясняется тогда его быстрое назначенiе аббатомъ канониковъ св. Августина въ его родномъ городѣ.

По посвященiи въ проповѣдники Арнольдъ отправился во Францiю послушать Абеяра ²⁾. Даетъ намъ указанiе на это, хронологически весьма вѣроятное, событiе перелазатель въ стихи Оттона Фрейзингскаго ³⁾, замѣчанiемъ своимъ, что Арнольдъ былъ ученикомъ Абеяра въ аскетической періодъ жизни послѣдняго. Для Абеяра тогда, такъ строго наказаннаго, романъ съ прекрасной Элоизой былъ далекимъ прошлымъ, въ прошломъ лежало и осужденiе его ученiя Соассонскимъ соборомъ 1121 г. и его безотрадная монастырская жизнь у монаховъ Сень-Дени.

О возобновленiи своей учительской дѣятельности въ Парижѣ человѣку, только что освободившемуся отъ заточенiя въ монастырѣ, нечего было и думать. И потому, гонимый и удрученный горемъ, онъ искалъ тихой отшельнической жизни. Онъ вспомнилъ изъ своихъ прежнихъ странствованiй по Шампани о тихой долину въ лѣсу у Nogent sur Seine. Тамъ, съ дозволенiя дружелюбныхъ сосѣдей и расположеннаго къ нему епископа города Троя, онъ выстроилъ себѣ келью и молельню, ее онъ посвятилъ Святой

1) Мапъ или Мапесъ жилъ при дворѣ Генриха II съ 1154 по 1189 г. и, подобно Иоанну Салисберійскому, стоялъ близко къ архіепископу Томѣ Бекету. Еще въ 1196 г. онъ упоминается въ санѣ перваго декана въ Оксфордѣ; свою книгу *de pugis curialium*, составившуюся изъ исторiй, воспоминанiй жизни, анекдотовъ и размышленiй, онъ набросалъ въ различные времена своей жизни. Въ своихъ свѣдѣнiяхъ объ Арнольдѣ онъ основывается на одномъ прямомъ извѣстiи *a viro temporis illius Roberto de Burnham*, послѣднiй былъ архидиакономъ въ Букингамѣ въ 1188 г.

2) По разсказу Оттона Фрейзингскаго. *Gesta Frid.* 2, 20. *Mon. Germ.* XX, 403.

3) *Guntheri Ligurinus* 3, 264: *tenui nutrit Gallia sumtu edocuitque diu*. Лигуринъ долгое время считался поддѣлкою перваго издателя, Конрада Цельтиса. Теперь же всѣми принято, что стихотворецъ, впрочемъ заимствующій почти весь свой матеріалъ у Оттона Фрейзингскаго, жилъ уже въ концѣ 12-го столѣтiя. Ср. *Panneborg* въ *Forschungen zur deutschen Geschichte* II, 283. и сл. *Wattenbach, Histor. Zeitschr.* XXVI, 306.

Троицѣ, за еретическое обоснованіе догмата которой укоряли его противники.

„Смотри, далеко бѣжалъ я“, рассказываетъ онъ намъ самъ, „и остался въ пустынь“, такъ говорить онъ словами псалмопѣвца ¹⁾).

Чтобы добывать себѣ средства къ жизни, онъ однако опять принялся за преподаваніе. „Копать я не могъ, просить подаванія стыдился, а потому принялся за искусство, которое я знаю, мое спасеніе, работать не руками, а языкомъ“.

Но, едва только услышала учащаяся молодежь, что знаменитый мастеръ въ діалектикѣ, которому зажали было ротъ невѣжественные епископы, осмѣлился на новый шагъ, какъ со всѣхъ сторонъ стеклись къ нему жаждущіе знанія ученики. Они покинули города и замки, чтобы поселиться въ пустынь, вмѣсто роскошныхъ домовъ они выстроили себѣ маленькія хижинки, вмѣсто превосходныхъ кушаній питались одними овощами да сухимъ хлѣбомъ, сѣно и солома замѣнили имъ постели, а голая земля служила столомъ.

Такъ изъ поселеній его учениковъ возникла новая египетская лавра, ея церковь аббатъ посвятилъ „Параклету“, Утѣшителю.

Этотъ романтическій эпизодъ тянулся до 1125 г., и о немъ думаетъ поэтъ Лигуринъ, когда воспѣваетъ ученическую поѣздку Арнольда къ Абеляру: „Долго поучала его и скудную пищу питала его Галлія“.

Дѣйствительно, такъ какъ молодой проповѣдникъ родился въ концѣ столѣтія, то весьма вѣроятно, что его ученическіе годы совпали съ этимъ періодомъ учительской дѣятельности Абеляра, заканчивающейся 1125 г. ²⁾). Дальше и не могъ Арнольдъ оставаться во Франціи, хотя мы не имѣемъ возможности опредѣлить времени его возвращенія на родину, такъ какъ наши свѣдѣнія о немъ начинаются только со времени схизмы Анаклета.

Въ то время въ Римѣ оба могущественныхъ рода, Франджипани и Пьерлеоне, домогались обладанія властью. Въ 1130 г., когда папа Гонорій, креатура Франджипани, былъ уже при смерти, канцлеръ римской церкви, Гаймерихъ, перевезъ умирающаго папу въ монастырь св. Григорія и Андрея, находившійся рядомъ съ владѣніями Франджипани; и тамъ, въ виду замка

1) *Histor. calamit. ed. Cousin. I, 25. Псал. 54. 8.*

2) Боне-Мори въ своей *Leçon d'ouverture*. Парижъ. Фишбахеръ, 1881 г. предполагаетъ, что *clericus noster*, о которомъ говоритъ Абеляръ, *historia calamit. cap. 10*, былъ Арнольдъ; однако это такъ же мало можетъ быть доказано, какъ и точныя даты исторіи молодости Арнольда, излюбленные Боне-Мори и другими французскими историками.

Франджипани, прежде чѣмъ папа успѣлъ испустить духъ, произошли первыя совѣщанія о преемникѣ ему. Но противники Франджипани вспомнили, что выборъ папы до погребенія предшественника его незаконенъ, и перенесли свои собранія въ церковь святого Марка, лежащую недалеко отъ замковъ Пьерлеоне. Когда Гонорій II умеръ, канцлеръ воспретилъ противникамъ, составлявшимъ большинство, доступъ въ домъ, гдѣ лежалъ покойный; и такъ какъ было рѣшено не предпринимать никакого выбора до погребенія умершаго папы, то онъ скрылъ смерть послѣдняго и ночью, чтобы соблюсти букву договора, устроилъ временныя похороны; не начинало еще разсвѣтать, какъ въ церкви Андреевскаго монастыря онъ объявилъ объ избраніи папою кандидата Франджипани, принявшаго имя Иннокентія II.

Тогда Франджипани стали подъ оружіе. Гробъ Гонорія опять былъ вынутъ изъ могилы, и мертвый и живущій папа вмѣстѣ вѣхали въ Латеранъ; и въ то время, какъ Гонорія погребали въ склепѣ латеранской церкви, Иннокентій II возлагалъ на себя тіару и другіе знаки папскаго достоинства.

Разумѣется, большинство не пожелало согласиться на такой выборъ меньшинства. Кандидатомъ противной партіи былъ одинъ изъ Пьерлеоне, кардиналъ Петръ, пресвитеръ церкви св. Каликста. Онъ былъ избранъ своею партіею единодушно и при соблюденіи всѣхъ формальностей и принялъ имя Анаклета II, а такъ какъ онъ былъ братомъ могущественнаго консула Лео и любимца народнаго Джордано Пьерлеоне, то и знать римская и народъ признали его намѣстникомъ св. Петра.

15-го февраля 1130 г. Пьерлеоне заняли силою оружія базилику святого Петра, на слѣдующій день они взяли Латеранъ, Иннокентій же II бѣжалъ въ монастырь, находившійся подъ защитою замковъ Франджипани. При такихъ мало назидательныхъ обстоятельствахъ произошло посвященіе въ отцы христіанства Анаклета въ храмѣ св. Петра и Иннокентія въ *María nova*.

Лотарю Иннокентій послалъ ложное извѣщеніе, будто Римъ въ его власти, и всѣ латинскія и восточныя епископства у его ногъ, тогда какъ Пьерлеоне принужденъ укрываться въ берлогѣ своей фамиліи. На самомъ же дѣлѣ авторъ этого письма вскорѣ самъ укрылся въ Трастевеѣ, постоянномъ мѣстопребываніи его фамиліи Папарески; къ началу лѣта и тамъ стало небезопасно, и онъ долженъ былъ бѣжать изъ Рима тайно въ лодкѣ по Тибру.

Прежде всего онъ отправился въ Пизу, а оттуда, чтобы лично хлопотать о признаніи себя папою, во Францію и Германію.

Если былъ когда сынъ Адама, который почиталъ хищеніемъ быть равнымъ Богу, такъ это—онъ, и для него запретнымъ плодомъ было его папство. Несмотря на это однако святые люди французскаго королевства одинъ за другимъ приняли сторону такъ скандально избраннаго папы. Петръ Venegalibus въ Клуни, Бернаръ, аббатъ въ Клерво, Норберъ въ Премонтре, въ то время архіепископъ магдебургскій, были на сторонѣ Иннокентія II, а такъ какъ въ ихъ лицѣ присягнули Иннокентію всѣ монахи Клуни, цистерціанцы и премонстраты, то его побѣда внѣ Италіи уже была рѣшена.

Какъ же объясняется теперь то замѣчательное обстоятельство, что большіе ордена высказались за такое явно противузаконное избраніе? Разгадка, по всей вѣроятности, лежитъ въ томъ, что папа противной партіи по своему происхожденію былъ евреемъ. Быть можетъ, впервые его дѣдъ Пьерлеоне, а самое раннее, его прадѣдъ былъ крещенъ Львомъ IX ¹⁾. На это намекаютъ всѣ полемическія произведенія противниковъ: семья изъ гетто, поднявшаяся благодаря ростовщичеству, купившая уже своимъ еврейскимъ золотомъ благородныхъ невѣстокъ, старинные рыцарскіе замки и красную кардинальскую шапку, не должна была пріобрѣсти еще и папской короны.

Понятно, при такомъ положеніи дѣла между обоими воинствующими лагерями началось соревнованіе въ клеветѣ, и пальма первенства должна быть отдана памфлетистамъ Манфреду изъ Мантуи и Арнульфъ изъ Зееца ²⁾,

1) Chron. Mauriniac. (Duchesne IV, 376). Fuit hic Petrus, Petri filius filii Leonis. Leo vero a judaismo Pascha faciens ad Christum a Leone baptizari et ejus nomine meruit insigniri. Arnulf. Invect. c. 3. Mon. Germ. XII, 711. Cuius avus, cum inestimabilem pecuniam multiplici corrogasset usura, susceptam circumcisionem baptismatis unda dampnavit. Вопреки мнѣнію Грегоровіуса и Гизебрехта, что уже прадѣдъ Анаклета былъ крещенъ, см. Бернгарди, Lothar, 287. Типъ семьи все еще былъ поразительно еврейскимъ. Объ одномъ молодомъ Пьерлеоне, который до 1119 г. былъ заложникомъ въ Кельнѣ, говорится: *digito monstravit nigrum et pallidum adolescentem magis Judaeo vel Agareno quam Christiano similem, vestibus quidem optimis indutum, sed corpore deformem. Quem Franci alique plures papae assistentem intuentes deriserunt eique dedecus perniciemque citam imprecati sunt, propter odium patris sui, quem nequissimum foeneratorem noverunt.* Orderic. Vital. XII, 10. Также Arnulfi invectiva привед. мѣсто: Petrus, qui et Judaicam facie repraesentat imaginem.

2) Письмо Манфреда изъ Мантуи къ Лотарю у Neugart, Cod. diplom. Allem. II, 63. Арнульфъ изъ Зееца Mon. Germ. XII, 707 и сл.

сражавшимся на сторонѣ святыхъ людей Клуни, Клерво и Премонте. Человѣкъ, который, пока не сталъ ихъ антипапою, считался столпомъ коллегіи кардиналовъ, и на котораго церковь возлагались высшія посольскія порученія, теперь рисуется приверженцами партіи Иннокентія II какъ самый злостный симоністъ и николаитъ; его обвиняють въ скотской жизни (*ad instar canis*), что не мѣшало однако римской церкви до сихъ поръ поручать ему самыя важныя и почетныя миссіи ¹⁾). Самъ Иннокентій въ своемъ доведеніи Лотарю еще очень снисходительно называетъ Анаклета грабителемъ и убійцею. Впрочемъ, Анаклетъ также является достойнымъ представителемъ римской куріи, призванной особенно пещись о спасеніи міра, когда въ одномъ письмѣ въ Клуни ²⁾ онъ называетъ главу противной партіи, канцлера римской церкви, работъ алчности, товарищемъ скомороховъ, грабителемъ церквей, угнетателемъ вѣрующихъ, рисуетъ его новымъ Пезіемъ и, развертывая ужаснѣйшія біографіи остальныхъ кардиналовъ, жалуется самъ, что его противники лають на него, „подобно безстыднымъ собакамъ“.

Эти взаимныя объясненія римскихъ прелатовъ не поколебали нѣмецкихъ государей въ ихъ убѣжденіи, что нѣтъ спасенія внѣ Рима; но въ Италіи гнусныя упреки, которыми осыпали другъ друга кардиналы, вовсе не произвели такого впечатлѣнія, что каждый, подвергшійся отлученію отъ римской церкви, осужденъ на вѣчную погибель.

Кто изъ двухъ антипапъ лично былъ менѣе достойный, трудно распознать сквозь ту массу грязи, которой они закидали другъ друга. Анаклетъ II сильно заподозрѣвается въ алчности, а Иннокентій II въ мстительности и любви къ роскоши; но въ умственномъ отношеніи еврей Анаклетъ несомнѣнно стоялъ выше.

Вслѣдствіе того, что большіе ордена не колеблясь приняли сторону Иннокентія II, и вслѣдствіе нерасположенія церкви къ папѣ еврейскаго происхожденія Иннокентій II внѣ Италіи былъ повсемѣстно признанъ. Римомъ же съ его святынями владѣлъ Анаклетъ, благодаря золоту и замкамъ своей семьи. Нижнюю Италію онъ также привлекъ къ себѣ, такъ какъ утвердилъ власть храбраго норманна Рожера надъ Апуліей и Сициліей и даровалъ ему королевскій титулъ. Съ этого времени папство Анаклета за-

¹⁾ Мало назидательные акты этихъ пререканій подробно сообщены Бергарди, *Lothar*, гл. 2 стр. 282 и сл.

²⁾ Jaffé, *Regesta Pontif.* 1 мая 1130 г.

щищалось сарацинами Рожера, и это еще больше убедило монашество французское, что в лицѣ его явился антихристъ. Несмотря на это, положеніе Анаклета въ Римѣ было однако настолько прочно, что даже римскій походъ Лотаря III въ 1132 г. не могъ поколебать его. Когда саксонецъ появился въ Италіи, Брешія твердо стала на сторону Лотаря, и Иннокентій II также провелъ въ этомъ году довольно долгое время въ стѣнахъ Брешіи. Вполнѣ обезпечивъ во время поѣздки своей по Франціи и Германіи признаніе себя папою, Иннокентій II принялся теперь очищать италіанскіе епископства отъ приверженцевъ Анаклета, въ чемъ ему очень помогло присутствіе Лотаря. Въ Брешіи онъ удалил Виллана и поставилъ на его мѣсто Манфреда ¹⁾. Но новый епископъ вступилъ въ пререканія съ Арнольдомъ, въ то время пріоромъ канониковъ, и встрѣтилъ въ немъ противника, который сумѣлъ сдѣлать положеніе его чрезвычайно затруднительнымъ, почти невозможнымъ.

Вернувшись отъ Абеяра изъ Франціи въ Италію, какъ разсказываетъ намъ Оттонъ Фрейзингскій ²⁾, Арнольдъ, бывшій раньше проповѣдникомъ церкви Брешіанской, надѣлъ священническую одежду. Іоаннъ Салисберійскій, имѣвшій случай ближе всего наблюдать дѣятельность Арнольда въ Парижѣ и Римѣ ³⁾, говоритъ точнѣе, что Арнольдъ былъ по сану священникъ, а по по-

¹⁾ Ann. Brix. 1132 года: Innocentius papa Brixiam venit et eiecit Villanum de episcopatu. Mon. Germ. XVIII, 812.

²⁾ Оттонъ Фрейзингскій былъ несправедливъ къ Арнольду, потому что, какъ цистерціанецъ, онъ смотритъ на него глазами Бернара, а какъ дядя Барбароссы, онъ желалъ бы скрасить поступокъ Фридриха съ Арнольдомъ. Онъ говоритъ объ Арнольдѣ въ своей книгѣ de gestis Fridericī, которая доведена до 1156 г., и во время написанія которой онъ умеръ.

³⁾ Іоаннъ Салисберійскій, составившій *historia pontificalis*, самый важный свидѣтель для насъ при описаніи жизни Арнольда. См. о немъ C. Schaarschmidt, Johannes Saresberiensis, Лейпцигъ 1862 г. Онъ родился въ южной Англійи и въ 1136 г., и переселился въ Парижъ, *Metalogicus* II, 10, гдѣ на холмѣ св. Женевьевы былъ ученикомъ Абеяра. Въ то время, когда Арнольдъ тамъ училъ, послѣ 1141 г., Іоаннъ Салисберійскій также находился тамъ, потому что послѣ долголѣтняго ученія и странствованій онъ опять вернулся къ товарищамъ на холмѣ св. Женевьевы.

Но особенно важенъ онъ для насъ какъ свидѣтель римской дѣятельности Арнольда, потому что онъ очень близко стоялъ къ своему англійскому земляку Брекспиру, папѣ Адріану IV, палачу Арнольда. См. именно, что говоритъ Іоаннъ Салисберійскій, *Metalog.* I, 14 с. 42, ed. Giles p. 205, о смерти Адріана: „оплакиваемый всѣми хорошими людьми взятъ онъ изъ міра, но никто такъ не оплакиваетъ его, какъ

ложенію *canonicus regularis*. Какъ извѣстно, званіе каноника означаетъ духовное лицо, которое внесено въ канонъ, т. е. матрикулъ, какойнибудь церкви, въ противоположность капеллану, отправляющему богослуженія только въ капеллахъ или филиальныхъ церквахъ. Повидимому, этому показанію Іоанна Салисберійскаго, что Арнольдъ былъ дѣйствительно священникомъ въ Брешии, противорѣчатъ то, что тотъ же самый писатель называетъ Арнольда аббатомъ подъ Брешией; но подъ этимъ подразумѣвается только, что Арнольдъ стоялъ во главѣ регулированныхъ канониковъ, которые жили въ обществѣ въ особомъ зданіи подъ Брешией на монашеской ладъ, на основаніи такъ называемаго августинскаго устава; точно то же мы видимъ въ Цюрихѣ, гдѣ каноники св. Августина жили всѣ вмѣстѣ въ монастырѣ св. Мартина на Цюрихской горѣ. Такимъ образомъ Арнольдъ не былъ монахомъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, вотъ почему также никто изъ противниковъ его и не укоряетъ его въ нарушеніи монашескаго обѣта. Выраженіе аббата скорѣе означаетъ въ этомъ случаѣ лишь положеніе Арнольда во главѣ регулированныхъ канониковъ. Арнольдъ былъ то, что въ Германіи называютъ простомъ. И въ этомъ отношеніи опять-таки онъ близко стоитъ къ-столь родственному ему, Герцо Рейхерсбергскому, съ которымъ у него такъ много общихъ преобразовательныхъ идей.

я. Ибо, хотя онъ и имѣлъ мать и брата по плоти, онъ любилъ меня больше, былъ со мною ближе, чѣмъ съ ними. И публично, и наединѣ выказывалъ онъ, что онъ любилъ меня больше другихъ смертныхъ. Онъ составилъ обо мнѣ такое мнѣніе, что любилъ облегчать передо мною свою совѣсть, какъ только представлялся къ тому случай. И хотя онъ былъ римскимъ первосвященникомъ, онъ любилъ однако приглашать меня къ своему столу и пилъ со мною изъ одного кубка и ѣлъ съ одного блюда и настаивалъ на своемъ, несмотря на мое сопротивленіе. Онъ согласился на мои просьбы и даровалъ свѣтлѣйшему королю англійскому Генриху II Ирландію въ наслѣдственное владѣніе, о чемъ свидѣтельствуешь грамота его до сего дня. Ибо по древнему праву, по дарственной записи Константина, всѣ острова принадлежатъ римской куріи.

„Также черезъ меня послалъ онъ ему золотое кольцо, украшенное превосходнымъ изумрудомъ, что означало инвеституру на право управленія Ирландіей, и теперь это кольцо по повелѣнію короля сохраняется и до сего дня въ королевскомъ государственномъ архивѣ“. Свою *historia pontificalis* Іоаннъ Салисберійскій составилъ, по мнѣнію Паули, около 1164 г. см. *Zeitschrift für Kirchenrecht* XVI, 265 и сл. Онъ умеръ, будучи епископомъ шартрскимъ; эту должность онъ занималъ съ 1176 г. до самой смерти, послѣдовавшей въ 1180 г. или нѣсколькими годами позже

Въ отвѣтъ на вопросъ, какъ Арнольдъ такъ скоро достигъ столь высокаго положенія, можно указать на его благородное происхожденіе или на его тѣсный союзъ съ городскими консулами, но прежде всего, разумѣется, онъ обязанъ имъ своимъ выдающимся способностямъ.

Независимые свидѣтели, какъ Іоаннъ Салисберійскій, Вальтеръ Манъ и одинъ современный поэтъ изъ Бергамо, хвалятъ богатія познанія Арнольда въ литературѣ и неутомимое изученіе имъ священнаго Писанія ¹⁾.

Ораторъ полный южной страсти, онъ обладалъ вѣрою въ себя, которая внушаетъ довѣріе другимъ; ²⁾ въ необычайной степени онъ умѣлъ привлекать къ своей личности и своему дѣлу какъ вліятельныхъ людей, такъ и толпу. „Всѣми любимый, всѣмъ внушавшій преклоненіе“, такъ говоритъ о немъ Вальтеръ Манъ. И этотъ свой даръ очаровывать людей онъ проявилъ не только въ Брешии, но и въ Парижѣ, и въ Цюрихѣ, и въ Римѣ, и даже, послѣ своего полнаго пораженія, въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ въ долинѣ Орчин у Висконти, которые почитали спасавагося бѣгствомъ еретика какъ пророка.

Но знанія писанія, краснорѣчія, дара покорять массы и управлять ими въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, однако, было еще недостаточно, чтобы пріоръ канониковъ могъ пріобрѣсти такую громкую извѣстность. Восхищеніе могуществен-

¹⁾ Іоаннъ Салисберійскій говоритъ, *historia pontificalis* c. 31, *Mon. Germ.* XX, 537: *Ingenio perspicax, pervicax in studio scripturarum, facundus eloquio.*

Вальтеръ Манъ, *Ed. Wright*, стр. 43, называетъ Арнольда *secundum literas maximus, secundum religionem primus*. Поэтъ изъ Бергамо, *Gesta di Federico*, ed. *Monaci*, думаетъ, ст. 765, онъ былъ *vir multe litterature*, а въ ст. 850 онъ обращается къ повѣщенному съ восклицаніемъ: „*Docte quid Arnalde profecit litteratura tanta tibi?*“ Оттонъ же Фрейзингскій и переложитель его въ стихи даже не воздають и этой хвалы врагу епископовъ и монаховъ. *Vir quidem naturae non hebetis, plus tamen illorum verborum profluvio quam sententiarum pondere copiosus*, это еще самое мягкое, что позволяетъ ему сказать его ненависть. *Gesta Frid. II*, 20. *Mon. Germ.* XX, 403: А у автора Лигурина говорится прямо: „*assumpta sapientis fronte, diserto fallebat sermone rudes*“. *Lib. III*, ст. 266. „*Et fateor, pulchram fallendi noverat artem, veris falsa probans, quia tantum falsa loquendo fallere nemo potest*“ 288—90. Въ Цюрихѣ Арнольдъ поселяется „*doctoris nomine falso*“, ст. 307. Очевидно, что отвратительныя краски Оттона Фрейзингскаго еще рѣзче наложены лицомъ, переложившимъ его хронику въ стихи. Историческаго значенія эти поэтическія преувеличенія не имѣютъ.

²⁾ См. *Gesta di Federico I*, ст. 765.

. *Facundus et audax,*
Confidensque sui.

нымъ народнымъ ораторомъ возросло до религіознаго поклоненія ему прежде всего благодаря суровому аскетизму, котораго другъ Абеяра продолжалъ держаться и на родинѣ.

Далеко превосходить другихъ людей перенесеніемъ голода, холода, грубостью одежды, ночными бдѣніями и усиленною молитвою—вотъ, что въ глазахъ народа было первымъ доказательствомъ дѣйствительной святости. Вотъ почему всѣ источники ставятъ на видъ одно, какимъ аскетомъ былъ Арнольдъ, что такой воздержной жизни никто не вель, никто не носилъ такой грубой одежды, какъ онъ. Этой славы не осмѣливаются оспаривать у него сами противники его, и когда Бернаръ Клервосскій хочетъ сурово двумя штрихами обрисовать образъ своего величайшаго противника, ему невольно приходятъ на уста слова Евангелія объ Іоаниѣ Крестителѣ: „онъ не ѣлъ и не пилъ“, такъ что сквозь тучу клеветы, которой окружаетъ аббатъ своего врага, совершенно вопреки его намѣренію, выступаетъ передъ читателемъ образъ новаго Іоанна Крестителя, образъ средневѣковаго аскета въ бѣдной одеждѣ, изнуреннаго постами, но бодрого духомъ благодаря пылу его страсти, проповѣдника покаянія, передъ властнымъ голосомъ котораго трепещутъ люди въ мягкихъ одеждахъ, для котораго всѣ священнослужители и монахи были змій и порожденія ехидны.

Такъ какъ Арнольдъ былъ регулируемымъ каноникомъ и стоялъ во главѣ регулярныхъ клириковъ, то во враждѣ его съ епископомъ и духовенствомъ Брешии мы можемъ видѣть лишь ту же самую реформаторскую борьбу, которая повсюду велась регулирующими канониками противъ распутныхъ клириковъ, не желавшихъ подчиняться уставу.

Вездѣ, какъ мы это узнаемъ изъ попытокъ Герхо въ Германіи, Норбера во Франціи, Иннокентія II въ Италіи, регулируемые каноники добивались подчиненія сапопсі саесулагес уставу, составленному на основаніи рѣчей св. Августина, согласно которому духовенство должно было жить въ общежитіи около собора на монастырской ладѣ.

Уже Аріальдъ, первый вожакъ Патаріи, сосредоточилъ всѣ свои нападки на свѣтскомъ образѣ жизни бѣлаго духовенства, не подчиняющагося никакому уставу ¹⁾. Во времена же Арнольда отношеніе регулируемаго клира къ нерегулированному почти повсемѣстно было предметомъ самаго страстнаго обсужденія ²⁾.

1) Mon. Germ. VIII, 19, Arnulfi Gesta III, 10.

2) См. Konrad Sturmhöfel, Gerhoh von Reichersberg über die Sittenzu

Регулированные каноники вели образъ жизни монаховъ; отъ личной собственности они отказались, а въ общежитіи ихъ дѣйствовалъ такъ называемый августинскій уставъ.

Sanonici saeculares наоборотъ сохранили личное имущество, а во многихъ мѣстахъ даже общее церковное имѣніе они раздѣлили на отдѣльные приходы, и каждый жилъ самъ по себѣ, часто даже не на мѣстѣ своего прихода, и вель чисто свѣтскую жизнь ¹⁾. Но регулированные каноники не переставали осуждать подобныхъ свѣтскихъ церковнослужителей какъ отщепенцевъ и сыновъ міра. Аббать Герхо Рейхерсбергскій, который въ своихъ сочиненіяхъ съ особою любовью возвращается къ этому вопросу, не отступаетъ даже передъ утвержденіемъ, что нерегулированный священнослужитель вообще не священникъ и потому не можетъ совершать имѣющихъ силу таинствъ ²⁾. Упреки, которые дѣлаетъ Герхо священнослужителямъ въ отдѣльности за ихъ образъ жизни, совершенно согласуются съ полемикою, которую поэтъ изъ Бергамо и авторъ Лигурина влагаютъ въ уста Арнольда. Вотъ гдѣ такимъ образомъ лежала первая причина того, что Арнольдъ сталъ во враждебное положеніе сначала по отношенію къ одной только части клира.

Что же касается вопросовъ общей церковной политики, то Герхо Рейхерсбергскій говоритъ очень опредѣленно, что регулированные каноники повсюду стояли за Иннокентія II, тогда какъ нерегулированное бѣлое духовенство со всѣми николантами и симонистами было за Пьерлеоне. ³⁾ Это однако не подтверждается примѣромъ Арнольда, бывшаго регулированнымъ каноникомъ и во всякомъ случаѣ строгимъ аскетомъ. Съ епископомъ, поставленнымъ Иннокентіемъ II, онъ былъ въ непримиримой враждѣ, тогда какъ, повидимому, уживался съ предшественникомъ его.

Но вѣрно то, что Иннокентій II на первомъ латеранскомъ соборѣ, созванномъ имъ въ 1139 г., послѣ своего побѣдоноснаго вѣзда въ Римъ, прежде всего попытался обязать всѣхъ канониковъ жить въ общежитіи,

stände der zeitgenossischen Geistlichkeit, Leipzig 1888 г., стр. 5 и сл. Hinchius Kirchenrecht II, 57 и сл. § 80.

¹⁾ Gerhoh, De aedif. Dei гл. 32 и гл. 51 и сл. Migne, 194 стр. 1278 и 1321 и сл. Mansi, concil. XXI, 713.

²⁾ Dialog. de cler. saec. et reg. Migne, 194, стр. 1401 и сл. Liber contra duas haereses, cap. III. VI, Migne, 194, 1172 и сл. 1183 и сл. Tractatus adversus Simoniacos. Migne, 194, p. 1335.

³⁾ Dialog. de cler. saecul. et regul. Migne, 194, p. 1409.

устроенномъ на монастырскій ладъ, и въ то же время осудилъ ревнителя Арнольда, какъ схизматика ¹⁾. Что Арнольдъ въ строгомъ аскетизмѣ далеко превзошелъ требованія регулированныхъ канониковъ, было конечно слѣдствіемъ его суровой жизни въ лѣсу около Троя. Не въ тонкостяхъ діалектическихъ, не въ смѣлыхъ умозрѣніяхъ былъ онъ знаменитѣйшимъ ученикомъ Абеяра, а въ строгомъ аскетизмѣ и безграничномъ презрѣніи къ клиру. Абеяръ, самъ прежде бывшій весьма яркимъ примѣромъ *clericus dissolutus*, въ позднѣйшую пору становится противникомъ этой недисциплинированной жизни и ѣдкимъ критикомъ духовнаго сословія.

„Такъ проводятъ они“, жалуется онъ, „цѣлые дни за пирушками и попойками вмѣстѣ съ невѣжественнымъ и развращеннымъ народомъ, говорить съ нимъ вздоръ и дѣлаютъ мерзости, которыхъ даже нельзя назвать. Они одѣваются шерстью стада Господня, его молокомъ кормятся они; а овцы умираютъ отъ духовнаго голода, не слыша божественнаго слова. Проходятъ праздничные дни, проходитъ цѣлый годъ, и изъ устъ ихъ не изойдетъ ни одного слова, которое воспитывало бы ввѣренный имъ приходъ, исправляло бы отъ зла, направляло бы къ добру и укрѣпляло въ немъ“ ²⁾.

Подобныя поношенія, къ сожалѣнію, только небуквально переданныя, влагаютъ всѣ наши источники въ уста Арнольда; послѣдній такимъ образомъ лишь занялся вопросомъ, который разрабатывался тогда повсемѣстно.

Такъ, поэтъ изъ Бергамо говоритъ объ Арнольдѣ, что только свой образъ жизни онъ считалъ правильнымъ, какъ цензоръ возсталъ онъ противъ забывшаго свой долгъ духовенства, и лишь немногіе избѣжали его суроваго порицанія; и авторъ Лигурина называетъ его преслѣдователемъ клира, порицавшимъ суровѣе, чѣмъ было нужно, распущенную жизнь священнослужителей.

Регулированные нигдѣ иначе и не относились къ нерегулированнымъ, и въ этомъ для пріора канониковъ еще ничего нѣтъ характернаго.

Если говорить намъ затѣмъ, что Арнольдъ съ особою силою уже въ то время нападалъ на монаховъ, то это показываетъ только, что для него уставы имѣли серьезное значеніе.

Это было также излюбленною темою Абеяра по ту сторону Альпъ въ Галліи, который послѣ своего собственнаго обращенія изливается въ жалобахъ на распутство въ орденахъ. И Арнольда точно такъ же называютъ

1) Mansi XXI, 532 и сл. Canon 26.

2) Абеяръ, Толкованіе на Отче Нашъ, четвертое прошеніе, Cousin, 600.

немилосерднымъ гонителемъ монаховъ, надѣвшимъ свою священническую одежду только для того, чтобы его нападки на монаховъ встрѣтили тѣмъ большее довѣріе ¹⁾.

Этотъ образъ брешіанскаго каноника получаетъ болѣе высокій характеръ впервые лишь тогда, когда поэтъ сосѣдняго Бергамо рисуетъ его вообще какъ проповѣдника покаянія, который безжалостно обличаетъ грѣхи семьи и общества ²⁾. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ головою выше Абельяра, брюзжавшаго только на свой собственный цехъ; Арнольдъ бросаетъ въ лицо народу обвиненіе въ томъ, что и на него также падаетъ отвѣтственность за паденіе церкви. Не однихъ только духовныхъ, вымогающихъ деньги, порицаетъ онъ, но и гражданъ, отказывающихъ имъ въ десятинѣ; потому что, если граждане отказываютъ въ законной десятинѣ, тогда священнослужителямъ остается только незаконная симонія. Арнольдъ громилъ также погоню за золотомъ и наживой въ торговомъ классѣ, ростовщичество и грабежи, междоусобную вражду и военные походы, раздоры, убійства изъ-за угла и грѣхи привольной жизни, которыми страдали въ то время италіанскіе города. Но постоянно онъ возвращался все къ одному, что стадо только потому такъ одичало, что священнослужители за своими мірскими заботами забыли свои духовныя обязанности. Епископы озабочены вовсе не своимъ пастьерскимъ званіемъ, а ничтожными вопросами этого міра; священники же ихъ, подобно адвокатамъ, дни и ночи заняты разбирательствомъ процессовъ о томъ, что мое, и что твое, небесное же они мало цѣнятъ ³⁾. Какъ нѣмецкій его товарищъ Герхо, такъ и Арнольдъ утверждаетъ, что такой священникъ совсѣмъ не священникъ и потому не можетъ совершать дѣйственныхъ таинствъ. Мы слышимъ какъ бы отзвукъ прежней брешіанской Патаріи, когда Арнольдъ требуетъ, чтобы мірянинъ вообще не обращался къ такимъ священникамъ за отпущеніемъ грѣховъ и не принималъ отъ нихъ причастія. Лучше исповѣдываться другъ другу, чѣмъ обращаться къ этимъ симонистамъ, торгующимъ

1) Оттонъ Фрейзингскій: *monachorum persecutor*. Болѣе подробное изложеніе этой темы въ *Ligurinus* 3, 284 и сл. и у поэта изъ Бергамо ст. 786 и сл.

2) *Gesta di Federico I in Italia*, изданныя Ernesto Monaci по одному манускрипту Ватиканской бібліотеки. Roma, 1887, Istituto Storico Italiano. Авторъ—уроженецъ Бергамо, описывающій осаду Милана 1158 г. какъ очевидецъ (ср. ст. 2268 и сл. *vidi tentoria, etc.*) и закончившій свое произведеніе между 1162—1166 гг.

3) *Gesta di Fed.* 781—801. *Ligurinus* 3, 265—99.

святынею ¹⁾). Конечно, все это говорили до него прежніе патарены. То, что современники называют „новою догмою“ Арнольда, есть вѣчто другое.

У Абелара Арнольдъ приобрѣлъ болѣе глубокое знаніе Писанія, чѣмъ обычное въ его время. Проницательнымъ и упорнымъ въ изученіи Писанія называетъ его Іоаннъ Салисберійскій, который самъ былъ ученикомъ Абелара и питомцемъ монастыря на холмѣ св. Женевьевы подѣ Парижемъ. Изъ этого изученія Писанія Арнольдъ вынесъ убѣжденіе, что не только Іисусъ самъ велъ на землѣ жизнь бѣдняка и не имѣлъ никакого имуществва, но что то же самое Спаситель завѣщалъ Петру и всѣмъ своимъ послѣдователямъ. Ученики Арнольда умѣли доказывать это на основаніи собственныхъ посланій апостола. Одинъ нѣмецкій приверженецъ Арнольда, Вецель или Вецило, перечислилъ всѣ библейскія, патристическія и римскія правовыя положенія, на которыхъ школа Арнольда основывала ученіе о бѣдности истинной церкви ²⁾. Тамъ вы встрѣтите и увѣщаніе Іеронима избѣгать клирика, занимающагося мірскими дѣлами, какъ чумы, найдете рѣчь ап. Петра при посвященіи Климента, взятую изъ лже-Исидора; въ этой рѣчи первый римскій папа запрещаетъ второму вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла, вести процессы и возлагать на себя еще земныя заботы; найдете точно такъ же слова самого Спасителя, въ которыхъ Іисусъ требуетъ отъ своихъ апостоловъ отреченія отъ міра и раздачи своего имѣнія. По мнѣнію поэта изъ Бергамо, новою догмою Арнольда было именно это ученіе, что слѣдованіе Христу обязывало папу, епископовъ, аббатовъ, монаховъ и священниковъ къ бѣдности; и эта догма понравилась людямъ именно своею новизною ³⁾. Свѣтская власть іерархіи, церковныя имѣнія, всякая собственность, какава бы она ни была, всѣ бенефиціи, привилегіи, регалии, иммунитеты духовенства,—все это для Арнольда было лишь различными формами одного и

1) *Nec debere illis populum delicta fateri, Set magis alterutrum, nec eorum sumere sacra. Gesta di Federico I, 784—85. Breyer, Die Arnoldisten, Zeitschrift für Kirchengesch. XII, 3, p. 394, видитъ въ этомъ примѣненіи словъ изъ посл. ап. Іакова 5, 16: Confitemini alterutrum peccata vestra, что весьма возможно. Подобныя же патарійскія изреченія приписываетъ Арнольду Герцо Рейхерсбергскій, когда въ приведенномъ отрывкѣ изъ *De invest. Antichr.* влагаетъ въ его уста такую проповѣдь: *ut domus taliter ordinata domus Dei non sit, sed praesules earum non sint episcopi, quemadmodum quidam nostro tempore Arnoldus dogmatizare ausus est, plebes a talium episcoporum obedientia dehortans.**

2) *Jaffé, Monum. Corb. p. 539 и сл.*

3) *Gesta di Federico 803.*

того же вѣроотступничества. Послѣдователи Христовы должны жить десятиною, которую предоставляетъ имъ ветхій завѣтъ, или добродетельными подаяніями, какъ повелѣлъ Іисусъ своимъ ученикамъ; но они не должны пріобрѣтать домовъ, недвижимыхъ имуществъ и прочихъ богатствъ, а тѣмъ менѣе присвоивать себѣ политическія права, которыя принадлежатъ гражданскому правительству. Поэтому Арнольдъ требовалъ, чтобы ленные владѣтели взяли обратно свои лены; только путемъ отказа священнослужителей отъ свѣтскихъ имѣній мы сдѣлаемъ ихъ истинными служителями Христа, только одна бѣдная церковь—церковь согласная съ евангелиемъ ¹⁾.

Проведеніе этихъ положеній привело бы къ полной революціи во всѣхъ областяхъ общественной жизни. Ими отрицалось все развитіе общественныхъ отношеній, по меньшей мѣрѣ, за восемьсотъ лѣтъ; и въ этомъ школа Арнольда опять-таки прямо примыкаетъ къ древне-римскому императорскому кодексу, какъ бы признавая такимъ образомъ существующее теократическое епископское государство лишь заблужденіемъ новаго времени. Ученики Арнольда ссылаются на Константина и Юстиніана, и въ ихъ системѣ характерно именно это стремленіе обосновать свои преобразовательныя идеи не только на евангелии, но и на римскомъ императорскомъ правѣ ²⁾.

Въ служителяхъ Церкви Арнольдъ въ одномъ изъ первыхъ въ средніе вѣка вновь воскресаетъ римская государственная идея. Въ этомъ пріорѣ канониковъ было нѣчто сродное римскому народному трибуну, и Арнольдъ тѣмъ дальше, тѣмъ больше проникался древними идеалами.

Какъ бы ни была теорія Арнольда трудно осуществима на практикѣ, она не могла имѣть недостатка въ популярности. Ученіе, что церковь должна ограничиться своими религіозными задачами, что всякія регалии дѣло королей и гражданского правительства, стало вполне яснымъ послѣ смуты, вызванныхъ споромъ объ инвеститурѣ. Изъ-за этихъ леновъ возгорѣлся этотъ страшный споръ, въ теченіе дѣлаго полстолѣтія потрясавшій Италію неслыханными ужасами междоусобной войны; постоянно еще слышно было о несогласныхъ спорныхъ выборахъ; причиною ихъ были свѣтскія имѣнія, которыя семья старались вырвать другъ у друга.

Эти лены были причиною того, что епископы были солдатами своего короля, что они держали въ рукѣ мечъ вмѣсто чаши, что они вели про-

1) Оттонъ Фрейзингскій, *Gesta Frld.* II, 20. Mon. Germ. XX, 366.

2) Это сочетаніе евангельскихъ и юридическихъ доводовъ противъ регалій доказывается именно письмомъ Вецеля, *Jaffé, Monum. Corbeiens.* 539—43.

цессы, участвовали въ походахъ и уподоблялись свѣтскимъ владѣтелямъ въ сраженіяхъ, попойкахъ, играхъ и всякихъ свѣтскихъ дѣлахъ. Такъ что Арнольдъ, взявъ темою своихъ вдохновенныхъ рѣчей отреченіе отъ леновъ, былъ одновременно и апостоломъ мира и реформаторомъ клира. Епископъ шартрскій, правда, думаетъ, что это легко доказать изъ Писанія, но трудно провести въ жизни ¹⁾, а епископъ фрейзингскій негодуетъ, что Арнольдъ проповѣдуетъ мірянамъ то, что имъ приходится слишкомъ по вкусу ²⁾. Но именно гнѣвъ ихъ показываетъ, что ученіе Арнольда заключалось не въ однихъ только утопіяхъ, иначе злоба епископовъ и восторгъ гражданъ были бы непонятны ³⁾.

Подобный же приемъ встрѣтила полемика Арнольда съ монахами. Уже въ то время бросалось въ глаза, что Арнольдъ съ особою силою нападалъ на монашество, которое именно въ этотъ періодъ такъ возвысилось. Такъ какъ противорѣчіе между идеею и дѣйствительностью въ монастырскомъ мірѣ выступаетъ еще рѣзче, чѣмъ въ бѣломъ духовенствѣ, то тѣмъ суровѣе порицалъ Арнольдъ монаховъ. И этотъ протестъ не могъ не встрѣтить одобренія со стороны городского сословія въ ту пору, когда одинъ только Бернаръ основалъ въ теченіе 36 лѣтъ 150 монастырей, такъ что мірянамъ земля стала тѣсна и хлѣбъ скуденъ. Итакъ ясно, на чемъ основывалась популярность Арнольда. Восхищеніе краснорѣчіемъ, которое всегда цѣнилось италиянцами выше всѣхъ дарованій, преклоненіе передъ строгимъ проповѣдникомъ покаянія, ненависть къ пошамъ, этому „безполезнѣйшему бремени на землѣ“, все вмѣстѣ привлекло къ нему массу, заслужило сочувствіе гражданъ и дало союзъ съ консулами; благодаря общей поддержкѣ ихъ онъ сталъ головою выше своего епископа. Конечно, нельзя утверждать, что Арнольдъ раскрылъ передъ своими современниками неслыханное еще богатство новыхъ идей, въ духѣ позднѣйшихъ реформаторовъ; онъ всегда возвращался все къ одной и той же идеѣ бѣдной апостольской церкви; но мы нерѣдко видѣли въ исторіи, что подобные великіе народные ораторы немногими словами, въ спасительную и волшебную силу которыхъ они сами

¹⁾ Hist. pontif. c. 31.

²⁾ Otto Frising., Gesta Frid. II. 20. Mon. Germ. XX, 366.

³⁾ У Герхо Рейхерсбергскаго также былъ періодъ, когда онъ игралъ тою мыслью, что церковь могла бы вернуть лены, чтобы обезпечить себѣ такимъ образомъ независимость отъ свѣтской власти. Позже однако онъ оставилъ эту идею. Cp. W. Ribbek, Forschungen zur deutschen Geschichte XXV, 559.

вѣрили, вызывали величайшія движенія. Къ тому же въ то время, время схизмы, повсюду шли церковная борьба и споръ. И въ Брешии также, послѣ того, какъ епископъ Иннокентія вытѣснилъ въ 1132 г. епископа, поставленнаго Анаклетомъ, мира не было. Уже въ 1135 г. опять говорится о паденіи консуловъ и о сожженіи одного монастыря ¹⁾, и отдѣльные факты, хотя они правда противорѣчивы и трудно установить порядокъ между ними, указываютъ также на продолженіе гражданскихъ смуть. Управление городомъ должно было вѣдаться совмѣстно епископомъ и консулами ²⁾, что, конечно, лѣзло къ разладу. И тутъ мы видимъ рѣдкій случай: пріоръ регулированнаго духовенства становится на сторону гражданскихъ властей, заявляя, что церкви приличествуетъ и необходимо для ея спасенія отрѣшиться отъ всякаго свѣтскаго господства и свѣтскихъ притязаній.

Арнольдъ такъ успѣшно велъ эту борьбу, что отнялъ у епископа всякую почву. Какъ пріоръ, священникъ, стоящій во главѣ духовенства, какъ союзникъ консуловъ, какъ кумиръ населенія, онъ обладалъ такою властью, что была минута, когда казалось, епископу придется совершенно уступить. По возвращеніи Иннокентія II въ Римъ (въ ноябрѣ 1137 г.) епископъ брешианскій Манфредъ отправился точно такъ же въ священный городъ. Среди же гражданъ тогда явилось желаніе совершенно избавиться отъ него, и близко было къ тому, что они навсегда запрутъ ему ворота. Во всемъ этомъ, какъ говоритъ *historia pontificalis* ³⁾, отвѣтственность падаетъ лично на Арнольда.

Что подобная агитаторская дѣятельность скоро захватитъ и сосѣдніе города, лежало въ природѣ вещей; это ясно подтверждается также обоими поэтическими источниками для жизнеописанія Арнольда. Не только свой городъ, но и другіе города, жалуется поэтъ Лигурина, Арнольдъ возстановилъ такъ противъ клира, что надъ духовенствомъ стали насмѣхаться, и считалось чуть ли не постыднымъ быть священникомъ ⁴⁾. Поэтъ же изъ Бер-

1) *Chroniketta di s. Salvatore* подъ 1135 г. *Consules primi (pravi?) dejecti sunt et cenobium leonense est combustum.* *Malvezzi Chron. dist. VII. c. 29.* Ср. *Odorici, storie Bresciane IV, 245.*

2) Ср. грамоту объ этой сдѣлкѣ отъ 1127 г. у *F. Odorici, Storie Bresciane IV, 238* и сл. *Codice diplomatico Bresciano V, 92.*

3) *Fuerat abbas apud Brixiam, et dum episcopus Romam profectus aliquantulum moraretur, sic interim civium flexit animos, ut episcopum vix voluerint admittere redeuntem,* *Hist. pontif. c. 31.*

4) Когда авторъ Лигурина писалъ, ему думалось, что антиклерикальный духъ городовъ Верхней Италіи во времена Гогенштауфеновъ онъ долженъ приписать кознямъ Арнольда: ср. стихи III, 295—98. Поэтъ же

гамо прямо указывает на главный городъ Миланъ какъ театръ волненій, вызванныхъ Арнольдомъ; и мы не имѣемъ никакого права предполагать въ этомъ случаѣ смѣшеніе съ прежними смутами Патаріи въ Миланѣ; для этого оба свидѣтеля и по мѣсту и по времени слишкомъ близко стоятъ къ событіямъ, о которыхъ рассказываютъ.

И Бернаръ Клервосскій говоритъ, что Арнольдъ вызвалъ сильное волненіе въ странѣ, гдѣ родился, и повергъ ее въ большія смуты. Что дѣятельность его перешла за черту его родного города, доказываетъ также тотъ фактъ, что папѣ Иннокентію II казалось недостаточнымъ удалить Арнольда изъ Брешии, но онъ запретилъ ему пребываніе въ Италіи вообще. Изъ отголосковъ той сильной борьбы, какую велъ Арнольдъ, до насъ дошли только голоса духовныхъ лицъ ¹⁾, но жалобы ихъ показываютъ, какъ сильны и мѣткі были удары, наносимые имъ Арнольдомъ. Нѣмецкій епископъ, Оттонъ Фрейзингскій, какъ всѣ цистерціане бывшій заклятымъ врагомъ Арнольда, находитъ въ немъ всякія вины: что онъ надѣлъ священническую одежду только для того, чтобы тѣмъ легче обманывать мірянъ, что нигдѣ онъ не оставался въ покоѣ, „все терзая, все грызя, никого не щадя. Хулитель духовныхъ лицъ и епископовъ, гонитель монаховъ, онъ льстилъ однимъ мірянамъ. Онъ говоритъ именно, что ни духовныя лица, владѣющія имѣніями, ни епископы, пользующіеся регаліями, ни монахи, обладающіе собственностью, никонимъ образомъ не могутъ быть святы. Все это принадлежитъ государямъ и исключительно по ихъ милости должно быть предоставлено въ пользованіе мірянамъ“. Что Арнольдъ только для того надѣлъ священническую одежду, чтобы имѣть возможность безнаказанно поносить духовенство, этого никто не повѣритъ благочестивому епископу; точно такъ же несправедливъ онъ, когда упрекаетъ этого реформатора, всецѣло проникнутаго аскетическимъ монашескимъ идеаломъ, въ томъ, что онъ требовалъ отъ церкви отреченія отъ свѣтскихъ леновъ съ цѣлью привлечь къ себѣ ненасытныхъ

изъ Бергамо доказываетъ даже, что Европа была полна его ученіемъ, и именно Миланъ называетъ театромъ арнольдистскихъ смутъ. Ст. 804—810. То же говоритъ Оттонъ Фрейзингскій l. c.: „dum Brixiam perturbaret“. Иоаннъ Салисберійскій: „Sic civium flexit animos, ut episcopum vix voluerint admittere redeuntem“. Бернардъ же Клервосскій пишетъ Герману, епископу Констанцскому: „Ipsam, in qua natus est, valde atrociter commovit terram“.

¹⁾ Otton. Frisingensis Gesta Frid. imp. Mon. Germ. XX, 366 и 403—4 и авторъ Historia pontificalis тамъ же 537—538.

мірянъ, которые повсюду протягивали свои жадныя руки къ церковному и монастырскому имѣнію, и что онъ проповѣдывалъ имъ то, что имъ было слишкомъ по вкусу ¹⁾. У Арнольда юридическое убѣжденіе, что свѣтскія имѣнія подвластны свѣтскому начальству, слилось съ религіозною вѣрою, что Иисусъ вмѣнилъ своимъ апостоламъ бѣдность въ обязанность; и такъ какъ то, чего Арнольдъ требовалъ отъ другихъ, онъ исполнялъ самъ, то палачи его не имѣютъ никакого права заподозрѣвать чистоту образа мыслей своей жертвы.

Поэты, излагающіе въ стихахъ жизнь Арнольда, уже въ этотъ періодъ его дѣятельности заставляютъ его выступать и противъ папы ²⁾, подъ которыми они подразумѣваютъ Иннокентія II, поставившаго враждебнаго Арнольду епископа Манфреда. Но развѣ возможно было брешіанцу осуждать жадность къ деньгамъ и обмірщеніе духовенства, не думая объ *avaritia Romana*, которую даже суровый Герхо называетъ послѣднею причиною паденія церкви ³⁾. Именно при Иннокентіи II сильно возрастаетъ продажа привилегій и охранныхъ грамотъ для монастырей и церквей, какъ показываютъ реестры этого папы. Въ то время, какъ противникъ его Анаклетъ, чтобы добыть побольше денежныхъ средствъ для своего папства, закладываетъ вотчину Петрову ⁴⁾, Иннокентій II настойчиво рекомендуетъ доводить всѣ важнѣйшія дѣла до его куріи, которая брала деньги съ обѣихъ сторонъ и потомъ рѣшала по своему произволу ⁵⁾. Даже страхъ передъ Анаклетомъ нисколько не удерживалъ любившаго пышность Иннокентія отъ личныхъ тратъ, а легатовъ его отъ требованій отъ христіанъ; быть можетъ, эта алчность и была одною изъ причинъ, почему его дѣло совсѣмъ не подвигалось въ Средней и Нижней Италіи. Самъ Миланъ только въ 1136 г., благодаря Бернару Клервосскому, перешелъ отъ Анаклета на сторону Иннокентія. Въ томъ же самомъ году вторично появился въ Италіи престарѣлый Лотарь III, чтобы положить конецъ схизмѣ и подчинить имперіи Рожера сицилійскаго. Бернаръ Клервосскій также промѣнялъ въ 1137 г. свою любимую мирную келью на шумную главную квартиру, чтобы присутствовать при триумфѣ своего папы и поддержать его своимъ вліятельнымъ посредничествомъ. Города, державшіеся Анаклета и Рожера, подверглись

¹⁾ Mon. Germ. XX, 404.

²⁾ Gesta di Federico 795 и сл. Ligurinus 270 и сл., 295.

³⁾ De invest. Antichr. cap. 82.

⁴⁾ Cp. Documenti per la storia ecclesiastica e civile di Roma. Tipografia Vaticana 1886, p. 103.

⁵⁾ Примѣры у Sturmhöfel. Gerhoh von Reichersberg, Лейпцигъ, 1888, стр. 33.

страшной карѣ, и повсемѣстно епископы Иннокентія II замѣстили схизматиковъ. Страхъ передъ варварскимъ опустошеніемъ и казнями обезоружилъ противниковъ скорѣе, чѣмъ это сдѣлали бы численность и военное искусство нѣмецкаго войска.

Но и Лотарь также былъ не въ состояніи удовлетворить притязаніямъ куріи. Въ іюлѣ 1137 г. въ Мельфи онъ долженъ былъ своимъ тѣломъ прикрыть Иннокентія и его кардиналовъ, иначе нѣмцы, ожесточенные продолжительностью похода, перебили бы всю курію. Престарѣлый саксонецъ однако не получилъ и за это благодарности. Въ сопровожденіи Лотаря III папа выступилъ въ октябрѣ въ походъ на Римъ; теперь, послѣ того, какъ южная Италия повидимому успокоилась, можно было урваться за покореніе его. Но у Фарфы папа и императоръ разстались. Нѣмецкое войско было уже слишкомъ слабо, чтобы рискнуть на нападеніе на замки Пьерлеоне. Иннокентій долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что, какъ гость Франджипани, онъ вѣхалъ въ Римъ. Латеранъ же до смерти Анаклета оставался во власти послѣдняго. Рожеръ вскорѣ также возстановилъ свою власть въ Нижней Италіи, и такимъ образомъ весь походъ стараго короля, ознаменованный кровопролитіемъ и опустошеніемъ, былъ ни къ чему. Правда, Иннокентій отнялъ у своего противника многочисленныя епископства и аббатства, но этимъ не было еще покончено со схизмою. Напротивъ того, Рожеръ опять противопоставилъ стараніямъ Бернара Клервосскаго свои прежнія проволочки и уловки. Въ это время умираетъ Анаклетъ 25-го января 1138 г., и Бернаръ могъ извѣстить Кюни: „Наконецъ смерть взяла его, этого богомерзкаго человѣка, заставлявшаго Израиля грѣшить; въ преисподнюю низвергнуть онъ!“ Правда, приверженцы Рожера тотчасъ выставили новаго антипапу, Виктора IV; только благодаря убѣжденіямъ Бернара брата Анаклета, Пьерлеоне, также присягнули своему прежнему противнику, и такимъ образомъ, благодаря своей энергіи и краснорѣчію, Бернаръ въ маѣ 1138 г. увидѣлъ конецъ схизмы.

Но вмѣстѣ съ этимъ также пробилъ часъ суда надъ противниками епископа Манфреда въ Врешіи.

На Страстной недѣлѣ 1139 г. Иннокентій II созвалъ свой первый Латеранскій соборъ ¹⁾. Соборъ уничтожилъ всѣ постановленія Анаклета. Онъ охотно уничтожилъ бы также и всѣ слѣды схизмы и послѣдствія ужаснѣй-

¹⁾ Mansi. coll. conc. XXI, 523 и сл. Watterich. Innoc. vita a Bosone conscr 2,178.

шаго римскаго похода Лотаря, угрожая изгнаніемъ поджигателямъ и нарушителямъ мира страны, тѣмъ богомерзкимъ людямъ, которые оскорбляли священниковъ и монаховъ, тѣмъ *ballistarii* и *sagittarii*, которые нападали на христіанъ и католиковъ; эта мѣра не распространялась на сарацинъ и евреевъ.

Какъ рассказываетъ Оттонъ Фрейзингскій, епископъ Манфредъ вмѣстѣ съ прочими духовными лицами Брешии также явился на этотъ соборъ и представилъ свои жалобы на Арнольда. Согласно церковному праву обвиняемый былъ призванъ на судъ, а явиться на этотъ призывъ было въ характерѣ Арнольда. Правда, Оттонъ Фрейзингскій, Бернаръ Клервосскій и Вальтеръ Мапъ не говорятъ прямо, что Арнольдъ былъ лично на соборѣ, но они предполагаютъ это ¹⁾. Жалоба, какъ рассказываетъ Іоаннъ Салисберійскій, обвиняла Арнольда въ затѣваніи схизмы, въ томъ, что во время отлучки Манфреда изъ Брешии Арнольдъ такъ овладѣлъ умами гражданъ и такъ возстановилъ ихъ противъ епископа, что граждане едва впустили его опять въ свой городъ. Врядъ ли Арнольдъ обвинялся въ ереси, во всякомъ случаѣ не былъ уличенъ, иначе онъ не отдѣлался бы такъ дешево. Правда, епископъ Фрейзингскій намекаетъ, что про брешианца ходила молва, что онъ неправильно учить о таинствѣ причащенія и о крещеніи дѣтей, и поздвѣйшіе писатели относятъ къ Арнольду 23-й канонъ Латеранскаго собора 1139 г., угрожающій проклятіемъ церкви за противорѣчіе ученію о церковныхъ таинствахъ; но въ такомъ случаѣ еретика сдѣлали бы безвреднымъ въ темницѣ. Этотъ канонъ относится вовсе не къ Арнольду, а къ осужденному соборомъ ученію петробрусіанъ. Замѣчаніе же Оттона, если мы примемъ во вниманіе вообще извѣстныя намъ воззрѣнія Арнольда, можетъ означать только, что Арнольдъ считалъ таинства, совершенныя недостойными священнослужителями, недействительными и неимѣющими силы; а этого утвержденія соборъ не могъ ему вмѣнить въ ересь, потому что самъ въ своемъ седьмомъ канонѣ

¹⁾ Что Арнольдъ лично присутствовалъ на соборѣ въ Римѣ вытекаетъ изъ слѣдующихъ данныхъ. Бернаръ (Ер. 195) пишетъ епископу констанцскому: *Accusatus apud dominum Papam schismate pessimo, natali solo pulsus est; etiam et abjurare compulsus reversionem, nisi ad ipsius Apostolici permissionem.* Онъ далъ клятву папѣ въ Римѣ, а не легату или епископу въ Брешии, которые могли бы его изгнать только изъ Брешии, а не изъ Італіи. Также слова Бернара (Ер. 196), обращенныя къ легату Гвидо: „*quem Briscia evomuit, Roma exhorruit, Francia repulit, Germania abominatur*“ показываютъ, что какъ въ Брешии, Франціи и Германіи, такъ и въ Римѣ Арнольдъ дѣйствовалъ лично. Также и Вальтеръ Мапъ,

запрещаетъ мірянамъ слушать мессу у николаитовъ ¹⁾. Что Арнольдъ былъ осужденъ какъ еретикъ, этого не утверждаетъ даже самъ Бернаръ Клервосскій. Онъ говоритъ только, что брешіанецъ, потрясшій всю свою родную страну и повергшій ее въ смуту, былъ изгнанъ папою Иннокентіемъ II изъ родины какъ злостный схизматикъ; и совершенно то же самое рассказываетъ Іоаннъ Салисберійскій. Вполнѣ согласуется съ этимъ и то, что обвиняемый отдѣлался только потерей своего духовнаго мѣста и удаленіемъ изъ страны. Если бы его только заподозрѣли въ ереси, онъ ужъ теперъ былъ бы заключенъ въ монастырскую темницу на всю жизнь.

гл. 24, предполагаетъ, что Арнольдъ былъ два раза въ Римѣ и первый разъ до своего изгнанія. Народъ въ Римѣ, рассказываетъ Мапъ, почиталъ Арнольда; онъ же, увидѣвъ роскошную жизнь кардиналовъ, сдержанно порицалъ ее въ письмахъ, направленныхъ къ папѣ. *Sed moleste tulerunt, et ejecerunt eum foras. Qui rediens ad urbem etc.* Призывъ на судъ передъ соборомъ согласовался съ церковнымъ правомъ, Арнольдъ же былъ не такой человекъ, чтобы не явиться въ подобномъ случаѣ, но, напротивъ, чтобы явиться и защищаться, и защищаться именно путемъ нападокъ на развратившійся клиръ, какъ это предполагаетъ Мапъ. Точно такъ же едва ли бы Арнольдъ далъ клятву оставить Италію, если бы онъ не былъ въ рукахъ папы, который предоставилъ ему выборъ между заточеніемъ въ монастырь и изгнаніемъ. А такую властью Иннокентій пользовался только въ Римѣ, но не въ Брешіи. Возможно, правда, что послѣ переворота, происшедшаго въ Брешіи, легаты предложили Арнольду этотъ выборъ, но объ этомъ ничего не говорится, и на основаніи выраженій Бернарда должно думать, что приговоръ воспослѣдовалъ въ Римѣ; то же слѣдуетъ изъ словъ Оттона Фрейзингскаго: *In magno concilio Romae sub Innocentio habito ab episcopo civitatis illius (Brixiae) virisque religiosis accusatur. Romanus igitur Pontifex, ne perniciosum dogma ad plures serperet, imponendum viro silentium decrevit, sicque factum est. Ita homo ille de Italia fugiens, etc.*

¹⁾ Мнѣніе, что требы, совершенныя недостойными священнослужителями, теряютъ всякую религіозную силу, не могло быть вмѣнено Арнольду въ ересь. Григорій VII также отрицалъ всякую силу у требы, совершаемыхъ женатыми священниками, а посѣщеніе ихъ мессы называлъ идолослуженіемъ. *Registrum IV, 11, Jaffé, Mon. Gregor. 255 и сл. ср. также 159 и сл.* Современникъ Арнольда Герхо ссылается на это рѣшеніе въ пользу своего ученія, что тотъ, кто стоитъ внѣ церкви, не можетъ также совершать никакого церковнаго таинства (*extra ecclesiam corpus Christi confici non posse*). Поддерживаемый ходатайствомъ за него архіепископа изъ Равенны и канцлера Гаймериха, онъ добился и папскаго рѣшенія, благопріятствующаго этому толкованію (ссылки у W. Ribbeck., Gerhoh

Англичанинъ Магъ увѣряетъ, что уже при этомъ первомъ появленіи своемъ въ Римѣ Арнольдъ встрѣтилъ большое сочувствіе въ народѣ. Когда же онъ увидѣлъ роскошную жизнь кардиналовъ, онъ позволялъ себѣ нападки на этихъ людей, которые впрочемъ сами во время схизмы всячески поносили другъ друга. Эти нападки возстановили кардиналовъ противъ него и послужили причиною его изгнанія. Если бы Арнольдъ имѣлъ случай оправдаться, то, конечно, совершенно въ его духѣ было вести борьбу, избравъ нападеніе, какъ лучшій способъ защиты. Но извѣстіе Мапа такъ поверхностно, что подлежитъ сомнѣнію, не смѣшиваетъ ли онъ съ этимъ первымъ судомъ надъ Арнольдомъ позднѣйшей борьбы Арнольда въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ результатъ былъ тотъ, что Арнольдъ клятвенно обѣщался оставить Италію и безъ особаго разрѣшенія папы никогда не вступать опять на родную землю. Послѣ большой схизмы и новыхъ побѣдъ Рожера правленіе папы было еще непрочно, вотъ что прежде всего заставляло считать полезнымъ удаленіе опаснаго агитатора. То, что Арнольдъ далъ эту клятву показываетъ, что онъ былъ во власти папы въ Римѣ. Ему предстоялъ выборъ между заточеніемъ въ монастырѣ и изгнаніемъ, и онъ выбралъ послѣднее. Но и въ Брешии также пало правленіе его друзей. Произошла контръ-революція, и населеніе изгнало, какъ говорятъ брешианскія лѣтописи 1139 г., „дурныхъ консуловъ“, или, какъ выражается извѣстіе церковной окраски, „Ребальдъ и Персикъ, лицемерные люди и еретики,

von Reichersberg, Forschungen zur deutschen Geschichte 24, 10). Такимъ образомъ, положенія Арнольда, родственныя этимъ, не могли дать повода къ тому, чтобы упрекать его въ лжеученіи. Правда, Оттонъ Фрейзингскій говоритъ: *Praeter haec de sacramento altaris, baptismo parvulorum non sane dicitur sensisse*, но извѣстно, какъ надо относиться къ обвиненіямъ, которыя приводитъ епископъ со словомъ *dicitur*. Недавно Брейеръ въ своей статьѣ: Арнольдисты, *Zeitschrift für Kirchengeschichte* XII, 3, p. 399., указалъ на то, что Вильгельмъ Дурандусъ въ своемъ *rationale divinarum officiorum*, оконченномъ въ 1286 г., приписываетъ арнольдистамъ ученіе, что не чрезъ крещеніе водою, а чрезъ возложеніе рукъ получаетъ человѣкъ Святого Духа. Но, если бы даже, что дѣйствительно возможно, названные здѣсь арнольдисты были школою Арнольда Брешианскаго, то изъ того, что они проповѣдывали къ концу XIII вѣка можно сдѣлать только весьма недостоверное заключеніе о томъ, каково было мнѣніе Арнольда въ серединѣ XII вѣка. Какъ въ отношеніи причастія, такъ и въ отношеніи крещенія Арнольдъ отрицаетъ возможность для недостойныхъ священнослужителей совершать имѣющія силу таинства, и это-то Оттонъ называетъ *non sane sentire*.

которые управляли консульствомъ въ этомъ году, были изгнаны со своими приверженцами изъ Брешии католическимъ дворянствомъ¹⁾.

Конечно, это не сломило еще совершенно партіи Арнольда въ Брешии. Еще позднѣе, по случаю смерти епископа Манфреда говорится, что онъ положилъ конецъ совѣщаніямъ еретическихъ священниковъ, которые имѣли обыкновеніе собираться въ S. Pietro de Ripa; ²⁾ а какъ родственны были идеямъ Арнольда нищенствующія секты, распространившіяся именно въ Верхней Италіи къ концу столѣтія, это не нуждается въ ближайшемъ разъясненіи.

Мстительный Иннокентій поступалъ вообще жестоко со своими противниками, и потому Арнольдъ Брешианскій долженъ былъ считать себя счастливымъ, что онъ отдѣлался изгнаніемъ. Очевидно думали, что сила Арнольда коренилась въ смутахъ Италіи, а что по ту сторону Альпъ онъ будетъ безвреденъ. Но ошиблись въ этомъ. Изъ мѣстнаго патриота итальянскаго епископскаго города онъ сталъ въ Парижѣ главою большой церковной партіи, потому что Арнольдъ вернулся теперь во Францію, гдѣ нѣкогда сидѣлъ у ногъ Абеяра, озлобленный къ озлобленному, сжѣтый къ падшему духомъ.

1) *Annales Brixienenses* подъ 1139 г.: *consules pravi a Brixienensibus expulsi sunt*. *Mon. Germ.* XVIII, 812. Другія мѣста у *Malvezzi*, *Chron. dist.* VII. У *Odorici*, указ. соч. 4, 257.

2) *Odorici*. IV, 283.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

АРНОЛЬДЪ ВО ФРАНЦІИ.

1139—1142 г.

Sibilavit apis quae erat in Francia
api de Italia.

S. Bernardus, Ep. 189.

Когда въ 1139 г. Арнольдъ Брешианскій вторично пріѣхалъ во Францію, тамъ правилъ юный Людовикъ VII, государь, которому не было счастья ни въ бракѣ, ни въ политикѣ, ни на войнѣ, но котораго глубоко почитали за его справедливость, церковный образъ мысли и за особую его любовь къ городамъ и духовенству. Правленіе находилось въ рукахъ известнаго Сугерія, аббата въ Сентъ-Дени, того ученаго и умнаго прелата, который сумѣлъ самоуправству вассаловъ противопоставить основоположенія римскаго императорскаго права. Но еще больше, чѣмъ Сентъ-Дени, руководили общественною жизнью бургундскія аббатства Клуни и Сито; къ нимъ послѣднее время присоединился Премонтре подъ Ланомъ, и лотарингецъ Норберъ положилъ въ основу этого новаго ордена каноническую жизнь регулированныхъ канониковъ.

Значительнымъ факторомъ становятся въ этомъ столѣтіи и богословскія школы въ Парижѣ. Помимо старыхъ школъ при соборахъ и монастыряхъ теперь появились еще частныя школы. Всякій, кто вздумалъ бы стать учителемъ, могъ начать и вести свои лекціи, какъ хотѣлъ; для этого ему нужно было только получить разрѣшеніе отъ главнаго владѣльца той земли или того зданія, гдѣ должна была помѣщаться школа. Такимъ образомъ въ Парижѣ, на островѣ Сены, подъ надзоромъ канцлера собора Богоматери, и на холмѣ святой Женеьевы, подъ защитою аббатства, пріютилось множество учителей; они то читали свои лекціи, то передавали своихъ учениковъ другимъ, то распускали ихъ, то становились опять сами учениками,

то мѣняли предметы преподаванія. Такихъ учителей въ Парижѣ и его окрестностяхъ къ концу этого столѣтія было, можетъ быть, сто или больше одновременно, съ большимъ или меньшимъ кругомъ учениковъ ¹⁾.

Первымъ королемъ, который, какъ говорятъ, далъ привилегіи парижскимъ школамъ, былъ Людовикъ VII. ²⁾

Не мало содѣйствовалъ расцвѣту этихъ школъ магистръ Петръ Абеляръ. Часть своихъ раннихъ лавровъ онъ пожалъ въ школы на холмѣ святой Женевиѣвы, а въ 1136 г. вновь имѣлъ тамъ тотъ громадный успѣхъ, которымъ такъ богата исторія его учительской дѣятельности, и который каждый разъ навлекалъ на него ожесточенныя нападки церковныхъ заправиль и всего монашества. Такъ пришлось ему оставить и свой любимый Параклетъ въ лѣсу въ Ножанѣ на Сенѣ въ 1125 г. „Нѣкоторые апостолы“, пишетъ онъ, „которымъ свѣтъ тогда очень вѣрилъ“, начали смотрѣть на него недоброжелательно, заподозрѣвая его въ основаніи ереси. „Одинъ изъ нихъ хвалился тѣмъ, что вновь пробудилъ среди регулированныхъ канониковъ каноническую жизнь, другой,—что онъ достигъ того же среди монаховъ. Странствуя по свѣту и проповѣдуя, они безстыдно унижали меня, насколько только могли, и сдѣлали меня на нѣкоторое время въ глазахъ нѣкоторыхъ церковныхъ и свѣтскихъ властей достойнымъ презрѣнія; они распространяли столько ложныхъ слуховъ какъ о моихъ вѣрованіяхъ, такъ и о моей жизни, что заставили отвернуться отъ меня вліятельнѣйшихъ друзей моихъ, и даже тѣ, которые еще сохранили немного любви ко мнѣ, всѣчески скрывали это изъ страха передъ ними“ ³⁾. Одинъ изъ нихъ, тотъ, который хвалился, что онъ вновь заставилъ регулированныхъ канониковъ вести каноническую жизнь, это—Норбертъ, основатель ордена премонстратовъ; другой, который называетъ себя возстановителемъ истиннаго монашества, это Бернаръ, духовная глава цистерціанскаго ордена. Такъ какъ въ распоряженіи обоихъ находилось множество монаховъ, то они не давали свободно вздохнуть своей жертвѣ. Каждый соборъ заставлялъ биться сердце Абеляра, потому что онъ не забылъ еще того, какъ въ Соассонѣ его принудили сжечь свои собственныя книги. А послѣ того, какъ ненавидѣвшіе его святые не хотѣли терпѣть его даже въ тихомъ лѣсу подѣ Троа, онъ на-

1) Cp. Georg Kaufmann, die Geschichte der deutschen Universitäten. Стр. 135 и 247.

2) Denifle, die Universitäten des Mittelalters 1 60.

3) Hist. cal. ed. Cousin I, p. 28.

чалъ думать о бѣгствѣ къ язычникамъ, „чтобы тамъ въ покоѣ, платя какую угодно дань, среди враговъ Христа жить по-христіански“. Но ему представилось болѣе близкое убѣжище. Монахи Сенъ-Жильдскаго монастыря въ Нижней Бретани избрали его своимъ аббатомъ. Тамъ онъ былъ въ безопасности отъ происковъ Норбера и Бернара. Вскорѣ послѣ того жена его Элоиза пала жертвою монастырской реформы Сугерія, который объявилъ ея монастырь въ Аржантейлѣ филиальнымъ монастыремъ Сенъ-Дени. Тогда Абеляръ передалъ свой Параклетъ изгнаннымъ монахинямъ и самъ оставался у нихъ тѣмъ охотнѣе, что онъ вступилъ въ страстную борьбу съ сенъ-жильдскими монахами. Наконецъ избавляется онъ отъ обязанности, которой не въ силахъ былъ исполнять, и въ 1136 г. на пятьдесятъ седьмомъ году его жизни мы опять видимъ его учителемъ на холмѣ святой Женевьевы, гдѣ онъ нѣкогда такъ славно началъ.

Холмъ святой Женевьевы ¹⁾ лежалъ внѣ городской черты Парижа на лѣвомъ берегу Сены и находился въ вѣдѣніи аббата канониковъ, которымъ въ то время еще принадлежалъ монастырь святой Женевьевы. Монастырь, какъ описываетъ намъ его одинъ норманскій поэтъ ²⁾, стоялъ тогда особнякомъ на просторѣ, долина отдѣляла холмъ отъ города, и между нимъ и городомъ тянулись виноградники, деревья и сады, и кое-гдѣ были дома и крестьянскіе дворы. Во время своего перваго пребыванія тамъ Абеляръ училъ въ самомъ монастырѣ, монастырь содержалъ школу художниковъ; теперь же, повидимому, онъ жилъ самъ по себѣ, какъ это дѣлали сапонісі саесуларес, поселявшіеся по сосѣдству въ отдѣльныхъ зданіяхъ; по крайней мѣрѣ Іоаннъ Салисберійскій говоритъ, что Абеляръ жилъ у церкви святого Иларія, и по уходѣ учителя Арнольдъ продолжалъ тамъ преподаваніе ³⁾. Такимъ образомъ Абеляръ и Арнольдъ также находились подъ юрисдикціей аббата, во владѣніяхъ котораго они поселились, и такъ какъ аббатъ терпѣлъ ихъ, то мы должны отнести его къ числу противниковъ Бернара. Обобразъ жизни канониковъ, часть которыхъ поселилась въ собственныхъ до-

¹⁾ Hist. calam. ed. Cousin, p. 6 Sed quia, ut diximus, locum nostrum ab aemulo nostro fecerat occupari, extra civitatem in monte S. Genovefae scholarum nostrarum castra posui, говорится о прежней учительской дѣятельности Абеяра.

²⁾ Jean de Hauteville у Denifle I, p. 671. Ср. также Cousin. Abäl. op. I, 42.

³⁾ Parisius manens in monte S. Genovefae divinas litteras scolaribus exponebat apud s. Hilarium, ubi jam dictus Petrus hospitatus fuerat.

махъ вокругъ главнаго зданія, ничего хорошаго не говорятъ намъ наши духовные лѣтописцы ¹⁾). Если послушать ихъ, каноники проводили время въ праздности, ѣли и пили, какъ знатные господа, и своею гордостью и надменностью сильно возбуждали противъ себя. Иначе судить о нихъ Іоаннь Салисберійскій, который также получилъ свое философское образованіе у Абеяра въ монастырѣ на холмѣ святой Женевьевы; его извѣстія объ Арнольдѣ Брешианскомъ тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что онъ жилъ въ монастырѣ во время второго періода дѣятельности Абеяра, отъ 1136 до 1138 г., и вновь пріѣхалъ сюда въ 1141 г., именно когда Арнольдъ заступилъ мѣсто Абеяра ²⁾).

Усиленныя жалобы французскихъ епископовъ и аббата клервосскаго указываютъ, что успѣхъ преподаванія Абеяра оцять былъ такъ же великъ, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Если нѣкогда онъ прославился тѣмъ, что его новыя неожиданныя мысли не только были необходимы для философій, но такъ же для поддержанія веселаго настроенія человѣческаго духа ³⁾, такъ и теперь его новый и смѣлый способъ доказывать тайны ученія церкви производилъ должное впечатлѣніе. Особенно его воззрѣнія на ученіе о св. Троицѣ пробудили въ его ученикахъ страсть къ диспутамъ. По поводу своего трактата о Божественномъ единствѣ и о тріединствѣ, который онъ долженъ былъ сжечь на соассонскомъ соборѣ 1121 г., онъ самъ говорилъ о своей богословеской методѣ, что она имѣла въ виду такихъ учениковъ, которые требовали человѣческихъ и философскихъ основаній, требовали не однихъ только словъ, но и пониманія; которые находили, что излишне говорить слова, если съ ними не связано понятій, что ни во что нельзя увѣрять, что предварительно не было познано; что смѣшно, когда кто-нибудь проповѣдуетъ то, чего ни онъ самъ, ни тѣ, кого онъ учитъ, не могутъ охватить своимъ разумомъ. Такихъ учителей самъ Спаситель называлъ слѣпными вожатыми слѣпцовъ ⁴⁾. Но, желая доказывать всѣ ученія церковныя, Абеяръ конечно пробудилъ во Франціи безграничную страсть къ диспутамъ. Молодое духовенство, получившее образованіе въ его школахъ, разсѣялось по Франціи, и повсюду начались безплодныя, но шумныя, словесныя сраженія, что благочестивымъ людямъ казалось дерзкою профанаціей религиозныхъ догматовъ. Изъ-за этого вліянія его богословія онъ былъ присужденъ въ 1121 г. въ Соассонѣ къ заточенію, а въ 1125 г. изгнанъ изъ своего Параклета; въ силу той же

1) Ср. выдержки у Sturmhöfel, Gerhoh von Reichersberg, стр. 13.

2) Ср. Schaarchmidt, Johannes Saresberiensis, p. 24.

3) Otto Frising. Gesta Frid. 1, 47; Ad jocos valens.

4) Abael. op. ed. Cousin I, 18. Вѣ historia calam. Ep. 1

причины епископы и теперь не хотѣли допустить возстановленія его школы на холмѣ святой Женеьевы и примѣнили къ нему слова Писанія: „проклять тотъ, кто возстановитъ и построятъ Иерихонъ!“¹⁾

Съ своей точки зрѣнія прелаты могли имѣть весьма вѣскія причины сожалѣть о томъ направленіи, которое Абеляръ сообщилъ молодому клиру, а та горячность, съ которою ринулась въ него молодая Франція, усилила негодованіе стараго поколѣнія.

„Дай Богъ“, восклицаетъ святой Бернаръ, „чтобы его книги лежали въ шкапахъ, но ихъ читаютъ на перекресткахъ, у его книгъ есть крылья, города и замки вмѣсто свѣта наполняются тьмою, ядомъ вмѣсто меда или, лучше сказать, вмѣстѣ съ медомъ; эти книги переходятъ отъ народа къ народу, отъ одной націи къ другой, изъ одного государства въ другое“. Архіепископъ сенскій жалуется, что даже мальчишки по городамъ и деревнямъ, въ школахъ или по выходѣ изъ нея ведутъ диспуты о Святой Троицѣ; что отовсюду приходятъ извѣстія, какую смуту съѣтъ невѣрующій учитель²⁾. Ни діалектическая обработка догмы, принятая Абеляромъ, ни суровое приращеніе Арнольдомъ всего существующаго не могло, конечно, понравиться Бернару, который выводилъ догму изъ непосредственнаго откровенія, который поощрялъ въ своемъ монастырѣ экстазъ мистическаго созерцація, для котораго обычной ежедневной атмосферой было чудо, который мухъ отлучалъ отъ церкви³⁾, и отъ передника, котораго, какъ насмѣхается Беренгаръ, рычали бѣсы⁴⁾. „Новое евангеліе“, жалуется онъ на свой риторическій ладъ⁵⁾, „проповѣдуется народамъ; вводится новая вѣра, полагается другое основаніе, не то, которое уже положено. Безнравственно спорять о добродѣтели, какъ невѣрующіе—о священномъ, неосторожно о тайнѣ Божественной Троицы: все извращено, все дѣлается противъ обычая и преданія. Благодетельный вѣруетъ и не вопрошаетъ, Абеляръ же въ своемъ сомнѣніи о Божествѣ не хочетъ вѣровать въ то, чего онъ не разложилъ напередъ своимъ разсудкомъ“.

Разъ Бернаръ не одобряетъ всей методы, онъ, разумѣется, питаетъ предубѣжденія противъ всѣхъ ея результатовъ. „Если онъ говоритъ о Троицѣ

¹⁾ Otto Frising. I, 48.

²⁾ S. Bern. Ep. 337. Migne 182, 540.

³⁾ S. Bern. muscas dedicationi ecclesiae (Fusniacens.) molestas excommunicavit, et omnes extinctae sunt. Vita S. Bernardi lib. I, cap. 11.

⁴⁾ Bereng. Apolog. у Cousin II, 772.

⁵⁾ Ep. 189.

то мы слышимъ Арія; если говорить о благодати, мы слышимъ Пелагія; если говорить о личности Христа, то уподобляется Несторию“, такъ пишетъ Бернаръ кардиналу Гвидо Кастелло, который нѣкогда въ восхищеніи сидѣлъ у ногъ Абеляра, и покровительствомъ котораго часто и охотно хвалился магистръ Петръ ¹⁾).

Разъ Бернаръ видѣлъ въ этой методѣ опасность для насаждаемаго имъ благочестія,—(что рационализмъ Абеляра уничтожалъ миръ чудесъ Бернара, это не подлежитъ спору)—то обязанностью его было бороться противъ нея; но способъ, какъ онъ это сдѣлалъ, не служить ему къ чести.

Быть можетъ, никакой другой эпизодъ въ жизни Бернара не характеризуетъ такъ ярко этого замѣчательнаго монаха, какъ борьба его съ Абеляромъ. Онъ борется съ нимъ съ неслыханною горячностью, когда же онъ держитъ его въ рукахъ, и каждый думаетъ, что теперь онъ покончитъ съ нимъ, тутъ онъ примиряется со своимъ противникомъ. Вообще Бернаръ—яркій характерный образъ святого въ романскомъ духѣ. Въ основѣ онъ гуманная, мягкая натура, но онъ преисполненъ поистинѣ ветхозавѣтнаго священнаго жара. Эти набожные люди—голуби и змѣи въ одномъ лицѣ. Они неустанно проповѣдуютъ о мирѣ и вездѣ, гдѣ бываютъ, сѣютъ раздоръ. Они требуютъ римскихъ походовъ, крестовыхъ походовъ, войнъ противъ еретиковъ и возвѣщаютъ миръ на землѣ, людямъ благоволеніе. Такъ и Бернаръ представитель цѣлой системы: съ виду она крестъ, на самомъ же дѣлѣ мечъ.

Юношей онъ былъ своего рода трубадуромъ ²⁾, потомъ кающимся грѣшникомъ, потомъ былъ реформаторомъ, главаремъ монашества; ко всему этому нужно имѣть призваніе, и оно у него есть. Онъ очень тонкій стилистъ, остроумнѣйшій писатель, могучій ораторъ, величайшій актеръ своего времени, но всѣмъ тѣмъ, что онъ есть и что имѣетъ, онъ служитъ іерархической идеѣ, идеѣ поработченія міра монашеству, наполненія его монастырями, а монастырей кающимися грѣшниками. Онъ обладаетъ такою силою убѣжденія, что родители прячутъ отъ него дѣтей своихъ, чтобы онъ не уговорилъ ихъ идти въ монастырь, подобно тому какъ онъ отправилъ Конрада III въ Іерусалимъ. Для него свято отреченіе отъ міра, но этимъ отреченіемъ онъ стремится къ господству надъ міромъ. Онъ хочетъ, чтобы воцарился миръ, а на его совѣсти, бла-

¹⁾ S. Bernardi Ep. 192. Ср. также Ep. 330. Sed in his omnibus gloriatur, quod cardinalibus et clericis curiae scientiae fontes aperuit; quod manibus et sinibus Romanorum libros et sententias incluserit, et in tutelam erroris sui assumit eos a quibus judicari debet et damnari. Ed. Migne I, 536.

²⁾ Berengar. Apologet. y Cousin, Абѣл. II, p. 771 и сл.

годари его побужденіямъ къ римскимъ и крестовымъ походамъ, больше крови, чѣмъ на комъ-либо во всемъ этомъ столѣтіи. Онъ мечтаетъ объ единствѣ церкви, а своимъ вмѣшательствомъ въ дѣло папы, получившаго папство пронырствомъ, онъ первый самъ утвердилъ схизму. Онъ начинаетъ какъ реформаторъ монашескаго міра, а его орденъ дѣлается роскошнѣе всѣхъ другихъ, потому что онъ дѣлаетъ его могущественнѣе остальныхъ. Это противорѣчіе лежало не только въ его дѣлѣ, но также и въ его личности, потому что человѣкъ не бываетъ безнаказанно представителемъ системы, которая подъ видомъ презрѣнія къ міру ищетъ господства надъ міромъ. Онъ то мягокъ какъ воскъ, то твердъ какъ камень; при малѣйшемъ несогласіи во мнѣніяхъ онъ проявляетъ крайнее нетерпѣніе, а потомъ опять становится кротокъ, миролюбивъ, снисходителенъ до непослѣдовательности. Съ излишнимъ смиреніемъ онъ соединяетъ полное отсутствіе скромности. Безпокойный, быстро возбуждающійся, онъ всегда готовъ перейти въ наступленіе, но скоро падаетъ духомъ и склоненъ прикрываться вышкой волею, которой онъ однако вообще не признаетъ. Откровенный до дерзости и скрытный до вѣроломства, духовидецъ, чудотворецъ по профессіи, истеричный монахъ, для котораго фантазія и дѣйствительность постоянно сливаются, легковѣрный до того, что надъ нимъ издѣваются даже друзья, онъ въ то же время государственный человѣкъ, съ тою широтою кругозора, которая возможна лишь для главы ордена, распространившагося по всей Европѣ. Онъ совершенно не знаетъ окружающей среды, но сотни нитей великой политики сосредоточиваются въ его рукахъ. Онъ называетъ монастырь своею родиною, своимъ желаннымъ, но въ то время, какъ онъ вздыхаетъ о тишинѣ своей кельи и ея восторгахъ, онъ долженъ отнести къ себѣ укоръ, сдѣланный папою, что онъ вмѣшивается во все, что его не касается, и канцлеръ Гаймерихъ намекаетъ ему, что онъ долженъ побольше сидѣть въ своемъ монастырѣ¹⁾). Изъ кельи, которую онъ такъ любитъ, его тинетъ въ даль, которую онъ ненавидитъ, а въ дали онъ вздыхаетъ о милой долиинѣ, въ которой однако долго онъ оставаться не можетъ. Онъ ненавидитъ борьбу, но во время мира горе церкви кажется ему еще горше. Онъ не презираетъ никого, но презираетъ весь свѣтъ; онъ презираетъ себя, но онъ презираетъ также тѣхъ, которые его презираютъ. По большей части въ немъ говоритъ священный экстазъ, потомъ онъ опять охладѣваетъ, но никогда онъ не бываетъ нормальнымъ. Кто хочетъ всесторонне изучить

¹⁾ Bern. Ep. 48. Ad Haimericum.

монашескую душу несчастную, мучающуюся, раздражительную, въ вѣчной борьбѣ съ самой собою, ея порывы вверхъ и паденіе внизъ, ея мятельность и миролюбіе, гармонію и дисгармонію, тотъ долженъ прочесть письма Бернара. Въ общемъ, нѣтъ сомнѣній, Бернаръ хочетъ добра, но это добро не должно совершаться помимо его ордена. Онъ молить Бога, чтобы ему умереть тихо и позабытымъ въ одиночествѣ, и половину жизни своей проводить на спинѣ мула, развѣзая постоянно по дѣламъ папы и цистерціанцевъ. Шиллеръ назвалъ его духовнымъ плутомъ¹⁾, Неандеръ святымъ, въ дѣйствительности же въ одномъ лицѣ соединилось множество противорѣчій, и эти противорѣчія могли такъ развиться только на почвѣ изыщнѣйшаго романскаго образованія, на почвѣ самаго нездороваго монашескаго аскетизма и на почвѣ григоріанской лжи, что церковь отрывается отъ міра, который она хочетъ завоевать.

Когда Арнольдъ вернулся во Францію, борьба между Абеяромъ и Бернаромъ возгорѣлась вновь, и Арнольдъ не замедлилъ стать на сторону слабого. Какъ благородный боевой конь, который настораживаетъ уши, когда зазвенятъ мечи о шишаки, и самъ рвется впередъ, слыша трубы, такъ бѣглець, съ трудомъ избѣжавшій собственной гибели, явился къ учителю, чтобы сражаться рядомъ съ нимъ. Борьба съ Абеяромъ началась съ того, что цистерціанецъ Вильгельмъ изъ Тьерри, бывшій однимъ изъ близкихъ лицъ святаго Бернара, выступилъ противъ Абеяра съ обвиненіемъ въ ереси. Хотя это обвиненіе было обращено къ аббату клервосскому и епископу шартрскому²⁾, но при тѣхъ близкихъ отношеніяхъ, которыя существовали

1) Шиллеръ пишетъ Гете: „Эти дни я занялся святымъ Бернаромъ и очень порадовался этому знакомству; трудно отыскать въ исторіи второго такого житейски-мудраго духовнаго плута, который къ тому же находился бы въ такой подходящей для него стихіи, чтобы играть достойную роль. Онъ былъ оракуломъ своего времени и правилъ имъ, несмотря на то, а можетъ быть и именно потому, что оставался только частнымъ человѣкомъ и оставлялъ другихъ на первыхъ мѣстахъ. Папы были его учениками, а короли его креатурами. Онъ ненавидѣлъ и по возможности давилъ все выдающееся и поощрялъ непроходимую монашескую тупость, да и самъ онъ былъ только истымъ монахомъ и обладалъ лишь житейскою мудростью и ханжествомъ“. Изданіе Шпеманна II, 314.

2) Вегг. Ер. 326. Ed. Migne I, 531. Такъ какъ Вильгельмъ былъ въ то время монахомъ въ цистерціанскомъ монастырѣ въ Синьи и былъ въ тѣсной дружбѣ съ Бернаромъ, посвятившимъ ему свою *Apologia*, Migne, 182, 895 и сл. и сочиненіе „о благодати и свободной волѣ“, тамъ же 1001 и сл., то невѣроятно, чтобы онъ вовлекъ въ этотъ споръ Бернара помимо его воли.

между обвинителемъ и аббатомъ, ни для кого не было сомнѣнія, что Бернаръ одобрилъ этотъ шагъ своего друга, и что за этимъ обвиненіемъ скрывался самъ могущественный аббатъ клервосскій. Самъ обвинительный актъ всецѣло носить характеръ стили бернардовскихъ писемъ, такъ что даже составленіе его было приписано святому¹⁾, хотя въ отвѣтъ своему ученику онъ принимаетъ такой тонъ, какъ будто онъ совершенно въ сторонѣ.

Если припомнить только, что до сихъ поръ еще Абеляръ, послѣ своего тяжелаго опыта въ Соассонѣ, содрагался съ ужасомъ при мысли, что его опять потащатъ на соборъ, то поразительно, что теперь онъ самъ требуетъ дозволенія противостать Бернару на соборѣ, чтобы оправдаться отъ упорковъ, которые ему дѣлаютъ. Не Арнольдъ ли побудилъ его на этотъ смѣлый шагъ? Когда читаешь донесенія Бернара Иннокентію II, то едва можно удержаться отъ этого предположенія. „Прямо“, жалуется аббатъ, „выступаетъ Голаіаъ, одѣтый въ рыцарскую броню, и передъ нимъ идетъ его оруженосецъ Арнольдъ изъ Врешіи. Чешуя сдѣпляется съ чешуею. Французская пчела (Abeillard отъ l'abeille) нажужжала итальянской, и онѣ соединились противъ Господа и Его помазанника“²⁾. Изъ донесенія Бернара ясно видно во всякомъ случаѣ, что Абеляръ и его преемникъ по школѣ на холмѣ святой Женевьевы, Арнольдъ, въ этой борьбѣ стояли другъ за друга, и Арнольдъ защищалъ гонимаго магистра Петра и поддерживалъ его.

Сомнительнѣе, раздѣлялъ ли пріоръ брешіанскій и воззрѣнія Абеяра. Едва ли Арнольда, изгнанника, челоѣка практики и общественной жизни, привязывала къ Абеяру философія и догма; скорѣе ихъ связывало гнѣвное презрѣніе къ клиру, общее имъ обоемъ, а затѣмъ склонность къ суровому аскетизму, потому что въ то время давно уже и Абеляръ не былъ тѣмъ блестящимъ свѣтскимъ челоѣкомъ, который разыгралъ нѣкогда романъ съ прекрасной Элоизой. „Въ отношеніи пищи и одежды“, пишетъ о нихъ обоихъ Бернаръ, „они съ виду благочестивы, но не по су-

1) Ср. о томъ М. Deutsch., die Synode von Sens, Берлинъ 1880, стр. 7 и сл.

2) Эта игра словъ не можетъ быть вполне передана. Пчела (Epist. 189, у Migne 182, 355) намекъ на имя Абеяра, игра словъ, какою любить Бернаръ. Съ этимъ у него связывается воспоминаніе изъ прор. Ис. 7. 18 sibilabit Dominus muscae... et ari, quae est in terra Assur, въ которомъ, по мнѣнію пророка, пчела не жужжитъ, но прилетаетъ на свистъ, какъ Абеляръ свиснулъ къ себѣ итальянца.

шеству своему; и многих обманывают тѣмъ, что принимаютъ образъ ангеловъ свѣта, будучи ангелами сатаны. Ихъ луки вянцуютъ, колчаны ихъ полны стрѣлъ, чтобы поражать благочестивыхъ... Между обоими ополченіями стоитъ Гоіаеъ со своимъ оруженосцемъ, и вызываетъ на бой воинскіе ряды Израіля, и поноситъ ихъ тѣмъ дерзче, что знаетъ, что Давида здѣсь нѣтъ“.

Мы можемъ повѣрить такому смѣлому вызову на бой со стороны оруженосца Арнольда; вызовъ же Гоіаеа Абеяра ограничивается тѣмъ, что Абеяръ не сталъ дожидаться, пока путемъ тайныхъ доносовъ Бернаръ наброситъ ему сзади петлю на шею, но самъ пожелалъ публичнаго диспута, который былъ неудобенъ Бернару. Но аббать только повидимому дѣйствовала совершенно открыто. Послѣ того, какъ Вильгельмъ, бывший реймскій аббать, теперь же простой монахъ братства цистерціанцевъ въ Сивьи, принесъ свою жалобу Бернару, Бернаръ увѣщевалъ знаменитаго учителя съ глазу на глазъ; когда онъ этимъ ничего не достигъ, онъ, согласно Писанію, отъ Мато. 18, ст. 15 и сл., взялъ нѣсколькихъ свидѣтелей и повторилъ, такъ рассказывали епископы папѣ, требованіе, чтобы Абеяръ исправилъ свои сочиненія и предостерегъ своихъ слушателей относительно своихъ собственныхъ ученій. По словамъ Готфрида, біографа Бернара, магистръ Петръ далъ аббату вѣрное обѣщаніе, но прельщенный *дурными совѣтами* и полагаясь на свое превосходство въ диспутѣ, онъ замыслилъ нѣчто иное ¹⁾.

Теперь, какъ доносить епископы папѣ, Бернаръ открыто выступилъ противъ Абеяра и его сочиненій. Это значить, что онъ проповѣдывалъ противъ еретика и возбудилъ противъ него свой орденъ. Студентовъ также предостерегалъ онъ противъ этого невѣрующаго учителя и увѣщевалъ ихъ не читать его отравленныхъ ядомъ сочиненій ²⁾. Раздраженный этимъ Абеяръ прельстился совѣтомъ своего „дурного совѣтчика“ и потребовалъ отъ архіепископа сенскаго, чтобы онъ устроилъ диспутъ между нимъ и Бернаромъ на праздникѣ Св. Троицы 1141 г., на этотъ праздникъ ожидали молодого короля и многихъ прелатовъ по случаю выставленія святыхъ мощей. Аббать клервоскій сначала уклонился отъ этого вызова, на который, какъ можно заключить изъ его донесенія папѣ, онъ смотрѣлъ, какъ на большую дерзость. Но, когда ему поставили на видъ, какое дурное впечатлѣніе произведетъ его отсутствіе, и какъ тогда, „вырастуть рога“ у Абеяра, онъ явился,

1) Vita Bern. II, 5, 13, у Migne 185, 311.

2) Ep. Bern. 337, 2.

„правда, неподготовленный“, какъ онъ говоритъ, „и невооруженный, развѣ только, что я носилъ въ сердцѣ своемъ извѣстные слова: „не заботьтесь, какъ или что говорить вамъ, ибо дано будетъ вамъ въ тотъ часъ, что вамъ говорить“, и другія: „Господь со мною, и я не боюсь, что могутъ мнѣ сдѣлать люди!“ Это звучитъ весьма героически, но, къ сожалѣнію, мы знаемъ изъ писемъ аббата, какъ горячо убѣждалъ онъ дружественныхъ епископовъ отстаивать его, отстаивать гонимую вѣру и ихъ собственные интересы и явиться на соборъ. И мы находимъ потомъ всѣхъ его друзей и покровителей на соборѣ въ Сенѣ; увѣренный такимъ образомъ заранѣе въ подачѣ голосовъ, онъ могъ, конечно, предоставить святому Духу, какъ или что ему говорить ¹⁾).

Какъ это можно было предвидѣть, разбирательство въ Сенѣ, на которое рѣшился Абеляръ, убѣждаемый своимъ смѣлымъ, но не знающимъ обстоятельствъ другомъ, конечно, при такихъ условіяхъ потерпѣло неудачу. Абеляръ нашелъ, что толпа народа, собравшаяся на поклоненіе святымъ мощамъ, уже возбуждена противъ него, какъ рассказываетъ Оттонъ Фрейзингскій ²⁾, а аббатъ старался еще болѣе возбудить ее противъ него. Въ качествѣ святого Бернаръ разумѣется не требовалъ отъ фанатической паствы побіенія еретика камнями, онъ убѣждалъ народъ молиться объ обращеніи его, но дѣйствіе на самомъ дѣлѣ было почти то же самое. Прежде чѣмъ приступить къ публичнымъ преніямъ, Бернаръ, какъ предусмотрительный человекъ, счелъ нужнымъ упрочить за собою подачу голосовъ на предварительномъ совѣщаніи. Какъ дѣло было на этомъ рѣшающемъ предварительномъ совѣщаніи, объ этомъ весьма наглядно рассказываетъ намъ одинъ почитатель Абеяра, Беренгаръ, который былъ схоластикомъ въ Пуатье и написалъ апологію своего учителя ³⁾. Язвительное сочиненіе его начинается прежде всего ироническою похвалою Бернару, какъ писателю произведеніями котораго можно было уже покрыть всю поверхность земную. Прекрасныя, божественныя, конечно, это произведенія, какъ могли бы они не быть таковыми, „потому что, какъ мы слышали, въ юности своей ты сочинялъ свѣтскія пѣсенки и фарсы, и я говорю это не какъ одни предположенія, но свидѣтель мнѣ твоя родина“ ⁴⁾. Послѣ прославленія Бернара какъ

¹⁾ Ep. 189, Migne 182, p. 356.

²⁾ Gesta Frid. 1, 48. Seditioem populi timens. Mon. Germ. XX, 377.

³⁾ Berengarii Scholastici Apologeticus въ Abaelardiop. ed. Cousin II, p. 771 и сл.

⁴⁾ Полный текстъ слѣдующій: Audivimus a primis fere adolescentiae

писателя слѣдуетъ прославленіе его святости. „Давно уже“, пишетъ Беренгаръ, „крылатая молва разнесла по свѣту благоуханіе твоей святости, возвѣстила твои заслуги и разгласила твои чудеса. Счастливымъ мы почитаемъ новое время, которое красуется блескомъ такого яркаго свѣтила; мы уже думали, что осужденный на погибель свѣтъ существуетъ только ради твоихъ заслугъ. Отъ силы твоего слова, надѣялись мы, зависить милость небесъ, плодородіе земли, изобиліе плодовъ; главою своею ты касаешься небесъ, и, какъ говоритъ народная пословица, вѣтвями своими ты закрылъ тѣнь отъ горъ. Такъ ты жилъ, такъ возстановилъ ты церковь, давъ ей цѣломудренныя учрежденія, и мы думали, что уже отъ одного передника (*semicinctia*) твоего рычали бѣсы. Теперь же, о горе! открылось то, что было сокрыто: ты показалъ наконецъ свое змѣиное жало. Съ епископами, собравшими со всѣхъ странъ, ты объявилъ на соборѣ въ Сенѣ Петра Абелира еретикомъ. Какъ разбойникъ напалъ ты на него тайно, когда онъ мирно шель по пути Христовомъ. Ты проповѣдывалъ народу, что онъ долженъ молиться за него, а въ это время въ душѣ своей ты замышлялъ уже изгнать его изъ христіанскаго міра...

„Послѣ трапезы была принесена въ собраніе книга Абелира, и одному крикуну было поручено прочесть отрывки вслухъ. Изъ ненависти къ Абелиру и разгоряченный произведеніемъ виноградной лозы,—не той, которая говорила: я истинная виноградная лоза, но той, которая повергла патріарха Ноя обнаженнымъ на землю,—онъ кричалъ громче, чѣмъ даже этого хотѣли. Спустя нѣкоторое время было замѣтно, что епископы стали шумливѣе, они толкали другъ друга ногами, смѣялись и шутили. Должно сознаться, что здѣсь приносили жертву не Христу, а Бахусу. Тѣмъ временемъ епископы

rudimentis, canticulas mimicas et urbanos modulos facitasse. Neque certe in incerto loquimur opinionis, sed testis est alumna tui patria nostri sermonis. Nonne id etiam tuae memoriae altius est insignitum, quod fratres tuos rhythmico certamine, acutaeque inventionis versutia semper exsuperare contendebas? Cui gravis et peracerba videbatur injuria, reperire aliquem qui pari respondebat protervia. Possem aliqua de nugis tuis huic opusculo ex testium probabiliū astipulatione inserere, sed vereor paginam toedi commenti interpositione interpolari. Ceterum cunctis nota teste non indigent. Plum itaque commentandi et nugandi usum ad divinum saepe instrumentum accersis. Здѣсь проглядываетъ та сторона юношеской исторіи Бернара, которую vitae святого совершенно обходили. Какъ во многихъ случаяхъ, легенда и здѣсь не только затемнила историческую правду, но даже совершенно отрицала ее.

чогались кубками, прославляли стаканы, хвалили вина, епископы промачивали глотки... если тогда что-нибудь высокое и божественное из сочиненій Абеяра, что для ушей епископскихъ было совершенно непривычно, покрывало шумъ, тогда они негодовали и скрежетали зубами на Абеяра, слѣзные кроты на философа: „неужели мы оставимъ жить это чудовище?“ И подобно іудеямъ качая головою, они восклицали: „онъ разрушаетъ храмъ Божій“. Такъ судять слѣпцы о словахъ свѣта, пьяные осуждаютъ трезваго. Собаки кусаютъ святого, и свиньи грызутъ жемчугъ... Трезвенные епископы выпили слишкомъ много вина, неразбавленнаго водою, и винные пары такъ подѣйствовали на ихъ мозгъ, что они всѣ заснули. Между тѣмъ чтець продолжаетъ кричать, слушатели же храпятъ. Одинъ опирается на локти, другой на мягкую подушку, третій опустилъ голову на колѣни и спитъ. Когда чтець наткался на какое-либо рѣзкое мѣсто у Абеяра, онъ кричалъ въ уши епископовъ: „осуждаете вы это?“ Разбуженные послѣднимъ слогомъ, нѣкоторые отвѣчали соннымъ голосомъ и съ повисшей головой: „dampatus“. Другіе, только пробудившись отъ этого слова, воскликнули лишь: „patus“... (мы плывемъ). Конечно, они плыли, но ихъ плаваніе было утопаніе. То, что они сдѣлали, что постановили законники, это стоитъ въ священномъ Писаніи: „первосвященники и фарисей собрали совѣтъ, одинъ же изъ нихъ, по имени аббать Бернаръ, первосвященникъ этого собора, пророчествовалъ, говоря: лучше, чтобы умеръ одинъ человекъ, нежели, чтобы весь народъ погибъ“.

Это описаніе молодого почитателя Абеяра, можетъ быть, слишкомъ преувеличено, но Абеяръ во всякомъ случаѣ убѣдился, что не только о справедливомъ, но даже о просто приличномъ отношеніи къ его дѣлу тутъ нечего было и думать. По словамъ Беренгара, Абеяръ молился вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: „множество тельцовъ обступили меня, тучные быки окружили меня и раскрыли на меня пасть свою“. Но онъ не пожелалъ услышать, что будетъ говорить эта пасть, и сдѣлалъ самое умное, что могъ сдѣлать при этихъ обстоятельствахъ; онъ на слѣдующій день явился передъ соборомъ и объявилъ, что обратился съ апелляціей къ римскому престолу, послѣ чего немедленно оставилъ собраніе.

Какъ ни шумѣли теперь епископы, что Абеяръ не можетъ уклоняться отъ приговора собора, который онъ самъ выпросилъ у архіепископа, однако они не осмѣлились осудить его самого, а должны были удовольствоваться тѣмъ, что послѣ рѣчи Бернара, въ которой были предложены имъ положенія Абеяра, частью однако совершенно не встрѣчающіяся въ его сочиненіяхъ, они признали ихъ ересями и съ своей стороны отправили докладъ папѣ.

Такъ какъ осужденіе, воспослѣдовавшее въ Римѣ, распространяется и на Арнольда Брешіанскаго, то мы можемъ смѣло предположить, что Арнольдъ сопровождалъ своего учителя и на соборъ въ Сенѣ. Епископы также доносятъ папѣ: „присутствовалъ магистръ Петръ со своими покровителями“¹⁾. Оруженосецъ Арнольдъ шель передъ Голіаеомъ Абеяромъ, жалуется Бернаръ, „французская пчела нажужжала италіанской; чешуя сѣпляется съ чешуею, такъ что воздухъ не проходитъ между ними; они возстали на Господа и Его помазанника“²⁾. А въ другой редакціи донесенія, которое аббатъ для большей вѣрности, повидимому, приготовилъ вдвойнѣ, онъ говоритъ: „магистръ Петръ и Арнольдъ, отъ заразы котораго вы очистили Италію, стоятъ другъ за друга и соединились противъ Господа и Его Христа“³⁾. Такимъ образомъ, въ высшей степени вѣроятно, что какъ на Арнольда распространяется приговоръ паны, основывающійся на требованіяхъ собора, такъ Арнольдъ подразумѣвается также подъ присутствовавшими на соборѣ друзьями Абеяра. Очевидно, что случай, подобный происшедшему въ Сенѣ, не могъ настроить бѣглеца изъ Брешіи мягче по отношенію къ епископамъ и прелатамъ. Но вскорѣ ему пришлось познакомиться съ церковной тиранніей еще ближе.

„Ты долженъ“, такъ писалъ Бернаръ папѣ Иннокентію II, „ловить лисицъ, пока еще онѣ молоды. Къ тому же онѣ не такъ уже молоды и могутъ быть истреблены только сильною рукою“⁴⁾. Конечно, аббату едва ли нужно было говорить папѣ, что у него нѣтъ никакой причины стоять за брешіанскаго схизматика; а то, что именно Бернару папа обязанъ усмиреніемъ Пьерлеоне, рыкающаго льва, это Бернаръ самъ напоминаетъ ему весьма неделикатнымъ образомъ. Не къ одному только папѣ обращается онъ, но съ нервною поспѣшностью осаждаетъ также кардиналовъ, говоря имъ, что они не должны покидать его въ дѣлѣ, отъ котораго зависить все достоинство его. Разнообразный тонъ, съ которымъ онъ обращается къ отдѣльнымъ лицамъ, показываетъ однако, какъ хорошо рассчитано его негодованіе, и какъ умбеть онъ, когда нужно, обуздывать и сдерживать или усиливать свой гнѣвъ⁵⁾. Масса писемъ вылилась изъ-подъ его искуснаго пера, но дѣло,

1) Ep. 337 у Migne, 182, p. 542. Также 541: coepit undequaque convocare discipulos.

2) Ep. 189.

3) Ep. 330. Migne, 182, p. 535.

4) Ep. 189.

5) Ср. Epp. 189, 192—193. 331—336. 338.

требовавшее такой усиленной поддержки, должно быть было сомнительнымъ, и все производить такое впечатлѣніе, что аббатъ не увѣренъ ни въ окружающихъ, ни въ кардиналахъ. Святой, обладавшій житейскою мудростью, и не подумалъ также ждать спокойно и съ достоинствомъ рѣшенія высшаго судьи, напротивъ, онъ отправляетъ въ Римъ посла, который долженъ былъ сдѣлать личный докладъ и воздѣйствовать на курію въ его духъ. Для этого Бернаръ избралъ своего секретаря, очень ловкаго монаха цистерціанца Николая изъ Монтье Рамэ, человѣка, котораго онъ потомъ обвиняетъ въ подлогахъ ¹⁾ и отъ котораго предостерегаетъ, что онъ еще хуже Арнольда изъ Брешии, и что ни одинъ смертный никогда еще не заслуживалъ въ такой мѣрѣ заточенія, какъ этотъ Николай, укравшій книги, деньги и три печати и совершившій при помощи ихъ грубѣйшіе подлоги.

Свою славу знатока людей и прозорливца Бернаръ пытается потомъ спасти слѣдующимъ изумительнымъ заявленіемъ: онъ самъ давно уже понялъ этого человѣка, но какъ Іуду тергѣлъ между своими учениками, чтобы онъ исправился или самъ изобличилъ себя. Этого служителя Господня Бернаръ и послалъ въ Римъ, чтобы къ письмамъ, которыя онъ долженъ былъ отвезти, онъ присоединилъ еще устно нужныя свѣдѣнія. Такъ, о римскомъ субдіаконѣ Іацинеу, злой языкъ котораго не щадилъ при французскомъ дворѣ ни личности папы, ни куріи, Бернаръ ничего не пишетъ, но его довѣренный Николай долженъ былъ передать объ этомъ все *viva voce* ²⁾). Такимъ образомъ этотъ мудрый человѣкъ мастерски руководилъ процессомъ во всѣхъ инстанціяхъ со времени жалобы, поданной въ постъ 1141 г., и до приговора святого престола, послѣдовавшаго уже 16-го іюля 1141 г., какъ относительно Абельяра, такъ и относительно Арнольда. Не давая обвиняемымъ даже возможности оправдаться, папа присудилъ обоимъ къ пожизненному заключенію.

Приговоръ ³⁾ основывался на постановленіи, изданномъ еще императорами Валентиніаномъ и Маркіаномъ, что объ ученіяхъ церковныхъ твердо установленныхъ не должно болѣе спорить; вотъ почему папа совершенно не вдается въ догматику, но довольствуется тѣмъ, что осуждаетъ прислан-

¹⁾ Ср. Ер. 298, въ которомъ Бернаръ предостерегаетъ Евгенія III, чтобы онъ не допустилъ Николая обмануть себя, какъ раньше обманулъ Арнольдъ Брешианскій, которому онъ далъ амнистию вопреки совѣту Бернара. *Momentote Arnaldi de Brixia, quia esse plus quam Arnaldus hic.*

²⁾ Ер. 189, стр. 357.

³⁾ Mansi, concil. coll. XXI, 563—65. Булла также у Migne 182, p. 359. и сл.

ныя ему ученія Абеяра, а ему какъ еретнику предписываетъ постоянное молчаніе. Всѣ приверженцы и защитники его заблужденія также исключались изъ общества вѣрующихъ и предавались проклятію. Хотя уже этимъ Арнольдъ Брешианскій также подвергался отлученію вмѣстѣ съ другими, но для него есть еще особая анаѣма. Во второмъ своемъ бреве папа приказываетъ епископамъ реймскому и сенскому, также и аббату клервосскому, заключить въ монастыри, по усмотрѣнію этихъ прелатовъ, Петра Абеяра и Арнольда изъ Брешии, какъ провозгласителей ложныхъ ученій и враговъ вѣры, а книги ихъ, гдѣ онѣ будутъ найдены, сжечь.

Такимъ образомъ Арнольдъ Брешианскій былъ осужденъ на гнѣніе въ монастырской темницѣ, не будучи допрошенъ и даже обвиненъ, только по тайному навету аббата клервосскаго, такъ какъ предложенія Сенскаго собора выражали лишь вообще желаніе, чтобы были осуждены ученія Абеяра, и чтобы всѣ, кто упорно и задорно защищаетъ ихъ, были должнымъ образомъ наказаны.

Какъ вообще неправильно велось это дѣло, доказываетъ добавленіе къ папскому указу; въ немъ говорится, что приговоръ должно сохранять въ тайнѣ до предстоящей конференціи въ Парижѣ, гдѣ его можно уже будетъ предъявить архіепископамъ въ подлинникѣ. При такихъ обстоятельствахъ насъ не удивляетъ, что Бернару вскорѣ пришлось защищаться передъ однимъ кардиналомъ отъ упрёка, что приговоръ относительно Арнольда онъ получилъ у папы благодаря пронырству ¹⁾).

Но именно потому, что Бернару въ его личномъ дѣлѣ, въ которомъ и безъ того уже онъ былъ одновременно истцомъ и судьей, теперь было поручено также исполненіе приговора, этотъ приговоръ утратилъ нравственный авторитетъ, и среди французскихъ епископовъ папская булла не произвела должнаго впечатлѣнія. „Тамъ не было ни одного дѣлающаго добро“, жалуются святой Бернаръ ²⁾).

Мы узнаемъ, напротивъ, что, не взирая на Сенскій соборъ, на который Бернаръ созвалъ всѣхъ своихъ друзей, въ кругу французскихъ прелатовъ возникло сильное противодѣйствіе аббату клервосскому. Даже семь лѣтъ спустя на Реймскомъ соборѣ, гдѣ святой Бернаръ оиять хотѣлъ заранѣе подготовить подачу голосовъ противъ ученаго Жильбера изъ Пуатье, гово-

¹⁾ Ep. 196. *Subreptum fuisse domino Papae.* Migne 182. 364.

²⁾ Ep. 195 у Migne 182, стр. 363. *Histor. pontif. Mon. Germ.* XX, 537 свидѣтельствуетъ точно такъ же, что булла не достигла своей цѣли.

рили: „съ такими же хитростями нѣкогда аббать попалъ на магистра Петра“ ¹⁾). Одно молодое духовное лицо, пользовавшееся большимъ вліяніемъ въ Римѣ, Іакинъ, потомъ бывшій кардиналомъ, сильно противился аббату ²⁾ и какъ союзникъ Арнольда такъ ратовалъ въ этой борьбѣ за Абеяра, что аббать клервосскій позаботился довести до свѣдѣнія Рима неосторожныя выраженія молодого человѣка о папѣ и кардиналахъ ³⁾).

Значительную роль въ томъ, что настроеніе среди клира измѣнилось въ пользу Абеяра, мы должны приписать также язвительной апологіи Беренгара, остроумнѣйшему, быть можетъ, изъ полемическихъ произведеній, дошедшихъ до насъ изъ эпохи среднихъ вѣковъ. Правда, сочинитель дорого заплатилъ за свое произведеніе и на себѣ самомъ узналъ, „что не такъ больно быть пожраннѣмъ волками, какъ быть исщипаннѣмъ на куски зубами овецъ“ ⁴⁾, такъ выражается онъ со своимъ суровымъ юморомъ. Но всего важнѣе было то, что Ключи измѣнили. Правда, аббать Петръ былъ достойнымъ уваженія другомъ Бернара, но такимъ другомъ, какими обыкновенно бываютъ святые. Не могъ же великій ключіанецъ отказать себѣ въ удовольствіи приготовить весьма чувствительное пораженіе великому цистерціанцу.

Когда на пути своемъ въ Римъ Абеяръ остановился въ Ключи, могущественный аббать удержалъ у себя этого разбитаго, нуждающагося въ покоѣ, престарѣлаго ученаго и общалъ ему быть посредникомъ въ примиреніи его съ церковью. Это испортило все дѣло Бернара. Когда аббать клервосскій увидѣлъ, что общественное мнѣніе обратилось противъ него, онъ тотчасъ же повернулъ назадъ—къ подобнымъ перемѣнамъ погоды у него было удивительное чутье. Теперь для него было совершенно достаточно весьма условнаго объясненія Абеяра, чтобы прекратить дѣло противъ человѣка, надъ которымъ пана даль ему власть заключить его, какъ и гдѣ ему покажется лучше. Благодаря посредничеству аббатовъ изъ Сято и Ключи примиреніе состоялось.

¹⁾ Hist. pontif. c. 9. Mon. Germ. XX, 523.

²⁾ Bern. Ep. 189 и 338. Ср. также Іоанна Салисберійскаго: *Ernaldus adhaesit Petro Abaelardo partesque, ejus cum domino Jacincto, qui nunc cardinalis est, aduersus abbatem Clarevallensem studiosius fovit.* Hist. pontif. c. 31.

³⁾ Ep. 189. Migne, 182, 357.

⁴⁾ *Abäl. op. ed. Cousin, 786. Minus certe dolerem, si fauces lupi biberent meum sanguinem, quam si ovium dentibus in frustra minuerer. Corrige igitur, Pastor bone, tuas oves, ne contra me balent, etc. Epistola Berengarii ad episcopum Mimatensem.*

Ища убѣжища въ Ключни, Абельяръ, конечно, не выказалъ особенной храбрости, но ему, усталому борцу, дали миръ, котораго онъ искалъ на послѣднихъ дняхъ своей жизни и дѣйствительно нашелъ подъ защитоу Петра Достопочтеннаго; а когда 21 апрѣля 1142 года смерть избавила его отъ всякихъ нападокъ его враговъ, тогда достопочтенный Петръ, глава: клюнианцевъ, далъ такое трогательное описаніе примѣрной жизни блаженно усопшаго, что всякаго другого оно заставило бы прослыть святымъ, но, Абельяру, конечно, нисколько не помогли его добрыя дѣла, такъ какъ Бернаромъ было давно рѣшено, что съ виду онъ былъ Іоаннъ, а въ душѣ Иродъ.

Этотъ жалкій исходъ борьбы, которая велась съ такимъ шумомъ, былъ не по душѣ страстному брешіанскому борцу. Пусть оскорбленный магистръ Петръ укрывается у монаховъ Ключни, италіанецъ остается на мѣстѣ, и именно тамъ, гдѣ послѣднее время жилъ Абельяръ, у церкви святого Иларія на холмѣ святой Женевиевы, онъ открываетъ теперь свою собственную школу. Послѣ того, какъ папскій приговоръ относительно Абельяра потерялъ свою силу, благодаря простому примиренію обвинителя и обвиняемаго, конечно, нечего было и думать о заточеніи гораздо менѣ скомпрометированнаго Арнольда изъ Брешіи, хотя Бернаръ и теперь все еще примѣняетъ къ нему въ буквальный смыслъ требованіе вышеупомянутаго донесенія епископовъ, чтобы всѣ тѣ, кто упорно и задорно защищаетъ основы ученія Абельяра, были должнымъ образомъ наказаны ¹⁾. А именно это и дѣлалъ Арнольдъ. То, что италіанецъ вообще получилъ возможность продолжать подобнымъ образомъ свою учительскую дѣятельность, свидѣтельствуетъ объ окончательномъ пораженіи Бернара. Но эта терпимость къ схизматику, по всей вѣроятности, стоять въ связи съ большимъ церковнымъ раздоромъ, возгорѣвшимся во Франціи въ 1141 г., когда молодой король со своимъ руководителемъ Сугеріемъ всталъ въ рѣзкое противорѣчіе къ куріи Иннокентія II. Кардиналъ Гаймерихъ, отецъ схизмы, хотѣлъ избрать на архіепископское мѣсто въ Вуржѣ своего родственника Петра ла Шатръ, а Людовикъ VII не хотѣлъ утвердить родственника кардинала. Тогда Иннокентій II объявилъ: „королю, пока онъ еще мальчикъ, не слѣдуетъ давать воли и надо стараться, чтобы ни къ чему такому онъ не привыкалъ“. Графъ Теобальдъ изъ Шампани, покровитель аббата клервоссаго, допустилъ назначеннаго папою епископа и безъ разрѣшенія короля. Слѣдствіемъ этого была война, а за нею

¹⁾ Въ своемъ письмѣ къ епископу констанцскому. Ер. 195.

отлученіе отъ церкви и интердиктъ. Витри со своимъ соборомъ полнымъ народа былъ преданъ пламени. Почти всѣ главные вассалы стали на сторону короны, а Теобальда прозвали вождемъ монаховъ.

Какую иллюстраціей къ ученію Арнольда, что война не прекратится, доколѣ духовенство станетъ защищать свѣтское владѣніе, служили эти ужасныя событія! Но они неизбежно должны были помѣшать выполненію приговора, исходатайствованнаго Бернардомъ, такъ какъ Бернаръ принялъ сторону Теобальда и папы.

Мы знаемъ отъ самого Бернара, и Іоаннъ Салисберійскій также подтверждаетъ это, что Арнольдъ спокойно продолжалъ себѣ громить епископовъ и бичевать чудотворца клервоссаго у церкви святого Иларія, гдѣ прежде жилъ Абельяръ. Аббатъ монастыря, въ вѣдѣніи котораго находился монастырскій округъ, нисколько не препятствовалъ ему въ этомъ. Іоаннъ Салисберійскій, въ то время самъ принадлежавшій къ членамъ монастыря святой Женевьевы ¹⁾, говоритъ объ этомъ: „Арнольдъ, оставаясь въ Парижѣ, толковалъ своимъ слушателямъ на холмѣ святой Женевьевы священное Писаніе у церкви святого Иларія, гдѣ жилъ раньше вышеупомянутый Петръ (Абельяръ). Но у него были только бѣдные ученики, и такіе, которые открыто просили милостыни, переходя отъ одной двери къ другой, и такъ влачили свое существованіе вмѣстѣ со своимъ учителемъ“. Вполнѣ понятно, что проповѣдь Арнольда о бѣдной церкви Іисуса и постоянная его полемика противъ роскоши епископовъ не могли найти слушателей среди студентовъ въ Парижѣ. Молодые священнослужители, учившіеся здѣсь, всѣ сами хотѣли стать такими же пышными епископами, они и пріѣхали сюда, въ столицу короля, гдѣ собирались высшіе прелаты, именно для того, чтобы добиться тѣхъ свѣтскихъ бенефицій, которыя осуждалъ Арнольдъ. Практическіе люди, въ родѣ Іоанна Салисберійскаго, не особенно стояли за бѣдную церковь. „То, о чемъ училъ Арнольдъ“, пишетъ онъ, „вполнѣ согласно съ закономъ христіанскимъ, но не совместио съ дѣйствительною жизнью. Ар-

¹⁾ Ср. Ioh. Saresberiensis Metalogicus, II, 10: Cum primum, adolescens admodum, studiorum causa migrassem in Gallias, anno altero postquam illustris rex anglorum Henricus, Leo iustitiae, rebus excessit humanis, contuli me ad Peripateticum Palatinum, qui tunc in monte sanctae Genovefae clarus doctor, et admirabilis omnibus praesidebat. Такъ какъ Генрихъ I англійскій умеръ въ 1135 г., то можно опредѣлить такимъ образомъ время прибытія Іоанна Салисберійскаго въ Англию. Peripateticus Palatinus—Абельяръ.

нольдъ не щадилъ епископовъ за ихъ скупость и постыдную наживу, такъ какъ они жили небезупречно и стремились кровью построить церковь Вожию“. Итакъ, Арнольдъ продолжалъ одну борьбу, отъ которой избавился Абеляръ, и, если студенты богословія держались отъ него далеко, то это еще не значитъ, чтобы его ученіе вообще не нашло себѣ приверженцевъ.

Самъ Бернаръ свидѣтельствуетъ, что и послѣ церковнаго приговора Арнольдъ „рѣзко и упорно“ продолжалъ учить въ томъ же духѣ, и Бернаръ понималъ, что нельзя пренебрегать его нападками. Напротивъ того, весь гнѣвъ святого Бернара, послѣ того, что Абеляръ ускользнулъ отъ него, обратился на Арнольда. Взаимная антипатія между ними была тѣмъ сильнѣе, что одинъ другого обвинялъ въ тщеславіи и честолюбіи. „Святого Бернара“, такъ говоритъ *historia pontificalis* объ Арнольдѣ, „онъ обвинялъ въ суетномъ славолюбіи и упрекалъ его въ зависти ко всѣмъ, кто стоялъ выше его въ наукѣ и церкви и не примыкалъ къ его знамени“. Какъ эпилогъ оконченной войны съ Абеяромъ, возгорѣлась теперь борьба между Бернаромъ и Арнольдомъ, борьба не изъ-за вопросовъ схоластики, а изъ-за вопросовъ церковной практики, борьба тѣмъ болѣе непримиримая, что оба противника считали себя призванными преобразовать церковь.

Ихъ преобразовательные идеалы какъ будто очень близки. Если жизнеописанія святого Бернара съ особою любовью останавливаются на томъ, какъ Бернаръ разстроилъ постами свое здоровье, если его „Апология“ ругаетъ противъ мягкихъ одеждъ и красиво убранныхъ коней клюніанцевъ. если для него главною цѣлью въ жизни былъ аскетизмъ, то Арнольдъ не менѣе доказалъ, что въ строгости поста и грубости одежды и онъ былъ подобенъ святому. Никто не повѣритъ аббату, будто эта суровость была только лицемѣріемъ, чтобы обманывать благочестивыхъ. Своимъ строгимъ примѣромъ Арнольдъ хотѣлъ показать своимъ, что апостольская бѣдность, которую онъ проповѣдывалъ, возможна. Но, конечно, это умерщвление плоти для него было только средствомъ достичь реформы церкви, а путемъ этой реформы избавить гражданскій міръ отъ церковной тиранніи. Отреченіе духовенства отъ міра, по мнѣнію Арнольда, должно было освободить міръ отъ духовнаго ярма, тогда какъ для Бернара отреченіе отъ міра было только новымъ правомъ на мировое господство монашествующаго клира.

Арнольдъ доказываетъ, что бѣдная апостольская церковь не имѣетъ никакого свѣтскаго владѣнія, такъ что она не ведетъ, слѣдовательно, и никакихъ свѣтскихъ процессовъ, не ведетъ никакой войны изъ-за мірскихъ цѣлей, мечт.

ей такъ же запрещенъ, какъ скипетръ, потому что все это принадлежитъ королю. Церковь не должна вмѣшиваться въ исконный споръ людской о моемъ и твоёмъ, и, если она ведетъ войну, подобную той, которая потрясаетъ въ настоящее время Францію, то она дѣлаетъ противоположное тому, что повелѣлъ ей Господь. Въ то же время его бѣдная церковь есть основа свободы гражданъ и мира народовъ, злѣйшіе враги которыхъ князья епископы. Проповѣдуя бѣдную церковь въ образѣ раба, Арнольдъ сражался въ Брешии за независимость консуловъ, въ Парижѣ за свободу науки, въ Римѣ за восстановление древней республики. По его ученію изъ отреченія церкви отъ міра исходили свобода и миръ, потому что церковь первая мѣшаетъ этому миру. Какъ жалко звучитъ рядомъ съ этими мужественными цѣлями, о которыхъ еще и въ наше время можно говорить съ полнымъ уваженіемъ, большая часть того, что сообщаютъ о цѣляхъ святого Бернара его біографіи и письма. Бернаръ упражняется въ аскетизмѣ ради самого аскетизма, потому что умерщвленіе плоти уже 'само по себѣ есть заслуга. До омерзѣнія говорится все объ его испорченномъ желудкѣ, о припадкахъ слабости, объ его негодованіи противъ хорошихъ жилищъ, одежды и яствъ монаховъ. Онъ настойчиво уговариваетъ своихъ братьевъ и сестеръ, родителей, родственниковъ поступить въ монастырь, убѣждаетъ супруговъ „не осквернять болѣе храма Господня“, основываетъ монастыри, и еще монастыри, и еще, и всѣмъ, содѣйствующимъ этому, общаетъ вѣчную жизнь ¹⁾, вотъ на половину содержаніе его біографій и его писемъ. Другая же половина касается всѣхъ главныхъ вопросовъ европейской политики и политическихъ событій, короче всего того, что по теоріи Арнольда не касается духовенства. Такъ что въ извѣстномъ смыслѣ аскетизмъ Арнольда представляется гораздо болѣе серьезнымъ, чѣмъ аскетизмъ Бернара.

Аскетическій идеалъ Арнольда стремится избавить свѣтъ отъ жадныхъ священниковъ, монаховъ, ищущихъ наслажденій, епископовъ-тирановъ, и таемъ путемъ создать почву для здороваго гражданства. Аскетизмъ же Бернара обратно хочетъ основать не бѣдную и безсилную церковь, но богатую и всемогущую церковь, которая благодаря своей святости будетъ имѣть нравственное право на господство, будетъ обладать увѣренностью, которая есть первое условіе твердаго правильнаго образа дѣйствій. Вотъ почему онъ возстаетъ также противъ новаго вида симоніи, которую римскій престоль

1) Ср. Ер. 299 къ графу фонъ Буксъ и Ер. 207—9 къ Рожеру, королю Сициліи, и мн. другія.

теперь свель къ формѣ податей, но не къ мірянамъ должно обращаться съ жалобами на св. Петра, какъ это дѣлаетъ Арнольдъ, а къ самому св. Петру.

Въ такомъ назидательномъ сочиненіи, какъ пять книгъ „О размышленіи“, которыя онъ посвятилъ Евгенію III, Бернаръ вполне приближается къ міросозерданію брешіанца; такъ, напримѣръ, когда, увлеченный своею собственною риторикою, онъ обращается къ своему папѣ: „Вамъ дано судить о грѣхахъ, но не о владѣніяхъ. Управлять земнымъ поставлены короли и князья; зачѣмъ же вы вторгаетесь въ предѣлы чужой власти? Это не значить, что въ недостойны этого, но что недостойно васъ заниматься такими вещами ¹⁾... Вы можете пріобрѣтать золото, серебро, власть какимъ угодно инымъ путемъ, только не въ силу апостольскаго права, такъ какъ апостолъ не могъ вамъ дать того, чего онъ самъ не имѣлъ. Онъ далъ вамъ, что онъ имѣлъ, попеченіе о церкви; но онъ не далъ вамъ господства, потому что оно было ему запрещено. Поэтому и вамъ также запрещено присвоивать себѣ это господство“ ²⁾. Какъ будто слышишь само Арнольда, такъ строго различаетъ здѣсь аббатъ учительское дѣло, которое Петръ передалъ папѣ, отъ свѣтскаго управления, которое онъ скорѣе запретилъ ему. Ничего иного никогда и не проповѣдывали Арнольдъ и его „ломбардцы“. Но, къ сожалѣнію, дѣла аббата плохо согласовались съ его словами. Вѣдь онъ-то именно въ 1131 г. и заставилъ императора Лотаря отказаться отъ инвеституры, т. е. оставить свѣтскую власть въ рукахъ папы, а въ одномъ письмѣ отъ 1145 г. онъ пишетъ римской куріи, прямо въ разрѣзъ съ прекрасными положеніями этого своего назидательнаго сочиненія, что папа призванъ господствовать надъ государями, повелѣвать епископами и распоряжаться королевствами и имперіями ³⁾. Согласно этому положенію онъ и поступалъ всегда на практикѣ и потому не зналъ перемирія въ борьбѣ съ схизматикомъ, который подъ отреченіемъ отъ міра понималъ то, что, отрекаясь отъ него, духовенство сдѣлаетъ его свободнымъ; тогда какъ Бернаръ подъ отреченіемъ отъ міра разумѣлъ господство надъ міромъ, котораго церковь достигнетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ яснѣе она докажетъ, что не мірскихъ наслажденій ищетъ она, но славы Господа Бога, передавашаго ей свою власть. Такъ что Арнольдъ и Бернаръ дѣйствительно стояли на одномъ пути, но

¹⁾ De consideratione 1, 6 (Migne 1, 736).

²⁾ 2, 6 (Migne 2, 748).

³⁾ Ep. 237. Ad praesidendum principibus, ad imperandum episcopis, ad regna et imperia disponenda. Точно такъ же Ep. 256, гдѣ онъ подчиняетъ папѣ оба меча.

цѣли ихъ были различны. Святому Бернару умерщвленіе плоти казалось въ Арнольдѣ только лицемѣріемъ, такъ какъ онъ дѣлалъ это не ради славы церкви, но чтобы пристыдить церковь; то, что Арнольдъ былъ съ виду Іоаннъ, доказывало для него только, что, подобно Абельяру, онъ былъ въ душѣ Иродъ. Арнольдъ же, который точно такъ же не имѣлъ обыкновенія щадить своихъ противниковъ, указывалъ съ насмѣшкою на тщеславіе, сквозившее, по его мнѣнію, въ прорѣхахъ истершейся монашеской рясы, такъ же, какъ и теперь еще оно сквозитъ, по нашему, во всѣхъ изысканныхъ оборотахъ писемъ Бернара. О ревности и зависти Бернара, послѣ неудавшагося нападенія его на Абельяра, говорила тогда вся Франція. Если ораторъ, подобный Арнольду, не могъ пропустить такихъ слабыхъ сторонъ противника, то и Бернаръ со своей стороны, несмотря на крайнее свое смиреніе, вовсе не былъ такимъ человѣкомъ, чтобы терпѣливо переносить такіа нападки. Какъ ни подчеркиваетъ онъ во всѣхъ своихъ письмахъ, что передъ Богомъ онъ только жалкій грѣшникъ, но онъ не можетъ перевести упрековъ Арнольда въ славолюбіи, ревности и низкой зависти. Не нашлось однако ни одного епископа, который согласился бы привести въ исполненіе папскій приговоръ относительно Арнольда, когда самъ Бернаръ оставилъ этотъ приговоръ безъ послѣдствій относительно Абельяра. „Тамъ не было ни одного дѣлающаго добро“, жалуется Бернаръ епископу констанцскому ¹⁾). Такъ что аббату, которому папа предоставилъ право заключить Арнольда, гдѣ и какъ ему угодно, оставалось только обратиться отъ духовныхъ властей къ свѣтскимъ.

Такъ какъ Бернаръ вмѣшивался во всѣ вопросы, то и въ новыхъ недоразумѣніяхъ между Иннокентіемъ II и Людовикомъ VII онъ становится посредникомъ. Вначалѣ Бернаръ усердѣйшимъ образомъ раздувалъ вражду, но скоро измѣнилъ свое положеніе, а когда курія выступила противъ самого Людовика VII съ отлученіемъ отъ церкви и интердиктомъ, тогда Бернаръ перешелъ на сторону короны и предложилъ свое посредничество и той и другой сторонѣ. Во время этихъ переговоровъ онъ, должно быть, и убѣдилъ молодого короля пожертвовать брешіанскимъ пріоромъ. Исполненія папской буллы относительно Арнольда онъ однако все-таки не добился; французскій дворъ отдѣлался отъ этого непріятнаго дѣла тѣмъ, что изгналъ италіанца изъ Франціи. Такимъ образомъ этотъ мученикъ за свою идею опять взялъ въ руку страннической посохъ.

Итакъ, Бернаръ, этотъ посредникъ мира, настоялъ на томъ, чтобы по-

¹⁾ Ep. 195, у Migne стр. 363.

жертвовать Арнольдомъ, и такимъ образомъ онъ добился того, чего онъ хотѣлъ, но Франція еще долго не могла дожидаться мира. Только Целестинъ II (сентябрь 1143—мартъ 1144 г.), бывший Гвидо де Кастелло, освободилъ отъ папскаго interdикта страну, гдѣ нѣкогда онъ былъ легатомъ и почитателемъ Абеяра. Но съ восстановленіемъ церковной власти и надъ гостеприимными друзьями Арнольда на холмѣ святой Женевьевы также разразилась катастрофа.

Борьба Арнольда вмѣстѣ съ Абеяромъ въ Сенѣ и Парижѣ была послѣднею попыткою сопротивленія тому мистическому направленію, которое исходило отъ новыхъ монашескихъ орденовъ и достигло церковнаго господства и въ Парижѣ также. Каноники на холмѣ святой Женевьевы продолжали еще нѣсколько лѣтъ вести свою веселую жизнь, но скоро и ихъ коснулась тяжелая реформа, проповѣдуемая монахами св. Виктора, Премонтре, Ключи и Сито. Вѣтшій толчокъ къ ихъ паденію былъ весьма необычаенъ. Дѣло было послѣ Троицына дня въ 1147 г., Арнольдъ тогда уже вернулся опять на свою родину въ Италію, папа Евгений III былъ встрѣченъ торжественной процессіей у церкви святой Женевьевы и введенъ въ нее. Но, едва только папа сотворилъ свою молитву передъ алтаремъ и удалился въ ризницу, какъ каноники святой Женевьевы, вооружившись дубинками, напали на клириковъ и остальную папскую свиту и осквернили церковь даже кровопролитіемъ.

Поводомъ къ дракѣ былъ споръ о папскомъ палліи. Писатели же, изъ которыхъ мы черпаемъ наши свѣдѣнія, видятъ въ этой сценѣ насилія проявленіе грубыхъ нравовъ, которые царили вообще среди этихъ канониковъ. Ярость бойцовъ была такъ велика, что они не только не уважали вмѣшавшагося молодого короля Людовика VII, но напали и на него также. Послѣдствія этой изумительной сцены для бывшихъ покровителей Абеяра были самыя плачевныя. Дома канониковъ были разрушены, обитатели изгнаны, а на мѣстѣ ихъ поселились сначала клоніанцы, а вскорѣ за тѣмъ злѣйшіе враги Абеяра, регулированные каноники изъ монастыря святого Виктора ¹⁾. Такъ помѣщенія, служившія нѣкогда діалектическому искусству Абеяра, по соседству съ которыми громилъ Арнольдъ праздное монашество, теперь стали мѣстомъ мистико-созерцательнаго направленія, которое стояло въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ идеалами Абеяра и Арнольда.

1) Cp. Sturmhöfel указ. соч. стр. 13. Denifle, Universitäten, стр. 656.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

АРНОЛЬДЪ ВЪ ЦЮРИХЪ.

1142—1143.

Qua sibi vicinas Alemannia suspicit Alpes,
Nomen ab alpino ducens, ut fama, Lemanno,
Nobile Turregum, doctoris nomine falso,
Insedit ¹⁾.

Guntheri Ligurinus III, 305—8.

Изгнанный изъ Франціи „изгнанникъ и скиталецъ на землѣ“ (*vagus et profugus super terram*), какъ насмѣхается Бернаръ надъ побѣжденнымъ врагомъ ²⁾, Арнольдъ избралъ тотъ путь, который избирало столько изгнанниковъ-революціонеровъ послѣ него, путь въ Цюрихъ. Должно быть, влеченіе къ родинѣ побудило его выбрать это направленіе, такъ какъ сношенія между Цюрихомъ и Ломбардіей еще създавна были очень оживленными; такимъ образомъ изгнанникъ стоялъ опять по крайней мѣрѣ въ преддверіи своей родины; по всей вѣроятности, тоска по родинѣ и направила именно сюда его страннической посохъ. Въ то время Цюрихомъ, важнѣйшимъ городомъ

¹⁾ Guntheri Ligurinus III, 305 и сл. Franke, Arnold von Brescia, стр. 133. Widemann, Bluntschli, Staatswörterbuch 1, 426, и Vierordt, Badische Geschichte 256 заключаютъ изъ этого мѣста, что Арнольдъ жилъ въ Цюрихѣ подѣ вымышленнымъ именемъ доктора Лееманна, но мнѣніе поэта было то, что Алеманнія получила свое имя отъ Леманна. Авторъ повторяетъ только то, что рассказываетъ Оттонъ Фрейзингскій 1, 8: *a praedicto etiam Lemanno fluvio... tota illa provincia Alemannia vocatur*. Эта удивительная этимологія встрѣчается уже у Servius ad Vergil. Georg. 4, 278: „*populi habitantes iuxta Lemannum fluvium Alemanni dicuntur*“. Оттуда заимствована замѣтка: Isidor Orig. 9, 2 § 94. Ср. Bouquet, Recueil des historiens des Gaules. Tom. I, p. 817 и Gibbon, Cap. 38 подѣ годомъ 496.

²⁾ Ep. 195. Migne 182, 363.

Швабии (*Turregum nobilissimum Sueviae oppidum*), по выражению Оттона Фрейзингскаго, владѣли герцоги Церингенскіе, графы Ленцбургскіе и аббатисса женскаго монастыря. Тамъ, гдѣ теперь стоитъ нижній мостъ черезъ Лимматъ, на стѣнахъ, построенныхъ еще римлянами, былъ расположенъ бургъ, укрѣпленное мѣсто, съ нимъ былъ соединенъ королевскій дворецъ (*Pfalz*), лежавшій на холмѣ Линденгофа. Самый древнѣйшій монастырь былъ въ то же время главнымъ соборомъ и приходскою церковью для всего народа между Лимматомъ и Глаттомъ; въ матрикулѣ его уже къ началу десятаго столѣтія значится одинъ деканъ и шестнадцать клириковъ; они руководились менѣе суровымъ уставомъ святаго Гродеганга изъ Меца.

Но значительнѣе мужскаго монастыря было женское аббатство (*Frauenmünster*), которому Людовикъ Нѣмецкій даровалъ большія пожертвованія: Цюрихофъ (*Zürichhof*), Альбисфорстъ (*Albisforst*) и многочисленныя имѣнія вплоть до Ури, Ааргау и Эльзаса составляли собственность аббатиссы; въ то же время она пользовалась большими привилегіями и иммунитетами. Права королевскія представляло фогство, въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ столѣтіи оно принадлежало графамъ Ленцбургскимъ.

Когда въ 1097 году Вертольдъ II Церингенскій уступилъ остальную Швабію Фридриху Гогенштауфену, и такимъ образомъ, какъ смѣется Оттонъ Фрейзингскій, онъ сталъ герцогомъ безъ герцогства, онъ удержалъ однако за собою Цюрихъ, благороднѣйшій городъ Швабіи, но оставилъ графамъ Ленцбургскимъ пользованіе фогствомъ, которое въ ихъ домѣ стало уже наслѣдственнымъ.

Фогту принадлежали *Blutbann* (право приговаривать къ смерти) и высшая судебная власть; аббатисса же женскаго монастыря благодаря большимъ привилегіямъ, пожалованнымъ королями этой духовной владѣтельницѣ, принадлежали дорожныя пошлины, право открывать рынки и право чеканить монету. Въ теченіе двѣнадцатаго вѣка между этими двумя властями вырастаетъ городское сословіе, и въ слѣдующемъ столѣтіи шефены (*Schöffen*) его назывались консуламъ, какъ и въ Италіи. Невозможно доказать, что, городское сословіе достигло этого представительства уже во время Арнольда, достоверно только, что начиная съ 1149 г. въ грамотахъ упоминаются *cives, burgenses, urbani* тамъ, гдѣ раньше подразумѣвались горожане подъ именемъ людей монастыря или фогта. „Встрѣчающіеся въ грамотахъ свидѣтели подъ именемъ *cives* представляютъ собою кругъ людей, пользующихся уваженіемъ и соответствующихъ прежнимъ *principes*, нерѣдко ихъ имена въ продолженіе долгаго времени чередуются съ небольшими измѣненіями въ грамотахъ... Но тогда еще горожане не достигли права участія въ управленіи городомъ, оно на-

ходилось въ рукахъ герцога (Церингенскаго), аббатиссы и служащихъ ихъ¹⁾.

Какимъ значеніемъ среди городовъ Алеманніи пользовался Цюрихъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи, видно изъ слѣдующаго описанія (1,8) Оттона Фрейзингскаго: „Этотъ городъ, расположенный въ узкой горной долинѣ, спускающейся къ Италиі, на озерѣ, изъ котораго вытекаетъ Леманнъ, былъ нѣкогда колоніей императорской и королевской и по преданіямъ нашихъ предковъ имѣлъ такое значеніе, что, если миланцы вызывались изъ-за Альпъ на судъ императоромъ, то ихъ допросъ, а если бы того потребовалъ законъ, и приговоръ долженъ былъ происходить въ Цюрихѣ. Вотъ почему, какъ вслѣдствіе богатства, такъ и славы его, на городскихъ воротахъ было написано: „Цюрихъ, благороднѣйшій городъ, сокровищница рѣзличныхъ вещей“. По имени же рѣки Леманнъ, о которой говоритъ поэтъ Луканъ: „они покинули палатки, раскинутыя на берегу пустыннаго Леманна“, вся эта провинція называется Алеманніей“²⁾. Ближайшее пристанище свое

1) Friedr. von Wyss in Vögelin, das alte Zürich, 2, 157 и 158.

2) Чтобы представить себѣ состояніе Цюриха въ серединѣ 12-го столѣтія надо сравнить „Staats- u. Rechtsgeschichte der Stadt und Landschaft Zürich“ J. C. Bluntschli и Fr. von Wyss, „Beiträge zur schweizerischen Rechtsgeschichte“ въ Zeitschr. f. schweizerisches Recht, Bd. 17, 3 и сл., также его статью у Vögelin, das alte Zürich, Bd. 2, Zürich 1890. Городъ принадлежалъ къ civitates герцогства Швабскаго. Въ 1079 г. Фридрихъ I Швабскій получилъ въ ленъ герцогство Швабское отъ императора Генриха IV, своего тестя; это герцогство находилось тогда во власти богатаго и могущественнаго Бертольда II Церингена. Только въ 1098 г. Бертольдъ II помирился съ императоромъ и сохранилъ Цюрихъ какъ ленъ отъ императора. Герцогскій титулъ также остался за Церингенами, но только для ихъ родовыхъ имѣній, такъ какъ Фридрихъ I, построившій замокъ на Штауфенѣ, удержалъ герцогство Швабское за собою и передалъ по наслѣдству сыну своему Фридриху. Въ связи съ этимъ стоитъ и описаніе положенія Цюриха, данное Оттономъ Фрейзингскимъ: Gesta Frid. 1, 8. Mon. Germ. XX, 357. *Conditio autem talis fuit pacis, ut Bertholtus ducatum exfestucaret, sic tamen, quod Turegum, nobilissimum Sueviae oppidum, a manu imperatoris ei tenendum remaneret. Hoc oppidum, in faucibus montium versus Italiam super lacum, unde Lemannus fluvius fluit, situm, imperatorum seu regum olim colonia fuit, tantaeque juxta maiorum nostrorum traditionem auctoritatis, ut Mediolanenses, si quando ab imperatore ad Transalpina vocarentur iudicia, ibi discuti vel iudicari de iure deberent. Unde ex eiusdem tam in rebus quam honoribus habundantia in ipsius porta scriptum dicitur: „Nobile Turegum multarum copia rerum“. A praedicto etiam Lemanno fluvio, unde Lucanus: „Deseruere cavo tentoria fixa Lemanno“, tota*

въ Цюрихѣ Арнольдъ конечно нашель въ монастырѣ св. Мартина на Цюрихской горѣ у тамошнихъ канониковъ устава св. Августина, къ которымъ онъ, какъ пріоръ подобнаго же учрежденія, стоялъ всего ближе. На слѣды дѣятельности Арнольда въ этомъ монастырѣ указываетъ намъ тотъ фактъ, что въ 1153 г. нѣкоторымъ каноникамъ, жившимъ по уставу св. Августина въ монастырѣ св. Мартина на Цюрихской горѣ, „которые снова въ своемъ вѣроотступничествѣ идутъ по слѣдамъ предателя Іуды“, епископъ Германъ угрожаетъ отлученіемъ отъ церкви, „въ случаѣ, если какимъ бы то ни было образомъ они отпадутъ отъ благомыслящаго пріора“. Мало того, епископъ исключаетъ ихъ, если они не будутъ предварительно разрѣшены пріоромъ, изъ всякаго общенія со всемогущимъ Богомъ, чтобы воспрепятствовать общенію всѣхъ остальныхъ христіанъ съ ними ¹⁾. Часть канониковъ св. Августина, слѣдовательно, нарушила вѣрность епископу и совратилась на путь предателя

illa provincia Alemannia vocatur. Въ 12-мъ вѣкѣ Цюрихъ также принадлежалъ Церингенамъ. Но въ серединѣ этого столѣтія, въ 1146 г., юный Фридрихъ Барбаросса во время войны съ Конрадомъ Церингеномъ занялъ городъ войсками и взялъ родовой замокъ Церингеновъ въ Брейсгау, такъ что Конрадъ Церингенъ былъ принужденъ обратиться къ королю Конраду III, прося его быть посредникомъ при примиреніи ихъ. Непосредственно съ извѣстіемъ объ этихъ событіяхъ Оттонъ Фрейзингскій, *Gesta Frid.* 1, 27, связываетъ разсказъ о началѣ дѣятельности Арнольда въ Римѣ. И въ этомъ также онъ согласуется съ хронологіей *historia pontificalis*, которая разсказываетъ, что въ 1145 г. Арнольдъ явился къ папѣ въ Витербо и только послѣ отъѣзда Евгенія III во Францію въ мартѣ 1147 г. опять началъ общественную дѣятельность. Слѣдовательно, во время завоеванія города Цюриха молодымъ герцогомъ Фридрихомъ, Арнольдъ уже не жилъ въ городѣ; оно совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда онъ жилъ въ Римѣ уже въ качествѣ кающагося, покорно отбывающаго наложенную ему епитемію.

¹⁾ Въ удостовѣрительной грамотѣ, которую закрѣпляется богатое пожертвованіе одного частнаго лица монастырю на Цюрихской горѣ, и которую должно отнести ко времени отъ 28-го іюня 1153 г. до 18-го октября 1155 г., епископъ Германъ говоритъ въ заключеніе: *Fratres etiam in eadem ecclesia professi ac denuo in errore apostasie Iude proditoris vestigia imitantes bono proposito si quoquam modo deviaverint, nisi prius a preposito suo absolvantur, omnibus christianis, ne aliqua eis communionem communicent, ex parte dei omnipotentis interdicens.* Сборникъ грамотъ города и округа Цюриха, изд. J. Escher и P. Schweizer, Zürich 1888, Bd. I, 186. Конрадъ Фурреръ справедливо предполагаетъ, что тутъ также обнаруживается слѣдствіе пребыванія Арнольда въ Цюрихѣ, что епископъ называетъ вѣроотступничествомъ предателя Іуды.

луды. Пріоръ же не раздѣлялъ этого вѣроотступничества, или епископъ поставилъ новаго пріора, чтобы вернуть монастырь на правый путь. То, что это отпаденіе называется повтореніемъ (*de novo Jude vestigia imitantes*), указываетъ на прежнія смуты; онѣ совпадаютъ съ тѣми сильными волненіями, которыя вызывалъ въ Цюрихѣ бѣглый пріоръ брешіанскихъ канониковъ устава св. Августина, о чемъ рассказываетъ Бернаръ Клервосскій.

Изъ всѣхъ предполагаемыхъ слѣдовъ дѣятельности Арнольда въ Цюрихѣ этотъ все же наиболѣе достовѣрный. Самая же дѣятельность его описывается Оттономъ Фрейзингскимъ, какъ дѣятельность профессора, читавшаго публичныя лекціи.

Быть можетъ, въ связи съ монастыремъ канониковъ стояла школа, подобно школамъ канониковъ на холмѣ святой Женевьевы въ Парижѣ; такъ можно объяснить себѣ весьма официально звучащее выраженіе Оттона Фрейзингскаго: „Арнольдъ сдѣлался учителемъ (*officium doctoris assumens*) и сѣлъ нѣкоторое время въ Цюрихѣ сѣмена своего ученія“.

Противъ такого порядка вещей выступилъ уже Бернаръ Клервосскій съ гнѣвнымъ вопросомъ, какъ могъ епископъ допустить, чтобы схизматикъ, дважды осужденный Иннокентіемъ II, опять возобновилъ свою душегубительную дѣятельность въ Цюрихѣ, и вслѣдствіе этого упрека, сдѣланнаго Бернаромъ епископу, новѣйшіе писатели смотрѣли на этого епископа, какъ на покровителя бѣглеца ломбардца. Такъ какъ противники Арнольда, прежде чѣмъ призвать на помощь Бернара, конечно, обратились къ епархіальному епископу, и только потомъ уже, не встрѣтивъ сочувствія въ немъ, искали заступничества у могущественнаго аббата, то это возрѣніе имѣетъ нѣчто за себя, но изъ этого еще нельзя дѣлать дальнѣйшихъ выводовъ о сочувствіи епископа Арнольдовымъ планамъ реформы. Цюрихъ принадлежалъ къ констанцской епархіи и занималъ въ ней второе мѣсто, такъ что каждый новый епископъ былъ обязанъ по вступленіи въ должность предстать передъ тамошнимъ приходомъ и отслужить мессу въ цюрихскомъ соборѣ. Епископомъ констанцскимъ былъ тогда Германъ I фонъ Арбонъ (1138—1165), одинъ изъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей короля Конрада III и императора Фридриха I. Избраніе Германа первоначально состоялось вопреку королевской волѣ Конрада ¹⁾, и своего утвержденія въ санѣ у Иннокентія II

¹⁾ Не поладившій со своимъ клиромъ и уставшій отъ мірской суеты, епископъ констанцскій Удальрихъ II удалился въ 1138 г. въ монастырь св. Власія на высококомъ Шварцвальдѣ. Король Конрадъ III, который все не нуждался въ гвельфскомъ епископѣ въ Швабіи, добился того, что меньшинство капитула избрало преемникомъ Удальриха одно ду-

онъ добился также лишь послѣ того, какъ побывалъ въ Римѣ и израсходовалъ тамъ значительныя суммы денегъ. Этотъ торгъ состоялся въ томъ самомъ 1139 г., когда тотъ же самый Иннокентій въ томъ же самомъ Латеранскомъ дворцѣ наказалъ Арнольда въ примѣръ прочимъ за то, что Арнольдъ выступилъ противъ симоніи куріи. Послѣ того, какъ Германъ привлекъ на свою сторону папу, онъ примирился также и съ королемъ. Онъ велъ дѣла Конрада въ Италиі и расторгъ первый бракъ Фридриха Барбароссы. Какъ съ папою и королемъ, такъ сумѣлъ онъ уладить дѣло и съ Бернаромъ и Арнольдомъ.

хвное лицо изъ капеллы короля, Брунико; но большинство объявило себя противъ этого выбора, ссылаясь на Вормсскій конкордаты, обеспечивающій свободу выборовъ, и единогласно избрало діакона Констанцской церкви, Германа Арбона. Обѣ стороны обратились за рѣшеніемъ къ святому престолу. Но вмѣсто того, чтобы наказать этого пролаза, навязаннаго свѣтскою властью вопреки церковнымъ законамъ, Иннокентій II утвердилъ конрадовскаго кандидата. Папское бреве отъ начала 1139 г. запрещаетъ духовенству и народу въ епархіи констанцской признавать выборъ Германа законнымъ, такъ какъ до святого отца дошли нехорошіе слухи „*quaedam sinistra*“ о Германѣ. Ср. Ladewig, *Regesta episcop. Const.* p. 96. Но Германъ зналъ, какъ довести до папы благопріятныя вѣсти. Онъ отправился въ Римъ, гдѣ въ то время Иннокентій II переѣхалъ въ свой Латеранскій дворецъ, и тогда уже 12-го апрѣля 1139 г. воспослѣдовало новое бреве, въ которомъ папа сообщаетъ духовенству и народу въ Констанцѣ, что, будучи теперь лучше освѣдомленъ, онъ самъ посвятилъ избраннаго діакона въ пресвитеры и епископы. При этомъ Иннокентій II разрѣшаетъ всѣхъ присягнувшихъ Брунико отъ принесенной присяги и объявляетъ требы, совершаемыя Брунико, недействительными. *Reg. ep. Const.* p. 97. Бреве Иннокентія II отъ 12-го апрѣля 1139 г. Изъ нашего разсказа достаточно ясно, отчего это произошла перемѣна, въ мнѣніи Иннокентія, разъ тамъ говорится, что Германъ эту отміну утвержденія Брунико купилъ святого отца дорогою цѣною (*maximis expensis*). *Bernhardi, Conrad III*, стр. 68 и сл., 126 и сл. Такимъ образомъ папа распорядился епископствомъ констанцскимъ помимо короля, но епископъ Германъ не перешелъ изъ-за того къ противникамъ Гогенштауфеновъ. Онъ появляется на многочисленныхъ придворныхъ выходахъ и сеймахъ Конрада, но подобно аббату Вибальду, который сообщаетъ ему свои самыя задушевыя мысли, онъ также пользовался королевскою властью ради церковныхъ цѣлей. *Wib. Ep.* 234. *Jaffé, Mon. Corb.* p. 353. Подобно своему другу Вибальду онъ также отправляется по порученію Конрада III въ Италию, гдѣ въ качествѣ императорскаго посла онъ улаживаетъ всевозможныя распри между городами. Въ 1150 г. онъ, вмѣстѣ съ Вибальдомъ, былъ также выбранъ, чтобы поѣхать къ Евгенію III. Въ 1151 г. мы находимъ его въ Пизѣ, какъ посла

Бернару, святому того времени, онъ также отдалъ дань. Онъ пригласилъ Бернара прїѣхать въ его епархію и засвидѣтельствовалъ его чудеса. Святой Гильдегардѣ въ монастырѣ св. Роберта въ Бингенѣ онъ писалъ, что много слышанъ о ея мудрости и потому издали ищеть ея духовнаго утѣшенія и поручаетъ себя ея молитвамъ. Но отъ этой благочестивой аббатиссы съ Рохусберга, онъ получилъ уклончивый отвѣтъ, чтобы своими громкими словами онъ не смущалъ тѣхъ, кто ищеть узкаго пути ¹⁾. Трудно установить единство между всѣми этими различными данными, во всякомъ случаѣ въ нихъ нѣтъ ни одной черты, которая давала бы намъ право заключить, что пребываніе Арнольда въ епархіи Германа обуславливается большою кротостью и терпимостью этого епископа или даже его сочувствіемъ аскетическимъ преобразовательнымъ планамъ брешіанца. Едва только Германъ взялъ въ руки свой пастырскій жезлъ, первою заботою его было потребовать обратно тѣ имѣнія своего монастыря, который монастырь утратилъ въ предшествовавшихъ смутахъ ²⁾; слѣдовательно, съ ученіемъ Арнольда, что наилучшее, что можетъ сдѣлать церковь, это—отказаться отъ всякаго владѣнія, онъ, конечно, ничего не имѣетъ общаго. По требованію Бернара онъ удалилъ Арнольда изъ своей епархіи, его послѣдователямъ, какъ видно, угрожалъ отлученіемъ отъ церкви, какъ послѣдователямъ предателя Іуды; среди епископовъ, составлявшихъ совѣтъ Барбароссы въ долинѣ Орчин, когда Барбаросса выдалъ Арнольда папѣ, былъ также и Германъ констанцскій. Итакъ, едва ли Арнольдъ опирался на епископа, вѣришь, что намъ слѣдуетъ искать лицъ, служившихъ поддержкою Арнольду, въ самомъ Цюрихѣ. Для бѣглеца и чужеземца, надъ которымъ тяготѣло отлученіе отъ церкви, было конечно очень важно, какъ былъ расположенъ къ нему фогтъ, кото-

Конрада III; также дѣятеленъ онъ и впоследствии въ дѣлахъ Фридриха I. Договоръ въ январѣ 1153 г. въ Римѣ между Барбароссою и Евгениемъ III былъ заключенъ имъ, Удальрихомъ Ленцбургомъ и другими посланниками императора. Reg. episc. Const. p. 104. Грамота отъ января 1153 г. Онъ сопровождалъ Фридриха въ Италію и былъ въ свитѣ его при задержаніи Арнольда въ долинѣ Орчин. Reg. episc. Const. 106 отъ 4 іюля 1155 г. Нѣтъ недостатка также въ доказательствахъ того, что онъ ладилъ съ куріей. Но, когда онъ попробовалъ поручить себя молитвѣ аббатиссы Гильдегарды въ монастырѣ св. Роберта у Бингена, то она направила его на правый путь, чтобы онъ „*magniloquia sufflatus cordis sui*“ не вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, „*qui arctum et angustam viam quaerunt*“. p. 111.

¹⁾ Reg. ep. Const. p. 111, ed. Ladewig (Nr. 993 и 994).

²⁾ Брже Иннокентія II отъ 12-го апрѣля 1139 г. Reg. ep. Const. p. 97.

рый именемъ герцога Церингенскаго творилъ судъ, какъ обладатель высшей судебной власти и права надъ жизнью и смертию. Древнее фогтство въ Цюрихѣ въ то время стало наследственнымъ въ семьѣ графовъ Ленцбургскихъ. Главою этой семьи былъ тогда Удальрихъ фонъ Ленцбургъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ государственныхъ дѣятелей Конрада III, и этотъ Удальрихъ фонъ Ленцбургъ упоминается однимъ приверженцемъ Арнольда какъ человѣкъ, къ которому римскіе арнольдисты питали совершенно особое довѣріе. Когда десять лѣтъ спустя Фридрихъ Барбаросса пребывалъ со своимъ дворомъ въ Констанцѣ, одинъ приверженецъ Арнольда писалъ изъ Рима новому нѣмецкому королю, что ему слѣдовало бы послать въ Римъ представителя своихъ правъ, чтобы вмѣстѣ съ римской народной партіей создать независимую отъ папы римскую имперію ¹⁾. Въ числѣ трехъ лицъ, которыхъ онъ считаетъ способными повліять на соглашеніе Барбароссы съ приверженцами Арнольда, и которые всѣ трое принадлежали къ епархіи констанцской, Вецило, авторъ этого письма, на второмъ мѣстѣ называетъ графа Удальриха фонъ Ленцбургъ. Изъ этого можно сдѣлать выводъ, что Ленцбургъ былъ извѣстенъ брешіанцу еще со времени его пребыванія въ Цюрихѣ какъ лицо, съ которымъ враждебная папѣ партія въ Римѣ во всякомъ случаѣ могла столкнуться. Однако извѣстія, которыя мы имѣемъ объ Удальрихѣ фонъ Ленцбургъ, рисуютъ намъ его совсемъ не приверженцемъ ученія Арнольда. Какъ и другіе, онъ основываетъ и утверждаетъ церковныя учрежденія и дѣлаетъ это даже въ пользу цистерціанцевъ. Одинъ изъ вѣрнѣйшихъ вассаловъ Конрада III, онъ совершилъ вмѣстѣ съ нимъ походъ въ святую землю и принималъ участіе во всѣхъ войнахъ Гогенштауфена. Съ другой же стороны, въ то самое время, когда Арнольдъ Врешіанскій жилъ въ Цюрихѣ, у Удальриха былъ споръ о границахъ съ Рудольфомъ, аббатомъ монастыря Эйнзидельнъ, по поводу одного лѣсного участка, и графъ Ленцбургскій проигралъ тяжбу, такъ какъ монахи заручились ходатайствомъ королевы Гертруды. Едва ли при такихъ обстоятельствахъ онъ почувствовалъ бы рѣшительную антипатію къ ученію Арнольда, что церковь вообще должна отречься отъ свѣтскаго владѣнія, и, если Вецель видитъ въ Ленцбургѣ подходящаго ходатая за антиклерикальные планы римскихъ арнольдистовъ, то, по всей вѣроятности, поддержкою Арнольду въ Цюрихѣ былъ Удальрихъ фонъ Ленцбургъ. Если бы Арнольдъ не пользовался расположеніемъ фогта, то его широкая общественная дѣятельность въ Цюрихѣ была бы невысказана. Одно выраженіе

1) Письмо Вецеля у Jaffé, Bibl. reg. Germ. I, № 404. Mon. Corb. p. 539.

Бернара въ письмѣ къ Герману констанцскому также предполагаетъ соглашеніе Арнольда со свѣтскими властями. Бернаръ предостерегаетъ епископа относительно того, что Арнольдъ умѣетъ льстивыми словами и лицемѣрными добродѣтелями привлекать къ себѣ богатыхъ и сильныхъ; когда же онъ упрочитъ свое положеніе у нихъ и почувствуетъ, благодаря ихъ благосклонности и дружбѣ, твердую почву подъ ногами, тогда и увидятъ, какъ въ надеждѣ на тираннію рыцарства (*fretum tyrannide militari*), возстанетъ онъ противъ епископовъ и будетъ неистовствовать противъ духовнаго сословія. Такое опасеніе по отношенію къ *militaris tyrannis* могло имѣть основанія только въ томъ случаѣ, если бы самъ представитель фогтства, башни котораго возвышались надъ Цюрихомъ, относился благосклонно къ Арнольду ¹⁾. Еще раньше Ленцбурга Вецело рекомендуетъ какъ посред-

¹⁾ Изъ трехъ довѣренныхъ Вецеля, которыхъ онъ рекомендуетъ для переговоровъ съ Римомъ, самый извѣстный графъ Удальрихъ фонъ Ленцбургъ, который былъ вѣрнымъ спутникомъ Конрада III на всѣхъ сеймахъ и во всѣхъ походахъ. Уже при началѣ борьбы между Гогенштауфенами и Вельфами мы встрѣчаемъ графа, родовой замокъ котораго лежалъ на Шварцвальдѣ недалеко отъ монастыря св. Власія, въ свитѣ Конрада III въ Нюрнбергѣ въ 1138 г. (*Bernhardi, Konrad III. Bd. 1, 64*). Когда въ 1139 г. подъ Герсфельдомъ Конрадъ производилъ смотръ своимъ вѣрнымъ вассаламъ передъ походомъ на саксонцевъ, то между ними также былъ Удальрихъ фонъ Ленцбургъ (*Bernhardi 1, 110*). Въ томъ же 1139 г. мы находимъ его вмѣстѣ съ Фридрихомъ Швабскимъ и маркграфомъ Германомъ Баденскимъ въ свитѣ короля въ аббатствѣ Зельцъ въ Эльзасѣ (тамъ же 1, 121). Во время сейма Конрада III во Франкфуртѣ въ 1140 г. онъ тоже присутствовалъ (тамъ же, 144). Передъ битвой при Вейнсбергѣ въ 1140 г. Удальрихъ фонъ Ленцбургъ и его двоюродный братъ Вернеръ, графъ Баденскій, находились опять-таки въ свитѣ короля, подъ Цюрихомъ (стр. 187). Послѣ битвы при Вейнсбергѣ имя Удальриха встрѣчается въ 1141 г. въ одной грамотѣ Конрада III; эта грамота была дана въ бенедиктинскомъ аббатствѣ Комбургъ у Галля, (стр. 205). Когда въ 1142 г. были даны новыя пожертвованія цистерціанскому аббатству салмансвейлеръ, то всѣ графы Ленцбургскіе были въ числѣ свидѣтелей, подписавшихъ въ присутствіи герцога Фридриха Швабскаго его пожертвованія аббату Фровину (стр. 274). На Пасхѣ 1142 г. Удальрихъ сопровождаетъ короля Конрада III изъ Вюрцбурга на Франкфуртскій сеймъ (стр. 276), а оттуда въ Регенсбургъ (стр. 307) и въ 1143 въ Кельстербахъ между Франкфуртомъ и Майнцомъ (стр. 312). Онъ присутствовалъ также на мѣстномъ сеймѣ, для Швабіи и Алеманніи, созванномъ Конрадомъ III въ іюль 1143 г. въ Страсбургѣ (стр. 332). Графъ Ленцбургскій былъ 'тутъ,

ника между Барбароссой и римлянами графа Рудольфа фонъ Раммисберга, и потому полагаютъ, что и онъ также принадлежалъ къ числу покровителей Арнольда въ Алеманнiи. Но эта рекомендація могла однако вытекать изъ личныхъ отношенiй Вецило къ Раммисбергу. Если Вецило, что не представляется невѣроятнымъ, былъ строителемъ и бывшимъ клирикомъ монастыря Петерсгаузена, о которомъ упоминается въ хроникѣ этого монастыря подъ 1162 г., то ему долженъ былъ быть хорошо

чтобы защитить себя противъ обвиненiй Рудольфа, аббата монастыря Эйзидельнъ, котораго поддерживала королева. Точно такъ же онъ посѣтилъ сеймъ въ Бамбергѣ въ маѣ 1144 г. (стр. 372). На придворномъ выходѣ, устроенномъ Конрадомъ въ Вормсѣ по бракосочетанiи невѣстки его Берты (Ирины) съ Мануиломъ, императоромъ Византийскимъ, мы опять находимъ его (стр. 417). При погребенiи королевы Гертруды онъ находится въ почетномъ конвоѣ (стр. 473). Въ 1146 г. онъ также былъ въ свитѣ Конрада въ Ахенѣ (стр. 478). На роковомъ сеймѣ въ Шпейерѣ въ 1146 г., когда аббату клервосскому удалось напасть врасплохъ на Конрада III, графъ Ленцбургскiй опять-таки сопровождалъ короля, и, подобно королю, онъ также принялъ крестъ (528). Когда въ мартѣ 1147 г. Конрадъ III собралъ князей во Франкфуртѣ, чтобы заставить избрать королемъ своего десятилѣтняго сына Генриха до своего выступленiя въ походъ, на этомъ сеймѣ также былъ Удальрихъ фонъ Ленцбургъ (546), и въ маѣ онъ отправляется вмѣстѣ съ королемъ въ святую землю (596). Въ 1150 г. вмѣстѣ съ прочими, пережившими крестовый походъ, онъ упоминается на выходѣ въ Шпейерѣ рядомъ съ Эмихо фонъ Лейнингенъ (стр. 792). Въ 1150 г. Конрадъ выбираетъ его свидѣтелемъ относительно имѣнiя Штауфенбергъ, которое лежало въ его графствѣ, и о которомъ шель процессъ между монастыремъ св. Власiя и монастыремъ въ Шафгаузенѣ (850). Въ январѣ 1152 г. онъ былъ въ Базелѣ у Конрада III, когда Конрадъ долженъ былъ своимъ появленiемъ помѣшать союзу между герцогомъ Конрадомъ Церингенемъ и саксонскимъ герцогомъ Генрихомъ (914). Это была послѣдняя его поѣздка, какъ вассала, для Конрада, потому что эта зимняя поѣздка окончательно подорвала силы большого короля. Онъ умеръ 15-го февраля 1152 г. Изъ этого длиннаго списка исполненныхъ имъ услугъ видно, что Удальрихъ фонъ Ленцбургъ долженъ быть отнесенъ къ числу вѣрнѣйшихъ приверженцевъ Конрада. Онъ стоялъ также близко къ Фридриху I. Въ качествѣ свидѣтеля онъ участвуетъ при утвержденiи цистерцианскаго аббатства Салемъ Фридрихомъ I 25-го августа 1152 г., *cod. Salemit.* p. 10, и при подобномъ же случаѣ въ 1155 г., тамъ же стр. 12. Слѣдовательно, онъ не былъ врагомъ монаховъ въ арнольдовскомъ духѣ. Однако въ исторiи Швейцарiи онъ упоминается какъ противникъ аббата монастыря Эйзидельнъ именно во время пребыванiя Арнольда въ

известенъ Рудольфъ Раммисбергъ, потому что графъ принудилъ монаховъ этого монастыря заключить съ нимъ договоръ на продажу и остался при этомъ имъ долженъ большую часть платежной суммы ¹⁾). Но странно то, что тотъ же приверженецъ Арнольда относить къ числу государственныхъ людей, которые могли бы встрѣтить довѣріе у народной партіи въ Римѣ, также Эбергарда фонъ Бодманъ; мы знаемъ въ это время только одного Эбергарда фонъ Бодманъ, который занималъ весьма важное положеніе, начиная съ 1161 г.,

Цюрихъ въ 1143 г. Рудольфъ, аббатъ монастыря Эйнзидельнъ, явился на мѣстный сеймъ Швабіи и Алеманніи, созванный Конрадомъ III въ іюль 1143 г., въ Страсбургъ; поддерживаемый ходатайствомъ королевы Гертруды, онъ принесъ жалобу на графа Удальриха фонъ Ленцбургъ и гражданъ Швица. Дѣло шло объ одномъ лѣсномъ участкѣ, на который заявили притязаніе графы Ленцбургскіе и община Швица, но который былъ присужденъ монастырю уже Генрихомъ V. Конрадъ III рѣшилъ дѣло, какъ предшественникъ его, и велѣлъ точнѣе опредѣлить границы между владѣніями графа Ленцбургскаго, общины Швица и монастырскими владѣніями. Такимъ образомъ монахи взяли верхъ надъ вѣрнымъ приверженцемъ короля, но послѣдній однако не оставилъ изъ-за того своей службы у Конрада (грамота у Bernhardi, 1,332 и сл.). Но нельзя допустить, чтобы во время подобнаго спора изъ-за права съ монахами онъ возымѣлъ особенную антипатію къ теоріямъ Арнольда. Относительно его положенія въ Цюрихѣ нужно сравнить наконецъ еще сборникъ грамотъ города Цюриха и его округа, изд. Эшера и Швейцера. Въ одной грамотѣ отъ 1130 г. (6-го февраля), стр. 167. имена Rudolfus и Udelricus de Lentzenburhe стоятъ непосредственно послѣ Конрада, герцога Церингенскаго, и Германа, маркграфа Баденскаго. Начиная съ 1140 г. Удальрихъ одинъ занимаетъ это положеніе. Ср. грамоты стр. 171, 172, 193. Въ одной грамотѣ отъ 26-го февраля 1169 г., стр. 202, впервые встрѣчается его имя.

¹⁾ Графъ Рудольфъ фонъ Раммисбергъ известенъ намъ изъ одной купчей, заключенной имъ съ монахами Петерсгаузена; ко времени составленія casus monasterii Petrishusensis 6, 19, 20, онъ оставался еще долженъ монахамъ большую часть платежной суммы. Mon. Germ. XX, 681. Впрочемъ онъ также подписываетъ грамоты при основаніи Салема и дарованіи ему пожертвованій, cod. Salemit. p. 2 и 6, при Конрадѣ III и часто появляется свидѣтелемъ при пожертвованіяхъ и приобрѣтеніяхъ этого аббатства 24, 25, 27, 28, 61, 62. Въ дѣлахъ Конрада III онъ принимаетъ дѣятельное участіе. Такъ, его имя встрѣчается въ спискѣ присутствующихъ на провинціальномъ сеймѣ верхне-рейнскаго округа, созванномъ Конрадомъ III около Пасхи 1141 г. въ Страсбургъ (Bernhardi, Konrad III, стр. 206). Мы встрѣчаемъ его также на сеймѣ, созванномъ въ Констанцѣ Конрадомъ III въ мартѣ 1142 г. (тамъ же, стр. 273). Такъ же упоминается Рудольфъ фонъ Раммесбергъ въ числѣ присутствовавшихъ на придворномъ

въ епископствѣ констанцскомъ при Германѣ Арбонѣ и его преемникѣ Оттонѣ II, именно капелана, а потомъ архипресвитера Эбергарда. Этотъ Эбергардъ скрѣпилъ своею подписью многочисленныя приобрѣтенія за епископствомъ констанцскимъ и цистерціанскимъ аббатствомъ Салемомъ; по всей вѣроятности, онъ одно лицо съ капеланомъ Эбергардомъ, сопровождавшимъ въ 1146 г. аббата клервоссаго по порученію епископа Германа. Во время этого путешествія отъ Киппенгейма и Фрейбурга до Констанца и Цюриха капеланъ Эбергардъ былъ восторженнымъ и вѣрующимъ спутникомъ Вернара. Если же рекомендація Вецило вытекаетъ не изъ личныхъ отношеній его, намъ неизвѣстныхъ, то, значить, Эбергарду понравилась въ Арнольдѣ его строгая жизнь, и аскетизмъ былъ тою общей сферой, въ которой сошлись эти два человека—воздержный пріоръ брешіанскій и вѣрующій въ чудеса капеланъ констанцскій. Если допустить подобныя предположенія, то Эбергардъ могъ быть почитателемъ строгаго Арнольда въ 1142 и 1143 годахъ, какъ въ 1146 г. онъ стать восторженнымъ глашатаемъ чудесъ Вернара ¹⁾; одно не исключаетъ другого, напротивъ,

выходѣ, устроенномъ Конрадомъ III 24-го сентября 1150 г. въ Лангенау близъ Ульма, когда Германъ, епископъ констанцскій, былъ приглашенъ къ совѣщанію относительно посольства его въ Римъ (стр. 850). То, что онъ пользовался особымъ довѣріемъ Вецеля, можетъ быть, вытекало изъ его отношеній къ монастырю Петерсгаузену, если конечно Вецель одно лицо съ бывшимъ клирикомъ и строителемъ Вецило, котораго упоминаютъ *sasus mon. Petrish. VI, 6* и *Mon. Germ. XX, 679*.

¹⁾ Одинъ Эбергардъ фонъ Бодманъ встрѣчается уже въ 1058 г., именно въ хроникѣ Петерсгаузена. *Mon. Germ. XX, 642, 644* и *646*, упоминается одинъ графъ фонъ Нелленбургъ, носящій это имя: онъ былъ погребенъ въ церкви монастырской передъ распятіемъ, и два сына его пали въ битвѣ на Унструтѣ противъ саксонцевъ въ 1075 г. Затѣмъ, начиная съ 1160 г., одинъ *capellanus, presbiter* и *archipresbiter* Эбергардъ фонъ Бодманъ часто упоминается подъ грамотами епископства констанцскаго. 7-го іюня 1160 г. архипресвитеръ Эбергардъ встрѣчается въ одной грамотѣ епископа Германа въ числѣ свидѣтелей въ пользу пріорства Денкендорфъ. *Ladewig, Regesta episcop. Const. стр. 108*. Онъ же удостовѣряетъ въ слѣдующемъ 1161 году соглашеніе между церквами Кольтеттенъ и Оффенгаузенъ. *Regesta episc. Const. стр. 108*. Одинъ каноникъ Эбергардъ подписываетъ въ 1163 г. отказъ главнаго констанцскаго монастыря отъ имѣній, на которыя заявилъ притязанія монастырь св. Георгія (тамъ же 109). Оба акта были составлены при епископѣ Германѣ †1165 г. Еще чаще встрѣчается этотъ архипресвитеръ и капеланъ Эбергардъ подъ грамотами Оттона II (1166—1174 г.). Такъ, утвержденіе одного приговора Оттона

благодаря этому становится вѣроятнымъ, что Арнольдъ, въ то время изгнанія, дѣйствовалъ значительно мягче, чѣмъ въ Парижѣ, и что потому не совсѣмъ безъ основанія аббатъ клервосскій упрекаетъ Арнольда, что онъ по своему обыкновенію смягчаетъ свои слова, пока не приобрѣтетъ могущественныхъ покровителей, которые даютъ ему возможность перейти къ нападенію. Съ другой стороны, конечно, вполне возможно, что Эбергардъ фонъ Бодманъ, о которомъ упоминаетъ Веццло, былъ неизвѣстнымъ намъ покровителемъ Арнольда изъ свѣтскаго сословія, какъ это предполагаетъ Гизебрехтъ (Арнольдъ изъ Бремни, стр. 14). Тогда, значить, другой и, по всей вѣроятности, старшій членъ этой фамиліи носилъ то же имя, но доказать исторически существованіе такого именно во времена Арнольда невозможно.

безъ числа носить подпись Eberardus archipresbiter de Pothamo, Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins XXX, 81. 1-го ноября 1166 г. тотъ же Eberhardus podamensis aecclesiae sacerdos et archipresbyter былъ свидѣтелемъ въ одной грамотѣ епископа Оттона, данной монастырю св. Власія. См. Bodman, Regesten von Poinsignon. Schriften des Vereins für Geschichte des Bodensees X, стр. 6, и Regesta episcop. Const. p. 112. 27-го декабря 1166 г. мы находимъ подпись archipresbiter et capellanus de Bodimin. Regesta episc. Const. p. 113, подъ одною дарственной грамотою, данною монастырю Всѣхъ Святыхъ и женскому монастырю св. Агнесы у Шафгаузена, а въ 1169 г. какъ Eberhardus sacerdos de Bodimin въ числѣ свидѣтелей одной уступки монастырю Салемъ. (Тамъ же, стр. 113.). Ср. Codex Salemit. I. 21, 23, 24. Точно такъ же Eberhardus sacerdos de Bodimin подъ одною обмѣнною грамотою съ Салемомъ отъ 10-го марта 1169 г., Reg. episc. Const. стр. 113. Также утвержденіе одного приговора Оттономъ II для монастыря св. Трудберта носить подпись: ego Eberhardus archipresbiter de Pothamo. Тамъ же № 1027, стр. 115. Такъ какъ въ грамотѣ отъ 27-го декабря 1166 г. онъ упоминается какъ Eberardus capellanus, то онъ, конечно, тотъ же самый капеланъ Эбергардъ, котораго епископъ Германъ называетъ въ Prooemium къ liber miraculorum S. Bernardi (Mon. Germ. XXVI. 122, Migne, 185, 373) Eberardus capellanus meus, потому что никакого другого капелана Эбергарда въ многочисленныхъ грамотахъ того времени указать нельзя. А этотъ капеланъ Эбергардъ одно изъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которыя сопровождали аббата клервосскаго отъ границы епархіи Констанца до Цюриха и засвидѣтельствовали самыя необычайныя чудеса святого; соперничая съ цистерціанскимъ аббатомъ Фровиномъ Салемскимъ. Въ Фрейбургѣ онъ показываетъ: Ego illa ipsa die tres claudos erectos vidi. На пути изъ Секингена въ Шафгаузенъ: Numeravimus triginta sex miracula quae facta sunt ipsa die. Cui undecim illuminati sunt, claudis decem et octo gressus redditus est, mancis undecim manus restitutae, surdus unus audivit. Si plus in summa veniunt quam

Къ третьему разряду покровителей Арнольда Бернаръ относить богатыхъ людей, которые начинаютъ выдвигаться политически и въ торговомъ городѣ на Лимматѣ. Бернаръ увѣряетъ, что Арнольдъ затѣвалъ тайные заговоры въ домахъ зажиточныхъ купцовъ (*sedet in insidiis cum divitibus*). Что и здѣсь такъ же, какъ нѣкогда въ Брешиа, богатое городское сословіе прикнуло къ Арнольду, это вполне понятно; при томъ неустановившемся политическомъ состояніи, въ какомъ находился городъ на Лимматѣ, агитаторъ, подобный Арнольду, долженъ былъ найти благодарную почву для новой политической дѣятельности. Эти намеки на отношенія Арнольда конечно не даютъ намъ ясной картины. Мы видимъ только, что онъ училъ публично, и что одобреніе, которое онъ встрѣтилъ, сильно озабочивало приспѣшниковъ

triginta sex, inde est, quod prius personas numeraveram, modo signa. Бернаръ для него *pater, vir sanctus, pater sanctus, sanctus Domini, homo Dei*. Во всякомъ случаѣ поразительно, какъ могъ Вецель, приверженецъ Арнольда, относить такого слѣпота почитателя аббата клервосскаго къ *viris idoneis*, способнымъ быть посредниками въ арнольдовскомъ духѣ между папою и римлянами. Пожалуй Вецель могъ имѣть въ виду другаго Эбергарда фонъ Бодмана изъ свѣтскаго сословія, но то, какъ упоминаетъ онъ о немъ, указываетъ на извѣстнаго человѣка, который чѣмъ бы то ни было долженъ былъ отличаться отъ извѣстнаго капелана епископа Германа. Напротивъ сопоставленіе двухъ графовъ вмѣстѣ съ однимъ Эбергардомъ фонъ Бодманъ въ письмѣ Вецеля становится вполне понятно, если Эбергардъ противопоставляется обоимъ свѣтскимъ лицамъ какъ духовное лицо. „*Comitem Rodulfum de Ramesberch et comitem Oudelicum de Lenzenburch et alios idoneos, scilicet Eberhardum de Bodemen... Roman quantocius poteritis mittere non dubitetis*“. Графы должны были быть представителями короля, но рядомъ съ ними должнъ были стоять испытанные дѣловые люди, имѣющіе значеніе и умѣющіе вести дѣло съ куріей и сенатомъ, и которые *assumptis peritis legum, qui de jure imperii sciunt, et audeant tractare*“ могли бы соблюдать интересы Фридриха въ городѣ, возбужденномъ противъ духовенства. Если же Вецель возлагаетъ такія надежды на капелана епископа Германа, то должна была существовать общая сфера, общій интересъ въ жизни, на которомъ могъ бы сойтись Арнольдъ и вѣрующій въ чудеса капеланъ. Такою общою сферою могло быть тогда только увлеченіе аскетической реформой церкви, общее позднѣйшему почитателю Бернара съ Арнольдомъ. Въ Римѣ же едва ли знали въ 1152 г., что Эбергардъ фонъ Бодманъ, о которомъ сохранилась память отъ 1142 г. какъ о приверженцѣ Арнольда, въ 1146 г. принималъ дѣятельное участіе въ бернардовской проповѣди крестоваго похода и во всякомъ случаѣ видѣлъ тогда „святого Господня“ въ смертельномъ врагѣ Арнольда.

Бернара. Оттонъ Фрейзингскій и перелагатель его въ стихи предполагаютъ при этомъ, что онъ отравлялъ страну не столько своимъ толкованіемъ священнаго Писанія, сколько извѣстною своею догмою, уже осужденною папою. Другими словами, это значить, что Арнольдъ проповѣдывалъ прямодушному алеманскому народу ученіе о бѣдной церкви, которая не должна вмѣшиваться въ мірскія тяжбы. А такъ какъ и въ Цюрихѣ аббатисса стояла за свои пошлины и свое право чеканить монету, каноники большого собора за свои помѣстья, а аббать Эйнзидельна велъ тяжбу изъ-за своего лѣса съ графомъ Ленцбургскимъ, то Бернаръ боялся, что появленіе Арнольда поведетъ, какъ въ Брешии и Парижѣ, къ гражданскимъ и церковнымъ потрясеніямъ. Онъ точно такъ же приписываетъ бѣглецу Арнольду не столько научную учительскую дѣятельность въ Цюрихѣ, сколько церковно-политическую агитацію. При этомъ Бернаръ указываетъ, что Арнольдъ благодаря своей строгой жизни вводилъ въ заблужденіе даже людей, державшихся церковнаго образа мыслей, что его постничество и строгій аскетизмъ окружаютъ его незаслуженнымъ ореоломъ, словомъ, что онъ вкрадывается какъ волкъ въ овечьей шкурѣ. По свѣдѣніямъ Бернара, успѣхъ этого опаснаго человѣка совершенно необычайный. „Онъ проглатываетъ народъ разомъ какъ кусокъ хлѣба“; такъ же преувеличены и всѣ остальные его гиперболы, въ нихъ находятъ себѣ исходъ гнѣвъ раздраженнаго святого. Не трудно угадать, кто посылалъ аббату клервосскому эти свѣдѣнія объ Арнольдѣ. Въ 1134 г. въ Зальмансвейерѣ, недалеко отъ мѣстопробыванія епископа Германа, былъ основанъ цистерціанскій монастырь. Первымъ аббатомъ этого монастыря былъ Фровинъ, одинъ изъ приближенныхъ аббата клервосскаго ¹⁾. Отсюда, какъ можно заключить, кардиналы цистерціанскаго ордена доносили въ Клерво вѣсти о новой учительской дѣятельности Арнольда, и, очевидно побуждаемый этой стороною, Бернаръ убѣждалъ епископа Германа открыть глаза и усовѣщивалъ его.

Въ Клерво же, повидимому, держался того мнѣнія, что Арнольдъ обманулъ епископа и окружающихъ его относительно своего истиннаго характера внѣшнимъ соблюденіемъ церковныхъ обрядовъ и строгимъ аскетизмомъ; по крайней мѣрѣ, Бернаръ считаетъ необходимымъ сорвать маску съ Арнольда. Вѣрно или ложно было это мнѣніе Бернара, нельзя, опираясь на одни недоказанныя предположенія, сказать положительно, что Арнольдъ былъ совершенно неспособенъ къ такому притворству. Если епископъ, первую

¹⁾ См. hist. mirac. Bern. Migne, 185, 374.

заботою котораго было потребовать обратно утраченныя имѣнія своего монастыря ¹⁾), терпѣлъ въ своей епархіи въ качествѣ учителя врага всякаго свѣтскаго владѣнія духовенства, если капеланъ Эбергардъ фонъ Бодманъ, вѣрующій въ чудеса спутникъ чудотворца клервосскаго, могъ быть хоть нѣкоторое время причисленъ къ покровителямъ Арнольда, если легатъ римской церкви вслѣдъ затѣмъ взялъ Арнольда подъ свою защиту и въ число своихъ домочадцевъ, если Арнольдъ купилъ амнистію Евгенія III клятвою въ вѣрности римскому престолу и покаяніемъ въ святыхъ мѣстахъ Рима и затѣмъ еще цѣлый годъ, удаляясь отъ борьбы и спора, посвятилъ себя дѣламъ аскетизма,—то эти факты рисуютъ намъ много Арнольда, не того оруженосца Голиава Абелара, который былъ такимъ яркимъ борцомъ во Франціи.

Почему бы и для него не могла наступить на время потребность мира и покоя, которая удерживала бы его отъ слишкомъ рѣзкихъ поступковъ? Намъ нѣтъ нужды допускать вслѣдствіе этого, что онъ отрекся отъ своего ученія. Оттонъ Фрейзингскій свидѣтельствуетъ, напротивъ, что онъ распространялъ свое ученіе также и въ Цюрихѣ, и Бернаръ бьетъ въ набатъ по поводу душегубительной дѣятельности схизматика, завлекающаго въ адъ христіанскую паству Германа. Это не исключаетъ того, что Арнольдъ не высказывалъ послѣднихъ выводовъ своего ученія въ обществѣ Германа и его капелана, какъ позднѣе въ обществѣ кардинала Гвидо и новаго папы, и не позволялъ себѣ такой смѣлой агитаціи противъ клира, какъ раньше въ Брешии и Парижѣ, а потомъ въ Римѣ. Это именно и есть та маска благочестія, которая такъ раздражаетъ Бернара. Слѣдовательно, должна быть крупница правды въ слишкомъ страстныхъ преувеличеніяхъ Бернара, иначе было бы неповятно покровительство, оказанное Арнольду епископомъ Германомъ и графомъ Лендбургскимъ, потому что нѣтъ ни малѣйшаго повода приписывать этимъ господамъ сочувствіе его планамъ кореннаго преобразования церкви. Съ другой стороны, конечно правдоподобно и то, что цистерціанцы, которые много вращались при дворѣ епископа, какъ доказываютъ это уже однѣ грамоты ихъ монастыря Салемъ, предостерегали сначала епископа, прежде чѣмъ обратиться къ Бернару. Тонъ упрека, который принимаетъ Бернаръ, указываетъ уже, что присѣшники Бернара обвиняли епископа въ нерадѣніи. Слѣдовательно, мы должны предположить въ Германѣ извѣстную симпатію къ Арнольду. Чѣмъ меньше имѣлъ епископъ общаго съ теоріями Арнольда, чѣмъ сильнѣе были осно-

¹⁾ Брѣве Иннокентія II, отъ 12-го апрѣля 1139 г.

ванія, лежація въ прошломъ Арнольда, чтобы воспретить ему общественную дѣятельность, тѣмъ лучшимъ доказательствомъ нравственнаго вліянія ломбардца и его дара очаровывать людей служить тотъ фактъ, что для того, чтобы вооружить епископа противъ бѣглеца, отлученнаго отъ церкви, потребовалось посланіе Бернара полное упрековъ и предостереженій. Это посланіе, конечно, возымѣло до извѣстной степени свое дѣйствіе. Аббать клервосскій, какъ всегда преувеличивая,—преувеличеніе стало въ немъ второю натурою,—говоритъ епископу, который между тѣмъ лучше могъ узнать дѣло находясь по близости: „подобно дѣкому и сильному волку“, вторгся Арнольдъ въ констанцскую епархію и грозитъ поглотить народъ, какъ кусокъ хлѣба. Пылкая фантазія святого Бернара окружила образъ Арнольда дѣйствительно чудовищнымъ ореоломъ, но тѣмъ не менѣе въ этомъ описаніи то тутъ, то тамъ выступаютъ сходныя черты, хотя конечно искаженныя, съ настоящимъ Арнольдомъ.

Второй Каинъ, скиталець, не имѣющій пристанища на землѣ, говоритъ Бернаръ, онъ дѣлаеть на чужбинѣ то, чего не смѣлъ сдѣлать дома, онъ бродитъ кругомъ, какъ левъ рыкающій, и ищетъ кого поглотить. Итакъ, аббату было донесено, что Арнольдъ съѣтъ нечестіе въ Цюрихѣ. Его уста „полны всегда злословія и ненависти, онъ скорь, чтобы проливать кровь; вслѣдъ за нимъ идутъ разрушенія и бѣдствія; онъ никогда не зналъ путей мира. Врагъ распятаго Христа, онъ съѣтъ раздоръ и расколъ, нарушаетъ гармонію и единство. Его зубы—оружіе и стрѣлы; его языкъ—острый мечъ. Его рѣчи глаже масла, но это копыя. Его обыкновеніе привлекать богатыхъ и сильныхъ льстивыми рѣчами и лицемѣрными добродѣтелями, какъ написано: „онъ подстерегаетъ въ союзѣ съ богатымъ въ засадѣ, чтобы умертвить неповиннаго“ (Ис. 9, 29). Но изъ всѣхъ этихъ гиперболъ мы выносимъ только, какъ непримиримо ненавидѣлъ все еще аббать своего противника съ холма святой Женевьевы, онъ вмѣняетъ Герману въ преступленіе даже то, что тотъ терпитъ его. Современники считали одною изъ характерныхъ чертъ Бернара именно то, что, разъ уже онъ схватилъ противника, онъ не выпуститъ его изъ рукъ. Какъ Абельяру и Жильберу изъ Пуатье, такъ и Арнольду пришлось это испытать на себѣ.

Невозможно, иишетъ аббать въ Констанцѣ, чтобы епископу Герману оставалось неизвѣстнымъ то, о чемъ молва дошла даже до Франціи, что Арнольдъ соблазняетъ души, вѣрныя констанцскому епископу. Въ сильныхъ выраженіяхъ высказываетъ Бернаръ свое удивленіе по поводу того, что епископъ не признаеть въ этомъ изобличенномъ человѣкѣ еретика, не

принимаетъ мѣръ къ его задержанію и даже не препятствуетъ ему губить души, за которыя умеръ Христосъ. Онъ говоритъ объ Арнольдѣ Брешианскомъ, что относительно него слѣдуетъ только желать, чтобы его воззрѣнія были такъ же здравы, какъ строга его жизнь. „Онъ не ѣсть и не пьетъ, потому что онъ одинъ постится со дьяволомъ и жаждетъ крови душъ. Ибо онъ принадлежитъ къ тѣмъ, о которыхъ Павелъ говоритъ, что они имѣютъ видъ богобоязненности, но силу ея отвергають, онъ волкъ въ овечьей шкурѣ“. Гдѣ бы ни побывалъ Арнольдъ до сихъ поръ, вездѣ онъ оставилъ такіе ужасные и жестокіе слѣды своего пребыванія, что самъ даже не осмѣливался вторично появляться въ томъ мѣстѣ. Это, конечно, своеобразный упрекъ, такъ какъ папа запретилъ Арнолду возвращаться въ Италію, а самъ Бернаръ постарался закрыть ему доступъ во Францію, онъ самъ говоритъ далѣе, что Арнольдъ, проклятый апостоломъ Петромъ, обратился къ Петру Абеляру и защищалъ его ученіе упорно и страстно даже послѣ того, какъ церковь осудила его. Если епископъ станетъ дожидаться, когда онъ успѣетъ приобрести себѣ союзниковъ между сильными людьми и обезпечить за собою ихъ дружбу, тогда онъ увидитъ, что Арнольдъ вступитъ въ борьбу съ клиромъ; онъ будетъ тогда опираться на тираннію знати противъ церкви и неистово преслѣдовать все духовное сословіе. „Изгоните злодѣя изъ среды вашей“, повелѣлъ апостолъ. Но, такъ какъ изгнаніе Арнольда въ сущности очень мало послужило Бернару, то онъ прибавляетъ весьма недвусмысленно, что пусть лучше епископъ („другъ небеснаго жениха“) постарается связать злодѣя, чѣмъ изгонять его, чтобы онъ не причинилъ еще большаго вреда въ другомъ мѣстѣ.

Это поразительное посланіе—краснорѣчивое доказательство того, подъ какимъ надзоромъ держали въ то время клювіанцы и цистерціанцы епископовъ, и какъ много позволяли они себѣ по отношенію къ регулярному клиру. Но высшей іерархіи должно быть уже очень наскучили вѣчныя нотации „аббата“, потому что и здѣсь, какъ во Франціи, не произошло того, чего требовалъ Бернаръ. Епископъ Германъ, безъ сомнѣнія, былъ также „другомъ небеснаго жениха“, но ради этого онъ не считалъ еще себя обязаннымъ заключать въ темницу каждаго, кто ссорился съ аббатомъ клервосскимъ. Разумѣется, Бернаръ ссылается на то, что, когда еще Арнольдъ былъ во Франціи (*dum adhuc esset apud nos*), папа Иннокентій II прямо приказалъ сдѣлать Арнольда безвреднымъ и заточить его; подъ этимъ Бернаръ подразумѣваетъ буллу отъ 16 іюля 1141 г., однако, такъ какъ аббатъ самъ сознаетъ, что ни одинъ французскій епископъ не выполнилъ этого по-

велѣнія, то какъ же можетъ епископъ Германъ рѣшиться исполнить его? Съ другой стороны, конечно, у Германа не могло быть никакого желанія изъ-за чужеземца сориться съ могущественнѣйшимъ человѣкомъ на Западѣ, за которымъ, напротивъ, нѣсколько лѣтъ спустя, онъ усердно ухаживалъ во время проповѣди крестоваго похода въ 1146 г. ¹⁾ Такъ что онъ избралъ средній путь. Онъ удалилъ италианца, а можетъ быть, и самъ передалъ его кардиналу-діакону Гвидо, который въ 1142 г. былъ посланъ въ Богемію и Моравію и въ то время довольно долго оставался при епископскомъ дворѣ въ Пассау ²⁾. Такъ снова въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ Бернара Арнольдъ прежде всего упоминается въ свитѣ кардинала, и Бернаръ предполагаетъ, что еще до 24-го сентября 1143 г., дня смерти Иннокентія II, Арнольдъ, впавшій въ подозрѣніе у епископа констанцскаго, сталъ домохадцемъ Гвидо. Такъ какъ Арнольдъ оставилъ Парижъ не тотчасъ послѣ осудившей его буллы отъ 16-го іюля 1141 г., но продолжалъ еще свою учительскую дѣятельность нѣкоторое время, то его пребываніе въ Цюрихѣ должно быть отнесено къ 1142 г. и началу 1143 г.

Трудно опредѣлить, насколько продолжительны были послѣдствія этой кратковременной, но вызвавшей много толковъ дѣятельности Арнольда въ Цюрихѣ. Десять лѣтъ спустя еще слышится духъ оппозиціи, къ неудовольствію епископа Германа, въ монастырѣ канониковъ на Цюрихской горѣ, и Германъ угрожаетъ отлученіемъ отъ церкви послѣдователямъ Іуды, если они не отрекутся отъ своего вѣроотступничества. Сорокъ лѣтъ спустя авторъ поэмы Лигуринъ думаетъ, что цюрихцы настолько прониклись ученіемъ лжепророка, что еще до сихъ поръ дѣйствовалъ его ядъ, и тамошній народъ все еще сохранилъ нѣкоторые слѣды дѣятельности Арнольда среди отцовъ ихъ ³⁾.

¹⁾ Liber miracul. Bernh. Prooem. Mon. Germ. XXVI, 122.

²⁾ Хронологія арнольдовскаго изгнанія по существующимъ даннымъ слѣдующая: Арнольдъ былъ изгнанъ изъ Италіи римскимъ соборомъ на Страстной недѣлѣ 1139 г. Онъ былъ приговоренъ къ заточенію вмѣстѣ съ Абеяромъ буллою отъ 16 іюля 1141 г. Къ Гвидо онъ перешелъ послѣ 21-го августа 1142 г., въ этотъ день Иннокентій II рекомендуетъ Гвидо Генриху епископу моравскому (Jaffé, Regest. P.). Когда Бернаръ подозреваетъ, что Арнольдъ скрывается у Гвидо, Иннокентій II былъ еще въ живыхъ († 24-го сентября 1143 г.), въ Италіи же появляется Арнольдъ опять во время пребыванія Евгенія III въ Витербо съ 15-го апрѣля по 1-е декабря 1145 г.

³⁾ Еще въ концѣ столѣтія автору поэмы Лигуринъ думается, что

Новѣйшіе писатели въ якобы холодномъ отношеніи цюрихцевъ къ бернарвской проповѣди крестоваго похода въ 1146 г. усматриваютъ также вліяніе дѣятельности Арнольда, но сами проповѣдники крестоваго похода этого не замѣчали ¹⁾). Еще труднѣе опредѣлить, есть ли прямая связь между дѣятельностью Арнольда и нѣкоторыми явленіями, напримѣръ, охлажденіемъ готовности къ пожертвованіямъ на постройку большого собора, требованіями улучшения свѣтскаго представительства и подобными политическими явленіями ²⁾). Но, что и послѣ отъѣзда Арнольда сношенія между друзьями Арнольда среди алеманновъ и его партій въ Римѣ живо поддерживались, это вполне досто-

онъ видитъ слѣды арнольдовскаго вліянія на населеніе въ Цюрихѣ:

Unde venenato dudum corrupta sapore,
Et nimium falsi doctrina vatis inhaerens,
Servat adhuc uvae gustum gens illa paternae.

Эта картина—намекъ на Іезек. 18, 2. Отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомины.

1) Такъ Vierordt, Bad. Gesch. 258. Оба жизнеописанія святого Бернара однако не подтверждаютъ этого мнѣнія, а liber miraculorum (Mon. Germ. XXVI, 122 и сл.) приводитъ именно констанцскаго епископа какъ ревностѣйшаго почитателя аббата. На сеймѣ во Франкфуртѣ въ декабрѣ 1146 г. онъ осаждаетъ Бернара многократными просьбами проѣхать съ нимъ въ Констанцъ, хотя Бернаръ неохотно разставался такъ надолго со своими братьями. Самъ епископъ Германъ засвидѣтельствовалъ чудеса, совершенныя святымъ надъ больными въ его епархіи, начиная съ перваго прихода Кенцингенъ, на каждой остановкѣ, въ Эттенгеймѣ, Киппенгеймѣ, Фрейбургѣ, Кротцингенѣ, Гейтерсгеймѣ, Шлингенѣ, Рейнфельденѣ, даже передъ populus durissimus въ Секингенѣ (какъ самъ пастырь называетъ своихъ духовныхъ дѣтей, Mon. Germ. XXVI, 125), и дальше въ Тингенѣ, Шафгаузенѣ и Штейнѣ. Фровинъ, аббатъ салемакскій, по всей вѣроятности, обвинитель Арнольда передъ Бернаромъ, былъ свидѣтелемъ чудесъ въ Констанцѣ; эти чудеса при давкѣ народа могли быть замѣчены только немногими. Въ Винтертурѣ заговорила одна нѣмая дѣвушка, паралитики бросаютъ свои костыли, а про самый Цюрихъ говорится, что хромые ходятъ, слѣпые видятъ, нѣмые говорятъ, и, если многіе еще случаи остались незаписанными, то единственная причина тому тѣснота въ народѣ. Аббаты Герардъ и Генрихъ засвидѣтельствовали, вернувшись изъ Швейцаріи въ 1157 г., что хлѣбъ, освященный въ Швейцаріи святымъ Бернаромъ за одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ, и по сейчасъ не испортился (Mon. Germ. XXVI, 114). Слѣдовательно, арнольдовское ученіе не поколебало вѣры въ чудеса въ констанцской епархіи.

вѣрно извѣстно изъ вышеупомянутаго письма Вецило, и по этому одному уже нельзя смотрѣть на всѣ жалобы святого Бернара на успѣхъ Арнольда въ Цюрихѣ какъ на пустую риторикy.

Въ рыцарскомъ сословіи, среди богатыхъ и среди простого народа Арнольдъ встрѣтилъ сочувствіе, и, если почти полстолѣтія спустя авторъ поэмы Лигуринъ еще чувствуетъ вліаніе Арнольда на народъ въ городѣ на Лимматѣ, то, значитъ, вполне справедливо швейцарцы уже съ того времени относили брешіанскаго пророка къ числу творцовъ того духа, силою котораго Цюрихъ становится свободнымъ и великимъ въ слѣдующемъ столѣтіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

АРНОЛЬДЪ У КАРДИНАЛА ГВИДО.

1143—1145 годъ.

Omnibus amabilis et admirabilis.

Вальтеръ Магъ, De nugis curialium, cap. 24.

Изъ-подъ покровительства Германа Арбона и Удальриха фонъ Ленцбургъ Арнольдъ переходитъ подъ защиту кардинала, назначеннаго легатомъ въ Богемію и Моравію. Какъ произошла эта перемѣна, неизвѣстно; мы вообще ничего не знали бы о ней, если бы въ числѣ посланій Бернара не нашлось новаго письма противъ Арнольда, въ которомъ Бернаръ предостерегаетъ кардинала Гвидо, назначеннаго въ то время легатомъ для Богеміи и Моравіи, противъ бѣглого схизматика такимъ же образомъ, какъ незадолго передъ этимъ онъ предостерегалъ Германа констанцскаго ¹⁾).

Такъ какъ свита легата тѣхъ временъ была обыкновенно весьма многочисленна, то поступленіе Арнольда во дворъ Гвидо еще не значило, что онъ стоялъ въ близкихъ отношеніяхъ къ этому высокому лицу. Шестіе такого итальянскаго легата необычайно наглядно описалъ намъ пріоръ Герхо. „У себя дома эти люди“, пишетъ это весьма знакомое съ Римомъ духовное лицо, „живутъ довольно скромно и довольствуются небольшимъ штатомъ прислуги, но каждый изъ нихъ, едва только онъ посылается легатомъ, окружаетъ себя множествомъ людей, беретъ множество вычюныхъ и верховыхъ лошадей, заводитъ цѣлый дворъ, назначая одного дворецкимъ, другого кравчимъ, третьяго камераріемъ, четвертаго маршалкомъ. А такъ какъ эти лица въ свою очередь обзаводятся необходимыми помощниками и обозомъ, то составляетъ не малая кавалькада, но меньшей мѣрѣ лошадей въ сорокъ, а большею частью свыше сорока; не только богатѣйшіе монастыри,—о бѣдныхъ и о монастыряхъ со средними средствами

¹⁾ Ep. 196. Migne, 182, 363.

мы совершенно умалчиваемъ,—но даже епископы и князья едва могутъ угодить всѣмъ ихъ желаніямъ. Если же ихъ принимаютъ не вполнѣ богато и не особенно старательно исполняютъ всѣ ихъ желанія, то изъ-за какого-нибудь небольшого недостатка, напримѣръ, если имъ не дадутъ такого освѣщенія или корма для лошадей, какого они хотятъ, они дѣлаютъ пріора послѣднимъ лицомъ въ монастырѣ или же отрѣшаютъ его отъ должности, пока онъ не загладитъ своей нерадивости и не заплатитъ за недостающее суммою во сто разъ большею и такимъ путемъ не вернетъ ихъ благосклонности. И вотъ когда они на долгое время останутся въ какомъ-нибудь городѣ и поочистятъ сосѣдніе съ городомъ монастыри, потребовавъ отъ нихъ пожертвованій, тогда они посылаютъ пословъ въ самыя отдаленныя монастыри и даже не жалѣютъ труда навѣстить окрестныя епископства, не только пограничныя, но и далеко лежащія, и монастыри, находящіяся даже на разстояніи восьми дней пути; а потомъ сами или черезъ пословъ они требуютъ, чтобы аббаты и епископы въ свою очередь посѣтили ихъ, и, пользуясь всею предоставленною имъ властью, они наказываютъ всякое упущеніе со стороны ихъ, пока не получаютъ желаемого, нѣкоторымъ даже запрещаютъ священнодѣйствовать¹⁾.

Эта жизнь папскаго легата казалась современникамъ верхомъ земного благополучія. Именно въ это время одному мошеннику, который раньше былъ слугою у покровителя Арнольда Іакинеа, посчастливилось усвоить себѣ внѣшность такого прелата; съ подобною же свитою онъ проѣхалъ черезъ майнцскую епархію и съ такимъ безстыдствомъ вынуждалъ контрибуцію, что всѣми былъ принятъ за настоящаго легата, пока письмо Евгенія III не повелѣло арестовать этого шарлатана²⁾. Къ подобной же свитѣ присоединился теперь Арнольдъ, и, такъ какъ Бернаръ только по слухамъ знаетъ, гдѣ скрывается схизматикъ, то мы скорѣе должны допустить, что Арнольдъ добровольно примкнулъ къ Гвидо, чѣмъ то, что епископъ Германъ выдалъ легату Арнольда, чтобы тотъ наказалъ его.

Напротивъ, отношеніе Гвидо къ итальянскому изгнаннику, какъ можно заключить изъ жалобъ Бернара, было добрымъ и даже полнымъ уваженіемъ³⁾. Домочадецъ и застольникъ кардинала, пригласаемый имъ въ частыхъ

1) Герцо, de investig. Antichr. cap. 54. Edit. Scheibelberger 108.

2) Jaffé, Bibl. III, 401.

3) Такъ какъ Бернаръ, Ер. 196, выражается предположительно: „Arnaldus fertur vobiscum esse“. „Si tamen verum est, quod vobiscum homi-

бесѣдахъ къ совѣту, Арнольдъ былъ въ безопасности отъ гнѣва Бернара, и даже у него явилась надежда со временемъ когда-нибудь вернуться на родину со своимъ патрономъ. И новый покровитель такъ же, какъ граждане Брешии и студенты парижскіе, узналъ всю пріятность характера Арнольда и всю прелесть его обхожденія ¹⁾; какъ Абеляръ въ Петрѣ Ключійскомъ, такъ Арнольдъ въ кардиналѣ Гвидо нашель человѣка, который сталъ посредникомъ въ примиреніи его съ римской куріей. Гвидо вообще покровительствовалъ духовнымъ лицамъ самаго строгаго направленія, и въ 1143 г. среди окружающихъ Гвидо мы находимъ также строгаго аскета Герхо Рейхерсбергскаго, у котораго столько точекъ соприкосновенія съ суровыми принципами Арнольда; и, когда въ 1144 г. Герхо отправился въ Римъ, Гвидо рекомендуетъ его папѣ Целестину, покровителю Абеяра ²⁾. Быть можетъ, изъ этихъ общихъ отношеній вытекаетъ интересъ Герхо къ Арнольду; правда, онъ оспариваетъ учениковъ его, но посвящаетъ его чистому рвенію слова участія даже послѣ его смерти ³⁾. О томъ, что Арнольдъ нашель убѣжище у Гвидо, мы узнаемъ лишь изъ одного церковнаго отличительнаго посланія, которыми такъ богата корреспонденція Бернара. Такъ какъ Германъ констанцскій уклонился отъ требованія аббата заточить Арнольда, то Бернаръ пытается достичь своей цѣли теперь у легата. „Арнольдъ изъ Брешии“, пишетъ Бернаръ въ строгомъ тонѣ новому покровителю преслѣдуемаго учителя ⁴⁾, „обращеніе котораго медъ, но ученіе котораго ядъ, у котораго голова голубя и хвостъ скорпіона, котораго Брешия извергла,

nem habeatis“, то Брейеръ, *Histor. Taschenbuch*, 8, 146, думаетъ, что Арнольдъ вовсе не былъ у Гвидо, иначе спутникъ Гвидо Герхо Рейхерсбергскій упомянулъ бы объ его присутствіи. Но предположительная форма одна лишь италянская вѣжливость. Не имѣя вѣрныхъ свѣдѣній, аббатъ разумѣется не сталъ бы писать въ такомъ тонѣ легату. Онъ знаетъ даже, до какой степени въ близкихъ отношеніяхъ стоитъ Арнольдъ къ кардиналу Гвидо, и освѣдомленъ о томъ, то легатъ считаетъ осужденіе Арнольда неправильнымъ. На основаніи пустыхъ слуховъ не сталъ бы Бернаръ обращаться съ такими упреками къ князю церкви, имѣющему такое высокое положеніе.

¹⁾ *Cujus conversatio mel, cui caput columbae*. Ep. 196.

²⁾ *Migne*, 193, 578. См. біографію Герхо, написанную В. Риббекомъ, *Forschungen zur deutschen Geschichte*. 24, 15.

³⁾ *Gerhoh, liber ad Hadrianum*, стр. 4. *De investig. Antichr.* 383. *Forschungen zur deutschen Geschichte* 25, 559. Въ ученіи ихъ обоихъ есть также нѣкоторое сходство. Ср. *Sturmhöfel, Gerhoh v. R.* стр. 6.

⁴⁾ Ep. 196.

Римъ отвергъ, Франція изгнала, которымъ гнушается Германія, а Италія не желаетъ принять обратно, находится, говорятъ, у васъ. Остерегайтесь, прошу васъ, чтобы, пользуясь вашимъ значеніемъ, онъ не причинилъ еще большаго вреда. Ибо, разъ у него есть и способность и желаніе вредить, онъ, пользуясь вашею благосклонностію, будетъ трижды опаснѣе и причинить тогда, я боюсь, неизмѣримое зло“. Если дѣйствительно кардиналь держитъ у себя этого бѣглеца, то можно допустить только одно изъ двухъ: или легатъ не знаетъ, кого онъ взялъ, или онъ надѣется на исправленіе схизматика. Какъ желаетъ въ такомъ случаѣ святой, чтобы эта надежда не осталась тщетной! Если бы Гвидо было дано изъ этого камня создать сына Аврааму! Какой пріятный подарокъ для матери-церкви принять изъ рукъ легата какъ сосудъ благочестія того, кто такъ долго былъ сосудомъ нечестія! Попытка позволительна, но мудрый человѣкъ при такой попыткѣ не перейдетъ опредѣленнаго апостоломъ числа и будетъ удалиться отъ еретика, который разъ или два уже былъ увѣщиваемъ. Принять же его, напротивъ, въ число домочадцевъ, допустить его къ частымъ разговорамъ и даже къ своему столу, это возбуждаетъ подозрѣнія въ покровительствѣ ему, которое послужитъ новымъ оружіемъ для этого вреднаго человѣка. Домочадецъ и наперникъ папскаго легата повсюду найдетъ доступъ, потому что кто будетъ подозрѣвать дурное въ человѣкѣ, имѣющемъ такое высокое положеніе, и, если бы даже онъ говорилъ завѣдомо превратно, кто осмѣлится противорѣчить собесѣднику и другу легата? Долженъ же кардиналь принять во вниманіе, какіе слѣды оставилъ Арнольдъ повсюду, гдѣ ни побывалъ до сихъ поръ. Апостольскій престолъ имѣлъ вѣскія основанія удалить его, родившагося въ Италіи, за Альпы и не допускать возвращенія его на родину, а между тѣмъ чужеземцы, къ которымъ онъ направился, слишкомъ рады были бы, если бы онъ вернулся туда, откуда пришелъ. Если же кто-нибудь поступаетъ по отношенію ко всѣмъ такъ, что всѣ его ненавидятъ, то это только подтверждаетъ справедливость приговора, произнесеннаго надъ нимъ. Итакъ, послѣ того, какъ Бернаръ самъ съ такимъ трудомъ добился у покровителей Арнольда изгнанія его, сначала во Франціи, а потомъ въ Цюрихѣ, совершенно по-поповски онъ указываетъ еще на эту жалкую скитальческую жизнь своей жертвы какъ на доказательство противъ изгнанника; ненависть же къ Арнольду, которую Бернаръ вызвалъ въ массахъ своей агитаціей, должна свидѣтельствовать о справедливости приговора, вырваннаго имъ у папы, чтобы никто не смѣлъ говорить, что этотъ приговоръ онъ получилъ благодаря пронырству (*ne quis dicat subreptum fuisse domino Papae*). Итакъ

Бернаръ находить все-таки нужнымъ протестовать противъ такого предположенія, и, повидимому, онъ предполагаетъ, что легать смотрѣлъ на его поступокъ по отношенію къ Абеяру и Арнольду точно такъ же, какъ посмотрѣли на него на соборѣ въ Реймсѣ въ 1146 г. ¹⁾, гдѣ онъ былъ всѣми осуждаемъ. Что же это значить, спрашиваетъ онъ почти грозно въ заключеніе, что издѣваются надъ приговоромъ высшаго первосвященника, надъ приговоромъ, справедливость котораго Арнольдъ оспариваетъ только на словахъ, но сама жизнь его подтверждаетъ его. Покровительствовать ему значить прекословить владыкѣ римскому, даже Владыкѣ на небесахъ, потому что каждый справедливый приговоръ исходитъ отъ Того, Кто, говоритъ (Исаія 63, 1): „Я—изрекающій правду“.

Изъ этой многорѣчивой защиты Бернара вполне ясно, что Гвидо прекрасно зналъ папскій приговоръ, но не считалъ его законнымъ. Но аббать клервосскій глубоко вѣрить въ мудрость легата и въ его чувство приличія, онъ знаетъ, что по полученіи этого письма легать, ясно понявъ дѣйствительное положеніе дѣла, не будетъ склоненъ болѣе держаться такого мнѣнія объ этомъ дѣлѣ, которое неприлично легату и служить ко вреду церкви Господней, облекшей Гвидо посольствомъ, и въ этой надеждѣ онъ заканчиваетъ: „мы любимъ васъ и готовы къ вашимъ услугамъ“. Въ каждой строкѣ этого письма говорить сознаніе его автора, насколько сомнителенъ былъ приговоръ святого престола, котораго онъ добился у Иннокентія II и его кардиналовъ пронырствомъ, и подозрѣніе, что Гвидо дѣйствительно не одобряетъ его. Да и не видно, чтобы письмо Бернара отдалило кардинала-легата отъ Арнольда. Такъ какъ Арнольдъ вновь появляется въ Италіи въ томъ же самомъ 1145 г., какъ и кардиналъ Гвидо ²⁾, то можно думать, что до самаго этого времени онъ оставался въ свитѣ Гвидо, и что этотъ Гвидо примирилъ его опять съ куріей ³⁾.

Письмо Бернара было написано еще при жизни Иннокентія II, слѣдовательно, до 24-го сентября 1143 г. При происшедшей же перемѣнѣ на святомъ престолѣ Гвидо могъ придавать еще меньше значенія письму аббата, такъ какъ преемникъ Иннокентія II, Целестинъ II, былъ тѣмъ Гвидо де Кастелло, котораго мы знаемъ изъ писемъ святого Бернара какъ покровителя Абеяра ⁴⁾. Правда, онъ былъ избранъ въ папы тѣми же самыми

¹⁾ *Histor. pontif.* с. 9.

²⁾ *Jaffé, Reg. Pontif.* 9296 (6167) отъ 12-го сент. 1145 г.

³⁾ Ср. *Giesebrecht, Arnold v. Brescia* 17.

⁴⁾ *Ep.* 192. *Migne*, 182, 358. *Watterich*, II, 276—78.

кардиналами, которые осудили Арнольда и Абеяра, но, сдѣлавшись папою, онъ могъ не имѣть ни малѣйшаго стремленія преслѣдовать представителей той школы, къ которой онъ нѣкогда принадлежалъ самъ какъ парижскій магистръ. Та обязательность и готовность, съ какою онъ поспѣшилъ разрѣшить Людовика VII отъ отлученія отъ церкви, сердечное отношеніе его не къ Бернару Клервосскому, а къ Петру Клонійскому, повидимому, указывали на новую эру въ церкви. Къ несчастью для Арнольда новый папа умеръ послѣ лишь полугодичнаго пребыванія въ первосвященническомъ санѣ. Впрочемъ, и у преемника его Люція II въ его непродолжительное и бурное правленіе были болѣе неотложныя заботы, чѣмъ преслѣдованіе брешіанскаго пріора, живущаго по ту сторону Альпъ.

Наконецъ, послѣ шестилѣтняго изгнанія изъ родины оклеветанный агитаторъ въ 1145 г. опять появился въ Италіи и лично у Евгенія III просилъ о принятіи его вновь въ лоно римской церкви ¹⁾. Считалъ ли онъ, что его клятва не вступать въ Италію безъ разрѣшенія папы имѣла значеніе только по отношенію къ Иннокентію II ²⁾, которому онъ далъ ее, или же Гвидо предварительно добился для него этого разрѣшенія, но вѣрно то, что онъ появился на родинѣ одновременно съ Гвидо. Евгений III жилъ въ то время въ Витербо, къ сѣверу отъ Рима, въ городѣ, „гдѣ много прекрасныхъ источниковъ и прекрасныхъ женщинъ“, извѣстномъ своими живописными башнями и крѣпкими стѣнами, за которыми часто во время смутъ происходили выборы папы.

Самымъ замѣчательнымъ поступкомъ папы-цистерціанца было несомнѣнно то, что онъ опять принимаетъ въ католическую церковь брешіанскаго пріора, столь оклеветаннаго святымъ его ордена. Такъ какъ въ одномъ указѣ новаго папы отъ 12-го сентября 1145 г., подписанномъ въ Витербо, покровитель Арнольда Гвидо упоминается какъ находящійся въ Италіи, и такъ какъ Евгений III въ декабрѣ того же года переѣзжаетъ въ Латеранъ, то появленіе Арнольда въ Витербо и возвращеніе его въ Римъ должны быть также отнесены къ этому времени. „Когда Арнольдъ“, говоритъ *historia pontificalis*, „вернулся въ Италію по смерти папы Иннокентія, онъ обѣщалъ римской церкви искупленіе и подчиненіе и былъ принятъ вновь въ лоно церкви папою Евгениемъ въ Витербо. На него было наложено покаяніе, постъ, бдѣніе и молитва въ святыхъ мѣстахъ Рима, и онъ обѣщалъ выполнить его,

¹⁾ Hist. pontif. Mon. Germ. XX, 538.

²⁾ Такъ, повидимому, понимаетъ Оттонъ Фрейзингскій возвращеніе Арнольда: *Comperta vero morte Innocentii, circa principia pontificatus Eugenii, urbem ingressus.*

сверхъ того онъ торжественно поклялся повиноваться съ того времени церкви“.

Предписаніе подобныхъ благочестивыхъ упражненій было въ обычаѣ церкви при принятіи вновь кающагося грѣшника, и это наказаніе не могло быть тяжелымъ для человѣка, который всѣ дни свои проводилъ въ подобныхъ подвигахъ благочестія. Но, если мы припомнимъ, что Бернаръ предостерегаетъ также и епископа Германа и кардинала Гвидо относительно лицемернаго аскетизма Арнольда, то въ этомъ добровольномъ подчиненіи зрѣлаго борца мы увидимъ доказательство того, что съ тѣхъ поръ, какъ Арнольдъ оставилъ Францію, онъ все время былъ болѣе склоненъ искать примиренія съ церковью, чѣмъ раньше. И въ Витербо онъ далъ клятвенный обѣтъ быть съ этого времени вѣрнымъ и покорнымъ римской церкви, и по мѣрѣ силъ своихъ онъ старался соблюсти свою клятву въ первый годъ своего пребыванія въ Римѣ. Когда открылись передъ нимъ римскія ворота, онъ такъ примѣрно совершалъ дѣло покаянія, предписанное ему во всеобщихъ бдѣніяхъ въ катакомбахъ, въ молитвахъ въ семи церквахъ и другихъ святыхъ мѣстахъ, что даже въ Римѣ, гдѣ привыкли къ подобнымъ сценамъ, онъ обратилъ на себя вниманіе. Но никакое намѣреніе, никакое обязательство не могло противостоять его собственному я. Когда онъ своими глазами увидѣлъ мерзости кардиналовъ, когда вокругъ его раздался боевой кличъ римлянъ противъ папской тиранніи, тогда этотъ кающійся грѣшникъ опять выходитъ изъ катакомбъ на Божій свѣтъ, и, несмотря на все, что онъ обѣщалъ Гвидо и Евгенію, онъ опять становится прежнимъ Арнольдомъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

РИМСКІЙ НАРОДНЫЙ ТРИБУНЪ.

1145—1152.

Romam ingreditur, ac senatoriam dignitatem equestremque ordinem renovare ad instar antiquorum volens, totam pene Urbem ac praecipue populum adversus pontificem suum concitavit.

Otto Frisingensis, gesta Frid. I, 27.

Для римской куріи самымъ роковымъ послѣдствіемъ схизмы Анаклета оказались страстное стремленіе къ свободѣ и духъ непокорности властямъ, которые укоренились въ это смутное время среди знати и горожанъ. При видѣ независимости отвоеванной сѣверо-италианскими городами у ихъ епископовъ во время спора объ инвеституру, у римскихъ гражданъ также должно было зародиться желаніе отдѣлить подобнымъ образомъ гражданское городское управленіе отъ власти римскаго епископа и ограничить послѣдняго его духовными задачами. Затруднительное положеніе папства во время схизмы давало къ тому удобный случай. При Анаклетѣ власть находилась въ рукахъ Пьерлеоне, и Франджипани подчинились имъ. По прекращеніи схизмы Иннокентій II задумалъ было снова захватить и свѣтскую власть, но первая же его попытка въ этомъ направленіи потерпѣла жалкую неудачу. Прежде всего онъ хотѣлъ изгнать Рожера, короля Сициліи, изъ Апуліи и возстановить власть куріи надъ Южной Италіей. Но, попавъ при этой попыткѣ въ руки хитраго Рожера, и онъ долженъ былъ признать храбраго норманна королемъ и согласиться на тотъ союзъ Апуліи съ Сициліей, противъ котораго постоянно боролась курія. Въ войнѣ съ маленькимъ Тибуромъ онъ потерпѣлъ позорное пораженіе, а такъ какъ онъ одинъ заключилъ съ нимъ миръ, то въ Римѣ вспыхнулъ мятежъ, вскорѣ совершенно поколебавшій его свѣтскую власть. Когда 24-го сентября 1143 г. онъ умеръ, въ Римѣ былъ полный мятежъ. Революція исходила

отъ дворянства, поссорившагося съ папою изъ-за Тибура, но вскорѣ граждане, способные носить оружіе, организовали отряды и отгѣснили въ сторону знатныя фамиліи; низшее дворянство и нѣкоторые честолюбивые аристократы перешли на сторону горожанъ ¹⁾). Обыкновенно левники святаго престола назывались консулами и капитанами, теперь же коммуна учредила *Sacer Senatus*, правившій квиритами во имя державнаго народа. Такимъ образомъ Римъ распался на двѣ партіи; консульскую партію знати, укрѣпившуюся въ своихъ замкахъ, и новую сенаторскую народную общину, которая обыкновенно засѣдала на Капитоліи. При такихъ смутахъ сталъ папою Гвидо де Кастелло, защитникъ Абеларя въ бытность свою кардиналомъ ²⁾ и самъ магистръ парижской школы. Онъ принялъ имя Целестина II, но послѣ полугодичнаго пребыванія въ первосвященническомъ санѣ онъ умеръ 26-го сентября 1144 г. Когда его преемникъ Луцій II, бывшій канцлеромъ при Иннокентіи, заключилъ невыгодный миръ съ Рожеромъ, королемъ Сициліи, и натравилъ бароновъ на народъ, произошелъ полный разрывъ между обѣими партіями. Джордано Пьерлеоне, братъ Анаклета II, отдѣлился отъ своихъ родичей и сталъ вождемъ сената и „патрицемъ“ этой вновь учрежденной республики, считавшей свою эру именно съ 1144 г. Свою свѣтскую власть правителя папа долженъ былъ передать сенату, что же касается его доходовъ, то ему указали на церковную десятину и добротныя пожертвованія христіанъ ³⁾).

Наименованіе главы государства патрицемъ, дарованное нѣкогда Оттономъ III первому римскому должностному лицу по воспоминанію о византійской и франкской эпохахъ, подчеркивало связь Рима съ имперіей; и, подобно папѣ, сенатъ обратился съ своей стороны къ Конраду III съ просьбой возстановить прочный порядокъ. Но Конрадъ не могъ прійти на помощь папѣ, а сенатъ онъ не удостоилъ даже отвѣта. Итакъ, враждующія партіи продолжали вести борьбу своими собственными средствами, и при одномъ штурмѣ на Капитолій намѣстникъ Христовъ получилъ ударъ камнемъ, вслѣдствіе чего умеръ ⁴⁾).

¹⁾ Какъ показываетъ примѣръ Джордано Пьерлеоне и возстановленіе сенатомъ *ordo equester*. Otto Frising. *De gest. Frid.* 2, 22. *Mon. Germ.* XX, 404.

²⁾ *Epistol.* S. Bern. 192 у Migne I, 358. *Ergo vita* у Watterich II, 276. и сл. Магистромъ онъ названъ въ *Chron. Maurinias.* стр. 387. Между прочимъ его не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ защитникомъ Арнольда, бывшимъ въ то время въ Пассау.

³⁾ Otto Frising. *Chron.* VII, 31. *Mon. Germ.* XX, 264 и сл.

⁴⁾ Такъ рассказываетъ Готфридъ изъ Витербо въ своемъ *Pantheon*, *Mon. Germ.* XXII, 261. *Vita* Бозо умалчиваетъ о томъ, а Оттонъ Фрей-

Кардиналы избрали теперь папою цистерціанскаго аббата изъ монастыря св. Анастасія delle tre fontane, чтобы заручиться поддержкой могущественнаго цистерціанскаго святого изъ Клерво. Новый папа принялъ имя Евгенія III. Но Вернаръ отнесся къ этому выбору очень холодно ¹⁾, граждане же успѣли привыкнуть къ власти во времена схизмы и анархіи и препятствовали посвященію папы въ храмъ св. Петра, пока новый избранникъ не откажется отъ свѣтскаго управленія и не признаетъ ихъ сената ²⁾. Тогда цистерціанецъ бѣжалъ изъ своей мятежной метрополи и принялъ посвященіе въ Фарфѣ. Больше десяти мѣсяцевъ сидѣлъ онъ, какъ изгнанныкъ, передъ римскими воротами въ ожиданіи, что знать, изнутри или снаружи, откроетъ ихъ ему наконецъ ³⁾. Но въ городѣ пока неистовствовали народный терроръ. Знать была принуждена подчиниться патрицію, замки непокорныхъ были разрушены, а дома кардиналовъ и священниковъ совершенно разграблены. Народъ укрѣпилъ соборъ св. Петра, а паломники, молившіеся тамъ, силою и послѣ кровопролитія были принуждены уплатить дань. Вслѣдствіе такихъ насильственныхъ поступковъ Евгеній отлучилъ отъ церкви патриція Джордано Пьерлеоне и съ помощью гражданъ Тибура и окрестныхъ бароновъ отрѣзалъ городъ отъ всякихъ сношеній со внѣшнимъ міромъ ⁴⁾. Съ теченіемъ времени страхъ передъ отлученіемъ отъ церкви и страхъ осады произвели желаемое дѣйствіе. Съ началомъ зимы изъ Витербо, гдѣ жилъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ Евгеній, начались переговоры съ римлянами, а въ декабрѣ сенатъ, сильно тѣснымъ союзниками папы, согласился на миръ, въ силу котораго Евгеній III незадолго до Рождества 1145 г. могъ въѣхать въ Латеранъ. Условія однако все еще были довольно благопріятны для римлянъ. Мѣсто патриція заступилъ опять палскій префектъ, но сенатъ сохранилъ свое достоинство, послѣ того какъ папа далъ ему инвеституру ⁵⁾.

зингскій говоритъ вообще: *cruciatibus ac taedio vitae affectus diem obiit*. Chron. VII, 31. Въ *Annal. Casin. Mon. Germ. XIX, 310* сказано: *Jordanus filius Petri Leonis cum senatoribus et parte totius populi minoris contra papam rebellat. Obiit Lucius papa, et Eugenius ordinatur.*

¹⁾ Ep. 237, 238.

²⁾ Vita Eug. Watterich. II, 281 и сл.

³⁾ Его странствованія. *Regesta pontif.* отъ 15-го февраля по 15-е апрѣля 1145 г.

⁴⁾ Otto Frising. Chron. VII, 31. Mon. Germ. XX, 264 и сл.

⁵⁾ Otto Frising. Chron. VII, 34. Mon. Germ. XX, 266. Vita Eug. y Watterich II. 282.

Правленіе Евгенія III въ Римѣ однако было непродолжительнымъ. Римляне требовали наказанія враждебнаго Тибура, но Евгений не могъ выдать Тибуръ, который во время осады былъ его лучшимъ союзникомъ. Объявивъ, что жизнь ему надоѣла, новый папа уже въ январѣ 1146 г. покинулъ Латеранъ и удалился за укрѣпленія Леоновскаго города, гдѣ онъ былъ въ безопасности отъ внезапнаго нападенія. Въ мартѣ же 1146 г. онъ совершенно покинулъ Римъ и перенесъ свою резиденцію въ Сутри. Слѣдствіемъ этого была новая вспышка революціоннаго движенія ¹⁾. Братъ Анаклета, Джордано Пьерлеоне, опять сталъ патриціемъ, его родственники, державшіе сторону папы, бѣжали, дворець Ченчо Франджипани былъ сравненъ съ землею ²⁾, а несчастный Тибуръ потерпѣлъ жестокое наказаніе. Оставленный всѣми безъ помощи папа отчаялся въ восстановленіи своей власти и въ мартѣ 1147 г. отправился во Францію подъ предлогомъ дать свою папскую санкцію приготовленіямъ ко второму крестовому походу, начатому Бернаромъ ³⁾.

Въ то время, какъ разыгралась эта революція 1146 года, Арнольдъ жилъ въ городѣ какъ благочестивый богомолецъ и въ святыхъ мѣстахъ Рима приносилъ покаяніе, наложенное на него папою Евгениемъ III при принятіи его вновь въ лоно римской церкви. Но, такъ какъ личности, имѣющія подобное ему значеніе, никогда не могутъ вполне замкнуться въ себѣ, то и вокругъ Арнольда вскорѣ составился кружокъ набожныхъ людей, которые раздѣляли его подвиги благочестія, искали его поученія и устраивали свою жизнь по его указанію. „Когда Арнольдъ“, такъ рассказываетъ намъ Іоаннъ Салисберійскій, „жилъ въ Римѣ во время покаянія, онъ приобрѣлъ любовь въ городѣ, а къ тому времени, когда папа отправился во Францію, онъ началъ свободнѣе проповѣдывать и составилъ себѣ кружокъ приверженцевъ, который былъ названъ сектою *ломбардцевъ*. Его ученики, подражавшіе его аскетической жизни, благодаря своему скромному образу жизни и строгимъ нравамъ приобрѣли любовь народа и поддержку, особенно у набожныхъ женщинъ“. И здѣсь, слѣдовательно, впечатлѣвіе простого народа и женщинъ, рѣдко ошибающихся въ подобныхъ вещахъ, было таково, что этотъ сильный духомъ проповѣдникъ покаянія совсѣмъ иначе смотрѣлъ на

¹⁾ Otto Frising. Chron. VII, 31. Vita Eug. указ. мѣсто. Annal Casin. 1146 г. Mon. Germ. XIX. 310.

²⁾ Histor. pontif. Cap. 27. Mon. Germ. V, 536.

³⁾ Annal. Casin. и Otto Frising. указ. мѣста.

свое дѣло, чѣмъ обмірщившееся официальное духовенство, и эта-то вѣра простого народа составляла его силу въ Римѣ, какъ раньше въ Брешии. Итакъ, какъ свидѣтельствуемъ приведенное мѣсто, до отъѣзда папы во Францію въ мартѣ 1147 г., слѣдовательно, въ продолженіе цѣлаго года, Арнольдъ не имѣлъ вліянія на римское движеніе. Мы видимъ это также изъ двухъ писемъ аббата клервоскаго ¹⁾, который ни однимъ словомъ не упоминаетъ о немъ при обсужденіи римской революціи. Прелатъ, очень занятой и именно теперь усиленно проповѣдывавшій крестовый походъ во Франціи и западной Германіи, при всей этой массѣ работы нашелъ однако время взять подъ свою защиту папу противъ мятежныхъ римлянъ. Повидимому, Бернару вообще неизвѣстно, что Арнольдъ опять находится въ Римѣ; ни въ своемъ письмѣ къ римлянамъ, ни въ письмѣ къ Конраду III онъ не упоминаетъ объ этомъ схизматикѣ, тогда какъ одно уже ненавистное имя его, къ своей досадѣ случайно имъ встрѣченное, способно вызвать цѣлый потокъ его бурнаго краснорѣчія. Только позднѣе въ одномъ письмѣ его къ Евгению III встрѣчается брошенный папѣ при подходящемъ случаѣ укоръ въ легковѣріи ²⁾, что папѣ должно служить предостереженіемъ, какъ Арнольдъ обманулъ его. Письмо Бернара къ римлянамъ одно изъ тѣхъ сентенціозныхъ и богатыхъ аятитезами пастырскихъ посланій, въ которыхъ, какъ во всѣхъ произведеніяхъ его пера, великолѣпно выработаны стиль, но которыя болѣе ласкаютъ ухо, чѣмъ трогаютъ сердце. Избѣгая незаконнаго имени сената, обращаясь къ римской знати, оптиматамъ и всему римскому народу, онъ излагаетъ это письмо обычнымъ тономъ іерархіи, которая, подобно волшебнику въ сказкѣ, то дѣлается маленькою мышкою, то великаномъ. „Братъ Бернаръ неважная и маленькая персона“, во всякомъ случаѣ „незначительный человѣчекъ“ (*nullius in rene momenti homuncio*), едва осмѣливается говорить великому и знаменитому народу, но, кто знаетъ, можетъ быть, они и примутъ къ сердцу мольбы бѣдняка, они, которые не хотятъ уступить угрозамъ могущественнаго и оружію сильнаго. Обратился же Вавилонъ по слову отрока Давіила. Онъ также отрокъ не по годамъ, но по заслугамъ. Если голова страдаетъ, то страдаютъ

¹⁾ Ep. 243 и 244. Migne 182, стр. 437 и сл. Если Оттонъ Фрейзингскій *Gesta Friderici I*, 27 и II, 20 дѣлаетъ Арнольда отвѣтственнымъ уже за начало революціи и ея крайности, то это только для того, чтобы оправдать вѣроломный поступокъ вѣмцевъ по отношенію къ италіанскому реформатору. Въ своей хроникѣ VII, 27, 31, 34, Оттонъ еще ничего не знаетъ объ участіи Арнольда въ этомъ дѣлѣ.

²⁾ Ep. 298. Migne 182, 501.

и всѣ члены, Римъ же есть глава, потому что одинъ апостоль тамъ сложилъ свою главу, другой былъ распятъ головою внизъ (*alter amisso, alter submisso in cruce capite*). „Какъ же могутъ римляне такъ оскорблять обоихъ князей міра, своихъ особенныхъ патроновъ?“ Высокопарно разъясняетъ краснорѣчивый монахъ римлянамъ, какъ много потерялъ самъ Римъ въ своемъ блескѣ отъ изгнанія папы и разграбленія кардиналовъ. А они должны были бы помнить, какъ во время прежнихъ анаклетовскихъ смуть церковь утратила всякую красоту и богатство. Все, что было золота и серебра на алтаряхъ и священныхъ сосудахъ, даже на святыхъ иконахъ, все было разграблено и расхищено нечестивыми руками. „Что же теперь осталось отъ всего этого въ вашей сокровищницѣ?“ спрашиваетъ насмѣшливо аббатъ. Не иначе будетъ и при настоящей революціи, и вотъ онъ теперь поднимается грозный, возвѣщая всѣ кары небесныя тѣмъ, кто изгналъ св. Петра и Павла въ лицѣ намѣстниковъ ихъ, и угрожаетъ имъ чужеземными націями, звѣрствомъ варваровъ, тьмою войскъ, междоусобною войною, которая начнется среди нихъ самихъ. „Примиритесь съ правителями міра, чтобы міръ не началъ войны за нихъ противъ безразсудныхъ. Развѣ вы не знаете, что вы ничего не сможете, развѣ вы оскорбили князей-апостоловъ, подъ ихъ же защитою ничто не страшно въ мірѣ? Да, подъ ихъ защитою тебѣ, славный городъ, жилище храбрыхъ, нечего страшиться тьмы войскъ, которыя окружаютъ тебя! Примиритесь съ ними, а вмѣстѣ съ ними съ тысячею мучениковъ, которые хотя и у васъ, но противъ васъ по причинѣ великаго грѣха, въ которомъ вы упорствуете“ 1). Съ нашими понятіями о лояльности конечно плохо согласуется то, что аббатъ вслѣдъ затѣмъ самъ призываетъ варваровъ, звѣрствомъ которыхъ угрожаетъ римлянамъ. Именно къ этому же времени относятся одно письмо Бернара 2) къ Конраду III, въ которомъ святой дѣлаетъ все, чтобы не прослыть лжепророкомъ. Такъ какъ Конрадъ долженъ прійти на помощь папѣ, то на этотъ разъ рѣчь идетъ не о томъ, насколько папская власть выше королевской, но о томъ, что короли и первосвященники—братья, о которыхъ написано: „если одинъ помогаетъ другому, то оба утѣшены будутъ“. Душа аббата никогда не лежала къ тѣмъ, которые думали, что сила государства есть ущербъ церкви. Римъ не только мѣсто-пребываніе апостола, но также столица римской имперіи. Церковь конечно получить помощь, но будетъ позоромъ для короля, если кто-нибудь другой

1) Ер. 243.

2) Ер. 244.

окажетъ ее, и потому аббать восклицаетъ, обращаясь къ королю: „препоашь мечомъ твоимъ чресла твои и воздай кесарю кесарево, а Богу Божіе“. Въ этомъ письмѣ, конечно, Римъ уже не сіятельный городъ, „жилище храбрыхъ“; но аббать пишетъ теперь королю свое искреннее настоящее мѣтвіе: „Высокомѣріе римлянъ сильнѣе ихъ мужества. Кто это? Какой-либо сильный и могущественный императоръ или государь осмѣливается такъ безчестить и имперію и іерархію? Нѣтъ, это преданный проклятію и мятежный народъ, не умѣющей соразмѣрить своихъ силъ, обдумать цѣль, разсчитать исходъ, который въ своей глухости и неистовствѣ дошелъ до такого преступленія. Избави Боже, чтобы хотя на минуту продержалась власть народа и дерзость черни передъ лицомъ государя“. Кто совѣтуетъ королю иное, тотъ или не понимаетъ, что приличествуетъ королю, или врагъ короля и преслѣдуетъ свои цѣли.

Какую житейскую мудрость проявляетъ святой Бернаръ и въ этомъ своемъ письмѣ, какъ ловко умѣетъ онъ уязвить гордость феодальнаго государя, указывая на незаконныя притязанія римскихъ гражданъ. Несмотря на все это письмо не имѣло никакого вліянія, такъ какъ въ то время Конраду III нечего было и думать о какомъ-либо римскомъ походѣ.

Итакъ римляне остались предоставленными самимъ себѣ, и Іоаннъ Салисберійскій, который нѣсколькими годами позже (1150 г.) самъ лично пережилъ въ Римѣ послѣдніе акты этой трагедіи, рассказываетъ намъ, какъ во время этихъ волненій звѣзда Арнольда возшла въ такомъ блескѣ, какъ никогда ¹⁾).

По рассказамъ его *historia pontificalis*, а также по извѣстіямъ англичанина Мапа, первое, что побудило Арнольда оставить свое тихое уединеніе, было негодованіе, которое испытывали благочестивые люди при видѣ образа жизни кардиналовъ, и Арнольдъ нарушилъ свой обѣтъ мира и выступилъ публично противъ роскоши и продажности этихъ прелатовъ. Вальтеръ Мапъ рассказываетъ, что уже во время перваго пребыванія своего въ Римѣ Арнольдъ, видя, что столы кардиналовъ уставлены золотыми и серебряными сосудами и дорогими тонкими блюдами, возсталъ противъ этой роскоши, а по возвращеніи своемъ въ этотъ городъ онъ выступилъ

¹⁾ Іоаннъ Салисберійскій въ Римѣ такъ же, какъ въ Парижѣ, близко соприкасался съ кружками Арнольда. Въ своемъ *Policaticus* VI, 24 онъ ясно говоритъ, что онъ находился при папѣ Евгеніи, когда папа жилъ въ Ферронтинумѣ между 23 ноября 1150 г. и іюнемъ 1151 г., и точно такъ онъ былъ частымъ гостемъ у своего земляка Адриана IV въ Римѣ.

противъ продажности куріи и ея служенія маммонѣ. Оттонъ же Фрейзингскій приписываетъ, что конечно несправедливо, кознямъ Арнольда противъ князей церкви даже разрушеніе дворцовъ кардинальскихъ. Какое общество представляли изъ себя эти знаменитѣйшіе столпы римской куріи—это было слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно послѣ того, какъ во время схизмы обѣ партіи коллегіи кардинальской укоряли другъ друга своимъ образомъ жизни. Опять во главѣ стоялъ ихъ тотъ канцлеръ Гаймерихъ, „горбатый верблюдъ, который перескакиваетъ черезъ Альпы“, какъ называлъ его Беренгаръ, тотъ Гаймерихъ, который обманомъ и неправдою устроилъ избраніе Иннокентія II. Всѣ христіане говорили въ одинъ голосъ, что подъ руководствомъ этихъ людей римская церковь стала настоящею духовною ярмаркою, особенно послѣ того, какъ Иннокентій II строжайше предписалъ всѣ важнѣйшіе процессы рѣшать въ Римѣ. Бернаръ въ своей четвертой книгѣ „О размышленіи“ даетъ отнюдь не розовое описаніе тогдашней римской куріи; не менѣе его церковно-мыслящій любимецъ Евгенія III, нѣмецкій пріоръ Герхо Рейхерсбергскій, въ олно время съ Арнольдомъ пользовавшійся покровительствомъ кардинала Гвидо, рисуеетъ правосудіе римскихъ кардиналовъ слѣдующими словами: „Они берутъ, чтобы привилегіи и собственность одного передать другому; они берутъ, опять-таки, чтобы то, что они отвяли или передали, вернуть владѣльцу; они берутъ, чтобы похитить чужое; они берутъ, чтобы удержать за собою похищенное; они берутъ, чтобы брать, чтобы расширить свои епископства, воздвигать дворецъ за дворцомъ, какъ будто они одни на землѣ; они берутъ, повторяю я, чтобы брать; они берутъ, потому что они брали“¹⁾. Подобныя же наблюденія дѣлаетъ тотъ авторъ Carmina Burana, который въ своей пародіи Evangelium secundum Marcas Argenti рассказываетъ, что всякій, не положившій ничего въ руку намѣстнику Христову, извергается во тьму кромѣшнюю, потому что этотъ Петръ говоритъ: „Будь ты проклятъ со своею бѣдностью. Истинно, истинно говорю тебѣ, ты никогда не войдешь въ радость господина твоего, пока не отдашь твоего послѣдняго гроша“. „Бѣднякъ пошелъ и продалъ плащъ и платье и все, что имѣлъ, и отдалъ кардиналамъ, привратникамъ и спальникамъ. Но они сказали: „что значить это для столькоихъ?“ и выбросили его за дверь, и онъ плакалъ тамъ горько и не имѣлъ ничего, чѣмъ бы утѣшиться“²⁾.

¹⁾ De investig. Antichr. cap. 75.

²⁾ Carmina Burana ed. Schmeller. Bibl. des Litter. Ver. въ Штутгартѣ XVI, 21.

Евгеній III самъ часто сокрушался о ненасытной алчности окружающихъ его. Онъ жаловался на колотье въ боку, именно намекая на кардиналовъ *a latere* ¹⁾.

Несмотря на всѣ клятвенные обѣты, Арнольду, такому, каковъ онъ былъ, невозможно было долго молчать при видѣ такого образа жизни. Онъ былъ пророкомъ, который чувствовалъ себя призваннымъ очистить святилище отъ торгашей; и, когда папа, которому онъ поклялся въ повиновеніи, оставилъ Италію, и Римъ, покинутый пастыремъ, попалъ подъ присмотръ самыхъ недостойныхъ наемниковъ, тогда Арнольдъ снова увлекся своею общественною ролью. Не только своему тѣсному кружку, „ломбардцамъ“, проповѣдывалъ онъ снова свое евангеліе бѣдной церкви, но самимъ римлянамъ, и здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, эта проповѣдь была необходима. „Часто“, рассказываетъ *historia pontificalis*, „Арнольдъ держалъ рѣчи на Капитоліи и въ общественныхъ собраніяхъ. Онъ уже открыто поносилъ кардиналовъ и говорилъ, что ихъ коллегія, по ихъ высокоумію, скупости, лицеумію и порочности, стала не домою Божиимъ, но домою торговли и вертепомъ разбойниковъ; они сами занимаютъ среди христіанъ мѣста книжниковъ и фарисеевъ“. Поэтому уже въ то время предполагали, и совершенно справедливо, что ярость, съ которою съ того времени преслѣдовали кардиналы Арнольда, была вызвана не столько его мнимой ересью, сколько его рѣчами противъ сокровищъ, которыя они такъ хвастливо выставляли на показъ ²⁾.

Но, выступивъ какъ общественный дѣятель, побуждаемый негодованіемъ при видѣ мерзости въ святииѣ, Арнольдъ сталъ также служить тому политическому движенію, которое охватало Римъ. Набожный проповѣдникъ покаянія вступилъ въ кружокъ гражданъ, захватившихъ управленіе городомъ въ свои руки во время продолжительныхъ смуть схизмы, пользуясь шаткимъ положеніемъ Анаклета и его преемниковъ, и не желавшихъ болѣе выпускать правленія изъ своихъ рукъ. Римскій сенатъ утверждалъ, что ни дѣла городского управленія, ни управленіе церковною областью, ни римскимъ государствомъ нисколько не касаются намѣстника св. Петра, что скорѣе всѣ эти свѣтскіе вопросы подлежатъ компетенціи сената, и съ этимъ утвержденіемъ вполне согласовалось ученіе Арнольда объ апостольской бѣд-

1) *Histor. pontif. Cap. 21. Mon. Germ. XX. 533. Consciус erat egritudinis laterum suorum. Sic enim assessores et consiliarios consueverat appellare.*

2) *Gualt. Map. 1, 24. Ed. Wright стр. 43.*

ности истинной церкви. Именно то, что этимъ эгоистичнымъ по существу политическимъ стремленіямъ городской общины Арнольдъ указалъ болѣе идеальную цѣль—цѣль великой церковной реформы,—именно это поставило его во главѣ движенія. Его программю было отреченіе іерархіи отъ ея свѣтскихъ притязаній, и время благопріятствовало этой программѣ, потому что половина церковныхъ распрій была вызвана церковными тяжбами; новая же программа обѣщала миръ и нигдѣ не могла быть лучше встрѣчена, чѣмъ въ Римѣ, такъ какъ она могла оправдать принципиально стремленія его къ свободѣ.

На Капитоліи и на форумѣ, лежавшихъ въ развалинахъ и поросшихъ травою, но тѣмъ болѣе удобныхъ для обороны, засѣдалъ сенатъ и квириты, и ихъ признаннымъ вождемъ былъ теперь могучій ораторъ изъ Брешии. Онъ самъ получаетъ всемірно-историческое значеніе съ того момента, когда вступаетъ въ союзъ съ юной республикой, хотя для него, какъ для церковнаго реформатора, было несчастьемъ то, что онъ былъ вовлеченъ въ этотъ круговоротъ. Зато теперь воодушевленные и опьяненные свободой массы ликуя ловили тѣ слова освобожденія, которыя онъ возвѣщалъ въ Парижѣ бѣднымъ студентамъ, а въ Цюрихѣ медлительнымъ алеманскимъ горожанамъ и господамъ. Капитолій, форумъ и весь сценарій уносили, положимъ, фантазію въ прошлое, но шла ли эта фантастическая обстановка къ трезвой и строго задуманной реформѣ, которую хотѣли осуществить скромные ломбардцы? Тогдашніе римляне менѣе всѣхъ другихъ согласились бы подчиниться строгой аскетической жизни, которую проповѣдывалъ имъ Арнольдъ. Такимъ образомъ ихъ идеаль и его идеаль, несмотря на общую имъ ненависть, по внутреннему существу своему оставались чужды.

Въ брешианскомъ пророкѣ, олицетвореніи вдохновенія, энтузіазма и фантазіи, сильный Римъ, тогда еще на половину античный Римъ, зажегъ новый пламень. Блуждая среди развалинъ славнаго прошлаго, этотъ строгій проповѣдникъ покаянія почувствовалъ тоску по великому прошлому республики, и къ могучимъ тонамъ нравственнаго паоса сильнаго и гнѣвнаго сердца присоединяются теперь отголоски тоски по лучшему времени. Такъ и *historia pontificalis* заставляетъ его восклицать: „Здѣсь сердце имперіи, здѣсь источникъ свободы, и не должно допускать, чтобы Римъ, владыку міра, стремились подчинить“. При такомъ направленіи онъ становится однако отвѣтственнымъ въ утопическихъ стремленіяхъ тѣхъ новыхъ квиритовъ, которые думали, что они представляютъ собою старый Римъ, и что во всемірной исторіи бывають повторенія. На требованія евангельской бѣд-

ности кардиналы отвѣтили бѣшеной яростью, выдавшею ихъ нечистую совесть, а древне-римскія притязанія народнаго трибуна вызвали со стороны епископовъ только нескрываемый хохоть. Итакъ въ Римѣ мы видимъ совѣтъ много реформатора, не прежняго пріора регулированныхъ канониковъ, но трибуна римскаго народа, который, какъ порицаетъ его Герхо Рейхерсбергскій, стремится возстановить павшій Капитолій въ противность дому Божію ¹⁾). Среди обрушившихся колоннъ и триумфальныхъ арокъ сампро *vaschino* Арнольдъ собиралъ квиритовъ и говорилъ имъ о быломъ величій Рима и объ истинномъ величій церкви. По его словамъ, рука объ руку съ возстановленіемъ Капитолія пойдетъ удивительная политическая реставрація. Изъ низшаго дворянства онъ хотѣлъ составить новое сословіе всадниковъ, стоящее рядомъ съ сенатомъ, онъ возобновилъ народныя собранія на форумѣ, и далѣе идетъ даже рѣчь объ избраніи римскаго императора народомъ и сенатомъ. Но все это у Арнольда имѣетъ морально-аскетическую подкладку. Это доказываетъ не только въ высшей степени замѣчательное письмо его приверженца Вецеля, но самъ епископъ фрейзингскій рассказываетъ: „Онъ воодушевлялъ гражданъ, указывая имъ на примѣръ древнихъ римлянъ, которые благодаря мудрости сената, дисциплинѣ и неиспорченности юнаго и храбраго народа, завладѣли всѣмъ земнымъ шаромъ. Поэтому, училъ онъ, Капитолій долженъ быть опять построенъ, сенаторское достоинство возобновлено, сословіе всадниковъ приведено въ большій порядокъ. Управление городомъ совершенно не касается римскаго папы, достаточно того, что ему подлежитъ церковный судъ“. Арнольдъ былъ чрезвычайно дорогъ для новаго народнаго правленія не только потому, что онъ далъ болѣе высокой полетъ республиканскимъ идеямъ, но и тѣмъ, что ему удалось также привлечь къ дѣлу свободы часть низшаго духовенства. Именно то, что юная республика имѣла противъ себя клиръ, было ея слабою стороною. Когда Арнольдъ выступилъ тутъ посредникомъ, его положеніе должно было чрезвычайно упрочиться. Какъ раньше ему удалось привлечь къ реформѣ кружокъ безспорно церковно-мыслящихъ людей, особенно благочестивыхъ женщинъ, такъ теперь ему удалось также оторвать отъ скалы св. Петра часть низшаго духовенства, что давало возможность въ случаѣ нужды противиться даже папскому интердикту. Удайся Арнольду отстоять это, онъ оказалъ бы самую большую услугу сенату въ его трудномъ положеніи. Противники

¹⁾ Gerhoh Reichersb. Comm. Ps. 64. ed. Pez. IV. 1182: *Aedes Capitolina olim diruta et nunc reaedificata contra domum Dei.*

плебейских приверженцев пророка могли успокоиться на томъ, что окрестили ихъ новымъ еретическимъ именемъ „ломбардцев“, но при расколѣ среди клира дѣло принимало другой оборотъ. По случаю усиливающегося отпаденія капелановъ, отказывающихся повиноваться кардиналамъ и епископамъ и открыто принимающихъ сторону Арнольда, было издано 15-го іюля 1148 г. бреве Евгенія III ¹⁾, первое, которое опять занимается римскими дѣлами, послѣ того какъ папа дѣлать нѣкоторое время видъ, будто хочетъ оставить римлянъ въ покоѣ, пока имъ станетъ не въ моготу ихъ собственная свобода, и они сами не призовутъ его, чтобы избавить ихъ отъ неурядицы. Официальные акты римской республики носятъ также въ это время отпечатокъ арнольдовскаго духа и проникнуты его богословскими идеями, такъ что положеніе Арнольда въ Римѣ часто сравнивалось съ положеніемъ Гуса въ Богеміи и Савонаролы въ Флоренціи въ позднѣйшемъ столѣтіи.

Въ такомъ положеніи оставались дѣла до тѣхъ поръ, пока лѣтомъ 1148 г. Евгений III послѣшшо и неожиданно не возвратился изъ Франціи. Возвращеніе папы въ Италію стоитъ въ связи съ дурными извѣстіями о крестовомъ походѣ Конрада III и Людовика VII, пришедшими во Францію.

Курія думала, что, проповѣдуя новый крестовый походъ и поведя Западъ противъ Востока, она вырвется изъ всей путаницы на Западѣ. Если бы это громадное народное движеніе, начатое съ благословенія Евгенія, осуществилось и имѣло успѣхъ, тогда папскій авторитетъ возстановился бы въ Римѣ самъ собою, и не трудно было бы быстро покончить съ римскимъ сенатомъ.

Вмѣсто того, это предпріятіе, столь грандіозно обставленное Бернаромъ всѣми чудесами и пророчествами, потерпѣло великую неудачу.

Въ іюнь 1148 г. Евгений внезапно появился въ Верчелли, такъ какъ получилъ печальное извѣстіе объ ужасныхъ пораженіяхъ Конрада III и Людовика VII и не хотѣлъ дожидаться того, какое впечатлѣніе произведетъ оно на французовъ ²⁾.

Въ то время, какъ взрывъ негодованія разразился противъ устроителей этого несчастнаго предпріятія, а послѣдніе въ свою очередь сваливали всю вину неудачи на распутство и грѣхи крестоносцевъ, Евгений III уклонился

¹⁾ Mansi, XXI, 627 и сл.

²⁾ Nolebat enim in tanta tristitia Francorum et Alemannorum manere inter illos. Hist. pontif. 18. (Mon. Germ. XX, 531).

отъ всякой отвѣтственности и принялся, какъ ни въ чемъ не бывало, за приведеніе въ порядокъ италіанскихъ церковныхъ дѣлъ. Въ Кремонѣ онъ созвалъ соборъ, а въ Брешии, гдѣ онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, и гдѣ каждый камень напоминалъ ему о знаменитомъ агитаторѣ, онъ написалъ 15-го іюля 1148 г. посланіе къ римскому клиру, въ которомъ выражаетъ сожалѣніе, что нѣкоторые римскіе капеланы, т. е. священники филиальныхъ церквей, насмѣхаются надъ лицами, стоящими выше нихъ, и примыкаютъ къ Арнольду Брешианскому, котораго булла называетъ далѣе схизматикомъ, вдохновленнымъ сатаною ¹⁾. Чтобы его молчаніе до сего времени не было ложно истолковано, Евгенийъ объявляетъ, что каждый клирикъ, который примкнетъ къ партіи Арнольда и будетъ раздѣлять его заблужденія, лишается своего мѣста и своего дохода. Въ это же время воспослѣдовало прямое отлученіе отъ церкви Арнольда какъ еретика ²⁾. Іоаннъ Салисберійскій пишетъ: „римская церковь отлучила Арнольда и повелѣла считать его еретикомъ“. Прелатамъ куріи не трудно было найти поводъ для обвиненія его въ ереси, въ чемъ упрекаютъ его теперь на ряду съ схизмой. Для этого было достаточно, въ случаѣ нужды, *nolle obedire scelus est idololatriae* (1 кн. Царствъ, 15, 23), а потому не было надобности подвергать еще разсмотрѣнію доктрины Арнольда. Такимъ образомъ, приговоръ воспослѣдовалъ безъ всякихъ формальностей: „безъ призыва къ суду, безъ защиты его и не въ присутствіи его, на основаніи не сочиненія его, но его проповѣди“ ³⁾.

Одновременно съ возвращеніемъ Евгения въ Италію опять начались переговоры между папою и сенатомъ, но помимо того, что они не могли бы столкнуться относительно взаимнаго ограниченія своей власти, все рушилось въ вопросѣ о личности Арнольда. Сенатъ отказывался выдать человѣка, который, какъ говорили, стоялъ грудью за честь города и за свободу римлянъ, а сосре-

¹⁾ Mansi concil. coll. XXI, 627 и сл.

²⁾ Упрекъ въ ереси прямо высказанъ въ *Histor. pontif.* с. 31. Булла отъ 15-го іюля 1148 г. объявляетъ Арнольда только схизматикомъ. Скорѣе всего отлученіе Арнольда отъ церкви должно отнести къ собору въ Кремонѣ, но Іоаннъ Салисберійскій, присутствовавшій на этомъ соборѣ, о томъ не говоритъ.

³⁾ *Gualteri Mapes, Nugae curiales, Dist. 1, 24, стр. 43. Edit. Wright.* Остается сомнительнымъ, не смѣшиваетъ ли тутъ Мапъ Евгения III съ Иннокентіемъ II, такъ какъ онъ говоритъ объ осужденіи Арнольда послѣ осужденія Абеяра, и такимъ образомъ подразумеваетъ, пожалуй, осужденіе отъ 1141 г., воспослѣдовавшее также безъ допроса.

доточеніе папскихъ нападокъ на одномъ лицѣ имѣло только то слѣдствіе, что легко возбуждаемая толпа вызвала открытое заявленіе: сенатъ и римскій народъ съ одной стороны и брешіанскій пророкъ съ другой торжественно поклялись, что и впредь словомъ и дѣломъ они будутъ поддерживать другъ друга въ борьбѣ со всѣми, особенно же съ папою ¹⁾. Это было театральнымъ выраженіемъ прекраснаго настроенія; но эти священные клятвы однако тотчасъ развѣялись, какъ только вѣтеръ перемѣнился. Перемѣна же вѣтра готовилась уже заранѣе, такъ какъ папа вернулся изъ Франціи съ полными карманами. Правда, его родной городъ Пиза, гдѣ онъ провелъ октябрь и ноябрь 1148 г., не могъ ему помочь, такъ какъ самъ вступилъ въ войну съ Луккою ²⁾. Но, когда папа перенесъ свое мѣстопробываніе въ ноябрѣ въ Витербо, а въ апрѣлѣ 1149 г. еще ближе въ Тускулумъ, откуда ему были видны римскіе замки, тогда знать Кампаньи столпилась вокругъ его полной кассы ³⁾. Ополчился графъ Толомей изъ Тускулума, появился изгнанный изъ Рима Ченчо Франджипани, были набраны наемники, и кардиналъ Гвидо Пуелла долженъ былъ выступить въ походъ противъ римскаго сената какъ „генералиссимусъ христіанства“ ⁴⁾. Но свѣтскому мечу святого Петра никогда не везло. Бернаръ Клервосскій и Герхо Рейхерсбергскій предостерегали отъ неслыханнаго предпріятія. „Когда“, пишетъ нѣмецкій аббатъ, „папа ополчается вмѣстѣ съ наемниками, то мнѣ кажется, что я вижу Петра съ обнаженнымъ мечомъ, а въ случаѣ дурнаго исхода войны я слышу Господа, говорящаго ему: „Петръ вложи мечъ твой въ ножны“ ⁵⁾. Іоаннъ же Салисберійскій говоритъ лаконически: „Война велась несчастливо, насколько велики были издержки, настолько малъ успѣхъ“. Разумѣется, Рожеръ, король Сициліи, послалъ вспомогательный отрядъ, но норманны удовольствовались тѣмъ, что ограбили и сожгли окрестныя деревни и пригороды, такъ что Арнольдъ имѣлъ полное право громить этого намѣстника апостола, который одобряетъ и предписываетъ убійства и поджоги ⁶⁾.

¹⁾ Hist. pontif. 31, стр. 537.

²⁾ Jaffé. Reg. 30-го ноября 1148 г.—6-го ноября 1149 г. Ann. Pis. Mon. Germ. XIX, 241.

³⁾ A magnatibus honorifice susceptus, qui aurum et argentum olfecerant Galliarum Hist. pontif. 21. Mon. Germ. XX, 533.

⁴⁾ Hist. pontif. 27.

⁵⁾ Pez, Thes. VI, 1, стр. 540. Oestr. Vierteljahrsschrift für kathol. Theologie, Bd. IV, 37. Ср. біографію Герхо у В. Риббека, Forschungen zur deutschen Geschichte, XXIV.

⁶⁾ Romoaldi Salern. Chron. Mon. Germ. XIX, 425. Wib. Ep. 147 и 214.

„Папа не мужъ апостольскій и не пастырь душъ, какъ онъ утверждаетъ, но человекъ крови“, проповѣдывалъ онъ, „во имя его чинились поджоги и убійства, онъ палачъ церквей, угнетатель невинности, онъ ничего иного не дѣлаетъ въ свѣтѣ, какъ упитываетъ свое тѣло, наполняетъ свои сундуки золотомъ и опустошаетъ чужіе“. „Поэтому“, говорилъ онъ обыкновенно, „его называютъ апостолическимъ, такъ какъ онъ апостоламъ не подражаетъ“. Апостолическій же пастырь, но ведущій не апостольскій образъ жизни, не можетъ требовать повиновенія и почитанія ¹⁾.

Итакъ, папа, разрѣшившій Арнольда отъ отлученія церковнаго, и Арнольдъ, который былъ ему очень обязанъ, находились въ злѣйшей враждѣ. Но Арнольдъ владѣлъ осажденнымъ городомъ, а папа сидѣлъ въ гнѣвѣ передъ его запертыми воротами.

Таково было положеніе дѣла въ маѣ 1149 г., когда Конрадъ III присталъ къ берегамъ Аквилей, чтобы съ остатками своего войска вернуться въ Германію. Какъ папа, такъ и сенатъ отправили къ нему пословъ ²⁾. Но разбитый крестоносецъ спѣшилъ домой. Кардиналы вернулись, когда узнали объ отъѣздѣ Конрада ³⁾; послы же сената послѣдовали за нимъ за Альпы. Болѣе, чѣмъ когда-либо, они надѣялись теперь быть выслушанными, потому что Конрадъ какъ союзникъ греческаго императора былъ противникомъ Рожера, папа же обращался за помощью къ этому норманну.

Въ Вибальдовскомъ собраніи писемъ ⁴⁾ сохранилось нѣсколько писемъ римлянъ и собственная корреспонденція Вибальда съ довѣренными короля, касающаяся отношеній Конрада къ папѣ; эти письма необыкновенно ярко освѣщаютъ побужденія, которыми руководились дѣйствующія лица. Основываясь на томъ, что Евгений III принялъ сторону врага императора, сенатъ надѣялся, что Конрадъ будетъ поощрять освобожденіе города отъ папскаго гнета, чтобы подъ его покровительствомъ Римъ пользовался такою же независимостью, какъ и другіе города-республики въ Италіи. То, что король не пожелалъ отвѣтить на ихъ прежнія просьбы, не удержало сенатъ отъ подачи новой просьбы чрезъ трехъ знатныхъ пословъ, сенатора Гвидо, сына прокуратора Сикста и прокуратора Николая.

¹⁾ Hist. pontif. ук. мѣсто.

²⁾ Wibaldi, Ep. 185.

³⁾ Otto Frising, 1, 61.

⁴⁾ Jaffé, Biblioth. rerum. germ. I, 332. и сл. Nr. 214. и сл. У Оттона Фрейзингскаго также есть главныя выдержки изъ актовъ 1, 28 и сл.

Прежде всего римляне жалуются, что король не обратил вниманія на ихъ прежнія письма, тогда какъ всѣ ихъ стремленія направлены лишь къ тому, чтобы доставить опять римской имперіи тотъ блескъ, какой она имѣла прежде, „когда Константинъ и Юстиніанъ силою римскаго сената и народа держали въ своихъ рукахъ весь земной шаръ“. „Поэтому Божіею милостью мы опять возстановили сенатъ; большинство тѣхъ, кто выказалъ себя мятежнымъ противъ вашей власти, мы принудили оказать вамъ все, что принадлежитъ императору и римскому государству. Для этого мы многое уже сдѣлали, такъ какъ даемъ миръ и правосудіе всѣмъ, кто этого желаетъ; мы взяли крѣпости (т. е. замки и дворцы бароновъ въ городѣ) тѣхъ, кто ополчился вмѣстѣ съ королемъ Сициліи и папою и противился вашей власти; однѣ мы срыли, другія удерживаемъ въ повиновеніи вашему. За все, что мы сдѣлали изъ вѣрности къ вамъ, воюеть съ нами папа вмѣстѣ съ Франджипани и сыновьями Пьерлеоне, людьми и друзьями короля Сициліи (за исключеніемъ Джордано, который пребываетъ вѣрнымъ вамъ, какъ нашъ вождь и помощникъ), и съ Толомеемъ (графомъ Тускулумскимъ) и другими пришедшими отовсюду, чтобы воспрепятствовать намъ возложить императорскую корону на вашу королевскую главу. Но, такъ какъ для любви нѣтъ ничего тяжелаго, то мы все охотно переносимъ ради любви къ вамъ и ради вашей чести, ибо мы увѣрены, что вы какъ отецъ нашъ вознаградите насъ за то и отомстите за насъ врагамъ нашимъ. Пусть же не обманетъ насъ эта надежда; не обращайтесь вниманія на дурные слухи о насъ, если они доходятъ до васъ; потому что люди, которые доносятъ дурное о насъ вашему величеству, очень были бы рады, чего Боже упаси, посѣять разногласіе между нами и вами, чтобы потомъ лукаво подчинить насъ обоимъ. Но ваша королевская мудрость можетъ предотвратить это, если вы вспомните, сколько вреда и какой великій вредъ причинили вашимъ предшественникамъ папская курія и вышеупомянутые наши сограждане; теперь же, соединившись съ королемъ Сициліи, они стараются причинить вамъ еще большее зло. Но многихъ изъ нихъ, какъ злѣйшихъ враговъ государства, мы изгнали изъ города“. „Потому да придетъ къ намъ на помощь ваше императорское могущество. Все, чего вы желаете, вы можете получить въ городѣ, короче сказать, избравъ столицу міра своимъ могущественнымъ мѣстопребываніемъ, вы можете править надъ всей Италіей и нѣмецкимъ государствомъ, не стѣсняемый противодѣйствіемъ духовенства, свободнѣе и лучше, чѣмъ почти всѣ ваши предшественники“. Сенатъ ждетъ только, говорится въ заключеніе, повелѣнія Конрада. Ponte Molle опять

возстановленъ, такъ что императорское войско безпрепятственно можетъ перейти черезъ Тибръ и черезъ Porta del popolo вступить въ Римъ, минуя замокъ Ангела, находящійся въ рукахъ Пьерлеоне. Въ заключеніе слѣдуетъ стихотвореніе весьма характерное для романтическаго настроенія этой юной республики, оно привѣтствуетъ Конрада, какъ императора, слѣдующимъ восторженнымъ гекзаметромъ:

. . . . Въ Римѣ онъ долженъ царить,
Править, какъ властелинъ, земнымъ шаромъ, подобно
Юстиніану.

Что принадлежитъ императору, то его, что—папѣ, то пусть будетъ папы, Таково было повелѣніе Христа, и Петръ платилъ подать Кесарю.

Такимъ поэтическимъ пожеланіемъ заканчивается посланіе сената, которое всецѣло проникнуто арнольдовскимъ духомъ, а не только въ этомъ стихотвореніи. Если отбросить нѣкоторыя преувеличенія въ выраженіяхъ, что такъ охотно прощается италіянцу, то мы найдемъ практическія требованія этого письма вполне разумными и вовсе не заслуживающими той грубо насмѣшки, съ какою приводитъ это письмо епископъ фрейзингскій. Правда и здѣсь уже въ сущности скрывается притязаніе, что только одинъ римскій сенатъ можетъ дать римскую императорскую корону, но развѣ права другихъ были чѣмъ-нибудь лучше обоснованы. Мечталъ же нѣмецкій король, что ему принадлежитъ господство надъ міромъ, какъ скоро онъ слѣдается *римскимъ* императоромъ; мечталъ же папа, что Западъ его собственность, такъ какъ онъ *римскій* епископъ; почему же сенаторы на своемъ Капитоліи не могли мечтать, что земной шаръ принадлежитъ имъ, такъ какъ они древній *римскій* сенатъ, преемники правъ Сципіоновъ и Аниціевъ. Это то же фантастическое преломленіе лучей закатывашагося солнца Рима, отразившееся въ трехъ осколкахъ зеркала. Но, конечно, изъ всѣхъ троихъ только папа имѣлъ такое вселенское положеніе, которое отвѣчало имени Рима. Конрадъ, еще будучи нѣмецкимъ антикоролемъ, испыталъ, что папское отлученіе отъ церкви даже въ Германіи сильнѣе его королевской власти; какъ осмѣлился бы онъ послѣ своихъ послѣднихъ неудачъ порвать съ куріей! Къ тому же нѣмецкіе государственные люди по горькому опыту знали манеру римлянъ постоянно имѣть двухъ господъ, чтобы не повиноваться ни одному ¹⁾.

¹⁾ Ср. характеристику римлянъ, которую набросалъ Бернаръ въ четвертой книгѣ своего сочиненія de consideratione, посвященнаго Евгению III:

Итальянскіе города, которые всегда объявляли себя вѣрными вассалами имперіи, тѣмъ не менѣ постоянно бунтовали противъ императорской власти, какъ только послѣдняя ограничивала ихъ свободу. Они не испытывали чувства своей національной обособленности отъ нѣмцевъ только тогда, когда нѣмецкіе короли не торопились оказывать помощь; въ вѣчной войнѣ другъ съ другомъ, они были ненадежными союзниками, скорѣе доставлявшими затрудненія, чѣмъ помощь. Поэтому нѣмецкимъ королямъ казалось разумнѣе рассчитывать на благодарность куріи; къ тому же всякая иная политика угрожала королю отпадениемъ его нѣмецкихъ епископовъ. Взвѣсивъ всѣ эти реальныя обстоятельства, нѣмецкій король уже тогда, по свидѣтельству епископа Оттона, отказался внимать „этимъ пустымъ рѣчамъ и сказкамъ“; а когда наконецъ Евгеній послалъ въ Германію своего кардинала канцлера Гвидо, то почетный приемъ, оказанный Конрадомъ легату, доказалъ, къ живѣйшему удовольствію епископовъ, что Гогенштауфенъ вовсе и не думаетъ о соединеніи съ римской народной партіей противъ святого престола. Положеніе же Рима еще ухудшилось послѣ того, какъ вмѣстѣ съ Рожеромъ папу стала поддерживать сильная на морѣ Пиза, родной городъ Евгенія. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи сенатъ отправилъ новое посольство къ королю со вторымъ письмомъ ¹⁾, въ которомъ смиренно просилъ отвѣта на предыдущее. Значительнаго сопротивленія, какъ вновь увѣряетъ сенатъ, Конрадъ не встрѣтитъ, нужно только, чтобы король появился подъ Римомъ, гдѣ папскіе приверженцы обезоружены, и все подготовлено къ встрѣчѣ короля. Одинъ неназванный вѣрный приверженецъ сената и всеподданнѣйшій слуга короля прилагаетъ свое собственное письмо, чтобы поддержать настоятельную просьбу римлянъ ²⁾. Быть

„ненавидимые небомъ и землю, они подняли руку на то и на другую; они безбожно ведутъ себя относительно Бога, дерзко относительно святыхъ; возстаютъ другъ на друга, завистливы къ своимъ сосѣдямъ, безчеловѣчны къ чужимъ; они никого не любятъ, но и ихъ также никто не любить; они хотятъ, чтобы ихъ всѣмъ страшались, и должны сами страшиться всѣхъ. Это они не выносятъ повинovenія, но не умѣютъ править; они невѣрны по отношенію къ высшимъ, невыносимы для низшихъ; безстыдны въ желаніяхъ, наглы при отказѣ; мятежны, чтобы добиться своего, буйны, пока не добьются желаемого, неблагодарны, когда получаютъ его. Они учатся говорить громкія слова, но дѣла ихъ низки; они все общають, ничего не исполняютъ, самые тонкіе льстецы и язвительнѣйшіе насмѣшники, прикидываются простаками и однако злы“.

1) Wibaldi Ep. 215.

2) Wibaldi Ep. 216.

можетъ, это былъ самъ Арнольдъ, который послѣ договора, заключеннаго съ сенатомъ, могъ пожалуй назвать себя этимъ напыщеннымъ терминомъ: вѣрный слуга сената, а какъ дважды отлученный отъ церкви схизматикъ онъ имѣлъ также причину обратиться къ королю анонимнымъ образомъ. Во всякомъ случаѣ идеи письма суть идеи Арнольда. И онъ также утверждаетъ, что нѣмецкое войско не встрѣтитъ никакого затрудненія при вступленіи своемъ въ Римъ. А разъ король съ помощью гражданъ овладѣетъ замкомъ Ангела у храма св. Петра, тогда нетрудно будетъ сдѣлать то, что никогда больше ни одинъ папа не будетъ поставленъ помимо воли короля. „Такъ было при блаженномъ Григоріи, который не могъ быть папою безъ согласія императора Маврикія, и такъ оно было до временъ Григорія VII. И я утверждаю, что это было полезно, чтобы не случалось убійствъ и войнъ въ мірѣ черезъ священнослужителей. Ибо они не должны въ одно и то же время держать мечъ и святую чашу, они должны проповѣдывать и подтверждать проповѣдь своимъ добрымъ примѣромъ, а не возбуждать войнъ и распрей въ мірѣ“. Это анонимное письмо содержитъ въ немногихъ словахъ квинтъ-эссенцію ученія Арнольда. Въ прежнія времена папы были подчинены императорамъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. Священнослужители не вмѣшивались въ свѣтскія дѣла, такъ какъ рука, подающая чашу съ кровью искупленія, не должна держать меча и вносить въ міръ войну и распрю вмѣсто евангелія мира. Если авторъ этого письма высказываетъ прямо какъ свое мнѣніе то, что въ то время считалось ученіемъ Арнольда, то весьма вѣроятно, что Арнольдъ самъ хотѣлъ въ этомъ письмѣ оправдать свои воззрѣнія передъ королевемъ. Но, кто бы ни былъ авторъ этого письма, его просьбы остались тщетны. У нѣмецкаго короля руки были связаны нѣмецкими епископами, даже если бы онъ и обладалъ такою нравственною свободой, что могъ бы рѣшиться передать вотчину св. Петра гражданскому правительству, что едва ли вѣроятно. Мы не можемъ ожидать отъ короля, допустившаго, что Бернаръ Клервосскій отправилъ его въ Палестину помимо его собственнаго желанія и бывшаго съ того времени разбитымъ и больнымъ человѣкомъ, такого рѣшенія, передъ которымъ отступили Фридрихъ I и Фридрихъ II. И теперь, какъ раньше, не воспослѣдовало никакого отвѣта, и сенату оставалось только примириться съ папою. Недостатокъ всякаго подвоза принудилъ къ тому. Однако папа все еще не настолько взялъ верхъ надъ городомъ, чтобы городъ сдался безусловно. Папа даже не добился изгнанія Арнольда. Ему были выданы укрѣпленія вѣ Рима, онъ былъ восстановленъ въ своихъ доходахъ и получилъ обратно конфискованное церковное имѣніе, но сенатъ устоялъ и не допустилъ

отнять у себя управление городомъ ¹⁾. Въ ноябрѣ 1149 г. Евгеній вновь переехалъ въ Латеранъ ²⁾, но Арнольдъ продолжалъ попрежнему пользоваться своимъ влияніемъ на Капитоліи, какъ это вскорѣ папѣ пришлось узнать по опыту. Конечно, подобное соглашеніе было заключено обѣими сторонами съ задними мыслями. Сенатъ рассчитывалъ, что ему удастся постепенно приучить папу къ отреченію отъ свѣтской власти, папа же выжидалъ удобнаго момента, чтобы избавиться отъ сената и отправить ненавистнаго схизматика въ изгнаніе или на костеръ.

Должно быть въ это время въ присутствіи папы Герхо Рейхерсбергскій имѣлъ съ однимъ ученымъ приверженцемъ Арнольда диспутъ, документальный отчетъ о которомъ былъ положенъ въ архивъ ³⁾. Но вскорѣ выяснилось, что папская курія въ Латеранѣ и арнольдовскія рѣчи о бѣдной церкви на Капитоліи были несовмѣстными вещами; и достойно удивленія то, что при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ реформаторъ еще разъ удержалъ за собою поле сраженія. Цѣлое пятилѣтіе велъ Арнольдъ эту борьбу, и всѣ противники его не могли одолѣть его. Въ этомъ городѣ онъ былъ въ ссорѣ съ епископами и знатною, а его силу составляли только его талантъ и даръ приобретать довѣріе населенія. Но они не измѣнили ему и теперь. Римскій народъ, которому предстоялъ выборъ отречься или отъ папы, или отъ пророка изъ Брешии, вторично высказался за Арнольда. Папа удалился, Арнольдъ остался. Въ іюнѣ 1150 г. Евгеній снова оставилъ Римъ и теперь пустилъ въ ходъ свои связи въ Германіи, чтобы побудить Конрада къ походу въ Италію. Хотя Рожеру, королю Сициліи, папа былъ обязанъ тѣмъ, что ворота Рима вообще открылись для него, но теперь его кардиналъ-діаконъ Гвидо пишетъ 24-го іюня 1150 г. аббату Вибальду ⁴⁾, довѣренному куріи въ Германіи, что нечего ждать добра отъ Рожера, пока нѣмецкое войско не будетъ стоять въ Тусціи или Романьи. Для римской куріи также было-де желательно, чтобы оба короля примирились при ея содѣйствіи. Если бы Конрадъ пріѣхалъ въ Италію, папа выступилъ бы тогда посредникомъ и заставилъ бы Конрада просьбами и кротостью, Рожера угрозами и страхомъ покончить съ ихъ споромъ ради спасенія

¹⁾ Wibaldi Ep. 347.

²⁾ Reg. pontif. отъ 28 ноября 1149 и сл.

³⁾ Gerhoh Reichersb. De novitatibus hujus saeculi ad Adrianum IV papam, сообщено Гризаромъ въ Zeitschrift für katholische Theologie IX стр. 549. Инспрукъ, 1885 г. Ср. также W. Ribbeck въ Forschungen zur deutschen Geschichte, XXV, 559.

⁴⁾ Wib. Epistolae 273. У Jaffé, Bibl. I, 401.

церкви и государства. Другими словами, всё ужасы нѣмецкаго похода на Римъ должны были бы обрушиться на несчастную Италію, а когда Рожеръ и Конрадъ истекли бы кровью, тогда святой отецъ возстановилъ бы такой порядокъ въ Италіи, который отвѣчалъ интересамъ римской куріи. Въ виду такой политики вампира вполне понятна проповѣдь Арнольда, говорящая, что потому уже у папы и епископовъ должно отнять всякое свѣтское владѣніе; что иначе они не перестанутъ затѣвать войну и кровопролитіе изъ за-этого владѣнія. Епископы, подобно епископамъ шартрскому и фрейзингскому, конечно насмѣхались надъ такимъ утопическимъ требованіемъ, но, если часто разумъ бываетъ слишкомъ слабъ, чтобы убѣдить, это далеко еще не значитъ, что правда не на его сторонѣ.

Два года съ той и съ другой стороны велись переговоры о римскомъ походѣ Конрада. Въ 1150 г. Германъ, епископъ констанцскій, былъ отправленъ въ качествѣ королевскаго посла въ Италію; папскіе легаты воспользовались тѣмъ, что были посланы въ Германію, и обобрали изъ церквей церковныя сокровища, „какъ пчеловодъ беретъ медъ изъ пчелиныхъ ульевъ“¹⁾; но только тогда, когда Вибальдъ, аббатъ въ Корвеѣ, пользующійся одинаковымъ уваженіемъ и у Конрада и у Евгенія, и могущественный курфюрстъ кельнскій Арнольдъ въ началѣ 1152 г. прибыли въ Сеньи, мѣстопробываніе куріи, дѣло двинулось съ мѣста, оно повернулось однако не въ пользу Арнольда и римской республики. Правда, Вибальдъ явился по порученію короля, но лично своимъ повелителемъ онъ считалъ папу. Онъ добросовѣстно рассказываетъ въ своей корреспонденціи римскимъ прелатамъ о душевномъ состояніи своего короля, который взялъ дурной примѣръ съ греческаго императора, независимаго отъ своего патріарха²⁾, или убѣждаетъ лицъ, окружающихъ короля, слѣдить, чтобы Конрадъ по совѣту свѣтскихъ лицъ не принялъ мѣръ, противныхъ интересамъ куріи³⁾. Отъ такого посла римлянамъ и Арнольду нечего было ждать. Правда, римская община получила наконецъ отвѣтъ на свои неоднократныя просьбы, но очень малоутѣшительный. Не къ сенату и патрицію, но къ префекту, консуламъ и капитанамъ и всему римскому народу обращается письмо Конрада⁴⁾; такимъ образомъ король игнорируетъ

¹⁾ Hist. pontif. 37.

²⁾ Ep. 252, стр. 377.

³⁾ Ep. 202, стр. 322.

⁴⁾ Wibaldi Ep. 345, стр. 478 и слѣд.

новое положеніе дѣлъ, онъ отвѣчаетъ на письма сената, и однако, не признавая происшедшей перемѣны, онъ называетъ ихъ недостойными рѣшительнаго отвѣта въ виду высокой важности вопросовъ. Все же онъ хвалитъ римлянъ за любовь къ имперіи, къ которой онъ причисляетъ Римъ и Италію. Даже и эти самыя отдаленныя свои владѣнія король намѣренъ навѣстить въ скоромъ времени, поддерживаемый рвеніемъ своихъ вассаловъ, и тогда вѣрныхъ онъ вознаградитъ, непокорныхъ же накажетъ по заслугамъ. Пока же онъ совѣтуетъ римлянамъ обращаться по всѣмъ дѣламъ къ архіепископу Арнольду и аббату Вибальду, которые уполномочены дѣйствовать за него. Если вслѣдъ затѣмъ въ Римѣ серьезно зашла рѣчь о томъ, что сенатъ долженъ, помимо нѣмецкаго короля, избрать римскаго національнаго императора, то этотъ химерическій планъ былъ именно слѣдствіемъ отчаянія въ нѣмецкомъ королѣ, который послѣ долгаго презрительнаго молчанія отвѣтилъ наконецъ на ходатайства сената такимъ неутѣшительнымъ образомъ. Тѣмъ милостивѣе зато принялъ Евгений III въ Сеньи своего друга Вибальда изъ Стабло и Курвея ¹⁾. Умный аббатъ прежде всего воспользовался этимъ случаемъ, чтобы черезъ папу рѣшить въ свою пользу всѣ дѣла, которыя онъ имѣлъ какъ князь нѣмецкой церкви. Кажется, Вибальдъ тогда также былъ въ Римѣ, такъ какъ по смерти Конрада онъ напоминаетъ папѣ о томъ ²⁾, что, будучи при немъ, онъ настойчиво рекомендовалъ ему немедленно примириться съ римлянами; онъ опасался, что походъ короля на Римъ можетъ имѣть совершенно другія слѣдствія, чѣмъ думалъ Евгений. Итакъ, возможность, что Конрадъ, опираясь на сенатъ, объявитъ Римъ резиденціей императора, вовсе не представлялась невѣроятной умному аббату, а такъ какъ интересы папы были ближе его сердцу, чѣмъ интересы его государя, то онъ хотѣлъ предупредить такую игру со стороны Конрада и совѣтовалъ папѣ поладить съ сенатомъ. Разъ папа водворится опять въ Римѣ, тогда у Конрада не будетъ даже и искушенія занять положеніе, предлагаемое ему римлянами. Но Евгений былъ тогда слишкомъ раздраженъ, чтобы думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ мести. Нѣмецкій мечъ навсегда долженъ былъ заставить какъ римлянъ, такъ и короля Сициліи оставить свои чрезмѣрныя притязанія, и вмѣсто того, чтобы послѣдовать совѣту Вибальда, патриотъ низанецъ увѣщеваетъ князей нѣмецкихъ поддерживать Конрада во время его похода ³⁾.

¹⁾ Ep. 349, стр. 483.

²⁾ Wib. Ep. 375, стр. 403.

³⁾ Wibaldi Ep. 362, стр. 490.

Но на этотъ разъ Италію миновали опустошеніе и бѣдствія, слѣдовавшія за каждымъ нѣмецкимъ походомъ на Римъ. Конрадъ III умеръ 15-го февраля 1152 г., прежде чѣмъ могъ выступить въ походъ на Римъ; и въ теченіе еще двухъ лѣтъ грозила римлянамъ бѣда, вымоленная папою, прежде чѣмъ наконецъ обрушилась на нихъ. Такимъ образомъ Арнольду была дана послѣдняя отсрочка, и дѣла римской республики не могли болѣе кончаться добромъ послѣ того, какъ не удалось поладить съ папою, а союзъ съ императоромъ потерялъ неудачу. Въ такомъ безнадежномъ положеніи партія отчаянныхъ слишкомъ даже легко овладѣваетъ умами. Такъ и теперь мы узнаемъ, что въ Римѣ явилась партія, которая утверждала, что она опирается на самое себя и не нуждается ни въ императорѣ, ни въ папѣ. Если бы германская имперія оставалась такою же безсильною, какъ до сихъ поръ, то это было бы прекрасно, въ обратномъ случаѣ для римской республики настала бы кончина.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

АРНОЛЬДЪ и БАРБАРОССА.

1152 — 1155.

*Tandem suspensus laqueo retinente pependit
Set doluisse datur super hoc rex sero misertus.*

Поэтъ изъ Бергамо 849. 50.

Относительно быстро и единодушно нѣмецкіе князья избрали 4-го марта 1152 г. Фридриха Швабскаго королемъ, т. е. тѣмъ, чѣмъ былъ король по ихъ понятію. То, что Фридрихъ Барбаросса остался въ памяти людей настоящимъ королемъ и императоромъ, это уже его личная заслуга. Въ глазахъ своихъ соотечественниковъ юный Гогенштауфенъ обладалъ всѣми тѣми блестящими качествами, которыя приличествуютъ рыцарю и королю. Едва 30-ти лѣтъ отъ роду онъ уже прославился во время второго крестоваго похода, какъ славный герой и вѣрный сынъ церкви. Девятаго марта онъ былъ коронованъ въ Ахенѣ и первымъ пожаловалъ аббата Вибальда. Этотъ умный прелатъ увѣдомилъ папу о выборѣ Барбароссы, и Евгенийъ III счелъ нужнымъ утвердить 17-го мая это избраніе, хотя никто его не просилъ объ этомъ. Для римскихъ гражданъ то, что новый король, не вспомнивъ о нихъ, вступилъ въ сношенія съ папою, все еще сидѣвшимъ въ Сеньи, было горькимъ разочарованіемъ. Но, разъ государю не было до нихъ дѣла, римляне тоже не пожелаали знать его, и вмѣсто того, чтобы опять подвергать себя оскорбительнымъ отказамъ, какъ при Конрадѣ III, приверженцы Арнольда рѣшили отдѣлиться отъ германской имперіи и выбрать самимъ римскаго императора. Въ одномъ письмѣ, отъ 20-го сентября 1152 года, Евгенийъ III жалуется на сенатъ своему другу Вибальду ¹⁾; по его словамъ, двѣ тысячи римлянъ, въ силу внушеній Арнольда, поглялись другъ другу

¹⁾ Ер. 403.

избрать на выборах, предстоявших 1-го ноября 1152 г., новый советъ изъ 100 надежныхъ арнольдистовъ и тогда уже выбрать не только двухъ консуловъ, но и римскаго императора. Папа не преминулъ, разумеется, донести объ этихъ намѣреніяхъ, „потому что они“, какъ говорить онъ, „направлены противъ главы государства и нашего возлюбленнѣйшаго сына Фридриха“. Совершенно вѣрно, что по смерти Конрада въ сенатѣ шла рѣчь о томъ, чтобы привести въ дѣйствіе право, которымъ несомнѣнно пользовались римскіе отцы во времена Нервы и Траяна; но были также такіе приверженцы Арнольда, которые охотно избрали бы Фридриха I, если бы онъ съ своей стороны согласился принять императорскую корону изъ рукъ сената. Правда, швабъ Барбаросса казался римлянамъ человѣкомъ дѣсовъ, подобно грубому Исаву, но въ случаѣ, если бы онъ предоставилъ руководить собою римскимъ законовѣдамъ, „которые имѣютъ нѣкоторое понятіе объ императорскомъ правѣ“, и предоставилъ дѣла разумнымъ нѣмецкимъ дворянамъ, которые или были знакомы Арнольду со времени его пребыванія въ Алеманніи, или были рекомендованы алеманнами, послѣдовавшими за нимъ въ Римъ, въ такомъ случаѣ римскій сенатъ былъ согласенъ, несмотря на сношенія Фридриха съ папою, попытаться вступить въ соглашеніе съ Гогенштауфеномъ. Мы видимъ это изъ упомянутаго уже выше письма, которое написалъ тогда Фридриху одинъ приверженецъ сената, по имени Вецель или Вецило ¹⁾. Имя Вецило нерѣдко встрѣчается среди алеманновъ. Одинъ Вецило изъ Констанца упоминается нѣсколькими годами позже какъ бывший клирикъ и строитель Петерсгаузена ²⁾. Весьма радикальное, хотя имѣющее нѣкоторый богословскій оттѣнокъ и стиль, письмо Вецеля весьма идетъ къ бывшему клирику, а графъ Раммисбергъ, котораго первымъ рекомендуетъ Вецель королю для переговоровъ съ римскимъ сенатомъ, былъ прекрасно знакомъ монахамъ обители Петерсгаузена ³⁾. Оба другія довѣренныя лица Вецеля, графъ

1) Wib. Ep. 404. У Jaffé 539—43. Что Вецель называетъ нѣмцевъ *gens vestra*, объясняется тѣмъ, что онъ пишетъ отъ имени римлянъ; для этого ему нѣтъ нужды самому быть римляниномъ. За его алеманнское происхожденіе говоритъ, кромѣ имени, также его знакомство съ алеманнскими графами и констанцскимъ капеланомъ.

2) *Casus monasterii Petrishusensis* VI, 4. Mon. Germ. XX, 679. За капитальной передѣлкой базилики наблюдаетъ: *Wezilone quodam de Constantia exclerico orifice*. Также въ IV, 5, упоминается одинъ *Wezil*; такъ что это имя, повидимому, было довольно распространено на Воденскомъ озерѣ, если въ одномъ только Петерсгаузенѣ было два Вецеля.

3) *Casus monast. Petrishus.* VI, 19, 20.

Ленцбургскій и Эбергардъ фонъ Бодманъ, также принадлежали къ епархіи констанцской, и Удальрихъ фонъ Ленцбургъ, какъ фогтъ, былъ даже ближайшимъ покровителемъ Арнольда въ Цюрихѣ. Такимъ образомъ въ жизни Арнольда опять выступаютъ на сцену его отношенія къ покровителямъ его въ Цюрихѣ, хотя и не онъ, а Веццло ведетъ переговоры. Быть можетъ, римскій сенатъ, который конечно скрывается за этимъ посредникомъ, или та партія его, представителемъ воззрѣній которой былъ Веццель, находила, что алеманну удобнѣе было защищать дѣло сената передъ швабскимъ королемъ, чѣмъ Арнольду, не разъ отлученному отъ церкви и опальному, и потому Арнольдъ скромно отступаетъ въ заднія ряды. Но Веццель выполнилъ свое порученіе совершенно въ арнольдовскомъ духѣ. Веццель прежде всего поздравляетъ Фридриха съ тѣмъ, что его народъ избралъ его королемъ нѣмецкимъ, но выражаетъ также свое сожалѣніе, что король по совѣту тѣхъ духовныхъ лицъ, клириковъ и монаховъ, которые смѣшиваютъ свѣтское и духовное, не обратился за утвержденіемъ къ городу, царю міра, творцу и матери всѣхъ императоревъ. Римъ, подобно Ревеккѣ въ ветхомъ завѣтѣ, въ состояніи, даже противъ воли отца (папы), передать преемство Іакову, когда Исавъ медлитъ на охотѣ. Слѣпые, еретическіе клирики-апостаты, послѣдователи Юліана Отступника, и лжемонахи, вопреки своему званію и евангельскимъ и каноническимъ заповѣдямъ, заявляютъ притязанія на право утверждать императора, смѣшивая такимъ образомъ свѣтское и духовное и насмѣхаясь какъ надъ божескимъ, такъ и человѣческимъ правомъ. Описывая этихъ „юліанцевъ“, Веццель сылеть передъ Варбароссой множествомъ библейскихъ изреченій, безъ сомнѣнія, тѣхъ же самыхъ, на основаніи которыхъ обыкновенно Арнольдъ требовалъ отъ духовенства отреченія отъ міра. Такъ, Веццель опирается именно на оба посланія св. ап. Петра, чтобы показать, какъ мало папа можетъ быть названъ преемникомъ св. Петра. Петръ повелѣваетъ своимъ удалиться „господствующаго въ мірѣ растлѣнія похотію и показывать въ вѣрѣ добродѣтели, въ добродѣтели разсудительность, въ разсудительности воздержаніе, въ воздержаніи терпѣніе, въ терпѣніи благочестіе, въ благочестіи братолюбіе, въ братолюбіи любовь“. вмѣсто того новые священнослужители уподобляются скорѣе тѣмъ учителямъ лжи, распутную жизнь которыхъ описываетъ апостолъ въ такой ужасной картинѣ во 2-мъ посланіи св. ап. Петра, 2, 1—13. Истинный преемникъ св. Петра только тотъ, кто можетъ вмѣстѣ со св. Петромъ сказать Господу: „Смотри, мы оставили все и послѣдовали за Тобою“, который опять-таки можетъ сказать вмѣстѣ со св. Петромъ: „Серебра и золота я не имѣю“. Такимъ послѣдователямъ говорить Христосъ: „Вы свѣтъ міра, вы соль земли“.

Если же соль теряет силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою? Она уже ни къ чему не годна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на поспраніе людямъ или свиньямъ. Если даже Христось говорилъ: „Если я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрите Мнѣ“, то какъ можно вѣрить тѣмъ, которые не только поступаютъ дурно, но даже дѣлаютъ это открыто. Какъ не имѣютъ они дѣлъ, такъ не имѣютъ они и вѣры, потому что Христось сказалъ: „Какъ можете вы вѣрить, когда соревнуете о чести?“. Они, алчущіе богатствъ всего міра, должны были бы внять слову: „Блаженны нищіе духомъ“, ибо ни на практикѣ, ни въ принципѣ не придаютъ они значенія бѣдности. Иеронимъ совѣтуетъ избѣгать, какъ чумы, клирика, вмѣшивающагося въ свѣтскія дѣла, ищущаго богатства и славы. Такъ приводитъ ученикъ Арнольда одну выдержку изъ Библии за другой, вслѣдъ за изреченіями отцовъ церкви—изреченія каноновъ. Но, хотя онъ самъ приводитъ псевдо-Исидора, чтобы на основаніи рѣчи апостола Петра, сказанной при посвященіи Климента, доказать, какъ строжайше предписалъ глава апостоловъ своему первому преемнику сложить съ себя всякія свѣтскія дѣла, чтобы исключительно посвятить себя благовѣствованію слова Божія, однако задолго до Лаврентія Валлы онъ призналъ подложность дарственной записи Константина, находящейся въ томъ же самомъ сборникѣ. „Эта ложь“, пишетъ онъ, „и еретическая сказка о передачѣ императоромъ Константиномъ палѣ Сильвестру правъ императорской власти надъ Римомъ, что было бы симоніей, настолько изобличена, что даже всѣ поденщики и старухи поднимаютъ ее на смѣхъ, а папа и кардиналы отъ стыда не смѣютъ болѣе показаться въ городъ“.

Уже предшественникъ Сильвестра Мелиціадъ говоритъ въ своихъ декреталіяхъ о Константинѣ какъ принявшемъ крещеніе, и *historia tripartita* также свидѣтельствуетъ, что Константинъ былъ уже христіаниномъ, когда вступилъ въ городъ. Такимъ образомъ падаетъ сказка о крещеніи Константина папою Сильвестромъ. „Обдумайте же слова мои!“ восклицаетъ при этомъ Вецель. „Исавъ, пренебрегшій совѣтомъ матери и возлюбившій лѣсъ, когда его тщетно призывалъ слѣпой отецъ, до сихъ поръ не имѣетъ благословенія, Иаковъ же, послушавшій мать, отнялъ у него то, что общалъ слѣпой отецъ другу лѣсовъ“. Мать — Римъ, слѣпой отецъ — папа; если Барбаросса послѣдуетъ примѣру Исава, тогда мать найдетъ мудраго Иакова, а Исавъ можетъ довольствоваться своимъ нѣмецкимъ лѣсомъ, такъ какъ онъ не послушалъ призыва Рима. Что императоръ не только долженъ развлекаться охотою въ лѣсу, но быть свѣдущимъ въ законахъ, это доказываетъ примѣръ Юстиніана, который утверждаетъ, что императора краситъ не только оружіе, но онъ

долженъ быть вооруженъ также законами, чтобы умѣть править хорошо какъ во время войны, такъ и во время мира. Тотъ же самый славный государь показываетъ также, откуда римскій *princeps* получилъ власть править и издавать законы. Ибо то, что кажется императору хорошимъ, то, какъ говорилъ Юстинианъ, становится закономъ потому, что римскій народъ перенесъ на него всѣ свои права государя и свою власть. Первое мѣсто Вецель занимаетъ изъ введенія къ Институціямъ, вторыя оба изъ *Digesta: lib. I, lit. IV*, и всѣ три цитированы буквально; это доказываетъ, какъ у учениковъ Арнольда евангельскія воззрѣнія о бѣдной церкви переплелись съ новымъ изученіемъ *corpus juris* и, слѣдовательно, съ вновь воскресшими воспоминаніями о римскомъ государственномъ строѣ. Именно этотъ синтезъ и характеренъ въ арнольдовской школѣ. „Если“, такъ заключаетъ Вецель, „имперія и вся государственная власть принадлежать римлянамъ... какой законъ, какая причина можетъ помѣшать народу и сенату избрать новаго императора?“ Поэтому Вецель какъ другъ совѣтуетъ молодому королю послать въ Римъ нѣсколькихъ лицъ, годныхъ для подобныхъ переговоровъ, хотя бы Раммисберга и Ленцбурга или Бодмана. Они тогда могли бы править отъ его имени вмѣстѣ съ мѣстными законовѣдами, такъ какъ алеманскій авторъ письма, другъ нѣмецкой имперіи, опасается, какъ бы не произошли въ Римѣ нововведенія въ ущербъ Священной римской имперіи нѣмецкой націи, если Фридрихъ будетъ медлить. Такимъ образомъ съ матерью-церковью, предлагающей Фридриху коронованіе, теперь конкурируетъ мать-Римъ, желающая оказать Гогенштауфену ту же самую услугу, и спрашивается, къ которой изъ двухъ обратится онъ? Это замѣчательное письмо поучительно во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего оно насъ вводитъ въ переговоры, начатыя римскими политиками, при чемъ даже *mercenarii* и *mulierculae* высказываютъ свободно свои мысли о *donatio Constantini* и подобно своимъ потомкамъ нашего времени умѣютъ сдѣлать пребываніе въ городѣ невыносимымъ для ненавистныхъ кардиналовъ. Съ чувствомъ сознанія собственного достоинства эти граждане-политиканы называютъ юнаго нѣмецкаго короля безпечнымъ жителемъ лѣсовъ, идеи котораго, правда, еще не поднимаются выше рогатины Исава, но изъ котораго, однако, подъ руководствомъ мудраго сената и разумныхъ нѣмецкихъ бароновъ можетъ выйти нѣчто. Если подумать теперь, что это письмо, полное чувства собственного достоинства, было обращено къ могущественному Барбароссѣ, который довольно скоро послѣ того заставилъ италянцевъ трепетать передъ собою, какъ ни одинъ императоръ до него, то покровительственный тонъ становится нѣсколько забавнымъ, но

для насъ это письмо самый богатый источникъ для сужденія объ ученіи арнольдистовъ. Во множествѣ приводятся тутъ библейскія, патристическія, каноническія и римскія правовыя положенія, на которыхъ Арнольдъ основывалъ свое раздѣленіе свѣтскаго и духовнаго, что было такою не-приятною ересью для высшаго клира. Міросозерцаніе, которое вытекаетъ изъ этихъ изреченій объ отреченіи отъ міра истинныхъ учениковъ Иисусовыхъ, высокія требованія, предъявляемыя къ настоящему епископу, суровый приговоръ, произнесенный авторомъ письма надъ современными пастырями, даютъ намъ полную возможность понять правильно тѣ выраженія, въ которыхъ говорятъ объ Арнольдѣ его противники. Для нихъ эти краткія слова Евангелія, за которыми однако слѣдовало разгромленіе домовъ священнослужителей и изгнаніе епископовъ, были отравленнымъ медомъ, а тотъ, кто примѣнялъ ихъ подобнымъ образомъ, для Іоанна Салисберійскаго былъ непрактичнымъ мечтателемъ, для Оттона Фрейзингскаго волкомъ въ овечьей шкурѣ, для Бернара Клервосскаго блѣднымъ аскетомъ, алчущимъ съ дьяволомъ душъ человѣческихъ, однимъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ видъ благочестія, силу же его отвергаютъ. „Его слова глаже масла, но каждое изъ нихъ отравленная стрѣла“, писалъ нѣкогда Бернаръ Гвидо. Видя письмо Вецеля, мы понимаемъ эти обвиненія. Каждое отдѣльно взятое слово заимствовано изъ Писанія или отцовъ церкви, взятыя же вмѣстѣ они означаютъ полное ниспроверженіе всего существующаго. Звѣрь съ головою голубя и хвостомъ скорпіона—вотъ, по мнѣнію Бернара, начертаніе этого антихриста. Неловкая форма письма также характерна въ извѣстномъ смыслѣ. Она показываетъ, какъ арнольдовскія идеи пробудили даже самые тяжелые умы, какъ незначительные, но благомыслящіе люди, подобно этому алеманну Вецелю, борются съ языкомъ, чтобы найти подходящее выраженіе для того, что завладѣло всѣмъ ихъ мышленіемъ благодаря учителю изъ Брешии. Они такъ полны этимъ новымъ ученіемъ, что пишутъ о немъ королямъ и императорамъ и кстати и некстати выкладываютъ все свое знаніе. Когда впоследствии въ Италіи Фридрихъ Барбаросса заставилъ италіянскихъ юристовъ составить ему сводъ тѣхъ правъ, которыя принадлежали римскому императору по древнимъ правовымъ источникамъ, то въ этомъ пунктѣ онъ послѣдовалъ совѣту арнольдистовъ, во всемъ же остальномъ письмо Вецеля къ нему было тщетнымъ ¹⁾. Гогенштауфенъ могъ быть грубымъ Исавомъ, какъ называли его римляне, но у него было пониманіе дѣйствительности,

¹⁾ Ср. Wib. Ep. 372, 375, 382.

онъ зналъ, что такое острый мечъ, и что дѣтская побрякушка, и потому ни одной минуты не колебался надъ тѣмъ, изъ чьей руки желалъ бы онъ получить корону. Къ тому же онъ былъ вѣрующимъ германцемъ, и не тогда импонировала ему, а священническая риза. Однако тогда онъ еще не такъ рѣзко оттолкнулъ отъ себя римлянъ, какъ поаднѣе. Въ числѣ пословъ, отправленныхъ Фридрихомъ въ Италию осенью 1152 г., какъ разъ къ тому времени, когда предстояли выборы въ римскій сенатъ, дѣйствительно находился одинъ изъ рекомендованныхъ Вецелемъ господъ, графъ Удальрихъ Ленцбургскій, цюрихскій фогтъ; тутъ же былъ и Германъ, епископъ констанцскій ¹⁾; весьма возможно, что послѣдній взялъ съ собою своего капелана Эбергарда фонъ Бодмана, къ которому Вецель имѣлъ такое довѣріе. Договоръ, заключенный этими посланными съ папою, въ нѣкоторыхъ пунктахъ принимаетъ также во вниманіе интересы римлянъ, и, если бы дѣло дошло до личныхъ переговоровъ, то Арнольдъ встрѣтилъ бы лицъ, болѣе или менѣе знакомыхъ ему со времени его пребыванія въ констанцской епархіи. Но прежде даже, чѣмъ послы достигли Рима, правленіе арнольдистовъ тамъ пало. Послы нашли папу уже не какъ изгнанника въ Сеньи, но въ Римѣ въ его Латеранскомъ дворцѣ ²⁾. Катастрофа наступила осенью 1152 г. Выборы 1-го ноября были назначены для того, чтобы приготовить большія преобразованія въ государственномъ устройствѣ, соответствующія арнольдовскимъ идеаламъ римской республики ³⁾. Какъ во времена древняго Рима, 100 пожизненныхъ сенаторовъ, всѣ преданные приверженцы Арнольда, должны были составить новый сенатъ. Во главѣ ихъ должны были стоять два консула, одному изъ нихъ подлежали бы дѣла внутреннія, другому внѣшнія, по порученію сената. Наконецъ, сенатъ долженъ былъ избрать національнаго императора, который правилъ бы римскимъ государствомъ подъ надзоромъ народа, сената и обоихъ консуловъ. Эта мечта о государственномъ устройствѣ на античный ладъ доказывала еще больше, чѣмъ ссылки на Константина и Юстиніана, какъ переросли Арнольдъ и его друзья тогдашній теократически-феодальный міръ, и что въ столь отдаленное время среднихъ вѣковъ проявлялись уже идеи Возрожденія. Они хотятъ построить Капитолій въ противность храму Вожію, говорить совершенно вѣрно пріоръ Герхо. Но ряды борцовъ за свободу уже сильно порѣдѣли. Въ общемъ за этотъ планъ стояло двѣ тысячи изъ простого народа, бароны же и лучшіе граждане, по свѣдѣніямъ папы, не принимали

1) Regesta episcop. Const. p. 104 (Jan. 1153 Rome).

2) Regesta Pontif. 9. Dec. 1152.

3) Wibaldi Ep. 403.

участія въ этомъ уговорѣ. По его словамъ, только „rusticana quedam turba“ составляетъ приверженцевъ Арнольда. Вполнѣ конечно понятно, что имущество богатыхъ гражданъ пострадало во время борьбы со знатью, а среднее сословіе съ болью въ сердцѣ приняло отсутствіе пилигримовъ; оба эти факта должны были удержать имущіе классы отъ дальнѣйшаго слѣдованія за Арнольдомъ. Такъ какъ результатомъ выборовъ было отклоненіе программы арнольдистовъ и сенатъ, поспѣшившій прежде всего положить начало къ полюбовной сдѣлкѣ съ папою ¹⁾, вслѣдствіе чего уже въ декабрѣ Евгеній III возвращается въ Римъ ²⁾, то, очевидно, арнольдисты потерпѣли поражение на этихъ выборахъ, и побѣдила та партія, которая хотѣла помириться съ папою. Ея сенатъ вѣдь довольно скоро и выдалъ малодушно пророка противникамъ его.

Съ другой стороны, аббату Вибальду удалось убѣдить папу, что для куріи будетъ выгоднѣе примириться съ римлянами помимо вмѣшательства нѣмецкаго короля. Вотъ почему Евгеній заключилъ миръ съ новымъ сенатомъ и еще въ декабрѣ вѣхалъ опять въ Римъ со своими кардиналами. Съ нимъ же вмѣстѣ вернулись Франджиани, Пьерлеоне, Тебальдески и остальные смертельные враги республики ³⁾. То, что новый сенатъ опять привлечь въ свой городъ папскій дворъ, могло казаться побѣдоносной средней партіи большимъ успѣхомъ ея политики; на самомъ же дѣлѣ это было начало конца; вѣдь развѣ могла скромная роскошь ихъ консуловъ выдерживать долгое время сравненіе съ пышностью и великолѣпіемъ папства, царствующаго надъ міромъ?

Римъ могъ быть только или главою республики, или резиденціей императора, или центромъ христіанскаго міра. Новый же сенатъ хотѣлъ республики съ императоромъ и папою; хотѣли быть свободными и оставаться главою церкви и государства, противорѣчіе, изъ-за котораго римскій вопросъ не разъ еще терпѣлъ неудачу. Что значили къ тому же договоры съ властью, которую нравственно не связывали никакой договоръ, никакое обѣщаніе, никакая клятва! Евгеній III заключилъ миръ съ римлянами и вѣхалъ въ свой дворецъ, но продолжалъ требовать отъ Фридриха, если тотъ желалъ быть коронованнымъ императоромъ, чтобы онъ призвалъ варваровъ и наказалъ римлянъ, какъ уговаривался папа еще раньше съ Конрадомъ III. Когда при-

1) Romoald. Salern. Mon. Germ. XIX, 425. У Muratori, VII, 193.

2) Annal. Casin. Mon. Germ. XIX, 310.

3) См. грамоту отъ 29-го мая 1153 г. у Грегоровіуса, Истор. города Рима 4, 488.

были послы новаго короля, вмѣстѣ съ ними былъ выработанъ проектъ договора, въ которомъ Евгеній цѣною коронованія императора ставить подчиненіе римлянъ. Два кардинала повезли этотъ проектъ въ Констанць, гдѣ Фридрихъ проводилъ мартъ 1153 года.

Договоръ, который на основаніи этого проекта заключилъ Фридрихъ съ Евгеніемъ III въ Констанць 23-го марта, содержалъ обратное тому, чего требовали Арнольдъ, Вецило и сенатъ. Въ констанцскомъ договорѣ Фридрихъ желаетъ получить римскую корону не изъ рукъ сената, а изъ рукъ папы. Зато онъ обѣщаетъ не заключать мира съ римлянами помимо согласія папы, а съ королемъ Сициліи помимо согласія римлянъ и папы, и по мѣрѣ силъ своихъ стараться подчинить римлянъ папѣ, поддерживать своею властью честь папскаго достоинства, отстаивать регалии св. Петра противъ всѣхъ, какъ преданный и вѣрный поборникъ правъ его, и защищать его и вернуть то, что было отнято у него. Хотя въ этой грамотѣ миръ съ норманнами обусловленъ также согласіемъ римлянъ, а содѣйствіе Фридриха покоренію Рима дипломатично ограничено вставкою *pro viribus*, но въ сущности все же въ Констанць новый король обѣщалъ то, чего желалъ папа, и чему римляне желали воспрепятствовать. Подписывая 23-го марта 1153 года этотъ договоръ, Фридрихъ подписалъ вмѣстѣ съ тѣмъ смертный приговоръ Арнольду.

Миръ между императоромъ и папою во всѣ времена приводилъ реформаторовъ на костеръ, не потому, что Фридрихъ I или Фридрихъ II были бы религіозными фанатиками, но это происходило само собой, разъ только принимались во вниманіе законныя желанія церкви.

Между тѣмъ Евгеній III принялся за упроченіе своей власти въ Римѣ. Намъ разсказываютъ, что папа приобрѣлъ расположеніе народа благодаря богатымъ подачкамъ и вспомошествованіямъ, но зато благодарственныя пѣсни римской черни были антифономъ жалобамъ народовъ на грабительство Рима, съ чѣмъ соглашаются даже Бернаръ, Герхо и Іоаннъ Салисберійскій. Тѣмъ не менѣе средство оказалось такимъ дѣйствительнымъ, что Евгеній „почти совершенно по своей волѣ правилъ городомъ, и только быстро наступившая смерть помѣшала ему отнять съ помощью народа у сената его узурпированное достоинство“²⁾.

1) Грамота Wib. Ep. 407. Watterich 2, 318. Mon. Germ. leg. II, 93.

2) Romoald. Salernit. annales. Mon. Germ. XIX, 425. Interea Eugenius Papa apud Tusculum aliquanto tempore demoratus, pacem cum Romanis fecit, et a senatoribus et ab universo populo Romano cum summo est honore susceptus. Hic autem adeo universum populum sibi beneficiis et ele-

Не слѣдуетъ однако понимать эти извѣстія буквально, хотя епископъ изъ Остіи также подтверждаетъ ихъ ¹⁾); чего бы ни достигъ Евгений, онъ не могъ и теперь еще добиться удаленія Арнольда и, конечно, не могъ чувствовать себя хорошо въ столицѣ, гдѣ отлученный отъ церкви схизматикъ осмѣливался прямо въ лицо оспаривать все основаніе его власти.

Поэтому насъ не удивляетъ, что римская почва скоро стала опять слишкомъ горячею для папы, и папа поселился въ болѣе спокойномъ Тибурѣ среди населенія, всего сильнѣе ненавидѣвшаго римскій сенатъ, хотя это еще не значило, чтобы оно было особенно предано папскому правленію.

Неожиданно въ Тибурѣ умираетъ Евгений III 8-го іюля 1153 года ²⁾). Гуго, епископъ изъ Остіи, увѣдомляя цистерціанскихъ аббатовъ Сито и Клерво о кончинѣ ихъ высокаго собрата по ордену, утверждаетъ, что столь неожиданно похищенный у церкви пастырь почти уже уничтожилъ сенатъ, но теперь надо опасаться, какъ бы опять церковь не погрузилась въ пучину морскую, гдѣ чудовища безчисленны. „Человѣкъ, что былинка“, вздыхаетъ епископъ, „и все великолѣпіе подобно цвѣту сельному“ ³⁾). И святому, къ которому было обращено это посланіе, вскорѣ пришлось на самомъ себѣ доказать истину этого изреченія. Уже 20-го августа въ то же лѣто Бернаръ послѣдовалъ за своимъ ученикомъ-папою. Для Арнольда это было послѣднею мпlostью судьбы: одно лѣто избавило его отъ обонхъ опаснѣйшихъ противниковъ среди духовенства, а могущественнѣйшій изъ враждебныхъ ему бароновъ, Толомей изъ Тускулума, еще въ февралѣ того же года присоединился къ своимъ праотцамъ ⁴⁾).

Нѣкогда Арнольдъ вѣхалъ въ Римъ вмѣстѣ съ Евгениемъ, но послѣдній не прожилъ въ своей метрополіи столько мѣсяцевъ, сколько лѣтъ прожилъ Арнольдъ, отлученный отъ церкви. И какъе напство прожилъ Евгений! Перекочевывающій съ мѣста на мѣсто, попадающій изъ одного затрудненія въ другое, презираемый всѣми народами за лихоимство его легатовъ,

mosinis alligavit, quod bene pro majori parte Urbem poterat pro sua voluntate disponere, et nisi esset mors emula, que illum cito de medio rapuit, senatores noviter procreatos populi amminiculo usurpata dignitate privasset.

¹⁾ Bern. Ep. 488.

²⁾ Hug. Ostiensis epist. S. Bern. Ep. 488. Migne, 182, стр. 694 и сл.

³⁾ S. Bernardi Ep. 488, Migne 182, 695.

⁴⁾ Obiit Ptolemaeus Tusculanus 5 Cal. Martii. Chron. Fossae Novae подъ 1153 годомъ.

проклинаемый нѣмцами и французами за несчастный крестовый походъ, онъ умеръ въ разоренномъ Тибурѣ, его не любившемъ, въ то время какъ его столица все еще была у ногъ Арнольда. Какъ римскій первосвященникъ, такъ и другой врагъ Арнольда, Бернаръ, изъ всѣхъ людей всего больше зла сдѣлавшій Арнольду и его учителю Абеяру, пережилъ паденіе своего величія. Новый крестовый походъ, которымъ онъ надѣялся сгладить ужасное впечатлѣніе отъ перваго, не осуществился, такъ какъ популярность аббата сильно пошатнулась послѣ пораженій въ Иконіи и Дамаскѣ. У него у самого такъ тяжело было на душѣ, что каждый день эти воспоминанія ему говорили: „гдѣ же твой Богъ?“ ¹⁾ „Вогохульствующіе голоса и повошенія египтянъ“ слышались ему въ то время, когда онъ старался убѣдить себя, что подобно Моисею онъ велъ народъ въ пустыню, гдѣ народъ погибъ, хотя Господь обѣщаль ему обѣтованную землю. *Regunt propter iniquitatem suam*, они умерли по своимъ собственнымъ грѣхамъ, вотъ утѣшеніе и самооправданіе, которымъ успокаиваетъ свою душу чудотворецъ.

Но даже его братья въ высшей іерархіи находили это утѣшеніе недостаточнымъ. Оттонъ Фрейзингскій съ горечью думаетъ, что не всегда пророческій духъ пребываетъ въ пророкѣ ²⁾. Герхо Рейхерсбергскій ³⁾, который приводитъ апологію Бернара изъ его сочиненія „О размышленіи“, косвенно опровергаетъ ее, сурово бичуя то шарлатанство, къ которому прибѣгали креатуры Бернара ради цѣлей проповѣди крестоваго похода въ его время. Всего же злѣе рассказываетъ цѣлый рядъ неудачныхъ чудесъ Бернара Вальтеръ Мапъ, и безъ того врагъ цистерціанцевъ; такъ, именно онъ рассказываетъ о воскресеніи умершаго, когда Бернаръ властно воззвалъ ко гробу умершаго графа Вальтера: „Гальтере! гряди вонъ!“ „Но, такъ какъ Вальтеръ слышалъ не голосъ Христа, то у него не оказалось и ушей Лазаря, и онъ не возсталъ“ ⁴⁾. Вюрцбургскія лѣтописи прямо начинаютъ описаніе бернарвской проповѣди и крестоваго похода словами: „Возстали лжепророки, сыны Веліала, свидѣтели антихриста, вводящіе пустыми словами

¹⁾ De consideratione II, 1.

²⁾ Gesta Frid. I, 60.

³⁾ Въ трактатѣ De investigatione Antichristi, написанномъ въ 1161 г. Archiv für Kunde östreich. Geschichtsquellen. XX, 168. У Шейбельбергера, гл. 78, стр. 153 и сл.; гл. 79, стр. 156 и сл.

⁴⁾ De nugis cur. p. 42 и сл.

христіанъ въ соблазнѣ“¹⁾). Итакъ всѣ благоразумные люди повсюду смотрѣли на чудеса Бернара такъ же, какъ смотрѣли на нихъ Абельяръ и Арнольдъ, и только учениковъ Бернара и его сообщниковъ естественно ничто не могло поколебать въ боготвореніи ихъ аббата.

Въ то время, какъ ученикъ философа Беренгаръ насмѣхается надъ рысой, отъ которой рычали бѣсы²⁾, біографъ Бернара Вильгельмъ рассказываетъ совершенно серьезно исторію, какъ святой отлучилъ въ одной церкви докучныхъ комаровъ, такъ что ихъ можно было замертве смести въ кучу³⁾; такъ каждая партія дѣлала свое дѣло.

Новый выборъ папы опять-таки, казалось, благопріятствовалъ Арнолду.

Евгеній III былъ похороненъ въ храмѣ св. Петра, и конклавъ безъ помѣхи собрался въ Римѣ. Выбранъ былъ епископъ изъ Сабинны, принявшій имя Анастасія IV, римлянинъ, желавшій жить въ мирѣ съ римлянами. Но снять отлученіе съ Арнольда онъ, положимъ, такъ же не могъ или не хотѣлъ, какъ нѣкогда Гвидо де Кастелло.

Онъ твердо держался констанцскаго договора, хотя отозвалъ легатовъ, заключившихъ его, изъ Германіи. Нельзя сказать, какъ долго могло бы противостоять его миролюбіе злой волѣ кардиналовъ, такъ какъ уже 2-го декабря 1154 г. онъ умеръ, однако Арнольдъ прожилъ этотъ годъ спокойно въ Римѣ, и мы не имѣемъ также никакихъ извѣстій, которыя говорили бы о пререканіяхъ папы съ сенатомъ. Заслугу въ этомъ мы наполовину конечно должны приписать самому новому сенату, какъ это доказываетъ дальнѣйшій ходъ церковнаго движенія. Прекращеніе борьбы противъ іерархіи было во всѣ времена началомъ уступки ея претензіямъ. Народъ также усталъ отъ долгой борьбы, и вскорѣ пророку брешіанскому пришлось узнать, что чернь не можетъ долго жить чистымъ воздухомъ идеи: въ ней начинается говорить голодъ и желаніе матерьяльной пищи. Такъ было и на этотъ разъ. вмѣсто паствы, жаждущей спасенія и съ благоговѣніемъ внимавшей ученію, что церковь Христова есть бѣдная церковь, теперь выступаютъ на сцену другія лица, они хотятъ опять вмѣсто бѣднаго одѣянія ломбардцевъ видѣть пурпуръ кардиналовъ и блестящую корону новаго папы; руководство же недовольными берутъ на себя тѣ нищенствующіе бароны, „которые чуютъ золото и серебро Галліи

1) Ann. Herbipol. Mon. Germ. XVI, 3, подъ 1147 г.

2) Apolog, 772.

3) Vita prima, 11, 52. У Migne 185, стр. 256.

въ карманахъ папы“, какъ выражается проницески Іоаннъ Салисберійскій. Пожалуй энергичное правленіе могло бы еще поднять вновь павшій духъ. Іерархія обыкновенно старается преодолѣть такіе кризисы и состоянія упадка духа тѣмъ, что выставляетъ реликвіи, устраиваетъ процессіи, открываетъ мощи новаго святого, совершаетъ торжественное чудо, находитъ цѣлебные источники или распускаетъ слухи о явленіяхъ Мадонны. Республиканская партія не располагаетъ такими средствами, и къ тому же на курульныхъ креслахъ засѣдали теперь тѣ люди компромисса, которые низвергли арнольдистовъ на выборахъ 1-го ноября 1152 года и поспѣшили заключить миръ съ Евгеніемъ III. Они также говорили прекрасныя рѣчи о правахъ Рима, древняго владыки міра, но толпа поддадала все болѣе и болѣе подъ власть священниковъ.

И въ то время, какъ римская чернь и безъ того уже сожалѣла о котлахъ съ мясомъ, оставленныхъ въ Египетской землѣ, выборъ кардиналовъ остановился на папѣ, который вполне былъ созданъ для того, чтобы сразить уступающаго врага и покончить безжалостно съ побѣжденнымъ. Это былъ англійскій монахъ Николай Брекспиръ, вступившій теперь на папскій престолъ подъ именемъ Адриана IV. Будучи сыномъ священника, который отрекся отъ него, стыдись его, этотъ упорный мальчикъ покинулъ родину. Привыкши еще въ Англій къ нищенской монастырской похлебкѣ, онъ обогнелъ Францію и Бургундію. Въ монастырѣ св. Руфа у Авиньона онъ нашель прибрѣжище и былъ тамъ сначала монастырскимъ работникомъ, послушникомъ, монахомъ, наконецъ аббатомъ. Но монахи не долго выносили его деспотическое правленіе. Вслѣдствіе жалобъ на него его собственнаго монастыря, англичанинъ нѣсколько разъ прѣзжалъ въ Римъ, гдѣ онъ понравился Евгенію III, такъ что тотъ оставилъ его у себя и сдѣлалъ епископомъ албанскимъ. Будучи легатомъ на скандинавскомъ сѣверѣ, онъ основалъ архіепископство Дрондгеймъ, которое доставило Риму Норвегію, Исландію и Гренландію и даже отдаленные острова сѣвернаго океана. Къ концу 1154 года онъ вернулся въ Римъ, гдѣ ему былъ данъ титулъ апостола сѣвера, и именно то было ему поставлено въ особенную заслугу, что онъ заставилъ новоорганизованныя области платить дань св. Петру. Его значеніе было въ полвой еще силѣ, когда умеръ Анастасій IV, и такимъ образомъ на папскій престолъ вступилъ Брекспиръ, единственный сынъ Альбіона, который когда-либо занималъ этотъ престолъ, и несмотря на всю доброту, кротость

1) Vita Hadriani IV, у Ваттериха II, 321.

и долготерпѣніе, которыми награждаетъ его біографъ Восо ¹⁾, онъ былъ, какъ свидѣлствуютъ его дѣла, англичаниномъ энергичнымъ, безпощаднымъ и притѣнителемъ, болѣе, чѣмъ какой-либо другой англосаксонецъ, когда-либо переплывавшій черезъ каналъ на континентъ. Онъ былъ закаленъ съ юности въ борьбѣ съ жизнью, и ему не имповировало противо-дѣйствіе римскаго сената, и съ самаго начала онъ стоялъ за крайнія мѣры. Рядомъ съ нимъ стоялъ канцлеръ Роландъ, также проникнутый григоріанскими идеями, достаточно проявившій свою смѣлость и мужество на сеймѣ въ Безансонѣ и въ борьбѣ, которую онъ велъ впослѣдствіи съ Барбароссой, будучи папою Александромъ III. Настроеніе же сената стало еще малодушнѣе, такъ какъ уже въ ноябрѣ 1154 г. нѣмецкій король перешелъ черезъ Альпы и воздвигъ свой щитъ на высокому столбѣ въ ронкальскихъ равнинахъ, чтобы произвести смотръ войску и творить судъ. Послѣ его рѣшенія относительно Милана для римлянъ стало ясно, что Барбаросса вовсе не былъ другомъ свободы городовъ. Съ нимъ вскорѣ вступилъ въ союзъ папа, укрывшись отъ гражданъ въ Трастеверѣ. Тотчасъ же начались пререканія съ сенатомъ. Папа потребовалъ возврата свѣтской власти, римляне объявили, что они не потерпятъ возстановленія ея, Адрианъ требовалъ выдачи Арнольда, но сенату, вслѣдствіе торжественной клятвы гражданъ, было невозможно пожертвовать пророкомъ. Такъ что папа укрылся за укрѣпленіями храма св. Петра, будучи на военномъ положеніи со своей паствой, и соби-рался ждать прибытія короля. Между тѣмъ въ городѣ произошли беспорядки. Когда кардиналъ Гвидо Чибби изъ Сень-Пудентіана захотѣлъ по-сѣтить папу, онъ на *via sacra* попалъ въ руки раздраженныхъ арнольди-стовъ и подвергся оскорбленіямъ или, какъ увѣряютъ приверженцы папы, былъ смертельно (*ad interitum*) раненъ ²⁾. Однако, когда кардиналы бы-ваютъ „смертельно“ ранены, Божьею милостію они никогда не умираютъ, и потому уже въ іюнѣ мы находимъ кардинала Гвидо въ наилучшемъ здравіи въ числѣ членовъ посольства, отправляемаго папою къ королю Фридриху ³⁾. Но пораненія, нанесенныя ему, были ли они значительными,

¹⁾ У Ваттериха II. 323 и сл. Напротивъ, Вюрцбургскія лѣтописи говорятъ тѣмъ же языкомъ: *Adrianus qui dum post aliquot menses accepto apostolatu insolenter in Romanos ageret, grave odium incurrit.* Mon. Germ. XVI, 8. Его юность у *Guilelm. Neubrigensis, de rebus Anglicis*, II, 6. *Грегоровіусъ* IV, 491.

²⁾ Кардиналъ Восо у Ваттериха II, 324.

³⁾ *Jaffé, Regesta pontif.* подъ 1-мъ іюня 1155 г. *Wib. Ep.* 434, *Jaffé* 1, 573. Ваттерихъ II, *vita Hadriani* p. 325.

или незначительными, дали поводъ примѣнить къ Риму самыя суровыя мѣры въ самую подходящую минуту. Въ случаѣ, если бы это средство не помогло, то вѣдь нѣмецкій король былъ недалеко, и слѣдовательно опасность не велика. Такимъ образомъ Адрианъ воспользовался быть можетъ совершенно незначительнымъ случаемъ, чтобы нанести смертельный ударъ правленію сената еще до прибытія Фридриха. Съ быстрою рѣшимостью, указывающей, что у него былъ характеръ политика, онъ наложилъ интердиктъ на Римъ на предпасхальной недѣлѣ 1155 г. Еще ни одинъ изъ его предшественниковъ не осмѣливался налагать отлученія отъ церкви на самый священный городъ со всѣми его святынями. Эта мѣра тѣмъ сильнѣе должна была подѣйствовать, что въ то время, передъ Пасхою, Римъ всегда бывалъ переполненъ пилигримами, которые не желали, конечно, понапрасну совершить далекое путешествіе къ святымъ мѣстамъ. Именно на этотъ пришлый элементъ и рассчитывалъ Адрианъ, подготавливая контръ-революцію. Если бы арнольдисты попрежнему господствовали на Капитоліи, тогда трудно было бы привести въ исполненіе интердиктъ, такъ какъ часть низшаго духовенства была на сторонѣ Арнольда. Но при жалкомъ сенатѣ безъ руководителя, колеблющемся передъ новымъ рѣшительнымъ правителемъ, напуганные къ тому же близостью нѣмецкаго войска, духовные, бывшіе сторонниками Арнольда, утратили мужество. Богослуженіе дѣйствительно было пріостановлено. Давно уже въ то время былъ установленъ обрядъ провозглашенія интердикта, извѣстный намъ изъ многочисленныхъ примѣровъ. Въ полночь заунывный звонъ колоколовъ пробудилъ жителей отъ сна, и съ факелами потянулись священники и епископы въ соборы. Образъ Распятаго былъ обтянутъ крепомъ, и хоры однообразно тянули: „Господи помилуй насъ“. Всѣ реликвіи были спрятаны въ гробницы и послѣдно скрыты въ погребѣ, какъ будто непріятель стоялъ у воротъ; съ алтарей все было снято, а освященные уже гости торжественно сожжены на клиросѣ. Затѣмъ назначенный для этого епископъ поднимался на кафедру и запрещалъ совершать всякое богослуженіе, пока не будетъ искуплено совершенное преступленіе. Распятія и святыя иконы снимались со стѣнъ и клялись плащима на землю, окна и алтари завѣшивались, и молящіеся при непрерывномъ пѣніи *misereere domine* покидали храмъ Вожій. Но прежде, чѣмъ церковь окончательно запиралась, съ амвона бросались въ народъ съ шумомъ камни, это означало, что такимъ же образомъ отвергаетъ паству Господь. Ни одинъ колоколъ не звонилъ, ни одна месса не могла быть отслужена, ни одно таинство совершено. Кто умиралъ, тотъ безъ напутствія отправлялся въ чистилище, и въ то время,

как сенаторы говорили свои бесполезныя рѣчи, народъ былъ лишенъ своего душевнаго спасенія. Проходилъ ли прихожанинъ мимо своей церкви, надъ запертymi вратами его взоръ встрѣчалъ лишь завѣшенные покрывалами изображенія Господа и Его святыхъ. Египетскихъ жрецовъ упрекали въ томъ, что они умѣли держать умы народа въ повиновеніи, внушая ужасъ внѣшними средствами; средневѣковое духовенство нисколько не уступало имъ въ этомъ искусствѣ. Особенно въ Римѣ, гдѣ вся жизнь управлялась церковными обрядами, и гдѣ въ первый разъ переживалось подобное зрѣлище, оно произвело должное впечатлѣніе. Римляне, которыхъ хотѣлъ освободить Арнольдъ, не были свободны. „Они были только рабами,“ говоритъ одинъ современный намъ историкъ, „которые бѣжали со своею цѣпью и тотчасъ опять вернулись въ свое рабство, какъ только потянули ихъ за эту цѣпь“. Съ Вербнаго воскресенья до среды терпѣлъ народъ эту страшную тишину, молчаніе привычныхъ колоколовъ. Но, когда сталъ приближаться праздникъ Пасхи; когда народу было сказано, что для Рима Христосъ не воскреснетъ, и гробница апостоловъ останется закрытой, тогда эти добрые католики-квириты возстали противъ своего собственнаго сената. Предводимые своими священниками, они вторглись двадцать третьяго марта на Капитолій и потребовали отъ сената, чтобы онъ выхлопоталъ снятіе интердикта. ¹⁾ Собравшіеся отцы, испуганные этимъ движеніемъ въ городѣ, отправили въ великій четвергъ депутацію къ папѣ, и тотъ потребовалъ, чтобы сенатъ поклялся ему на евангеліи, что изгонитъ Арнольда и его приверженцевъ, если они не подчинятся папѣ. На такомъ условіи Адріанъ соглашался снять интердиктъ. Такъ какъ на Капитоліи не засѣдали уже друзья Арнольда, то запуганное собраніе дало требуемую папою клятву. Таковъ былъ конецъ римской республики. Въ тотъ же день арнольдисты оставили городъ, такъ какъ они знали, что значило для нихъ подчиненіе этому папѣ. Въ то время, какъ проповѣдникъ реформы, преданный и оставленный, направлялся къ Кампаньи, позади него раздался звонъ пасхальныхъ колоколовъ, и при ликованіи квиритовъ, избавившихся отъ страха за свою душу, папа переѣхалъ въ великій четвергъ изъ храма св. Петра въ Латеранъ въ сопровожденіи кардиналовъ, епископовъ и необозримой толпы знати и горожанъ. Клятвопреступный же сенатъ, несмотря на это, все еще не отказывался отъ своей римской республики. Пока на его монетахъ съ одной стороны было изображеніе св. Петра, а съ другой надпись *senatus populusque Romanus*, ему думалось, что преем-

¹⁾ Ср. разсказъ кардинала Воазо у Ваттериха II, 324 и сл.

никъ св. Петра можетъ грозить своими молніями изъ Латерана міру и поучать римлянъ въ церквахъ, сенаторы же и народные трибуны, не взирая на то, могутъ произносить на Капитоліи сильныя рѣчи противъ Катилины и Верреса точно такъ же, какъ снигирь поетъ въ клѣткѣ: „мы ведемъ свободную жизнь“. Адрианъ же только выжидалъ прибытія нѣмецкаго короля, чтобы заставить своихъ римлянъ пѣть совѣстѣмъ иныя пѣсни. Между тѣмъ Арнольдъ продолжалъ свое бѣгство къ сѣверу ¹⁾. Его приверженцы разбѣжались, народъ отъ него отвернулся, сенатъ пожертвовалъ имъ, несмотря на принесенную клятву въ товариществѣ. Судя по направленію, которое онъ выбралъ при своемъ бѣгствѣ, возможно, что онъ хотѣлъ направиться къ Фридриху, чтобы искать его защиты. Такимъ образомъ онъ достигъ Брикюлы въ долину Орчіи. Въ этомъ мѣстѣ находился пріютъ камальдуленскихъ монаховъ, а по сосѣдству были земли, принадлежащія фамиліи Висконти ди Кампаньятико ²⁾. Но прежде, чѣмъ Арнольдъ достигъ одного изъ этихъ убѣжищъ, онъ попалъ въ руки своего земляка изъ Брешии, кардинала Оддо, и этотъ служитель курии хотѣлъ отправить его въ Римъ. Тогда вмѣшались въ дѣло его друзья. Сосѣдніе Висконти ди Кампаньятико освободили его силою и перевезли въ одно изъ своихъ имѣній. Свою власть надъ умами Арнольдъ проявилъ даже и въ этомъ отчаянномъ положеніи. Біографъ Адриана Бозо свидѣтельствуетъ, что эти господа „почитали его въ своихъ имѣніяхъ какъ пророка“. Итакъ, казалось, онъ нашелъ еще разъ вѣрное убѣжище, когда закованная въ желѣзо конница Фридриха появилась въ долину Орчіи. Повидимому, бѣглець не дѣлалъ попытки прибѣгнуть къ милости нѣмецкаго государя, по крайней мѣрѣ намъ ничего о томъ неизвѣстно. Онъ укрылся у своихъ рыцарскихъ хозяевъ, какъ Гуссъ въ крѣпости Козиградекъ на Таборѣ или Лютеръ въ Вартбургѣ. Такъ какъ въ то же самое время новый король Сициліи вторгся въ церковную область, опустошая ее огнемъ и мечомъ, то Адриану IV нужно было побудить нѣмцевъ къ болѣе быстрому походу, однако онъ не потерялъ при этомъ изъ виду бѣглеца и пророка. Удивительно для насъ то, что и теперь, когда совершенно закатилась звѣзда Арнольда, ближайшіе окружающіе почитали его совершенно такъ же, какъ раньше, въ дни его славы. „Почитаемый какъ пророкъ“, живетъ онъ въ своемъ убѣжищѣ. Арнольдъ не принадлежалъ къ тѣмъ реформаторамъ, вѣру въ которыхъ сохраняютъ только тогда, когда не осмѣливаются пере-

1) Кардиналъ Бозо въ *vita Hadr. IV, Vattherich II*, 326.

2) Относительно мѣстностей ср. *Odorigi, storie Bresciane IV*, 281.

понятнымъ, чтобы схизматикъ, много разъ осужденный, и врагъ ихъ собственной свѣтской власти былъ выданъ безъ суда папѣ, подданнымъ котораго онъ даже не былъ. Способъ, которымъ былъ схваченъ Арнольдъ, вполне соответствовала сему недостойному королю поступку. Фридрихъ велѣлъ схватить одного изъ сосѣднихъ Висконти, и тотъ, чтобы освободиться самому, выдалъ гостя своего дома Фридриху и кардиналамъ. Съ этимъ первымъ важнымъ подаркомъ вернулись посланные къ Адриану, который тѣмъ временемъ все еще полный недовѣрія оставался въ крѣпости Чивита-Кастеллана. При такомъ доказательствѣ услужливости Фридриха онъ не могъ болѣе сомнѣваться въ его добрыхъ намѣреніяхъ. То, чего тщетно добивался Евгений III, на чемъ настаивалъ святой Вернаръ въ страстныхъ письмахъ, чего постоянно требовала курія отъ сената, наконецъ осуществилось; волкъ, скорпіонъ, лжепророкъ, щитonosецъ Голиаза, пособникъ сатаны, Арнольдъ, котораго Брешиа извергла, Римъ отвергъ, Франція изгнала, Германія гнушается, онъ наконецъ въ рукахъ папы! Городской префектъ Петръ находился въ свитѣ Адриана, и плѣнникъ перешелъ подъ его надзоръ. „Схваченный въ области Тусціи и подлежащій суду государя“ ¹⁾, какъ выражается Оттонъ Фрейзингскій, „Арнольдъ однако былъ переданъ папскому префекту“. Возможно, что, прежде чѣмъ императоръ предложилъ въ распоряженіе свой свѣтскій мечъ, Арнольдъ долженъ былъ быть осужденъ судомъ духовнымъ какъ схизматикъ и еретикъ, потому что государь церковной области не имѣлъ никакихъ верховныхъ правъ надъ гражданиномъ Брешии, но отчетъ о дѣлѣ и самый процессъ очень неясны, несомнѣнно только, что это дѣло должно было убѣдить курію въ доброй волѣ Фридриха. Нѣмецкіе епископы принесли папѣ въ жертву человека, который могъ раскрыть сердца и ворота римскія чередъ Гогенштауфеномъ. Теперь должно было обнаружиться, какъ выразить папа свою благодарность за это.

7-го іюня папа и кардиналы, все еще полные недовѣрія къ намѣреніямъ Фридриха, отправились въ королевскій лагерь въ Неви, гдѣ папу встрѣтилъ архіепископъ кельнскій и другіе князья, чтобы сопровождать его до палатки короля. Но тотчасъ же этотъ высококомѣрный англичанинъ, возсѣвшій на папскій престолъ, воспылалъ гнѣвомъ, такъ какъ онъ ожидалъ, что король самъ встрѣтитъ его, поведетъ его иноходца за поводъ и поддержитъ его стремя, когда онъ будетъ сходить съ лошади. Раздраженнымъ сошелъ съ

Флоренція передъ Фридрихомъ I 4-го іюня 1155 г. in campo juxta castellum Tintianum supra fluvium qui vocatur Orcia. Regesta episcop. Constant. ed. Ladewig, p. 106.

¹⁾ Principis examini reservatus est.

коня этотъ священнослужитель и сѣлъ на приготовленный для него тронъ. Король преклонилъ колѣни, поцѣловалъ его папскую туфлю и ждалъ телеръ братскаго цѣлованія. Въмѣсто того папа осыпалъ его упреками за то, что онъ не держалъ, какъ его предшественники, стремени для святого Петра. Сынъ священника, изъ нищаго ставшій папою, разумѣется, ни въ чемъ не могъ поступиться правами своего сана, но, почему Фридрихъ, поцѣловавшій папѣ ногу, увидѣлъ что-то унизительное въ держаніи стремени, это съ нашей точки зрѣнія объяснить трудно. Съ большимъ упорствомъ оспаривалъ Фридрихъ, что нѣмецкіе короли должны были нести такую маршалъскую обязанность, тогда какъ Брекспиръ настаивалъ на томъ, что онъ называлъ своимъ правомъ. Весь этотъ и слѣдующій день прошли въ обсужденіи этого вопроса тою и другою стороною при тщательномъ взвѣшываніи прецедентовъ. Нѣкоторымъ кардиналамъ настойчивость короля показалась такимъ опаснымъ признакомъ, что они тайно оставили лагерь и вернулись въ Римъ. Нѣмецкіе же князья боялись, что въ концѣ концовъ имъ придется брать штурмомъ высокія римскія стѣны изъ-за дѣла, не стоящаго и одной человѣческой жизни; епископы же радостно встрѣтили бы признаніе подчиненности свѣтской власти, однимъ словомъ, Фридрихъ общалъ искулять свое упушеніе.

На слѣдующій день всѣ расположились лагеремъ у озера Янула около Монте-Рози. Тамъ Фридрихъ выѣхалъ навстрѣчу папѣ, сошелъ съ лошади, на глазахъ всѣхъ своихъ рыцарей повелъ подъ узцы папскаго иноходца и держалъ стремя, когда папа сходилъ съ коня. За это онъ получилъ братское цѣлованіе и благословеніе папы. Гельмольдъ въ своей хроникѣ славянъ ¹⁾ рассказываетъ иначе это происшествіе. По его словамъ, Фридрихъ при первой же встрѣчѣ взялся за папское стремя, но Адрианъ, недовольный этимъ, сказалъ епископу бамбергскому, говорившему ему привѣтствіе: „То, что ты говоришь, пустыя слова. Твой государь не только не хотѣлъ оказать надлежащей чести святому Петру, но совершенно обезчестилъ его: онъ долженъ держать святому Петру правое стремя, а онъ держитъ лѣвое“. Послѣ чего послѣдовала сильная ссора, пока Фридрихъ не оказалъ папѣ должной чести, подержавъ ему также и правое стремя. Самъ Гельмольдъ рассказываетъ это совершенно серьезно, и въ нѣкоторыхъ частностяхъ его рассказъ имѣетъ преимущество передъ рассказомъ Оттона; хотя бы даже эта подробность была провинческимъ преувеличеніемъ, она доказываетъ, что

¹⁾ Helmold, Chron. Slav. I, 80.

не у всѣхъ авторитетъ папства выросъ отъ высокоумія, выказаннаго представителями его. На этотъ моментъ притязанія Адріана во всякомъ случаѣ были вполне удовлетворены. „Послѣ того“, рассказываетъ Оттонъ Фрейзингскій ¹⁾, предпочитая умолчать о сценѣ со стремелемъ, „правители міра соединились со своими свитами и нѣсколько дней продолжали путь вмѣстѣ; между ними, какъ между духовнымъ отцомъ и сыномъ, велись ласковые разговоры, и, когда эти два двора государевыхъ составили какъ бы одно государство, немедленно было приступлено къ обсужденію церковныхъ и свѣтскихъ вопросовъ одновременно“. Къ послѣднимъ прежде всего относилось возстановленіе папской власти въ противовѣсъ все еще непокорному сенату. Сенатъ же теперь со своей стороны далъ благопріятный поводъ нѣмецкому королю оказать папѣ большую услугу въ ущербъ самому сенату. Какъ папа связывалъ большія требованія съ коронованіемъ въ базиликѣ св. Петра, такъ и сенату думалось, что въѣздъ Фридриха въ Римъ онъ можетъ поставить въ зависимость отъ признанія своей власти. Къириты забывали только одно, что отлученіе папою Фридриха отъ церкви лишитъ его половины его приверженцевъ, тогда какъ ихъ власть ни на одинъ день не можетъ лишитъ короля его власти. Съ чисто италіанскою любовью къ пышнымъ и звонкимъ словамъ выступилъ представитель ихъ посольства передъ королемъ и думалъ занять нѣмецкій дворъ на нѣсколько часовъ своею прекрасно подготовленною рѣчью, тѣмъ болѣе, что онъ началъ ее отъ имени посылающаго благословеніе владыки земного шара. „Римъ“, говорилъ онъ ²⁾, „дастъ императорскую корону нѣмецкому королю, чтобы онъ вернулъ прежнія времена, когда Римъ царилъ надо всѣми странами и островами“. Онъ говоритъ Фридриху: „Ты былъ гостемъ, я дѣлаю тебя гражданиномъ. Ты былъ чужестранцемъ изъ за-альпійской страны, я ставлю тебя государемъ. Что по праву мое, я передаю тебѣ“. Въ такомъ духѣ продолжалъ онъ съ чисто италіанскою напыщенностью свою трескучую быструю рѣчь. Но вскорѣ Фридрихъ—*indignatione inflammatu8*—выказалъ себя тѣмъ грубымъ Исавомъ и *homo silvester*, какъ нѣкогда называлъ его въ письмѣ Вецель. Терпѣніе его истощилось, и онъ прервалъ пріятнаго оратора, выразивъ сожалѣніе, что не нашелъ и слѣда хваленной мудрости древняго Рима въ рѣчи самого посла. Въ разсказѣ Оттона нѣмецкій король, который не владѣлъ ни латинскимъ, ни италіанскимъ языкомъ, отвѣчалъ римскому послу еще болѣе длинной рѣчью, что римская имперія отнюдь

¹⁾ Mon. Germ. XX, 404.

²⁾ У Оттона Фрейзингскаго, Mon. Germ. XX, 404 и сл.

не по милости римлянъ перешла къ нѣмецкой націи. Но, такъ какъ Оттонъ влагаетъ въ уста короля совершенно такую же напыщенную рѣчь, какъ и послу сената, то по всей вѣроятности обѣ эти рѣчи сочинены имъ самимъ, хотя въ общемъ точка зрѣнія римлянина и германца должно быть передана вѣрно. Гельмольдъ въ своей хроникѣ славянъ ¹⁾ рассказываетъ, будто римляне требовали, чтобы въѣздъ Барбароссы въ Римъ состоялся въ формѣ античнаго триумфальнаго въѣзда, и требовали дани въ 15,000 фунтовъ, а на возведеніе въ императорскій санъ смотрѣли, какъ на право сената, представителя Рима, главы земного шара и матери государства. Утвержденіе старыхъ обычаевъ и привилегій и подарковъ квиритамъ, которые, по словамъ Оттона Фрейзингскаго, требовали впрочемъ всего только пять тысячъ фунтовъ, согласовались съ прежними обычаями, но Фридрихъ не желалъ ни покупать своей короны, ни приносить присягу народу и съ гнѣвомъ отослалъ пословъ ²⁾. Пала же послѣшилъ еще болѣе настроить чужого государя противъ своего собственнаго города и подлить масла въ огонь, пользуясь его гнѣвомъ: „Лукавство римской черни, сынъ мой, тебѣ придется узнать еще ближе“, говорилъ онъ. „Ты узнаешь именно, что они съ хитростей начинаютъ и хитростью кончаютъ“. И онъ предложилъ теперь съ своей стороны открыть такъ называемый городъ Льва нѣмцамъ. Такъ посланные сената вернулись обратно оскорбленные и раздраженные къ своимъ, которые принялись въ безконечныхъ дебатахъ на Капитоліи обсуждать, какъ помѣшанъ злу. Но, пока тамъ говорили, уже въ ночь на семнадцатое іюня пятнадцать тысячъ латниковъ были введены въ укрѣпленія около храма св. Петра и расположились лагеремъ въ притворѣ и на ступеняхъ базилики. На слѣдующее утро войско спустилось съ Монте-Маріо, вступило черезъ золотыя ворота въ городъ Льва, и не въ воскресенье, какъ ожидали римляне, но тотчасъ же, въ шабашъ іудейскій было начато коронованіе. Сенатъ созвалъ на Капитоліи большое народное собраніе, и туда явился посланный объявить, что нѣмецкій король, помимо народа и сената и безъ обычной денежной раздачи квиритамъ, уже коронованъ папою англичаниномъ. Тотчасъ же вспыхнулъ въ городѣ полный мятежъ. Мостъ у храма св. Петра былъ взятъ штурмомъ, и по всему городу Льва рассыпались мятеж-

¹⁾ Helmold. Chron. Slav. I, 79.

²⁾ Imperium emere nolimus et sacramenta vulgo praestare non debuimus, говоритъ Фридрихъ въ своемъ письмѣ къ Оттону Фрейзингскому. Mon. Germ. XX, 348.

ники, пока возвращавшіеся нѣмецкіе князья оружіемъ невозстановили порядка. Такъ день коронаванія закончился ужасной рѣзней, было убито около тысячи человекъ, тогда какъ нѣмцы потеряли только двухъ. Особенно безжалостно преслѣдовалъ мятежниковъ приверженецъ папы Генрихъ Левъ, и нѣмецъ епископъ фрейзингскій, съ нехристіанскою радостью рассказывая объ этой жестокости, говоритъ, что вмѣсто арабскаго золота римляне получили нѣмецкое желѣзо. *Sic emitur a Francis imperium!*

Послѣ этого печальнаго коронаванія императоръ и папа оставили городъ, упорство котораго они не могли сломить, и который слалъ имъ вслѣдъ свои проклятія. Мы теперь быть можетъ спросимъ себя, если бы Барбаросса самъ возложилъ на свою голову корону, предлагаемую ему сенатомъ, при ликованіи квиритовъ, развѣ это коронаваніе было бы менѣе достойно Фридриха? Но тогдашнихъ нѣмцевъ напротивъ преисполняло гордостью то, что весь обрядъ, весь *ordo Romanus ad benedicendum imperatorem*, quando согопат ассиріт, былъ совершенъ надъ Фридрихомъ ¹⁾. Скромно уступаетъ Барбаросса первое мѣсто папѣ во время церемоніи. Передъ серебряными воротами базилики его привѣтствовалъ молитвою одинъ епископъ и передалъ его другому въ церкви, тотъ еще разъ благословилъ его и передалъ его для исповѣди третьему, который съ новой молитвой помазалъ ему чело и грудь; послѣ того папа, совершивъ мессу, опоясалъ его „мечомъ взятымъ съ мощей святаго Петра“, а затѣмъ уже возложилъ наконецъ ему на голову корону. Каждымъ своимъ актомъ этотъ ритуаль нарочито подчеркиваетъ ученіе, что одинъ только папа можетъ дать императору мечъ св. Петра. Но Барбаросса не выказалъ при этомъ ни малѣйшаго неудовольствія и на второй день праздника показался народу въ Тибурѣ въ своей новой коронѣ.

Но въ этомъ же самомъ Тибурѣ пришлось Фридриху узнать, что Арнольдъ вовсе не былъ лжепророкомъ, когда онъ писалъ нѣмецкому королю, что города церковной области съ радостью пережѣнили бы правленіе папы на правленіе Фридриха. Даже теперь, послѣ того какъ нѣмцы пролили потоки крови, граждане Тибура предстали передъ императоромъ и просили его принять верховную власть надъ ихъ городомъ, такъ какъ и здѣсь папское правленіе стало невыносимымъ. Фридрихъ, отвергшій господство надъ Римомъ, конечно отклонилъ отъ себя господство и надъ Тибуромъ и увѣщевалъ гражданъ пребывать въ послушаніи святому Петру.

¹⁾ Описаніе этого *ordo* у Ваттериха 2, 328. Фридрихъ хвалитъ въ своемъ письмѣ къ Оттону Фрейзингскому, что Адрианъ *benedictionem* *in argenteo* *super caput nostrum effudit.*

Еще передъ своимъ отъѣздомъ изъ Рима Фридрихъ, какъ мы узнаемъ отъ кардинала Бозо ¹⁾, передалъ по просьбѣ папы арестованныхъ въ Римѣ городскому префекту для произнесенія окончательнаго приговора. Онъ не потребовалъ также и Арнольда, хотя послѣдній по выдачѣ его Висконти подлежалъ суду императора. Папскій же префектъ поспѣшилъ покончить съ этимъ опаснымъ слизматикомъ, который уже не разъ раньше выпутывался изъ столь же отчаяннаго положенія ²⁾.

Мы имѣемъ только одно болѣе подробное описаніе мученической смерти Арнольда, именно въ поэтическомъ произведеніи того поэта изъ Бергамо, который рассказываетъ о борьбѣ Фридриха съ Миланомъ ³⁾. Поэтъ, описы-

1) Vita Hadr. Ваттерихъ 2, 330. Ср. также рассказъ Винцентія Пражскаго, Mon. Germ. XVII, 665: „Остальные были схвачены и въ числѣ трехъ сотъ приведены къ императору. Онъ передалъ ихъ господину Петру, префекту города Рима, который былъ его вѣрнымъ приверженцемъ, вслѣдствіе чего римляне разрушили его дома въ Римѣ и другіе замки. За это префектъ приказалъ повѣсить нѣкоторыхъ изъ нихъ, съ другихъ же получили большую денежную сумму“.

2) Поэтъ изъ Бергамо думаетъ, что казнь была совершена только послѣ коронованія и возстанія римлянъ, то же говорятъ и многочи сленныя лѣтописи. Ср. Брейеръ указ. соч. 175.

3) Gesta di Federico I in Italia, изданныя Ernesto Monaci по одному манускрипту Ватиканской библиотеки, Roma, 1887. Istituto Storico Italiano. Cod. Vat. Ottob. 1463. c. c. 81—105.

Tunc Arnaldus eis erat in regionibus ille
Brixia quem genuit coluit nimiumque secuta est.
Vir nimis austerus dureque per omnia vite,
In victu modicus, sed verbi prodigus, et qui
Ultra oportunum saperet; facundus et audax
Confidensque sui, vir multe litterature,
Cuius doctrinam breviter finemque notare
Esse reor dignum, nam multos nosse iuvabit.
Iste sacerdotes pariter populosque minores
Carpebat, dampnans; se solum vivere recte;
Ast allos errare putans, nisi qui voluissent
Ejus dogma sequi, summi quoque praesulis acta
Mordebat graviter, parcebat denique nulli,
Veraque miscebat falsis multisque placebat.
Pro decimis laicos dampnabat quippe retentis,
Usuras raptusque omnes et turpia lucra,
Bella simultates luxus periuria cedes
Furta dolos turpesque thoros, carnalia cuncta,

вающій осаду Милана въ 1158 г. какъ очевидецъ, слѣдовательно, принадлежавшій къ современникамъ Арнольда, хотя и не къ приверженцамъ его, рассказываетъ дѣло такъ, что, когда Арнольда спросили передъ казнью: оставляетъ ли онъ свое лжеученіе и признаетъ ли свои грѣхи, онъ отвѣтилъ: свое ученіе онъ считаетъ спасительнымъ и за свои проповѣди, которыя не были ни неразумны, ни вредны, онъ умретъ охотно, только просить небольшой отсрочки, чтобы принести покаяніе въ своихъ грѣхахъ передъ Христомъ. Послѣ того онъ преклонилъ колѣни, поднялъ глаза и

Ut Scriptura docet, vite referebat obesse.
Nullum palpabat vitium; resecans languencia membra,
Ut fatuus medicus, cum levis sana trahebat.
Namque sacerdotes reprobos Simonisque sequaces,
Eius qui precio voluit divina tenere,
Omnes censebat; vix paucos excipiebat,
Nec debere illis populum delicta fateri,
Set, magis alterutrum, nec eorum sumere sacra.
Enormes penitus monachos dicebat, et ipsos
Non monachos vero jam nomine posse vocari.
Pontifices rebus magnos inhiare caducis
Et pro terrenis celestia spernere; causas
Nocte, die, precio sumpto, trutinare forenses
Officiumque alii postponere pontificatus.
Pro quo dampnandos censebat morte perhenni;
Unoquòque homines vitiatos ordine cunctos
Firmabat, nec amare Deum nec amare propinquum.
Heu mala Romana presertim sede vigere,
Iusticie precium jam Rome prevaluisse
Atque locum juris Rome precium obtinuisse,
A capite in corpus vitium fluxisse malignum
Cunctaque membra sequi precium munusque benignum,
Omnia cum precio fieri divinaque vendi,
Quod precio careat despectum prorsus haberi.
Hoc erat Arnaldi famosi dogma magistri,
Quod multis hominum sola novitate placebat;
Hoc Europa quidem fuerat jam dogmate plena,
Hoc prius in patria fructus collegit acerbos,
Doctrinamque tui luxisti, Brixia, civis;
Hoc etiam magnum turbavit Mediolanum
Necnon Romanam facilem nova credere plebem,
Hoc ubicumque fuit commovit sedicionem:
Decipiebat enim populum sub imagine veri.

руки къ небу и вздохнулъ глубоко. Безъ словъ поручилъ онъ Господу душу и послѣ небольшого промедленія отдалъ палачамъ свое тѣло, готовый къ смерти и готовый стойко вынести казнь. Безъ слезъ палачи не могли исполнить своей печальной обязанности. Когда веревка положила конецъ его жизни, тѣло его было снято съ висѣлицы и сожжено, а пепель брошенъ въ Тибръ, чтобы останки пророка не почитались какъ реликвіи. Такимъ образомъ сами извѣстія противниковъ его показываютъ, что и теперь еще простой народъ видѣлъ въ Арнольдѣ святого и пророка, останки котораго почитались бы римлянами какъ святыня. Новѣйшіе писатели указывали

Hunc voluit, set non valuit, convertere summus
Pastor apostolicus dictis monuitque benignis
Sepius errorem vel dogma relinquere pravum.
Ille tamen verbis nunquam cessavit amaris
Sugillare patrem nec pravum dogma reliquit.
Cumque in deterius monitus jam sepius iret
Gauderetque suam per mundum crescere famam,
Papa, dolens populum vitiari dogmate falso
Et cupiens aliqua morbo ratione mederi,
De gremio matris, reputans anathemate dignum,
Expulit ecclesie doctorem scisma docentem,
Et gladio medicus secuit languentia doctus
Membra, volens reliquum corpus retinere salutem.
Set nec sic pravi cohibetur lingua magistri
Quin serat errorem solitum, quin dente maligno
Mordeat ecclesiam Romanam durius atque
Quin doceat populum domino contraria pape.
Hic igitur regi delatus nunc Frederico,
Iudice prefecto Romano, vincitur; illum
Namque jubet rector causam discernere notam,
Dampnaturque suo doctor pro dogmate doctus.
Set cum supplicium sibi cerneret ipse parari
Et laqueo collum fato properante ligari,
Quesitus pravum si dogma relinquere vellet
Atque suas culpas sapientum more fateri;
Intrepidus fidensque sui, mirabile dictu,
Respondit proprium sibi dogma salubre videri
Nec dubitare necem propter sua dicta subire,
In quibus absurdum nil esset nilque nocivum,
Orandique moram petiit pro tempore parvam
Nam Christo culpas dicit se velle fateri.
Tunc, genibus flexis, oculis manibusque levatis

и мѣсто казни, именно *Porta del popolo* въ Римѣ ¹⁾). Съ неприличною поспѣшностью торопится префектъ повѣсить Арнольда, а затѣмъ сжечь, чтобы не дать времени его приверженцамъ освободить его. Но вниманіе послѣднихъ было привлечено дымомъ отъ костра, они поспѣшили съ оружіемъ, но нашли лишь выжженное мѣсто, указывающее, гдѣ былъ костеръ. Однако первыя извѣстія не указываютъ ни мѣста, ни времени казни, а *Porta del popolo* тогда вовсе не находились въ рукахъ папы. Да и едва ли казнь была совершена въ Римѣ, гдѣ партія Арнольда какъ разъ тогда опять взялась за оружіе. Безпрятствениѣ казнь могла быть совершена въ Чивита-Кастеллана, гдѣ принялъ узника префектъ; пепель же и тамъ, какъ въ Римѣ, могъ быть выброшенъ въ Тибръ. Герхо, пріоръ изъ Рейхерсберга († 1169 г.), знаетъ преданіе, которое отвѣтственность въ смерти Арнольда сваливаетъ съ папы на префекта Петра ²⁾). Раздраженный тѣмъ убыткомъ, который причинила ему революціонная партія, онъ, какъ говорятъ, безъ вѣдома и приказанія папы отнялъ схваченнаго вожака народа у стражи и приказалъ своимъ

Ad celum, gemuit, suspirans pectore ab imo,
Et sine voce Deum celestem mente rogavit,
Ipsi commendans animam; paulumque moratus,
Tradit ad interitum corpus, tolerare paratus
Constanter penam; lacrimas fudere videntes,
Lictores eciam moti pietate parumper.
Tandem suspensus laqueo retinente pependit.
Set doluisse datur super hoc rex sero misertus.
Docte quid Arnalde profecit litteratura
Tanta tibi? quid tot jejunia totque labores?
Vita quid arta nimis, que semper segnia sprevit
Otia, nec ullis voluit carnalibus uti?
Heu quid in ecclesiam mordacem vertere dentem
Suasit? ut ad tristem laqueum, miserande, venires!
Ecce tuum pro quo penam, dampnate, tulisti,
Dogma perit, nec erit tua mox doctrina superstes!
Arsit, et in tenuem tecum est resoluta favillam,
Ne cui reliquie superent fortasse colende.

Не безъ основанія замѣчаетъ однако Брейеръ, что это описаніе смерти Арнольда собственно произведение фантазіи поэта, потому что и онъ точно такъ же, какъ и остальные свидѣтели, ничего не знаетъ о мѣстѣ мученической смерти Арнольда.

1) Сисмонди, Лео, Раумеръ и драматургъ Никколини.

2) Gerhohus, De investigt. Antichr. ed. Scheibelberger. Cap. 42, p. 88.

слугамъ убить его; они же помимо того въ дикомъ неистовствѣ сожгли трупъ Арнольда. На самомъ дѣлѣ сохранилась грамота, въ которой Адрианъ IV вознаграждаетъ префекта Петра за убытки, причиненные римлянами его семьѣ во время войны, отдавая ему въ залогъ доходы съ Чивитъ-Кастеллана ¹⁾; но самъ Герхо смотритъ на вышеприведенный рассказъ какъ на уловку папскихъ приверженцевъ ²⁾, а потому какъ можемъ мы вѣрить этому рассказу, когда очевидно, что пророкъ палъ жертвою союза между Иродомъ и Каиафою! Тотъ фактъ, что были пущены въ ходъ подобные слухи, указываетъ конечно, что и въ Германіи участь Арнольда возбудила сожалѣніе. Говоритъ же Герхо прямо, что лучше было бы наказать Арнольда изгнаніемъ, заточеніемъ или инымъ какимъ-нибудь образомъ, но только не смертью. Онъ крайне сожалѣетъ, что церковь запятнала себя его кровью, а тѣмъ болѣе онъ не одобряетъ поступка съ тѣломъ Арнольда. Скорѣе папа долженъ былъ бы поступить въ этомъ случаѣ, „какъ нѣкогда Давидъ, заблудившись о погребеніи съ честью Абнера, и проливавшій слезы, чтобы удалить отъ своего дома и своего рода вину въ измѣннически пролитой крови“ ³⁾. Самъ Оттонъ Фрейзингскій, злѣйшій врагъ Арнольда, подтверждаетъ противъ своей воли, какимъ почитаніемъ пользовался все еще пророкъ брешіанскій у римлянъ. Такъ какъ, рассказываетъ онъ, справедливо и согласно съ канонамъ произнесенный приговоръ пастыря надъ Арнольдомъ былъ имъ пренебреженъ, то его повели на висѣлицу, а когда тѣло его было сожжено и превратилось въ пепель, то пепель былъ брошенъ въ Тибръ, чтобы для глупаго народа его трупъ не сталъ предметомъ поклоненія. Слѣдовательно, глупый народъ и теперь также видѣлъ святого въ „подстрекателѣ и пустомелѣ“, какъ называетъ его Оттонъ ⁴⁾. Точно

1) У Gregoroviusa, Исторія города Рима IV, 509.

2) Nam si ut ajunt absque eorum scientia et consensu occisus est etc.

3) De investigatione Antichristi, с. 42. указ. мѣсто.

4) Оттонъ Фрейзингскій лишь съ пошлой насмѣшкой относится къ арнольдовскимъ аскетическимъ планамъ реформы. Для него пророкъ Брешіанскій былъ новаторомъ, чудакомъ и краснобаемъ, управлявшимъ чернью не столько благодаря глубокимъ мыслямъ, сколько красивымъ словамъ. Ver quidem naturae non hebetis, plus tamen illorum verborum profluvio quam sententiarum pondere copiosus. Singularitatis amator, novitatis cupidus, cujusmodi hominum ingenia ad fabricandas haereses scismatumque perturbationes sunt prona. Mon. Germ. XX, 403. Поистинѣ фанатическій взрывъ ликованія по поводу печальной смерти Арнольда мы видимъ въ латинскомъ стихотвореніи одного ученика святого Бернара,

такъ же и поэтъ изъ Вергамо, который близко стоялъ къ архіепископу Райнольдѣ, канцлеру Барбароссы, не могъ не воспѣть въ тонѣ легенды мученическую смерть Арнольда. Ни у одного изъ духовныхъ писателей, осуждавшихъ его, совѣсть не чиста; это доказываетъ ихъ неясный и отрывочный рассказъ, у кардинала Восо дѣло заходитъ такъ далеко, что, хотя онъ подробно рассказываетъ, какъ былъ схваченъ Арнольдъ, но казнь его обходитъ молчаніемъ. Императоръ тоже сыгралъ некрасивую роль въ этой кончинѣ Арнольда, а вскорѣ Фридриху пришлось узнать, какъ мало бываетъ благодарна курія за услугу, на которую она смотритъ какъ на обязанность и долгъ свѣтской власти. Пожертвовавъ папѣ Арнольдомъ и свободою римлянъ, Фридрихъ долженъ былъ потомъ вести двадцатилѣтнюю борьбу съ церковью. На сеймѣ въ Безансонѣ въ 1157 г., когда папскій канцлеръ Роландъ въ присутствіи всѣхъ вельможъ обращался съ гордымъ Барбароссой какъ съ братомъ кардиналовъ и лениникомъ папы, началась борьба и закончилась только Венеціанскимъ миромъ въ 1177 году, когда императоръ у того же самого Роланда, но называвшагося теперь Александромъ III, въ церкви св. Марка колѣнопреклоненный поцѣловалъ туфлю. Такъ безславно закончился этотъ періодъ жизни Барбароссы, столь чтимаго и столь славнаго побѣдами. Вспоминалъ ли онъ

приложенномъ къ копіи письма Бернара къ Иннокентію II объ Абельярѣ и Арнольдѣ; сообщено Брейеромъ указ. соч. стр. 176:

Arnoldus periit, cujus quia perdita vita,
Mens mala, prava fides, mors quoque fida fuit.
Papa pater patrum, lux legis, semita juris,
Scismaticum reprobat, quem revocare nequit.
Rex damnat, lictor celo terraeque perosum
Inter utrumque levat hunc in utroque reum.
Ne tamē inficiat corruptio corporis auras,
In subitos cineres igne crematus abit,
Quos Tiberis magnae reverenter destinat urbi,
Corpore conciliat sic elementa suo.
Exitus iste manet, quicumque fidem violarit,
Quam petra commisit, Petre beate, tibi.

Mangeart, Catalogue des manuscrits de
la bibliothèque de Valenciennes.
Paris 1860.

Кромѣ Герхо, который отдалъ должное „zelo forte bono“ Арнольда, Вальтеръ Мапъ также смотрѣлъ на мученика Арнольда, какъ на жертву кардиналовъ, раздраженныхъ его рѣчами полными порицанія. De pugis

иногда за время этой двадцатилѣтней борьбы того гражданина Брешии, который умеръ за ученіе, что церковь должна ограничиться своими духовными задачами, если она хочетъ приносить миръ, а не мечъ? Дѣйствительно, именно поэтъ изъ Бергамо приписываетъ ему слишкомъ позднее сожалѣніе — „sego misertus“. И однако образъ дѣйствій Фридриха едва ли былъ только излишнею поспѣшностью, а скорѣе неизбежнымъ результатомъ всей его политики. Опираясь на епископовъ, Гогенштауфены должны были вести борьбу съ Римомъ скрытымъ оружіемъ и оттолкнуть отъ себя своихъ лучшихъ друзей. То, что Грегоровіусъ совѣтуетъ Барбароссѣ: „желая искренно добра римской демократіи, поставить ее въ болѣе узкія рамки, но избавить отъ вліянія папы и подчинить государственной власти“¹⁾,—это, конечно, было бы очень мудрою политикою, если бы только нѣмецкіе епископы пожелали содѣйствовать Гогенштауфену; не говоря уже о томъ, что этотъ государь былъ не французомъ Филиппомъ Красивымъ, а швабомъ-крестоносцемъ Фридрихомъ Барбароссой. Только отдѣльные лица внѣ Рима серьезно взглянули въ то время на политическія мечтанія пророка изъ Брешии, и прошло еще не одно столѣтіе, прежде чѣмъ наступило для нихъ время. Его ошибка въ томъ, что онъ слишкомъ мало придавалъ значенія наличнымъ обстоятельствамъ и слишкомъ сильною представлялъ себѣ власть истины надъ умами, но эта ошибка обща ему со всѣми мучениками за идею.

стр. 1, 24. Лъстецы Фридриха I и Адриана IV пытаются оправдать преступленіе, совершенное надъ Арнольдомъ, и это едва ли не такъ же недостойно, какъ и то, какъ они помогали принести въ жертву этого пророка. Іоаннъ Салисберійскій не въ чемъ иному не можетъ упрекнуть покойнаго, кромѣ того, что онъ, какъ говорятъ (ut ajunt), былъ неуживчивъ и повсюду ссорилъ мірянъ и духовенство. Но осторожность, съ какою онъ выражается, показываетъ, что въ душѣ онъ смотрѣлъ на казнь схематика такъ же, какъ Герхо.

1) Исторія города Рима въ средніе вѣка 4, 511.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
ПРЕДИСЛОВІЕ	III

ПЬЕРЪ АБЕЛЯРЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Начало дѣятельности Абеяра.	1
ГЛАВА ВТОРАЯ. Абеяръ и Элоиза	22
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Монахъ монастыря Сень-Дени и соборъ въ Соассонѣ	37
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Параклетъ и Сень-Жильда .	77
ГЛАВА ПЯТАЯ. Аббатъ и аббатисса.	102
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Снова учитель и вновь лжеучитель.	141
ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Сенскій соборъ 1141 года .	178
ГЛАВА ВОСЬМАЯ. На склонѣ жизни.	225

АРНОЛЬДЪ ВРЕШІАНСКІЙ.

ПРЕДИСЛОВІЕ	244
ВВЕДЕНІЕ.	245
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Брешія.	249
ГЛАВА ВТОРАЯ. Арнольдъ во Франціи.	274
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Арнольдъ въ Цюрихѣ.	298
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Арнольдъ у кардинала Гвидо .	319
ГЛАВА ПЯТАЯ. Арнольдъ, народный трибунъ въ Римѣ.	326
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Арнольдъ и Барбаросса.	349

Другие книги нашего издательства:

URSS

Серия «Академия фундаментальных исследований: история»

Булаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык.

Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений.

Погодин А. Л. Краткий очерк истории славян.

Павинский А. И. Полабские славяне в борьбе с немцами: VIII—XII века.

Клеванов А. С. История Юго-Западной Руси от ее начала до половины XIV века.

Васильев А. О. Древнейшей истории северных славян до времен Рюрика.

Собестианский И. М. Круговая порука у славян по древним памятникам.

Рожков Н. А. Происхождение самодержавия в России.

Рожков Н. А. Обзор русской истории с социологической точки зрения: Киевская Русь.

Рожков Н. А. Город и деревня в русской истории.

Аристов Н. Я. Промышленность Древней Руси.

Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода.

Миславский Н. Поземельная община в России.

Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве.

Советов А. В. О системах земледелия.

Бестужев-Рюмин К. Н. О том, как росло Московское княжество и сделалось русским царством.

Лаппо-Данилевский А. С. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России.

Лаппо-Данилевский А. С. Собрание и свод законов Российской империи, составленные в царствование императрицы Екатерины II.

Каргалов В. В. Народ-богатырь: История военных нашествий на Русь. IV—XIV вв.

Каргалов В. В. Монголо-татарское нашествие на Русь: XIII век.

Каргалов В. В. Свержение монголо-татарского ига.

Каргалов В. В. Конец ордынского ига.

Беллев И. Д. История военного дела от воцарения Романовых до Петра Великого.

Беллев И. Д. Земские соборы на Руси: От Ивана Грозного до Екатерины Великой.

Карпов Г. Ф. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. В 2 кн.

Карпов Г. Ф. В защиту Богдана Хмельницкого.

Карпов Г. Ф. Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого.

Буцинский П. Н. О Богдане Хмельницком.

Ефименко А. Я. История Украины и ее народа.

Аксаков К. С. Из истории русской литературы и русского языка.

Минаев И. П. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории.

Кавелин К. Д. Основные начала русского судоустройства.

Леер Г. А. (ред.) Обзор войн России от Петра Великого до Наполеона.

Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры.

За кулисами царизма: Архив тибетского врача Бадмаева.

Лемке М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия.

Бозунарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов.

Бозунарский В. Я. Из прошлого русского общества: Избранные главы.

Лаэров П. Л. Развитие учения о мифических верованиях.

Рейснер М. А. Государство и верующая личность.

Немецкий историк и богослов. Родился в Карлсруэ. Образование получил в университетах Йены, Геттингена, Берлина и Гейдельберга. В 1861 г. стал приват-доцентом Гейдельбергского университета; с 1867 г. экстраординарный, а с 1872 г. — ординарный профессор.

По своим взглядам А. Гаусрат примыкал к так называемой Тюбингенской школе — направлению в немецкой протестантской теологии, развивавшемуся в университете Тюбингена; историки этой школы впервые попытались применить исторический подход к изучению Библии. В своих книгах «Апостол Павел» (1865), «История новозаветного времени» (Т. 1–3; 1868–1874) и «Иисус и новозаветные писатели» (Т. 1–2; 1908–1909) он развивал идеи основателя Тюбингенской школы Ф. Х. Баура о противоречиях между фракциями и их примирении внутри ранней церкви. Большую популярность имели ярко написанные им биографии (в том числе жизнеописание Мартина Лютера и известного философа, представителя Тюбингенской школы Д. Ф. Штрауса), а также исторические романы, изданные под псевдонимом Джордж Тейлор.

Наше издательство предлагает следующие книги:

10999 ID 156920

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете: <http://URSS.ru>

URSS НАШИ НОВЫЕ ТЕЛЕФОН / ФАКС +7 (499) 724-25-45
КООРДИНАТЫ (МНОГОКАНАЛЬНЫЙ) 117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56